

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА**

XXXII, 7

Серия основана в 1965 году

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН

СЫМА ЦЯНЬ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
(ШИ ЦЗИ)

Том VII

Перевод с китайского Р. В. Вяткина
Комментарий Р. В. Вяткина и А. Р. Вяткина
Предисловие Р. В. Вяткина

Москва
1996

ББК 63.3(5 Кит)
С95

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
! согласно проекту 95-06-18681

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

*О.Ф.Акимушкин (зам. председателя), С.С.Аревшатян,
Г.М.Бонгард-Левин (зам. председателя), В.Н.Горегляд, П.А.Грязневич,
Д.В.Деопик, И.М.Дьяконов (председатель), Дж.В.Каграманов, У.И.Каримов,
Е.И.Кычанов, Л.Н.Меньшиков, Е.П.Метревели, Э.Н.Темкин (отв. секретарь),
А.Б.Халидов, С.С.Цельникер, К.Н.Юзбашиян*

Ответственный редактор
А.М.Карапетьянци

Редактор издательства
В.Б.Меньшиков

Сыма Цянь
С95 Исторические записки: («Шицзи»): Т. VII. Пер. с
кит., предисл. Р.В.Вяткина, коммент. Р.В.Вяткина,
А.Р.Вяткина. — М.: Издательская фирма «Восточная
литература» РАН, 1996. — 464 с. (Памятники пись-
менности Востока, XXXII, 7).

ISBN 5-02-017826-8

Седьмой том «Исторических записок» продолжает перевод
труда древнекитайского историка Сыма Цяня (145—87 гг. до н.э.)
на русский язык. Том открывает 5-й и последний раздел памятни-
ка — «Ле чжуань» («Жизнеописания»). «Ле чжуань» включает в
себя 70 глав биографий более 300 наиболее ярких и значительных
фигур Древнего Китая. В книге 25 глав, персонажами которых
являются выдающиеся политические деятели, философы, полко-
водцы, поэты. Через драматические повороты личных судеб героев
Сыма Цянь сумел дать многомерную картину истории Китая в
VI—III вв. до н.э.

С $\frac{0506000000-13}{013(02)-96}$ 14-95/96

ББК 63.3(5 Кит)

ISBN 5-02-017826-8

© Р.В.Вяткин, перевод, предисловие,
комментарий, 1996
© А.Р.Вяткин, комментарий, 1996
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 1996

вышли в свет и готовятся к изданию книги серий

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

- 1, 2. Ким Бусик. Самгук саги (Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы). 1996.

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

- XXXII, 6. Сыма Цянь. Исторические записки ("Ши цзи") Т. VI. 1992.
- LXI. Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан ("Древняя история Курдистана"). Т. I. Перевод "Шараф-наме" Шараф хана Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). 1986.
- LXXXIII, 2. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 2. (Bibliotheca Buddhica. XXXIV). 1990.
- LXXVI. Бай юй цзин (Сутра ста пригч). 1986.
- LXXVII. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. 1988.
- LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Папака. 1987.
- LXXIX. Мебде-и капун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). 1987.
- LXXX. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). 1987.
- LXXXI, 1-4. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149-1169). Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е.И.Кычанова. В 4-х кн. 1987-1989.
- LXXXII. Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Сань-цзан цюй цзин шихуа). 1987.
- LXXXIII. 'Аджа'иб ад-дунья (Чудеса мира). 1993.
- LXXXIV. 'Али ибн Мухаммад ибн' Абдаллах ал-Фахри. Китаб талхис ал-байан фи энкр фирак ахл ал-адьян (Краткое разъяснение к перечню последователей разных вер). 1988.
- LXXXV. Аннамбхатта. Тарка-санграха ("Свод умозрений") и Тарка-дипика ("Разъяснение к своду умозрений"). 1988.
- LXXXVI. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). (Bibliotheca Buddhica. XXXV). 1990.
- LXXXVII. Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. 1990.
- LXXXVIII. Вопросы Милинды (Милиндапанья). (Bibliotheca Buddhica. XXXVI). 1989.

- LXXXIX. Дзэами Мотокиё. Предание о цветке стиля (Фуси кадэн), или Предание о цветке (Кадэнсё). 1989.
- XC. История Чойджид-дагини. (Bibliotheca Buddhica. XXVII). 1990
- XCI. Махабхарата. Т. VIII. Карнапарва (Книга о Карне). 1990.
- XCII. Мах Шараф-ханум Курдистани. Хроника дома Ардалан (Та'арих-и Ардалан). 1990.
- XCIV. Изведать дороги и пути праведных. Пехлевийские назидательные тексты. 1991.
- XCV. Кабир. Грантхавали (Собрание). 1992.
- XCVI. Ме'ор айин ("Светоч глаза"). Карaimская грамматика древнееврейского языка. По рукописи 1208 г. 1990.
- XCVII. Норито. Сэммё. 1991.
- XCVIII. Та'рих-и Бадахшан (История Бадахшана).
- XCIX. Хуэй цзяо. Жизнеописание достойных монахов (Гао сэн чжуань). Раздел 1. Переводчики. (Bibliotheca Buddhica. XXXVIII). 1991.
- C. Биджой Гупто. Сказание о Падме (Падмапуран). 1992.
- CII. Каталог Петербургского рукописного "Ганджура". (Bibliotheca Buddhica. XXXIX). 1992.
- CIV. Мухаммад ибн ал-Харис ал-Хушани. Книга о судьях (Китаб ал-кудат). 1992.
- CV. Угаритский эпос. 1993.
- CVI. Шамс ад-Дин Мухаммад б. Кайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии (Ал-Му'джам фи ма'айир аш'ар ал'аджам). 1992.
- CVII. Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави. Сират Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). 1996.
- CIX. Классическая йога ("Йога-сутры" Патанджали и "Вьясабхашья"). 1992.
- CX. Малик Шах-Хусайн Систани. Хроника воскрешения царей (Та'рих ихйа ал-мулк). 1992.
- CXI. Ватсьяна Малланага. Камасутра. 1993.
- CXII. Джаядева. Гитаговинда. 1995.
- CXIII, 1. Законы Великой династии Мин. Часть 1.
- CXIV. Суждения Духа разума (Дадастан и меног и храд).

Полный список книг серий "Памятники литературы народов Востока" и "Памятники письменности Востока" за 1959—1985 гг. опубликован в брошюре "Памятники литературы народов Востока". Каталог серийных изданий. 1959—1985». М., 1986.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	9
Жизнеописания (<i>Ле чжуань</i>), главы 61–85	29
Глава шестьдесят первая. <i>Бо И ле чжуань</i> – Жизнеописание Бо И	31
Глава шестьдесят вторая. <i>Гуань, Янь ле чжуань</i> – Жизнеописание Гуань Чжуна и Янь Ина	34
Глава шестьдесят третья. <i>Лао-цзы, Хань Фэй ле чжуань</i> – Жизнеописание Лао-цзы и Хань Фэя	38
Глава шестьдесят четвертая. <i>Сыма Жан-цзюй ле чжуань</i> – Жизнеописание Сыма Жан-цзюя	45
Глава шестьдесят пятая. <i>Сунь-цзы, У Ци ле чжуань</i> – Жизнеописание Сунь-цзы и У Ци	48
Глава шестьдесят шестая. <i>У Цзы-сюй ле чжуань</i> – Жизнеописание У Цзы-сюя	56
Глава шестьдесят седьмая. <i>Чжун-ни ди-цзы ле чжуань</i> – Жизнеописание учеников Конфуция	66
Глава шестьдесят восьмая. <i>Шан-цзюнь ле чжуань</i> – Жизнеописание Шан-цзюня	85
Глава шестьдесят девятая. <i>Су Цинь ле чжуань</i> – Жизнеописание Су Циня	95
Глава семидесятая. <i>Чжан И ле чжуань</i> – Жизнеописание Чжан И	120
Глава семьдесят первая. <i>Чули-цзы, Гань Мао ле чжуань</i> – Жизнеописание Чули-цзы и Гань Мао	143
Глава семьдесят вторая. <i>Жан-хоу ле чжуань</i> – Жизнеописание Жан-хоу	153
Глава семьдесят третья. <i>Бай Ци, Ван Цзянь ле чжуань</i> – Жизнеописание Бай Ци и Ван Цзяня	159
Глава семьдесят четвертая. <i>Мэн-цзы, Сюнь Цин ле чжуань</i> – Жизнеописание Мэн-цзы и Сюнь Цина	168
Глава семьдесят пятая. <i>Мэнчан-цзюнь ле чжуань</i> – Жизнеописание Мэнчан-цзюня	173
Глава семьдесят шестая. <i>Пинъюань-цзюнь, Юй Цин ле чжуань</i> – Жизнеописание Пинъюань-цзюня и Юй Цина	185
Глава семьдесят седьмая. <i>Вэй-гунцзы ле чжуань</i> – Жизнеописание княжича Вэй	196

Глава семьдесят восьмая. <i>Чуньшэнь-цзюнь ле чжуань</i> – Жизнеописание Чуньшэнь-цзюня	206
Глава семьдесят девятая. <i>Фань Суэй, Цай Цзэ ле чжуань</i> – Жизнеописание Фань Суя и Цай Цзэ	216
Глава восемьдесятая. <i>Юэ И ле чжуань</i> – Жизнеописание Юэ И	240
Глава восемьдесят первая. <i>Лянь По, Линь Сян-жу ле чжуань</i> – Жизнеописание Лянь По и Линь Сян-жу	247
Глава восемьдесят вторая. <i>Тянь Дань ле чжуань</i> – Жизнеописание Тянь Дая	262
Глава восемьдесят третья. <i>Лу Чжун-лянь, Цзоу Ян ле чжуань</i> – Жизнеописание Лу Чжун-ляня и Цзоу Яна	267
Глава восемьдесят четвертая. <i>Цюй Юань, Цзя-шэн ле чжуань</i> – Жизнеописание Цюй Юаня и Цзя И	281
Глава восемьдесят пятая. <i>Люй Бу-вэй ле чжуань</i> – Жизнеописание Люй Бу-вэя	295
Комментарий	301
Приложения	393
Список сокращений	394
Список литературы	395
Указатель китайских источников	413
Указатель имен и титулов	415
Указатель географических названий	437
Указатель этнических названий (роды, кланы, племена, народности)	448
Указатель китайских терминов и понятий	450
Summary	460

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Настоящий том является продолжением первого полного научно комментированного перевода на русский язык «Исторических записок» (*Ши цзи*) Сыма Цяня. Этот выдающийся труд, созданный более двух тысяч лет тому назад, состоит из 130 глав, содержит более 526 тысяч иероглифов и является крупнейшим произведением древней китайской историографии. По аналогии с древнегреческим Геродотом Сыма Цяня называют отцом «китайской истории», однако стоит отметить, что его труд не только в несколько раз больше, но существенно сложнее по структуре и значительно шире по охвату материала.

Ранее нами издано шесть томов «Исторических записок»: т. I (1972 г.) и т. II (1975 г.), подготовленные совместно с В.С. Таскиным, содержат 12 глав «Анналов» (*Бэнь цзи*); т. III (1984 г.) – 10 глав (13-22) «Хронологических таблиц» (*Бяо*); т. IV (1986 г.) – 8 глав (23-30) «Трактатов» (*Шу*), в которых описываются различные стороны общественной жизни, культуры, науки; т. V (1987 г.) и т. VI (1992 г.) – 30 глав (31-60) четвертого раздела памятника – «Историй наследственных княжеских домов» (*Ши цзя*). Данный, седьмой, том «Исторических записок» открывает пятый, последний, самый крупный и яркий раздел *Ши цзи* – «Жизнеописаний» (*Ле чжуань*). В его 70 главах перед читателем предстанет необычайно широкий круг видных деятелей Древнего Китая из самых разных слоев общества.

Появление *Ле чжуаней* знаменовало собой формирование нового – биографического – жанра в китайской историографии. Как известно, генезис такого рода сочинений представляет собой результат кумулятивного воздействия двух важных моментов. Во-первых – наличие достаточно развитой предшествующей историографии (анналов, хроник, а также исторических сочинений, в том числе и авторских, иногда именуемых монументальной исто-

Сыма Цянь
(с портрета кисти китайского художника Цзян Чжао)

риографией), на которую мог опираться автор биографий. Во-вторых – выработка общественным сознанием представлений об особом месте и роли человека (а не богов и мифических героев) в общем ходе истории, его важном и порой определяющем влиянии на исторические события, т.е. ломки мифологизированного сознания и перехода к начальным ступеням подлинного историзма.

Процессы формирования этих условий в культурах Запада и Востока были во много сходны, но имели и определенные отличия. Так, античность дает весьма впечатляющую картину развития исторического познания, представленную в трудах выдающихся греческих ученых – Геродота, Фукидиды (V в. до н.э.), Полибия (II–I вв. до н.э.), а за ними и римских – Тацита, Саллюстия, Аппиана (I–II вв. н.э.), которыми был заложен мощный фундамент последующего прогресса исторической науки.

В Китае ранний этап развития историографии был не столь впечатляющим. Он представлен лапидарными хрониками типа *Чунь-цю* («Весны и осени»), в которой сообщалось о событиях главным образом в княжестве Лу в 722–481 гг. до н.э. (она традиционно приписывается кисти Конфуция), а также более подробными хрониками типа *Цзо чжуань*, *Гулян чжуань*, *Гуньян чжуань*. Их авторами считались соответственно Цзо Цю-мин, Гулян Чи и Гуньян Гао, хотя, скорее всего, эти тексты являлись плодами усилий многих хронистов. В числе первых исторических монографий в Китае можно назвать *Шаншу*, или *Шуцзин* («Книга истории»), описывающую деяния правителей иньского и чжоуского времени; *Шибэнь* («Родословия»), включающую генеалогии домов императоров, князей, сановников вплоть до периода Цинь. В последние века I тысячелетия до н.э. появляется несколько крупных сочинений, например, *Го юй* («Речи царств»), чьим автором традиционно считается Цзо Цю-мин; *Чжаньго цз* («Планы сражающихся царств»), редактором которого обычно называют ханьского Лю Сяна, и некоторые другие труды.

Таким образом, в китайском варианте создания основ историографии, в отличие от античного, до завершения в I в. до н.э. труда Сыма Цяня не фиксируется появление когорты крупных историков, подобных Геродоту, Фукидиду или Полибию. Авторство же тех, чьи имена иногда называют в качестве единственных создателей известных трудов, весьма проблематично. Явно преобладают произведения, написанные коллективно, группами местных хронистов и историографов.

Что касается второго условия формирования биографического жанра – созревания в общественном сознании понимания роли

человека в общем ходе исторического развития, – то этот сложный процесс просматривается не только по историческим, но и по философским сочинениям – от Аристотеля до Конфуция – и требует отдельного изучения.

Не вызывает сомнений, что биографический жанр развивался и занимал видное место в исторической науке многих народов, ибо биография – всегда сгусток истории, конкретизация общественных процессов времени в судьбе человека (см. [35, с. 54]). Так, описывая значение труда Геродота, В.Г.Борухович отмечал: «Движущей силой исторического процесса является человек..., отношения между людьми, их страсти и пороки, привязанности или вражда. От человеческих отношений, характеров, достоинств и недостатков зависит наступление тех или иных событий» [9, с. 489]. Поэтому жизнеописания выдающихся представителей того или иного народа имеют непреходящее общечеловеческое значение.

Представляется, что в самых общих чертах понимание человеческого фактора в истории шло в западной античности и в Китае сходными, однако не идентичными путями. В западном мире биографический жанр прошел длительный путь развития. Первые записи биографического характера встречаются уже в текстах и эпиграфических памятниках Древнего Египта. Упомянем, к примеру, надпись на стенах гробницы высокопоставленного чиновника Мечена (Древнее царство, XXVIII в. до н.э.), текст на плите, найденной в Абидосе в Верхнем Египте, с биографией вельможи Уны (XXV в. до н.э.), жизнеописание Хух-хора – правителя Элефантинского нома (ок. XXV в. до н.э.), жизнеописание Яхлоса, начальника гребцов (XVI в. до н.э.) (см. [89, т. I, разд. 1-3]). Таким образом, зарождение этого жанра на Ближнем Востоке можно проследить с III тысячелетия до н.э.

Крупнейшей вехой в развитии биографий как направления исторической мысли явились труды древнегреческих логографов VI-V вв. до н.э. (Гекатей, Скилак, Ксанф, Гелланик и др.). На смену им пришли историки: Аристоксен, Гермипп, Диоген Лаэртский, – многие работы которых, к сожалению, до нашего времени не сохранились.

Как верно подмечал Д.И.Немировский, в Древней Греции биографический жанр развивают прежде всего историки из школы Аристотеля – Дикеарх, Аристоксен, Клеарх. Внося присущую перипатетикам страсть к систематизации, они создают циклы биографий по профессиям, стремясь показать эволюцию характера, выявить обстоятельства его формирования. Это была психо-

анатомия, призванная объяснить причины возвышения или падения личности, ее трагедию (см. [63, с. 150-151]).

Позже появляются классические образцы этого жанра: «Параллельные жизнеописания» Плутарха, «Жизнь двенадцати Цезарей» Светония, «Диалог об ораторах» Тацита и др. В античную эпоху существовало несколько сотен жизнеописаний различного рода властителей, полководцев, политических деятелей, риторов, софистов, врачей, ученых, философов, писателей, артистов. В позднеримскую эпоху преобладали жизнеописания монархов-цезарей. Традиции жанра не исчезли и в средние века, хотя были решительно переосмыслены в христианском ключе.

Весьма впечатляющая картина становления этого жанра открывается нам и в китайской историографии древнего периода, хотя оформленный тип ранних жизнеописаний в первой половине I тысячелетия до н.э. не появился или до нас не дошел. Вместе с тем внимание к историческим личностям и их судьбам обнаруживается уже в первых хрониках и сочинениях (например, в *Цзо чжуани*), в философских трудах I тысячелетия до н.э., в которых мы находим описание «свершений» мифических и полубогородных персонажей: Хуанди, Чжуань Сюя, чжоуских Вэнь-вана и У-вана и им подобных. Отдельные элементы жизнеописаний – фиксация свершений первых государственных деятелей, их речей – обнаруживаются в ряде древних сочинений, среди которых в первую очередь следует назвать *Янь-цзы чунь-цю* («Весны и осени господина Яня») и *Люй-ши чунь-цю* («Весны и осени рода Люй»), созданные коллективным трудом ученых и чиновников царства Цинь.

Само название *Ле чжуань* вероятно можно считать плодом творчества Сыма Цяня. В этом биноме первый знак – *ле* – означает «ряды», «расставить в ряд», «расположить в порядке», «перечислить»; второй – *чжуань* – «сообщать», «передавать», «распространять», «описывать», «излагать»; таким образом, данное словосочетание означает «расположенные в порядке описания». По-русски оно передается как «жизнеописания» или «биографии». Если первый знак биннома вопросов не вызывает, то его вторая часть – *чжуань* (глагольная форма – *чуань*) в конфуцианской традиции чаще всего понималась как «толковать», «комментировать» классические каноны (*Цзо чжуань*, *Гулянь чжуань* и др.). Учитывая многозначность слова *чжуань*, можно согласиться с Б.Уотсоном, что термин «биография» («жизнеописание») отражает лишь часть его значения и важно учитывать остальные значения этого знака (см. [203, с. 120]). Такой подход дает Дж.Хайтауэру основания понимать *Ле чжуани*

как рассказы, переданные Сыма Цяню и его веку от предшественников о жизни отдельных личностей и народов (см. [150]), что вполне отвечает содержанию данного раздела *Ши цзи*. Таким образом, со II в. до н.э. созданный Сыма Цянем новый, биографический, жанр занял свое достойное место в древнекитайской историографии.

Живший за полтора столетия до Плутарха, Сыма Цянь составил внушительный корпус жизнеописаний. Его внимание привлекали люди выдающиеся, нередко – с трагической судьбой. Определяя в заключительной главе основные цели пятого раздела своего труда, он писал: «О тех, кто поддерживал справедливость, был уверен в себе и действовал решительно, не упуская своих возможностей, кто заслугами прославил свое имя в Поднебесной, я и составил семьдесят глав *ле чжуаней*» (см. [254, т. VI, с. 3319]).

Необходимо отметить, что во всех жизнеописаниях Сыма Цяня большое, а иногда и решающее значение придается моральным качествам личности (в основном – в конфуцианском толковании), воспеваются действительные или мнимые добродетели многих героев. Однако к чести историка следует сказать, что в большинстве случаев он не сбивается на славословие своих героев, отмечая и их ошибки, недостатки, проступки или преступления. Более того, ряд личностей (жестокие чиновники, подхалимы и др.) отнюдь не вызывают добрых чувств и симпатий к себе. В этом – и широта картины жизни, нарисованной историком, и искусство настоящего художника, видящего общество в противоречивой реальности. Сыма Цянь, несомненно, стремился быть объективным, как бы следуя известному тезису Тацита: *sine ira et studio* («излагать без гнева и пристрастия»).

Структурно главы *Ле чжуань* можно разделить на несколько групп. К первой относятся жизнеописания, которые или целиком, или преимущественно посвящены одной личности, являясь как бы индивидуальными биографиями (по В.М.Алексееву – «монобиографии»). Среди всех 70 глав их 21, а в данном томе – 12: 64, 66, 68–70, 72, 75, 77, 78, 80, 82, 85. В последующих томах такими являются главы 87, 91, 92, 94, 104, 106, 108, 109 и 117.

Вторая группа – парные жизнеописания (что не всегда отражено в названии главы), т.е. соединенные в общей главе жизнеописания двух персонажей (по-китайски иногда именуемые *хэ чжуань*). Подобные объединения производятся чаще всего по близости либо родственной, либо по роду деятельности, или же по сходству судеб и устремлений. К этому типу в данном томе следует отнести восемь глав: 61, 62, 65, 73, 74, 79, 83, 84.

Иногда такая парность базируется на полярности платформ

героев. Так, в гл. 65 рассказано о двух военачальниках – Сунь-цзы и У-цзы. Если первый полагал, что в воинском искусстве важнее всего составление планов (т.е. стратегия), то для второго на первом месте было вооружение. В гл. 74 представлены два конфуцианца – Мэн-цзы и Сюнь-цзы. Первый исходил из тезиса об изначальной доброте натуры человека, а второй считал, что она исходно зла. К той же группе примыкают еще не опубликованные главы 88–90, 99–101, 105, 112, 118, т.е. в общей сложности 19 из 70 глав.

Третья группа – групповые жизнеописания, которые ряд китайских ученых называют *лэй чжуань* («рассказы о людях общего типа»). Это могут быть описания целых народностей либо повествования с одним главным действующим лицом и несколькими второстепенными персонажами (его преемники по службе, потомки). Они называются иногда *фу чжуань* («рассказы с добавлениями»). В данную группу могут быть включены главы 63, 67, 93, 95, 97, 98, 103, 107, 111, 119, 121, 122, 124–128. Сюда же можно отнести шесть глав (110, 113–116, 123) о малых народностях и некоторых территориях тогдашнего Китая.

Особняком стоят две заключительные главы раздела: гл. 129, посвященная естественным богатствам Китая и некоторым вопросам экономической жизни, и гл. 130, по сути являющаяся послесловием ко всему труду. В ней рассказано о некоторых фактах жизни самого Сыма Цяня и его отца Сыма Тяня, об общих целях *Ши цзи*, а кроме того, содержатся резюме всех 130 глав.

Из этого краткого обзора становятся яснее и диапазон жизнеописаний в *Ши цзи*, и их тематическое богатство, и многообразие представленных в них героев и характеров.

В калейдоскопе имен главных героев *Ле чжуань* нет (как у Светония) монархов, рассказы о которых остались в первом разделе памятника – *Бэнь цзи*, относительно немного представителей княжеской знати (речь о них в основном в главах *Ши цзя*). В жизнеописаниях фигурируют главным образом крупные государственные мужи, военачальники, мыслители разных школ, врачи, гадалки, деятели всевозможных типов и рангов: добродетельные и жестокие чиновники, убийцы и подхалимы, мудрые советники, рыцари, острословы, известные поэты и множество других лиц, представляющих высший и средний эшелоны власти, образованную часть общества и даже иногда – его низы. Таким образом, перед нами раскрывается широкая панорама китайского общества I тысячелетия до н.э., зафиксированная добросовестным и весьма критичным наблюдателем, что отмечают современные как западные, так и ки-

тайские исследователи (см., например, [260, с. 69]).

Временные рамки деятельности героев *Ле чжуань* велики, они охватывают многовековую эпоху Чжоу, период Чжаньго, время империи Цинь и первый век существования западноханьской империи. О деятелях чжоуского периода рассказывается в гл. 61 (о Бо И и Шу Ци), гл. 62 (о Гуань Чжуне) и гл. 63 (о ранних даоских проповедниках, начиная с полубогородного Лао-цзы). В группе других глав повествуется о жизни и борьбе деятелей различных княжеств и царств (в гл. 64 – о циском Сыма Жан-цзюе, в гл. 66 – о чуском полководце и политике У Цзы-сюе, в гл. 65 – о представителях военной мысли Древнего Китая и др.).

В ряде глав (67–85) описываются персонажи, выдвинувшиеся в период Чжаньго (IV–III вв. до н.э.) – время ожесточенной междоусобной борьбы за гегемонию в Поднебесной. Среди них выделяется знаменитая четверка советников: чжаоский Пигьюань-цзюнь, циский Мэнчан-цзюнь, вэйский Синьлин-цзюнь, чуский Чуньшэнь-цзюнь, а также известные военные деятели и дипломаты (например, Су Цинь, Чжан И). Ряд героев *ле чжуаней* активно участвовали в сокрушении циньской империи, в борьбе Лю Бана с Сян Юем, помогая первому утвердить свою власть в стране, т.е. сыграли значительную роль в утверждении на престоле ханьской династии (главы 91–95 о Хань Сине, Лу Ване, Ся-хоу Ине и др.).

Большая часть жизнеописаний связана все же с ханьским периодом, с правлением Лю Бана, императоров Сяо Хуэя, Сяо Цзина и современника Сыма Цяня – У-ди, который в подлинном тексте *Ши цзи* из-за табу на имя императора именуется просто *цзюнь шан* («нынешний верховный правитель»).

Если говорить о содержательной стороне *Ле чжуань*, то необходимо коснуться прежде всего нескольких важных аспектов этой большой темы – выраженных в «Жизнеописаниях» мыслей о мироздании, о государственном порядке и основах управления, о человеческой морали и главных составляющих поведения человека, а также о роли дидактики в этом разделе *Ши цзи*, о месте трагедийного начала, о литературных, изобразительных средствах, использованных автором. Все эти вопросы, разумеется, требуют специального, развернутого изучения.

Какие же универсальные идеи китайского историка нашли свое выражение в главах жизнеописаний? Как и в прежних разделах *Ши цзи*, Сыма Цянь не раз высказывает свою безусловную веру в господство над миром всемогущей (мы бы сказали – божественной) силы, именуемой Небом (*тянь*). О его воле и непознаваемой могучей силе говорится во многих главах всех разделов па-

мятника. Типична формулировка из гл. 97: «Установление порядка среди морей не зависит от усилий людей, все управляется Небом» [254, т. V, с. 2697]. Только однажды встречается у Сыма Цяня открытое сомнение в безусловной справедливости действий верховного божества – Неба. Скорбя о трагической гибели от голода достойнейших героев – Бо И и Шу Ци, историк вопрошает: «Где же воздаяние Неба достойным людям? Разбойник Чжи каждый день убивал ни в чем не повинных людей, ел человечесью печень, злодействовал как только мог. Собрав несколько тысяч приспешников, он рыскал с ними по всей Поднебесной. Но умер он, дожив до глубокой старости... Поэтому я пребываю в крайнем сомнении: неужели это и есть то, что называют Небесным Дао? Или это не является Небесным Дао?» (гл. 61). Однако такое сомнение вырвалось у Сыма Цяня лишь один раз; его вера в Небо и судьбу (*мин*), как правило, непоколебима.

С этой верой соседствует идея всеобщей изменчивости и бренности существования человека на земле, как правило, выражаемая героями *ле чжуаней*: «Жизнь человека в этом мире проносится с такой же быстротой, как шестерка скакунов над расщепленной» (слова Эр-ши из гл. 87 [254, т. V, с. 2552]); «Смерти человеку никак не избежать» (слова Фань Суя из гл. 79).

Но всеобъемлющая изменчивость подчинена общему закону цикличности мирового развития; эту идею – одну из основных в классической китайской философии – Сыма Цянь отстаивал еще в эпилоге гл. 8. Та же мысль, иногда с большой философской глубиной, вкладывается в уста персонажей *Ле чжуань*: «Побывав в зените, солнце клонится к горизонту, после полнолуния луна становится ущербной» (Фань Суй в гл. 79); «После того как все сущее расцветает, неизбежно наступает упадок – таков общий порядок на небе и на земле» (Цай Цзэ в гл. 79).

Сходные мотивы в различной форме звучат в цитируемых историком поэтических произведениях той поры. Так, в «Поэме о сове» (гл. 84) Цзя И говорит:

Все сущее меняется, течет
 Безостановочно в мельканьи лет,
 Стремится времени поток
 Вперед, и нет пути назад...
 Ведь жизнь подобна реке,
 Лишь смерть – остановка.
 Наступает покой, и ты над бездной
 Плынешь, словно в неуправляемом челне.

В *Хань шу*, в биографии Сыма Цяня, приведено письмо историка к своему другу Жэнь Аню, где он рассказывает о задаче, ко-

торуую поставил перед собой: «Я, как тенетами, весь мир Китая объял со всеми старинными сказаниями, подверг суждению, набросал историю всех дел, связал с началами концы, вникая в суть вещей и дел, которые то завершались, то разрушались, то процветали, то упали... И у меня желанье есть: на этом протяжении исследовать все то, что среди неба и земли, проникнуть в сущность перемен, имевших место как сейчас, так и в дни древности далекой» (цит. по [33, с. 95–96]).

В «Жизнеописаниях», как и в других разделах, нередко встречаются соображения об управлении государством, о том, каким должен быть идеальный правитель, какие моральные качества государственных деятелей и вообще человека должны больше всего цениться. Все это – капитальные, сквозные темы китайской классической общественно-философской мысли.

Неудивительно поэтому, что в *Ле чжуань* звучат и конфуцианские, и даосские и легистские идеи. Юань Ин постулировал (гл. 101): «Когда уважаемые и низкие занимают положенные им места, то между верхами и низами общества царит мир» (см. [254, т. V, с. 2740]). В эпилоге гл. 83 историк пишет: «Хотя Лу Лянь... был простолюдином, он смело делал то, что считал нужным, не заискивал перед *чжухоу*, своими речами наставлял на путь истинный современников, ограничивал произвол *цинов* и *сянов*». Су Дай заявил яньскому *вану*: «Мудрый *ван* должен выслушивать тех, кто говорит о его недостатках и ошибках, а не стремиться слушать только о своих достоинствах» (гл. 69); Су Цинь говорил чжаоскому князю: «Для вас, правитель, нет ничего важнее того, чтобы народ жил в покое» (гл. 69); Гуань Чжун утверждал: «Когда склады и закрома полны, [люди] соблюдают ритуал и нормы поведения; когда одежды и пища вдоволь, [люди] знают, где слава, а где позор; если правители верны своему долгу, отношения между родственниками крепки. Если же четыре устоя не поддерживаются, то государство гибнет... Умение давать позволяет и брать – [вот] ценнейший принцип управления» (гл. 62).

В эпилоге гл. 76 историк привел народную мудрость: «Стремление к выгоде туманит голову». Конфуций говорил лускому Ай-гуну: «Управление прежде всего состоит в том, чтобы умело подбирать чиновников» (Истзап, т. VI, гл. 47). Сходные мысли приведены и в других местах *Ши цзи*: «Заурядный правитель награждает тех, кто ему нравится, и наказывает тех, кто ему нелюб. Мудрый же правитель поступает не так. Его благоволение распространяется на тех, кто имеет заслуги, а наказание падает на тех, кто имеет провинности» (гл. 79). Чжао Лян, беседуя с Шан

Яном, привел мысль Конфуция: «Когда выдвигают мудрых и следуют их советам, то двигаются вперед, когда же [ван] собирает вокруг себя бесталанных, то такой путь управления ведет назад» (гл. 68).

Тема человеческой морали и человеческих характеров, уже затронутая в приведенных выше суждениях, в целом настолько широка, что рассмотреть ее в рамках вступительной статьи не представляется возможным. Поэтому ограничимся лишь краткими замечаниями. При обращении к этому аспекту следует иметь в виду, что типологическое описание характеров, данное Сыма Цянем в главах *Ле чжуань*, в чем-то сходно с Аристотелевой этической системой. Подбор героев, как у Плутарха, в значительной мере основан на оценочных моральных критериях, причем, как отметил Ю.Л.Кроль, в *Ши цзи* сказывается значительное влияние «концепции рода» на литературную практику Сыма Цяня в повествованиях о людях (см. [46, с. 178–179]).

Не следует, далее, забывать, что в оценке людей *тайшигун* постоянно использовал древний принцип *баобянь* («одобрения [положительного] и порицания [отрицательного]»). Это особо отметил Линь Тун (см. [241, с. 159]). Конечно, Сыма Цянь прославляет многих своих персонажей в русле конфуцианской доктрины *жэнь* («человеколюбие») и *и* («справедливость», «долг»), но диапазон его личностных оценок весьма объемён и неоднозначен. Так, видные деятели периода Чжаньго Су Цинь и Чжан И критикуются за их авантюризм, Фань Суй – за его помощь захватническим войнам царства Цинь и корыстолюбие; показывается, как гордыня и жестокость Яо И приводят его к краху; высоко оцениваются отвага и мудрость Линь Сян-жу – эпилог гл. 81 завершается словами: «Когда человек знает, за что умирает, он храбр, поэтому тяжела не сама по себе смерть, а сознание ее бессмысленности... Сян-жу проявил свой негибавший дух, его величие и вера в свое дело восторжествовали во враждебном окружении». Добрые слова нашлись у историка и в адрес Тянь Дая и Лу Чжун-ляня за их доброжелательность и открытость; зато Люй Бу-вэй показан карьеристом, направившим свои способности на неправые дела.

Портреты Чжан Эра и Чэнь Юя сложнее: отмечаются их заслуги и многочисленные ошибки. Сыма Цянь обличает недостатки Хань Синя (гл. 92), хотя признает широту его замыслов, его помощь в становлении власти дома Хань. Своеобразна фигура Шусунь Туна, умевшего, по оценке Сюй Вэньшаня [257, с. 365], идти вперед и отступать, меняться в соответствии с обстановкой. Он прошел путь от резкого противостояния конфуцианству до его поддержки, став признанным конфуцианским мудрецом и на-

ставником. Негативно оценивается легист Чао Цо (гл. 101); всячески прославляются мудрые и почтительные сановники Чжан Ши-чжи, Ин Фэн, Вэй Гуан (гл. 102); контрастом к ним выступают жестокие чиновники из гл. 122. Большое впечатление оставляет образ современника Сыма Цяня – великого поэта Сыма Сян-жу (гл. 117).

Невозможно охватить все многообразие характеров и судеб людей, представленных в *Ле чжуань*. В главах этого раздела читатель столкнется с сотнями персонажей, так как наряду с главными героями в них упоминается множество второстепенных участников тех или иных событий. Но наличие исключительных личностей в исключительных ситуациях не лишает нас возможности с полным основанием сказать, что у Сыма Цяня, как у Геродота и Фукидида, типические фигуры выступают в типических обстоятельствах.

Характерным для литературного стиля всех разделов *Ши цзи* и особенно «Жизнеописаний» было широкое использование Сыма Цянем прямой речи своих героев. Нередко они выступают с советами и наставлениями перед *ванами* и *сянами*, проявляя образцы дипломатического обмана и изворотливости (этим наиболее отличались персонажи периода Чжаньго – Су Цинь, Чжан И и др.). Разумеется, не стоит считать все эти монологи и ремарки подлинными, поскольку вряд ли писцы и летописцы в разных княжествах и на протяжении многих веков могли вести и вели записи такого рода (стенографии и даже скорописи в Китае еще не было). Наверное, прав Д.Бодде, отмечавший, что «речи, которые включены в биографии *Ши цзи*, сами по себе не могут быть аутентичными, они просто играют роль литературных украшений (*embroideries*), чтобы дополнить основные исторические факты» [106, с. 68]. Основой для создания подобной беллетризованной картины прошлого были предания о деятельности видных мужей прошлых эпох, создававшийся вокруг них ореол исключительности и передававшиеся из поколения в поколение записи важнейших событий.

Дидактика пронизывает значительную часть суждений, приводимых историком применительно к самым разным обстоятельствам. Приведем лишь несколько сентенций, носящих характер расхожих истин, назиданий и поучений на все случаи жизни: Чжао Гао утверждает: «Совершая великие дела, не обращают внимания на мелочи... Тот, кто смотрит лишь на мелочи, забывая важное, в будущем непременно пострадает. Тот, кто нерешителен, долго колеблется, впоследствии обязательно расклется... В спокойствии может таиться опасность, а в опасности – спокойствие. Как же почитать мудрецов, если вы еще не установили: точно, где

спокойствие и где опасность?» [254, т. V, с. 2549–2550]; в той же главе приведены стенания Ли Сы: «Нет большего позора, чем быть презренным и ничтожным; нет большего горя, чем быть бедным и пребывать в отчаянном положении» [там же, с. 2549]; «Я слышал, что даже мудрец совершает ошибку в одном деле из тысячи, а глупый хотя бы одно из тысячи дел делает правильно. Поэтому и говорят: даже в словах глупца мудрый сумеет найти что-то полезное для себя», – Гуань-цзюнь (гл. 92) [там же, с. 2618]; «Слушать советы – основа любого дела, составлять планы – главное в осуществлении дел... К успеху приводит не что иное, как твердость в принятии решений, а сомнения – гибель для всякого дела... Потому и говорится: нерешительный тигр хуже жалящей пчелы, рысак, который топчется на месте, не стоит самой заухудшей клячи, которая хоть и медленна, но идет вперед» [там же, с. 2625]. В гл. 124 приводится назидательная поговорка: «Разве можно считать добродетельным того, кто, познав *жэнь* (“милосердие”) и *и* (“долг”), стремится получить от них выгоду?» [254, т. VI, с. 3182]. Поэт Сыма Сян-жу (гл. 117) обращался к императору с такими словами: «Проницательный видит то, что еще не сбылось, мудрый избегает опасности еще до того, как она появится, несчастье всегда таится в неизвестности и возникает перед человеком неожиданно» [там же, с. 3054].

Многое из рассказанного в биографиях используется историком для призывов: к правителям – действовать осмотрительнее, разумнее, гуманнее, не рубить с плеча, не свирепствовать; к слугам правителя – быть скромнее, сдержаннее, знать свое место. Именно в этом ключе звучит и рекомендация Лу Чжун-ляня яньскому военачальнику: «Мудрый человек не отказывается от выгод, которые предоставляет ему ситуация; храбрый муж не относится равнодушно к гибели людей и потере репутации; преданный слуга не ставит себя впереди своего правителя» (гл. 83). Правы западные авторы А.Козн и Д.Твитчетт, подчеркнувшие дидактико-моралистический характер многих жизнеописаний *тай-шигуна* (см. [160, с. 97; 201, с. 102].

Труд Сыма Цяня несомненно отвечал тем задачам, которые ставил перед историческим сочинением и Полибий: от истории требуется правдивой записью деяний и речей дать любознательным людям непреходящие уроки, наставления.

Необходимо ответить и на вопрос, насколько сильна трагическая тональность *ле чжуаней*. Пожалуй, трудно согласиться с мыслью Д.Твитчетта, согласно которой трагическая окрашенность биографий на Западе не имеет своего аналога в Китае. Та-

циг писал: «Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих жестокими битвами, смутами и распрями, о временах диких и неистовых» [85, т. II, с. 5]. Но и китайский историк мог сказать то же самое, ибо описывал многовековые распри периодов Чуньцо и Чжаньго, кровавые битвы между княжествами, жестокости периода Цинь, самодурство отдельных *ванов*, коварство придворных клеветников. Все это с трагической силой проявилось и в судьбах сотен тысяч рядовых жертв междоусобиц, и в жизни видных деятелей эпохи. А разве не отзывается болью трагедия Бо И и Шу Ци (гл. 61), которые, посчитав свержение власти дома Инь и приход чжоуского правления безнравственной акцией, сознательно отказались от чжоуского хлеба и ушли на гору Шоуян, где питались одними травами и погибли от голода.

Столь же трагичны судьбы У Цзы-сюя (гл. 66) или поэта Цюй Юаня (гл. 84). Первый, несмотря на большие заслуги, был оклеветан перед уским *ваном* и приговорен к самоубийству. Труп его зашили в кожаный мешок и сбросили в Янцзы. Чуский поэт Цюй Юань, лишенный всех титулов и изгнанный с родины, утопился в реке Милю. В своей поэме «С мужеством в сердце» он писал о вынужденном одиночестве: «Стараюсь сдерживать чувство разочарования, Гасить обиды и быть сильным. И хотя я столкнулся с грязью, Но не сменил своих устремлений» (гл. 84). Не случайно в эпилоге главы Сыма Цянь говорит, что, лишь прочитав произведения поэта и побывав на месте его гибели, он по-настоящему понял, каким был этот человек. Число трагических эпизодов и судеб в жизнеописаниях Сыма Цяня весьма велико, что отражает эмоциональный настрой самого историка, который страстно обличал корыстолюбие, подлость, несправедливость.

И наконец, *Ле чжуань* больше, чем любой из пяти разделов *Ши цзи*, демонстрирует собой единство истории и литературы. Говоря о «Жизнеописаниях» Сыма Цяня, Н.И.Конрад подчеркивал, что они являются «своеобразными новеллами, в которых есть все, что требуется именно в литературном произведении – сюжет, герой, авторское отношение к сообщаемому... Какой огромный, сложный мир создал этот автор – какими красочными, яркими, выразительными, беспредельно разными людьми его заселил!» [40, с. 508–509].

Касаясь особенностей художественного языка *Ши цзи* и характерных его элементов, прежде всего хотелось бы особо выделить склонность историка к поэтическим пассажам в тексте и вообще к поэзии. Сыма Цянь поместил в «Жизнеописаниях» фраг-

менты крупнейших поэм Цюй Юаня – «Поэма гнева и скорби» и «С мужеством в сердце», поэму Цзя И «Оплакиваю Цюй Юаня» (гл. 84), поэмы Сыма Сян-жу «О великом человеке» – об У Цзы-сюе – и «Императорская охота», об ошибках Эр-ши (гл. 117), предоставив, таким образом, место лучшим образцам древнекитайской поэзии. Часто встречаются в главах отдельные строфы стихов или песен, вложенные в уста героев (в гл. 7 – стихи Сян Юя, в гл. 8 – стихи Лю Бана, в гл. 9 – песня Чжао-вана, в гл. 27 – стихи У-ди, в гл. 126 – песня Ю Мэна и т.д.). Нередко цитируются стихи из *Шицзина*. По-видимому, поэтическая речь и поэтический настрой – обязательный элемент самого миропонимания историка.

Не менее характерна и другая черта *Ши цзи* и особенно *Ле чжуаней* – насыщенность народными пословицами и поговорками, в которых концентрировался опыт поколений, народные мудрость и юмор. Приведем лишь несколько примеров. «Упорный труд на поле лучше ожидания урожайного года; добросовестная служба лучше ожидания слепой удачи»; «Не нужно идти за сотни *ли*, чтобы продать хворост, не следует идти за тысячу *ли*, чтобы заготовить зерно. Если ты живешь на месте один год, то сей хлеб; если живешь десять лет, то сажай деревья; если живешь на месте сто лет, то пусть от тебя прибудет добродетель»; «Когда один уже мертв, а другой жив, познаются чувства дружбы; когда один знатен, а другой стоит низко, становится ясным, какие чувства их связывают» [254, т. VI, с. 3291, 3271–3272, 3114].

Еще одной яркой особенностью художественного стиля Сыма Цяня является афористичность, склонность к кратким сентенциям, которые украшают и дополняют *ле чжуани*, обогащают жизненные коллизии и речи героев: «В именах заложена своя судьба, а в вещах – свое назначение» (гл. 39 – Истзап, т. V); «Пока не отрастут крылья, высоко не взлетишь» (гл. 69); Лу Цзя сказал ханьскому императору: «Вы, сидя верхом на коне, завоевали [Поднебесную], но разве можно верхом управлять ею?» (гл. 97); «Если не знаешь, что это за человек, посмотри, кто его друзья» (гл. 102, эпилог); «Тот, кто крюк украл, будет казнен, тот, кто царство украл, становится князем» (гл. 124). (Подробнее о художественной стороне творчества Сыма Цяня см. [15].)

За пределами Китая интерес к *Ле чжуань* и, следовательно, к героям древней истории обозначился сразу же, как только «Исторические записки» стали известны ученым. Произошло это еще в XIX в., когда на Западе начали всерьез изучать китайскую культуру, философию и литературу. С середины того же столетия стали появляться и первые переводы на западные языки китай-

ских трудов, в том числе – отдельных «Жизнеописаний»: работы А.Пфизмайера (A.Pfizmaier), Т.Боннера (T.Bönnner), А.Зоттоли (A.Zottoli), С.Арендта (S.Arendt) и др. На протяжении XX в. этот интерес к китайской историографии неизменно возрастал, и число переводов с китайского, в том числе и *ле чжуаней*, тоже увеличивалось. Назовем лишь некоторую их часть.

Более всего переводов сделано на английский язык, причем наиболее заметное место среди них занял перевод 40 жизнеописаний, выполненный Б.Уотсоном [204]. Небольшую группу *ле чжуаней*, связанных тематически, перевели Д.Бодде (D.Bodde) и Ф.Кирмен (F.Kierman). Среди переводчиков на английский отдельных глав или их частей известны П.Рудольф (P.Rudolf), Дж.Хайтауэр (J.Hightower), Х.Крил (H.Creel), Ч.Питон (Ch.Piton), В. де Бари (V. de Bary), Г.Джайлз (H.Giles), М.Вилбур (M.Wilbur) и некоторые другие синологи. В числе переводчиков на французский язык можно назвать имена Х.Масперо (H.Maspero), Г.Маргулиеса (G.Margulies), Л.Виге (L.Wiger), М.Кальтенмарка (M.Kaltenmark); на немецкий язык – В.Грубе (V.Grube), Э.Хэниша (E.Haenisch), Ф.Хьюботтера (F.Hübotter), Э. фон Заха (E. von Zach), Ф.Йегера (F.Jäger), Р.Вилхелма (R.Wilhelm).

Что касается переводов глав *Ле чжуань* на русский язык, то начало им положил отец Иакинф (Н.Бичурин), переведя гл. 110, посвященную *сюнну*. В нынешнем столетии эту работу продолжили академик В.М.Алексеев [33], В.А.Панасюк [84], Ю.Л.Кроль, Л.С.Переломов, В.С.Таскин, Л.Д.Позднеева, Л.Е.Померанцева и некоторые другие. Кроме того, следует учесть, что во многих литературных антологиях, хрестоматиях по восточной философии и других сборниках публиковались материалы, посвященные известным мыслителям, реформаторам, поэтам Древнего Китая (Конфуцию, Шан Яну, Цюй Юаню и др.), которые иногда сопровождались отрывками из их жизнеописаний. Все сказанное выше позволяет считать, что знакомство западных и российских читателей с «Жизнеописаниями» Сыма Цяня уже состоялось, но настоятельной необходимостью остается полный перевод как всего памятника, так и интереснейшего его раздела – *Ле чжуань*.

Необходимо сказать о совершенно новом виде трактовки «Жизнеописаний», появившемся в Китае и Японии примерно в середине нашего столетия. Речь идет о переводах глав *Шу цзи* на современный, близкий к разговорному, китайский язык *байхуа* и современный японский язык. В этом ряду достаточно назвать лишь несколько наиболее крупных трудов этого типа [218; 220; 238; 322].

В Японии в последние десятилетия тоже осуществляется ана-

логичная работа. В первую очередь можно назвать 8-томный труд Фумио и Такео Отаке [252]. Этому же направлению принадлежат работы Кода Рентаро, Ногуги Садао и некоторых других японских синологов.

Изложение содержания древних текстов жизнеописаний Сыма Цяня на современных разговорных восточных языках помогает лучше понять их истинный смысл в интерпретации сегодняшних ученых Китая и Японии и в какой-то мере облегчает наш перевод *ле чжуаней* на русский язык.

Общую картину состояния переводов на европейские языки из всех разделов *Ши цзи* на начало 1960-х годов можно найти в статьях Ф.Йегера и Т.Покоры [158; 185]. Наше вступление к новому тому перевода памятника несколько дополнит эти данные тридцатилетней давности.

Мы рассмотрели некоторые аспекты содержания и литературной формы первых биографических сочинений кигайской историографии, представленных разделом *Ле чжуань* в «Исторических записках». Остается вкратце проследить, как жанр жизнеописаний развивался в дальнейшем. В эпоху Хань (II в. до н.э. – начало III в. н.э.) он заметно обогатился. В I в. до н.э. появляются труды, связываемые обычно с именем Лю Сяня (77-6 гг. до н.э.). Это *Ле сянь чжуань* («Жития святых») и *Ле нюй чжуань* («Жизнеописания [выдающихся] женщин»), в значительной мере основанные на преданиях и притчах легендарного характера. В капитальном 100-главном труде по истории западноханьской империи – *Хань шу*, составленном Бань Гу (32-92 гг. н.э.), раздел *Ле чжуань* занимает 70 глав. Начиная с *Хань шу* открылся счет историям отдельных династий (всего их насчитывается 25), которые получили наименование *Чжэнь ши* («Правильные, официальные истории»).

В период Восточной Хань (25-220 гг. н.э.) в биографическом жанре появляются некоторые новации в виде таких сочинений, как *Цицзю чжуань* («Жизнеописания почтенных лиц и старцев»), *Сяньсянь чжуань* и *Хоусянь чжуань* («Жизнеописания древних и поздних мудрецов»). Наконец, создаются *Бе чжуань* («Отдельные, или разные биографии»), где описана жизнь людей, не упомянутых в династийной истории, героев местного масштаба, регионального уровня.

Самостоятельное место в биографической литературе средневекового Китая занимает ее буддийская ветвь. Отметим сочинение Хуэй Цзяо (497–554 гг.) *Гаосэн чжуань* («Жизнеописания достойных монахов»), в которое вошли биографии 257 основных

персонажей и около 200 – второстепенных лиц, живших в период с 67 по 518 г. н.э. За последующие столетия появились новые труды этого же направления – Дао Сюаня *Сюй гаосэн чжуань* («Продолжение жизнеописаний достойных монахов»), Цзань Нина *Сун гаосэн чжуань* («Сунские жизнеописания достойных монахов»), Жу Сина *Дамин гаосэн чжуань* («Жизнеописания достойных монахов [времен династии] Великая Мин»). В них содержатся биографии более полутора тысяч исторических лиц. Таким образом, этот буддийский блок занимает заметное место в общем историко-биографическом наследии Китая. (Общую оценку трудам буддийской агиографии дал М.Е.Ермаков: [24].)

В эпоху Тан (VII–IX вв.) появляются новые виды жизнеописаний – *Нэй чжуань* («О жизни даосских отшельников») и *Вай чжуань* («Неофициальные биографии различных деятелей»). В позднесредневековое время при составлении жизнеописаний использовались надписи на камне, особенно надгробные надписи (*мучжи-мин*), памятные записи современников и другие материалы.

В течение всего огромного средневекового периода продолжалось создание династийных историй, теперь уже под эгидой *Шигуань* (Исторического бюро) и при участии целых авторских коллективов. Жизнеописания (называемые просто *чжуани*) по-прежнему занимали в этих трудах ведущее место. Так, в *Синьтан шу* («Новой истории Тан») они составляют 150 глав из 225, в *Мин шу* («Истории [династии] Мин») – 220 из 332. Сходное соотношение и в других династийных историях. Таким образом, традиции развития биографического жанра в Китае, заложенные Сыма Цянем, поддерживались вплоть до нового времени на протяжении почти двух тысячелетий.

Постепенно биографический жанр в китайской историографии и особенно в династийных историях потерял изначально присущую ему свежесть восприятия и ту эмоциональную окраску, которая была свойственна *Ле чжуаням* Сыма Цяня. Основной интерес авторов сосредоточивался на служебной карьере героя, его взаимоотношениях с высшими властями, его официальных реляциях. Как верно заметил Д.Бодде, исторические биографии постепенно лишаются индивидуальности и, становясь стереотипными, превращаются в набор готовых формул [108, с. 287].

Переходя к новому времени, отметим, что процесс эволюции биографического жанра со времен античности (труды Плутарха и Сыма Цяня) через средневековые (жизнеописания буддийских монахов и жития святых) на Востоке и Западе шел во многом сходными путями, хотя западные сочинения все же всегда отличал

большой интерес к отдельной личности и ее характеру, а не только к служебной карьере персонажа, как это было в Китае. С эпохи Возрождения в Европе наметились перемены в сторону еще большей персонификации биографий, а на смену королям, полководцам и святым приходят люди сравнительно низкого социального статуса, причем биографии становятся пространнее и живее. Тот же процесс мы наблюдаем и в Китае, где примером этих тенденций могут служить работы известного историографа XVI в. Чжан Сюэ-чэна. (Подробнее об этой проблеме см. [140, с. 287–289].)

В начале XX в. в Китае были опубликованы многотомные дневники Цзэн Го-фаня и Вэн Дун-хо. Не прерывалась и традиция классической историографии. Группа более чем из 100 ученых успешно работала над составлением последней династийной истории Цин – *Цин ши гао* (увидела свет в 1928 г.), в которой содержится, в частности, 316 *ле чжуаней*.

Множество жизнеописаний или просто кратких хронологий жизни типа *няньлу* появляются в 20–50-е годы нашего столетия. Они были посвящены в первую очередь деятелям Гоминьдана (работы Цзоу Лу, Чжан И-мина) и таким видным фигурам прошлого, как Чжэн Хэ, Ван Ань-ши и др. Особое внимание в то время уделялось биографиям Сунь Ятсена и Лу Синя. В 30-х годах в журнале «Жэньвэнь юэкань» было опубликовано 2500 персональных известных иностранцев и китайцев. Становятся разнообразнее виды и формы биографического жанра (биографии, хронологии, мемуары, воспоминания). Весомый вклад в его развитие внесли Лян Цичао и Ху Ши. Параллельно на Западе тоже издаются востоковедные труды этого направления (см. [144; 163; 167]).

Таким образом, как по содержанию, так и по форме между биографическим жанром на Востоке и Западе был проложен определенный мост, они сблизились, лучше отражали реальную жизнь, показывая яркие индивидуальности прошлого и настоящего своих народов (см. [154]).

В КНР, к сожалению, биографический жанр в последние десятилетия оказался под прессом политических догм маоизма, хотя отдельные ученые (например, Бай Шоуи) призывали к использованию богатого исторического наследия в этой области и развитию историописания.

Несколько слов об отличиях структуры данного тома от предыдущих. Она почти полностью совпадает с той, что уже сложилась, но есть два новых элемента: впервые помещены портреты Сыма Цяня и предпринята попытка воссоздать географию описываемых событий, сориентировать читателя не только во времени,

но и в китайском пространстве VII–III вв. до н.э. К сожалению, воспроизвести всю обширнейшую географическую информацию текста оказалось невозможным, но немалую часть рек, гор, населенных пунктов и княжеств, упомянутых Сыма Цянем, читатель найдет на картах и схемах, подготовленных А.Вяткиным по китайским источникам.

В заключение хочу выразить благодарность моей семье за неоценимую помощь, оказанную мне в работе: моей жене Людмиле Барабаш, перепечатывавшей все черновые варианты, дочери Руфине Вяткиной, помогавшей в обработке указателей и составлении библиографии, и сыну Анатолию Вяткину, отредактировавшему все разделы тома и ставшему моим соавтором в написании вступительной статьи и комментария.

Р.В.Вяткин

* * *

10 сентября 1995 г., когда над этим томом уже заканчивал работу редактор издательства, мой отец Рудольф Всеволодович Вяткин скончался. Увы, не пришлось ему увидеть все 9 томов *Ши цзи*, выдающегося памятника, которому он отдал большую часть своей души и жизни в науке. На рабочем столе отца остался первый вариант переводов 86–110 глав (VIII том) и 111–122 глав (первая половина IX тома).

Надеюсь, что вместе с известным синологом-языковедом, доктором филологических наук А.М.Карапетьянцем, ответственным редактором VII тома, нам удастся осуществить мечту моего отца – завершить публикацию *Ши цзи*, и русский язык станет тем первым европейским языком, на котором труд Сыма Цяня дойдет до читателя во всей полноте.

А.Р.Вяткин

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ (ЛЕ ЧЖУАНЬ)

ГЛАВЫ 61-85

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Бо И ле чжуань – Жизнеописание Бо И ¹

У ученых очень много записей [о прошлом], но среди них наиболее изучаемыми и достоверными считаются *Лю и* ². Хотя в *Ши[цзине]* и *Шу[цзине]* ³ есть лакуны, немало сведений сохранилось о домах Юя ⁴ и Ся ⁵.

Намереваясь оставить престол, Яо уступил [его] хойскому Шуно. Со времени Шуня до [Великого] Юя, после того, как совет вождей и старейшины племен рекомендовали [избранника на престол], его испытывали в качестве правителя. Если он образцово выполнял свои обязанности в течение нескольких десятков лет ⁶ и имел заслуги, ему передавали бразды правления. [Этим хотели] показать, что Поднебесная – драгоценный сосуд ⁷, правитель – великое объединяющее начало, а преемственности [в управлении] Поднебесной [достигнуть] нелегко. Говорят, что Яо уступил Поднебесную Сюй Ю, но тот [ее] не принял, считая себя недостойным⁸. Он удалился и стал отшельником. Во времена [дома] Ся были известны имена Бянь Суя и У Гуана, [поступивших так же] ⁹.

Я, *тайшигун*, скажу так ¹⁰.

Я поднимался на гору Цзипань ¹¹. На вершине ее, говорят, были могила Сюй Ю. Конфуций по заслугам описал человеколюбивых, совершенномудрых и достойных людей древности. Он немало говорил о таких, как У Тай-бо и Бо И. Насколько я узнал, [У] Гуан обладал высшим чувством долга. Но почему-то текстов о них сохранилось мало.

Конфуций говорил: «Бо И [и] Шу Ци не помнили зла и роптали редко. Они стремились к человеколюбию и обрели его – чего им было роптать?» ¹². Я скорблю о помыслах Бо И [и Шу Ци], когда читаю оставленные ими поразительные стихи.

Вот что говорится о них в предании. Бо И [и] Шу Ци были сыновьями правителя [царства] Гучжу ¹³. Отец хотел поставить [наследником] Шу Ци. Когда же отец умер, Шу Ци уступил [власть] Бо И. [Но] Бо И сказал: «Это не соответствует воле отца», – и сразу же удалился. Шу Ци тоже не захотел править и по-

следовал за братом, [а] подданные возвели на престол среднего сына. Бо И [и] Шу Ци услышали, что Си-бо по имени Чан ¹⁴ заболит о престарелых, и направились к нему. [Но] когда добрались туда, Си-бо уже умер, а У-ван, прихватив [поминальную] дощечку с титулом [отца] «Вэнь-ван», отправился на восток покарать [иньского] Чжоу [Синя] ¹⁵. Бо И [и] Шу Ци, остановив лошадь [вана], стали увещевать его: «[Когда] скончавшийся отец еще не погребен, хвататься за щит и копьё – это ли зовется сыновьим благочестием? Убийство подданных государя – это ли зовется человеколюбием?» Свита хотела зарубить их, [но] Тай-гун ¹⁶ сказал: «Это люди долга». Их взяли под руки и увели. Когда же У-ван усмирил иньскую смуту [и] Поднебесная признала главенство Чжоу, Бо И [и] Шу Ци устыдились совершенного [чжоусцами] и из чувства долга и справедливости не стали есть чжоуский хлеб. Укрывшись на горе Шоуян ¹⁷, они собирали дикие травы и тем питались. Уже едва живые от голода, они сложили такую песню:

Мы укрылись в Западных горах
И кормимся дикими травами.
Одно насилие сменилось другим,
Но не понимают [люди], что это неверный путь.
Шэнь-нун, Юй и [правители] Ся
Давно исчезли без следа.
Кому же нам теперь следовать?
Увы, нам приходится уходить,
Иссыкает [наша] жизненная сила ¹⁸.

Так они умерли от голода на горе Шоуян. Какой же из этого сделать вывод – роптали они или нет?

Некоторые говорят: «У Небесного Дао нет родственных привязанностей, Небо обычно благоволит достойным людям» ¹⁹. Но можно ли усомниться в том, что Бо И [и] Шу Ци относились к достойным людям? И вот такие люди – полные человеколюбия и чистых помыслов – в конце концов умирают от голода! [Известно] также, что среди 72 учеников Конфуций выделял лишь одного Янь Юаня за любовь к учению ²⁰. Однако Хуэй (Янь Юань) не раз испытывал лишения. Даже мякни у него не было вдосталь, и умер он молодым. Где же воздаяние Неба достойным людям?

Разбойник Чжи ²¹ каждый день убивал ни в чем не повинных людей, ел человечесью печень, злодействовал, как только мог. Собрав несколько тысяч приспешников, он рыскал с ними по всей Поднебесной. Но умер он в глубокой старости. За какие же дос-

тоинства [ему такая награда]? И это лишь самые наглядные и хорошо известные примеры.

Если же обратиться к более близким временам, то обнаружим людей, которые грубо нарушают правила поведения, самовольно отвергают любые запреты и табу, однако всю жизнь пребывают в покое и довольстве, из поколения в поколение накапливают богатства. Но есть и такие, кто выбирает свое место и идет своей дорогой, люди, которые заявляют о себе только тогда, когда приходит время. [Они] не сворачивают на узкие дорожки, любая несправедливость вызывает у них негодование. Но именно среди них несть числа испытавшим все беды и несчастья²². Поэтому я пребываю в крайнем сомнении: неужели это и есть то, что называют Небесным Дао? Или это не является Небесным Дао?

Учитель говорил: «Пути [у людей] разные и намерения разные, каждый следует собственным устремлениям»²³. Поэтому [он же] говорил: «Если можно добиться богатства и знатности, я готов взять в руки плеть и стать простым коннохом; если же богатства и знатности добиться нельзя, я буду заниматься тем, к чему у меня есть влечение»²⁴.

[Конфуций также говорил]: «Лишь когда наступают холода, мы узнаём, что сосна и туя сохраняют свой зеленый наряд»²⁵. Как раз когда весь мир в смуте и грязи, и видны безупречно чистые мужи. Неужели же стоит придавать столь большое значение одному и столь малое – другому²⁶?

[Конфуций говорил]: «Благородный муж страшится мысли, что, когда он уйдет из жизни, его имя будет забыто»²⁷. Цзя-цзы²⁸ говорил: «Корыстолюбец готов на все ради богатства, герой жертвует собой ради славы, честолюбец умирает за власть, а простые люди думают лишь о том, как бы прожить»; «Сходные сияния светят друг другу, вещи одного рода стремятся друг к другу»²⁹; «Тучи следуют за драконом, ветер следует за тигром. Когда появляется совершенномудрый, всё становится ясным»³⁰.

Хотя Бо И [и] Шу Ци были достойными людьми, их имена прославились только благодаря Учителю. Хотя Янь Юань горячо любил учение, но лишь в лучах славы [Учителя]³¹ он стал известен миру. Так и слава мужей-отшельников, живущих уединенно в неприступных пещерах, зависит от случая: они могут стать знаменитыми, но могут и сгинуть без следа. Как это печально! Даже люди из захолустья стремятся облагородить свое поведение и утвердить свое имя в обществе. Но без опоры на уже прославившегося мужа³² разве могут они надеяться на сохранение своего имени в последующих поколениях?

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Гуань, Янь ле чжуань – Жизнеописание Гуань Чжуна и Янь Ина ¹

Гуань Чжун [по имени] И-у был уроженцем [местности] Ин[шан] ². В юные годы он нередко имел дело с [торговцем] Бао Шу-я, сумевшим оценить его достоинства. Гуань Чжун был беден, жил трудно. Он нередко обманывал Бао Шу, но тот продолжал хорошо относиться к нему, ни словом не упрекал его. Через какое-то время Бао Шу поступил на службу к цискому княжичу Сяо-бо, а Гуань Чжун – к княжичу Цзю. Когда Сяо-бо вступил на престол и сделался Хуань-гуном ³, княжич Цзю погиб, а Гуань Чжуна посадили в тюрьму ⁴. Тогда Бао Шу порекомендовал [князю] Гуань Чжуна. После того как Гуань Чжун был принят на службу и ему было поручено управление Ци, циский Хуань-гун стал *ба-ваном*, девять раз собирал съезды *чжухоу* и упорядочил Поднебесную ⁵ – и все это благодаря замыслам Гуань Чжуна.

Гуань Чжун говорил: «Когда я был еще беден и мы с Бао Шу занимались торговлей ⁶, при дележе заработанного большую часть я забирал себе, [но] Бао Шу не считал меня алчным – [он] знал, что я беден. Нередко я так устраивал дела, что мы с Бао Шу оказывались в убытке, [но] он не считал меня глупым – понимал, что есть благоприятные и неблагоприятные времена. Я трижды пытался поступить на службу, и трижды меня прогоняли, [но] Бао Шу не считал меня ничемным – [он] знал, что время мое еще не наступило. Я трижды вступал в схватку и трижды обращался в бегство, [но] Бао Шу не считал меня трусом – знал, что у меня старуха мать. [Когда] княжич Цзю потерпел поражение [и] Чжао Ху его убил ⁷, я оказался в темнице и претерпел унижения, [но] Бао Шу не считал меня обесчещенным – знал, что я стыжусь не мелочей, а того, что заслуги и имя [мое] не прославлены в Поднебесной. Породили меня отец и мать, но понял по-настоящему Бао Шу-я».

Отрекомендовав Гуань Чжуна князю, Бао Шу оказался под его началом. Сыновья [и] внуки [Гуань Чжуна] получили право наследования знатности в Ци, и более десяти поколений [его потомков] владели удельными землями [и] поселениями, сохраняя

титул *да-фу* ⁸. [Ведь] в Поднебесной немного таких достойных людей, как Гуань Чжун, и мало кто, подобно Бао Шу, умел так хорошо разбираться в людях.

Став советником циского *гуна* и взяв на себя управление делами, Гуань Чжун использовал расположение маленького княжества Ци на морском берегу и развернул торговлю. Накопив таким образом богатства, сделал государство процветающим и укрепил войска, разделяя чаяния простых людей. Недаром он говаривал: «Когда склады и закрома полны, [люди] соблюдают ритуал и нормы поведения; когда одежды и пищи вдоволь, [люди] различают, где слава, а где позор; если правители соблюдают нормы ⁹, отношения между *люцинь* крепки ¹⁰; если четыре устоя не поддерживаются ¹¹, государство гибнет. Указы для нижестоящих подобны источнику воды, [они] делают сердца людей послушными. Указы должны быть ясными и немногословными, чтобы народу легко было их выполнять. Предоставьте простому народу то, что он желает, и поскорее избавьте от того, что он отвергает» ¹².

Его (Гуань Чжуна) управление было таким, что он умел [даже] несчастье превращать в счастье, а поражение – в успех. [При нем] тщательно регулировали цены и доходы, внимательно следили за мерами и весами ¹³.

[Как-то] Хуань-гун сильно разгневался на свою младшую жену и послал армию на юг в [княжество] Цай ¹⁴, а Гуань Чжун отправился покарать Чу за то, что чуский правитель не предоставил дому Чжоу в качестве дани связки тростника [для жертвоприношений] ¹⁵. [В другой раз] Хуань-гун предпринял поход на север против *шаньжунов*, а Гуань Чжун потребовал от правителя Янь восстановить политику Шао-гуна ¹⁶. Во время встречи с князьями в Кэ ¹⁷ Хуань-гун намеревался изменить договоренностям с Цао Мо, а Гуань Чжун убедил его не делать этого, в результате чего князья сохранили верность Ци ¹⁸. Говорится же: «Умение давать позволяет и брать – [вот] ценнейший принцип управления» ¹⁹. По своему богатству дом Гуань Чжуна не уступал дому *гуна*. У него было три жены из разных родов ²⁰ и стоял высокий поставец для винных сосудов ²¹. Но цисцы не считали это проявлением расточительства. После кончины Гуань Чжуна княжество Ци продолжало его политику и всегда выделялось силой среди *чжухоу*. Через сто с лишним лет там появился Янь-цзы.

Янь Ин с посмертным именем Пин и прозвищем Чжун был родом из [племени] *лай* из [селения] Ивэй ²². Был на службе у циских Лин-гуна, Чжуан-гуна и Цзин-гуна ²³. Служил Ци всеми силами, скромно и неприметно. [Даже] получив титул циского *сяна*,

он почти не ел мяса, [а его] наложницы не носили шелковых одежд. Если во время приема во дворце правитель обращался к нему, [он] отвечал решительно, а если речи не были [непосредственно] обращены к нему, он решительно действовал ²⁴. Когда в княжестве все было благополучно, Янь Ин следовал [всем] распоряжениям; когда же порядок нарушался, [он] выполнял те указы, которые соответствовали [обстановке]. И при трех поколениях [правителей он] прославил свое имя среди чжухоу.

Юэ Ши-фу был достойным человеком, но случилось так, что он попал в тюрьму и был закован в цепи. Во время прогулки Янь-цзы увидел его на дороге ²⁵. [Он] выпряг левую пристяжную и выкупил его, посадил в свою повозку и отвез к себе домой. Не попрощавшись с ним, он прошел на «женскую» половину дома. Через некоторое время Юэ Ши-фу попросил разрешения уйти. Янь-цзы, пораженный, оправил одежду и шапку и с соблюдением всех приличий спросил: «Я, Ин, хотя и не человеколюбив, но избавил вас от кандалов. Почему же вы хотите так скоро расстаться со мной?» Ши-фу ответил: «Это не так. Я слышал, что совершенно-мудрый сторонится тех, кого не знает, и доверяет тем, кого знает. Когда я был в кандалах, вы меня не знали, но что-то почувствовали во мне и выкупили. Однако, в чем-то поняв меня, вы все же поступили не по [правилам] ритуала. Уж лучше мне было остаться закованным в кандалы». Тогда Янь-цзы ввел его в дом как почетного гостя.

Янь-цзы был *сяном* в Ци. Когда он выезжал из дома, жена его возникшего наблюдала за своим мужем в просвет ворот. Ее муж, сидя высоко под шатром, как подобает возникшему *сяна*, управлял четверкой лошадей и был очень доволен и горд собой. После того как он вернулся, жена попросила разрешения его покинуть. Муж стал спрашивать, в чем дело. Жена сказала: «У Янь-цзы роста не будет и шести *чи* ²⁶, но он – *циский сянь*, прославленный среди чжухоу. Сегодня я наблюдала его выезд. Какая погруженность в свои мысли! И в то же время он ничего из себя не строит. А ты ростом в восемь *чи*, а служишь простым возникшим. И при этом ты вполне доволен собой. Вот я и хочу от тебя уйти». После этого [ее] муж стал очень скромным. Янь-цзы удивился этой [перемене] и спросил его. Возничий рассказал ему все как было. [Тогда] Янь-цзы рекомендовал его в *дафу*.

Я, *тайшигун*, скажу так.

Я читал [тексты] Гуаня «Управление народом», «Горы высокие», «Колесницы и кони», «Важное и неважное», «Девять управлений»²⁷, а также «Весны и осени господина Яня»²⁸. Насколько

подробно они говорят о них (Гуань Чжуне и Янь Ине)! Прочитав их книги, [мне] захотелось сделать обозримыми их деяния, поэтому [я] составил это жизнеописание. Что же касается их трудов, то их много ходит среди современников. Поэтому [о них] я не толкую, а говорю [лишь] о связанных [с этими людьми] историях.

Гуань Чжуня современники называли достойным подданным, но Конфуций принизил его ²⁹. Неужели это за то, что в условиях ослабления чжоуского дома Хуань-гун, будучи достойным, не обратился к [чжоускому] вану, а провозгласил себя *ба-ваном*? Изречение гласит: «Перед тем как следовать прекрасному, надо найти надежное средство от зла, так верхи и низы смогут породниться»³⁰. Разве это сказано не о Гуань Чжуне?

Когда Янь-цзы, лежа ничком, оплакивал покойного Чжуангуна, он ушел, лишь исполнив до конца обряд [прощания]. Неужели о таком человеке может быть сказано: «Видя должное, не действовать – это отсутствие мужества» ³¹? Что же касается его увещаний [и] обличений правителей, его мужества идти наперекор их прихотям, то об этом сказано: «Приближаясь [к трону], думай о бесконечной преданности, удаляясь, думай о восполнении упущений» ³². О, если бы Янь-цзы был жив, от восхищения им я готов взять в руки кнут, [чтобы стать его возницей].

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Лао-цзы, Хань Фэй ле чжуань – Жизнеописание Лао-цзы и Хань Фэя ¹

Лао-цзы был уроженцем селения Цюйжэнь волости Лисян уезда Кусянь ² [царства] Чу, [происходил] из рода Ли, имел имя Эр, второе имя Дань ³. Он был хранителем дворцового архива Чжоу ⁴.

Конфуций отправился в Чжоу, чтобы осведомиться о ритуале у Лао-цзы ⁵. Лао-цзы сказал: «Того, о чем вы спрашиваете, уже почти не осталось. Так от человека остается гниющий труп и [когда-то] произнесенные речи ⁶. К этому добавлю: в благоприятные времена совершенномудрый разъезжает на колеснице, а в неблагоприятные – ходит пешком с тяжелой поклажей. Я слышал, что хороший торговец прячет подальше [свои товары], как будто [у него] ничего нет, а совершенномудрый, обладающий многими добродетелями, внешне стремится выглядеть глуповатым. Отбросьте вашу заносчивость и необузданные желания, [откажитесь] от напыщенных манер и низменных страстей – все это не принесет вам пользы. Вот и все, что я хочу вам сказать». [Конфуций] ушел [и] сказал ученикам: «Я знаю, что птица умеет летать, что рыба умеет плавать, а дикий зверь умеет бегать. Бегающих можно поймать в капкан, плавающих выловить сетью, летающих сбить стрелой. Что же касается дракона, то я не могу понять, как он, оседлав ветер и пронзая облака, устремляется к небесам. Я сегодня виделся с Лао-цзы, который подобен дракону!» ⁷.

Лао-цзы совершенствовал *Дао* [и] *дэ* ⁸, его учение призывает жить в уединении [и] не стремиться к славе. [Он] долгое время жил в Чжоу, [но] увидев, что Чжоу приходит в упадок, решил уехать. Когда [он] достиг заставы ⁹, *линъинь* Си сказал: «Вы собираетесь удалиться от мира. Напишите для меня [хоть] что-нибудь!» Тогда Лао-цзы написал книгу в двух частях ¹⁰, более пяти тысяч слов которой говорили о смысле *Дао* [и] *дэ*. После этого он ушел, и никто не знает о его дальнейшей судьбе ¹¹.

Некоторые говорят, что [был] Лао Лай-цзы, который тоже был чусцем [и] написал книгу в 15 главах, толкующую о пользе учения даосов. Говорят, что он жил одновременно с Конфуцием.

[Тогда] Лао-цзы, наверное, прожил больше 160 лет, или даже 260 лет, поскольку возрастил долголетие, совершенствуя свое *Дао*.

Через 129 лет после смерти Конфуция ¹² главный историограф чжоуского дома Дань при встрече с циньским Сянь-гуном ¹³ сказал: «Цинь и Чжоу начали с единства. После 500 лет единства [они] разойдутся. После 70 лет разъединения там (в Цинь) появится *ба-ван*» ¹⁴. Одни говорят, что Дань и был Лао-цзы, другие отрицают это, и никто на свете не знает правды. Но мудрец-отшельник по имени Лао-цзы несомненно существовал.

Сына Лао-цзы звали Цзун. Он служил военачальником в Вэй и был пожалован владением в Дуаньгань ¹⁵. У Цзуна был сын Чжу, у Чжу был сын Гун, [а] праправнука Гуна звали Цзя ¹⁶. Цзя служил ханьскому Сяо Вэнь-ди. Сын же Цзя [по имени] Цзе был назначен *тайфу* при Ане, наследнике Цзяоси-вана, и поселился с семьей в [княжестве] Ци.

Люди, изучающие [учение] Лао-цзы, отвергают конфуцианство, а конфуцианцы отвергают Лао-цзы. «Пути у людей разные, каждый следует собственным устремлениям» ¹⁷, – разве не об этом сказано? Ли Эр [проповедовал] надеяние, [ведущее к] самоусовершенствованию, безмятежность и чистоту, ведущие к истине¹⁸.

Чжуан-цзы был родом из Мэн ¹⁹, его звали Чжоу ²⁰. Чжоу занимал должность смотрителя [поселения] Циоань ²¹ в Мэн. [Он] был современником лянского Хуэй-вана и циского Сюань-вана ²². Его учение касалось всего на свете, но в основе своей восходило к мыслям Лао-цзы. В сочиненной им книге 100 с лишним тысяч слов, но большей частью это притчи и афоризмы ²³. Среди них – «Рыбак», «Разбойник Чжи», «Взламывание коробов», где он поносит последователей Конфуция [и] прославляет искусство суждений Лао-цзы. В главах, [посвященных] Вэйлэй Сюю [и] Кан (Гэн) Сан-цзы ²⁴ одни только общие рассуждения и нет ничего конкретного. Но [Чжуан-цзы] искусен в построении текста и расстановке слов, а когда критикует конфуцианцев [и] моистов, то умело сопоставляет факты и обстоятельства. Даже лучшие умы того времени были не в состоянии отразить его нападки. Слова его безбрежны, он полностью отдавался своим помыслам, и потому *ваны, гуны* [и] сановники не смогли найти [этому] конкретного применения. Чуский Вэй-ван, услышав о достоинствах Чжуан Чжоу, отправил [к нему] посла с обильными подношениями, предлагая стать *сяном*. Чжуан Чжоу, рассмеявшись, сказал чускому послу: «Тысяча золотых больше деньги, должности *цина* и *сяна* – весьма почетны. Но разве вы не видели, как приносят в жертву быка в храме в окрестностях столицы? Его откармливают несколько лет, одевают в узор-

чатые ткани, чтобы ввести в главный храм. В это время он готов стать хоть сирым кабанчиком – да куда там! Поскорее уходите отсюда! Меня оскорбляет ваше присутствие! Уж лучше мне валяться в грязной канаве в свое удовольствие, пребывая в недеянии, чем быть в узде правителя княжества. До конца дней своих я не хочу никому служить – вот мое истинное желание!»²⁵

Шэнь Бу-хай²⁶ был родом из Цзин²⁷ и когда-то служил мелким чиновником в [княжестве] Чжэн. Ученостью он привлек внимание ханьского Чжао-хоу²⁸. Чжао-хоу поставил его *сяном*. В течение 15 лет он совершенствовал управление [и] обучение в княжестве, во внешних сношениях наладил хорошие отношения с *чжухоу*. При жизни Шэнь-цзы государство было в порядке, армия сильной, [и] никто не мог напасть на Хань. Учение Шэнь-цзы восходит к [школе] Хуан-Лао и делает упор на наказаниях [и принципах] наименования²⁹. [Он] написал книгу в двух частях, которая именуется *Шэнь-цзы*.

Хань Фэй³⁰ был княжичем в Хань. Ему нравилось изучать законы и [доктрину] *синмин*, [он] обращался к ее корням в даоском учении Хуана и Лао. [Хань] Фэй страдал дефектом речи и не любил вести беседы с людьми, зато был искусен в написании книг. Вместе с Ли Сы³¹ он служил Сюнь Цину³². [Ли] Сы признавал, что по способностям он уступает [Хань] Фэю.

Фэй видел ослабление Хань [и] неоднократно обращался с письменными увещаниями к ханьскому *вану*, [но] тот не сумел воспользоваться [ими]. В то время Хань Фэй был озабочен тем, что не занимаются совершенствованием [и] прояснением системы законов, не опираются на силу для управления подданными, не обогащают государство, не усиливают армию, не отыскивают талантливых [и] не назначают на должности достойных, а напротив – выдвигают бездарных и погрязших в разврате, ставят их над теми, кто имеет действительные заслуги. [Хань Фэй] считал, что конфуцианские книги вносят сумятицу в законы, а вооруженные люди силой нарушают нормы и запреты. Когда законы продуманы, тогда выдвигаются достойные люди; когда законы не продуманы – используют мужей в шлемах [и] латах. Печально, что честные и прямодушные не допускаются к службе лукавыми и бесчестными чиновниками.

Познав причины превращения успехов в неудачи в историческом прошлом, [Хань Фэй] создал труд, где были главы «Возмущение одинокого», «Пять червоточин», «Собрание [советов] о внутренних [и] внешних [действиях правителя]», «Лес мнений», «Трудности убеждения», а всего – более 100 тысяч слов³³.

Хань Фэй знал, как трудно убеждать и подробно написал об этом в [главе] «Трудности убеждения». [Но] в конце концов сам погиб в Цинь, не сумев избежать [опасностей].

В «Трудностях убеждения» говорится:

Трудности убеждения состоят не в сложности того, в чем убеждаешь, и не в трудности ясно изложить свое мнение, и не в том, чтобы наперекор общепринятым представлениям осмелиться полностью изложить свои взгляды. Вся трудность убеждения состоит в понимании намерений убеждаемого, дабы наставление оказалось уместным.

Если тот, кого [я] убеждаю, превыше всего ставит славу, а я пообещаю ему крупную выгоду, он сочтет меня мелочным и будет относиться ко мне как к низкому человеку и непременно отвергнет [мой совет и] отдалится [от меня]. Если для того, кого [я] убеждаю, важнее всего крупная выгода, [а] я пообещаю ему славу, он сочтет меня неразумным, далеким от сути дела и, конечно, не примет [совета]. Если тот, кого [я] убеждаю, с виду превыше всего ставит славу, а на самом деле исходит из выгоды, [то] если обещать ему славу, [он] внешне приблизит [советника], но на деле будет держаться подальше от него; если же обещать ему крупную выгоду, то [он] втайне использует его высказывания, но внешне отбросит [его] самого. [Всего] этого нельзя не понимать.

Дела завершаются успехом, когда они исполняются в тайне; советы приведут к неудаче, если их разглашают. И вовсе не обязательно, чтобы [советник] сам это сделал. Откуда бы ни пошли толки о делах, которые надо скрыть, опасность возникнет для самого советника. Если правитель делает ошибку, а советник в ясных словах с самыми добрыми намерениями укажет ему на то зло, которое из нее следует, – это грозит опасностью [самому советуемому]. Если благорасположение правителя еще не распространилось на советуемого, но его слова были все же восприняты правителем и в деле был достигнут успех, то заслуги [советника] будут забыты. Если же совет плох и правитель потерпел неудачу, то советник попадет под подозрение и жизнь его будет в опасности.

Если правитель, использовав план [советника], пожелает приписать успех себе, то [советник], который знает об этом, окажется под угрозой. Когда правитель с виду занимается одним делом, а сам думает о другом, [советник], который знает об этом, оказывается в опасности. Если упорно настаивать на том, чего правитель делать не желает, и препятствовать тому, от чего невозможно его удержать, то это тоже грозит опасностью.

С этим связано и другое: если обсуждать [с правителем] больших людей, то он сочтет, что скрыто осуждают его самого; если будешь с ним обсуждать людей мелких, то он сочтет, что [ты] из корысти заинтересован в их выдвигании; если будешь рассуждать о том, что ему нравится, то он сочтет, что к нему подлаживаются; если будешь обсуждать то, что он терпеть не может, посчитает, что его испытывают. Если быть кратким и говорить только об имеющем непосредственное отношение к делу, это сочтут незнанием и извратят; если говорить обо всем и демонстрировать ученость, сочтут многословным и отнимающим время. Если рассуждать только по делу, сочтут нерешительным и не договаривающим до конца; если же все учитывать и не ограничиваться сиюминутными интересами, сочтут заносчивым. В этом состоят трудности убеждения, [и всего этого] нельзя не понимать.

Советник должен уметь приукрасить то, что ценит принимающий советы, и отместить то, что ему нелюбо. Когда [правитель] сам строит свои планы, не следует указывать ему на его ошибки и промахи. Если [он] уже решился на что-то, советник не должен выступать противником этого решения и возбуждать гнев; если правитель даже переоценивает свои силы, то советующий не должен затруднять его действия. Если правитель планирует совместные с кем-то действия, то советник должен восхвалять тех, кто готов к таким действиям, стараясь показать, что от этого не будет вреда. Если же предприятие с союзниками закончится неудачей, то советник должен приукрасить дело, как будто неудачи и не было.

Великая преданность ничего не отвергает, умелые речи ничего не отрицают, и тем самым [советник] получает возможность развить свою рассудительность [и] знания. Близости [к правителю] и его безусловного доверия можно добиться, только познав пределы [того, что можно и нужно говорить]. И если выждать немалый срок до того, как возникнет полное благорасположение правителя и он перестанет испытывать сомнения по поводу далеко идущих планов, не будет считать преступлением пререкания с ним, тогда замыслы советника, в которых будут открыто показаны и выгоды и недостатки, станут только его заслугой. И тогда вы сможете прямо указывать, где правда, а где ложь, и это украсит вас. Когда и правитель, и его советник станут поддерживать друг друга, это и будет означать, что убеждение достигло своей цели ³⁴.

И Инь был поваром, Байли Си – пленником ³⁵, но оба они сумели добиться расположения правителей. Эти *цзюньцзы*, даже занимая низкое положение, руководствовались высшими принципами. Вот почему они оказались способны к [успешной] карьере.

В княжестве Сун жил один богатый человек. [Как-то] дождь размыл стену его дома, [и] сын сказал: «Если не починить, нас могут ограбить». Отец соседа сказал то же самое. Ночью [их] в самом деле [ограбили, и] они потеряли много ценностей. Его домашние высоко оценили проникательность сына и заподозрили отца соседа.

Некогда чжэнский У-гун, задумав напасть на [царство] Ху ³⁶, выдал свою дочь замуж за его [правителя], после чего обратился за советом к своим чиновникам: «Я собираюсь начать войну. На кого следует напасть?» Гуань Ци-сы сказал: «Можно напасть на Ху». Тогда [гун велел] казнить Гуань Ци-сы ³⁷, сказав: «Ху – это братское государство, как же ты говоришь о походе на него?!» Правитель Ху, услышав об этом, счел царство Чжэн родственным и не принял мер предосторожности против Чжэн. Чжэнцы неожиданно напали на Ху [и] захватили его. Знания обоих этих советчиков были верными, но [обернулись тем, что] в более серьезном [случае советчик] был казнен, [а] в более легком – подвергся подозрению. Трудность состоит не в том, чтобы знать: распорядиться знанием – вот что трудно.

Некогда Ми-цзы Ся полюбился правителю [Малого] Вэй. По законам Вэй пользование украдкой колесницей правителя считалось таким преступлением, за которое отрубали ноги. Случилось так, что мать Ми-цзы заболела. Об этом узнали и пришли ночью сообщить [ему]. Ми-цзы вскочил на княжескую колесницу и помчался [к матери]. Когда правитель узнал об этом, он счел это достойным [поступком], сказав: «Вот это сыновья почтительность! Ради матери он совершил преступление, за которое отрубают ноги!» [Однажды Ми-цзы] гулял с правителем в саду [и] попробовал персик, [который] оказался [очень] сладким. Не доев, он протянул его правителю. Правитель сказал: «Как он любит меня! Забывая о своем удовольствии, думает обо мне!»

Когда же Ми-цзы стал старше, любовь [правителя] ослабла, и [Ми-цзы] припомнили все прегрешения. Правитель сказал: «Он однажды вскочил на мою колесницу, да еще накормил обедом персика». Таким образом, одни и те же поступки сперва считались достойными, а потом – преступными, [поскольку] изменились чувства. Так, когда пользуешься любовью правителя, то и знания твои [оказываются] к месту, и [тебя] всячески приближают. Если же правитель тебя не любит, он считает тебя преступником и отдаляет [от себя]. Поэтому мужу, выступающему с увещаниями и советами, необходимо выяснить, как относится к нему правитель, а после этого убеждать его [в чем-то].

Ведь дракон – это пресмыкающееся, его можно приручить и запрячь. Но под подбородком у него есть торчащие чешуйки [длиной] примерно в *чи*. Если человек тронет их, то дракон непременно его убьет. У правителей тоже есть торчащие чешуйки, и если советник сумеет их не тронуть, то все будет в порядке³⁸.

Кто-то передал труды [Хань Фэя] в Цинь. Циньский *ван*, прочитав главы «Возмущение одинокого» [и] «Пять червоточин», воскликнул: «О, я готов на все, лишь бы увидеть этого человека и побеседовать с ним!» Ли Сы сказал: «Эти тексты написаны Хань Фэем». Вскоре Цинь напало на Хань. Ханьский *ван*, который вначале не прислушивался к советам Фэя, теперь, когда надвинулась беда, отправил Фэя послом в Цинь. Циньский *ван* обрадовался этому, но, не вполне доверяя [Фэю], не прибегал к его услугам.

Ли Сы [и] Яо Цзя решили погубить его и, клеветая, заявили: «Хань Фэй – княжич ханьского дома. Ныне вы, *ван*, вознамерились объединить *чжухоу*, [а] Фэй всегда будет действовать в пользу Хань, а не Цинь. Такова уж натура человека. Если вы, *ван*, не прибегая к его услугам, надолго оставите [его в Цинь], [а потом] разрешите ему вернуться, то навлечете на себя несчастья. Лучше его казнить за [какое-нибудь] нарушение закона». Циньский *ван* согласился и поручил судебным чиновникам задержать Фэя. Ли Сы послал человека передать Фэю яд, чтобы он покончил с собой. Хань Фэй хотел встретиться [с *ваном*, но] не получил аудиенции. Циньский *ван* впоследствии раскаялся в этом [и] послал людей помиловать его, но [Хань] Фэй был уже мертв.

Шэнь-цзы и Хань [Фэй]-цзы написали книги, которые дошли до последующих поколений, у ученых много их [экземпляров]. Особо скорблю я о том, что Хань [Фэй]-цзы, написав «Трудности убеждения», сам не сумел избежать [печальной участи].

Я, *тайшигун*, скажу так.

Лао-цзы высоко почитал *Дао* [и] небытие. [Он учил, что] ответом на любого рода изменения должно быть недеяние. Созданный им труд глубок и искусно написан, [но] труден для понимания. Чжуан-цзы широко распространил учение о *Дао* и *дэ*, был безупречен в рассуждениях, проповедовал возвращение к природе. Шэнь-цзы усердно трудился над вопросами соотношения имени [и] сущности. Хань [Фэй]-цзы устанавливал критерии оценки фактов и явлений, различал истинное [и] ложное; [однако] его [учение] могло быть и жестоким, [ему] недостает милосердия. Все [эти учения] имели своим истоком *Дао* [и] *дэ*, но лишь Лао-цзы глубок [и] беспродель! ³⁹

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Сыма Жан-цзюй ле чжуань – Жизнеописание Сыма Жан-цзюя ¹

Сыма Жан-цзюй был потомком Тянь Ваня ². Во времена циского Цзин-гуна ³ [княжество] Цзинь напало на [циские] города Э и Чжэнь ⁴, а [княжество] Янь вторглось [в земли Ци] на южном берегу Хуанхэ. Циские войска потерпели крупное поражение. Цзин-гун был этим очень расстроен. Тогда Янь Ин ⁵ рекомендовал [ему] Тянь Жан-цзюя сказав: «Хотя Жан-цзюй всего лишь побочный отпрыск рода Тянь, но с его способностями и знаниями он может увлечь за собой множество людей, [а] своим военным талантом – устрасшить врагов. Хочу, чтобы вы, правитель, испытали его». Цзин-гун призвал Жан-цзюя, побеседовал с ним о военных делах и остался им очень доволен. Назначив его *цзянцзюнем*⁶, поставил во главе войск, дающих отпор армиям Янь и Цзинь. Жан-цзюй сказал: «Я – человек низкого происхождения. Вы, правитель, извлекли меня из захолустья и поставили выше сановников. Солдаты и командиры еще не на моей стороне, а *байсины* [мне] еще не доверяют, [поскольку я] человек маленький [и] незначительный. Мне нужен сановник, к которому вы испытываете благосклонность и которого уважают в княжестве. Если назначить его инспектором войск, то все будет хорошо». Цзин-гун согласился и направил к нему Чжуан Цзя.

Расставшись с *гуном*, Жан-цзюй так договорился с Чжуан Цзя: «Завтра в полдень встретимся у ворот лагеря». Жан-цзюй первым поспешил в войска, установил *бяо*, пустил *лоу* ⁷ и стал ждать Цзя. [Чжуан] Цзя происходил из знатного рода, был заносчив; считая, что войска его собственные, да и сам же он их инспектор, не особенно торопился. Его провожали родственники и приближенные, [и] он задержался, пируя с ними. Полдень наступил, а Цзя не прибыл. Тогда Жан-цзюй повалил *бяо*, вылил воду из *лоу*, вошел [в лагерь], произвел смотр войск и ввел [боевой] распорядок. После того как распорядок был определен, уже к вечеру, [Чжуан] Цзя наконец прибыл. Жан-цзюй спросил: «Почему [вы] приехали позже назначенного срока?» [Чжуан] Цзя, извиня-

яся, сказал: «Меня, бесталанного, провожали сановники [и] родственники, поэтому задержался». Жан-цзюй [на это] сказал: «Военачальник в день, когда получает приказ, забывает о своем доме, когда введен [боевой] распорядок, забывает своих родных, [а] в час тревоги, когда забьют боевые барабаны, забывает о себе самом. Ныне вражеские войска вторглись глубоко [в наши земли], внутри царства смута, солдаты и командиры [стоят] под открытым небом на границах, правитель [же] лишился сна, еда для него потеряла вкус. В ваших руках судьба байсинов, как вы могли устроить проводы?»

Он призвал *цзюньчжэна* ⁸ [и] спросил его: «Как, согласно военным законам, поступают с теми, кто прибывает позже назначенного срока?» Ему ответили: «Он подлежит казни». Чжуан Цзя перепугался [и] послал гонца срочно доложить [о случившемся] Цзин-гуну, моля о спасении. Но еще до возвращения гонца в назидание всему войску ⁹ Чжуан Цзя был обезглавлен. Всех командиров охватил страх. Через некоторое время от Цзин-гуна прибыл гонец с биркой о помиловании Цзя. [Он] на всем скаку ворвался в воинский лагерь. Жан-цзюй сказал: «Когда военачальник находится в войсках, не все приказы правителя для него обязательны». [И] спросил *цзюньчжэна*: «Как по закону следует поступить с человеком, ворвавшимся в расположение войск?» [Цзюнь]чжэн сказал: «Он подлежит казни». Гонца охватил ужас. [Но] Жан-цзюй сказал: «Посланца правителя убивать нельзя». Тогда казнили его слугу, [отрубили] левую оглоблю [и убили] левую пристяжную, чтобы это послужило уроком для всего войска. [Жан-цзюй] отправил гонца обратно с докладом, а затем выступил [в поход].

[В походе Жан-цзюй] заботился о жилье для солдат [и] командиров, о их еде и питье, справлялся о лекарствах для больных, лично утешал их. Все полагающееся ему как *цзянцзюню* довольствие он раздавал солдатам [и] командирам, питался наравне с ними, особенно заботился о самых усталых и слабых. За три дня войска [значительно] продвинулись вперед. [Даже] больные [солдаты] рвались в поход, все готовы были броситься в бой за него.

[Когда] цзиньские войска узнали об этом, [они] прекратили военные действия и отошли; [когда] яньские войска узнали об этом, они отступили за реку [и] сняли осаду. Тогда [Жан-цзюй] нанес удар по отходящему противнику, вернул все утраченные ископные земли [своего княжества] и во главе отрядов вернулся обратно.

Не дойдя до столицы, [он] распустил военные колонны, отменил [боевой] распорядок, принял присягу [на верность правителю] и после этого вошел в город. Цзин-гун со всеми сановниками

встретил его в пригороде, восславил победителей, исполнил [соответствующий] ритуал [и только] тогда возвратился в резиденцию для отдыха. Дав аудиенцию Жан-цзюю, он присвоил ему почетное звание *дасыма*. [С этого времени] представители рода Тянь стали приобретать все большее влияние и почет в Ци.

Это вызывало недовольство сановников из родов Бао, Гао [и] Го, они оклеветали [Жан-цзюя] перед Цзин-гуном. Цзин-гун удалил от себя Жан-цзюя, который заболел и умер. Тянь Ци и Тянь Бао со своими близкими возненавидели за это Гао [Чжана], Го [Ся] и их сторонников. Позднее Тянь Чан убил Цзянь-гуна [и] полностью уничтожил роды Гао и Го. Правнук [Тянь] Чана по имени Хэ захватил престол в Ци, став циским Вэй-ваном. [Он умело] использовал войска для усиления своего могущества, широко применял методы Жан-цзюя, и *чжухоу* пришли на поклон к Ци. Циский Вэй-ван повелел своим сановникам восстановить и откомментировать древние трактаты о ведении войны и управлении войсками, включив в их число [труды] Жан-цзюя, под названием «Сыма Жан-цзюй бинфа»¹⁰.

Я, *тайшигун*, скажу так.

Я читал [эти] трактаты о ведении войны и управлении войсками. Они обширны, а мысли, изложенные там, глубоки и широки! Описанием походов трех [древних] эпох¹¹ не исчерпывается их смысл. Что же касается его (Жан-цзюя) текста, [то в нем] мало что заслуживает похвалы. Такие, как Жан-цзюй, умело командуют походом войск малого княжества, но этого мало для таких похвал, коих достоин весь труд «Сыма бин-фа». Поскольку у людей есть немало связей «Сыма бинфа», я специально [эту книгу] не обсуждаю, [а только] написал жизнеописание Жан-цзюя.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Сунь-цзы, У Ци ле чжуань – Жизнеописание Сунь-цзы и У Ци ¹

Сунь-цзы [по имени] У («Воинственный») был уроженцем княжества Ци. Свой труд о законах ведения войны он представил на рассмотрение ускому вану Хэ Люю ². Хэ Люй сказал: «Ваш [труд в] 13 главах ³ я полностью рассмотрел. Нельзя ли устроить маленькую проверку вашего умения управлять войсками?» [Сунь-цзы] ответил: «Можно». Хэ Люй спросил: «Можно ли попробовать на обучении [военному делу] женщин?» [Сунь-цзы] ответил: «Можно». Тогда [ван] отдал соответствующие распоряжения. Вызвали из дворцовых покоев [всех] красавиц, их набралось 180 человек. Сунь-цзы разделил [их] на два отряда, во главе каждого поставил одну из любимых наложниц *вана* и приказал всем взять в руки алебарды ⁴. Отдавая им распоряжения, [он] спросил: «Знаете ли вы, [где находится] ваше сердце, правая и левая рука, спина?» Женщины ответили: «Знаем». Сунь-цзы продолжал: «При команде “вперед!” обратитесь лицом туда, куда смотрит сердце; при команде “налево!” обратитесь в сторону левой руки; “направо!” – обратитесь в сторону правой руки; “назад!” – обратитесь в сторону спины». Женщины ответили: «Понятно».

Установив распорядок действий, [Сунь-цзы] поднял секиру ⁵ и [еще раз] подробно и тщательно все объяснил. Затем он подал барабанным боем сигнал «направо», но женщины [только] рассмеялись. Сунь-цзы сказал: «Если распорядок неясен [и] команды не усвоены – это вина военачальника». Он вновь подробно и тщательно все объяснил и подал барабанным боем сигнал «налево!», [а] женщины снова рассмеялись. Сунь-цзы сказал: «Если распорядок неясен [и] команды не усвоены – это вина военачальника, [но] если распорядок уже ясен, но ему не следуют – это вина командиров». И решил казнить командиров правого и левого отрядов.

Уский *ван*, наблюдавший за происходящим с террасы дворца, очень испугался, увидев, что собираются казнить его любимых наложниц. Он поспешно послал вниз гонца с распоряжением: «Я уже убедился, что вы, полководец, умеете управлять войсками, но

без этих двух наложниц мне еда не будет сладка. Я не хочу, чтобы их казнили». Сунь-цзы ответил: «Я уже назначен командующим. [Когда] командующий находится в войсках, не все приказы правителя являются [для него] обязательными». Затем [он] отрубил головы командирам отрядов в назидание [другим] и назначил [новыми] командирами двух следующих наложниц. Тогда он снова стал отдавать распоряжения барабанным боем, [и] женщины стали [поворачиваться] налево и направо, [двигаться] вперед и назад, становиться на колени и вставать в соответствии с распоряжением, не осмеливаясь издать ни звука ⁶.

Тогда Сунь-цзы послал гонца доложить вану: «Войско уже приведено в порядок. Ван может спуститься для личной инспекции. Как бы правитель ни пожелал использовать его, оно пойдет в огонь и в воду». Уский ван сказал: «Вы, командующий, заканчивайте учение [и] отправляйтесь домой, я не желаю спускаться для инспекции». Сунь-цзы [на это] сказал: «Вам, правитель, правятся лишь рассуждения [о войне], вы не в состоянии применять их на деле». Тогда Хэ Люй понял, что Сунь-цзы умеет управлять войсками, и в конце концов назначил его командующим.

На западе [усцы] разбили сильную чускую [армию и] вступили [в столицу] Ин ⁷, на севере создали угрозу Ци и Цзинь. [Так Хэ Люй] прославился среди чжухоу. Во всем этом есть заслуга Сунь-цзы ⁸.

Через 100 с лишним лет после кончины Сунь У жил Сунь Бинь⁹. Бинь вырос недалеко от городов Э и Чжэнь. Бинь, очевидно, был отдаленным потомком Сунь У. Когда-то Сунь Бинь вместе с Пан Цзюанем изучал законы ведения войны. Потом [Пан Цзюань] служил в Вэй и был назначен командующим войсками [вэйского] Хуэй-вана ¹⁰, но по способностям считал себя не равней Сунь Биню. И он тайно послал [человека] позвать Сунь Биня в Вэй. Когда Бинь прибыл, Пан Цзюань, опасаясь, что тот своими достоинствами затмит его, сумел так использовать законы, что Сунь Биню отрубили коленные чашечки, а на лицо поставили клеймо. Так [Пан] надеялся упрятать его подальше, чтобы [тот] не смог попасть на службу. Когда циский посол прибыл в Лян ¹¹, Сунь Бинь с помощью тюремного служителя тайно встретился с ним. [Он] дал советы цискому послу, который был поражен его [способностями] и тайно вывез Сунь Биня в Ци. Циский военачальник Тянь Ци счел его знающим и принял как почетного гостя.

Тянь Ци не раз выставлял своих лошадей на скачки, соревнуясь с княжичами из циского дома. Сунь-цзы ¹² заметил, что лоша-

ди военачальника по своим качествам весьма различаются. Среди них были хорошие, средние и слабые. Тогда Сунь-цзы сказал Тянь Цзи: «Когда вам придется соревноваться на скачках, я обещаю вам выиграть». Тянь Цзи доверился ему. Наступило время состязаний с княжичами ¹³ на приз в тысячу [цзиней] золотом. Перед самым соревнованием Сунь-цзы сказал [Тянь Цзи]: «Сначала поставьте вашу слабую лошадь против их лучшей лошади и выиграйте вашей лучшей лошадью у их средней лошади, а вашей средней лошадью – у их худшей лошади». Когда провели три заезда, Тянь Цзи один проиграл, а два выиграл [и] в конце концов получил у *вана* тысячу [цзиней] золотом. После этого Цзи представил Сунь-цзы Вэй-вану ¹⁴. Вэй-ван расспросил [его] о законах ведения войны, после чего поставил его *ши* (наставником в военных делах).

[Вскоре] после этого Вэй напало на Чжао ¹⁵. Встревоженный [правитель] Чжао обратился за помощью к Ци. Циский Вэй-ван хотел поставить во главе войск Сунь Биня, [но] Бинь, поблагодарив [за честь], отказался, сказав: «Искалеченный наказанием не может [управлять войсками]». Тогда назначили командовать войсками Тянь Цзи, а Сунь-цзы сделали *ши*. [Он] сидел в повозке под балдахинном и, следуя за войском, составлял планы.

Тянь Цзи хотел отправиться с войсками в Чжао, но Сунь-цзы сказал: «Тот, кто приводит в порядок спутанную пряжу, не пользуется кулаками; тот, кто разнимает дерущихся, не хватается за алебарду. Всегда следует бить по слабому месту противника, контролировать обстановку, – и вы будете хозяином положения. Сейчас [войска] Лян сражаются в Чжао, следовательно, молодые и хорошо вооруженные воины ушли за пределы княжества, остались лишь старые и слабые. Вам лучше во главе войск пойти спешным маршем на Даян, захватить пути снабжения, [то есть] ударить по месту, которое у них в данный момент ослаблено. [Тогда] они непременно оставят Чжао и устремятся на помощь своей [столице]. Так мы одним ударом избавим от опасности Чжао и ослабим армию Вэй». Тянь Цзи последовал этому [совету]. Вэйцы действительно оставили Ханьдань [и] схватились с Ци у Гуйпина (353 г.)¹⁶, [где] вэйская армия потерпела крупное поражение.

Через 13 лет ¹⁷ [княжества] Вэй и Чжао напали на Хань ¹⁸. Хань обратилось за помощью к Ци. Ци направило туда войска под командованием Тянь Цзи, которые пошли прямо на Даян. Вэйский военачальник Пан Цзюань, услышав об этом, оставил Хань и повернул назад, [но] циска армия уже пересекла [границу] и двигалась на запад. Сунь-цзы сказал Тянь Цзи: «Воины грех цзиньских княжеств отчаянно храбры, [но] недооценивают Ци,

называют цисцев трусливыми. Умелый военачальник, воспользовавшись обстановкой, с выгодой [для себя] завлечет их. В законах ведения войны [говорится]: “Те, кому перед сражением приходится проходить 100 *ли*, могут потерять [даже] старших командиров; у тех, кому приходится проходить 50 *ли*, может дойти половина войска”¹⁹. Сделайте так, чтобы цисские войска, вошедшие в Вэй, устроили [сначала] 100 тысяч очагов [для приготовления пищи], на следующий день – 50 тысяч очагов, а на третий день – 30 тысяч очагов». Через три дня похода Пан Цзюань радостно заявил: «Я был уверен, что цисские воины – трусы: через три дня после вступления в наши земли больше половины их воинов [и] командиров разбежалось». Тогда он оставил свои пехотные части и с легковооруженными отборными [солдатами] стал преследовать цисцев, двигаясь днем и ночью.

Сунь-цзы, рассчитав их движение, [определил, что] к вечеру [они] должны достичь Малина²⁰. Дорога у Малина узкая, по обеим сторонам много естественных препятствий, [где] можно расположиться в засаде солдат. И тогда [он приказал] срубить большое дерево, очистить его от коры и сделать надпись: «Пан Цзюань умрет под этим деревом». Затем [он] приказал десяти тысячам лучших лучников цисской армии расположиться в засаде по обеим сторонам дороги. [Они] получили такой приказ: «Вечером, увидев огонь, стрелять всем разом».

Пан Цзюань действительно вечером дошел до срубленного дерева. Увидев, [что оно] очищено от коры и надписано, зажег факел, чтобы осветить его. Но не успел он дочитать, как десять тысяч лучников цисской армии выстрелили разом. Вэйская армия пришла в большой беспорядок, началась паника. Пан Цзюань понял, что положение безвыходное, а поражение неизбежно, и со словами «Слава-таки досталась этому негоднику!» перерезал себе горло. Цисские войска, воспользовавшись успехом, полностью разгромили его армию, взяли в плен вэйского наследника Шэня²¹ и увели с собой. Благодаря всему этому имя Сунь Биня прославилось в Поднебесной, и из поколения в поколение стали передаваться его труды о военном искусстве²².

У Ци был родом из [Малого] Вэй²³, любил заниматься военным делом. Некогда учился у Цзэн-цзы²⁴, служил правителю Лу. Когда цисцы напали на Лу, [правитель] Лу хотел поставить У Ци во главе войск, [но поскольку] У Ци был женат на женщине из [княжества] Ци, лусцы в нем сомневались. Тогда У Ци, стремясь утвердить свое имя, убил свою жену, тем самым демонстрируя, что у него нет привязанности к Ци. В конце концов луский пра-

витель назначил его командующим войсками. [У Ци] повел войска в наступление на [армию] Ци и нанес ей серьезное поражение.

Среди лусцев некоторые сомневались в У Ци и рассказывали о нем: «[У] Ци – хитрый [и] бессердечный человек. Когда он был юн, в семье накопили тысячу *цзиней* [золотом, чтобы обеспечить ему карьеру]. Но советником он так и не стал, а дом разорил. Односельчане стали смеяться над ним, тогда У Ци убил более 30 земляков и бежал из [Малого] Вэй на восток. Прощаясь с матерью, [он], укусив в знак клятвы свою руку ²⁵, сказал: “Я не появилось в Вэй, пока не стану *цином* [или] *сяном!*” Затем он служил Цзэн-цзы. Через некоторое время умерла его мать, а он так и не вернулся [отдать ей последний долг]. Цзэн-цзы стал презирать его [за это] и порвал с ним ²⁶. Тогда [У] Ци прибыл в Лу, стал изучать военное искусство, чтобы служить лускому правителю. [Поскольку] правитель Лу сомневался в нем, [У] Ци убил свою жену, чтобы получить командование войсками. Но Лу – маленькое княжество, и если у него будет репутация победителя, то *чжухоу* станут против него строить козни. К тому же Лу [и] Вэй – братские княжества ²⁷, и если правитель будет использовать У Ци, [он] оттолкнет Вэй». Луский правитель счел все эти [обстоятельства] немаловажными и отказался от услуг У Ци ²⁸.

В это время У Ци услышал, что вэйский Вэнь-хоу ²⁹ – достойный [правитель], и захотел служить ему. Вэнь-хоу спросил у Ли Кэ³⁰: «Что за человек этот У Ци?» Ли Кэ ответил: «Ци корыстолобив и похотлив ³¹, но командует войсками так, что Сыма Жан-цзюй ³² не мог бы [его] превзойти». Тогда вэйский Вэнь-хоу назначил его командующим. Тот нанес удар по Цинь [и] захватил пять городов.

Будучи командующим, Ци одевался и питался, как простой солдат, спал, не подкладывая циновки. Во время похода он не ездил верхом ³³ или в колеснице, сам носил в мешке необходимый провиант, деля с солдатами и командирами трудности и тяготы [похода]. Когда у одного из солдат образовался нарыв, [У] Ци сам высосал из него гной. Мать солдата, узнав об этом, расплакалась. Ее спросили: «Твой сын – [простой] солдат, а тут сам главнокомандующий высосал гной [из его] нарыва, чего же ты плачешь?» Мать сказала: «Как же мне не плакать! В прошлом году У-гун (У Ци) высосал гной у его отца, который храбро сражался и был в конце концов убит в бою. А сейчас У-гун высосал гной у его сына, и это сулит ему гибель. Вот почему [я] плачу».

Вэнь-хоу находил, что У Ци искусно управляет войсками, бескорыстен и справедлив, умеет расположить к себе сердца солдат.

И он назначил его руководить обороной [области] Сихэ³⁴, чтобы давать отпор Цинь и Хань.

После смерти вэйского Вэнь-хоу Ци [продолжал] служить его сыну У-хоу³⁵. [Однажды] У-хоу плыл вниз по реке Сихэ. Находясь на самой стремнине, [он], обращаясь к У Ци, сказал: «Как прекрасны реки и твердыни гор! Поистине это опора вэйского княжества». На это [У] Ци ответил: «Суть в добродетелях, а не в неприступности³⁶. В прошлом [племена] *саньмяо* слева были [защищены озером] Дунтин, справа – [озером] Пэнли. [Но] их добродетели не совершенствовались, [и император] Юй уничтожил их³⁷. Местообитание сяского [правителя] Цзе было слева [прикрыто реками] Хуанхэ и Цзишуй, справа – [горами] Тайшань [и] Хуашань; с юга находился [горный проход] Ицзо, к северу – [кручи] Янчана³⁸. [Но] правление [Цзе] было негуманным, и [Чэн] Тан изгнал его³⁹. Государство иньского Чжоу [Синя] слева [было защищено горами] Мэнмэнь, справа – горами Тайхан; на севере была гора Чаншань⁴⁰, с юга протекала Великая река (Хуанхэ). Но правление [Чжоу Синя] было недобродетельным, и [чжоуский] У-ван убил его. Отсюда можно видеть, что [все дело] в добродетели, а не в неприступности. Если правитель не совершенствует добродетели, то даже люди, находящиеся с ним в одной лодке, становятся его врагами». У-хоу на это сказал: «Прекрасные [слова]!»

У Ци, будучи управителем Сихэ, весьма прославился. [В это время] в Вэй установили [пост] *сяна* и назначили Тянь Вэня. У Ци был [этим] недоволен [и однажды] обратился к Тянь Вэню: «Можно поговорить с вами о заслугах?» Тянь Вэнь ответил: «Можно». Ци спросил: «Кто из нас лучше командует тремя армиями, способен добиться того, чтобы солдаты и командиры были готовы умереть, [а] враждебные княжества не смели замышлять [что-либо против нас]?» [Тянь] Вэнь сказал: «[В этом] я уступаю вам». Ци сказал: «Кто из нас способен лучше навести порядок среди чиновников, быть близким к народу, наполнить склады и хранилища?» Вэнь сказал: «[И в этом] я уступаю вам». Ци продолжал: «Кто из нас лучше сможет держать земли Сихэ, чтобы циньские войска не смели двигаться в восточном направлении, а Хань и Чжао следовали за нами?» Вэнь ответил: «[И в этом] я уступаю вам». Ци сказал: «По всем этим трем [направлениям] вы ниже меня, почему же по положению вы выше меня?» Вэнь ответил: «Когда правитель мал [и] княжество нестабильно, [когда] высшие сановники еще не поддерживают князя, а народ не доверяет ему, на кого в такое время надо возложить управление дела-

ми княжества – на вас или на меня?» [У] Ци долго молчал и наконец сказал: «На вас!» Вэнь сказал: «Вот поэтому я и занимаю положение выше вашего». Тогда-то У Ци понял, что ему трудно равняться с Тянь Вэнем.

После смерти Тянь Вэня *сяном* стал Гун Шу. Возвысившись [женигьбой] на вэйской принцессе, [он] задумал навредить У Ци ⁴¹. Слуга Гун Шу сказал [ему]: «Устранить [У] Ци легко». Гун Шу спросил: «Каким образом?» Слуга ответил: «У Ци – человек бескорыстный и гордый, дорожающий своей репутацией. Поэтому сначала вы скажите У-хоу следующее: “У Ци – достойный человек, но княжество ваше небольшое и к тому же граничит с могущественным Цинь. Я боюсь, что Ци не заинтересован в том, чтобы [у нас] остаться”. У-хоу спросит: “Как же быть?” На это вы скажете У-хоу: “Надо попробовать завлечь его [браком] с принцессой. Если [У] Ци собирается остаться, то он непременно примет это [предложение], если не собирается остаться, то откажется. Так вы разгадаете его [помыслы]”. После этого призовите У Ци и передайте ему предложение правителя, но сделайте так, чтобы принцесса рассердилась и проявила неуважение [к Ци]. У Ци увидит, что принцесса ни во что его не ставит, и непременно откажется». Вскоре У Ци обнаружил презрительное отношение принцессы к нему и отказался [от предложения] вэйского У-хоу. У-хоу засомневался в нем и перестал ему доверять. У Ци, опасаясь опалы, бежал в [царство] Чу.

Чуский Дао-ван ⁴² был наслышан о достоинствах [У] Ци и по прибытии назначил его *сяном*. [У Ци сделал] ясными законы и продуманными указы, выгнал бесполезных чиновников, отменил кормление дальних родичей князя. В то же время он заботился о храбрых воинах, укреплял армию, устранял бестолковых болтунов-советников. В результате Чу усмирило племена *наньюэ*; на севере присоединило Чэнь и Цай, отразило нападение трех цзиньских [княжеств]; на западе напало на Цинь. *Чжухоу* стали опасаться мощи Чу ⁴³.

Однако чуская знать и родственники князя всеми силами стремились погубить У Ци. И когда Дао-ван умер, высшие сановники и родня [покойного] взбунтовались и напали на У Ци. У Ци убежал от них и спрятался за телом [покойного] князя. Преследователи закололи У Ци, повредив тело Дао-вана. После погребения Дао-вана, [когда] на престол взшел наследник, он приказал *линбиню* казнить тех, кто, убивая У Ци, потревожил [тело] Дао-вана. Из-за убийства [У] Ци было истреблено свыше 70 родов.

Я, тайшигун, скажу так.

То, что принято называть военным искусством, описано в 13 главах труда Сунь-цзы и в «Законах ведения войны» У Ци; у людей много [этих книг], поэтому я о них не рассуждаю, а рассматриваю дела и поступки этих [людей]. Говорят: «Способный действовать еще не обязательно способен говорить, способный говорить еще не обязательно способен действовать»⁴⁴. Сунь-цзы был так умен, что сумел разгадать планы Пан Цзюаня, но не смог уберечь себя от беды и был сурово наказан. У Ци убеждал У-хоу, что добродетель важнее природных условий и рельефа местности. Но ему пришлось бежать в Чу, где лишился жизни из-за собственной жесткости и недостатка милосердия. Как это прискорбно!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

У Цзы-суй ле чжуань – Жизнеописание У Цзы-сюя ¹

У Цзы-суй происходил из царства Чу, его звали Юань, отца Юаня звали У Шэ, старшего брата – У Шан, одного из предков звали У Цзюй, он был прямодушным советником чуского Чжуанвана ², прославился на этом посту, потому и потомки его стали знаменитыми в Чу.

У чуского Пин-вана ³ был наследник по имени Цзянь. У Шэ сделали *тайфу* (старшим наставником) наследника, а младшим наставником поставили Фэй У-ци. [Но] У-ци не был предан наследнику Цзяню. Пин-ван послал Фэй У-ци в царство Цинь подобрать жену для наследника. Циньская невеста оказалась красивой. Тогда У-ци спешно вернулся и доложил Пин-вану: «Циньская девушка исключительно красива, вы можете сами жениться на ней, а для наследника найти другую девушку». Пин-ван так и сделал – женился на девушке из царства Цинь и очень полюбил ее. Она родила сына, которого называли Чжэнь. Для наследника же подыскивали другую жену.

Благодаря этой циньской красавице У-ци попал в милость к Пин-вану, был переведен от наследника и стал служить самому вану. Опасаясь, что когда Пин-ван умрет и у власти станет наследник, тот убьет его, он стал клеветать на наследника Цзяня. Мать Цзяня была родом из княжества Цай. Она уже не пользовалась любовью Пин-вана, и ван все больше отдалялся от Цзяня. [Ван] отправил наследника оборонять город Чэнфу ⁴ и командовать пограничными войсками.

Шло время, и У-ци день за днем наговаривал вану на наследника, заявляя: «Из-за девушки из Цинь, [отнятой у него], наследник не может без негодования смотреть [на вас]. Вам, ван, следовало бы обезопасить себя. С тех пор как наследник поселился в Чэнфу и возглавил там войска, он стал устанавливать связи с *чжухоу*, несомненно намереваясь поднять бунт и захватить [нашу столицу]». Тогда Пин-ван призвал к себе *тайфу* наследника У Шэ и стал расспрашивать его. У Шэ, зная, что У-ци уже оклеветал

наследника перед Пин-ваном, сказал: «Зачем же вы, ван, только из-за клеветы бесчестного мелкого слуги хотите отдалить от себя плоть от плоти вашей?» У-цзи сказал: «Если сейчас вы, ван, не найдете [на наследника] управу, ему удастся осуществить свои намерения, и тогда вы будете схвачены им». Пин-ван разгневался, бросил У Шэ в темницу и послал сына Фэн Яна в Чэнфу убить наследника. Но еще не доехав до цели, Фэн Ян послал гонца, чтобы предупредить наследника: «Пусть наследник срочно спасается бегством, иначе его ожидает гибель». Наследник Цзянь бежал в княжество Сун.

У-цзи сказал Пин-вану: «У Шэ имеет двух сыновей, и оба они обладают мудростью. Если их не казнить, то они станут источником неприятностей для царства Чу. Стоит использовать как заложника их отца, призвать их [сюда]. Если так не сделать, это обернется бедствиями для Чу».

Ван послал человека сказать У Шэ: «Если вы сумеете вызвать своих двух сыновей, то останетесь живы, не сумеете – умрете». У Шэ ответил: «Шан – человеколюбив, и, если я позову его, он обязательно прибудет. Юань (У Цзы-сюй) – человек с твердым характером, суровый, очень выдержанный и способен совершать большие дела. Узнав, что его могут схватить, он ни в коем случае не явится». Но ван не прислушался к его словам и послал гонцов призвать обоих сыновей [У Шэ, поручив] сказать им: «Приедете, [тогда] я пощажу жизнь вашего отца, не приедете – сразу же убью Шэ». У Шан решил ехать, но [У] Юань сказал: «Правитель Чу призывает нас совсем не для того, чтобы оставить в живых нашего отца. Он боится, что если мы уцелеем, то в будущем это сулит ему бедствия. Ван использовал нашего отца как заложника, чтобы обманом заманить нас, а когда мы явимся, он убьет и отца и сыновей. Что это прибавит к гибели отца? Если мы поедем, то преступление князя останется без отмщения. Не лучше ли бежать в другое княжество, воспользоваться силами [других], чтобы смыть позор нашего отца. А всем нам погибать нет смысла».

У Шан на это сказал: «Я понимаю, что, отправляясь туда, я в конечном счете не смогу спасти жизнь отца, однако я очень сожалел бы о том, что, будучи призван спасти отца, я не поехал. В будущем я не смог бы смыть позор и стал бы посмешищем во всей Поднебесной». Он сказал Юаню: «[Тебе] можно бежать. Ты сумеешь отомстить за нашего отца. Я же вернусь и пойду на смерть».

После того как У Шан был задержан, гонец попытался схватить и У Сюя, но У Сюй тотчас же натянул тетиву своего лука, направив стрелу на гонца. Тот не посмел двинуться к нему, и У

Сюй бежал. Зная, что наследник [чуского князя] Цзянь находится в княжестве Сун, он отправился туда, чтобы присоединиться к нему. [У] Шэ, узнав, что Цзы-суй бежал, сказал: «Это создаст военные трудности для правителя Чу и его подданных». Когда же У Шан вернулся в [столицу] Чу, Пин-ван казнил У Шэ и У Шана⁵.

Когда У Сюй прибыл в княжество Сун, там была смута, поднятая родом Хуа⁶, поэтому он вместе с наследником Цзянем бежал в княжество Чжэн⁷. Чжэнцы приняли их весьма радушно. Затем чуский наследник Цзянь отправился в княжество Цзинь. Цзиньский Цин-гун⁸ сказал ему: «Вы, наследник, были радушно приняты в Чжэн, и его правитель доверяет вам. Если вы станете моим союзником внутри его лагеря, то когда я нападую извне, гибель Чжэн будет предрешена. Покончив с Чжэн, я пожалую вам, наследник, эти земли». Тогда наследник вернулся в Чжэн.

Этот план еще не осуществился, [но] случилось так, что он решил расправиться с одним человеком из своей свиты. Однако тот знал о намерениях [наследника] и сообщил о них [правителю] Чжэн. Чжэнский Дин-гун⁹ при участии Цзы Чаня казнил чуского наследника Цзяня¹⁰. У Цзяня остался сын по имени Шэн. У Цзы-суй, боясь [наказания], вместе с Шэном бежал в [направлении княжества] У¹¹. На заставе Чжаогуань их попытались схватить¹², им едва удалось вырваться, и У-суй с Шэном пошли пешком. Преследуемые, они добрались до реки Янцзы, [где] на берегу им встретился рыбак с лодкой. Рыбак, узнав, что У Цзы-суй в опасности, перевез беглецов на другой берег реки. После переправы У-суй отстегнул свой меч и сказал: «Возьми этот меч, он стоит сто золотых». Рыбак ответил: «По указу чуского вана тому, кто изловит У-сюя, будет даровано 50 тысяч даней зерна и титул *чжигуя*¹³. Неужели я бы поехал из-за меча, стоящего сто золотых?» И не принял дара.

У-суй, не добравшись до княжества У, заболел и [вынужден был] остановиться в пути и выпрашивать милостыню на пропитание. Когда они прибыли в княжество У, там властвовал Ляо-ван¹⁴. В это время княжич Гуан командовал войсками. У-сюю с помощью княжича Гуана удалось получить аудиенцию у уского вана.

Через некоторое время женщины из чуского пограничного селения Чжунши и из уского пограничного селения из рода Билян, занимавшиеся разведением шелковичных червей, поспорили из-за тутовых деревьев. Обе стороны стали нападать друг на друга, чуский Пин-ван был разгневан, и дошло до того, что оба княжества подняли войска и напали друг на друга. Ляо-ван послал

княжича Гуана напасть на Чу, усцы захватили Чжунли и Цзюй-чао и вернулись ¹⁵. У Цзы-суй сказал ускому Ляо-вану: «Царство Чу может быть разбито. Советую вновь послать княжича Гуана». Но княжич Гуан сказал ускому вану: «Отец и старший брат У-сюя казнены в Чу, поэтому он уговаривает вас, ван, идти в поход против царства Чу, желая отомстить за свой позор. Напав на Чу, мы все равно не сможем его разгромить». У Цзы-суй понял, что помыслы княжича Гуана устремлены внутрь – убить *вана* и взойти на престол, и его не привлечешь внешними походами. Тогда он представил княжичу Гуану [на свое место] некоего Чжуань Чжу ¹⁶, а сам отошел от дел и вместе с Шэном, сыном чуского наследника Цзяня, удалился в пустынные места и занялся хлебопашеством.

Через пять лет умер чуский Пин-ван. Когда-то Пин-ван отобрал невесту – девушку из Цинь – у своего наследника Цзяня, которая родила сына Чжэня. Когда Пин-ван умер, Чжэнь стал его преемником. Это был Чжао-ван ¹⁷. Уский Ляо-ван, воспользовавшись тем, что в Чу был объявлен траур, послал армию во главе с двумя княжичами неожиданно напасть на Чу. Но чусцы подняли свои войска и отрезали пути снабжения уской армии, которая оказалась не в состоянии отойти назад. В княжестве У не оказалось войск, и тогда княжич Гуан приказал Чжуань Чжу неожиданно напасть на Ляо-вана и заколоть его, после чего сам стал у власти. Это был уский ван Хэ Лу ¹⁸. Хэ Люй, встав у власти и добившись исполнения своих намерений, призвал к себе У Юаня (У Цзы-сюя) и поставил его *синжэнем* ¹⁹, советуясь с ним по государственным делам.

В это время в царстве Чу были убиты сановники Цюэ Вань и Бо Чжоу-ли. Внук Бо Чжоу-ли по имени Бо Пи бежал в княжество У, где его сделали *дафу*. А те два княжича, которые были посланы прежним [правителем] Ляо-ваном во главе армии против царства Чу и которым были отрезаны пути отхода, узнав о том, что Хэ Люй убил Ляо-вана и сам встал у власти, сдались Чу вместе со своим войском. Правитель Чу пожаловал им владения в землях Шу ²⁰.

На 3-м году правления (512 г.) Хэ Люй поднял свою армию и совместно с У Цзы-сюем и Бо Пи напал на Чу. Они заняли Шу и схватили обоих княжичей, некогда изменивших княжеству У. Затем [Хэ Люй] захотел достигнуть чуской столицы Ин, но командующий войсками Сунь У сказал: «Народ устал, еще не время, давайте подождем». Тогда [уская армия] вернулась домой.

На 4-м году (511 г.) войска У напали на Чу и захватили селения Лю и Цянь ²¹. А на 5-м году своего правления [Хэ Люй] напал

на Юэ и нанес ему поражение. На 6-м году чуский Чжао-ван послал княжича Нан Ва ²² во главе войск против У. Уский правитель послал У Юаня нанести встречный удар. Усцы нанесли тяжелое поражение чуским войскам под [городом] Юйчжан ²³ и захватили чуский Цзюйчао.

На 9-м году [своего правления] (506 г.) уский *ван* Хэ Люй спросил Цзы-сюя и Сунь У: «Ранее вы говорили, что вступать в [чускую столицу] Ин нам еще рано, а как сейчас?» Оба мужа ответили: «Чуский военачальник Нан Ва корыстолюбив, а правители владений Тан и Цай ²⁴ ненавидят его. Если вы, *ван*, намерены совершить большой поход [против Чу], необходимо привлечь к себе правителей владений Тан и Цай, тогда можно [выступить]».

Хэ Люй послушался их совета и, подняв войска, совместно с [армиями] владений Тан и Цай выступил против Чу. Противники заняли позиции по обоим берегам реки Ханьшуй. Младший брат уского *вана* Фу Гай предложил ударить с частью войска по врагу, но *ван* не согласился. Однако затем [Фу Гай] во главе своих 5 тысяч воинов все же ударил по чуским войскам, возглавляемым Цзы Чаном. Цзы Чан был разбит и бежал в княжество Чжэн ²⁵.

И тогда усцы, воспользовавшись победой, двинулись вперед и после пяти сражений достигли [чуской столицы] Ин. В день под знаком *цзи-мао* чуский Чжао-ван бежал из своей столицы, и в день *гэн-чэнь* уский *ван* вступил в Ин ²⁶. Чуский Чжао-ван бежал в район Юньмэн. Там на него напали разбойники, и он бежал в княжество Юй ²⁷.

Младший брат юньского *гуна* по имени Хуай сказал: «Чуский Пин-ван убил моего отца, я убью его сына. Разве это невозможно?» Юньский *гун*, опасаясь, что его младший брат действительно убьет чуского *вана*, вместе с *ваном* скрылся в княжестве Суй ²⁸. Уские войска окружили [столицу] Суй, жителям они говорили: «Всех потомков рода Чжоу, живущих в Ханьчуани ²⁹, чусцы полностью истребили». Жители Суй хотели убить [чуского] *вана*, но его сын Цзы Ци ³⁰ спрятал *вана*, а [самого] себя выдал за него. Тогда жители Суй устроили гадание – выдать ли чуского *вана* усцам, но гадание показало, что это будет для них неблагоприятно. [Они] отклонили требование правителя У и не передали ему чуского *вана*.

Когда-то У Юань был в дружеских отношениях с Шэнь Бао-сюем. Юань, находясь в бегах, передал Бао-сюю: «Я непременно добьюсь крушения [княжества] Чу». На что Бао-суй ответил: «А я непременно сохраню его». Когда же уские войска вступили в Ин, У Цзы-суй бросился искать Чжао-вана, но не нашел. Тогда он выкопал из могилы останки чуского Пин-вана и нанес по ним 300

ударов плетью; только после этого он решил, что отомстил убийце отца и брата ³¹. Шэнь Бао-суй бежал в горы и послал человека сказать Цзы-сюю: «Вы уже отомстили, и больше, чем следовало. Я слышал, что [некоторые] люди [воображают, что] способны взять верх над Небом, но Небо непременно сокрушит людей. Вы были подданным Пин-вана, повернувшись лицом к северу, служили ему, а сейчас дело дошло до надругательства над его трупом, это разве не предел нравственного падения!» У Цзы-суй ответил [посланцу]: «От моего имени извинитесь перед Шэнь Бао-сюем и скажите ему: “Дни моей жизни на исходе, а путь еще далек, поэтому я поступил так необычно”». И тогда Шэнь Бао-суй отправился в Цинь, чтобы сообщить о бедственном положении [Чу] и просить о помощи, но Цинь не откликнулось. Бао-суй остался около дворца циньского правителя и плакал день и ночь; так он рыдал без перерыва семь дней и семь ночей, когда наконец циньский Ай-гун ³² сжалился над ним и сказал: «Чуский ван не следовал Дао, но если у него есть такие подданные, разве можно допустить, чтобы его царство перестало существовать!» И он послал 500 боевых колесниц, чтобы, ударив по узким войскам, помочь Чу. В 6-й луне (505 г.) уская армия потерпела поражение под Цзи ³³. Далее случилось так, что пока уский ван (Хэ Люй) долго оставался в Чу, преследуя Чжао-вана, его младший брат Фу Гай вернулся из изгнания в У и объявил себя ваном. Узнав об этом, Хэ Люй покинул Чу и, вернувшись, стал сражаться со своим братом Фу Гаем. Фу Гай был разбит и бежал в царство Чу.

Чуский Чжао-ван, видя, что княжество У охвачено беспорядками, вернулся в свою столицу Ин. Он пожаловал Фу Гаю владение в Танци ³⁴; отсюда и пошел род Танци. [Через некоторое время] Чу возобновило военные действия против У, нанесло ему поражение, и уский ван вернулся домой.

По прошествии двух лет Хэ Люй послал своего наследника Фу Ча возглавить войска при нападении на Чу, и тот захватил Пань. Чуский ван, опасаясь нового нашествия усцев, покинул Ин и перенес столицу в Жо ³⁵. В этот период правитель У, воплощая в жизнь замыслы и советы У Цзы-сюя и Сунь У, на западе разбил войска сильного царства Чу, на севере навел страх на княжества Ци и Цзинь, сумел покорить наньюэ.

Через четыре года (500 г.) Конфуций стал сяном в княжестве Лу ³⁶.

Пять лет спустя усцы напали на Юэ. Юэский ван Гоу Цзянь нанес ответный удар и разбил уские войска у горы Гусу ³⁷. В бою Хэ Люя ранили в палец, и он отвел войска. Хэ Люй из-за раны

заболел. Перед смертью он сказал своему наследнику Фу Ча: «Неужели ты забудешь, что Гоу Цзянь погубил твоего отца?» Фу Ча ответил: «Не посмею забыть!» В тот же вечер Хэ Люй умер.

Фу Ча стал *ваном*, поставив сановника Бо Пи *тайцзаем*. Он постоянно упражнялся в военном искусстве и в стрельбе из лука. На 2-м году [своего правления] (494 г.) он напал на Юэ и нанес юэсцам поражение при Фудзяо ³⁸. Юэский *ван* Гоу Цзянь во главе оставшихся 5 тысяч воинов укрылся на [горе] Гуйцзи ³⁹ и послал [в стан противника] сановника Чжуна, поручив ему вручить богатые дары ускому *тайцзаю* Пи, чтобы склонить его к заключению мира. [Гоу Цзянь] был согласен на то, что княжество Юэ перейдет под покровительство дома У, юэский *ван* станет слугой уского *вана*, а жена – его служанкой ⁴⁰. Уский *ван* Фу Ча готов был согласиться со всем этим, но У Цзы-суй стал отговаривать *вана*, сказав: «Юэский *ван* способен вынести трудности и лишения. Если вы, *ван*, не расправитесь с ним, то потом непременно пожалеете об этом». Уский *ван* не прислушался к совету, а принял предложение *тайцзая* Пи и пошел на мир с Юэ.

Через пять лет уский *ван* узнал, что умер циский Цзин-гун ⁴¹, а новый правитель слаб и внутри княжества высшие сановники борются за власть и благосклонность [*гуна*]. [Фу Ча] поднял войска и повел их на север, чтобы напасть на Ци. У Цзы-суй увещевал его так: «Гоу Цзянь стал равнодушен к еде ⁴², оплакивает погибших, заботится о пострадавших, рассчитывая всем этим когда-нибудь воспользоваться. Пока он жив, это будет грозить бедой для [княжества] У. Для У владение землями Юэ равносильно воспалению внутренних органов у человека. А вы, *ван*, вместо того, чтобы заниматься Юэ, занялись Ци. Разве это не заблуждение?» [Но] уский *ван* не прислушался [к его словам] и выступил против Ци. Он разбил циские войска у Айлина, создав тем самым угрозу правителям княжеств Цзоу и Лу, после чего вернулся обратно ⁴³. [*Ван*] все больше и больше отдалял от себя Цзы-суй.

Через четыре года (485 г.) уский *ван* вновь повел войска на север и напал на Ци. Юэский *ван* Гоу Цзянь по замыслу Цзы Гуна во главе большого числа юэсцев явился на помощь княжеству У и отправил драгоценные дары *тайцзаю* Пи. Пи уже неоднократно получал подношения от правителя Юэ, и он весьма доверял и благоволил ему, постоянно выступал в его пользу перед уским *ваном*. Уский *ван* доверял [Бо] Пи и проводил в жизнь его советы. У Цзы-суй, увещевая *вана*, говорил: «Княжество Юэ для нас – это все равно что болезнь внутренних органов, а вы, *ван*, поверив лживым заверениям Гоу Цзяня, заритесь на земли Ци. Сражаться

с Ци бессмысленно, это все равно, что забрасывать поля камнями. Кроме того, в “Обращении Пань Гэна” говорилось: “Тех, кто нарушит мои повеления и будет непочтителен, следует уничтожить без остатка, отрезать им носы и никого не оставлять из их потомков, чтобы они не могли размножиться в этом новом нашем поселении” ⁴⁴. Именно поэтому возвысился дом Шан. Я хотел бы, чтобы вы, *ван*, оставили в покое Ци и прежде всего занялись Юэ. Если вы так не поступите, то раскаиваться будет поздно!» Но уский *ван* не прислушался [к этому] и отправил Цзы-сюя в Ци. Перед самым походом Цзы-суй сказал своему сыну: «Я много раз увещевал *вана*, но он не слушал моих предупреждений. Сейчас я предвижу гибель У, и тебе нет смысла погибать вместе с ним». После этого он оставил сына в Ци на попечение Бао Му ⁴⁵, а сам вернулся, доложившись ускому *вану*.

Уский *тайцзай* [Бо] Пи был в разладе с Цзы-сюем и, клевета на него, сказал *вану*: «Цзы-суй непреклонен и жесток, в нем мало милосердия, он недоверчив и завистлив. Его озлобленность, боюсь, грозит нам большой бедой. В прошлый раз, когда вы, *ван*, вознамерились напасть на Ци, Цзы-суй считал, что этого делать не следует. Но вы, *ван*, все же отправились в поход и добились больших успехов. Тогда Цзы-суй, стыдясь того, что его планы и советы не используются, злобствовал по этому поводу. Ныне вы, правитель, вновь повторяете свой поход на Ци, Цзы-суй особенно упорствует, навязывает свои советы, вмешивается, стремясь навредить делу. Он бы радовался, если бы У потерпело поражение, а его замыслы восторжествовали. Ныне вы, *ван*, действуете самостоятельно, собрали все военные силы княжества против Ци и не используете наставлений Цзы-сюя, а он бросил свои дела и, притворившись больным, не является ко двору. Вам, правитель, нельзя не быть настороже, здесь недалеко до беды. Кроме того, я, Пи, посылал людей следить за Цзы-сюем: когда его послали в Ци, он там поручил своего сына цискому роду Бао. Известно, что если подданный внутренне недоволен, то он ищет поддержки вовне, у других *чжухоу*. Цзы-суй, считая себя советником покойного *вана*, а ныне оказавшись не у дел, постоянно неудовлетворен и озлоблен. Хотел бы, чтобы вы, *ван*, скорее приняли соответствующие меры». Уский *ван* сказал на это: «Даже без ваших слов я тоже стал сомневаться в нем». И послал гонца вручить У Цзы-сюю меч *Чжулоу* и сказать: «Это вам для того, чтобы уйти из жизни».

[У Цзы-суй] поднял лицо к небу и со вздохом сказал: «Увы! Сановник-клеветник Пи затевает смуту, а *ван* казнит меня. Я сделал так, что отец нынешнего *вана* стал гегемоном; когда вы еще

не утвердились и княжичи боролись за власть, я насмерть стоял перед вашим отцом, чтобы вам был передан престол, который чуть было от вас не ускользнул. Став же у власти, вы, *ван*, хотели выделить мне часть княжества У, чем я, естественно, не осмелился воспользоваться. И вот сейчас вы, *ван*, наслушавшись речей савновника-клеветника, убиваете старшего по возрасту человека».

После этого он сказал своим домашним: «Посадите на моей могиле дерево катальпу, чтобы из ее древесины смогли сделать гроб [для *вана*]; вырвите мои глаза и поместите их на восточных воротах столицы, чтобы они увидели, как юэские разбойники войдут [туда, чтобы] покончить с [княжеством] У». С этими словами он заколол себя мечом. Уский *ван*, узнав об этих словах У Цзы-сюя, пришел в бешенство, приказал зашить тело Цзы-сюя в кожаный бурдок и бросить в воды Янцзы. Усцы сожалели о его гибели и в память о нем соорудили кумирню на берегу Янцзы. Это место впоследствии назвали Сюйшань ⁴⁶.

Расправившись с У Цзы-сюем, уский *ван* сразу же напал на Ци. Циский род Бао убил своего правителя Дао-гуна и поставил у власти Ян-шэна ⁴⁷. Уский *ван* хотел покарать убийц, но победы не добился и отвел войска. Два года спустя уский *ван* вызвал правителей княжеств Лу и [Малое] Вэй на встречу в Тогао ⁴⁸. Затем на следующий год он организовал большой съезд *чжухоу* на севере в Хуанчи ⁴⁹, чтобы диктовать [свою волю] дому Чжоу.

Юэский *ван* Гоу Цзянь неожиданно [напал на У], убил уского наследника и разбил уские войска. Узнав об этом, уский *ван* вернулся в свое княжество, отправил в Юэ послов с щедрыми дарами и заключил с Юэ мир. Десять лет спустя (473 г.) юэский *ван* Гоу Цзянь покончил с княжеством У, убил *вана* Фу Ча и казнил *тайцзя* [Бо] Пи, поскольку тот не был предан своему правителю и принимал богатые дары извне, войдя с ним самим (Гоу Цзянем) в неподобающие отношения ⁵⁰.

Шэн, сын бывшего наследника чуского правителя Цзяня, с которым в самом начале У Цзы-сюй бежал [из Чу], жил в княжестве У. Во время правления уского *вана* Фу Ча чуский Хуэй-ван ⁵¹ пожелал призвать Шэна вернуться в Чу, но Е-гун ⁵², возражая, сказал: «Шэн — храбрый человек, но он тайком собирает воинов-смертников, и у него есть свои тайные намерения». Однако Хуэй-ван не послушал и призвал Шэна. *Ван* поселил его в приграничном селении Янь ⁵³, пожаловав ему титул Бай-гуна. Через три года после возвращения Бай-гуна в Чу в княжестве У казнили Цзы-сюя ⁵⁴.

После того как Бай-гун Шэн вернулся в царство Чу, он, озлоб-

ленный на правителя княжества Чжэн за убийство там своего отца, тайно готовил воинов-сыши, стремясь отомстить чжэнцам. На пятом году своего возвращения в Чу (483 г.) он попросил разрешения напасть на Чжэн. Чуский *линбинь* Цзы Си дал на это свое согласие. Но войска еще не выступили в поход, когда на Чжэн напало княжество Цзинь, и правитель Чжэн попросил Чу о помощи. Чуский правитель послал Цзы Си оказать такую помощь. Цзы Си заключил с чжэнцами союз и вернулся [в Чу]. Бай-гун Шэн с возмущением говорил: «Цзы Си виноват в том, что я не отомстил [правителю] Чжэн». Шэн сам принялся точить свой меч. Люди спрашивали его: «Для чего вы это делаете?» А Шэн отвечал: «Хочу этим мечом убить Цзы Си». Узнав про это, Цзы Си, смеясь, говорил: «Шэн подобен птенцу: что он может мне сделать?» [Но] четыре года спустя Бай-гун Шэн вместе с Ши Ци прямо во дворце неожиданно напал и убил *линбиня* Цзы Си и *сыма* Цзы Ци. Ши Ци добавил: «Нельзя не убить и *вана*». Затем он принудил *вана* перейти в другой дворец. Оттуда один из сопровождающих Ши Ци по имени Цюй Гу перенес на себе чуского Хуэй-вана во дворец его матери Чжао-фужэнь⁵⁵. Е-гун, узнав о мятеже Бай-гуна, во главе своих людей напал на Бай-гуна. Сторонники Бай-гуна потерпели поражение, сам он бежал в горы, где покончил с собой. Ши Ци взяли в плен, стали спрашивать, где находится тело Бай-гуна. Он молчал и его решили сварить заживо. Ши Ци сказал: «Если бы наше дело завершилось успехом, то я стал бы *цином*. Раз оно провалилось – меня сварят живьем, [но я] не отступлю от своих обязательств». Ши Ци так и не открыл, где находится тело Бай-гуна, и был сварен заживо, а Хуэй-вана призвали вновь занять престол.

Я, *тайшигун*, скажу так.

Поистине велики злоба и ненависть меж людьми! Правителям не следует опускаться до таких чувств в отношениях с подданными, а тем более – с равными себе. Последуй У Цзы-сюй призыву Шэ, они бы оба погибли, словно муравьи. Отбросив малый долг, [он] смыл большой позор и прославился в будущих поколениях, [но] как [все это] печально! Когда Цзы-сюй бедствовал у реки Янцзы, выпрашивал на дорогах еду, разве он в своих устремлениях хоть на мгновение забывал Ин? Он тайлся, терпел и [поэтому] прославил свое имя. Лишь доблестный муж мог достигнуть этого. Если бы Бай-гун не стремился занять место правителя, его заслуги и помыслы было бы невозможно превзойти!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Чжун-ни ди-цзы ле чжуань – Жизнеописание учеников Конфуция ¹

Конфуций говорил: «Тех, кто учился у меня и был близок ко мне, насчитывалось 77 человек ². Все они были мужи редких способностей. Благородством поведения отличались среди них Янь Юань, Минь-цзы Цянь, Жань Бо-ню, Чжун Гун; умением в управлении государственными делами – Жань Ю и Цзи Лу; умением вести беседу – Цзай Во и Цзы Гун ³; [большой] ученостью – Цзы Ю и Цзы Ся ⁴. Что же касается других, то [Цзэн] Шэнь был человеком ограниченным, [Чжуань Сунь] Ши – заносчивым, [Гао] Чай – глуповат, [Чжун] Ю – груб и неотесан, а [Янь] Хуэй неоднократно попадал впросак. [Дуаньму] Цы, не следуя велению судьбы, отдался торговой деятельности; его оценки часто были точны» ⁵.

Вот люди, к деяниям которых Конфуций относился с уважением: в Чжоу это был Лао-цзы, в [княжестве Малое] Вэй – Цюй-бо Юй, в [княжестве] Ци – Янь Пин-чжун, в Чу – Лао Лай-цзы, в Чжэн – Цзы Чань, в Лу – Мэн-гун Чо ⁶.

[Конфуций также] неоднократно упоминал о Цзан Вэнь-чжуне, Лю Ся-хуэе, Бо Хуа из Тунги ⁷, Цзе Шань-цзы. [Правда], все эти люди родились позднее Конфуция и не относились к его поколению.

Янь Хуэй по прозвищу Цзы Юань был родом из княжества Лу. Он был моложе Конфуция на 30 лет. Когда Янь Юань спросил [Учителя] о *жэнь* (милосердии) ⁸, Конфуций ответил: «Если [люди] преодолеют себя и обратятся к ритуалу, то Поднебесная обратится к *жэнь*» ⁹.

Конфуций сказал: «Какой достойный человек этот Хуэй! Он довольствуется одной плетеной плошкой риса, одной баклажкой воды; живет он в грязном жалком проулке; другие не выдержали бы таких горестей, но Хуэй всегда радостен ¹⁰. Янь Хуэй выглядит туповатым, но когда, [выслушав мои наставления], удаляется и размышляет наедине с собой, этого оказывается достаточно, чтобы проникнуть в [основы учения]. Хуэй [совсем] не глуп» ¹¹.

[Конфуций говорил Янь Хуэю]: «Когда просят что-то сделать,

то действуешь; [когда тебя] отвергли, надо уйти в тень. Наверное, только мы с тобой поступаем подобным образом»¹².

В двадцать девять лет [Янь] Хуэй был уже совершенно седым, умер рано. Конфуций оплакивал его смерть и, опечаленный, воскликнул: «С тех пор как у меня появился Хуэй, и остальные ученики стали мне ближе». Луский Ай-гун¹³ как-то спросил: «Кто среди ваших учеников [более всех] любил учиться?» Конфуций ответил: «Любил учиться Янь Хуэй. Он не поддавался гневу, не повторял своих ошибок. К несчастью, жизнь его оказалась короткой, и теперь [таких у меня] нет»¹⁴.

Минь Сунь по прозвищу Цзы Цянь был младше Конфуция на 15 лет. Конфуций говорил: «Как отличался сыновней почтительностью Минь-цзы! Не было несогласных с похвалами ему от родителей и братьев. Он не прислуживал в домах знатных сановников, не кормился за счет распущенных правителей. [Он говорил]: “Если вновь придут за мной, мне придется удалиться на реку Вэнь”»¹⁵.

Жань Гэн имел прозвище Бо-ню, Конфуций отмечал его добродетельные поступки. Когда Бо-ню тяжело заболел, Конфуций отправился навестить его и через окно пожал его руку, сказав при этом: «Какой [достойный] человек, а страдает от подобной болезни. Такова судьба!»¹⁶.

Жань Юн носил прозвище Чжун Гун¹⁷. Когда Чжун Гун спросил Учителя об [основах] управления¹⁸, Конфуций ответил: «Вы-ходя из дома, обращай с людьми, словно встречаешь важных гостей; управляя людьми, словно совершаешь большой жертвенный обряд. Тогда и в княжестве и в семье не будет вражды и недовольства». Конфуций признавал Чжун Гуна [примером] добродетельного поведения и говорил: «Юн – это человек, который мог бы сидеть лицом к югу»¹⁹. Отец Чжун Гуна был человеком низкого происхождения, но Конфуций говорил: «И от пестрого быка может родиться теленок огненно-рыжей масти и с прямыми рогами. Даже если его не пожелают использовать [в качестве жертвенного животного], разве духи гор и рек отринут его?»²⁰.

Жань Цю имел прозвище Цзы Ю. [Он] был моложе Конфуция на 29 лет и служил управителем дел в роду Цзи²¹. Цзи Кан-цзы²² спросил Конфуция: «Обладает ли Жань Цю *жэнь*?» Ответ гласил: «Поселение, где живет тысяча семей, поставяет сто боевых колесниц. Цю в состоянии управлять этим войском, а вот о его *жэнь* я не знаю»²³. Тогда последовал новый вопрос: «А обладает ли Цзы Лу *жэнь*?» Конфуций ответил: «Он подобен Цю».

Цю спросил у Учителя: «Если я что-то услышал от [вас], то

надо ли сразу исполнять?» «Следует тут же исполнять». Цзы Лу спросил то же самое: «Если я что-то услышал [от вас], то надо ли сразу исполнять?» Ему Учитель ответил: «У тебя живы отец и старший брат, как же можно, услышав что-то, тут же исполнять [без совета с ними]?»²⁴. Цзы Хуа удивился и сказал: «Осмелюсь спросить, почему вопросы к вам были одинаковые, а ответы разные?» Конфуций ответил: «Цю медлителен, поэтому я его подгоняю, а Ю тороплив, поэтому я его сдерживаю»²⁵.

Чжун Ю по прозвищу Цзы Лу был родом из Бянь²⁶ и моложе Конфуция на 9 лет. Цзы Лу был человеком неотесанным и по характеру диковат, ценил отвагу и силу. Был прямолинеен в своих устремлениях, на голове он носил шапку из петушиных перьев (шапку храбреца), на поясе – меч в ножнах из свиной кожи, что было оскорбительно для Конфуция²⁷.

Обряды, установленные Конфуцием, постепенно привлекли Цзы Лу. Чжун Ю надел конфуцианскую одежду, передал дары²⁸ и по просьбе людей, близких к Конфуцию, был принят в число его учеников.

Цзы Лу спросил Учителя [об основах] управления. Конфуций ответил: «Прежде всего будь сам примером и тогда утруждай других». Цзы Лу попросил дополнить ответ. Учитель сказал: «Не оставляй усилий»²⁹.

Цзы Лу спросил: «Благородный муж должен ли ставить отвагу выше всего?» Конфуций ответил: «Выше всего у него стоят долг и справедливость. Если благородный муж обладает доблестью, но у него отсутствует чувство долга, то [наступает] беспорядок, а если храбрость обнаруживает человек низкий, а понятия о долге у него нет, то начинается разбой»³⁰.

Цзы Лу был таким человеком, что, услышав [наставление] и еще не успев исполнить его, опасался лишь того, что услышит другое [указание]³¹.

Конфуций сказал: «Суметь принять справедливое решение в кругу спорящих, – таков Ю! Ю любовью к доблести превосходит меня, но [в этом] нет того, чем можно пользоваться»³²; «Такие, как, Чжун Ю своей смертью не умирают»; «Одегьем в распахнутый ветхий халат со старой подкладкой, стоять рядом с людьми, одетыми в лисьи и барсучьи меха, и ничуть не стыдиться – таков Ю»³³; «[Вместе с тем] Ю [лишь] поднялся в залу, а во внутренние покои еще не вступил»³⁴.

Цзи Кан-цзы спросил: «Обладает ли Чжун Ю *жэнь*?» Конфуций ответил: «Он в состоянии управиться с военными делами в государстве, выставляющем тысячу боевых колесниц, а вот о его

жэнь я не знаю»³⁵.

Цзы Лу любил путешествовать, и во время поездок он встречался со старцами Чан Цзюем, Цзе Жо и Хэ Тяо.

Цзы Лу стал управителем рода Цзи. Цзи Сунь спросил: «Можно ли назвать Цзы Лу крупным чиновником?» Конфуций ответил: «Его можно назвать способным чиновником»³⁶.

Когда Цзы Лу сделали сановником в Пу³⁷, [он] стал прощаться с Конфуцием. Конфуций ему сказал: «В Пу много решительных мужей, и управлять ими нелегко, но я скажу тебе так: относись [к людям] с уважением, и тогда ты сможешь держать в руках этих храбрецов. Будь справедлив и великодушен, и тогда станешь близок народу. Будь старательным, справедливым и спокойным, и ты сможешь отчитаться перед правителем».

У вэйского Лин-гуна³⁸ была в свое время любимая наложница, ее звали Нань-цзы³⁹. Наследник Лин-гуна по имени Куй Куй провинился перед Нань-цзы и, боясь казни, бежал. Когда Лин-гун умер, его вдова хотела поставить у власти Чжэ. Он стал Чу-гуном⁴⁰. Он правил 12 лет. Его отец Куй Куй проживал в изгнании, не имея возможности вернуться. Цзы Лу служил управляющим поселения вэйского сановника Кун Куя. В это время Куй Куй вместе с Кун Куем подняли мятеж. Они задумали из дома Кун Куя вместе со своими сторонниками неожиданно напасть на Чу-гуна. Чу-гун бежал в княжество Лу, и Куй Куй встал у власти. Он стал Чжуан-гуном.

Когда Кун Куй восстал, Цзы Лу находился вне княжества; узнав о том, что произошло, он поспешил обратно. Тут ему встретился Цзы Гао (Гао Чай), выходящий из городских ворот столицы Вэй. Он сказал Цзы Лу: «Чу-гун бежал, и городские ворота уже закрыты, тебе лучше повернуть назад, чтобы напрасно не навлечь на себя беду». Цзы Лу ответил: «Своих кормильцев не бросят в беду». Цзы Гао в конце концов ушел.

Появились гонцы, следовавшие в город, городские ворота открыли, и Цзы Лу вошел вслед за ними. Он нашел Куй Куя, который вместе с Кун Куем восседал на террасе дворца. Цзы Лу сказал ему: «Вы, правитель, зачем используете Кун Куя? Прошу схватить и казнить его». Куй Куй не желал его слушать. Тогда Цзы Лу решил поджечь террасу. Куй Куй испугался и велел Ши Ци и Ху (Юй) Яню напасть на Цзы Лу. [Они] рассекли завязки на его шапке. Цзы Лу воскликнул: «Благородный муж и умирая не снимает головного убора». Он стянул завязки на шапке и умер⁴¹.

Конфуций, узнав о беспорядках в Вэй, сказал: «Увы! Чжун Ю погибнет!» И он действительно умер, после чего Конфуций ска-

зал: «Пока у меня был Ю, ни одно дурное слово не коснулось моих ушей» ⁴². В это время Цзы Гун от имени луского [правителя] был послан в княжество Ци ⁴³.

Цзай Юй по прозвищу Цзы Во был умелым спорщиком, острым на язык. Став учеником, он как-то спросил: «Трехлетний траур [по родителям] не слишком ли долог? Если совершенномудрый три года не будет обращаться к ритуалам, то ритуал придет в упадок; если три года не будет заниматься музыкой, то и музыке настанет конец. [Ведь] когда старое зерно кончается, ему на смену приходит новое зерно; когда добывают огонь трением, то для каждого сезона меняют сорт дерева» ⁴⁴. Учитель сказал: «[Если сделать по-твоему], успокоит ли это тебя?» В ответ услышал: «Успокоит». «Если успокоит, то и поступай соответствующим образом. [Но] благородный муж, пребывая в трауре, принимая пищу, не чувствует в ней сладости, слушая музыку, не чувствует радости; поэтому и не сокращает траур». Когда Цзай Во вышел, Конфуций сказал: «Цзай Юй не человеколюбив, ведь когда ребенок рождается, то он только через три года сходит с родительских рук, поэтому трехлетний траур по родителям – это всеобщий долг [детей] в Поднебесной» ⁴⁵.

Как-то Цзай Юй заснул днем. Учитель сказал: «Гнилое дерево для резьбы непригодно, стену из навоза невозможно оштукатурить» ⁴⁶. Цзай Во спросил о добродетелях пяти императоров древности ⁴⁷. Учитель ответил: «Я человек не их времени».

Цзай Во стал *дафу* в городе Линьцзы ⁴⁸. Там он совместно с Тянь Чаном ⁴⁹ поднял мятеж; в результате род [Цзай Во] истребили, и Конфуций стыдился этого.

Дуаньму Цы был родом из Вэй, носил прозвище Цзы Гун, он был моложе Конфуция на 31 год. Цзы Гун был остер на язык и любил поразглагольствовать, Конфуцию приходилось нередко прерывать его рассуждения. Конфуций спросил Цзы Гуна: «Кто из вас лучше – ты или [Янь] Хуэй?» Цзы Гун ответил: «Как я, Цы, посмею равнять себя с Хуэем! Он, услышав об одном, сообразит на десять [шагов вперед], я же, услышав об одном, соображу лишь о втором [шаге]» ⁵⁰.

Цзы Гун, заняв свое место среди учеников философа, спросил Учителя: «Каковы, по-вашему, мои человеческие качества?» Конфуций ответил: «Ты подобен утвари». Последовал вопрос: «Какого рода утвари?» «Ты подобен жертвенному сосуду для зерна в храме предков» ⁵¹.

Чэнь-цзы Цинь спросил Цзы Гуна ⁵²: «Откуда такая ученость у Чжун-ни?» Цзы Гун ответил: «Пути управления, завещанные

нам Вэнь-ваном и У-ваном, еще не совсем исчезли, они еще живы в людях. Мудрые люди знают о них немало, недалекие знают лишь малую часть этого, [но] нет таких, в ком не было бы от *дао* Вэнь-вана и У-вана. Во всем этом нет ничего, что не изучил бы наш Учитель. Только таким и должен быть истинный наставник!» Последовал другой вопрос: «Когда Конфуций прибывает в какое-нибудь княжество, он непременно интересуется, как там ведется управление. Сведения об этом ему дают по его просьбе, или [правители] сами предоставляют ему необходимое?» Цзы Гун ответил: «Наш Учитель мягок, почтителен, чистосердечен, уступчив; с помощью этого узнает необходимое, и поэтому даже требовательность Учителя отличается от настойчивости других людей»⁵³.

Цзы Гун спросил: «Если человек богат, но не высокомерен, а другой беден, но не угодлив, то как это расценивать?» Конфуций ответил: «Такое бывает. Лучше, когда бедняк находит радость в *дао*, а богатый почитает *ли*».

Когда Тянь Чан замыслил поднять мятеж в княжестве Ци, он, боясь Гао [Чжао-цзы], Го [Хуэй-цзы], Бао [Му] и Янь Юя, передвинул свои войска, чтобы напасть на Лу. Конфуций, узнав про это, сказал ученикам: «Княжество Лу – место, где находятся могилы [наших предков], страна, где живут [наши] близкие. Коль скоро княжество в такой опасности, вы, дети мои, не можете не выступить [в помощь ему]». Цзы Лу попросил отпустить его, но Конфуций задержал его; Цзы Чжан и Цзы Ши⁵⁴ тоже хотели действовать, но Конфуций и им не позволил. Когда же Цзы Гун решил действовать, Конфуций ему не препятствовал.

Тогда Цзы Гун отправился в княжество Ци и там сказал Тянь Чану: «Ваше, господин, намерение напасть на Лу ошибочно. Ведь Лу относится к княжествам, на которые трудно нападать. Крепостные стены его городов тонки и низки, его земли невелики и разбросаны, его правитель глуп и немилосерден, высшие сановники лживы и [по-настоящему] не могут быть использованы [для службы]; к тому же чиновные мужи и народ не любят военное дело. Поэтому с Лу не следует воевать. Вам, господин, лучше было бы напасть на У. В У стены городов внушительны, земли обширны и плодородны; солдаты-латники, вновь набранные, крепки, воины отборные и сытые; в городах у них собраны ценности и лучшие солдаты; кроме того, защищают все это умудренные и предусмотрительные сановники. Поэтому на него удобно напасть». Тянь Чан рассвирепел так, что изменился в лице, и сказал: «То, что вы считаете трудным, люди считают легким, а то, что вы считаете легким, люди, наоборот, считают трудным. Чему же это вы учите

меня?» Цзы Гун ответил: «Я слышал, что когда заботы внутри (при дворе), то нападают на сильных, когда же треволения сосредоточены вовне (среди народа), то нападают на слабых. Ныне вы, господин, озабочены делами внутри. Я слышал, что ваши три попытки получить пожалование не удались из-за того, что высшие сановники княжества не соглашались с этим. Ныне вы намерены разгромить Лу, чтобы расширить территорию Ци. Добившись победы, вы только усилите высокомерие вашего правителя; разбив это княжество, вы усилите амбиции сановников. Ваши заслуги не будут принадлежать вам, и день за днем вы будете отдаляться от правителя. Таким образом, вверху вы столкнетесь с высокомерием правителя, а внизу – с распущенностью чиновников, и поэтому добиться свершения больших дел будет крайне трудно. Когда правитель заносчив, он становится склонен к распущенности, когда чиновники заносчивы, между ними начинается борьба. В таком случае вы окажетесь в разладе с правителем и в состоянии борьбы с сановниками. Таким образом, ваше положение в княжестве Ци станет опасным. Поэтому я и говорю: лучше нападите на У. Если вы даже не одолеете У, то ваши воины погибнут все же за пределами своего княжества, высшие сановники [уйдут с войсками] и двор опустеет; таким образом, наверху у вас не останется противников из числа сильных сановников, а внизу не останется людей, совершающих ошибки, и вы окажетесь единственным человеком, распорядившимся в Ци». Тянь Чан ответил: «Превосходно. Но наши войска уже отправлены к княжеству Лу, и, если я их разверну на У, то сановники будут недоумевать по поводу моих действий. Как тут быть?» Цзы Гун ответил: «Вы только остановите войска и не ведите наступления. Прошу направить меня послом к ускому вану, и я уговорю его прийти на помощь Лу и напасть на Ци, а уж вы со своими войсками встретите его». Тянь Чан согласился с этим планом и послал Цзы Гуна на юг встретиться с уским ваном ⁵⁵.

[Цзы Гун] сказал ему: «Я слышал, ван не допускает того, чтобы его род оборвался, а ба-ван – не допускает того, чтобы появился сильный противник. Если к весу в тысячу цзюнь прибавить даже самую малость – [коромысло безмена] все равно сместится ⁵⁶. Ныне Ци, обладающее десятью тысячами боевых колесниц ⁵⁷, соперничая с У, стремится прибрать к рукам Лу, способное выставить тысячу боевых колесниц. Боюсь, что это для вас, ван, опасно. Кроме того, если вы придете на помощь Лу, то этим прославите свое имя; нападение же на Ци принесет вам еще большую пользу. Таким путем вы поможете чжухоу в районе реки Сышуй и пока-

раете жестокое Ци, тем самым подчините сильное княжество Цзинь. Большой выгоды и быть не может. Вы прославитесь сохранением Лу от гибели, а фактически воспрепятствуете усилению Ци. И понимающие люди не усомнятся в [правильности] ваших действий».

Уский ван сказал: «Превосходно! Однако я уже давно нахожусь в состоянии войны с княжеством Юэ, [их правитель] укрылся на горе Гуйцзи, он терпит тяготы и готовит воинов, лелея замысел отомстить мне. Подождите, я покараю Юэ, а потом последую вашему [совету]». Цзы Гун на это сказал: «Силы Юэ не превосходят сил Лу, а силы У не превосходят силы Ци. Если ван отложит [борьбу с] Ци и нападет на Юэ, за это время Ци уже покорит Лу. Кроме того, правители обретают славу спасением гибнущего и сохранением преемственности. Если вы нападете на небольшое Юэ, опасаясь [бороться с] могущественным Ци, это не будет мужественным шагом. Мужественный не избегает трудностей, человеколюбивый не оставляет в беде, понимающий не упускает момента, правитель не допускает гибели рода – так устанавливается должное. Сейчас следует сохранить Юэ и тем самым показать чжухоу свое человеколюбие; помочь Лу, напасть на Ци и тем самым продемонстрировать свою мощь перед Цзинь. Тогда чжухоу непременно поспешат друг за другом на прием ко двору уского вана, и вы добьетесь положения гегемона. Но поскольку вы, ван, испытываете недовольство по поводу Юэ, я прошу отправить меня на восток увидеться с юэским ваном [и настоять], чтобы он послал войска, которые должны последовать [за вами]. Это приведет к обезлюдению Юэ, а формально оно выступит в поход, следуя за остальными чжухоу». Уский ван очень обрадовался [этому плану] и послал Цзы Гуна в княжество Юэ.

Юэский ван, [ожидаая Цзы Гуна], расчистил дороги и прибыл в окрестности столицы для его приема, лично управляя колесницей, доставил его до места проживания и спросил: «С какой целью вы, сановник, с достоинством перенеся в дороге всякие трудности, прибыли в наше варварское государство?» Цзы Гун ответил: «В последнее время я убеждал уского вана, чтобы он помог Лу и напал на Ци, но хотя ван и стремился к этому, он опасался Юэ и при этом заявлял: “После нападения на Юэ можно будет [осуществить ваше предложение]”. Отсюда видно, что нападение на Юэ и его разгром неизбежны. Если нет намерения отомстить, то заставлять человека подозревать что-либо по меньшей мере не умно; а если есть намерение отомстить кому-либо, давать ему возможность осознать это – губительно; когда дело еще не началось, а о нем уже

узнали – это опасно. Эти три вещи – большие бедствия для лобого дела».

Гоу Цзянь склонил голову и, дважды поклонившись, сказал: «В прошлом я, не рассчитав силы, вступил в войну с У и попал в тяжелое положение [на горе] Гуйцзи. [Мысль о мести] проникла мне в глубины души, день и ночь у меня опалены губы и сохнет язык [при думе об этом], [я] стремлюсь только к тому, чтобы в смертельной схватке сразиться с уским *ваном*. Это мое единственное желание». И затем беседа продолжалась. Цзы Гун сказал: «Уский *ван* жесток и свиреп, его чиновники непригодны, княжество из-за многочисленных войн в упадке, солдаты не обладают выносливостью, *байсины* озлоблены на правителя, сановники замышляют перемены внутри княжества, [У] Цзы-суй за свои увещевания убит, *тайцзай* Пи управляет всеми делами, в корыстных целях он потворствует ошибочным действиям князя. Такое управление ведет к упадку княжества. Если сейчас вы, *ван*, действительно пошлете войска в помощь ускому *вану*, чтобы этим подтолкнуть его к [действиям, соответствующим] вашим устремлениям; пошлете драгоценные дары, чтобы порадовать его сердце; прибегнете к уничижительным выражениям и разным церемониям, чтобы ублажить его гордость, то он обязательно нападет на Ци. Если уский *ван* в этой войне не добьется победы, это ваше, *ван*, счастье; если же он победит, то он непременно со своими войсками войдет в пределы земель княжества Цзинь. Сейчас я прошу разрешения отправиться на север, чтобы увидеться с цзиньским правителем и [убедить его] вместе напасть на усцев, и тогда У непременно ослабеет. Их отборные войска будут целиком заняты в Ци, а тяжеловооруженные [воины] и латники окажутся в трудном положении в Цзинь, и тогда вы, *ван*, используя эти слабости, несомненно уничтожите У». Юэский *ван* очень обрадовался и согласился с этим планом. Он поднес Цзы Гуну сто и золота⁵⁸, мечи, две прекрасные боевые секиры, но Цзы Гун [подарки] не принял и отправился в дальнейший путь.

Вернувшись, он доложил ускому *вану*: «Я, ваш слуга, с почтением передал ваши, Великий *ван*, слова юэскому *вану*. Юэский *ван* очень испугался и [просил] сказать: «Я, несчастный, еще в малых летах потерял отца, не смог верно оценить свои возможности, дошел до того, что провинился перед У, мои войска были разбиты, сам я, спасшись на горе Гуйцзи, был опозорен, а мое княжество обезлюдело и пришло в запустение. [К счастью], опираясь на ваши, Великий *ван*, милости, я сохранил жертвенные сосуды в храме предков и совершаю жертвоприношения. Я до кончины не посмею забыть этого, неуже-

ли я мог бы замыслить что-либо против вас!»

Через пять дней из Юэ послали сановника [Вэнь] Чжуна в У смиренно заявить ускому *вану*: «Ваш провинившийся слуга с восточного приморья Гоу Цзянь отправляет посланца Чжуна, чтобы он послужил вам и поучился у ваших приближенных. Ныне я, смиренный, узнал, что вы, Великий *ван*, собираетесь поднять [знамя] великой справедливости, покарать жестоких и помочь слабым; намерены ограничить действия бесчеловечного княжества Ци и тем помочь чжоускому дому. Прошу разрешения поднять имеющиеся в княжестве три тысячи воинов, а я, ваш слуга, хотел бы сам надеть доспехи и взять оружие, чтобы первым принять на себя стрелы и камни. Посылаю нашего ничтожного слугу [Вэнь] Чжуна, чтобы поднести передовым отрядам ваших войск хранящееся у нас вооружение: 20 комплектов лат, короткие железные копья и сверкающие мечи *бугуан* для вооружения командиров вашего войска».

Уский *ван* сильно возрадовался и сказал Цзы Гуну: «Юэский *ван* намерен лично последовать за мной в нападении на Ци. Это можно?» Цзы Гун ответил: «Нельзя опустошать государство, брать в поход всех солдат и еще увлекать его правителя, это несправедливо. Вы, *ван*, примите его подношения, присоедините к себе его отряд, но откажите их правителю [в участии в походе]». Уский *ван* согласился с этим мнением и отказался от услуг юэского *вана*. Затем уский *ван* поднял войска девяти *цзюней*⁵⁹ и повел на княжество Ци.

Тогда Цзы Гун отправился в княжество Цзинь и сказал цзиньскому правителю: «Я слышал, что когда планы заранее не определены, нельзя реагировать на внезапно изменившиеся обстоятельства, если войска заранее не подготовлены, нельзя одержать победу над противником. Сейчас Ци собирается сразиться с У. И если оно не одержит победу, то [княжество] Юэ несомненно поднимет смуту; [если же армия У] в войне с Ци победит, тогда их войска непременно вступят в Цзинь». Цзиньский правитель очень испугался и спросил: «Как же мне быть?» Цзы Гун отвечал: «Надо обучать войска, не переутомляя их, чтобы быть во всеоружии». Цзиньский правитель согласился с этим.

Цзы Гун уехал и прибыл в княжество Лу. Уский *ван* действительно вступил в сражение с цисцами под Айлином. [Усцы] нанесли армии Ци серьезное поражение, захватили в плен солдат семи военачальников, но обратно в У не вернулись и, как предполагалось, вторглись в земли Цзинь. Сражение с цзиньцами произошло у Хуанчи. Там У и Цзинь сошлись в решающей битве. Цзиньцы

нанесли удар и разбили узкие войска. Юэский ван, узнав об этом, перешел с войсками реку ⁶⁰ и внезапно напал на княжество У. Не дойдя до уской столицы семь ли, он остановился лагерем. Уский ван, узнав о происшедшем, покинул Цзинь и направился домой. Он вступил в сражение с юэцами в районе Уху ⁶¹, в трех сражениях он не добился успеха, [даже] не смог удержать крепостные ворота столицы. Затем юэцы окружили дворец вана, убили Фу Ча и обезглавили [его] советника ⁶². Через три года после разгрома У юэцы продвинулись на восток, и [их ван] стал гегемоном.

Итак, поездки Цзы Гуна [привели к тому, что] Лу сохранилось, в Ци возникла смута, У было разгромлено, Цзинь усилилось, а юэский ван стал гегемоном. Каждая посольская миссия Цзы Гуна приводила к нарушению соотношения сил между княжествами. Так в течение десяти лет в каждом из пяти княжеств произошли серьезные перемены ⁶³.

Цзы Гун ловко манипулировал своими советами, словно купец, выбрасывая или придерживая товар; ему нравилось раскрывать хорошие качества людей, но и людских ошибок он не скрывал; часто помогал княжествам Лу и [Малое] Вэй ⁶⁴, у себя дома накопил состояние в тысячи золотых, а закончил свою жизнь в княжестве Ци.

Янь Янь по прозвищу Цзы Ю был родом из княжества У, он был моложе Конфуция на 45 лет. Став учеником Конфуция, Цзы Ю служил управителем Учэна ⁶⁵. Конфуций [как-то] проезжал [там и] услышал звуки музыки и пения. Конфуций обрадовался и, улыбнувшись, сказал: «Когда режешь курицу, не нужен большой нож для скота» ⁶⁶. Цзы Ю [тут же] сказал: «Раньше я, Янь, слышал такие слова Учителя: “Когда совершенный муж постигает Дао, то он начинает любить людей, а когда ничтожный человек постигает Дао, то его легко использовать”». Тогда Конфуций сказал сопровождающим: «Дети мои, Янь прав, а то, что я [сейчас] сказал, было шу кой» ⁶⁷. Конфуций считал, что Цзы Ю очень начитан.

Бу Шан по прозвищу Цзы Ся был моложе Конфуция на 44 года. Цзы Ся как-то спросил: «О чем говорят строки [из *Шицзина*]: «Ее мягкая улыбка – прекрасна, красивые глаза излучают радость. Даже простое полотно на ней смотрится узорчатым» ⁶⁸. Учитель ответил: «[Они означают]: когда что-то характеризуешь, то надо обязательно найти его основы». Цзы Ся снова спросил: «И лишь потом обратиться к ритуалу?» Конфуций ответил: «О, Бу Шан, с тобой с самого начала можно было говорить [только] о стихах и песнях» ⁶⁹.

Цзы Гун спросил: «[Чжуань Сунь] Ши и Бу Шан – кто из них

достойнее?» Учитель ответил: «Ши – во всем перехлестывает, Шан – не дотягивает». «Если так, то выходит, что от Ши можно ожидать большего?» «Перебор и недобор сходны» ⁷⁰. Как-то Учитель сказал Цзы Ся: «Надеюсь, что ты станешь ученым, который служит благородным мужам, а не станешь прислуживать мелким людишкам» ⁷¹.

Когда Конфуций умер, Цзы Ся поселился в районе Сихэ, где обучал учеников ⁷²; потом он служил вэйскому Вэнь-хоу ⁷³. Когда умер сын [Цзы Ся], тот так оплакивал его, что ослеп ⁷⁴.

Чжуань Сунь Ши по прозвищу Цзы Чжан был родом из княжества Чэнь, и он был моложе Конфуция на 48 лет. Цзы Чжан однажды спросил, как преуспеть в карьере. Конфуций сказал: «Побольше слушай, но отбрасывай сомнительное; тщательно обдумывай оставшееся, и тогда у тебя будет меньше ошибок. Старайся больше увидеть, но отбрасывай то, что несет опасность; осторожно используй оставшееся, и тогда меньше придется раскаиваться. Если будет мало ошибок в словах, то и о делах меньше придется сожалеть, и карьера сложится сама собой» ⁷⁵.

В другой раз, когда [Цзы Чжан] следовал [за Конфуцием и они] попали в трудное и опасное положение между княжествами Чэнь и Цай, [Цзы Чжан] спросил о [правильном] поведении. Конфуций ответил: «Слова должны быть правдивыми, а поступки – честными и почтительными, и тогда можно будет действовать даже в государствах южных [мань] и северных [мо]. Если же твои слова не будут правдивыми, а поступки не будут честными и почтительными, то разве ты сможешь действовать даже в своем округе или своей деревне! Когда ты стоишь на земле, эти качества должны быть с тобою; когда ты на колеснице, опирайся на них, как на перекладину, и так действуй» ⁷⁶. Цзы Чжан записал эти [слова] на своем поясе.

Цзы Чжан спросил: «В каком случае можно сказать, что служилый муж достиг [совершенства]?» Конфуций сказал: «В каком случае? А что ты называешь словами “достигнуть [совершенства]”?» Цзы Чжан ответил: «Это значит стать известным и в княжестве и в семье». Конфуций сказал: «Так это называется “стать известным”, а не “достигнуть [совершенства]”. Ведь достижение [совершенства] заключается в том, чтобы человек выработал прямой характер и возлюбил долг, научился воспринимать слова и наблюдать внешнее, принимать во внимание интересы нижестоящих. [Действуя так], и в княжестве, и в семье непременно достигнешь [совершенства]. Ведь быть известным означает, что человек лишь внешне следует *жэнь*, но в своих действиях отходит

от него, причем без каких-либо сомнений в своих поступках. Такой человек что в государстве, что в семье обязательно становится известным»⁷⁷.

Цзэн Шэнь, родом из южного Учэна⁷⁸, по прозвищу Цзы Юй, был моложе Конфуция на 46 лет. Конфуций считал, что он в состоянии постигнуть пути сыновнего благочестия, и поэтому включил его в число учеников. Он составил книгу *Сяо цзин* («Канон о сыновнем благочестии»). [Цзэн Шэнь] умер в княжестве Лу.

Таньтай Ме-мин, родом из Учэна, носил прозвище Цзы Юй⁷⁹. Он был моложе Конфуция на 39 лет. Внешность у него была безобразная. Когда он захотел служить Конфуцию, Учитель счел, что у него мало способностей. Но по окончании обучения он сделался благочестивым и примерным в своих поступках. Он никогда не прибегал ни к каким уловкам и обращался к сановникам только по общественным делам. Отправившись на юг, он добрался до Янцзы; у него насчитывалось до 300 учеников. Вся их деятельность получила добрую славу и известность среди *чжухоу*⁸⁰. Конфуций, узнав об этом, сказал: «Поверив людям на слово, я ошибся в Цзай Юе; рассудив по внешности человека, я ошибся в Цзы Юе»⁸¹.

Ми Буци по прозвищу Цзы Цзянь был моложе Конфуция на 30 лет. Конфуций сказал о Цзы Цзяне: «Он из совершенномудрых! Если бы в Лу не было совершенномудрых, с кого ему было бы брать пример»⁸². Цзы Цзянь служил управителем Даньфу⁸³. Как-то он прислал сообщение Конфуцию: «В этом владении есть пять человек, которые мудрее меня, Буци, они наставляют меня в том, как управлять». Конфуций произнес: «Как жаль, что управляемая Буци территория мала, было бы лучше, если бы она была больше».

Юань Сянь имел прозвище Цзы Сы. Цзы Сы спросил [Учителя], что такое позор. Конфуций ответил: «Когда княжество следует *Дао*, получать жалованье [вполне достойно], но когда в княжестве *Дао* утрачено, получать жалованье – это позор»⁸⁴. Цзы Сы спросил: «Если человек не действует в духе преодоления в себе злобы и алчности, можно ли считать его обладающим *жэнь*?» Конфуций ответил: «Это дело можно считать трудным, но обладает ли [такой человек] *жэнь*, я не знаю».

Когда Конфуций скончался, Юань Сянь скрылся и жил в глухих местах. В это время Цзы Гун стал служить *сяном* в княжестве [Малое] Вэй. Однажды он, правя четверкой коней, в сопровождении всадников пробрался через дикие заросли и въехал в бедную деревушку, чтобы навестить Юань Сяня. Сянь, поправив на себе

потрепанный головной убор и рваную одежду, вышел к Цзы Гуну. Цзы Гун, стыдясь его вида, сказал: «Вы что же, почтенный, больны?» Юань Сянь ответил: «Я слышал такое: когда у человека нет богатств, его называют бедняком, когда человек познает *Дао*, но не в состоянии его осуществлять, это называется болезнью. Что касается меня, Сяня, то я действительно беден, но не болен!» Цзы Гун устыдился и уехал весьма расстроенным. До конца своих дней он терзался своим промахом ⁸⁵.

Гунье Чжан по прозвищу Цзы Чжан был родом из княжества Ци. Конфуций сказал: «Чжан – это человек, за которого можно отдать замуж дочь, и хотя его сажали в колодки, [как преступника], он был безвиновен». И [он действительно] отдал ему в жены свою дочь ⁸⁶.

Нань-гун Ко носил прозвище Цзы Жун. Он как-то спросил Учителя: «И умел превосходно стрелять из лука, Ао искусно управлял лодкой, но оба они умерли не своей смертью. В то же время [сяский] Юй и [Хоу] Цзи занимались хлебопашеством, но обрели власть над Поднебесной. Не так ли?» ⁸⁷. Конфуций ничего не ответил. Когда Цзы Жун вышел, Конфуций сказал: «Это человек действительно совершенномудрый! Он превыше всего ставит *дэ*. Пока в государстве сохраняется *Дао*, он никогда не будет отставлен, если в государстве не будет *Дао*, он избегнет наказаний». Он трижды повторил: «Если с изъязом белейшая яшма жезла» ⁸⁸, – [и впоследствии] женил его на дочери [своего] старшего брата.

Гунси Ай носил прозвище Цзи Цы. Конфуций о нем говорил: «Когда в Поднебесной ничего не оставалось делать, многие поступали служить в [знатные] дома, служили чиновниками в столицах княжеств, и только Цзи Цы никогда не шел на такую службу».

Цзэн Дянь носил прозвище Си. Как-то он сопровождал Конфуция, и тот обратился к нему: «Расскажи о твоих устремлениях». Дянь сказал: «[Хотел бы я], облачившись в легкие весенние одежды, отправиться с группой из пяти-шести взрослых и шести-семи подростков искупаться в реке Сихэ, подышать свежим ветром в Уюе и, напевая песни, вернуться домой». Конфуций со вздохом сказал: «Хотел бы я быть вместе с Дянем!» ⁸⁹.

Янь У-яо носил прозвище Цзы Лу. Лу был отцом Янь Хуэя. И отец и сын в разное время служили Конфуцию. Янь Лу был очень беден и после смерти Янь Хуэя попросил Конфуция [продать] свою повозку, [чтобы купить саркофаг] ⁹⁰. Конфуций сказал: «Каждый заботится о своем сыне – бездарный тот или талантливый. Когда мой сын Ли умер, его похоронили в простом гробу, а не в саркофаге. Я не стану ради саркофага лишаться повозки и

ходить пешком. Я знатного рода, и мне не полагается вести себя подобным образом».

Шан Цюй по прозвищу Цзы Му был родом из княжества Лу. Он был моложе Конфуция на 29 лет. Конфуций наставлял Цюя в учении о переменах; Цюй, в свою очередь, наставлял в этом Чусца Цяня по имени Би и прозвищу Цзы Хун ⁹¹. Хун передавал эти знания Цзяо-цзы по прозвищу Юн Цы, который был родом из Цзяодуна, что к востоку от Янцзы. Цы, в свою очередь, передавал все познанное человеку из княжества Янь – Чжоу-цзы Цзя Шу. Шу передал все это человеку из Чуньюя ⁹² – Гуан-цзы Чэнь Юю; Юй, в свою очередь, передал эти знания цисцу Тянь-цзы Чжуан Хэ; Хэ передал их человеку из Дуньу ⁹³ – Ван-цзы Чжун Туну, а Тун передал эти знания человеку из Цзычуани ⁹⁴ – Ян Хэ. Хэ в годы правления У-ди под девизом *юаньшо* (128–123 гг.) за приведение в порядок текстов *Ицзина* был сделан *чжундафу* в империи Хань ⁹⁵.

Гао Чай носил прозвище Цзы Гао и был моложе Конфуция на 30 лет. Цзы Гао ростом не достигал пяти *чи* ⁹⁶. Он попал в число учеников Конфуция, но тот считал его глуповатым. Цзы Лу хотел использовать Цзы Гао, поставив его управителем в Фэй[хоу] ⁹⁷. Но Конфуций сказал: «Этот ученик принесет только вред достойным людям!» ⁹⁸. Цзы Лу на это заявил: «Там есть множество простых людей, есть храмы предков, и почему, только прочитав все книги, можно считаться имеющим [достаточно] знаний [для управления]?» Конфуций сказал: «С каким же отвращением я отношусь к краснобаям».

Цидяо Кай носил прозвище Цзы Кай. Конфуций отправлял Кая послужить чиновником, на что тот сказал: «У меня еще нет уверенности [в своих силах] для такой деятельности». Конфуций обрадовался [ответу].

Гунбо Ляо носил прозвище Цзы Чжоу. Чжоу наговаривал Цзы Лу на Цзи Суня. Цзы Фу Цзин-бо сказал об этом Конфуцию так: «У вас, Учитель, явно есть сомнения в отношении Ляо. В моих силах наказать его публично на рыночной площади». Конфуций сказал: «Когда *дао* суждено осуществиться – это воля [Неба], когда *дао* утерян – это [тоже] воля [Неба]. Может быть, Гун-бо Ляо следует своей судьбе?»

Сыма Гэн носил прозвище Цзы Ню. Ню много говорил и был суствив. Он как-то спросил Конфуция о понятии *жэнь*. Конфуций ответил: «Человеколюбивый муж в речах своих нетороплив». Ученик опять спросил: «Неужели неторопливость в речах может быть названа человеколюбием?» Учитель ответил: «Делать дело трудно, но и при произнесении речей разве допустимо проявлять

поспешность?» [Тогда Ню] спросил, кого считать совершенно-мудрым. Учитель ответил: «Совершенномудрый не предаётся печали и не робеет». Последовал вопрос: «Тот, кто не печалится и не робеет, может ли быть назван совершенномудрым?» Учитель ответил: «Если ты не чувствуешь в себе изъяна, то о чем тогда печалиться и чего бояться?»

Фань Сюй носил прозвище Цзы Чи и был моложе Конфуция на 36 лет. Фань Чи просил научить его труду землепашца. Конфуций сказал: «Мне не сравниться со старым крестьянином». Тогда Фань Чи попросил научить его возделывать огород. Учитель сказал: «Мне не сравниться с опытным огородником». Когда Фань Чи вышел, Конфуций сказал: «Мелкий человек этот Фань Сюй! Когда высший правитель почитает *ли*, никто в народе не смеет быть неуважительным; когда высший правитель почитает справедливость, никто в народе не смеет не подчиниться ему; когда высший правитель с уважением относится к честности, никто в народе не смеет быть неискренним. И если будет так, то со всех четырех сторон к нам станет прибывать народ, неся в пеленках своих детей. Зачем же [мне] заниматься земледелием!»⁹⁹.

Фань Чи спросил о том, что такое *жэнь*. Учитель ответил: «Это значит любить людей». Ученик спросил, что такое *чжи* (знание). Ответом было: «Знать людей».

Ю Жо был младше Конфуция на 43 года¹⁰⁰. Ю Жо говорил: «При использовании ритуала самое главное – согласие. Это было самым лучшим в путях правления древних властителей. Но если ограничиться только этим в больших и малых делах, то некоторые действия окажутся безрезультатными. Если знать только согласие и не регулировать его ритуалом, то дело может оказаться неосуществленным. Если же, используя согласие, ты близок к справедливости, а соблюдением ритуала избавлен от позора и стыда, то [все] задуманное тобою осуществится. Если человек не теряет связи со своими близкими, то это тоже может служить примером для подражания»¹⁰¹.

Когда Конфуций умер, ученики с печалью вспоминали [о нем], и поскольку Ю Жо внешне походил на Конфуция, они единодушно признали его своим наставником и стали относиться к нему, как и в былые времена к Учителю. Однажды ученики задали Ю Жо такой вопрос: «Как-то [вы], Учитель, собираясь гулять, велели своим ученикам взять с собой зонты от дождя, и действительно, через какое-то время начался дождь. Каким образом [вы], Учитель, заранее узнали о дожде?» [Ю Жо] ответил: «Не сказано ли в *Шицзин*: “Месяц прячется в созвездии *Би* как раз перед буйным

дождем" ¹⁰²? Разве накануне перед заходом Луна не побывала в созвездии *Би*?» Но в другой день, когда Луна задержалась в созвездии *Би*, дождя так и не было. Некто Шан Цюй был уже в возрасте, но сыновей у него не было. Его мать как-то решила женить его. Когда Конфуций вознамерился послать Шан Цюя в княжество Ци, мать Цюя просила [не посылать его]. Но Конфуций сказал ей: «Не тревожься, после сорока лет у Цюя должно быть пять сыновей» ¹⁰³. Потом так и получилось. [Ученики задали Ю Жо вопрос]: «Осмелимся спросить, каким образом наш Учитель мог все это знать?» Ю Жо помолчал какое-то время, но так и не смог ответить. Тогда ученики встали и сказали: «Вы, Ю, лучше уйдите, это место не для вас!»

Гунси Чи носил прозвище Цзы Хуа и был моложе Конфуция на 42 года. Когда Цзы Хуа был послан в Ци, то Жань Ю попросил у [Конфуция] зерна для пропитания матери [Цзы Хуа]. Конфуций сказал: «Дайте ей один *фу* зерна». [Жань Ю] попросил побольше. Тогда Конфуций сказал: «Дайте ей *юй* зерна». В конце концов Жань-цзы [Ю] передал ей пять *бин* зерна ¹⁰⁴, [по поводу чего] Конфуций сказал: «Гунси Чи отправился в Ци на колеснице, запряженной откормленными лошадьми, одет он в легкие меховые одежды. Я слышал, что совершенномудрый не приобщается к роскоши, когда окружающие терпят лишения».

Ума Ши носил прозвище Цзы Ци и был моложе Конфуция на 30 лет. Чэньский *сыбай* спросил Конфуция: «Знает ли луский Чжао-гун ¹⁰⁵ ритуал?» Конфуций ответил: «[Он] знает ритуал». Когда Конфуций отошел, [чэньский *сыбай*], приветствуя со сложенными руками Ума Ци, сказал: «Я слышал, что совершенномудрый не встает ни на чью сторону, разве ему допустимо быть пристрастным? Луский правитель взял в жены девушку из княжества У. Оба они из рода Ци, и чтобы это скрыть, он назвал ее Мэн-цзы. Если считать, что луский правитель знает ритуал, то кто тогда не знает?!» Ши передал [услышанное] Конфуцию, на что тот сказал: «Я, Цю, счастливый человек. Если у меня бывают ошибки, то люди обязательно узнают о них ¹⁰⁶. Я как подданный не должен говорить о прегрешениях в семье моего правителя. Умолчание [об этом] – тоже соблюдение ритуала!»

Лян Чжань по прозвищу Шу Юй был моложе Конфуция на 29 лет.

Янь Синь по прозвищу Цзы Лю был моложе Конфуция на 46 лет.

Жань Жу по прозвищу Цзы Лу был моложе Конфуция на 50 лет.

Цао Сюй по прозвищу Цзы Сюнь был моложе Конфуция на 50 лет.

Бо Цянь по прозвищу Цзы Си был моложе Конфуция на 50 лет.

Гунсунь Лун по прозвищу Цзы Ши был моложе Конфуция на 53 года.

Достаточно точно известен возраст 35 учеников Конфуция, названных до Цзы Ши [включительно], их имена и фамилии, [время] их вступления в школу учеников Конфуция ¹⁰⁷ – все, что можно узнать из дошедших до нас более ранних сочинений. Что же касается остальных 42 учеников, то данных об их возрасте нет и сведения о них в этих сочинениях отсутствуют. Поэтому о них мы скажем очень коротко.

Жань Цзи по прозвищу Цзы Чань;

Гунцзу Цзюйцы по прозвищу Цзы Чжи;

Цинь Цзу по прозвищу Цзы Нань;

Цидяо Чи по прозвищу Цзы Лянь;

Янь Гао по прозвищу Цзы Цзяо;

Цидяо Туфу ¹⁰⁸;

Сян Сы-чи по прозвищу Цзы Ту;

Шан Цзэ ¹⁰⁹;

Ши Цзо-шу по прозвищу Цзы Мин;

Жэнь Бу-ци по прозвищу Сюань;

Гун Лян-жу по прозвищу Цзы Чжэн;

Хоу Чу по прозвищу Цзы Ли;

Цинь Жань по прозвищу Кай;

Гунся Шоу по прозвищу Чэн;

Си-жун Чжэнь по прозвищу Цзы Си;

Гунцзянь Дин по прозвищу Цзы Чжун;

Янь Цзу по прозвищу Сян;

Цяо Шань по прозвищу Цзы Цзя;

Цзюй-цзин Цзян;

Хань-фу Хэй по прозвищу Цзы Со;

Цинь Шан по прозвищу Цзы Пи;

Шэнь Дан по прозвищу Чжоу;

Янь-чжи Пу по прозвищу Шу;

Жун Фу по прозвищу Цзы Ци;

Сянь Чэн по прозвищу Цзы Ци;

Цзожэнь Ин по прозвищу Син;

Янь Цзи по прозвищу Сы;

Чжэн Го по прозвищу Цзы Ту;

Цинь Фэй по прозвищу Цзы Чжи;

Шичжи Чан по прозвищу Цзы Хэн;
Янь Гуай по прозвищу Цзы Шэн;
Бушу Чэн [по прозвищу] Цзы Цзюй;
Юань Кэн Цзи ¹¹⁰;
Лэ Кай по прозвищу Цзы Шэн;
Лянь Цзе по прозвищу Юн;
Шучжун Хуэй по прозвищу Цзы Ци;
Янь Хэ по прозвищу Жань;
Ди Хэй по прозвищу Си;
Бан Сюнь по прозвищу Цзы Лянь;
Кун Чжун ¹¹¹;
Гунси Юй-жу по прозвищу Цзы Шан;
Гунси Чжэнь по прозвищу Цзы Шан.

Я, тайшигун, скажу так.

Ученые много говорят о 70 учениках и последователях Конфуция. Восхваляющие их во многом преувеличивают их деяния; но и те, кто хулит их, [тоже] идут против истины. Те и другие толкуют о них, не видя их такими, какими они были на самом деле. Записи учеников восходят к древним текстам рода Кунов, и они близки к реальности. Фамилии и имена учеников Конфуция, записи их бесед с Учителем, их вопросы к нему я взял из *Лунь юя*, обобщил и составил из этого данную главу. Все сомнительное я опускал.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Шан-цзюнь ле чжуань – Жизнеописание Шан-цзюня ¹

Шан-цзюнь был княжичем ², побочным сыном правителя Вэй. Звали его Ян, он принадлежал к роду Гунсунь, его предки относились к фамилии Цзи. В юности Ян был последователем *синмин*. Служил *чжуншуйцзы* ³ при вэйском *сяне* Гун Шу-цзо. Хотя Гун Шу-цзо понимал, что Ян был умен, [он] не торопился представлять его князю. Случилось так, что Цзо заболел; вэйский Хуэй-ван ⁴ лично пришел навестить больного и сказал: «[Вы], Гун Шу, болеете, и всякое может случиться. Как быть в будущем с принесением жертв на алтаре духов Земли и злаков?» Гун Шу ответил: «Мой *чжуншуйцзы*, которого зовут Гунсунь Ян, хотя и молод, но имеет поразительные способности. Я хотел бы, чтобы вы, *ван*, поручили ему ведение дел княжества и прислушивались к его мнению». Но *ван* в ответ промолчал и собрался уйти. Тогда Цзо попросил окружающих его людей удалиться и сказал *вану*: «Если вы, *ван*, не намерены использовать Яна, нужно его убить, [но] ни в коем случае не позволяйте ему выехать за пределы княжества».

Вэйский *ван* согласился и ушел. [А] Гун Шу-цзо призвал к себе Яна [и] со смущением поведал: «Только что *ван* спрашивал, кого можно поставить *сяном*, и я заговорил о тебе, но по лицу *вана* я понял, что он против. Я ставлю на первое место [интересы] правителя и на последнее – подданных, поэтому сказал *вану*: “Если вы не желаете использовать [Гунсунь] Яна, нужно его убить”. И *ван* согласился со мной. Тебе следует срочно бежать, не то тебя схватят». Ян сказал: «Раз уж *ван* не пожелал принять ваше предложение по поводу назначения подданного на должность, то с чего же он послушает вашего совета казнить подданного?» Так он и не уехал. Когда Хуэй-ван покинул Гун Шу-цзо, он сказал своим приближенным: «Гун Шу серьезно болен. Это очень прискорбно. Он хочет, чтобы в государственных делах я прислушивался к советам Гунсунь Яна, – что он, ума лишился?» ⁵.

После смерти Гун Шу Гунсунь Ян узнал, что циньский Сяогун ⁶, стремясь продолжать и совершенствовать дело [славного]

Му-гуна ⁷, издал указ о привлечении в свое царство мудрых людей, [и] намерен двинуться на восток, чтобы вернуть захваченные [у Цинь] земли. Ян отправился на запад и достиг Цинь.

Через сановника Цзин Цзяня, пользовавшегося расположением Сяо-гуна, Ян стал добиваться встречи с Сяо-гуном, и когда эта встреча состоялась, вэйский Ян ⁸ довольно долго говорил Сяо-гуну о делах [управления]. Сяо-гун время от времени засыпал и не слушал собеседника. Когда же встреча закончилась, Сяо-гун в раздражении сказал Цзин Цзяню: «Твой гость – глупый и безрассудный человек, как можно использовать его на службе?» Цзин Цзянь стал укорять вэйского Яна. Тот ответил: «Я говорил *гуну* о путях управления [древних] государей, но он пока не понял, что ему нужно». Через пять дней *гун* пожелал вновь встретиться с Яном. На новой встрече с Яном *гун* проявил больше заинтересованности, но речи [Яна] не пришлись ему по душе. После встречи Сяо-гун опять укорял Цзин Цзяня, который, в свою очередь, выбранил Яна, на что Ян сказал: «Я говорил *гуну* о путях управления [истинных] *ванов* ⁹, но [и это] не было воспринято». Вэйский Ян был еще раз принят *гуном*. Теперь уже *гун* благосклонно отнесся к нему, но все еще не решался использовать на службе. После встречи Сяо-гун сказал Цзин Цзяню: «Твой гость хорош, с ним есть о чем поговорить». Ян сказал [Цзин Цзяню]: «Я рассказал *гуну* о путях управления *ванов-гегемонов* ¹⁰, его устремления сводятся к тому, чтобы использовать эти пути. Я понял, что он искренне хочет увидеться со мной еще». И вэйский Ян был еще раз принят Сяо-гуном. Во время их беседы *гун*, увлекшись, сполз со своей циновки; так они проговорили без усталости несколько дней. Цзин Цзянь спросил Яна: «Чем это ты очаровал нашего правителя? Он очень увлечен». Ян ответил: «Я сказал правителю, что надо сопоставить свой путь управления с путями управления при трех династиях, на что *гун* мне сказал: “Они слишком далеки, для того чтобы я мог придерживаться [их установлений]. Кроме того, у них были мудрые правители, каждый из которых прославил свое имя в Поднебесной. Как я смогу в своей глуши много сотен лет спустя придерживаться прежнего пути императоров и *ванов*?” Тогда я рассказал *гуну* об искусстве укрепления государства, чем весьма порадовал его. А равняться добродетелями с династиями Инь и Чжоу действительно трудно».

После того как Сяо-гун стал использовать вэйского Яна на службе, Ян вознамерился изменить законы, но опасался, что в Поднебесной его осудят. Он говорил: «Тот, кто колеблется, не заслуживает уважения, а кто нерешителен в делах – не добьется ус-

пеха. Кроме того, действия, находящиеся выше понимания [простых] людей, непременно встречают противодействие со стороны современников. Того, кто умеет размышлять и имеет собственное мнение, обязательно будут осуждать. [Говорят, что] глупец никогда толком не знает, как завершить дело; знающий же схватывает [суть] дела еще до того, как она начинает проявляться. Поэтому нельзя обсуждать с людьми свои начинания, а можно лишь предоставлять им [возможность] радоваться результатам. Тот, кто рассуждает о высшей добродетели, не должен считаться с расхожими представлениями; тот, кто достигает больших успехов, не должен советоваться с массой людей. Если мудрый человек захочет любой ценой укрепить свое царство, он не будет брать за образец древность, а если захочет любой ценой принести пользу народу, то не станет следовать ее ритуалам». Сяо-гун воскликнул: «Превосходно!»

Гань Лун сказал: «Это неверно. Мудрый человек наставляет народ, не изменяя [его обычая], знающий управляет, не изменяя законов. Тот, кто наставляет народ, следуя [его устремлениям], легко достигает успеха; у того, кто управляет согласно установленным законам, чиновники опытни и народ пребывает в спокойствии». Вэйский Ян сказал: «Слова Луна представляют собой расхожее мнение, распространенное в наше время. Обыкновенные люди привыкают к устоявшимся обычаям и чувствуют себя спокойно при них, а ученые мужи погрязают в том, что привычно. Эти две категории людей поэтому годятся на то, чтобы занимать чиновничьи должности и блести [старые] законы, однако с ними нельзя обсуждать что-либо, выходящее за эти пределы. Каждая из трех династий властвовала, придерживаясь своих ритуалов; каждый из гегемонов господствовал, применяя свои законы. Знающий сам творит законы, а глупый ими ограничен; достойный меняет ритуал, а никчемный им крепко связан».

Ду Чжи сказал: «Если выгода не будет стократной, то законы не меняют; если успех не будет десятикратным, не меняют орудий. Когда подражают древности, то ошибок не совершают; когда следуют *ли*, не бывает искривлений». Вэйский Ян [на это] сказал: «Управление в разные времена не было одинаковым, благосостояние государства достигалось не подражанием древности, поэтому [шанский] Тан и [чжоуский] У-ван властвовали, не следуя древности, а Ся и Инь, не меняя старого ритуала, погибли. Вот почему выступление против древности нельзя считать ошибочным; тот же, кто следует прежним ритуалам, не достоин больших похвал». Сяо-гун на это сказал: «Превосходно!» [Он] назначил

вэйского Яна *цзошучжаном*¹¹ и в конце концов дал ему распоряжение заняться пересмотром законов.

Было приказано [так]. Народу разделиться семьями на пятерки и десятки, которые должны были заботиться друг о друге, отвечать за поступки соседей¹². Тот, кто не доносил о преступившем [закон], подлежал обезглавливанию. Тот, кто доносил о преступившем [закон], награждался наравне с человеком, [в бою] отсекившим голову противника. Тот, кто покрывал преступника, наказывался наравне со сдавшимся в плен. Семьям, имевшим более двух взрослых мужчин и не разделявшимся, удваивались все налоги. Всякому, имеющему заслуги в бою, полагалось повышение на ранг знатности, а проявившему корыстолюбие полагалось большее или малое наказание, в зависимости от серьезности проступка. Тот, кто прилагал все силы в основных занятиях – земледелии и ратном деле, кто производил больше зерна и шелка, – освобождался от трудовых повинностей. Всех, кто извлекал выгоду из занятия второстепенным делом, впавших в нищету *дайчжэ*¹³ следовало превращать в [казенных] рабов. Семьи и роды, не имевшие боевых заслуг, не должны были включаться в списки знатных фамилий [и получать особые права]. Почетное или низкое положение человека, его ранг знатности и казенное довольствие определялись каждый раз его заслугами; в соответствии с его местом в обществе ему полагались земли и дома, рабы и слуги, одежда. Тот, кто имел заслуги, становился известным и пользовался славой; тот же, кто заслуг не имел, даже если он и [был] богат, не прославлялся.

Когда законы вэйского Яна были составлены, [он их] не обнародовал, так как опасался, что [люди] отнесутся к ним с недоверием. Он водрузил шест длиной в три *чжана*¹⁴ у южных ворот близ столичного рынка и обратился с призывом к народу: тот, кто сможет перенести этот шест и водрузить его у северных ворот, получит десять *цзиней* золота. Люди удивлялись, но никто не решался [его] переносить. Тогда вторично объявили: кто перенесет этот шест, получит пятьдесят *цзиней* золота. Нашелся один человек, который переместил шест, и ему тотчас были вручены пятьдесят *цзиней* золота, дабы стало ясным, что [со стороны властей] нет обмана. И после этого стали оглашать законы. В течение года действия [этих законов] в столицу Цинь прибывали тысячи людей, заявлявших об их непригодности. Затем сам наследник престола¹⁵ нарушил эти законы. Вэйский Ян сказал: «Законы не действуют потому, что верхи общества их нарушают». И хотел отдать наследника под суд. Но наследника нельзя было наказывать. Тогда строго наказали наставника княжича Цяня – выжгли клей-

мо на лбу учителя Гунсунь Цзя. На следующий же день все циньцы поспешили подчиниться [новым] законам. Так законы действовали десять лет, и все жители Цинь весьма радовались этому; на дорогах никто не подбирал забытого [другими], в горах не было разбойников, в семьях всего было в достатке. Воины смело сражались, прекратились мелкие междоусобицы, волости и поселки хорошо управлялись. [Многие] циньцы, вначале заявлявшие о непригодности новых законов, приходили и говорили [теперь] об их правильности; [однако] вэйский Ян говорит: «Эти люди познали вкус смуть», – и всех [их] переселял в пограничные города. Теперь уже никто из жителей не осмеливался обсуждать новые законы.

Тогда вэйский Ян получил ранг *далянцзао* ¹⁶.

[Он] возглавил войска и окружил вэйский Аньи ¹⁷, принудив вэйцев к капитуляции. Через три года воздвигли величественные ворота и дворцовые здания в Сяньяне, после чего циньский правитель перенес столицу царства из Юн ¹⁸ в Сяньян. После этого приказом было запрещено жить вместе в одном помещении родителям, сыновьям, старшим и младшим братьям [с их женами]. Объединили все мелкие поселки и селения, образовав из них уезды; во главе уездов поставили *линов* и *чэнов*. Всего образовали 31 уезд. Было упорядочено землепользование, проложены продольные и поперечные межи, отмечены границы владений ¹⁹, [по справедливости] уравнили подати и налоги, ввели единую систему мер веса и длины ²⁰.

Через четыре года княжич Цянь вновь ²¹ нарушил законы; он был наказан отрезанием носа. Еще через пять лет циньцы стали богатыми и сильными. Сын Неба даровал Сяо-гуну жертвенное мясо ²², все *чжухоу* поздравляли его.

В следующем году армия княжества Ци нанесла поражение войскам Вэй под Малином (341 г.), взяв в плен вэйского наследника Шэня и убив их военачальника Пан Цзюаня.

Еще через год вэйский Ян сказал Сяо-гуну: «Цинь и Вэй друг для друга – смертельная болезнь ²³. Либо Вэй поглотит Цинь, либо Цинь поглотит Вэй. Почему это так? Княжество Вэй располагается к западу от важных горных теснин ²⁴, его столица – Аньи, оно граничит с Цинь по реке Хуанхэ, и оно одно обладает преимуществом владения землями к востоку от гор. Используя эти выгоды, Вэй может вторгнуться в Цинь со своих западных земель и в неблагоприятном для нас случае захватит наши восточные земли. Ныне, благодаря вашей, правитель, мудрости и совершенствам, наше царство процветает, а армия Вэй в прошлом году потерпела сильное поражение от войск Ци, *чжухоу* отвернулись от

Вэй. Это позволяет напасть на Вэй. Вэйские войска не смогут сдержатъ [армию] Цинь, [и] они должны будут отойти на восток. Их отход на восток позволит нам укрепиться на Хуанхэ и на горных грядках. Так, двигаясь к востоку, можно будет усмирить чжу-хоу, это и станет великим делом нашего правителя – вана».

Сяо-гун посчитал эти суждения правильными, поставил вэйского Яна во главе войск и отправил походом на Вэй; вэйский правитель, назначив командовать своими войсками княжича Ана, распорядился нанести ответный удар. Обе армии стали друг против друга. Тогда вэйский Ян послал командующему вэйскими силами княжичу Ану письмо, которое гласило: «Мы когда-то с княжичем были в дружеских отношениях. Ныне мы командуем армиями двух государств, и нам трудно решиться напасть друг на друга. Я бы мог встретиться с княжичем лицом к лицу, заключить союз, посидеть за радостной трапезой, а потом отвести войска и тем самым принести покой и Цинь и Вэй».

Вэйский княжич Ан с этим [предложением] согласился. После встречи и заключения союза, во время трапезы, спрятанные вооруженные латники вэйского Яна внезапно напали на княжича Ана и пленили его, а следом [циньцы] напали на вэйскую армию, полностью разбили ее и вернулись [с победой] в Цинь (340 г.). Поскольку войска вэйского Хуэй-вана неоднократно были разбиты армиями Ци и Цинь, в княжестве были израсходованы все запасы, с каждым днем оно становилось слабее и в нем нарастала тревога. И вэйцы отправили послов в Цинь, предложив уступить царству Цинь земли к западу от Хуанхэ (район Хэвай) во имя заключения с ним мира. Затем правитель Вэй покинул Аньи и перенес столицу в Далин.

Лянский (вэйский) Хуэй-ван говорил: «Я очень сожалею, что не послушался совета Гун Шу-цзо». Вэйский Ян, разбив армию Вэй, вернулся обратно; циньский правитель пожаловал ему владение в Шан ²⁵, состоящее из 15 селений, и его стали называть Шан-цзюнь.

Шан-цзюнь служил советником циньского государя десять лет²⁶. И знатные роды и богатые семейства смотрели на него со злобой.

Как-то Чжао Лян ²⁷ увиделся с Шан-цзюнем. Шан-цзюнь сказал ему: «Я, Ян, смог увидеться с вами благодаря Мэн Лань-гао. Я хотел бы установить с вами дружеские отношения. Возможно ли это?» Чжао Лян ответил: «Смею ли я, ничтожный, надеяться на это? У Конфуция есть такие слова: “Когда выдвигают мудрых и следуют их советам, то двигаются вперед; когда же [ван] собирает

вокруг себя бесталанных, то путь *вана* поворачивает вспять". Я, смиренный, не обладаю способностями, поэтому не осмеливаюсь принять ваши указания. Я, ничтожный, слышал следующее: тот, кто занимает место, не соответствующее его способностям, занимает его незаслуженно; тот, кто стремится пользоваться репутацией, которую он не заслужил, крадет ее. Если я послушаюсь вашей воли, боюсь, про меня, ничтожного, скажут, что я жажду места и славы. Потому-то я и не осмеливаюсь принять ваше предложение». Шан-цзюнь на это сказал: «Вы недовольны моим управлением в Цинь?» Чжао Лян ответил: «Тот, кто возвращается к ульшпанному, считается умным; тот, кто в состоянии победить самого себя, считается сильным. Юйский Шунь говорил: "Считающий себя ничтожным становится высокочтимым". Вам лучше следовать путем юйского Шуня, а не спрашивать меня, ничтожного». Шан-цзюнь сказал: «Вначале у циньцев были нравы и обычаи, как у варваров *жунов* и *ди*, между отцами и сыновьями не существовало разделения, все жили вместе. Сейчас я изменил эти порядки, установлены различия между мужчинами и женщинами, мы строим боковые башни у царских ворот, как в княжествах Лу и [Малое] Вэй. Взгляните, кто достойнее управлял Цинь – я или же сановник, приобретенный за пять бараньих шкур?»²⁸

Чжао Лян на это ответил: «[Говорят, что] шкуры тысячи баранов не стоят одной лисьей подмышки, поддакивание тысячи людей не стоит одного нелицеприятного слова [достойного] мужа. [Чжоуский] У-ван [благодаря чиновникам], высказывавшимся с прямоотой, привел государство к процветанию; иньский Чжоу [из-за] молчания [чиновников] государство погубил. Если вы, господин, не отвергаете пути У-вана, то я, смиренный, прошу разрешения говорить вам целыми днями прямые нелицеприятные слова, не боясь при этом казни. Согласны ли вы?» Шан-цзюнь ответил: «Говорят, что лицемерные речи – это украшение, правдивые речи – это дело, горькие [обличительные] слова – это лекарство; сладкие речи – это болезнь. Если вы, почтенный, действительно в состоянии целыми днями говорить мне нелицеприятные слова, то это будет для меня, Яна, лекарством. Я буду считать вас учителем. Неужели вы сможете мне отказать?»

Чжао Лян сказал: «Байли Си был простоллюдином из царства Чу; прослышав о мудрости циньского Му-гуна, он решил встретиться с ним, но у него не было денег на дорогу. Он продал себя циньцу, носил грубые одежды, кормил скотину. Но через год Му-гун прознал о его [способностях] и возвысил его из скотников, поставив выше всех *байсинов*, и в циньском государстве никто не

был разочарован. Байли Си был *сяном* в Цинь шесть–семь лет ²⁹, на востоке он совершил поход против Чжэн, трижды помогал ставить правителей в Цзинь ³⁰, помогал в беде тем, кто страдал от Чу. Его идеи стали известны многим *чжухоу*, ему удалось убедить жителей царства Ба платить дань. Он успешно проповедовал добродетель среди *чжухоу*, и варвары всех сторон стали ему подчиняться. Ю-юй ³¹ прослышал про все это и прибыл к заставе с просьбой принять его. Байли Си, будучи циньским *сяном*, трудился изо всех сил, никогда не ездил в колеснице, в жаркое время не растягивал над собою полога, во время поездок по стране за ним не следовал обоз и вооруженная охрана. Записи о его славных делах сохранялись в дворцовых архивах, о его добродетельных поступках узнали и последующие поколения. Когда “сановник, купленный за пять бараньих шкур”, умер, мужчины и женщины царства Цинь проливали слезы, ребяташки перестали распевать свои песенки, замолкли даже песты тех, кто толоч рис, – таковы были добродетели Байли Си.

Ныне вы, господин, приближены к циньскому *вану*. Но то, что эта близость была достигнута в основном за счет любимца двора Цзин Цзяня, не прибавило вам славы. А когда, будучи *сяном* в Цинь, вы не озабочены прежде всего делами *байсинов*, а сооружаете боковые башни дворцовых ворот [для вьвешивания указов], вы не обретае заслуг. А то, что вы наказали наследника, клеймили его учителя и наставника и суровыми наказаниями терзаете народ, ведет к нагнетанию ненависти и к бедам. Воздействие на людей воспитанием глубже распоряжений, подражание вышестоящим для людей важнее приказов. Ныне вы, господин, строите свою деятельность на неправильной основе и меняете законы, этим нельзя воспитать народ. Вы стоите в свите лицом к югу как владетель удела и называете себя уничижительно *гуажэнь* и в то же время каждодневно ограничиваете действия циньской знати и княжичей. В песнях *Шицзина* сказано: “Взгляни на крысу – тело что надо. А вот человек, не воспринимающий ритуала – разве его не ждет скорая гибель?” ³². Если, исходя из слов этой песни, посмотреть на [ваши действия], они не сулят вам долголетия. Ведь княжич Цянь затворился дома и не выходит уже восемь лет [из-за того, что у него отрезали нос]; кроме этого, вы убили Чжу Хуаня, наказали клеймением Гунсунь Цзя. В [*Шицзине*] говорится: “Тот, кто завоевывает сердца людей, процветает, тот, кто теряет сердца людей, терпит крах” ³³. Такие действия отнюдь не ведут к завоеванию вами людских сердец. Когда вы, управитель, выезжаете из дома, за вами следует несколько десятков колесниц.

На них сидят плечом к плечу вооруженные латники, воины же управляют колесницами; все они, следуя за вами по обеим сторонам, вооружены пиками и мечами. Вы не выезжаете из ворот без этого сопровождения. Но в *Шуцзине* сказано: «Придерживающийся добродетели – процветает; уповающий на силу – погибает»³⁴. Ваша безопасность, управитель, подобна утреннему туману; о каком продлении ваших дней и долголетию можно говорить? Почему бы вам не вернуть пожалованные 15 селений и не зажечь скромной сельской жизнью, занявшись огородничеством; не убедить циньского *вана* выдвинуть [мудрых] мужей, живущих в уединении; заняться заботой о стариках и воспитании сирот, почитать отцов и старших братьев, чтобы выдвигали людей согласно их заслугам, чтобы почитались те, у кого сильны добродетели. Тогда можно будет достигнуть некоторого покоя [в государстве]. Если же вы по-прежнему будете алчно пользоваться богатствами своего шаньского владения, ходить в фаворитах-наставниках у циньского *вана* – будет накапливаться недовольство и ненависть *байсинов*, и в один прекрасный день циньский *ван* окажется без *бинькэ* и потеряет свой престол. Поэтому то, что царство Цинь обрело вас, – разве не его несчастье и слабость? Вашу гибель можно уже видеть, если подняться на цыпочки». Шан-цзюнь не прислушался к его советам.

Через пять месяцев после этого умер циньский Сяо-гуи. Власть унаследовал его старший сын. Странники княжича Цзя донесли, что Шан-цзюнь намеревается поднять бунт. [Правитель] направил чиновников схватить Шан-цзюня. Шан-цзюнь бежал и достиг заставы, где собирался остановиться в доме для приезжих гостей. Хозяин этого дома не понял, что перед ним сам Шан-цзюнь, и сказал ему: «Если хозяин постоянного двора не проверит приезжих, он, согласно законам Шан-цзюня, наказывается». Шан-цзюнь с тяжелым вздохом сказал: «О! Вот до чего довели меня недостатки моих законов!» И он отправился в Вэй. Но вэйцы, негодуя на него за то, что он обманул их княжича Ана и разгромил вэйские войска, его не приняли.

Шан-цзюнь вознамерился отправиться в какое-либо другое княжество, но вэйцы сказали: «Шан-цзюнь – циньский злодей. Он [содействовал] усилению Цинь и преступно вторгся в пределы Вэй, нельзя не вернуть его обратно». После чего он был выдворен в Цинь. Вновь оказавшись в Цинь, Шан-цзюнь отправился в свое владение Шан, где с сородичами, слугами и местным ополчением решил на севере напасть на княжество Чжэн.

Тогда циньцы подняли войска и напали на Шан-цзюня. Его убили под чжэнским Мяньчи³⁵, а циньский Хуэй-ван приказал в назидание другим разорвать его тело колесницами, сказав при этом: «Нет большего бунтовщика, чем Шан Ян!» Вслед за чем уничтожил весь род Шан-цзюня.

Я, *тайшигун*, скажу так.

Шан-цзюнь был по натуре своей жестоким человеком. То, как он вначале пытался завоевать доверие Сяо-гуна речами о пути правителя, показывает, что это были поверхностные речи, не отражающие существа его взглядов. И то, как он с помощью мелкого чиновника – любимца *вана* достиг высокого поста, наказал княжича Цяня, обманул вэйского военачальника Ана, не прислушался к советам Чжао Ляна, с достаточной ясностью показывает, сколь мало доброго было в Шан-цзюне. Мне приходилось читать сочинения Шан-цзюня *Кайсай* и *Гэн Чжань*³⁶. Действия и поступки этого человека подобны описанному там. Неудивительно, что он в конце концов оставил о себе в Цинь недобрую славу.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Су Цинь ле чжоуань – Жизнеописание Су Циня ¹

Су Цинь был родом из Лояна в Восточном Чжоу. Он отправился на восток служить в княжестве Ци, учился у наставника Гуй Гу ². Несколько лет он скитался по стране и, оказавшись в трудном положении, вернулся домой. Его сестры, братья с их женами и наложницами украдкой насмеялись над ним: «В обычае чжоусцев работать на земле, заниматься ремеслом или торговлей, чтобы доход был не менее пятой доли [от вложенного]. А он, отбросив основные занятия, работает своим языком, и не мудрено, что он оказался в затруднении. Разве могло быть иначе?» Узнав о таких разговорах, Су Цинь очень переживал, ему было стыдно. Он заперся в доме, [никуда] не выходил, достал свои книги и стал [внимательно] перечитывать их, приговаривая: «Пусть человек с головой уйдет в чтение книг, посвящая себя [ученому] делу, если этим он не сумеет добиться почета и славы, то какой от этого прок?» Тогда [он] раздобыл трактаты *Чжоу шу* и *Иньфу* ³ и, укры-вшись [от людей], стал читать. Через год его озарило ⁴, [Су Цинь] воскликнул: «В этом духе можно поучать нынешних правителей!» И стал добиваться приема у чжоуского Сянь-вана ⁵. Но приближенные Сянь-вана, давно знавшие Су Циня, недооценивали его и не доверяли ему.

Тогда Су Цинь отправился на запад и добрался до царства Цинь. Циньский Сяо-гун ⁶ [уже] умер. Су Цинь встретился с Хуэйваном ⁷ и сказал ему: «Цинь – государство, хорошо защищенное с четырех сторон. [Оно] окружено горами, и [его] опоясывает река Вэйхэ; на востоке расположены заставы ⁸ и река Хуанхэ, на западе ему принадлежит район Ханьчжуна ⁹; на юге в его руках царства Ба и Шу ¹⁰, а на севере Май ¹¹ – столица царства Дай. Это [по-истине] природная сокровищница. Располагая многочисленным населением и множеством доблестных мужей, овладев законами ведения войны, можно поглотить [всю] Поднебесную и, назвавшись императором, управлять ею». Циньский ван на это ответил: «Пока не отросли крылья, высоко не взлетишь. Когда нор-

мы культуры еще не установились, нельзя присоединять другие царства»¹². Он только что казнил Шан Яна, настороженно относился к советникам и не стал использовать [Су Циня].

Тогда Су Цинь отправился на восток, в Чжао. Чжаоский князь Су-хоу¹³ назначил сяном своего младшего брата Чэна и дал ему титул Фэньян-цзюнь. Фэньянский правитель был недоволен приездом Су Циня.

Тогда Су Цинь направился в княжество Янь. [Однако] там только через год с лишним ему удалось увидеться с яньским правителем. Он сказал яньскому Вэнь-хоу¹⁴: «К Янь с востока примыкают Чаосянь и Ляодун, с севера – владения племен *линью* и *лоуфань*, на западе – области Юньчжун и Цзююань, на юге протекают реки Хуго и Ишуй. Ваши земли составляют квадрат со стороной в две с лишним тысячи *ли*. У вас несколько сотен тысяч воинов, одетых в латы, 600 боевых колесниц, шесть тысяч конников. Запасов зерна вам хватит на много лет. С юга к вам текут богатства из Цзеши и Иньмэня, на севере вы получаете доход от [торговли] финиками¹⁵ и каштанами, [ваш] народ, даже не занимаясь работой на полях, может довольствоваться этими плодами. У вас, что называется, природная кладовая¹⁶. Ваше княжество живет в покое и радости, у вас не происходит и каких-либо [плохих] событий. Войска ваши не подвергались разгрому, военачальников ваших не убивали. Нет таких княжеств, которые [благополучием своим] могли бы превзойти Янь. Но знаете ли вы, Великий *ван*, почему все обстоит именно так? Янь не подвергается вторжениям разбойных орд и одетых в латы войск потому, что с юга его прикрывает, как заслон, княжество Чжао. Пять раз воевали между собой Цинь и Чжао, дважды побеждало царство Цинь, три победы одержало Чжао. Пока Цинь и Чжао истребляли друг друга, вам, *ван*, удавалось сохранять целостность Янь, обеспечивая его будущее. Вот почему Янь не подвергается нападению. Кроме того, если бы правитель Цинь и вздумал напасть на Янь, ему пришлось бы перевалить через Юньчжун и Цзююань, пройти через земли царства Дай и район Шангу¹⁷, то есть покрыть путь в несколько тысяч *ли*. Даже если бы циньцы овладели яньскими городами, они, несомненно, не сумели бы их долго удерживать. Совершенно ясно, что царство Цинь не в состоянии нанести вред княжеству Янь. Другое дело, если Чжао сейчас вздумает напасть на Янь. Стоит [их правителю] издать приказ о начале похода, не пройдет и десяти дней, как несколько сотен тысяч солдат окажутся в районе Дуньюаня¹⁸. Переправившись через реки Хуго и Ишуй, [еще] через четыре-пять дней они достигнут

вашей столицы. Поэтому я и говорю: если Цинь нападет на Янь, то ему придется воевать за тысячи *ли* от своего дома; если же Чжао нападет на Янь, то оно будет воевать в пределах всего сотни *ли* от своего дома. Нельзя совершить в расчетах большей ошибки, чем пренебречь опасностью, находящейся от вас на расстоянии ста *ли*, и придавать большое значение бедствию, которое находится от вас на расстоянии тысячи *ли*. Вот почему я хотел бы посоветовать вам, Великий *ван*, породниться с правителем Чжао. Тогда в Поднебесной сложится единство [севера и юга], и Янь наверняка ничто не будет угрожать».

[Яньский] Вэнь-хоу ответил: «Вы говорите разумно. Но ведь мое княжество невелико, на западе оно граничит с сильным Чжао, на юге [оно] расположено близко к Ци. И Ци, и Чжао – могущественные государства. Однако, коль вы стремитесь к объединению княжеств в союз *хэцзун* [против Цинь] ¹⁹, я, дабы обеспечить покой Янь, прошу вас считать наше княжество присоединившимся [к союзу]». И он снабдил Су Циня колесницей, конем, золотом, шелками, чтобы тот отправился в Чжао.

К этому времени Фэньян-цзюнь уже умер, и Су Цинь разговаривал с чжаоским Су-хоу. Он сказал ему: «От *цинов* и *сянов* до простых чиновников и бедных ученых мужей – вся Поднебесная высоко ценит поступки и справедливость мудрого правителя, и все давно уже стремятся получить от вас наставления и доказать вам свою преданность. Однако Фэньян-цзюнь был завистлив и мешал вам вести дела княжества. Из-за этого пришлые советники, странствующие ученые не могли предстать перед вами. Ныне, когда Фэньян-цзюнь покинул этот мир, вы, правитель, вновь можете сблизиться со своими слугами и народом, поэтому я и осмеливаюсь представить вам свои скромные соображения.

Я думаю, что для вас, правитель, нет важнее дела, чем приложить все силы к тому, чтобы народ жил в покое. А основой спокойствия народа является выбор правильных отношений [с соседними государствами]. Когда этот выбор сделан верно, то и народ находится в спокойствии, а если выбор не удался, то народ никогда не обретет покоя. Разрешите мне поговорить о внешних бедствиях, [угрожающих Чжао].

Если вы в Чжао станете враждовать с Ци и Цинь, народ ваш не обретет покоя. Если вы, опираясь на силы Цинь, нападете на Ци, народ ваш покоя [все равно] не получит. Если же положитесь на силы Ци и нападете на царство Цинь, то и в этом случае покоя своему народу не обеспечите. Поэтому для правителя, который строит планы, чтобы напасть на какое-то государство, трудность

обычно состоит в провозглашении полного разрыва отношений с этим государством. Но я прошу вас, князь, быть осторожным в начале таких действий, прошу ясно отличать белое от черного, свет от мрака. Если вы, правитель, сможете прислушаться к планам и соображениям вашего слуги, то княжество Янь непременно предоставит вам земли, богатые шерстью и мехами, где много скота; княжество Ци предоставит вам морские заливы, [богатые] рыбой и солью; царство Чу предоставит вам апельсиновые и другие цитрусовые сады, а Хань, Вэй и Чжуншань ²⁰ смогут предоставить вам, князь, земли *танму* ²¹ для наделов вашим знатым родичам, чтобы они стали князьями. Пять гегемонов ради захвата [чужих] земель и извлечения из них выгоды поднимали войска и брали в плен военачальников, а шанский Чэн Тан и чжоуский У-ван в борьбе за власть шли даже на убийство законных правителей. Ныне же вы, *ван*, имеете возможность получить и то и другое. Вот чего я хочу для вас».

[Су Цинь продолжал]: «Если вы, Великий *ван*, вступите теперь в союз с Цинь, то Цинь непременно ослабит Хань и Вэй; если вы объединитесь с Ци, то Ци непременно ослабит Чу [и] Вэй. А когда ослабнет Вэй, у него будет отторгнута территория за Хуанхэ – Хэвай; когда ослабнет Хань, будет потерян Иян ²², и его потеря закроет для ханьцев пути в Шанцзюнь ²³. Отторжение Хэвая у Вэй приведет к тому, что его пути сообщения [с западом] будут прерваны. Когда же ослабнет Чу, то [Чжао] останется без всякой помощи. Последствия каждой из этих трех стратегий вам, князь, необходимо точно рассчитать».

Когда же войска Цинь займут Чжидао, окажется в опасности Наньян ²⁴. Если же циньцы захватят земли Хань и окружают [столицу] Чжоу, тогда и Чжао придется поднимать свои войска, чтобы защитить себя. А если циньцы овладеют землями [Малого] Вэй и захватят их Цюаньчэн ²⁵, то и правитель Ци должен будет смиренно явиться на поклон к циньскому правителю. Если же, получив все это, правитель Цинь пожелает овладеть всеми территориями к востоку от гор, он несомненно поднимет свои армии и направит их против Чжао. Как только циньские воины переправятся через Хуанхэ, перейдут через реку Чжаншуй и захватят город Паньу ²⁶, сражение развернется у стен Ханьданя. Это то, от чего я хотел бы вас уберечь».

[Далее Су Цинь] сказал: «В настоящее время среди княжеств, расположенных к востоку от гор, нет таких, которые были бы мощнее Чжао. Земли Чжао раскинулись более чем на две тысячи *ли*, воинов-латников [у вас] несколько сотен тысяч, есть тысяча

боевых колесниц и десять тысяч конников, запасов продовольствия хватит на несколько лет. С запада Чжао прикрыто горами Чаншань, с юга – реками Чжанхэ²⁷ и Хуанхэ, с востока – рекой Цинхэ, на севере соседствует с Янь. Янь, несомненно, государство слабое, бояться его нечего. Цинь в Поднебесной больше всего стремится нанести вред именно Чжао, но циньский правитель не решается поднять свои войска против Чжао. Почему же? [Он] опасается, как бы Хань и Вэй не сговорились у него в тылу. Отсюда понятно, что Хань и Вэй являются сейчас заслонами с юга для Чжао. Если правитель Цинь нападет на Хань и Вэй, которые не располагают защитой в виде значительных гор и больших рек, то циньцы кусок за куском станут поглощать их земли и останутся только перед их столицами. [В результате], неспособные более сопротивляться, Хань и Вэй, без сомнения, войдут в число вассалов Цинь. Ну, а когда перед циньцами не окажется заслона в виде этих княжеств, то Чжао конечно же окажется в беде. Это то, от чего я хотел бы вас уберечь.

Я слышал, что император Яо не имел и трех наделов земли, император Шунь не имел земли совсем, но они овладели всей Поднебесной. Великий Юй не располагал и сотней подданных, но стал правителем всех *чжухоу*. У Чэн Тана и У-вана было не более трех тысяч служилых мужей, не более 300 колесниц, не более 30 тысяч воинов, но оба они стали государями – Сынами Неба, действительно овладев путями управления [государством]. Поэтому мудрый и дальновидный правитель во внешних делах оценивает силы и слабости неприятеля, а внутри страны взвешивает способности своих воинов и служилых мужей. Он не дожидается, когда две армии выстроятся друг против друга, в его груди уже задолго до этого сложилось все то, что определяет победу или поражение, существование или гибель [государства]. Разве можно пренебрегать мнением многих людей и принимать случайные решения?

Я взял не себя смелость набросать для вас карту Поднебесной, [и по ней выходит], что земли *чжухоу* в пять раз превосходят территорию царства Цинь, а если посчитать войска *чжухоу*, то они в десять раз превышают силы Цинь. Если шесть княжеств станут действовать заодно, объединят свои силы и направят их на запад, чтобы напасть на Цинь, то Цинь непременно будет разбито. Однако сейчас вы, князь, обращаетесь лицом к западу и служите Цинь, находясь у него в подчинении. Но разве можно одновременно толковать о том, что надо бить врага, и стремиться быть разбитым, подчинять себе людей и становиться их подданным?

К тому же сторонники союза [лянь]хэн все время стремятся от-

резать земли у чжухоу и передать их Цинь. А стоит осуществить-ся этому плану, как правитель Цинь станет воздвигать высокие башни, сооружать роскошные дворцы и покои, наслаждаться музыкой свирелей и цитр, обзаведется роскошными выездами, будет развлекаться с красавицами. Бедствия, принесенные Цинь княжествам, нисколько не будут его беспокоить.

Вот почему сторонники плана хэн денно и ношно пугают чжухоу мощью Цинь, чтобы добиться отторжения их территорий. Я хотел бы, Великий ван, чтобы вы серьезно обдумали все это.

Я слышал, что мудрый правитель отбрасывает сомнительное, отменяет всяческую клевету, отказывается слушать всевозможные толки, закрывает двери для лобных группировок при дворе. Поэтому-то мне и удалось со всей преданностью изложить перед вами свой план, осуществление которого усилит почтение к правителю, расширит его земли и укрепит военные силы. Я считаю, что для вас, Великий ван, лучший план действий – создать единый союз [княжеств] Хань, Вэй, Ци, Чу, Янь и Чжао для выступления против Цинь. Призовите военачальников и первых советников всех княжеств Поднебесной собраться на берегу реки Хуаньшуй²⁸. Договоритесь с ними об обмене заложниками и, зарезав белую лошадь, заключите с ними союз. Пусть союзническая клятва гласит: “Если Цинь нападет на Чу, то Ци и Вэй посылают отборные войска на помощь ему, войска Хань отрезают пути подвоза провианта [для циньской армии], войска Чжао переходят через реки Хуанхэ и Чжанхэ, а войска Янь обороняют с севера горы Чаншань; если Цинь нападет на Хань и Вэй, то Чу отрезает противнику тылы, Ци посылает отборные войска им на помощь, войска Чжао переходят реки Хуанхэ и Чжанхэ, а войска Янь обороняют район Юньчжуна; если Цинь нападет на Ци, то Чу отрезает тылы противника, Хань обороняет и удерживает Чэнгао²⁹, вэйские [войска] преграждают пути продвижения циньцев, [войска] Чжао переходят реки Хуанхэ и Чжанхэ и доходят до Богуаня³⁰, а Янь посылает на помощь [Ци] отборные отряды; если циньцы нападут на Янь, то Чжао удерживает район гор Чаншань, чуские войска нападут на Угуань³¹, циские [войска], перейдя Хуанхэ, выйдут к Бохаю, а Хань и Вэй пошлют на помощь [Янь] свои отборные войска; если [же] циньские войска нападут на Чжао, то ханьская армия станет лагерем в Ияне, чуская армия – в Угуане, вэйская армия сосредоточится за Хуанхэ, циские [войска] перейдут через реку Цинхэ, а Янь пошлет в помощь Чжао свои отборные отряды. Если паче чаяния один из князей не выполнит условий договора, то войска остальных пяти чжухоу совместно обрушатся на от-

ступника". Пока все шесть княжеств будут действовать сплоченно против Цинь, циньские латники ни в коем случае не осмелятся выйти за пределы заставы Ханьгу, чтобы вредить княжествам, расположенным к востоку от горных хребтов. И если все пойдет так, то вы, князь, станете *ваном-гегемоном*».

Правитель Чжао ответил [Су Циню]: «Я годами молод, лишь недавно встал у власти, и мне еще не приходилось слышать столь далеко идущих планов [сохранения] своих алтарей духов Земли и злаков. Вы стремитесь сохранить Поднебесную и обеспечить спокойствие *чжухоу*, и я с почтением доверяю вам дела нашего княжества»³². После чего чжаоский князь повелел предоставить [Су Циню] сотню нарядных колесниц, тысячу кусков золота, сотню кружков белой яшмы, тысячу кусков парчи, с тем чтобы привлечь *чжухоу* к союзу.

В это время чжоуский Сын Неба прислал циньскому Хуэйвану жертвенное мясо из подносимого духам чжоуских Вэнь-вана и У-вана (334 г.)³³. Циньский Хуэй-ван послал войска во главе с Си-шоу³⁴ напасть на Вэй. Циньцы взяли в плен вэйского военачальника Лун Цзя и захватили вэйский Дяоинь³⁵. Циньцы намеревались двинуть армию дальше на восток. Су Цинь опасался, что циньские войска достигнут Чжао, и, разозленный [деятельностью] Чжан И³⁶, вынудил его бежать в Цинь.

В ту пору он поучал ханьского Сюань-вана³⁷: «На севере Хань имеются укрепления в Гун и Чэнгао, на западе – крепости Иян и Шанбань, на востоке находятся Юань и Жан, протекает река Вэйшуй, на юге высятся горы Синшань³⁸. Ханьские земли составляют квадрат со стороной в 900 с лишним *ли*, воинов-латников [в княжестве] несколько сотен тысяч; все искусные лучники и лучшие в Поднебесной стрелки из самострелов – выходцы из Хань. Ваше войско [вооружено] арбалетами и луками *ци-цзы*, *шили* и самыми дальнобойными из всех луков – *цзюйлай*, которые стреляют более чем на 600 шагов. Ханьские воины обучены стрелять из луков с колена, выпускать без передышки до сотни стрел; солдатам противника, находящимся далеко, они пробивают латы и ранят грудь, а тех, кто находится близко, поражают прямо в сердце. Мечи и алебарды ханьских воинов сделаны [на горе] Миншань, в Танци, в [горах] Моян, в Хэфу, Дэнши, Юаньфэне, [на горе] Луньюань и в Тайэ³⁹. Оружие, производимое в этих местах, отличается прочностью и остротой; на суше им можно убивать лошадей и быков, на воде – лебедей и диких гусей, а направленное на врага, оно рассекает его крепкие латы, железные панцири, кожаные нагрудники, щиты. А сколь храбры ханьские воины, облаченные в крепкие ла-

ты, вооруженные тугими луками и острыми мечами. Без сомнения, каждый из них способен противостоять сотне врагов.

Разве можно при такой мощи Хань, при вашей, Великий ван, мудрости, обратиться на запад и со сложенными в приветствии руками служить царству Цинь! Что может быть большим позором для алтарей духов Земли и злаков [вашего] рода, большим посмешищем для Поднебесной? Поэтому я прошу Великого вана все это тщательно взвесить.

Если вы, Великий ван, решите служить Цинь, то циньцы [для начала] непременно потребуют отдать им Иян и Чэнгао. Если сейчас уступите их, то на следующий год от вас вновь потребуют отрезать земли. Отдав и их, вы не оставите [себе] земель для уступок, а откажетесь уступать – ваши прежние заслуги будут сведены на нет и вы окажетесь перед катастрофой: ведь ваши владения имеют предел, а циньские требования беспредельны. А обладая ограниченной территорией, идти наперекор неограниченным требованиям означает не что иное, как навлекать на себя злобу, и это непременно приведет к беде. Так вы без боя потеряете свои земли. Я слышал народную пословицу: “Лучше быть клопом петуха, чем задом коровы”. Чем вы будете отличаться от коровьего зада, если ныне обратитесь на запад и со сложенными в приветствии руками признаете себя подданным циньского правителя? Если вы, располагая могучими ханьскими армиями, обладая мудростью, получите прозвище “коровий зад”, мне, вашему слуге, будет стыдно за вас, Великий ван»⁴⁰.

Ханьский ван сразу изменился в лице, пришел в смятение, взмахнул руками и гневно посмотрел вокруг. Схватившись за меч, он со вздохом поднял лицо к небу и сказал: «Я хотя и не очень способен, но подчиняться Цинь все равно не стану. Сейчас вы, господин, передали мне наставления чжаоского вана, и я с почтением от имени алтаря духов Земли и злаков [моего дома] присоединяюсь к вашему союзу цзун».

[Затем Су Цинь отправился в Вэй] и сказал там вэйскому Сянвану⁴¹: «На юге ваших земель, Великий ван, расположены Хунгоу, Чэнь, Жунань, Сюй, Янь, Куньян, Чжаолин, Уян, Синьду, Синьси; на востоке расположены Хуай, Ин, Чжуцзао и Усуй; на западе ваши земли ограничены Великой стеной, а на севере находится район Хэвай, [а также] Цзюань, Янь и Суаньцзао⁴². Ваши земли пртянулись на тысячу ли. Хотя ваше княжество и считается небольшим, оно плотно заселено, на ваших землях нет невозделанных полей, нет даже пустошей, где можно пасти скот. Население многочисленно, большое число конных повозок день и ночь

движется по вашим дорогам, и стоит неумолчный шум и грохот, как будто движутся огромные армии. Я, ваш смиренный слуга, считаю, что ваше, *ван*, княжество не уступает царству Чу, но сторонники плана *хэн* уговаривают вас перекинуться на сторону хищного Цинь, чтобы напасть на Поднебесную. В конечном счете от циньцев на вас обрушится бедствие, а вы не видите этого. Ведь тот, кто поддерживает могучее Цинь, подрывает свою власть [внутри княжества], и не может быть преступления тяжелее, чем это. Вэй – одно из могущественных государств в Поднебесной, вы, *ван*, один из мудрейших *ванов* Поднебесной. Если вы сейчас вознамеритесь обратиться лицом к западу и станете служить правителю Цинь, превратив свое княжество в его восточную вотчину, [то поможете ему] воссесть во дворце императором, надеть шапку и костюм верховного правителя и принимать дань от князей весной и осенью, [и] мне [будет] стыдно за вас, Великий *ван*.

Я слышал, что юэский *ван* Гоу Цзянь в бою всего с тремя тысячами воинов взял в плен [уского] Фу Ча при Ганьсуе⁴³. У [чжоуского] У-вана имелось [лишь] три тысячи воинов да 300 обитых кожей колесниц, но он одолел [иньского] Чжоу [Синя] в Муе⁴⁴. Дело не в том, что у них было много войск, а в том, что они смогли воодушевить своих воинов на настоящий подвиг. Я слышал, что ныне у вас в войсках, Великий *ван*, [только] отборных воинов 200 тысяч, *цантоу* – тоже 200 тысяч, да еще вы можете набрать до 200 тысяч храбрецов, всякого рода челяди и подневольных до 100 тысяч человек, 600 колесниц да 5 тысяч конников⁴⁵. Это войско далеко превзойдет по численности то, каким располагали в свое время юэский *ван* Гоу Цзянь и [чжоуский] У-ван. Вы же, слушая уговоры своих сановников, намереваетесь сейчас войти в подчинение правителю Цинь. А ведь служа Цинь, вы должны будете отдать свои земли, чтобы доказать свою искренность, поэтому, даже не использовав военную силу, ваше княжество потерпит урон. Чиновники, которые советуют вам служить Цинь, – предатели, а не верные подданные. Слуги, которые стремятся отдать земли своего повелителя, чтобы заручиться внешними связями [с Цинь], и гонятся за сиюминутным успехом, не думая о будущем, подрывают общий дом и пекутся лишь о личном преуспевании. Вовне они укрепляют и без того могущественное Цинь, а внутри [княжества] грабят своего повелителя. Они стремятся к отторжению вэйских земель, и я хочу, чтобы вы, Великий *ван*, задумались над этим. В *Чжоу шу* сказано: “Когда прядешь, нить тянется непрерывно, когда разрастаются сорняки, как с ними быть? Если не уничтожить их, пока они малы, то в дальнейшем

придется прибегнуть к топору”⁴⁶. Если вы не будете дальновидны с самого начала, то позднее нагрянет большая беда. Что вы будете делать тогда? Если вы, Великий ван, с открытым сердцем прислушаетесь к моим [предостережениям и советам], то все шесть княжеств будут действовать сообща, объединятся и сольют свои силы и намерения. Тогда, конечно, [мы предотвратим] бедствия, которые несет нам могущественное Цинь. Вот почему смиренный чжаоский ван послал меня к вам изложить свой план и предложить вам заключить чистосердечный союз. Сейчас дело за вашим решением, Великий ван».

Вэйский ван ответил: «Я человек малодостойный, мне не приходилось выслушивать разумных наставлений. Ныне вы, уважаемый, передали мне высокие предложения чжаоского вана. Я с почтением присоединяюсь к союзу».

Затем Су Цинь проследовал на восток и сказал цискому Сюань-вану⁴⁷: «На юге княжества Ци расположена гора Тайшань, к востоку – горы Ланье⁴⁸, к западу – река Цинхэ, к северу лежит Бохай. Это для вашего княжества четыре [защитные] крепости. Земли Ци составляют квадрат со стороной в две с лишним тысячи ли. У вас несколько сотен тысяч латников, у вас горы зерна, ваши превосходные воины трех армий и солдаты, набранные из пятюрок семей, в наступлении подобны острым пикам и стрелам; они обрушиваются на врага подобно грому, рассеивают его, как ураган. Обладая такой военной мощью, вам никогда не приходилось удаляться от Тайшани, отходить от Цинхэ или переправляться через Бохай. У вас [только] в столичном городе Линьцзы, как я сам убедился, 70 тысяч дворов. Каждый двор может выставить не менее трех мужчин, а трижды семь – двадцать один, [так что] одна столица даст 210 тысяч воинов. Тогда, даже не дожидаясь присылки войск из отдаленных уездов, вы уже [соберете] 210 тысяч [солдат] лишь из одного Линьцзы. [Город] Линьцзы весьма богат и изобилен. Все его жители играют на свирелях, гусях и цитрах⁴⁹, устраивают петушинные бои и собачьи бега, развлекаются игрой в *любо* и в *тицзюй*⁵⁰. На улицах Линьцзы так тесно, что повозки задевают друг друга, людей так много, что они касаются друг друга плечами, и если соединить полы их одежд, то получился бы громадный шатер; если им вместе поднять рукава своих одежд, образовался бы [огромный] полог; если они одновременно смахнут пот [со лба], то прольется дождь. Там все семьи богаты, устремления людей высоки, дух их возвышен⁵¹. Никто в Поднебесной не сравнится с достоинствами Великого вана и с силой Ци. И если вы обратитесь лицом к западу и станете служить правителю царства Цинь, то

мне, вашему слуге, будет стыдно за вас, Великий ван».

[Су Цинь продолжал]: «Кроме того, Хань и Вэй больше всего опасаются Цинь, так как они непосредственно граничат с ним. Даже если они двинут войска, чтобы противостоять Цинь, то не пройдет и десяти дней, как исход войны будет ясен и решится вопрос об их существовании или гибели. [Если] Хань и Вэй в сражении одолеют Цинь, то при этом они потеряют половину армии, и их границы окажутся незащищенными. Ну, а если они проиграют войну, то их государства окажутся в опасности и они будут на краю гибели. Вот по какой причине Хань и Вэй трудно воевать с Цинь и легко стать его вассалами. Если Цинь нападет на Ци, то положение изменится. Ему придется сначала присоединить к себе земли Хань и Вэй, пройти дорогами через [Малое] Вэй и Янцзинь, преодолеть теснины Канфу⁵². Там не проедет ни пара повозок, ни даже пара всадников, а если всего сотня людей будет их защищать, то и тысяче воинов не удастся пройти их. Пусть даже циньцы и сумеют войти в ваши пределы, им все время придется оглядываться назад в опасении за свой тыл, по которому могут ударить войска Хань и Вэй. Вот почему циньский правитель сомневается, [развязывать ли войну], [он лишь] бахвалится своей силой и запугивает всех, ведет себя надменно, но наступать еще не решается. Таким образом, ясно, что Цинь в настоящее время не в состоянии нанести вред Ци.

Недооценка во всей полноте того, что Цинь не может сейчас навредить Ци, стремление повернуться лицом к западу, чтобы служить Цинь, – это ошибки в расчетах ваших подданных. Сейчас у вас [еще] нет репутации вассала Цинь, а есть реальная мощь сильного государства. Поэтому я и хотел просить вас, Великий ван, чтобы вы немного повременили с решением и хорошенько обдумали план действий».

Циский ван ответил: «Я недостаточно мудр, управляю княжеством, примыкающим к морю и расположенным на далекой восточной окраине, и мне не доводилось слышать великодушных наставлений. Ныне вы передаете мне призыв чжаоского вана о союзе, и я с почтением последую за объединением княжеств *цзун*».

Тогда [Су Цинь] проследовал на юго-запад и, представ перед чуским Вэй-ваном⁵³, сказал ему: «Чу – одно из могущественных государств Поднебесной. Вы, ван, один из мудрых правителей в Поднебесной. На западе вы владеете областями Цяньчжун и Уцзюнь, на востоке владеете Сячжоу и Хайяном; на юге у вас лежат озера Дунтин и Цаньфу, на севере вы обладаете крепостями Синсай и Сюньян⁵⁴. Ваши земли составляют квадрат со стороны

пять с лишним тысяч *ли*, у вас миллион латников, тысяча боевых колесниц, десять тысяч конников и на десять лет запасов продовольствия⁵⁵. У вас есть все, чтобы стать *ба-ваном*. При мощи царства Чу и вашей мудрости, *ван*, нет такой силы в Поднебесной, которая могла бы противостоять вам. Если вы вознамеритесь обратиться лицом к западу и служить правителю Цинь, среди владетельных князей не найдется таких, кто бы [вслед за вами] не обратился на запад, чтобы представиться при дворе в Чжангае⁵⁶.

Нет того, кому бы Цинь хотело вредить больше, чем Чу. Будет Чу могущественным – Цинь будет слабым, будет Цинь сильным – будет слабым Чу. Эти два царства не могут сосуществовать. Поэтому вам, Великий *ван*, лучше всего, сблизившись с *чжухоу*, изолировать Цинь. Если же вы, Великий *ван*, не сблизитесь с князьями, то циньский правитель непременно поднимет две армии и одна из них выступит из Угуаня, а другая займет Цяньчжун, тогда города Янь и Ин тут же падут. Я слышал [такое суждение]: порядок надо наводить до того, как начнется смута, пока еще ничего не случилось. А уж если беда пришла, думать об этом будет поздно, и ничего тогда не поделаешь. Поэтому я хотел бы, чтобы вы, Великий *ван*, как можно раньше рассчитали нужные действия.

Если вы, Великий *ван*, действительно соизволите прислушаться к моим суждениям, то я сумею склонить княжества, находящиеся к востоку от гор, все четыре сезона года приносить вам дары и принимать ваши мудрые повеления. Они будут поддерживать ваши алтари духов Земли и злаков, ваши родовые храмы; будут тренировать отличных солдат и предоставлять их в ваше распоряжение. Если вы, Великий *ван*, соизволите претворить мой скромный план в жизнь, то красавицы и певицы из княжеств Хань, Вэй, Ци, Янь, Чжао, [Малое] Вэй заполнят внутренние покои ваших дворцов, а в ваших военных конюшнях будут стоять верблюды и скакуны из княжеств Янь и Дай. Вступив в союз *хэцзун*, Чу будет править Поднебесной; если согласитесь с планом *хэн*, то циньский правитель станет императором. Если вы откажетесь от дела *вана*-гегемона и готовы прослыть слугой другого правителя, это будет не тот выбор, который я бы сделал на вашем месте.

Ведь царство Цинь – хищник, намеревающийся поглотить всю Поднебесную, и вся Поднебесная ненавидит Цинь. Странники союза *хэн* стремятся отторгнуть земли *чжухоу*, чтобы выслужиться перед Цинь. Это все равно, что возвращать врага и угодливо подносить ему все, [что он требует]. Это равносильно стремлению слуги отторгнуть земли своего господина, чтобы установить отношения с хищным и безжалостным царством Цинь,

которое покушается на всю Поднебесную. От Цинь надвигается беда, [но] ее не осознают. Поддерживать вовне могущество Цинь и грабить своего же правителя, стремясь к отторжению его земель, – большего предательства и вероломства быть не может. Зато если вы установите близкие отношения с княжествами, то *чжухоу* отдадут вам [часть] своих земель и будут служить Чу. В случае же создания союза *хэн* царству Чу придется отделить свои земли и служить Цинь. Эти два плана несовместимы друг с другом. Какой из двух путей вы, Великий *ван*, выберете? *Чжаоский ван* послал меня изложить мои скромные соображения и предложить вам союз. Все зависит от вашего, Великий *ван*, мудрого решения».

Чуский *ван* на это ответил: «Мое государство на западе граничит с царством Цинь. Циньский правитель [давно] стремится присоединить к себе земли Ба и Шу, район Ханьчжуна. Цинь – государство свирепое словно тигр, с ним нельзя сближаться. Хань и Вэй тоже боятся бед, которые может принести им Цинь, но они не в состоянии пойти на серьезные замыслы против него, так как [в случае] присоединения к союзу *цзун*, опасаются, что кто-то из их союзников пойдет на соглашение с Цинь, и тогда еще до начала осуществления их планов княжества окажутся в опасности. Я взвесил свои возможности и понял, что если только Чу станет противопоставлять себя Цинь, оно его не одолеет. На советы наших сановников полагаться тоже нельзя. Я сейчас не в состоянии спокойно спать на своей циновке, пища для меня потеряла вкус, сердце мое трепещет в тревоге, словно знамя на ветру, и я так и не мог решить окончательно, куда примкнуть. Коль скоро сейчас вы решили объединить Поднебесную, повести за собой *чжухоу*, чтобы обеспечить существование находящихся в опасности княжеств, я с почтением готов последовать за вашим союзом, предоставив вам [все силы духов своих] алтарей Земли и злаков»⁵⁷.

Так все шесть княжеств объединили свои силы, образовав союз *хэцзун*. Су Цинь был поставлен главой этого союза, став *сяном* у шести князей.

Су Цинь вернулся на север, чтобы доложить [о результатах поездки] *чжаоскому вану*. Его путь пролегал через Лоян⁵⁸. Следовавшие за ним повозки были нагружены [дарами], все *чжухоу* прислали гонцов сопровождать Су Циня, и их набралось так много, что люди думали, будто едет сам *ван*. *Чжоуский Сянь-ван*⁵⁹, услышав про это, всполошился. Он повелел расчистить дорогу и послал гонцов приветствовать гостей в окрестностях столицы. Братья Су Циня и невестки не решались прямо смотреть ему в глаза, поглядывали на него искоса, кланялись и подносили Су Циню

еду. Су Цинь, усмехаясь, сказал жене старшего брата: «Почему это вы раньше презирали меня, а теперь так почтительны?» Невестка, согнувшись до земли, оправдываясь, сказала: «Вы, Цзицзы ⁶⁰, сейчас занимаете высокое положение, и у вас много золота». Су Цинь с тяжким вздохом сказал на это: «Но я тот же человек. Богатого и знатного даже родичи боятся, бедного и ничтожного те же родичи презирают, что ж говорить о [чужих] людях! Кроме того, разве то, что я получил в окрестностях Лояна два *цина* полей, помогло мне получить печати первых советников шести княжеств?» И он раздал тысячу золотых родным и друзьям. В свое время, находясь в Янь, Су Цинь одолжил у одного посредника 100 монет для собственных нужд. Теперь, став богатым и знатным, вернул ему 100 золотых. Он отблагодарил всех, от кого в прошлом видел добро. [Однако] один из сопровождавших Су Циня был обойден. Он предстал перед Су Цинем и напомнил о себе. Су Цинь ответил: «Дело не в том, что я забыл о вас. Когда мы с вами прибыли в Янь, вы неоднократно покидали меня на реке Ишуй. Как раз в то время я был в трудном положении и очень надеялся на вашу помощь. Потому я поставил вас на последнее место, но сейчас и вы тоже получите свою долю».

Когда Су Цинь создал союз шести княжеств и сблизил их, он вернулся в Чжао. Чжаоский Су-хоу пожаловал ему звание Уань-цзюня ⁶¹ и послал циньскому правителю сообщение о том, что образован союз княжеств *цзун*. [После этого] циньские армии в течение 15 лет не осмеливались даже выглядывать из-за заставы Ханьгу ⁶².

Позже циньский правитель, стремясь расстроить союз княжеств *цзун*, послал Си-шоу обманом склонить Ци и Вэй совместно напасть на Чжао. Когда войска Ци и Вэй напали на Чжао, чжаоский *ван* стал упрекать в этом Су Циня. Су Цинь был напуган [происходящим] и просил направить его в Янь [за помощью], чтобы непременно отплатить правителю Ци. Когда Су Цинь покинул Чжао, союз *цзун* распался.

Циньский Хуэй-ван отдал свою дочь в жены наследнику яньского *вана*. В этом же году умер яньский Вэнь-хоу и у власти встал его наследник. Это был яньский И-ван ⁶³. Как только И-ван вступил на княжеский престол, циский Сюань-ван, воспользовавшись трауром в Янь, напал на это княжество и захватил десять яньских городов. И-ван сказал Су Циню: «В свое время, когда вы, учитель, прибыли в Янь, прежний *ван* уполномочил вас свидеться с чжаоским *ваном*, после чего был создан союз *хэцзун* между шестью княжествами. Ныне правитель Ци сначала напал на Чжао, а

затем достиг и нашего Янь. Из-за вас, учитель, мы стали посмешищем в Поднебесной. Скажите, сумеете ли вы сделать так, чтобы Янь вернуло себе захваченные земли?» Су Цинь, устыдившись, ответил: «Разрешите, правитель, попытаться вернуть вам ваши земли».

И Су Цинь, [отправившись в Ци], предстал перед циским *ваном*, дважды поклонился, [затем], склонив голову, поздравил его с успехом и выразил соболезнование. Циский *ван* спросил: «Что это значит? Вы поздравили меня с успехом и тут же выразили соболезнование». Су Цинь ответил: «Я слышал, что [даже] голодный не станет есть волчий корень (аконит), поскольку знает, что, наполнив желудок этой ядовитой пищей, он умрет, как и от голода. Хотя княжество Янь малое и слабое, но его нынешний правитель все-таки зять циньского *вана*. Вы, Великий *ван*, получив выгоду в виде десяти яньских городов, взамен надолго обретете врага в лице могущественного Цинь. Если сейчас слабое и малое Янь, подобное одинокому дикому гусю, летящему за своим вожаком, следует за могущественным Цинь, вы навлечете на себя нападение сильнейших в Поднебесной войск, а это все равно, что съесть волчий корень».

Циский *ван* опечалился и, изменившись в лице, сказал: «Если так, то как же мне быть?» Су Цинь ответил: «Я слышал, что в древности те, кто умело управлял государством, обращали беду в удачу, поражение – в успех. Если вы, Великий *ван*, искренне готовы последовать моим советам, то верните княжеству Янь захваченные у него десять городов. Получив просто так десять городов, яньский правитель непременно обрадуется, и циньский *ван*, узнав, что из-за него вернули десять городов, тоже непременно обрадуется. Этот шаг приведет к отказу от вражды и ненависти и станет [первым] камнем в налаживании отношений между князьями. А коль скоро Янь и Цинь будут служить [интересам] Ци, то ваши, Великий *ван*, повеления и призывы разнесутся по Поднебесной, и никто не осмелится [их] ослушаться. Таким путем, внешне, на словах, вы как бы примкнете к Цинь и десятью городами завоюете [добрую славу] Поднебесной. Это дело достойное *ба-вана*». *Ван* воскликнул: «Прекрасно!» После чего вернул Янь десять городов.

Люди, стремившиеся погубить Су Циня, говорили: «Этот чиновник не раз предавал [свое] княжество, он устроит смуту». Су Цинь, опасаясь, что его обвинят в преступлении, вернулся [в Янь], но яньский *ван* не восстановил его на службе. Су Цинь добился приема у яньского *вана* и сказал ему: «Я, ваш подданный, родом из простых людей Восточного Чжоу, у меня нет каких-либо за-

слуг, но вы, *ван*, лично приветствовали меня в храме предков и по ритуалу приняли меня во дворце. Ныне я отвел от Янь угрозу нападения войск Ци, вернул вам десять городов. Казалось бы, за все это меня следовало приблизить к себе еще больше. Но вот я прибыл к вам, а вы не назначаете меня чиновником. Наверняка это потому, что люди оклеветали меня перед вами. Но когда чиновнику не доверяют, это несчастье для правителя. Я слышал, что тот, кто считается преданным и надежным, [на самом деле] все делает ради себя, но на решительные поступки способен лишь тот, кто действует ради людей. Уговаривая циского *вана*, я действовал бескорыстно; я покинул свою престарелую мать в Восточном Чжоу не для того, чтобы утвердить свое имя, а для того, чтобы добиться общего успеха. Как бы вы, Великий *ван*, поступили, окажись перед вами три человека, один из которых по сыновнему послушанию подобен Цзэн Шэню, другой – по скромности подобен Бо И, третий – по преданности подобен Вэй Шэну⁶⁴. Взяли бы вы этих троих служить к себе?» *Ван* ответил: «Разумеется».

[Тогда] Су Цинь сказал: «Разве такого почтительного сына, как Цзэн Шэнь, верного своему долгу настолько, что он не расставался с родными даже на одну ночь, вы, *ван*, смогли бы послать пешком за тысячу *ли*, чтобы послужить слабому яньскому княжеству, находящемуся в опасности? Или такого бескорыстного человека, как Бо И, который по понятиям долга отказался унаследовать владения Гучжу[-цзюня]⁶⁵, не стал служить чжоускому У-вану, не принял пожалования и затем умер от голода на горе Шоуян, разве смогли бы вы, *ван*, послать пешком за тысячу *ли*, чтобы добиваться нужного вам у правителя Ци?! А известный своей преданностью Вэй Шэн! Однажды он договорился с любимой девушкой о встрече под мостом; девушка не пришла, но он не покинул своего места даже тогда, когда начался подъем воды, и, вцепившись в опоры моста, погиб. Разве человека, столь верного слову, вы, *ван*, смогли бы послать пешком за тысячу *ли*, чтобы отразить опасность со стороны сильных войск Ци? Я же из-за своей преданности оказался виновным перед правителем». Яньский *ван* сказал: «Вы не так уж и преданны – разве можно понести наказание за верность?» Су Цинь на это ответил: «Это не так. Я слышал, [что когда-то] один *бинькэ* служил чиновником в дальних краях, а его жена вступила в любовную связь с другим. Когда ее муж должен был вернуться, сожитель забеспокоился, но женщина сказала ему: “Не волнуйся, я приготовила отравленное вино, чтобы поднести мужу”. Через три дня муж действительно вернулся, и жена велела служанке поднести ему отравленное вино. Служанка

хотела было сказать, что в вине отрава, но испугалась, что муж прогонит хозяйку. Хотела промолчать, но испугалась, что отравит хозяина. Тогда она нарочно споткнулась и разлила вино. Хозяин разгневался и наказал ее 50 ударами палками. Таким образом, споткнувшись и разлив вино, она и хозяина спасла, и свою хозяйку сохранила, но в то же время не избежала наказания палками. Вот так зло может пасть на преданного и честного человека, который не совершил никакой провинности. Мои провинности, к несчастью, того же рода». [Тогда] яньский ван сказал [Су Циню]: «Учитель, займите прежнюю должность». И стал еще милостивее относиться к нему.

Мать И-вана, вдова Вэнь-хоу, находилась в любовной связи с Су Цинем. Яньский ван знал об этом, но продолжал хорошо относиться к Су Циню. Су Цинь [все же] опасался казни и однажды сказал яньскому вану: «Если я буду находиться в Янь, то не сумею обеспечить его усиления, а если я буду находиться в Ци, то Янь непременно станет сильным». Яньский ван ответил: «Да, только вы, учитель, сможете выполнить это». Тогда Су Цинь сделал вид, будто он провинился перед яньским правителем, и бежал в Ци. Циский Сюань-ван поставил его кэцином.

[Вскоре] Сюань-ван умер, у власти встал Минь-ван ⁶⁶. Су Цинь убедил Минь-вана устроить покойному отцу пышные похороны, чтобы подтвердить свое сыновнее почтение, построить высокие покои, расширить парк и сады, дабы этим показать свои добрые намерения. Су Цинь таким путем намеревался ослабить Ци, действуя в пользу Янь. В это время умер яньский И-ван, к власти пришел яньский Гуай, который стал ваном.

После этого многие циские сановники, соперничавшие с Су Цинем за благосклонность правителя, послали людей заколоть Су Циня. Он был смертельно ранен, но сумел бежать. Циский ван велел изловить злоумышленников, [но их] не нашли. Перед смертью Су Цинь попросил циского вана: «Когда я умру, прикажите колесницами разорвать мое тело и объявите об этом на рынках [во всеуслышание], при этом скажите: “Су Цинь замышлял смуту в Ци в интересах княжества Янь”. Если вы поступите так, то покушавшиеся на меня злодеи наверняка будут пойманы». Циский правитель так и поступил. Люди, виновные в гибели Су Циня, сами объявились, и циский ван казнил их. Яньский ван, узнав о случившемся, воскликнул: «Замечательно! Вот цисцы и отомстили за жизнь Су Циня!»

Когда Су Цинь умер, его деяния [и тайные планы] получили широкую огласку. Циский правитель узнал о них и серьезно раз-

гневался на яньского *вана*. Яньский правитель был очень напуган.

У Су Циня было два младших брата – Су Дай и Су Ли. Они, идя по стопам старшего брата, тоже изучали [военную науку]. Су Дай после кончины Су Циня стал добиваться приема у яньского *вана* в стремлении продолжить дело старшего брата. Он сказал *вану*: «Я человек низкого звания из Восточного Чжоу. Я слышал, что у вас, Великий *ван*, весьма высокое чувство долга и справедливости. Я, может быть, не из самых умных. Но я решил оставить дома свою мотыгу и землю, чтобы встретиться с вами, Великий *ван*. То, что я увидел в Ханьдане, очень отличалось от того, что я слышал [о тамошних порядках] в [своем] Восточном Чжоу. Я был обескуражен этим и оставил надежды [на службу]. Когда же [я] прибыл в яньский дворец и увиделся с вашими чиновниками и служивыми, [я понял, что] вы, *ван*, мудрейший правитель Поднебесной». Яньский *ван* спросил: «А каков тот, кого вы называете мудрейшим *ваном*?» Су Дай ответил: «Я слышал, что мудрый *ван* должен выслушивать тех, кто говорит о его недостатках и ошибках, а не стремиться слушать только о своих достоинствах. Позвольте мне раскрыть перед *ваном* его ошибки. Княжества Ци и Чжао – противники Янь, а Чу и Вэй – государства, могущие помочь Янь. Ныне вы, *ван*, поддерживаете врагов и нападаете на союзников, это не принесет пользы Янь. Подумайте, *ван*, – ведь это ошибочные расчеты. Те, кто вам не сообщает об этом, не являются верными подданными». *Ван* сказал: «Да, княжество Ци, несомненно, мой враг, [но] если бы я задумал пойти войной на него, то просто погубил бы свое княжество, поскольку моих слабых сил не хватило бы [на эту борьбу]. Если вы способны повести войска Янь против Ци, то я бы доверил вам все силы своего княжества». Су Дай на это сказал: «В Поднебесной между собой воюют семь больших княжеств. Янь – самое слабое среди них, воевать самостоятельно оно не может, но если примкнет к кому-нибудь, то безусловно увеличит его силы. Если на юге вы примкнете к царству Чу, этим усилите Чу; если на западе примкнете к царству Цинь, то укрепите Цинь; если в центре примкнете к княжествам Хань и Вэй, то усилятся они. Поскольку государство, к которому вы примкнете, окрепнет, то и вы непременно станете весомее. В Ци *ван* уже взрослый, он действует самостоятельно. На юге он в течение пяти лет воевал с Чу, истощил свои запасы; на западе в течение трех лет находился в сложных отношениях с Цинь, его командиры и солдаты утомились; на севере он воевал с Янь, разгромил три ваших армии и пленил двух военачальников⁶⁷. Затем цидский правитель, собрав оставшиеся войска, повернул на юг и

напал на сильное княжество Сун, обладавшее пятью тысячами колесниц, и захватил владения 12 [мелких] *чжухоу* ⁶⁸. Таким образом, ясно, что этот правитель думает только о захватах; его народ отдает на достижение этих целей все силы, где же его одолеть! К тому же я слышал, что народ устает от многочисленных войн, а от длительных походов утомляются солдаты».

Яньский *ван* сказал: «Я слышал, что реки Цинхэ, Цзихэ, Чжохэ и Хуанхэ служат как бы защитным поясом для княжества Ци, а Великая стена и мощные оборонительные сооружения ⁶⁹ служат ему крепостями. Действительно ли положение таково?» Су Дай ответил: «Если Небо не будет благосклонно [к цискому правителю], то его не защитят и ограждающие его реки Цинхэ, Цзихэ, Чжохэ и Хуанхэ. Если силы народа истощатся, то и Великая стена, и мощные сооружения перестанут служить барьером! Помимо этого, к западу от Цзихэ уже не осталось войск, они переброшены на случай отражения наступления армии Чжао; к северу от Хуанхэ тоже нет войск, они приготовлены против Янь. Коль скоро и с запада, от Цзихэ, и с севера, от Хуанхэ, сейчас силы отведены, изнутри княжество очень слабо. К тому же надменный правитель несомненно любит выгоду, а его чиновники, ведущие княжество к гибели, конечно же, корыстолюбивы. Вы, *ван*, можете без смущения послать туда в качестве заложников и сына и младшего брата, при этом одарите приближенных циского правителя жемчугами, яшмой и шелками; и тогда Ци окажется благосклонным к Янь и легко погубит Сун. Но следом может погибнуть [и само] Ци». Яньский *ван* сказал: «Я воспринимаю ваши соображения как веление Неба!» После этого яньский *ван* послал заложником в Ци одного из своих сыновей ⁷⁰. А Су Ли через посредство сына яньского *вана*, посланного заложником, добился приема у циского *вана*. Циский *ван*, еще озлобленный поведением Су Циня, хотел бросить Су Ли в темницу, но за него попросил яньский заложник, и впоследствии Су Ли стал циским чиновником.

В это время Цзы Чжи, первый советник княжества Янь, выдал свою дочь замуж за Су Дая, намереваясь захватить в свои руки еще большую власть в Янь. Вслед за тем Су Дай был послан в Ци, чтобы сопровождать еще одного заложника. Циский правитель отослал Су Дая обратно с докладом яньскому правителю. Яньский *ван* Гуай спросил его: «Сможет ли циский *ван* стать гегемоном среди князей?» Су Дай ответил: «Не сможет». «А почему?» «Он не доверяет своим сановникам».

После этого яньский *ван* передал всю полноту власти первому советнику Цзы Чжи, а потом уступил ему и княжеский престол

(316 г.). [В результате] в Янь возникла большая смута. Тогда циские войска напали на Янь, убили *вана* Гуая и Цзы Чжи. В Янь у власти встал Чжао-ван ⁷¹, Су Дай и Су Ли не решились больше оставаться в Янь. Они оба в конце концов вернулись в Ци. Циский правитель принял их благожелательно.

Когда Су Дай проезжал через Вэй, вэйский правитель задержал его за действия в Янь. Циский *ван* послал гонца сказать вэйскому *вану*: «Княжество Ци предложило сунские земли пожаловать во владение Цзинъян-цзюню, но циньский правитель отказался от этого. [Произошло] это не потому, что для Цинь было невыгодно иметь дружбу с Ци и получить сунские земли, а потому, что циньский правитель не доверяет цискому *вану* и Су Даю. В настоящее время между Ци и Вэй сильная вражда, поэтому Ци не будет обманывать Цинь, а Цинь, в свою очередь, будет доверять Ци. Если Ци и Цинь объединятся, то Цзинъян-цзюнь получит сунские земли, а это будет не в интересах Вэй. Поэтому вам, *ван*, лучше отпустить Су Дая на восток. В таком случае правитель Цинь непременно усомнится в [намерениях] Ци и не станет доверять Су-цзы (Су Даю). А коли Ци и Цинь не будут союзниками, то в Поднебесной больших перемен не произойдет и над княжеством Ци нависнет угроза нападения». После этого Су Дая освободили. Он поехал в княжество Сун, где был прекрасно принят.

[В это время] циские войска напали на Сун. Оно оказалось в опасности. Тогда Су Дай послал яньскому Чжао-вану такое письмо: «Княжество Янь числится в ряду государств, обладающих десятью тысячами боевых колесниц, и оно же посылает заложников в Ци, что указывает на его недобрую славу и слабость. А посылать десять тысяч колесниц в помощь Ци в его нападении на Сун – значит взвалить тяжкое бремя на свой народ и истощить свои богатства. За разгромом Сун последует потеря районов Хуайбэя, принадлежащих Чу. Вы только обогатите и усилите своего врага – великое Ци и нанесете ущерб собственному княчеству. Эти три обстоятельства приведут вас к крупному поражению. Однако, если вы, *ван*, в надежде завоевать доверие правителя Ци начнете осуществлять свой план, то циньский правитель будет относиться к вам с еще большим недоверием, и его подозрительность по отношению к Янь усилится. В этом ошибочность ваших замыслов. Ведь если к Сун прибавить [чуский] Хуайбэй, то образуется государство, обладающее мощью десяти тысяч боевых колесниц. И все это приберет к рукам княжество Ци. Таким образом оно вдвое увеличит свои силы. А если к землям восточных и (*дунь*), занимающим квадрат со стороны 700 ли, прибавить Лу и

[Малое] Вэй, то по силе это тоже будет государство, располагающее десятью тысячами боевых колесниц. Если Ци и его присоединит к себе, то станет сильнее втрое. На мощь одного Ци ваше Янь смотрит с опаской и не в состоянии справиться с ним, если же три Ци навалятся на Янь, беда будет огромной.

Хотя это и так, разумный правитель стремится к тому, чтобы несчастье обратилось в счастье, поражение – в успех. Ведь циские пурпурные шнуры – это испорченный шелк-сырец, и за него просят десятикратную цену ⁷². Сумел же юэский ван Гоу Цзянь, обосновавшись на горе Гуйцзи, вновь разбить сильное княжество У и стать гегемоном в Поднебесной. Это пример того, как несчастье превращают в счастье, а поражение оборачивается успехом.

Если вы, ван, намерены несчастье обратить в счастье, а поражение – в успех, то лучше всего побудить циского правителя стать гегемоном и выразить ему почтение. [Затем] отправьте послов в чжоуский дом для заключения союза с князьями, сожгите циньские верительные дощечки, заявив при этом: “Лучший план – это сокрушение Цинь. Следующая задача – надолго сдержать его [агрессивность]”. Когда Цинь испытает ограничения и подвергнется ударам со стороны княжеств, циньский ван обязательно забеспокоится. [Ведь] царство Цинь [уже] на протяжении пяти поколений нападает на *чжухоу*. Если же оно окажется ниже Ци, циньский ван будет любой ценой стремиться ослабить Ци. Раз так, то почему бы вам, ван, не послать бойкого на язык мужа сказать циньскому вану: “Если Янь и Чжао разобьют Сун, это усилит Ци, и тогда Янь и Чжао придется признать себя его подданными и почитать циского правителя, а это не в их интересах. Хотя это и невыгодно, Янь и Чжао [все-таки] будут вынуждены действовать именно таким образом, потому что они не доверяют вам, циньский ван. А если это так, то почему бы вам не послать туда пользующихся доверием людей и не принять под свое покровительство Янь и Чжао. Пошлите в Янь и Чжао прежде всего Цзингьян-цзюня и Гаолин-цзюня ⁷³. Если в политике Цинь что-то изменится, то эти двое останутся там заложниками, и в этом случае Янь и Чжао доверятся Цинь. Тогда [правитель] Цинь станет императором Запада, правитель Янь – [императором] Севера, правитель Чжао – [императором] Центра, и эти три императора будут повелевать Поднебесной. Если же [правители] Хань и Вэй не подчинятся вам, Цинь выступит против них, а если не подчинится Ци, то против него выступят войска Янь и Чжао. Кто тогда в Поднебесной посмеет послушаться вас? Когда Поднебесная будет покорена и послушна вам, вы пошлете войска Хань и Вэй в наступление на

Ци". При этом следует заявить: "Мы непременно вернем сунские земли и возвратим Хуайбэй царству Чу. Возврат сунских земель и чуского Хуайбэя выгоден Янь и Чжао; вместе с тем становление власти трех императоров отвечает желаниям правителей Янь и Чжао. Таким образом, получив реально то, что им выгодно и что они желали, Янь и Чжао оставят Ци так же легко, как человек скидывает шлепанцы. Если сейчас вы не примете под свою руку Янь и Чжао, непременно установится гегемония Ци. Тогда *чжухоу* одобрят власть Ци, а если вы, *ван*, не последуете за ними, вас ожидает нападение. Ну, а в том случае, если *чжухоу* одобрят [власть] Ци и вы, *ван*, последуете за ними, вы опозорите свое имя. Сейчас, если вы примете под свое покровительство Янь и Чжао, в вашем княжестве воцарится спокойствие и ваше имя будет пользоваться уважением, если же отвергнете Янь и Чжао, то ваше княжество окажется в опасности и ваше имя будет опозорено. Но ведь мудрый правитель не бежит от спокойствия и уважения к опасности и позору".

Нет сомнений, что, услышав подобные суждения, циньский *ван* предпримет решительные действия. В таком случае, почему бы вам, *ван*, не послать красноречивого мужа передать все это правителю Цинь? Циньский правитель, несомненно, примет [ваши доводы], а Ци, конечно же, вступит в борьбу. Принятие Цинь ваших доводов укрепит ваши отношения с ним, нападение на Ци принесет вам прямые выгоды. А уважать хорошие отношения и добиваться реальных выгод – это дело, достойное мудрого *вана*.

Яньский Чжао-ван одобрительно отнесся к письму Су Дая и сказал: «Мой предок видел немало доброго от рода Су, но потом из-за неправых действий его потомка род Су покинул Янь. Если Янь намерено отомстить Ци, то без участия членов фамилии Су не обойтись». Поэтому Чжао-ван призвал к себе Су Дая, радушно обошелся с ним и вместе с ним разработал план похода на Ци. В итоге армия Ци была разбита, а циский Минь-ван бежал (284 г.).

Прошло значительное время, и правитель Цинь призвал к себе яньского *вана*. Тот собрался поехать, но Су Дай отговаривал его: «Царство Чу когда-то овладело Чжи, и это поставило его на грань гибели, княжество Ци когда-то овладело землями Сун, и это [тоже] поставило его на грань гибели. Почему же Ци и Чу не смогли владеть Чжи и Сун, а стали служить Цинь? Дело в том, что всякий добившийся успеха превращается в заклятого врага Цинь. Цинь захватывает Поднебесную не за счет осуществления должного, а насилем. Цинь прямо заявило Поднебесной, что оно осуществляет насиле. [Циньский правитель] заявил чускому *вану*:

“Мои латники, находящиеся в Шу, на судах проплывут по реке Вэньшуй, воспользуются рекой Сяшуй, спустятся к реке Янцзы и через пять дней достигнут [вашей столицы] Ин. Мои латники из Ханьчжуна на судах выйдут из области Ба, по реке Сяшуй спустятся в реку Ханьшуй и через четыре дня появятся в Учжу. Я соберу своих латников к востоку от Юань и поведу их вниз к Суй⁷⁴. Не успеют мудрые [военачальники] составить какие-либо планы, а храбрые мужи собраться с духом, как я настигну вас, подобно соколу. И ваши, *ван*, стремления собрать князей Поднебесной для нападения на нашу заставу Ханьгу окажутся пустой мечтой!” Вот почему чуский *ван* служил правителю Цинь целых 17 лет.

[Тогда же] циньский [государь] прямо заявил правителю Хань: “Я пошлю войска в Шаошой и в один день пересеку горы Тайхан; я пошлю войска в Иян, ударю по Пинъяну, и в течение двух суток не останется места, куда бы я не проник, а если я пройду оба чжоуских государства и ударю по [Синь]чжэну, то всего лишь в течение пяти дней [все ваше] княжество окажется в моих руках”⁷⁵. Представители ханьского дома знали, что так и случится, и поэтому служили правителю Цинь.

[Одновременно] циньский [правитель] прямо заявил вэйскому [князю]: “Я возьму Аньи, перегорожу путь в Нюйцзи, и падет Тайюань, принадлежащий ханьскому роду. А потом я спущусь к Чжидао, подойду к Наньяну, Фэн и Цзи, окружу Восточное и Западное Чжоу, после чего спущусь на легких судах по реке Сяшуй, посадив впереди воинов с тугими луками, а сзади – воинов с острыми длинными боевыми секирами. Я прикажу затопить Жункоу, и вэйцы лишатся Даляна. Перекрою переправу Байма, и Вэй лишится Вайхуана и Цзияна. [Я] перегорожу русло Сусюй, и Вэй потеряет Уской и Дуньцо. Наступая по суше, [я] нанесу удар по Хэнью; наступая по воде, уничтожу Далян”⁷⁶. Вэйский княжеский род понимал, что так и будет, и поэтому служил Цинь.

Циньский правитель очень хотел напасть на вэйский Аньи, но опасался, что войска Ци придут ему на помощь, поэтому он отдал Сун на расправу Ци, сказав [при этом цискому правителю]: “Сунский *ван* – безнравственный человек, он сделал из дерева статуетку, похожую на меня, и стреляет из лука ей в лицо. Жаль, что мои земли, да и войска слишком далеко и я не могу напасть на него. Вы, *ван*, сумеете разбить сунские войска и овладеть землями Сун, это будет все равно, что я захватил его”. Таким образом, уже захватив Аньи, перегородив пути в Нюйцзи, циньцы взвалили вину за разгром Сун на циского правителя.

Одновременно циньский правитель стремился ударить и по

Хань, но опасался, что [князья] Поднебесной придут к нему на помощь, тогда он постарался натравить их на Ци. Он говорил им: “Циский *ван* четыре раза заключал со мной договоры и четырежды обманывал меня. Кроме того, он трижды считал нужным возглавить силы Поднебесной, чтобы напасть на меня. Если существует Ци, то не будет существовать Цинь, если сохранится Цинь, то не должно быть Ци; надо напасть на Ци, оно должно быть уничтожено”. Уже захватив ханьский Иян и Шаоцой, достигнув со своими войсками чжаоского Линьши ⁷⁷, циньцы стремились представить разгром Ци делом рук и виной других [князей] Поднебесной.

Циньский *ван* стремился напасть на Вэй и сблизиться с Чу, поэтому он отдал Наньян в руки Чу, заявив при этом: “Я решительно порываю отношения с Хань. Взятие Цзюньлина, преграждение пути через Миньэ ⁷⁸ пойдет на пользу Чу. А результат будет такой же, как если бы это совершил я сам”. Поскольку вина за перекрытие горного прохода Миньэ легла на Чу, Вэй отошло от своих союзников и объединилось с Цинь».

[Су Дай продолжал]: «Когда [циньские войска] попали в тяжелое положение у Линьчжуна, [циньский *ван*] оказал внимание [княжествам] Янь и Чжао, предоставив яньцам возможность захватить Цзяодун, а чжаосцам – Цзиси ⁷⁹. Уже договорившись о мире с Вэй, [он] сделал [княжича] Яня заложником и приказал войскам под командованием Си-шоу [Гунсунь Яня] напасть на Чжао. [Когда же его] войска понесли урон [бою при] Цзяоши и потерпели поражение при Янма, [циньский *ван*] оказал внимание Вэй и отдал ему право на захват Е и Цай ⁸⁰. Когда он уже договорился о мире с Чжао, [он стал] угрожать Вэй, но оно не дало ему возможности отторгнуть свои земли. В случае затруднений циньский *ван* пошлет Жан-хоу ⁸¹, младшего брата вдовствующей княгини, для заключения мира [с Чжао], в случае же удачи циньский *ван* мог обмануть сразу и своего дядю и мать. [Циньский *ван*] может обвинить Янь в захвате Цзяодуна, Чжао – в захвате Цзиси, Вэй – в отторжении Е и Цай, Чу – в закрытии прохода Миньэ, а Ци – в захвате сунских земель. Так Цинь и действует, перемежая уговоры приказами и насилем, применяя войска так же легко, как прокальвают тараканов, и ни мать не может удержать *вана*, ни дядя – уговорить его.

Так произошло в битве с вэйским Лун Цзя ⁸², в битве с ханьцами под Аньмэнем ⁸³, в битве против Вэй под Фэнлином ⁸⁴, затем в битве при Гаошане ⁸⁵, и в битве при Чжаочжуане ⁸⁶. В ходе этих сражений циньские войска истребили несколько миллионов

человек из трех цзиньских княжеств, так что в этих трех княжествах остались в живых только сироты убитых. Таким образом, все земли областей Сихэ, Шанло и Саньчуань стали цзиньским районом бедствия⁸⁷. Половина земель всех трех цзиньских княжеств испытала эту страшную беду от Цинь.

Но самым большим бедствием я считаю то, что все [советники], прибывающие в Цинь из Янь и Чжао, наперебой прислуживают циньскому вану, убеждая его в правильности его планов».

В результате яньский Чжао-ван в Цинь не поехал, а Су Дай вновь стал пользоваться уважением в Янь. Затем яньский ван отправил послов к *чжухоу*, чтобы предложить им примкнуть к союзу и укрепить дружбу, как это было во времена Су Циня. Одни князья примкнули к союзу, другие нет, но с этого времени в Поднебесной стали с уважением относиться к союзу *цзун*, предлагаемому представителями рода Су.

Су Дай и Су Ли прожили до глубокой старости и прославили свои имена среди *чжухоу*.

Я, *тайшигун*, скажу так.

Су Цинь и его [два] брата прославились тем, что, странствуя, наставляли *чжухоу*. Их военное и дипломатическое искусство отличалось гибкостью использования изменений в обстановке и соотношении сил. Но, обвиненный в измене, Су Цинь погиб и стал посмешищем в Поднебесной. Люди избегали изучать его искусство. [Однако] в рассказах о нем существует много различий; с ним связывали многие похожие ситуации, относящиеся к разным временам.

Выйдя из деревенской глуши, Су Цинь сумел объединить шесть княжеств в союз *цзун* и сблизить их. Это свидетельствует о том, что своим умом он превосходил обычных людей. [Поэтому] я и рассказал о его делах, расположив их в хронологическом порядке, чтобы шла о нем не только дурная слава.

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ

Чжан И ле чжуань – Жизнеописание Чжан И ¹

Чжан И был родом из княжества Вэй. Вначале он вместе с Су Цинем служил у учителя Гуй Гу, изучал у него искусство убеждения. Сам Су Цинь считал, что он уступает Чжан И. Выучившись, Чжан И стал ездить и предлагать свои советы *чжухоу*. Однажды он бражничал с чуским *сяном*, после чего у *сяна* пропала регалия из яшмы. Его приближенные заподозрили в краже Чжан И и сказали: «Чжан И и беден, и плохого поведения, наверняка это он утащил яшму советника». Они схватили Чжан И и подвергли наказанию, нанеся несколько сотен ударов палками, однако он не признал себя виновным, и его отпустили. Его жена сказала: «Эх! Если бы ты не читал так много книг и не бродил бы со своими советами, разве ты испытал бы такое позорище?» Чжан И попросил ее: «Взгляни-ка, язык мой еще на месте?» «Язык-то на месте», – усмехнулась жена. «Этого достаточно», – сказал [Чжан] И.

К тому времени Су Цинь уже убедил [в своих планах] чжао-ского *вана*, стал у него первым советником и образовал союз *цзун*. Однако он опасался, что если царство Цинь первым нападет на *чжухоу*, то созданный им союз потерпит поражение, а ему придется держать ответ. Он задумался о том, кого бы использовать в Цинь; в результате он послал человека с поручением ввести в заблуждение Чжан И, сказав ему: «Вы раньше были в хороших отношениях с Су Цинем. Ныне он вошел в силу. Почему бы вам не поехать навестить его и не попытаться осуществить свои намерения?» Чжан И тогда отправился в Чжао и стал искать встречи с Су Цинем. Су Цинь дал распоряжение своим слугам не докладывать о нем и в то же время сделать так, чтобы он не уходил несколько дней. После чего он его принял, усадил в конце зала и угостил пищей, которую обычно дают слугам и налогожникам, а затем стал укорять: «С вашими способностями и талантами вы дошли до такого трудного положения и позора. Я, пожалуй, не сумею рекомендовать вас и сделать вас уважаемым и богатым, вы не достойны того, чтобы я принимал вас». А затем выпроводил его.

Чжан И пришел к Су Циню как к старому другу, но вместо помощи претерпел унижение. Он был разгневан и понимал, что он теперь не сможет попасть на службу к *чжухоу* и что только Цинь способен осложнить положение Чжао. И он отправился в Цинь.

Тем временем Су Цинь сказал своему *шэжэню*: «Чжан И – один из достойных мужей Поднебесной, и мне, пожалуй, с ним не сравняться. Хотя мне и повезло попасть раньше [него] на службу, но взять по-настоящему бразды правления в Цинь смог бы только Чжан И. Однако он беден и не имеет возможности выдвинуться. Я опасался того, что он, польстившись на мелкие выгоды, упустит успех, поэтому позвал и опозорил его, чтобы пробудить в нем решимость. Ты от меня ему тайно окажи помощь». Затем Су Цинь поговорил с *чжаоским ваном*, [и тот] выделил золото, деньги, экипажи, лошадей и отправил человека тайком следовать за Чжан И. [Ему было наказано] останавливаться на тех же подворьях, что и Чжан И, постепенно сблизиться с ним и предоставлять ему необходимые в дороге экипажи, лошадей, деньги, но не говорить, от кого все это.

Вскоре Чжан И получил возможность встретиться с циньским Хуэй-ваном. Хуэй-ван назначил его *кэцином* [и] совместно с ним стал разрабатывать планы нападения на *чжухоу*. Между тем *шэжэнь* Су Циня собрался уезжать. Чжан И сказал ему: «С вашей помощью я добился известности и сейчас как раз могу отблагодарить вас. Зачем вам уезжать?» *Шэжэнь* Су Циня ответил: «Это не я оценил вас, а Су Цинь. Он озабочен тем, что Цинь пойдет войной против Чжао и разобьет союз *цзун*. Он считает, что кроме вас никто не в состоянии взять в свои руки бразды правления в Цинь, поэтому своим обращением он вас разгневал, а мне тайно поручил снабжать вас всем необходимым. Это все замысел Су Циня. Ныне вы уже взяты на службу, разрешите мне вернуться и доложить [об исполнении поручения]». Чжан И воскликнул: «Увы! Я столько учился, а этого не сумел понять. Как же мне далеко до мудрости Су Циня! Я только что вступил в должность, но разве я посмею замышлять нападение на Чжао? Поблагодарите от моего имени Су Циня. Пока он действует, разве я, [Чжан] И, осмелюсь выступать со своими планами; пока он жив, как я, И, смогу [противостоять ему]!»

После того как Чжан И стал исполнять обязанности *сяна* в царстве Цинь, он написал *чускому сяну* пространное письмо, в котором, [в частности], говорилось: «Как-то я был у тебя на пиру. Я не крал твоей яшмы, но ты приказал побить меня палками. Тебе следует хорошенько охранять свое царство, ибо теперь я наме-

рен украсть твои города!»

В это время между царствами Цзюй² и Шу началась война, и каждое из них обратилось за помощью к правителю Цинь. Циньский Хуэй-ван хотел двинуть войска против Шу, но понимал, что пути туда опасны, пролегают через ущелья и достигнуть тех мест будет затруднительно. К тому же в это время войска Хань опять напали на Цинь. Циньский Хуэй-ван собирался сначала напасть на Хань, а уже потом – на Шу, но опасался, что это не принесет удачи; если же сначала напасть на Шу, то возникала угроза нападения на Цинь [с тыла] со стороны Хань. Так он колебался и никак не мог на что-либо решиться. Сыма Цо и Чжан И вели спор об этом в присутствии Хуэй-вана. Сыма Цо стоял за то, чтобы сначала ударить по царству Шу. Чжан И возражал: «Лучше напасть на Хань». [Тогда] ван сказал: «Послушаем ваши соображения».

[Чжан И] заявил: «Прежде всего нужно сблизиться с домом Вэй и установить добрые отношения с Чу. [Потом] двинуть войска вниз по трем рекам³, закрыть проход в долину Шигу, преградить путь через Туньло⁴. Войска Вэй отрежут в это время Наньян, чужие войска подойдут к Наньчжэну, вы же со своей армией атакуете Синьчжэн⁵ и Иян и приблизитесь к окрестностям столиц обоих чжоуских государств. Когда вы покараете чжоуского вана за его преступления, вы вторгнетесь в земли Чу и Вэй. Тогда правитель Чжоу поймет сам, что ему нет спасения, и вынужден будет выдать вам девять династийных треножников⁶ и драгоценные сосуды. Обладая девятью треножниками, государственными картами и книгами, вы будете держать в своих руках Сына Неба и командовать Поднебесной. И тогда в Поднебесной никто не осмелится ослушаться вас. Это дело, достойное настоящего вана. Ведь Шу – это царство, расположенное на западе, в глухих местах, живет оно по обычаям варваров *жунов* и *ди*. Если из-за него утомлять свои войска и утруждать свой народ, это не принесет вам славы, а приобретение их земель не даст вам какой-либо выгоды. Я, ваш слуга, слышал, что борющийся за славу добывается ее при дворе, а борющийся за выгоду добывает ее на рынке. Саньчуань – это район, где находятся царские покои дома Чжоу, это двор и рынок Поднебесной. Вы же, ван, намерены бороться не за них, а за земли *жунов* и *ди*. Это уводит вас далеко от деяний настоящего вана!»

Сыма Цо возразил: «[Это] не так. Я слышал, что тот, кто стремится обогатить свое государство, занимается расширением своих земель, кто хочет усилить свою военную мощь, занимается обогащением своего народа, кто хочет властвовать, занимается умножением своих добродетелей. Если эти три фактора в нали-

чи, то и ваше, ван, положение соответственно [укрепляется]. Ныне ваши земли невелики, народ беден, поэтому я и предлагаю сначала заняться тем, что легче. Ведь Шу – царство западной окраины; оно главенствует над варварами жунами и ди; там происходят такие же беспорядки, какие были при деспотах Цзе-ване и Чжоу [Сине]. Направить циньскую армию в наступление на Шу – это все равно, что послать стаю диких волков и барсов на стадо баранов. Их земель будет достаточно, чтобы расширить пределы нашего царства, а их богатств – чтобы обогатить свой народ и укрепить свои войска; вам не придется сильно обременять свой народ, а противник [быстро] покорится. Захват одного царства не будет расцениваться в Поднебесной как жестокость, а то, что вы используете до конца выгоды, которые принесут вам богатства Запада ⁷, Поднебесная не сочтет за алчность. Так лишь один шаг принесет вам и славу, и пользу. К тому же вы прославитесь тем, что устранили зло и прекратили смуту. Если же сейчас вы нападете на Хань, присвоите себе право Сына Неба, то вы заслужите худую славу и совсем необязательно получите выгоду, к тому же ваши действия сочтут несправедливыми, а нападать на того, за кого стоит Поднебесная, еще и опасно! Прошу вас, правитель, взвешивать в суть своих действий. Чжоу – главный правящий дом в Поднебесной, а Ци и Хань – тесно связанные с ним княжества. Как только чжоуский ван осознает, что он теряет девять династийных треножников, а правитель Хань поймет, что он утратит земли Саньчуани, эти два государства объединят свои силы и устремления и, опираясь на Ци и Чжао, попытаются замирились с Чу и Вэй. Тогда жертвенные сосуды будут отданы царству Чу, а [ханьские] земли перейдут к Вэй, и всему этому вы, ван, не сможете воспрепятствовать. Вот что я называю опасностью [для Цинь]. Со всех точек зрения лучше идти походом на царство Шу».

Хуэй-ван сказал [Сьма Цо]: «Хорошо, я прислушаюсь к вашим суждениям», – и, подняв войска, напал на царство Шу. В 10-й луне он захватил его земли и утвердил там свою власть (316 г.); понизил титул шуского вана до хоу ⁸ и послал Чэнь Чжуана сяном в Шу. Овладев царством Шу, циньский правитель еще более усилился, умножил богатства и стал более высокомерно относиться к чжухоу.

На 10-м году своего правления (328 г.) циньский Хуэй-ван послал княжича Хуа вместе с Чжан И осадить [вэйский] Пуян ⁹. Они взяли город, но Чжан И тут же убедил циньского правителя возвратить город обратно и одновременно послать княжича Яо заложником в Вэй. Отправившись вслед за ним, Чжан И сказал вэй-

скому вану: «Циньский ван обошелся с княжеством Вэй весьма милостиво, в ответ вы не можете вести себя, не соблюдая ритуала». Тогда вэйский ван, чтобы отблагодарить циньского Хуэй-вана, передал ему область Шанцзюнь с городом Шаолян. [Именно] в это время циньский ван поставил Чжан И на пост *сяна* и переименовал город Шаолян в Сяян ¹⁰. Чжан И, прослужив *сяном* в Цинь четыре года, способствовал утверждению циньского правителя в ранге *вана*, еще через год во главе циньских войск захватил город Шэнь ¹¹ (324 г.), построил укрепления в области Шанцзюнь.

Еще через два года (323 г.) Чжан И был послан встретиться с советниками Ци и Чу в Несане ¹². Когда он вернулся из поездки на восток, его освободили от должности *сяна* в Цинь и он стал *сяном* в Вэй (322 г.), действуя в интересах Цинь и стремясь принудить вэйского правителя служить прежде всего Цинь, в расчете на то, что другие *чжухоу* последуют его примеру. Но вэйский ван не захотел слушать советов Чжан И. Циньский ван разгневался и захватил вэйские Цюйво и Пинчжоу ¹³, а к Чжан И стал относиться еще более благосклонно. Чжан И устыдился, что не смог отблагодарить циньского правителя, и остался в Вэй еще на четыре года. В это время (318 г.) вэйский Сян-ван скончался; на княжеский престол возшел Ай-ван ¹⁴. Чжан И стал убеждать Ай-вана [в необходимости служить Цинь], но Ай-ван не слушал его. Тогда Чжан И тайно предложил циньскому правителю напасть на княжество Вэй. Вэйские войска вступили в бой с циньцами и потерпели поражение.

На следующий год (317 г.) цисцы нанесли Вэй поражение при Гуаньцзине ¹⁵. Цинь собиралось снова напасть на Вэй, но предварительно разгромило армию ханьского военачальника Шэнь Чая, было обезглавлено 80 тысяч воинов. *Чжухоу* содрогнулись, а Чжан И вновь склонял вэйского *вана* [на сторону Цинь], говоря ему: «Вэйские земли простираются менее чем на тысячу *ли*, солдат у вас не более 300 тысяч. Земли ваши равнинные, со всех сторон они открыты, здесь пересекаются пути *чжухоу*. Вы не защищены ни выдающимися горами, ни большими реками; от города Чжэн до [вашего] Ляна ¹⁶ всего 200 с небольшим *ли*; и люди, и повозки доберутся до вас без особых усилий. На юге Лян граничит с Чу, на западе – с Хань, на севере – с Чжао, на востоке – с Ци. Чтобы с четырех сторон защищать себя, вам нужно держать в пограничных гарнизонах не менее 100 тысяч солдат. Лянские земли несомненно представляют собой удобное поле для [большого] сражения. Если Вэй на юге установит хорошие отношения с Чу, но не будет иметь таких же отношений с Ци, то Ци нападет на вас с

востока; если на востоке вы установите хорошие отношения с Ци, но не будете иметь их с Чжао, то чжаосцы нападут на вас с севера; если у вас не будет союза с Хань, то Хань нападет на вас с запада; если не установите близких отношений с Чу, то Чу нападет на вас с юга. Это, можно сказать, путь, который ведет к полному разделу и краху.

Кроме того, *чжухоу*, объединяясь в союз *цзун*, ставили целью обеспечить покой алтарям духов Земли и злаков, почитать правителя [Поднебесной], усилить свою военную мощь и приумножить славу. Сейчас они, в стремлении объединить Поднебесную, вступили в союз *цзун*, договорились жить, как братья. Они принесли в жертву белого коня на берегу реки Хуань и дали клятву верности [своему союзу]. Но даже единокровные братья борются между собой за деньги и богатство. Если же вы захотите воспользоваться замыслами Су Циня, основанными на обмане и лжи, ясно, что вы не будете иметь успеха». [Чжан И продолжал]: «Если вы, Великий ван, не будете служить правителю Цинь, то Цинь пошлет войска в Хэвай, захватит Цзюань, Янь, другое Янь¹⁷ и Суаньцао, разгромит [Малое] Вэй и возьмет Янцзинь. Тогда Чжао потеряет связи с югом; а когда прервутся его связи с югом, то прервутся связи Лян с севером; тогда и связи между княжествами союза *цзун* оборвутся, и в этом случае вашему, Великий ван, государству не удастся избежать опасности. Разгромив Хань, циньский правитель нападет на Лян, а Хань, испугавшись Цинь, станет с ним заодно. Гибель Лян в этом случае не заставит себя ждать. Для вас, Великий ван, по моему разумению, это будет бедствием».

[Чжан И добавил]: «Лучшая тактика для вас, Великий ван, — служить Цинь. Если вы станете служить Цинь, то, несомненно, ни Чу, ни Хань не посмеют двинуться на вас. Не имея угрозы со стороны Чу и Хань, вы сможете спокойно почивать на высокой подушке: у вашего княжества не будет никаких хлопот. Кроме того, Цинь в первую очередь стремится ослабить Чу, а это лучше всего поможет осуществить княжество Лян. Хотя Чу и пользуется славой большого и богатого государства, но фактически оно пусто и ничтожно; хотя воинов у него и много, но их легко обратить в бегство, они не в состоянии стойко сражаться. Если собрать все воинство Лян и послать его на юг для нападения на Чу, победа вам обеспечена. Отрезав часть земель от Чу, вы принесете пользу Лян; нанеся ущерб Чу, вы послужите Цинь. Навредив [Чу, вы] добьетесь мира [в своем] княжестве. Это станет превосходным шагом для вас. Если вы, Великий ван, не прислушаетесь к моим советам, циньский правитель двинет своих латников в поход на восток; и тогда, если вы и вознамеритесь послужить Цинь, возмож-

ности уже не будет. Кроме того, большинство из тех, кто ратует за союз *цзун*, – краснобаи, доверия заслуживают мало. Они ратуют за единство *чжухоу*, а сами стараются получить титулы *хоу* и владения. Вот почему все странствующие по Поднебесной советники дни и ночи сжимают свои кулаки, грозно хмурят брови и скрежещут [в гневе] зубами, доказывая превосходство союза *цзун* и убеждая в этом правителей. Считать достойными их суждения и поддаваться на их уговоры – разве это не заблуждение!

Я слышал, что [одновременный] взмах множества крыльев в состоянии потопить корабль; множество легких предметов сломает ось колесницы; одновременный выдох множества людей может расплавить металл; хула – пронзить до мозга костей. Поэтому я хотел бы, чтобы вы, Великий *ван*, подумали и решились на [мой] план действий, а мне – вернули свободу и позволили покинуть Вэй».

Тогда Ай-ван отказался от договора с князьями о союзе *цзун*, и [через Чжан И] попросил дружбы с Цинь. Вернувшись, Чжан И вновь стал *сяном* в Цинь. Но через три года вэйский правитель опять изменил союзу с Цинь и вернулся в союз *цзун*. Циньские [войска] напали на Вэй и захватили Цюйво. Однако на следующий год вэйский правитель вновь стал служить Цинь.

Циньский [правитель] решил напасть на Ци, но так как правители Ци и Чу были связаны между собой родственными узами, то Чжан И направился в Чу посоветоваться.

Чуский Хуай-ван, узнав о прибытии Чжан И, отвел для него лучшее подворье и лично приветствовал гостя, сказав [ему при этом]: «Наше царство захолустное и дикое, как же вы сумеете представлять нас?» Чжан И сказал чускому *вану*: «Если вы, Великий *ван*, искренне готовы послушать меня, то закройте все горные заставы, порвите свой союз с Ци, а я попрошу циньского *вана* пожаловать вам 600 *ли* земель в районах Шан и Юй¹⁸ и уговорю его послать вам, Великий *ван*, в жены свою дочь. Породнившись, циньский и чуский дома навсегда станут братскими государствами, благодаря чему на севере будет ослаблено Ци, а на западе от этого получит пользу Цинь. Для вас нет лучшего плана действий, чем этот».

Чуский *ван* очень обрадовался и согласился на такое предложение. Все сановники поздравляли *вана*, только Чэнь Чжэнь высказал сожаление. Чуский *ван* разгневался и сказал ему: «Я, не поднимая войск, приобретаю 600 *ли* земель; все сановники поздравляют меня, и только вы один сожалеете. В чем дело?» Чэнь Чжэнь ответил: «Это не так. На мой взгляд, земель в Шане и Юе

вам не получить, и Ци окажется заодно с Цинь, а когда это произойдет, ждите неминуемой беды». Чуский *ван* спросил: «Какие у вас доказательства?» Чэнь Чжэнь ответил: «Циньский правитель относится с почтением к царству Чу потому, что оно состоит в союзе с Ци. Если вы сейчас закроете горные заставы и порвете союзные отношения с Ци, то Чу окажется в одиночестве. Цинь всегда готово что-то урвать, особенно у изолированных государств, разве оно поступится 600 *ли* земель в Шане и Юе? Чжан И, вернувшись в Цинь, наверняка вас предаст. Когда вы на севере порвете свои отношения с Ци, на западе вы обретете беды от Цинь. Тогда войска этих двух государств нагрянут к нам одновременно. Лучшим планом для вас, *ван*, будет сделать вид, что вы порываете с Ци, но втайне продолжать с ним сотрудничать. [Вместе с тем] пошлите человека следом за Чжан И, и если нам предоставят обещанные земли, порвать отношения с Ци никогда не будет поздно. Если же земель вам не дадут, то нашей тактикой останется тайное сотрудничество с Ци».

Чуский *ван* сказал: «Я хочу, чтобы вы, Чэнь, замолчали и больше ничего не говорили об этом, чтобы я получил [обещанные] земли». Затем он вручил Чжан И печать *сяна* и щедро наградил его. Вслед за этим чуский *ван* закрыл горные заставы, прервал союзные отношения с Ци и послал одного военачальника сопровождать Чжан И [в Цинь].

Вернувшись в Цинь, Чжан И под предлогом того, что в пути у его экипажа оборвались веревочные поручни, в течение трех месяцев не являлся к княжескому двору. Чуский *ван*, узнав об этом, сказал: «Может быть, Чжан И считает, что я, порвав союз с Ци, действую недостаточно решительно?» И послал своего храбреца в княжество Сун, чтобы он, получив там верительную бирку, отправился на север и опозорил циского *вана*¹⁹. Циский правитель был сильно разгневан, сломал верительную бирку и перешел на сторону Цинь.

Только после того, как между Цинь и Ци установились дружеские отношения, Чжан И явился ко двору и сказал чускому послу: «Я обещал шесть *ли* земель, хотел бы их передать приближенным вашего Великого *вана*». Чуский посол ответил: «Я имею повеление от своего правителя получить 600 *ли* земель в Шан и Юй и ничего не знаю ни о каких шести *ли*».

Посол вернулся и доложил обо всем чускому *вану*. Тот весьма разгневался и направил войска против Цинь. «Могу ли я высказаться? – обратился к *вану* Чэнь Чжэнь. – Чем нападать на Цинь, не лучше ли, наоборот, отрезать часть земель и уступить ему,

чтобы убогаторить его, а затем совместно с войсками Цинь напасть на Ци. Таким путем потерю земель, уступленных Цинь, вы возместите [землями] Ци. Тогда вашему государству и в дальнейшем будет обеспечено существование». Чуский ван не прислушался к этому совету и двинул против Цинь войска, во главе которых поставил военачальника Цюй Гая. Армии Цинь и Ци, действуя совместно, выступили против Чу, они обезглавили 80 тысяч чуских воинов, убили Цюй Гая, захватили земли Даньяна и Ханьчжуна (312 г.). Чуский ван, собрав еще бoльшие военные силы, вновь неожиданно ударил по Цинь. Он достиг Ланьтяня ²⁰; там произошли ожесточенные бои, в которых чусцы потерпели тяжелое поражение. В результате Чу пришлось передать Цинь два города, чтобы заключить с ним мир ²¹.

После этого Цинь оказало на Чу давление, чтобы получить земли Цяньчжуна в обмен на земли, расположенные за заставой Угуань. Чуский ван [на это] сказал: «Я не желаю меняться землями, [я] хочу заполучить Чжан И и готов отдать вам Цяньчжун». Циньскому вану хотелось послать Чжан И, но он не решался сказать ему об этом. Тогда Чжан И сам попросился в Чу. Хуэй-ван сказал ему: «Чуский ван гневается на вас за нарушение обещания о передаче земель в Шан и Юй, вот он и требует вас, чтобы выместить свой гнев». Чжан И ответил: «Цинь – сильное, а Чу – слабое; у меня добрые отношения с [сановником] Цзинь Шаном, который прислуживает Чжэн Сю – жене чуского вана. А ван следует всему, что она говорит. Кроме того, если я получу от вас верительную бирку посла в Чу, разве чуский ван осмелится меня казнить? Если все же он прикажет казнить меня, то Цинь сохранит земли Цянь-чжуна. А это – мое высшее желание!» И он отправился в Чу. Когда он прибыл, чуский Хуай-ван бросил его в темницу, намереваясь казнить. Цзинь Шан сказал Чжэн Сю: «Знаете ли вы, что вам грозит унижение со стороны вана?» Чжэн Сю спросила: «Почему?» Цзинь Шан ответил: «Циньский ван очень любит Чжан И и обязательно захочет его освободить. В такой ситуации он поднесет Чу шесть уездов в районе Шаньюна ²², пришлет чускому вану в жены красавицу в сопровождении дворцовых певид. Чуский ван ценит земли и почитает Цинь, поэтому, когда циньская жена будет пользоваться уважением, с вами, женой вана, не будут считаться. Не лучше ли замолвить слово за [Чжан И], чтобы его выпустили?»

После этого Чжэн Сю день и ночь твердила Хуай-вану: «Каждый слуга служит своему господину. Ныне наши земли еще не отошли Цинь, но циньский правитель прислал Чжан И к нам, выражая тем свое уважение к вам, ван. Но если вы, не соблюдая

этикет, казните Чжан И, правитель Цинь, несомненно, сильно разгневется и нападет на Чу. Прошу вас, мой повелитель, переселите меня вместе с детьми к югу от реки Янцзы, чтобы мы не стали добычей циньских воинов». Хуай-ван раскаялся и освободил Чжан И из заключения, стал относиться к нему, как и прежде, с большим почтением.

Чжан И, выйдя на свободу не уехал из Чу; узнав о смерти Су Циня ²³, он сказал чускому *вану*: «Циньские земли занимают половину всей Поднебесной; их войска способны противостоять силам соседних государств со всех четырех сторон; [циньские земли] защищены естественными преградами и опоясаны реками; со всех сторон их прикрывают крепости. Воинов, храбрых, как тигры, у них насчитывается более миллиона, колесниц у них – тысяча, конников – 10 тысяч, запасов провианта накоплены целые горы. Законы и установления в Цинь ясные, воины и командиры легко переносят трудности и готовы жертвовать своей жизнью. Правитель мудр и имеет авторитет, а военачальники знают военное искусство. Даже если Цинь двинет лишь часть своих войск, оно легко овладеет теснинами Чаншаня и безусловно сумеет сломать хребет всей Поднебесной; тогда первыми погибнут те, кто запаздает изъять свою покорность Цинь. Помимо этого объединившиеся в союз *цзун* не отличаются от стада баранов, нападающих на свирепого тигра, а ведь ясно, что тигр и бараны – противники неравные. Ныне вы, *ван*, действуете заодно не с тигром, а с баранами; я, ваш ничтожный слуга, полагаю, что это ошибка в расчетах Великого *вана*.

И Цинь, и Чу считаются в Поднебесной могучими государствами, силы их равны, а потому бороться друг с другом они будут не на жизнь, а на смерть. Если вы, Великий *ван*, не будете заодно с Цинь, то циньский *ван* прежде всего займет Иян и вы потеряете связь с ханьскими землями; [тем временем] циньцы продвинутся в Хэдун ²⁴, займут Чэнгао, тогда ханьский правитель неизбежно признает себя циньским подданным, а Лян повернет туда, куда дует ветер. В результате Цинь нападет на западные земли Чу, а Хань и Лян – на его северные земли; как же тогда не оказаться в опасности вашим алтарям духов Земли и злаков?

Кроме того, сторонники союза *цзун* большим числом слабых войск нападают на сильного противника, неправильно оценивая его мощь и не учитывая [законов] войны; когда бедное государство ведет многочисленные войны – это пагубная политика. Я слышал, что, если военные силы не соответствуют должному уровню, не следует ввязываться в войну; если запасы провианта малы,

нельзя затягивать войну. Сторонники союза *цзун* произносят цветистые речи о долге истинного правителя; они толкуют только о выгоде их союза, но не говорят о его вреде [для вас]. Их-то самих не затронут те беды, которые принесет вам царство Цинь, вот почему я и хочу, чтобы вы, Великий *ван*, все это обдумали.

К западу от Цинь расположены Ба и Шу. Если циньские большие суда, груженные провиантом, начнут путь от гор Вэньшань²⁵ и спустятся вниз по Янцзы, через три с лишним тысячи *ли* они достигнут Чу; а крупные, связанные попарно лодки, способные переправлять до 50 солдат вместе с продовольствием для них на три месяца, могут проходить за день вниз по течению по 300 с лишним *ли*, и хотя расстояние до нас велико, они без усилий волов и лошадей смогут менее чем за десять дней достигнуть заставы Ханьгуань²⁶. А когда поднимется тревога на заставе Ханьгуань, то всем городам к востоку от нашей границы надо готовиться к защите. В результате вам, *ван*, не будет принадлежать ни Цяньчжун, ни Уцзюнь. Если Цинь поднимет своих латников, выйдет за пределы заставы Угуань и двинется на юг, то ваш север окажется отрезанным.

Наступление циньских войск означает для Чу неминуемый крах не позднее чем через три месяца. Помощь от *чжухоу* сможет прийти не раньше чем через полгода, следовательно, на нее рассчитывать не приходится. Уповать на поддержку слабых княжеств и забывать о беде, грозящей со стороны могучего царства Цинь, — вот то несчастье, которое, как мне кажется, угрожает вам, Великий *ван*.

[Чжан И продолжал]: «В свое время вы, Великий *ван*, воевали с усцами и из пяти сражений выиграли три. Вы тогда истощили свои военные силы и с трудом обороняли отвоеванные города²⁷, обессилив этим весь народ. Я слышал, что большой успех легко приводит к опасному положению, когда люди оказываются доведенными до того, что испытывают недовольство правителем. Ведь держаться за успех, который легко переходит в угрозу, и идти наперекор намерениям сильного [царства] Цинь, как мне кажется, опасно для вас, Великий *ван*.

Кроме того, причина, по которой Цинь в течение 15 лет не посылало войска за пределы заставы Ханьгу для нападения на Ци и Чжао²⁸, заключается в том, что правитель Цинь имел намерение объединить Поднебесную. Ранее Чу уже имело трудности в отношении Цинь: битву за Ханьчжун (312 г.) *чусцы* проиграли, и более 70 *лехоу*, державших в руках яшмовые скипетры, погибли.

Вы тогда потеряли весь Ханьчжун. Но чуский *ван*, разгневавшись, вновь поднял войско и напал на Цинь; произошла битва под Ланьтянем. Это было подобно схватке двух тигров. А в то время как Цинь и Чу ослабляли друг друга, Хань и Вэй безраздельно господствовали у них в тылах. Нет тактики более опасной, чем эта. Подумайте над этим, Великий *ван*.

Если Цинь пошлет своих латников и они захватят вэйский Янцзинь, то они как бы прикроют грудь Поднебесной²⁹. Если вы, Великий *ван*, пошлете все свои войска против Сун, то не пройдет и нескольких месяцев, как Сун будет в ваших руках, после чего вы устремитесь дальше к востоку, и там вам будут принадлежать 12 владений *чжухоу*, расположенные вдоль реки Сышуй.

Су Цинь был единственным человеком в Поднебесной, который верил в прочность уз, связывавших княжества в союз *цзун*. Ему был пожалован титул Уань-цзюня, он служил *сяном* в Янь; там он вместе с яньским *ваном* втайне замыслил разгромить Ци и разделить его земли. Затем он сделал вид, что провинился перед яньским *ваном* и бежал в княжество Ци. Циский правитель принял его и назначил своим *сяном*. А когда через два года обман открылся, циский *ван* страшно разгневался и Су Циня казнили, разорвав его труп колесницами на базарной площади³⁰. Ведь Су Цинь пытался управлять Поднебесной и объединить *чжухоу* с помощью лжи и обмана; разве не ясно, что таким путем успеха достигнуть нельзя!

Ныне царства Цинь и Чу имеют общие границы, и поэтому им надлежит вести себя как добрым соседям. Если вы, Великий *ван*, искренне пожелаете прислушаться к моим советам, я попрошу циньского правителя прислать к вам в Чу в качестве заложника своего наследника, а чуский наследник отправится заложником в Цинь. Я также попрошу, чтобы дочь циньского правителя стала вашей, Великий *ван*, женой и чтобы ей был отдан город с 10 тысячами дворов в качестве ее «банного поместья». Таким образом Цинь и Чу навечно породнятся, и войны между ними прекратятся навсегда. Я полагаю, что такой план действий был бы для вас наиболее выгодным».

Хотя чуский *ван* и заполучил Чжан И, но он очень ценил земли Цяньчжуна, и отдавать их Цинь ему не хотелось. [Поэтому] он согласился с планом Чжан И. Цюй Юань³¹ [ему] сказал: «В прошлом вы, Великий *ван*, уже были обмануты Чжан И. Раз уж он приехал снова, считаю, что Великий *ван* должен сварить его заживо. Но вы сейчас не только не решились казнить его, а еще слушаете его лживые речи. Это недопустимо». Хуай-ван ответил:

«Согласиться с Чжан И и сохранить земли Цяньчжуна – это огромная выгода для меня, я не могу после этого порвать с ним». Так он согласился с советами Чжан И и стал поддерживать дружеские отношения с царством Цинь.

Тем временем Чжан И покинул Чу и отправился в Хань. Там он сказал ханьскому вану: «Ваши земли изобилуют опасными ущельями и горными кряжами; из пяти видов продовольствия у вас родятся лишь бобы и пшеница; народ ваш питается либо вареными бобами, либо гороховой похлебкой. Когда выпадает неурожайный год, то люди не имеют вдоволь даже мякины. Ханьские земли раскинулись всего на 900 ли, запасов продовольствия нет даже на два года. По [моим] расчетам, у вас, Великий ван, воинов не более 300 тысяч, да и то вместе со всякими слугами. Если вычесть тех, кто стоит на охране застав и защите крепостей, то воинов у вас только 200 тысяч. В царстве же Цинь одних латников более миллиона, тысяча боевых колесниц, конников – 10 тысяч. Циньские воины храбры, как тигры; они несутся вскачь с непокрытыми головами и врываются в расположение противника с пиками наперевес; таких храбрецов у Цинь не счесть. Кони циньцев прекрасны, вооруженных всадников множество; они врываются в ряды [противника] на стремительно летящих конях; у них не счесть коней, расстояние между передними и задними копытами которых во время прыжка составляет три сюня ³². В то время как солдаты княжеств к востоку от гор надевают доспехи, чтобы вступить в бой, циньцы бросаются на врага даже без лат: налево косят людские головы, направо хватают живьем. Так что сравнивать их с воинами княжеств к востоку от гор – все равно что сравнивать храбреца Мэн Бэня с трусом; сравнивать их силы – все равно что сравнивать силача У Хо ³³ с младенцем. Бросить войско, состоящее из таких силачей, как Мэн Бэнь и У Хо, на непокорное слабое государство равносильно тому, что опустить груз в тысячу цзюней на куриное яйцо. Ничего хорошего из этого, разумеется, не получится. А толпы сановников и чжухоу, не задумываясь о том, что силы их малы, слушают красивые речи и сладкие слова сторонников союза цзун. Те же сговариваются друг с другом и приукрашивают положение, [они] подстрекают вас, говоря: “Если вы послушаетесь наших планов, то сможете главенствовать и править Поднебесной”. Но ведь не думать о длительном благе своих алтарей духов Земли и злаков и прислушиваться лишь к советам, приносящим сиюминутную выгоду, это значит вводить в заблуждение своего правителя, а преступления тяжелее, чем это, нет.

Если вы, Великий ван, не станете служить дому Цинь, цинь-

ский правитель пошлет своих латников и захватит Иян, отрежет ханьские верхние земли, заняв на востоке Чэнгао и [Инь]ян; тогда и дворцы Хунтай и парки Санпинь перестанут вам принадлежать³⁴. Лишившись Чэнгао, вы потеряете связь с верхними землями, и ваше княжество окажется разделенным на части. Если вы до этого решите служить Цинь, то обретете покой, не будете служить – окажетесь в опасности. Делая зло, стремятся получить за это добром; но стоит ли жаловаться, если мелкие расчеты приводят к глубоким провалам? Если, последовав за Чу, вы пойдете против Цинь, то как ни пытайтесь – вам не удастся избежать гибели.

Поэтому ничто не отвечает больше вашим интересам, чем служба Цинь. А правитель Цинь больше всего желает ослабления Чу. Ослабить же Чу больше всего способно Хань. И вовсе не потому, что Хань сильнее Чу, а потому, что таково расположение его земель. Если сейчас вы, ван, обратившись лицом к западу, станете служить Цинь и бороться с Чу, циньский ван возрадуется. Для вас ведь нет лучшего плана, чем напасть на Чу и поживиться за счет его земель. Вы и свои трудности разрешите, и правителя Цинь порадуете».

Ханьский ван послушался советов Чжан И. Чжан И вернулся [в Цинь] и доложил [об успехе своей миссии]. Циньский Хуэй-ван пожаловал ему пять селений и звание Усинь-цзюня. Затем [он] послал Чжан И на восток сказать цискому Минь-вану: «Среди сильных государств в Поднебесной Ци – самое могущественное; высшие сановники у вас связаны родством, живут в роскоши; народ богат и радостен. Однако ваши, Великий ван, советники говорят вам лишь о делах кратковременных и не обращают внимания на выгоды, рассчитанные на сотню поколений. Те, кто выступает за союз цзун, несомненно говорят вам, Великий ван: “На западе Ци граничит с сильным княжеством Чжао, к югу от него находятся Хань и Лян. Ци – государство, прилегающее к морю; земли его обширны, население многочисленно, войско сильное, воины храбрые. Пусть будет [против него] сто Цинь, что это значит для Ци?” Вы, Великий ван, считаете их советы мудрыми и не оцениваете их реальной сути. Те, кто ратует за союз цзун, образуют группу людей, тесно связанных друг с другом и считающих, что нет ничего более приемлемого, чем союз цзун. Я слышал, что Ци трижды сражалась с Лу и войска Лу трижды добивались победы, но в результате как раз Лу оказалось в опасности, а затем и погибло. Так, имея славу победителя, это княжество погибло. Но почему же так случилось? [Просто] Ци – крупное государство, а Лу – маленькое. Ныне соотношение между Цинь и Ци такое же,

как между Ци и Лу.

Войска Цинь и Чжао дважды сражались на берегах Хуанхэ и Чжанхэ, и Чжао дважды победило Цинь; они сражались под Пяньу, и вновь Чжао дважды победило Цинь. Но после четырех сражений потери армии Чжао составили несколько сотен тысяч солдат, Ханьдань едва держится. Хотя Чжао и слывет победителем, но, по сути дела, оно уже разгромлено. Почему же так? Потому что Цинь – [княжество] могущественное, а Чжао – слабое.

Ныне княжеские дома Цинь и Чу породнились между собой; Хань отдало [Цинь] Иян; Лян сделало то же с землями Хэвай; правитель Чжао ездил представиться циньскому вану в Мянчи и, чтобы выслужиться перед ним, отделяет ему земли в Хэцзяни³⁵. Если вы, Великий ван, не будете служить Цинь, Цинь пошлет войска [княжеств] Хань и Лян против южных районов Ци, а войска Чжао переправятся через реку Цинцзэ и устремятся к заставе Богуань; в результате вы потеряете Линьцзы и Цзимо³⁶. Когда ваше княжество подвергнется нападению, послужить Цинь вам уже не удастся, даже если вы и решите это сделать. Поэтому я хочу, чтобы вы, Великий ван, подумали над этим».

Циский ван сказал: «Княжество наше захолустное, расположено на берегах Дунхай, и прежде нам не приходилось слышать [столь мудрых суждений] о благополучии [наших] алтарей духов Земли и злаков на долгие годы». Так ван согласился с советами Чжан И.

Чжан И направился на запад убеждать [в своих планах] чжао-ского вана. [Ему он] сказал: «Наш циньский правитель послал меня, своего слугу, передать вам, Великому вану, мои неразумные соображения. Вы, Великий ван, собирали силы Поднебесной и возглавляли их, чтобы дать отпор царству Цинь, и в результате циньские войска в течение 15 лет не осмеливались выходить за пределы заставы Ханьгу. Величие ваше, Великий ван, довлекло над всеми княжествами на востоке. Наше скромное государство боялось вас и не выступало. Но мы совершенствовали свои военные доспехи, боевые колесницы и конскую сбрую, обучали войска, стрелков из лука, старательно обрабатывали поля и запасали провиант, обороняли свои владения со всех четырех сторон. Мы жили в трепете и страхе, не допуская никаких колебаний, лишь бы вы, Великий ван, не взыскали с нас за наши ошибки. Но ныне, несмотря на вашу, Великий ван, силу, [наше Цинь] захватило царства Ба и Шу, прибрало к рукам Ханьчжун, окружило земли Восточного и Западного Чжоу, переместило к себе девять династийных треножников, держит оборону на переправе Байма. Хотя

Цинь далеко, но уже давно наши сердца полны негодованием. Ныне, несмотря на то, что циньские войска утомлены, они стоят гарнизоном в Мянъчи и готовы переправиться через Хуанхэ, перейти Чжан[шуй], овладеть [городом] Панью и сосредоточиться под стенами Хань-дана ³⁷. Мы намерены в [первый] день [месяца] цзя-цзы вступить с вами в бой, чтобы повторить поход [У-вана] на иньского Чжоу [Синя] ³⁸. Поэтому циньский ван почтительно направил меня к вам в качестве посла, чтобы ознакомить вас с создавшимся положением. Ведь те, кому вы, Великий ван, доверяете в союзе цзун, полагались на Су Циня. Су Цинь вводил в заблуждение чжухоу, выдавал правду за ложь, а ложь за правду; он хотел всех направить против княжества Ци, однако [кончил тем], что сам приказал разорвать свое тело колесницами на рыночной площади. Но ясно, что объединить Поднебесную нельзя. Ныне Чу и Цинь породнились; Хань и Лян признали себя подданными Цинь, его восточными вассалами; Ци отдало циньцам земли, богатые рыбой и солью; а это все равно что отсечь [княжеству] Чжао его правую руку. Ведь лишиться союзников и пребывать в одиночестве – это то же самое, что вступать в бой, потеряв правую руку; разве тут можно на что-то рассчитывать, кроме поражения? Ныне Цинь мобилизовало три армии: одна закроет путь через Удао ³⁹ и потребует от [правителя] Ци, подняв войска, форсировать реку Цинхэ (Циншуй) и разместиться восточнее Хань-дана; другая – станет гарнизоном в Чэнгао, приказав войскам Хань и Лян перейти за Хуанхэ; третья армия встанет гарнизоном в Мянъчи. Таким образом, объединив в союзе четыре княжества, Цинь нападет на Чжао и разобьет его, а земли разделит между четырьмя союзниками. Поэтому я не смел скрывать [истинное] положение дел и прежде всего сообщил о нем вашим приближенным. Я, скромный чиновник, действую в ваших, Великий ван, интересах. По-моему, вам лучше всего встретиться с циньским ваном в Мянъчи, увидеться с ним лицом к лицу и договориться о союзе, о том, что следует остановить войска и не нападать друг на друга. Хотелось бы, чтобы вы, Великий ван, решились на [такой] план действий».

Чжаоский ван ответил: «При жизни прежнего вана Фэнъян-цзюнь ⁴⁰ пользовался исключительной властью и влиянием; он вводил в заблуждение покойного вана и вершил всеми государственными делами. В то время я был на попечении своих наставников и не принимал участия в составлении государственных планов; когда же ван покинул нас, своих слуг, я был еще молод годами и лишь недавно стал совершать жертвоприношения. Меня, конечно, терзали сомнения: [я думал], что объединяться в союз

цзун и не служить царству Цинь – в истинных интересах нашего княжества. Ныне я хотел бы изменить прежние взгляды, избавиться от своих сомнений и готов отдать часть земель, чтобы загладить былые ошибки и послужить Цинь. Я сейчас же прикажу готовить мою колесницу, чтобы скорее отправиться [к циньскому вану] и действовать в соответствии с вашими, высокий посол, ясными советами».

Так чжаоский ван согласился с доводами Чжан И, после чего тот покинул Чжао и направился на север, в Янь. Яньскому Чжаовану он сказал следующее: «Вы, Великий ван, самым близким к себе считаете княжество Чжао. Когда-то чжаоский Сян-цзы ⁴¹ отдал свою старшую сестру в жены дайскому вану в расчете присоединить к себе земли Дай. Он договорился о встрече с Дай-ваном в крепости Гоучжу ⁴². Он приказал мастерам изготовить золотой ковш для вина, причем ручку велел сделать подлиннее, чтобы этим ковшом можно было ударить человека. Когда они пировали с Дай-ваном, он скрытно приказал повару: “Как только опьянеем, внеси подогретое вино и ковшом ударь [гостя]”. И вот, когда хозяин и гости беззаботно веселились, принесли подогретое вино; повар наполнил чаши, а потом перевернутым ковшом ударил Дай-вана. Он убил его, и мозги вана брызнули на землю. Когда об этом узнала сестра Сян-цзы, она заколола себя шпилькой для волос, и с тех пор место ее гибели называют Моцзишань – Гора шпильки ⁴³. В Поднебесной не найдется таких, кто не слышал бы о гибели дайского вана. Вам, Великий ван, должно быть ясно, что чжаоский ван жесток и лишен родственных чувств. Разве можно с ним входить в близкие отношения? Ведь когда-то Чжао поднимало войска и нападало на Янь, оно дважды окружало яньскую столицу и брало в плен [покойного вана]. Ему пришлось отдать десять городов, чтобы откупиться ⁴⁴.

Ныне чжаоский ван уже поехал в Мянчжи, на прием [к циньскому правителю, он намеревается] уступить Хэцзянь и служить Цинь. Если сейчас вы, Великий ван, не станете служить Цинь, циньский правитель пошлет своих латников на Юньчжун и Цзююань, он также принудит чжаоские войска напасть на Янь, и в результате ни река Ишуй, ни Великая стена не помогут вам.

Кроме того, Чжао и Цинь сейчас – как уезд и область. Чжао не смеет самостоятельно поднимать свои войска против кого-либо. Если вы, ван, станете служить Цинь, циньский правитель, несомненно, обрадуется. Учитывая же то, что Чжао не осмелится опростачливо напасть на вас, это значит, что вы на западе обретете поддержку могущественного Цинь, а на юге вам не будет гро-

зить опасность со стороны Ци и Чжао. Поэтому я бы хотел, чтобы вы, Великий ван, обдумали мои предложения».

Яньский ван сказал: «Я живу в захолустье, как варвар *мань* или *и*. Хотя я и взрослый муж, но неискушен, как ребенок. Мне недостает мудрости, чтобы принять правильное решение. К счастью, сейчас мой высокий гость удостоил меня своими поучениями. Я охотно обращусь лицом к западу и буду служить Цинь, уступив ему пять городов на склонах гор Хэншань».

Когда яньский ван принял предложения [Чжан] И, тот отправился обратно [в Цинь], чтобы доложить [о выполнении своей миссии]. Но не успел он добраться до Сяньяна, как умер циньский Хуэй-ван. У власти встал У-ван (310 г.)⁴⁵. Еще будучи наследником, У-ван невзлюбил Чжан И, а теперь, когда он занял престол, сановники постарались оклеветать Чжан И, говоря так: «[Ему] нельзя доверять, он везде предавал княжества, чтобы заслужить расположение [своего правителя]. Если Цинь снова прибегнет к его услугам, опасаемся, что в Поднебесной будут смеяться над нами». Узнав, что У-ван отстранил Чжан И, *чжухоу* изменили союзу *хэн* и вновь объединились в союз *цзун*.

На начальном году [правления] циньского У-вана сановники постоянно стремились очернить Чжан И; кроме того, и Ци было им недовольно. Опасаясь казни, Чжан И сказал циньскому У-вану: «У меня есть неразумный план, хотел бы открыть его вам». Ван спросил: «В чем он состоит?» Чжан И сказал: «Этот замысел должен послужить духам ваших алтарей Земли и злаков. Как только на востоке наступят большие перемены, вы, ван, сможете отторгнуть [обширные] земли. Циский ван ненавидит меня, [Чжан] И, и непременно поднимет войска против того княжества, в котором я буду находиться. Поэтому я и хотел бы, чтобы вы разрешили мне, вашему неразумному слуге, отправиться в Лян. Тогда Ци непременно поднимет свои войска и нападет на Лян. Когда же воины Лян и Ци сойдутся в схватке под стенами городов и будут не в состоянии уйти с полей сражений, вы, ван, используете этот момент для нападения на Хань и вторжения в земли Саньчуани. Вашим войскам следует, выступив от заставы Ханьгу, решительно продвигаться к столице, не ввязываясь ни в какие сражения. В результате [чжоуский ван] вынужден будет выдать вам драгоценные жертвенные сосуды. Если в ваших руках окажется Сын Неба и вы овладеете книгами и картами, вы осуществите великое дело истинного правителя!»

Циньский ван посчитал этот план правильным, выделил Чжан И 30 больших обитых кожей повозок и послал его в Лян. Циский

правитель действительно поднял свое войско и напал на Лян. Лянский Ай-ван перепугался. Но Чжан И сказал ему: «Вы, ван, не тревожьтесь, только позвольте мне помочь остановить циские войска».

Тогда он (Чжан И) послал в Чу своего *шэжэня* Фэн Си, чтобы тот убедил чуского правителя отправить посла в Ци. Чуский посол передал цискому вану: «Вы, ван, хотя и испытываете сильную ненависть к Чжан И, но, действуя [против Вэй], только укрепляете доверие циньского вана к Чжан И». Циский ван ответил: «Я ненавижу Чжан И и буду воевать со всяким, кто предоставляет ему место. Каким же образом я могу играть ему на руку?» Посланник ответил: «Вот этими своими действиями вы и помогаете И. Дело в том, что перед отъездом И договорился с циньским ваном так: “Я ради вас, ван, составил план. После того, как на востоке произойдут большие изменения, вы, ван, сможете отторгнуть [обширные] земли. Циский ван ненавидит меня, Чжан И, и он непременно поднимет войска против того княжества, в котором я буду находиться. Поэтому я, И, хотел бы, чтобы вы разрешили мне, вашему неразумному слуге, отправиться в Лян. Тогда Ци непременно поднимет свои войска и нападет на Лян. Когда же воины Лян и Ци сойдутся в схватке под стенами городов и будут не в состоянии уйти с поля сражений, вы, ван, используете этот момент для нападения на Хань и вторжения в земли Саньчуани. Вашим войскам следует, выступив из заставы Ханьгу, решительно продвигаться к [столице] Чжоу, не ввязываясь ни в какие сражения. Тогда жертвенные драгоценные сосуды будут выданы вам. Если в ваших руках окажется Сын Неба и вы овладеете книгами и картами, вы осуществите великое дело истинного правителя”⁴⁶. Циньский ван посчитал этот план правильным. Вскоре он выделил 30 больших обитых кожей повозок и послал Чжан И в Лян. Как только Чжан И прибыл в Лян, вы, ван, действительно напали на них. Это значит, что внутри вы истощаете силы своего княжества, а вовне нападаете на союзное государство. Тем самым вы по соседству наживаете себе нового врага и укрепляете доверие циньского вана к И. Вот почему я говорю, что вы играете на руку Чжан И». Циский ван сказал: «Как это верно!» – и приказал увести войска. Чжан И прослужил сыном в Вэй один год, там он и умер (309 г.).

Чэнь Чжэнь тоже был из числа странствующих советников, он вместе с Чжан И служил циньскому Хуэй-вану; оба они пользовались почетом и боролись друг с другом за благосклонность правителя. Стараясь очернить Чэнь Чжэня перед циньским ваном, Чжан И говорил: «Чжэнь очень ценит деньги, но не прилагает

должных усилий для установления [добрых] отношений между Цинь и Чу. Ныне чуский правитель не расположен к Цинь, зато хорошо относится к Чжэню. Чжэнь больше заботится о себе, а о ваших, *ван*, делах думает мало. Кроме того, Чжэнь намеревается покинуть Цинь и уехать в Чу. Почему вы, *ван*, не учитываете этого?»

Ван спросил Чэнь Чжэня: «Я слышал, что вы намерены покинуть Цинь и отправиться в Чу. Это верно?» Чжэнь ответил: «Да, верно». Тогда циньский *ван* спросил: «Значит, слова И заслуживают доверия?» Чжэнь ответил: «О моих намерениях знает не только И, об этом известно всем добродетельным мужам. Ведь в древности У Цзы-суй⁴⁷ был предан своему правителю, и все правители стремились заполучить его в качестве своего сановника. Цзэн Шэнь⁴⁸ отличался сыновней почтительностью, и все в Поднебесной стремились назвать его сыном. Поэтому хорошими слугами и служанками считаются те, которых можно продать в своей же деревне; хорошими женами считаются девушки, которые выходят замуж в своих же деревнях. Если бы я, Чжэнь, не был верен своему правителю, то как же чуский правитель мог бы рассчитывать на мою, Чжэня, преданность? А вы мою преданность отвергаете, что же мне остается делать, как не направиться в Чу?» *Ван* согласился с его доводами и стал к нему благосклонен.

Чэнь Чжэнь прожил [в Цинь] еще год, но когда циньский Хуэй-ван в конце концов назначил Чжан И своим *сяном*, Чэнь Чжэнь бежал в Чу. Чуский *ван* отнесся к нему без особого почтения и отправил послом [обратно] в Цинь. Когда [Чжэнь] проезжал Лян, он решил встретиться с Си-шоу, но тот от встречи уклонился. Тогда Чжэнь передал ему: «Я приехал по делам; если вы меня, Чжэня, не примете, то я уеду, я не могу ждать другого дня». [После этого] Си-шоу принял его. «По какой причине вы предаетесь пьянству?» – спросил Чэнь Чжэнь. Си-шоу ответил: «Потому что у меня нет дел». [Тогда Чжэнь] сказал: «Я могу найти для вас столько дел, что вам некогда будет передохнуть». «Какие же это дела?» «Гянь Сюй⁴⁹ сейчас занят созданием союза *чжухоу* по вертикали – *цзун*, но чуский *ван* сомневается, что это осуществимо, и не верит в [его возможности]. Вы скажете вэйскому *вану*: “Я имею давние связи с Янь и Чжао, от них не раз приезжали послы и говорили мне: “Коль вы бездействуете здесь, почему бы вам не встретиться у нас”. Прошу *вана* разрешить мне поехать”. Если *ван* согласится, попросите его выделить вам хотя бы 30 повозок, расставьте их в своем подворье и объявите, что едете в Янь и Чжао».

Услышав об этом, гости из Янь и Чжао, [находящиеся в Вэй],

поспешили доложить своим *ванам*, и те послали людей встречать Си-шоу. Узнав об этом, чуский *ван* сильно разгневался и сказал: «Тянь Сюй со мной договаривался о союзе, а в то же самое время Си-шоу отправляется в Янь и Чжао; они обманывают меня!» Он так рассердился, что больше не хотел даже слушать о делах этого союза.

Когда в Ци узнали о поездке Си-шоу на север, послали к нему человека с предложением занять у них должность; и Си-шоу отправился туда. Так дела трех княжеств ⁵⁰ решались по советам Си-шоу.

[После этого] Чэнь Чжэнь приехал в Цинь. В то время Хань и Вэй воевали между собой; война, не прекращаясь, шла целый год. Циньский Хуэй-ван хотел помочь им и спросил совета у приближенных. Одни говорили, что необходимо помочь, другие отговаривали от этого. Хуэй-ван так и не пришел к определенному решению. Тут как раз в Цинь приехал Чэнь Чжэнь. Хуэй-ван обратился к нему: «Скажите, покинув меня и отправившись в Чу, думали ли вы обо мне?» Чэнь Чжэнь спросил: «Вы, *ван*, слышали историю юэсца Чжуан Си?» *Ван* ответил: «Нет, не слышал».

«Юэсец Чжуан Си служил чускому правителю, имел титул и был знатным. Однажды он заболел. Тогда чуский *ван* сказал: «Си родился в юэском захолустье и был там маленьким человеком, ныне он служит Чу, имеет титул, богатство и почет. Интересно, вспоминает ли он свое Юэ?» Один из чиновников в должности *чжунсе* ⁵¹ сказал: «Всякий человек, когда он болен, вспоминает о своей родине. Если Чжуан Си думает о Юэ, значит, в бреду он будет говорить по-юэски, не вспоминает Юэ – будет говорить по-чуски». Послали людей послушать. Большой бредил, говоря по-юэски. Так и я, покинув Цинь и прибыв в Чу, не мог говорить не по-циньски».

Хуэй-ван сказал: «Прекрасно! Хань и Вэй уже целый год воюют между собой. Одни говорят, что мне стоит прийти на помощь, другие – что не стоит вмешиваться, и я не могу принять решение. Поскольку вы уже давали много советов своему правителю (чускому *вану*), посоветуйте что-нибудь и мне». Чэнь Чжэнь ответил: «Вы, *ван*, слышали, наверное, о храбром муже Бянь Чжуан-цзы, убивающем тигров. Однажды Чжуан-цзы вознамерился убить тигра, но *гуаньшуцзы* остановил его со словами: «Только что два тигра начали есть быка, это для них лакомое блюдо, и они обязательно перегрызутся. Начнется борьба, и тот тигр, что сильнее, будет ранен, а слабый погибнет. Вот тогда и убивайте раненого тигра. Так вы прославитесь как убивший сразу двух

тигров". Бянь Чжуан-цзы считал совет правильным и стал выжидать. Вскоре между двумя тиграми действительно завязалась схватка; сильный тигр был ранен, а слабый погиб. Тогда Бянь Чжуан-цзы подскочил к раненому тигру и заколол его. Так он сразу прославился как победитель двух тигров. Война между Хань и Вэй тянется уже год. Значит, более сильное из этих княжеств обязательно будет ранено, а слабое погибнет. Вот тогда вы и нападете на ослабленное княжество и разом обретете плоды победы над двумя государствами. Это будет подобно тому, как Чжуан-цзы справился с тиграми. Какая разница для меня между вами, *ван*, и моим чуским правителем». Хуэй-ван сказал: «Превосходно!» — и не стал вмешиваться в войну. Сильное княжество действительно было ранено, а слабое погибло. Тогда циньский правитель поднял свои войска, напал на [ослабленное] княжество и одержал большую победу. Таковы были советы Чэнь Чжэня.

Си-шоу был уроженцем вэйского Иньцзиня, из рода Гунсунь, звали его Янь. Он был в плохих отношениях с Чжан И. Чжан И прибыл в Вэй в интересах Цинь; вэйский *ван* назначил его своим *сяном*. Это было неблагоприятно для Си-шоу, поэтому он послал доверенного человека сказать ханьскому Гун Шу: «Чжан И уже помирил Цинь и Вэй. При этом он заявил: "Когда Вэй нападет на [ханьский] Наньян, Цинь нападет на Саньчуань". Вэйский *ван* потому так почитает Чжан И, что стремится захватить ханьские земли. И ханьский Наньян уже захвачен ⁵². Почему бы вам не передать его в ведение Гунсунь Яня, что может испортить отношения между Цинь и Вэй. Тогда Вэй будет действовать против Цинь, отвергнет [Чжан] И, сблизится с Хань и поставит *сяном* Гунсунь Яня». Ханьский Гун Шу отнесся одобрительно к сказанному и, признавая заслуги Си-шоу, добился его назначения на пост [вэйского] *сяна*. Тогда Чжан И покинул [Вэй].

Когда правитель владения Ицдой ⁵³ приехал представиться к вэйскому двору, Си-шоу узнал, что Чжан И вновь стал *сяном* в Цинь и нанес большой вред этому владению. Тогда Си-шоу сказал Ицдой-цзюно: «Вы проделали большой путь; вам, пожалуй, нелегко будет снова приехать [сюда]. Я хочу обрисовать вам положение дел». Он продолжал: «В срединных княжествах бездействуют, [поэтому] Цинь имеет возможность грабить и жечь все находящееся в вашем владении. А если бы княжества взяли за дело [и напали на Цинь], то циньский правитель направил бы к вам послов и ценные подарки, чтобы привлечь вас на свою сторону». Позднее (318 г.) пять княжеств напали на Цинь ⁵⁴.

При встрече Чэнь Чжэнь сказал циньскому вану: «Ицдой-цзюнь – один из достойных правителей среди варваров мань и и. Чтобы его умиротворить, лучше использовать подкуп и пойти навстречу его намерениям». «Правильно!» – сказал циньский ван и приказал послать Ицдой-цзюню тысячу кусков узорчатого шелка и сто циньских красавиц. Ицдой-цзюнь сказал своим чиновникам: «Разве все вышло не так, как говорил Гунсунь Янь?» После этого он поднял войска и, напав на Цинь, нанес ему сильное поражение под Либо ⁵⁵.

Когда Чжан И умер, Си-шоу переехал в Цинь, став *сяном*. В разное время он носил у пояса печати *сянов* пяти княжеств и был главой их союза ⁵⁶.

Я, *тайшигун*, скажу так.

В трех цзиньских княжествах было много ученых мужей, которые умели искусно использовать изменения в обстановке. И те, кто отстаивал союз *цзун*, и те, кто ратовал за союз *хэн*, равно вели к усилению Цинь, хотя в большинстве своем они были выходцами из трех цзиньских княжеств. Деяния Чжан И были весомее дел Су Циня, и современники невзлюбили Су Циня, поскольку [Чжан] И, [воспользовавшись тем, что] тот умер первым, выставил напоказ его недостатки, чтобы подчеркнуть [достоинства] своих взглядов и завершить дело союза *хэн*. А в общем, оба эти мужа были поистине опасными [для Поднебесной]! ⁵⁷

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Чули-цзы, Гань Мао ле чжуань – Жизнеописание Чули-цзы и Гань Мао ¹

Чули-цзы по имени Цзи был младшим братом циньского Хуэй-вана, но матери у них были разные; мать [Чули-цзы] была женщиной из Хань. Чули-цзы слыл человеком изворотливым и многоопытным. Циньцы называли его *чжи-нан*.

На 8-м году [правления] циньского Хуэй-вана (330 г.) Чули-цзы получил титул *юэна*² и был послан во главе войск напасть на Цюйво ³. Он овладел им и выселил всех его жителей, а земли включил в Цинь. На 25-м году циньского Хуэй-вана (313 г.) послали Чули-цзы во главе войск напасть на Чжао. Он взял в плен чжаоского военачальника Чжуан Юэ и захватил Линь ⁴. На следующий год он помогал Вэй Чжану в нападении на Чу, нанес поражение чускому военачальнику Цюй Гаю, захватил земли Ханьчжуна. Циньский *ван* пожаловал Чули-цзы владение, присвоив ему титул Янь-цзюня.

Когда циньский Хуэй-ван умер, к власти пришел его сын, ставший У-ваном (310 г.). *Ван* изгнал Чжан И и Вэй Чжана, а Чули-цзы и Гань Мао поставил левым и правым *чэнсянами* (309 г.). Циньский *ван* послал Гань Мао напасть на Хань и захватить Иян. А Чули-цзы с сотней боевых колесниц послал вступить в пределы государства Чжоу. Правитель Чжоу отправил ему на встречу свои войска, восприняв это со всей серьезностью. [Узнав про это], чуский *ван* разгневался и стал укорять чжоуского правителя за то, что он так серьезно воспринял [вторжение] циньских гостей. [Однако] Ю Тэн, объясняя поведение чжоусцев, говорил чускому *вану*: «Когда Чжи-бо ⁵ вознамерился напасть на [царство] Чоую, [он] сначала отправил ему в дар большую груженую повозку, следом же послал войска, и Чоую вскоре погибло ⁶. Почему это случилось? Потому что не были готовы [к нападению]. Циский Хуань-гун ⁷, задумав напасть на Цай, заявил, что идет покарать Чу. Но внезапно напал на Цай. Цинь – царство злобное, как тигр и волк. Оно отправило Чули-цзы [всего лишь] с сотней боевых колесниц против Чжоу; [но] чжоуский *ван*, помня [о судьбе] Чоую и Цай, послал воинов с длин-

ными пиками в первом ряду, воинов с тугими луками – во втором, заднем, ряду. Показав, что готов к защите от Чули-цзы, он действительно стремился схватить его и посадить в темницу. Кроме того, разве мог дом Чжоу не беспокоиться о своих алтарях духов Земли и злаков? Боюсь, и для вас, Великий ван, наступит такой день, когда вам придется тревожиться, не гибнет ли [ваше] царство». Чуский ван был удовлетворен этим советом.

Когда умер циньский У-ван, у власти встал Чжао-ван (306 г.). Чули-цзы стал пользоваться еще большим почетом. На начальном году [правления] Чжао-вана Чули-цзы командовал войсками в нападении на Пу. Руководитель обороны Пу испугался и попросил Ху Янь заступиться за них. Выступая в пользу пусцев, Ху Янь спросил Чули-цзы: «Вы, господин, нападаете на Пу в интересах Цинь или Вэй? Если в интересах Вэй, то это хорошо, если в интересах Цинь, то это ненадежно. Ведь [Малое] Вэй сохраняется благодаря наличию [заслона в виде Пу]. Если вы, захватив Пу, включите его в [Большое] Вэй, [Малое] Вэй покорится вслед за ним⁸. Если [Большое] Вэй потеряет земли за пределами Сихэ и не сможет их вернуть, то его военные силы ослабнут. Если [Малое] Вэй будет присоединено к [Большому] Вэй, [Большое] Вэй, несомненно, усилится. Когда же Вэй усилится, [циньские] земли за пределами Сихэ окажутся в опасности. Да и циньский ван посмотрит на ваши действия как на действия, вредящие Цинь и выгодные [Большому] Вэй, и он непременно обвинит вас в преступлении». Чули-цзы спросил: «Как же мне действовать?» Ху Янь ответил: «Вы отойдите от Пу и не атакуйте его. Я попробую войти в город и договориться таким образом, чтобы помочь правителю [Малого] Вэй». Чули-цзы сказал: «Хорошо!» Тогда Ху Янь пробрался в Пу и сказал руководителю его обороны: «Чули-цзы осведомлен о [вашем] бедственном положении, он заявил, что непременно захватит Пу, [но] я, Янь, могу побудить его отойти от города и не наступать на него». Руководящий защитой Пу был в страхе и, дважды низко поклонившись Яню, сказал: «Прошу вас помочь нам». И вручил Яню 300 *цзиней* золота с такими словами: «Если циньские войска уйдут, я за вас попрошу у правителя [Малого] Вэй, чтобы вы оказались среди тех, кто сидит лицом к югу»⁹. Так Ху Янь, приняв в Пу подношение золотом, выбился в знатные люди в [Малом] Вэй. После этого циньцы сняли осаду с Пу и ушли. Вскоре они напали на Пиши¹⁰, но Пиши не сдался (306 г.), и циньцы вновь отступили.

На 7-м году [правления] Чжао-вана (300 г.) Чули-цзы умер, его похоронили на южном берегу Вэйхэ к востоку от террасы Чжантай. [Перед смертью он] сказал: «Через сотню лет в этом месте

дворцы Сынов Неба стеснят со всех сторон мою могилу». Дом, в котором жил заболевший Чули-цзы, находился к западу от храма Чжао-вана, на южном берегу Вэйхэ, в глухой волости, в селении Шу, поэтому в просторечьи его называли Чули-цзы. Когда пришло время подъема ханьской империи, к востоку от этого места появился дворец Чанлэгуан, к западу – дворец Вэйянгуан, а прямо напротив его могилы – военные склады. Среди циньцев ходила присказка: *Ли цзэ Жэнь Би* ¹¹, *чжи цзэ Чули* («Жэнь Би пользовался силой, а Чули – умом»).

Гань Мао был родом из Сяцая ¹², где он служил *шицзюем*. Он изучил учения разных школ. Вслед за Чжан И и Чули-цзы он [отправился в Цинь], чтобы увидеться с циньским Хуэй-ваном. Ван принял его, остался им доволен и послал командовать войсками, чтобы он помог Вэй Чжану усмирить земли Ханьчжуна.

Когда Хуэй-ван умер, у власти встал У-ван. Чжан И и Вэй Чжан покинули Цинь и отправились на восток в Вэй (310 г.). Когда восстали Хуэй, правитель области Шу, и его первый советник [Чэнь] Чжуан ¹³, циньский ван послал Гань Мао умиротворить Шу. Когда Гань Мао вернулся, его поставили левым *чэнсяном*, а Чули-цзы – правым.

На 3-м году [своего правления] (308 г.) циньский У-ван сказал Гань Мао: «Чтобы прославить свое имя в веках, я намерен положить своей колеснице путь по Саньчуани и заглянуть в дворцовые покои Чжоу». Гань Мао сказал: «Прошу разрешить мне отправиться в Вэй и договориться о нападении на Хань, а Сян Шоу прикажите сопровождать меня в поездке». Когда они прибыли в Вэй, Гань Мао сказал Сян Шоу: «Отправляйся обратно и доложи вану: “Вэйский правитель согласился на мое предложение, но выразил пожелание, чтобы ван не выступал в поход [на Хань]”. Когда дело успешно завершится, то все заслуги будут приписаны тебе». Сян Шоу вернулся и доложил обо всем циньскому вану. Ван [отправился] встречать Гань Мао в Сижан ¹⁴. Когда Гань Мао прибыл, ван спросил его о причинах [его совета]. Гань Мао ответил: «Иян – это большой уезд, а Шандан и Наньян давно уже накопили большие богатства; хотя они называются просто уездами, но фактически это целые области. Ныне вы, ван, невзирая на многочисленные препятствия, собираетесь в поход за тысячу *ли*, чтобы напасть на противника. Вам придется трудно. В прошлом Цзэн Шэнь проживал в Фэй ¹⁵. Как-то один лусец, носивший такие же фамилию и имя, убил человека. Некто пришел и сказал матери Цзэн Шэня: “Цзэн Шэнь убил человека”. Его мать продолжала спокойно ткать холст. Через какое-то время еще один чело-

век ей сказал: “Цзэн Шэнь убил человека”. Мать все так же тка-ла. Вскоре пришел еще один человек и опять сказал ей: “Цзэн Шэнь убил человека”. [Только] тогда мать отбросила челнок и отошла от станка, перебралась через ограду и побежала ¹⁶. Она знала мудрость сына, верила в него, и только слова третьего человека подряд вселили в нее тревогу ¹⁷. Я, конечно, не так мудр, как Цзэн Шэнь, и вы, *ван*, верите в меня не так, как верила мать Цзэн Шэня в своего сына; я опасаясь того, что вы, Великий *ван*, приостановите свои действия [раньше], не дожидаясь прихода третьего человека.

Не так давно Чжан И на западе присоединил к Цинь земли Ба и Шу, на севере открыл пути за пределы Сихэ, на юге захватил Шанъюн. Но Поднебесная не добавила это к [славе] Чжан И, а восхвалила покойного *вана*. Некогда вэйский Вэнь-хоу поставил Юэ Яна во главе войск, приказав напасть на владение Чжуншань. Понадобилось три года, чтобы захватить его. Когда Юэ Ян вернулся и доложил о победе, Вэнь-хоу показал ему ящичек с доносами на него. Юэ Ян, дважды низко поклонившись, сказал: “Эта кампания не моя заслуга, а ваши усилия, правитель”. Я же, ваш слуга, всего лишь чиновник, посланный в отдаленные места. Вот Чули-цзы и Гунсунь Ши ¹⁸ — два человека, которые оспаривают необходимость нападения на Хань. *Вану* следует прислушаться к ним. Таким образом вы, *ван*, обманете вэйского *вана*, а я заслужу ненависть [ханьского] Гун-чжун Чи» ¹⁹. *Ван* ответил: «Я не думаю их слушать, я хотел бы договориться с вами».

В конце концов он послал *чэнсяна* Гань Мао во главе войск напасть на ханьский Иян (308 г.). После пятимесячных боев город так и не был взят; Чули-цзы и Гунсунь Ши спорили с Гань Мао. [Циньский] У-ван призвал Гань Мао, намереваясь отозвать войска. Гань Мао сказал: «Разве вы забыли о [договоре в] Сижане?» *Ван* ответил: «Нет, не забыл». И тут же поднял все свои войска, а Гань Мао послал ударить по Ияну. Было убито 60 тысяч воинов [противника]. Иян был захвачен (307 г.). Ханьский Сян-ван ²⁰ послал с извинениями [в Цинь] Гун-чжун Чи и замирился с Цинь.

После всего этого циньский У-ван прибыл в Чжоу и там умер. У власти встал его младший брат (306 г.). Это был Чжао-ван; его мать носила титул Сюань-тайхоу, она была родом из Чу. Чуский Хуай-ван, озлобленный тем, что когда циньцы нанесли поражение чусцам в Даньяне, ханьские войска не пришли к чусцам на помощь, окружил своими войсками ханьский Юнши ²¹. Ханьский правитель послал Гун-чжун Чи просить помощи у Цинь. Но циньский Чжао-ван только что пришел к власти, к тому же *тайхоу* была

родом из Чу, поэтому он не решился на оказание помощи. Тогда Гун-чжун Чи обратился к Гань Мао. Гань Мао замолвил слово в защиту Хань перед циньским Чжао-ваном: «Гун-чжун прибыл в Цинь за помощью. [Если ханьцы ее получат], они дерзнут отразить [наступление] Чу. Сейчас Юнши окружен, а циньские воины стоят в проходе Сяошань ²², но Гун-чжун не склоняет своей головы. Если Гун Шу на юге объединит усилия с Чу, Чу и Хань станут едины, а вэйский дом не посмеет их послушаться. В таком случае сложится благоприятная обстановка для нападения на Цинь. Что же выгоднее – сидеть и ждать нападения или самому напасть?» ²³. Циньский ван сказал: «Хорошо». И послал войска из-под Сяо[шаня], чтобы помочь ханьцам. Чуские войска ушли.

Затем циньский ван послал Сян Шоу умиротворить Иян, а Чули-цзы и Гань Мао напасть на вэйский Пиши (306 г.).

Сян Шоу по материнской линии был родственником вдовствующей княгини Сюань-тайхоу. С малых лет он рос вместе с Чжао-ваном, поэтому и использовался на службе. Когда Сян Шоу прибыл в Чу, чуский ван, узнав, что он пользуется уважением в Цинь, весьма почтительно его принял. Когда же Сян Шоу, выполняя задание циньского правителя, закрепился в Ияне и вознамерился напасть на Хань, ханьский Гун-чжун послал Су Дая передать Сян Шоу: «Зверь, доведенный до крайности, может перевернуть [охотничью] повозку. Сейчас разгромом Хань вы унизили род Гун-чжуна, а между тем род Гун-чжуна собрал земли, чтобы служить Цинь, считая, что непременно может получить пожалование. Ныне вы Цзекоу передали Чу, пожаловали [чускому] сяолинъю владение в Дуяне ²⁴. [Но] когда Цинь и Чу объединятся, они вновь нападут на Хань, и Хань наверняка погибнет, а если погибнет Хань, то весь обширный род Гун-чжуна выступит против Цинь. Тщательно подумайте над этим, господин».

Сян Шоу ответил: «Объединение Цинь и Чу, по-моему, направлено против Хань; я прошу вас, доложите об этом Гун-чжуну от моего имени и скажите ему: «Отношения между Цинь и Хань могут быть дружественными»». Су Дай ответил: «Я бы хотел сообщить нечто от своего имени. Люди говорят: «Тот, кто относит себя к истинно знатным, остается таковым всегда» ²⁵. Циньский ван ценит вас значительно больше, чем Гунсунь Ши, он ценит ваши знания и способности несравненно выше, чем знания и способности Гань Мао. В настоящее время оба этих человека не близки к принятию решений по циньским делам, и только вы решаете с циньским ваном государственные дела. Почему же это так? Те двое утратили свое [влияние] не без причины. Гунсунь Ши

входит в число сторонников Хань, а Гань Мао – в число сторонников Вэй, поэтому *ван* им не доверяет. Ныне Цинь и Чу борются за превосходство, а вы находитесь в стане сторонников Чу, вы на том же [ошибочном] пути, что Гунсунь Ши и Гань Мао. Почему бы вам не повести себя иначе, чем они?

Люди говорят, что Чу склонно к переменам, и в этом таится ваша гибель, в которой вы же сами будете повинны. Лучше бы вам с циньским правителем предпринять меры против возможных перемен [в политике] Чу, сблизиться с Хань, чтобы подготовиться [к борьбе] против Чу. Если это удастся осуществить, то у вас не будет неприятностей. Ханьский правитель поручит управление своим княжеством прежде всего Гунсунь Ши, а потом передаст его Гань Мао. Но ведь [по сути] Хань – это ваш враг. Когда вы говорите о сближении с Хань во имя отражения Чу, это все равно, что отправляться в поход, не отмежевавшись от врагов».

Сян Шоу на это сказал: «Это действительно так. Я очень хотел бы установить отношения дружбы с Хань». На что Су Дай заметил: «Гань Мао давал согласие отдать Гун-чжуну Усуй²⁶ и вернуть обратно жителей Ияна. Ныне вы пытаетесь получить эти места, но это крайне затруднительно». Сян Шоу сказал: «Если дело обстоит таким образом, то как же мне поступить? Выходит, что в конце концов [Хань] так и не удастся заполучить Усуй?» Су Дай ответил: «Почему бы вам, опираясь на [силу] Цинь, в интересах Хань не потребовать у чуского правителя Инчуань²⁷? Ведь земли Инчуань раньше были ханьскими. Если вам удастся выдвинуть такое требование и заполучить эти земли, вы осуществите действия в пользу²⁸ Чу и этими землями облагодетельствуете Хань. Если же ваши пожелания не будут исполнены, неприязнь со стороны Хань и Чу не пройдет, и оба они будут совершать набеги против Цинь. А когда Цинь и Чу станут противоборствовать, вы сможете указать правителю Чу на его ошибки и тем вернуть утраченное Хань. Все это [в конечном счете] пойдет на пользу Цинь». Сян Шоу спросил: «А как это может получиться?» Су Дай ответил: «Это верное дело. Ибо Гань Мао стремится, используя Вэй, получить [земли] Ци, [в то время как] Гунсунь Ши стремится к тому же за счет Хань. Ныне вы, имея заслуги в виде захвата Ияна, завоюете доверие и Чу и Хань, успокоите их и покараете Ци и Вэй, в результате и Гунсунь Ши и Гань Мао не смогут выполнить свои планы»²⁹.

Гань Мао в конечном счете сумел уговорить циньского Чжаована вернуть Усуй [правителю] Хань; Сян Шоу и Гунсунь Ши противились этому, но безуспешно. [С этих пор] Сян Шоу и Гун-

сунь Ши возненавидели Гань Мао и стали клеветать на него. Мао испугался, прекратил свое наступление на вэйский Пуфань³⁰ и бежал. Чули-цзы вступил в переговоры с вэйцами и отвел войска.

Гань Мао бежал из Цинь в Ци [и] встретился [там] с Су Да-ем³¹. [В это время] Су Дай был назначен циским послом в Цинь. Гань Мао сказал: «Я провинился перед Цинь, испугался [наказания] и, не видя там себе места, бежал оттуда. Я слышал [такую притчу]. Как-то женщина из бедной семьи и женщина из богатой семьи вместе пряли. Женщина из бедной семьи сказала: «У меня уже нет денег, чтобы купить свечку, но, к счастью, света вашей свечи достаточно и мне. Если вы делитесь со мною светом, это не убавляет вашего света, а мне дает возможность видеть свою работу». Ныне я нахожусь в трудном положении, а вы как раз готовитесь в дорогу, ехать послом в Цинь. Мои жена и сын находятся там, я просил бы вас хоть немного использовать свое высокое положение и помочь нам». Су Дай пообещал.

Когда он прибыл послом в Цинь, то, исполнив свои дела, сказал циньскому вану: «Гань Мао – чиновник необычайных качеств. Живя в Цинь, он высоко ценился несколькими поколениями циньских правителей. От теснин и крепости Сяошань и вплоть до Гуйгу³² он прекрасно знает всю местность, опасные места и проходы. Если он будет использован в Ци, войдет в сговор с правителями Хань и Вэй и станет строить планы против Цинь, то это не пойдет на пользу Цинь». Циньский ван спросил: «В таком случае как же быть?» Су Дай ответил: «Будет лучше, если вы, ван, богато одарите его, пожелаете ему хорошо оплачиваемый пост, а когда он прибудет к вам, поставите управлять в Гуйгу и до конца его дней не будете выпускать оттуда». Циньский ван сказал: «Превосходно!» И тут же пожаловал [Гань Мао] звание *шанцина* и послал людей с печатью *сяна* в Ци. [Но] Гань Мао не поехал в Цинь. Су Дай тогда сказал цискому Минь-вану: «Все-таки Гань Мао – мудрый человек. Циньский ван пожаловал ему звание *шанцина*, послал людей с печатью *сяна*, чтобы встретить его. И хоть Гань Мао был так облагодетельствован, он все же стремится стать вашим слугой, поэтому отказался [ехать в Цинь]. Как бы еще вам, ван, сейчас выразить ему свое благоволение?» Циский ван отнесся к этому одобрительно, и Гань Мао был немедленно поставлен на пост *шанцина* [в Ци], а вскоре [в Цинь] от всех повинностей освободили его семью, чтобы выманить его из Ци.

Правитель Ци послал Гань Мао в Чу. В это время (304 г.) чуский Хуай-ван вновь породнился с домом Цинь и был этим счастлив. Но [правитель] Цинь, узнав о том, что Гань Мао находится в

Чу, отправил человека сказать чускому вану: «Я бы хотел, чтобы вы выслали Гань Мао в Цинь». Чуский ван, советуясь с Фань Сюанем³³, сказал: «Я хотел бы поставить [своего] человека сяном в Цинь, кто бы подошел для этого?» [Фань Сюань] ответил: «Я недостаточно знаю людей». Чуский ван продолжал: «Я хотел бы поставить там сяном Гань Мао, он подойдет?» Фань Сюань сказал: «Не подойдет. Этот человек, выдвинутый в свое время на пост *шицзюя*, родом из местности Сядай, где он служил стражником у городских ворот. В большом – он недостойн служить правителю царства, в малом – даже семьи не смог создать. Он известен низкими уловками и корыстолюбием. Однако в своей службе оказался удачливым. Служил такому умному правителю, как Хуэй-ван, прозорливому У-вану, такому превосходному полемисту, как Чжао И, и, прослужив на многих чиновничьих должностях, не совершил [крупных] ошибок. Хотя Гань Мао, может быть, не лишен достоинств, его нельзя ставить на пост *сяна* в Цинь³⁴. Ведь если в Цинь появится талантливый *сян*, это будет не на пользу Чу. К тому же раньше вы, ван, использовали Шао Хуа в Юэ, подрывной деятельностью которого тайно руководил Чжан И; в результате в Юэ возникла смута, а Чу пришлось на юге укреплять горный проход Лимэнь и перемещать столицу на восток от Ян-цзы. Мне кажется, что вам удалось достичь таких результатов благодаря тому, что в Юэ была смута, а в Чу – порядок. Если то, что вы сумели применить в Юэ, вы забудете применить в [отношении] Цинь, то я полагаю, вы совершите огромную ошибку. Но если вы намерены поставить [своего человека] сяном в Цинь, то лучше Сян Шоу не найти. Ведь Сян Шоу – родственник циньского вана; в детстве они носили одну и ту же одежду, выросши, ездили в одной колеснице и делились друг с другом своими делами. Вану непременно надо стремиться поставить Сян Шоу циньским сяном. Это пойдет на пользу Чу». После отправили посла к циньскому правителю с просьбой поставить циньским сяном Сян Шоу. В конце концов он стал сяном в Цинь. А Гань Мао так и не удалось вернуться в Цинь, [и он умер] в Вэй.

У Гань Мао был внук Гань Ло. После смерти деда Гань Ло в 12-летнем возрасте стал служить циньскому сяну Люй Бу-вэю, носившему титул Вэньсинь-хоу³⁵.

Император Цинь Ши-хуан послал Цай Цзэ, являвшегося Ганчэн-цзюнем, в [княжество] Янь. Благодаря его усилиям через три года яньский ван по собственной воле отправил своего наследника Даня заложником в Цинь³⁶. [Правитель] Цинь тогда [добился] назначения Чжан Тана сяном в Янь, намереваясь совместно с Янь

напасть на Чжао, чтобы расширить свои земли в долине Хуанхэ. В связи с этим планом Чжан Тан сказал Вэньсинь-хоу: «Прежде я по поручению циньского Чжао-вана уже выступал против Чжао, чжаоский правитель ненавидит меня и заявляет: “За поимку Тана я готов отдать сто *ли* земель”. Ныне, направляясь в Янь, надо непременно пройти Чжао, [вот почему] я не могу туда ехать». Вэньсинь-хоу был недоволен, но не захотел силой заставлять Тана ехать. Гань Ло [тогда] спросил: «Чем вы так огорчены?» Вэньсинь-хоу ответил: «По моему приказу Ганчэн-цзюнь Цай Цэ прослужил в Янь три года. В результате яньский наследник Дань уже прибыл заложником [к нам в Цинь]. Сейчас я прошу Чжан Цина ³⁷ стать *сяном* в Янь, а он не хочет туда ехать». Гань Ло сказал: «Давайте я уговорю его поехать». Вэньсинь-хоу гневно прикрикнул на него: «Ступай прочь! Я лично просил его поехать, а он не захотел, где уж тебе уговорить его?» Гань Ло сказал: «Великий Сян То в семилетнем возрасте наставлял Конфуция ³⁸, а мне сейчас уже 12 лет. Вы, господин, лучше испытайте меня в этом деле, зачем же на меня кричать?»

После этого Гань Ло отправился на встречу с Чжан Цинем и спросил [его]: «Могут ли ваши заслуги сравниться с заслугами Уань-цзюня ³⁹?» Чжан Цин ответил: «Уань-цзюнь на юге сковал мощные силы Чу, на севере своей мощью возобладал над Янь и Чжао, несчетное число раз он в сражениях побеждал и захватывал земли, громил города и занимал селения. Мои заслуги, конечно, с его несравнимы». Гань Ло сказал: «Ин-хоу [Фань Суй] служит в Цинь. Он или Вэньсинь-хоу обладает властью в Цинь?» Чжан Цин ответил: «Власть Вэньсинь-хоу несравненно больше, чем Ин-хоу». Гань Ло сказал: «Ясно ли вы понимаете, сановник, что ваше влияние и власть несравнимы с тем, чем обладает Вэньсинь-хоу?» Ответ был: «Я понимаю это». [Тогда] Гань Ло сказал: «Ин-хоу хотел напасть на Чжао, но Уань-цзюнь счел это трудным делом; покинув столицу Сяньян и отъехав от нее на семь *ли*, он нашел свою гибель в Дую ⁴⁰. Ныне [сам] Вэньсинь-хоу просит вас, Чжан Цин, стать *сяном* в Янь, а вы отказываетесь поехать. Я не знаю, где вы, Чжан Цин, найдете свою гибель!» Чжан Тан ответил: «Хорошо, я последую вашим, юноша, пожеланиям». Он приказал готовить багаж и выехал.

Через несколько дней после отъезда [Тана] Гань Ло сказал Вэньсинь-хоу: «Предоставьте мне пять экипажей, я прошу разрешения раньше Чжан Тана появиться в Чжао».

Вэньсинь-хоу отправился к императору и рассказал об этом [предложении Гань Ло], сказав: «Гань Ло, внук служившего нам

ранее Гань Мао, хотя и юн годами, но является потомком славной семьи, и все чжухоу насльщаны о нем. Когда Чжан Тан, сказавшись больным, не захотел отправиться в путь, Гань Ло убедил его выступить. А сейчас он сам желает первым появиться в Чжао. Прошу разрешения отправить его». Ши-хуан вызвал к себе Гань Ло и послал его в Чжао.

Чжаоский Сян-ван ⁴¹ встретил Гань Ло в окрестностях столицы. Гань Ло сказал чжаоскому вану: «Знает ли ван, что яньский наследник Дань находится заложником в Цинь?» Ван ответил: «Да, я знаю об этом». «А слышали ли вы о том, что Чжан Тан намеревается стать сяном в Янь?» «Да, слышал». «То, что яньский правитель послал своего наследника Дая заложником в Цинь, говорит об искренности княжества Янь по отношению к Цинь. А то, что Чжан Тана намереваются поставить сяном в Янь, подтверждает, что Цинь не обманывает Янь. А коли Цинь и Янь не обманывают друг друга, значит, предстоит нападение на Чжао. [Для вас] это опасно. В том, что Янь и Цинь не собираются хитрить друг с другом, нет никакой другой причины, кроме их намерения напасть на Чжао и расширить свои земли в долине Хуанхэ. Вам, ван, лучше будет уступить пять городов, чтобы Цинь расширило свои земли в долине Хуанхэ. Попросите [циньского правителя] вернуть [на родину] яньского наследника, после этого сильным чжаоским войском нападите на слабое Янь». Чжаоский ван тут же отделил пять городов циньцам, чтобы они расширили свои земли в долине Хуанхэ. Циньский правитель вернул из заложников яньского наследника. Тогда чжаосцы напали на Янь, захватили в районе Шангу 30 городов и передали Цинь 11 [из них] ⁴².

Гань Ло вернулся и доложил об успехах циньскому правителю, который пожаловал Гань Ло звание шанцина и кроме того — усадьбу и поля, которыми когда-то владел Гань Мао.

Я, тайшигун, скажу так.

Чули-цзы занимал в Цинь высокое положение как один из ближних родственников [правителя], это несомненно. Но циньцы признавали его ум и поэтому весьма почитали его. Хотя Гань Мао был родом из захолустного Сяая, он прославился среди чжухоу и высоко ценился в могущественных Ци и Чу. Гань Ло был юн годами, но выдвинулся благодаря своему хитрому плану и стал известен последующим поколениям. Хотя они не были мужами безупречного поведения, но все же вошли в число знаменитых политиков периода Чжаньго. Ведь именно в период усиления Цинь в Поднебесной особенно часто прибегали к хитрым планам и обманным действиям.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

*Жан-хоу ле чжуань – Жизнеописание Жан-хоу*¹

Жан-хоу [по имени] Вэй Жань был младшим братом государыни Сюань-тайхоу² – матери циньского Чжао-вана. Предки Вэй Жаня были чусцами из рода Ми.

После смерти циньского У-вана (307 г.), [поскольку] сыновей у него не было, у власти поставили его младшего брата, который и стал Чжао-ваном. Его мать прозывалась ранее Ми-бацзы. Когда же Чжао-ван занял престол, Ми-бацзы стали именовать Сюань-тайхоу. Сюань-тайхоу не была матерью У-вана, его мать именовалась Хуэй Вэнь-хоу. Она умерла раньше У-вана. У Сюань-тайхоу было два младших брата. Старший из них, рожденный от другого отца, имел титул Жан-хоу, он был из рода Вэй, по имени Жань. Другой младший брат был родным, звали его Ми Жун, и носил он титул Хуаян-цзюнь³. А младшие единоутробные братья циньского Чжао-вана носили титулы Гаолин-цзюнь и Цзиньян-цзюнь⁴. Однако самым мудрым считался Вэй Жань, и со времен Хуэй-вана и У-вана он служил при дворе и использовался в делах.

После смерти У-вана между братьями началась борьба за власть⁵, и только усилиями Вэй Жаня удалось утвердить на престоле Чжао-вана, который, придя к власти, поручил Вэй Жаню командовать войсками столицы Сяньян.

После [подавления] мятежа Ли-цзюня⁶ вдова У-вана была выслана в земли Вэй, а недостойные старшие и младшие братья Чжао-вана были казнены; в результате [положение] царства Цинь и его влияние укрепились⁷.

Чжао-ван был юн годами, поэтому правила царством сама Сюань-тайхоу; Вэй Жаня она назначила управлять делами.

На 7-м году [правления Чжао Сян-вана] (300 г.) умер Чули-цзы, а Цзиньян-цзюня отправили заложником в Ци.

Чжаосец Лоу Хуань прибыл в Цинь (297 г.) и стал помогать *вану*. Это было невыгодно Чжао, и его [правитель] послал Чоу И в Цинь с поручением добиться назначения *сяном* в Цинь Вэй Жаня. Когда Чоу И собрался ехать, гостивший у него Сун Гун сказал

[ему]: «Если циньский правитель к вам прислушается, то Лоу Хуань возненавидит вас. Лучше скажите Лоу Хуаню следующее: “Я прошу вас не торопиться с циньскими делами”. Если циньский ван, обнаружив, что чжаосцы не спешат с просьбой о назначении сяном Вэй Жаня, не послушает вас, тогда ваши предложения не достигнут цели, и это пойдет на благо Лоу Хуаню. Если это назначение [все же] состоится, то [Лоу Хуань] сохранит доброжелательное отношение к вам». Тогда Чоу И последовал этим советам. В конце концов циньский правитель сместил Лоу Хуаня и поставил сяном в Цинь Вэй Жаня (295 г.). Когда собрались казнить Люй Ли, то тот бежал в Ци ⁸.

На 14-м году циньского Чжао-вана (293 г.) Вэй Жань призвал Бай Ци, послал его вместо Сян Шоу встать во главе войск и напасть на Хань и Вэй. Их армии потерпели поражение под Ицзю, было обезглавлено 240 тысяч воинов и взят в плен вэйский военачальник Гунсунь Си ⁹.

В следующем году также захватили чуские земли Юань и Е ¹⁰. Вэй Жань, ссылаясь на болезнь, ушел с поста сяна. Сяном в Цинь поставили кэцина Шоу Чжу. В следующем году Чжу был смещен, и сяном вновь назначили Жаня, после чего ему было пожаловано владение в Жан, к которому еще добавили земли в Тао ¹¹. Так он получил княжеский титул Жан-хоу.

Через четыре года после этих пожалований он во главе циньских войск напал на Вэй. [Хотя] вэйский правитель уступил Цинь 400 квадратных ли своих земель к востоку от Хуанхэ, [циньцы все же] захватили и вэйские долинные земли, овладев более чем 60 укрепленными большими и малыми городами.

На 19-м году (288 г.) Чжао-ван объявил себя Западным императором, циский правитель назвал себя Восточным императором. Но через месяц с небольшим [после] прибытия [в Цинь] Люй Ли и циский и циньский правители отказались от императорских титулов и опять стали именоваться ванами. Вэй Жань вновь стал сяном в Цинь. Через шесть лет он был снят с этого поста и, пробыв в отставке два года, вновь стал циньским сяном ¹².

Через четыре года послали Бай Ци ¹³ захватить чуский Ин. Цинь учредила там область Наньцзюнь. Тогда Бай Ци получил звание Уань-цзюнь (277 г.). [Хотя] Бай Ци занял такую же должность, как и Жан-хоу, их отношения остались хорошими. К этому времени богатства Жан-хоу превысили богатства ванского дома.

На 32-м году [правления Чжао-вана] (275 г.) Жан-хоу, будучи сяном в Цинь, возглавил армию, выступившую против Вэй. Он обратил в бегство войска Ман Мао, вступил в Бэйчжай ¹⁴, после

чего окружил Далян. Лянский (вэйский) сановник Сюй Гу сказал Жан-хоу: «Я слышал, как один вэйский старший чиновник говорил вэйскому вану: “В прежние времена, когда лянский Хуэй-ван напал на Чжао, он трижды одерживал победы под Саньляном¹⁵, занял Ханьдань. Но род Чжао не поступился [остальными землями], и Ханьдань вновь вернулся к нему. Когда цисцы напали на [Малое] Вэй, захватили его столицу¹⁶ и убили Цзы Ляна, вэйцы не смирились с отторжением своих земель, и их коренные территории вернулись обратно. [Малое] Вэй и Чжао сохранили свою целостность, и военную силу, а [их] земли не были присоединены к территориям других чжухоу именно потому, что их правители смогли выдержать все трудности и серьезно относились к потере своих земель. [Иначе произошло с] Сун и Чжуншань. [Они] испытали несколько нападений, стали по частям уступать свои земли, и в результате эти государства погибли. Я полагаю, что для вас примером могут служить [Малое] Вэй и Чжао, а предостережением – Сун и Чжуншань. Ведь Цинь алчно и жестоко, с ним нельзя сближаться. Оно, как шелковичный червь, вгрызается [во владения] дома Вэй. Оно окончательно добило княжество Цзинь, нанесло поражение [ханьскому] Бао-цзы¹⁷. Циньцы отторгли земли восьми уездов, и не успели [они] окончательно включить эти земли в Цинь, как их войска вновь выступили [в поход]. Разве циньский ван удовлетворится имеющимся! Ныне циньцы к тому же обратили в бегство Ман Мао, вторглись в Бэйчжай, но это еще не значит, что они осмелятся захватить Далян. Они хотят принудить вас, ван, отдать как можно больше ваших земель, но вам не следует слушать их. Ныне вы, ван, отвернулись от Чу и Чжао и идете на переговоры с Цинь. Правители Чу и Чжао разгневались и покидают вас; они будут стремиться опередить вас, ван, в прислужничестве Цинь. Циньский правитель, несомненно, примет их. Тогда Цинь, имея с двух сторон поддержку войск Чу и Чжао, вновь ударит по княжеству Лян (Вэй), и ваша гибель станет неизбежной. Я хотел бы, чтобы ван ни в коем случае не вел переговоров с Цинь. Если же вы все-таки намерены вести такие переговоры, то ограничьтесь уступкой малой части своей территории и обменяйтесь заложниками, а то непременно будете обмануты”.

Вот что я услышал в Вэй. Я просил бы вас, господин, отнестись с вниманием к этому делу. В чжоуской книге сказано: “Благоволение Неба не является неизменным”¹⁸. Это значит, что не может повести несколько раз. Ведь добиться победы над Бао-цзы и отторжения восьми уездов удалось вовсе не благодаря превосходящим качествам военных сил и искусности военных замы-

слов. Просто повезло с благословением Неба. [То, что Цинь] сейчас, обратив в бегство Ман Мао и вступив в Бэйчжай, намеревается атаковать Далян, означает, что оно считает благословение Неба неизменным. Разумным людям это не пристало. Я слышал, что дом Вэй намерен всех лучших латников из ста своих уездов бросить на защиту Даляна; полагаю, что их будет не менее 300 тысяч. А осаждать Далян, защищаемый 300 тысячами воинов, со стенами высотой в семь *жэнь*, я считаю, было бы нелегко даже Чэн Тану или У-вану, если бы они вновь родились на свет. К тому же, имея в тылу военные силы Чу и Чжао, пытаться захватить город со стенами высотой в семь *жэнь*, бороться с армией в 300 тысяч человек и пребывать в уверенности, что намеченное непременно осуществится, – такого еще не бывало с тех пор, как Небо и Земля отделились друг от друга. Но если штурм не завершится взятием города, то циньские войска окажутся в тяжелом положении; тогда Тао будет обречен на гибель, все прежние успехи будут утрачены. Сейчас вэйский правитель как раз в раздумье: он размышляет о том, как обойтись малыми потерями своих земель, стремится использовать то, что помощь войсками из Чу и Чжао еще не прибыла к Даляну, и торопится сделать так, чтобы своих земель отрезать как можно меньше, а [чужих] приобрести как можно больше. Вэйская сторона в сомнении и видит свой выигрыш в уступке малого числа земель, вэйский *ван* страстно стремится к этому. Таким образом и вы, господин, добьетесь желаемого. Правители Чу и Чжао в гневе на Вэй предпримут действия, чтобы опередить Вэй и послужить Цинь. Союз *цзун* от этого распадется, и вам будет что выбирать. И вовсе не обязательно вам для приобретения земель прибегать к силе. Отрезав циньские территории, циньские войска больше не будут наступать, а Вэй непременно отдаст Цзян и Аньи. К тому же откроются два пути в ваше Тао, что приведет почти к полному захвату циньцами земель бывшего княжества Сун, а [Малое] Вэй несомненно отдаст Даньфу¹⁹. Циньские войска сохраняют свои силы, а вы, господин, сможете контролировать ситуацию. Так все, к чему вы стремитесь, будет достигнуто, и все действия принесут результаты. Призываю вас, *цзюнь*, тщательно обдумывать все и не предпринимать опасных действий». Жан-хоу сказал: «Превосходно!» – и снял осаду Даляна²⁰.

На следующий год (274 г.) Вэй изменило Цинь и сблизилось с Ци. Циньский *ван* послал Жан-хоу напасть на Вэй. [Циньская армия] обезглавила 40 тысяч человек и обратила в бегство вэйского военачальника Бао Юаня, у Вэй были захвачены три уезда²¹. Жан-хоу получил дополнительные пожалования.

На следующий год (273 г.) Жан-хоу, Бай Ци и кэцин Ху Ян вновь напали на Чжао, Хань и Вэй, разбили Ман Мао под Хуаяном, обезглавили 100 тысяч воинов²², захватили вэйские Цзюань, Цайян, Чаншэ и чжаоский Гуаньцзинь²³. Но тут же Гуаньцзинь вернули Чжао и, подкрепив силы Чжао своими войсками, [совместно] напали на Ци. Циский Сян-ван испугался и послал Су Дая тайно передать Жан-хоу послание. В нем говорилось: «Я слышал от приезжих, что циньский ван намерен укрепить войска Чжао 40 тысячами латников, чтобы напасть на Ци. Я, ваш слуга, думаю, что это непременно случится, но говорю нашему вану: “Циньский ван мудр и искусен в [своих] замыслах, Жан-хоу – человек знающий и опытный в делах; им никак не пристало усиливать армию Чжао 40 тысячами латников для того, чтобы напасть на Ци”. Почему же так? Ведь все три циньских княжества едины в своей враждебности к Цинь. [Цинь] сотни раз предавало и обманывало их, но вовсе не потому, что они не заслуживали доверия или вели себя неправильно. Ныне разбивать Ци, чтобы обогатить Чжао, невыгодно для Цинь, так как Чжао – смертельный враг Цинь. Это во-первых. Циньские стратеги наверняка говорят: “Разгром Ци губелен для Цзинь и Чу и впоследствии составит [основу] победы над ними”. Но Ци – княжество ослабленное, использовать все силы Поднебесной для удара по Ци – все равно, что использовать самострел весом в тысячу цзюней, чтобы вскрыть нарыв, – это грозит верной гибелью. Но разве этим можно погубить Цзинь и Чу? Это во-вторых. Если Цинь пошлет мало войск, то княжества Цзинь и Чу окажутся под пятой Цинь, правитель Ци испугается этого и не последует за Цинь, а примкнет к Цзинь и Чу. Это в-третьих. Если же княжество Цинь установит контроль над Ци, но в результате Цзинь и Чу поглотят его, то они усилятся, и тогда Цинь обретет, наоборот, сильного противника. Это в-четвертых. Если циньские княжества и Чу используют силы Цинь в своих замыслах против Ци, а силы Ци – против Цинь, то проявится ли в этом мудрость Цзинь и Чу и глупость Цинь и Ци? Это – в-пятых. Поэтому удержание в своих руках Аньи не должно принести каких-либо бед. Раз Цинь удерживает Аньи, ханьский дом, несомненно, потеряет Шандан. Тем самым вы захватите желудок и кишки Поднебесной (самые важные внутренние земли). Разве это не выгоднее, чем посылать войска, опасаясь, что часть их не вернется? Потому я и сказал, что циньский ван мудр и искусен в своих замыслах, а Жан-хоу – человек знающий и опытный в ведении дел. Они, несомненно, не станут усиливать армию Чжао 40 тысячами латников, чтобы уда-

ритель по Ци». Тогда Жан-хоу не стал действовать таким образом и вернулся с войсками обратно.

На 36-м году [правления] циньского Чжао-вана (271 г.) циньский *сян* Жан-хоу сказал *кэцину* Цзао о своем намерении напасть на Ци и захватить Ган и Шоу ²⁴, чтобы расширить пределы своего владения в Тао.

В это время вець Фань Суй назвал себя господином Чжан Лу²⁵. Он высмеивал намерение Жан-хоу идти походом на Ци, так как удар по Ци требовал якобы прохода через земли трех циньских княжеств, и в нужное время коварно сообщил об этом циньскому Чжао-вану. Чжао-ван тогда решил использовать [на службе] Фань Суя. Фань Суй стал говорить о том, что вдовствующая правительница Сюань-тайхоу самочинно управляет делами, а Жан-хоу узурпировал власть *чжухоу*, что дома Цзиньян-цзюня и Гаолин-цзюня живут весьма расточительно, богаче, чем дом *вана*. Тогда циньский Чжао-ван прозрел, снял *сяна* с должности, приказал родне Цзиньян-цзюня покинуть пределы застав ²⁶, пожаловав им селения. Жан-хоу [тоже] покинул пределы застав, с ним было более тысячи повозок с поклажей ²⁷.

Жан-хоу умер в Тао и там же похоронен. Циньский двор вновь вернул себе Тао, учредив там область.

Я, *тайшигун*, скажу так.

Жан-хоу приходился Чжао-вану дядей. И в том, что царство Цинь увеличило свои земли на востоке страны, ослабило *чжухоу*, что его правитель впервые провозгласил себя *ди* в Поднебесной и все правители в Поднебесной склоняли головы в сторону запада и били челом, – во всем этом есть и заслуги Жан-хоу. Когда же он достиг вершин знатности и нажил богатство, из-за обличений единственного человека положение его поколебалось, власть была утрачена, и он умер от огорчения. Что уж там говорить о [судьбах] всяких пришлых чиновников!

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Бай Ци, Ван Цзянь ле чжуань — Жизнеописание Бай Ци и Ван Цзяня ¹

Бай Ци был родом из Мэй ². Его привлекало военное дело; служил он циньскому Чжао-вану. На 13-м году [правления] Чжао-вана (294 г.) Бай Ци стал *цзошучжаном* ³. Уже после этого он нанес удар по ханьскому Синьчэну. В том же году Жан-хоу стал *сяном* в Цинь ⁴. Жэнь Би поставили начальником области Ханьчжун. На следующий год Бай Ци стал *цзогэном*; напал на [войска] Хань и Вэй под Ицюэ. Он обезглавил 240 тысяч воинов противника, захватил в плен военачальника Гунсунь Си и занял пять городов. [Бай] Ци был переведен на должность командующего войсками ⁵. [Он] переправился через Хуанхэ и захватил земли к востоку от ханьского Аньи, достиг реки Ганьхэ.

На следующий год Бай Ци стал *далянцзао*; напал на Вэй и захватил его земли, [в том числе] 61 большой и малый город. На следующий год Бай Ци совместно с *кэцином* [Сыма] Цо напал на Юаньчэн ⁶ и захватил его. Еще через пять лет Бай Ци напал на Чжао и занял Гуанхэньчэн ⁷. Еще через семь лет Бай Ци напал на Чу, захватил пять городов, в том числе Янь и Дэн. На следующий год (278 г.) [снова] напал на Чу, захватил [столицу] Ин, сжег [город] Илин, затем продвинулся на восток до Цзинлина ⁸. Чуский *ван* бежал из Ин и укрылся на востоке, в Чэнь ⁹. Циньский правитель на [землях вокруг чуской столицы] Ин учредил область Нань-цзюнь. Бай Ци было пожаловано звание Уань-цзюня. После этого Уань-цзюнь захватил чуские области Динью и Цяньчжун ¹⁰.

На 34-м году Чжао-вана (273 г.) Бай Ци напал на Вэй, захватил Хуаян, обратил в бегство [военачальника] Ман Мао, взял в плен военачальников трех цзиньских княжеств и обезглавил 130 тысяч воинов ¹¹. Затем, вступив в сражение с чжаоским военачальником Гу Янем, он утопил в водах Хуанхэ 20 тысяч его солдат.

На 43-м году циньского Чжао-вана (264 г.) Бай Ци атаковал ханьский Цзинчэн, захватил пять городов, обезглавил 50 тысяч воинов. На 44-м году (263 г.) Бай Ци атаковал [ханьский] Наньян, перекрыв путь через хребет Тайхан ¹².

На 45-м году Чжао-вана (262 г.) напали на ханьский Еван. Еван капитулировал перед циньцами, и таким образом был перерезан путь в область Шандан. Начальник области Фэн Тин, обращаясь к жителям, сказал: «Путь в Чжэн¹³ уже перекрыт, Хань наверняка уже не удастся помочь нам. Циньские войска с каждым днем все ближе к нам, ханьцы не могут им противостоять, и лучше передать Чжао земли Шандана. Если Чжао примет нас, циньцы рассердятся и непременно нападут на Чжао. А если Чжао подвергнется нападению, [оно] несомненно сблизится с Хань. Если же Хань и Чжао объединят свои силы, они сумеют противостоять Цинь». И он послал человека доложить [о своих намерениях правителю] Чжао. Чжаоский Сяо Чэн-ван вместе с Пингъян-цзюнем и Пингьюань-цзюнем¹⁴ стали составлять план действий. Пингъян-цзюнь сказал: «Лучше было бы не принимать [дара]; если примем, беды от этого значительно превзойдут то, что мы от этого получим». Пингьюань-цзюнь сказал: «Ведь мы просто так получаем целую область; лучше будет ее принять». И княжество Чжао приняло это[т дар] и пожаловало Фэн Тину звание Хуаян-цзюнь¹⁵.

На 46-м году [правления Чжао-вана] (261 г.) циньцы напали на Линь, принадлежащий ханьскому роду Хоу, и захватили его. На 47-м году циньский ван послал *цзошучжана* Ван Хэ напасть на Хань и захватить Шандан. Население Шандана перешло под власть Чжао. Чжаоская армия стала лагерем под Чанпином¹⁶, чтобы поддержать жителей Шандана. В четвертой луне Хэ атаковал армию Чжао, которой командовал Лянь По. Чжаоские солдаты напали на циньских дозорных, и в схватке был убит Це, второй командующий в армии Чжао. В шестой луне [циньцы] нанесли поражение чжаоской армии, захватили два опорных пункта¹⁷ и взяли в плен четырех *дುವзев*. В седьмой луне чжаоские войска воздвигли [новые] укрепления и защищались в них. Циньцы вновь атаковали – захватили двух *дುವзев*, прорвали оборону чжаосцев, заняли западный вал укреплений. Лянь По, ожидая новых атак циньских войск, продолжал усиливать оборону; циньцы неоднократно вызывали его воинов на сражение, но чжаоские солдаты не покидали укреплений. Чжаоский ван не раз выражал неудовольствие [действиями Лянь По]. К тому же циньский *сян* Ин-хоу посылал своих людей с тысячами *цзиней* золота, чтобы воздействовать на Чжао изнутри, [обманно] говоря при этом: «В Цинь больше всего ненавидят и боятся Мафу-цзы – Чжао Ко, главу чжаоских войск, а с Лянь По легче бороться, и он наверняка капитулирует». Чжаоский ван был разгневан на Лянь По за то, что его войска проиграли несколько боев и понесли большие потери,

а также за то, что он не осмеливался вступать в [открытое] сражение, а продолжал держаться за свои укрепления. Кроме того, [ван] поверил наветам циньцев и послал Чжао Ко сменить Лянь По на посту командующего и ударить по [армии] Цинь. Циньский ван, узнав о том, что Мафу-цзы встал во главе войск, скрытно назначил Уань-цзюня Бай Ци старшим командующим, а Ван Хэ – его помощником, при этом в приказе по армии объявили, что тот, кто осмелится проболтаться о назначении Уань-цзюня командующим, будет казнен.

Чжао Ко, прибыв в войска, тут же нанес удар по циньской армии. Циньцы, притворившись разбитыми, отступили и сформировали два кавалерийских отряда. Чжаоские воины, уверенные в победе, преследовали отступавших и гнались за ними до построенных циньцами укреплений. Но укрепления были столь мощны, что чжаосцы не смогли их захватить. Тогда один отряд в 25 тысяч циньских конников отрезал тылы чжаоской армии, а другой – в 5 тысяч конников – прервал сообщение между чжаоскими укреплениями. Так армия Чжао оказалась разделенной надвое, пути снабжения ее продовольствием оказались перекрыты, и циньцы, используя легковооруженные войска, ударили по ней. Военные действия для чжаосцев оказались неудачными. Тогда они вновь стали строить укрепления и стойко защищали их в ожидании прибытия подкреплений. Циньский ван, узнав, что дороги, по которым доставлялось продовольствие чжаоским войскам, перерезаны, лично прибыл в район Хэнэя. Там он пожаловал [старейшинам] по одному рангу знатности, мобилизовал всех мужчин старше 15 лет и направил их под Чанпин, чтобы блокировать путь, по которому могла подойти помощь и провиант чжаосцам.

Наступила девятая луна, чжаоские солдаты не получали пищи 46 суток, они начали тайком поедать друг друга. В надежде вырваться из окружения чжаосцы вознамерились атаковать циньские укрепления. Разделившись на четыре отряда, они несколько раз повторяли попытку, но вырваться не смогли. Их командующий Чжао Ко послал в бой отборных солдат и сам вступил в рукопашную схватку, но циньцы убили Чжао Ко, его армия была разбита, а 400 тысяч солдат сдались Уань-цзюню. Уань-цзюнь рассуждал так: «Ранее Цинь уже захватывало Шандан, но жители Шандана не пожелали подчиниться циньцам и перешли под власть Чжао. Чжаоские солдаты очень ненадежны; если их всех не уничтожить, боюсь, они устроят мятеж». Затаив свое коварство, он отобрал из всех [сдавшихся] чжаосцев 240 малолетних, кото-

рых вернул в Чжао, а остальных живыми закопал в землю. За все время боевых действий циньцами было казнено 450 тысяч пленных, чжаосцы были потрясены.

На 48-м году (259 г.) в десятой луне циньские войска вновь закрепились в области Шандан¹⁸. Циньский ван разделил свои войска на две армии¹⁹. [Армия] Ван Хэ напала на Пилао²⁰ и захватила его, [армия] Сыма Гэна закрепились в Тайюане. [Правители] Хань и Чжао испугались и послали Су Дая с обильными подношениями к циньскому сяну Ин-хоу. Су Дай спросил его: «Захватил ли Уань-цзюнь в плен Мафу-цзы?» [Ин-хоу] ответил: «Да». Далее [Су Дай] спросил: «Окружил ли [он] Ханьдань?» Ин-хоу ответил: «Да». [Су Дай продолжал]: «Если Чжао погибнет, то циньский ван будет господствовать [над Поднебесной], а Уань-цзюнь станет одним из трех гунов. Ведь Уань-цзюнь в боях за Цинь одержал множество побед и занял более 70 городов, на юге он усмирил Янь, Ин и Ханьчжун, на севере – захватил в плен армию Чжао Ко. Даже Чжоу[-гун], Чжао[-гун] и Люй Ван²¹ не имели подобных заслуг. Ныне, если Чжао погибнет и циньский ван станет править всеми землями, Уань-цзюнь непременно станет одним из трех гунов. Сможете ли тогда вы, господин, быть у него в подчинении? Даже если вы не пожелаете быть ниже него, вам с этим придется примириться. Ранее Цинь напало на Хань, [его армия] окружила Синцю²², осадила Шандан, но жители Шандана выступили против [Цинь], и все перешли под руку Чжао. Уже давно никому в Поднебесной не хочется быть подданным Цинь. Ныне вы погубите Чжао, на севере вы вторгнетесь в земли Янь, на востоке – в Ци, на юге – в Хань²³ и Вэй; много ли Цинь привлечет к себе людей? Не лучше ли тогда отдать часть земель, чтобы все заслуги не были отнесены только на счет Уань-цзюня?» После этого Ин-хоу сказал циньскому вану: «Циньские солдаты утомились, прошу вас уступить Хань и Чжао часть земель, надо замиритесь с ними, чтобы дать отдых солдатам». Ван послушал его и заключил мир, отдав ханьцам Юаньюн²⁴, а чжаосцам – шесть городов. В первой луне все военные действия были приостановлены. Когда Уань-цзюнь узнал об этом, между ним и Ин-хоу возникла неприязнь.

В девятой луне того же года циньский ван вновь поднял войска. Он послал удафу Ван Лина напасть на чжаоский Ханьдань. В это время Уань-цзюнь заболел и не смог участвовать в боевых действиях. На 49-м году (258 г.) в первой луне Ван Лин штурмовал Ханьдань, но большого успеха не добился. Циньский ван дополнительно послал войска в помощь Лину. Армия Лина потеряла в боях пять военачальников. Болезнь Уань-цзюня в это время

усилилась. Циньский ван намеревался поставить его во главе войск вместо Ван Лина, но Уань-цзюнь сказал: «Брать Ханьдань действительно нелегко. Кроме того, вскоре придёт помощь чжухоу. Чжухоу давно испытывают ненависть к Цинь, и хотя Цинь только что разгромило армию [противника] под Чанпином, но и потеряло большую часть своих солдат, само царство тоже опустошено. Мы отправились в далекие земли, за горы и реки с намерением захватить столицу чужого княжества. Чжао даст отпор изнутри, а чжухоу нападут извне, и тогда разгром циньской армии будет неизбежен. [Так действовать] нельзя». Циньский ван отдал личный приказ, но Уань-цзюнь не поехал, [тогда ван] послал Ин-хоу уговорить его, но тот решительно отказался, ссылаясь на болезнь.

Циньский ван послал Ван Хэ сменить Ван Лина. В восьмой и девятой лунах циньцы окружили Ханьдань, но взять не смогли.

Чуский ван послал Чуньшэнь-цзюня и княжича Вэя ²⁵ во главе многих десятков тысяч солдат напасть на армию Цинь, ослабленную большими потерями. Уань-цзюнь сказал: «Циньский ван не прислушался к моим советам, и теперь жди беды». Циньский ван узнал об этом, разгневался и приказал [Бай] Ци Уань-цзюню идти в поход, но Уань-цзюнь заявил, что болезнь его усилилась. Ин-хоу тоже просил его, но Уань-цзюнь не отправился в путь. Тогда ван снял Уань-цзюня с поста, сделав нижним чином, и приказал отправиться в Иньми ²⁶. Но Уань-цзюнь был настолько болен, что не смог [туда] поехать.

Прошло три месяца. Чжухоу перешли в решительное наступление на циньскую армию, циньцы терпели поражения и отступали. Гонцы [с вестями об этом] прибывали каждый день. Циньский ван послал людей выгнать Бай Ци из Сяньяна. Тогда Уань-цзюнь отправился в путь. Выйдя из западных ворот Сяньяна, он прошел десять ли и достиг Дую. Циньский Чжао-ван, обсуждая его дело вместе с Ин-хоу и сановниками, сказал: «Хотя мы и выслали Бай Ци, но ум его еще остер и непокорен, он много еще может наговорить». Тогда циньский ван послал человека поднести Бай Ци меч, чтобы тот покончил с собой. Уань-цзюнь принял меч и, готовясь к смерти, сказал: «Чем я провинился перед Небом, что дошел до такого?» А через некоторое время добавил: «Я, конечно, должен умереть. После боев под Чанпином я обманул несколько сотен тысяч сдавшихся нам воинов Чжао и закопал [их] живьем в землю. Этого достаточно, чтобы заслужить смерть». И покончил с собою. Смерть Уань-цзюня наступила в одиннадцатой луне на 50-м году [правления] циньского Чжао-вана (257 г.). Он умер без-

винно²⁷. Циньцы сожалели о нем, в городах и селениях приносили ему жертвы.

Ван Цзянь был уроженцем волости Дунсян близ Пиньяна. С юных лет он питал пристрастие к военному делу; служил Цинь Ши-хуану. На 11-м году [правления] Ши-хуана (236 г.) Цзянь во главе войск атаковал чжаоский Яньюй²⁸, разбил чжаосцев и занял десять городов. На 18-м году (229 г.) [Ван] Цзянь возглавил войска в нападении на Чжао. Через год с небольшим [он] захватил все земли Чжао, чжаоский *ван* капитулировал, из его земель образовали область.

На следующий год (227 г.) из Янь послали Цзин Кэ совершить злодейство против Цинь²⁹. Циньский правитель направил Ван Цзяня напасть на Янь. Яньский *ван* Си бежал в Ляодун. [Тогда] Цзянь занял яньский Цзи³⁰ и вернулся. Цинь послало Ван Бэня, сына Цзяня, атаковать Цзин³¹, войска которого потерпели поражение. На обратном пути [циньские войска] напали на Вэй. Вэйский *ван* сдался, после чего вэйские земли были захвачены (225 г.).

Таким образом, Цинь Ши-хуан уничтожил три цзиньских княжества, прогнал яньского *вана* и много раз громил чуские войска.

Был в Цинь военачальник Ли Синь, с юных лет известный своей отвагой. Во главе отряда в несколько тысяч человек он заставил отступить войска яньского наследника Дая, загнав их в воды реки Яньшуй³². Войска Дая были разбиты, он сам попал в плен, поэтому Ши-хуан считал Ли Синя умелым и храбрым. Как-то Ши-хуан спросил его: «Я хочу захватить земли Цзин (Чу). Сколько солдат будет достаточно нашим военачальникам для этого?» Ли Синь ответил: «Не более 200 тысяч». Ши-хуан спросил [об этом же] Ван Цзяня. Ван Цзянь ответил: «Не имея 600 тысяч воинов, нельзя наступать». Цинь Ши-хуан сказал: «Военачальник Ван Цзянь состарился, стал трусливым. А вот военачальник Ли действительно сильный и мужественный. Его совет правилен!» И тут же послал Ли Синя и Мэн Тяня³³ во главе 200-тысячного войска на юге ударить по Цзин. Ван Цзянь, совет которого не был использован, сославшись на болезнь, сразу же ушел со своего поста и вернулся доживать свой век в Пиньян. Ли Синь атаковал Пиньюй, Мэн Тянь напал на Цинь³⁴. [Циньцы] нанесли сильное поражение войскам Цзин. Синь ударил по Янь и Ин и снова разбил цзинцев³⁵. После этого Ли Синь повел войска на запад (восток) и там соединился с армией Мэн Тяня под Чэнфу³⁶, но цзинцы шли за ним по пятам, бои не прекращались три дня и три ночи. В результате цзинцы нанесли сильное поражение армии Ли

Синя, они прорвали двойную линию его укреплений, убили семь *дуззев*, циньская армия бежала (226 г.)³⁷.

Ши-хуан, узнав об этом, страшно разгневался и лично приехал в Пиньян увидеться с Ван Цзянем и, извиняясь, сказал ему: «Я не принял вашего, военачальник, плана, и в результате Ли Синь опозорил циньскую армию. Ныне я узнал, что цзинские войска непрерывно продвигаются на запад. Хотя вы и больны, неужели сможете оставить меня [в такой момент!]?» Ван Цзянь, [также] извиняясь, сказал: «Я, старый ваш слуга, измучен болезнью, в голове у меня путаница. Я хотел бы, чтобы *ван* выбрал другого мудрого военачальника». Ши-хуан столь же деликатно проговорил: «Будет вам, командующий, не надо больше так говорить!» Ван Цзянь продолжал: «Вы, Великий *ван*, не сможете использовать меня до тех пор, пока не предоставите мне 600 тысяч солдат». Ши-хуан ответил: «Я последую вашему расчету, командующий». После этого Ван Цзянь возглавил армию численностью в 600 тысяч воинов. Ши-хуан лично проводил войска до Башана³⁸. Перед тем как тронуться в поход, Ван Цзянь попросил [пожаловать] ему побольше хорошей земли, дом, сад и пруд. Ши-хуан на это заметил: «Вы, командующий, отправляетесь в поход, должна ли вас тревожить ваша бедность?» Ван Цзянь ответил: «Будучи военачальником Великого *вана* и имея заслуги, я так и не был пожалован званием *хоу*. Вот почему, пользуясь тем, что вы, Великий *ван*, находитесь близ меня, я хочу попросить у вас усадьбу с садом и прудом, чтобы оставить [ее] моим внукам». Ши-хуан громко рассмеялся. Когда Ван Цзянь достиг застав, он снова и снова посылал гонцов с той же просьбой пожаловать ему плодородные земли, и так он делал пять раз. Ему говорили: «Ваши просьбы о пожалованиях, командующий, чрезмерны». Ван Цзянь отвечал: «Это не так. Ведь циньский правитель груб и высокомерен, он не доверяет людям. Ныне, когда мобилизовали всех воинов в циньском государстве и поручили мне их вести, я прошу немного земли и усадьбу, чтобы быть спокойным за жизнь моих внуков; неужели это заставит циньского *вана* понапрасну сомневаться во мне?»

Так Ван Цзянь вместо Ли Синя начал наступление на Цзин. Цзинцы, узнав о том, что Ван Цзянь прибыл с еще большей армией, собрали всех солдат в своем царстве для отпора циньцам. Прибыв в Цзин, Ван Цзянь стал строить укрепления и, не вступая в сражение, оборонял их. Цзинские войска многократно выдвигались со своих позиций, вызывая циньцев на бой, но те так и не выходили.

Ван Цзянь тем временем дал возможность своим воинам отдохнуть и помыться, хорошо попить и поесть, успокаивал их, иногда даже трапезничал с солдатами и командирами. Через какое-то время он послал людей узнать, чем занимаются солдаты в свободное время. Им ответили: «Наши солдаты соревнуются в метании камней и в прыжках через препятствия». Ван Цзянь тогда сказал: «Значит, солдаты и командиры готовы к бою».

Цзинцы много раз вызывали противника на бой, но циньцы не выходили [из-за укреплений]. Тогда цзинцы двинулись на восток. [Ван] Цзянь же поднял войска и стал их преследовать. Его отборные солдаты ударили по ним и нанесли сильное поражение цзинской армии. Он достиг Цинаня ³⁹, убил цзинского командующего Сян Яня, цзинские войска были разбиты и бежали. Воспользовавшись победой, циньцы захватили и покорили города и селения в землях Цзин. Через год с небольшим они взяли в плен цзинского *вана* Фу Чу; в конечном счете из всех цзинских земель были образованы области и уезды. Затем [циньская армия] двинулась на юг и покорила правителей племен *байюэ*, а сын Ван Цзяня – Ван Бэнь вместе с Ли Синем разбил войска [княжеств] Янь и Ци и покорил их земли ⁴⁰.

На 26-м году [правления Ши-хуана] (221 г.) Цинь полностью объединило Поднебесную. Это была в основном заслуга родов Ван и Мэн ⁴¹. Слава [о них] дошла до последующих поколений.

Во время [правления] циньского Эр-ши (209–207 гг.), когда Ван Цзяня и его сына Бэня уже не было в живых, а род Мэн был уничтожен, Чэнь Шэн выступил против дома Цинь ⁴², и правитель Цинь послал Ван Ли, внука Цзяня, напасть на Чжао. Тот с войсками окружил чжаоского *вана* и Чжан Эра в Цзюйлу ⁴³. Кто-то при этом сказал: «Ван Ли – известный циньский военачальник. Ныне он командует сильными войсками Цинь и напал на воссозданное Чжао; это наступление ему обязательно удастся». Один *бинькэ* утверждал: «Это не так. Тот, кто является военачальником в третьем поколении, обязательно будет разбит. Почему это произойдет? Потому что убитых и подвергавшихся наказанию [его предками] было множество, и потомкам это приносит несчастье. А Ван Ли как раз и является военачальником в третьем поколении». Прошло немного времени и Сян Юй пришел на помощь Чжао, ударил по циньской армии и взял в плен Ван Ли, а войска [Ван Ли] сдались *чжухоу* ⁴⁴.

Я, *тайшигун*, скажу так.

Народная поговорка гласит: «И *чи* бывает коротким, и *цунь* – длинным». Хотя Бай Ци рассчитывал все ухищрения противника и

предлагал несметное число замечательных планов, хотя его слава обошла всю Поднебесную и поразила ее, он не смог уберечься от беды со стороны Ин-хоу. Ван Цзянь, являясь циньским военачальником, усмирил шесть княжеств. В то время Цзянь считался опытным военачальником, и Ши-хуан относился к нему как к учителю. Однако и он не смог помочь [правителю] Цинь утвердить добродетель, укрепить ее основы, приходилось и ему угождать и заискивать, но смерть [все же] настигла его. А его внук Ван Ли был взят в плен Сян Юем. Разве это не было предопределено? У всех были свои недостатки.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Мэн-цзы, Сюнь Цин ле чжуань – Жизнеописание Мэн-цзы и Сюнь Цина ¹

[Я], *тайшигун*, скажу так.

Я читал книгу *Мэн-цзы* ². Когда доходил до того места, где лянский (вэйский) Хуэй-ван спрашивал [Мэн-цзы]: «Как добиться выгод для нашего княжества?» ³ – я откладывал книгу и, [с грустью] вздохнув, говорил: «Увы! Выгода – это поистине начало смуты!» Учитель (Конфуций) редко рассуждал о выгоде, всегда противился стремлению к ней. Поэтому говорил: «[Когда] действуют, исходя из выгоды, то множат злобу» ⁴. Этому подвержен любой – и Сын Неба, и простолудин. Разве для них беды от любви к выгоде в чем-либо отличаются?

Мэн Кэ, родом из Цзоу ⁵, был последователем Цзы Сы ⁶. Овладев основами учения, он отправился служить к цискому Сюань-вану, но Сюань-ван не смог найти ему применения. [Тогда Мэн-цзы] отправился в Лян (Большое Вэй). Лянский Хуэй-ван не внял его словам, поскольку счел его поучения слишком отвлеченными и оторванными от реальных дел.

В это время в Цинь применяли [советы] Шан-цзюня, [и] царство стало богатым, а армия – сильной. В Чу и Вэй применялись [советы] У Ци, [и] были одержаны победы, а противник ослаблен. Циские Вэй-ван и Сюань-ван применяли [советы] последователей Сунь-цзы и Тянь Цзи ⁷, и *чжухоу* стали ездить на восток, чтобы лично представиться правителю Ци. В это время в Поднебесной присоединялись [то к союзу] *хэцзун*, [то] – *ляньхэн*, считая наивысшей мудростью войну и захваты. А Мэн Кэ рассказывал о [добродетелях] Тана, Юя и правителей трех династий ⁸. Потому он и не нашел общего языка [с правителями]. И он отошел от дел и начал совместно с Вань Чжаном и другими учениками приводить в порядок *Шицзин* и *Шуцзин*, толковать идеи Конфуция. [Он] составил книгу *Мэн-цзы* в семи главах. А после него были такие, как философ Цзоу [Янь] ⁹.

В княжестве Ци жили три мужа Цзоу: из них старшим был Цзоу Цзи, который игрой на цитре понравился Вэй-вану и был

допущен к делам управления кн. жеством и пожалован титулом Чэн-хоу, получив печать циского сяна. Он был старше Мэн-цзы.

Следующий – Цзоу Янь, который был моложе Мэн-цзы. Цзоу Янь видел, что правители государств все больше роскошествуют и становятся распущенными, не в силах превыше всего поставить добродетель. Ведь если правитель сам следует высоким принципам, то это воздействует и на простой народ. Тогда [Цзоу Янь] глубоко задумался о подъеме и упадке сил *ян* и *инь*, вник в прератности всех перемен, составил главы *Дашэн*, *Чжун ши* и другие, содержащие более 100 тысяч знаков ¹⁰.

Его речи были широкими и неканоническими, он исследовал [что-нибудь] малое, а затем распространял [наблюдения] на крупные явления, доходя до бескрайне далекого. [Цзоу Янь] начинал изложение с настоящего времени и шел в глубь веков вплоть до Хуан-ди, говоря об известных – для ученых – вещах. [Цзоу Янь] в общем и целом связал века в чередовании их расцветов и падений, исходя из этого поместил в книге описание благовещих знамений и недобрых предвестий, принятые правила и установления. Шаг за шагом удаляясь [во времени, он] в конечном счете доходил до самых истоков [жизни], когда Небо и Земля еще не появились и царил глубокий мрак, которому нельзя было найти исток.

Сначала [Цзоу Янь] перечислил знаменитые горы и великие реки Средних княжеств, горные долины и проходы, зверей и птиц, все, что порождали вода и земля, все чудесное и редкостное в мире вещей. Затем, идя вширь, он дошел до заморских земель, которые люди не могли видеть. Он говорил, что с того времени, как Небо и Земля раскрылись и разделились, пять добродетелей – стихийных сил меняются в вечном круговороте, каждое управление [в Поднебесной] имеет свое соответствие, и таким образом все взаимно соотнесено.

Он считал, что [место], называемое конфуцианцами Средними княжествами, занимает лишь 1/81 всей Поднебесной ¹¹. Средние княжества называются [также] *Чисянь шэньчжоу* ¹². В самих Золотых уездах и священных округах насчитывалось девять областей. Это те девять областей, которые учредил Великий Юй, но их не следует принимать за [полное] число областей [на земле]. Так же как существует девять частей в Золотых уездах и священных округах, так и вне Средних княжеств тоже имеются девять областей. И их окружают небольшие моря, так что люди, птицы и дикие животные [каждой из них] не могут общаться друг с другом. Каждая такая [обособленная] область и есть *чжоу*. Все эти девять *чжоу* окружены огромным Морем-океаном, [а за ним] Не-

бо сходится с Землей. Вот какого рода было его учение ¹³.

Однако если обратиться к сути его учения, то непременно утвердишься в человеколюбии, справедливости, нравственном долге и скромности, в осуществлении надлежащих отношений между правителем и подданными, высшими и низшими, между всеми родственниками ¹⁴, хотя [сказанное] вначале как бы не связано со всем этим. Когда *ваны*, *гуны* и крупные сановники, впервые познакомились с учением Цзоу Яня, [они] были поражены и задумались об изменении [своего подхода] к жизни. Но потом они оказались не в состоянии это осуществить.

В связи с этим Цзоу-цзы очень ценили в Ци. Когда [философ] прибыл в Лян, то лянский Хуэй-ван встретил его в окрестностях столицы с соблюдением этикета, установленного для приема гостя хозяином. Когда [он] прибыл в Чжао, то Пиньюань-цзюнь сопровождал его, идя сбоку дорожки, [а на приеме] поправлял его циновку. Когда [он] прибыл в Янь, то яньский Чжао-ван, взяв в руки метелку, расчистил перед ним дорогу и просил дозволения занять место среди его учеников, чтобы принять учение. [Ван] построил для Цзоу Яня дворец Цзешигун и лично ходил к нему туда за наставлениями. Там Цзоу Янь составил [книгу] *Чжу юнь*. И разве можно сопоставить почет, которым пользовался [Цзоу Янь] при дворах *чжухоу*, тот церемониал, который они соблюдали во время его поездок, с лишениями, которые претерпел Чжун-ни (Конфуций) в княжествах Чэнь и Цай, и теми трудностями, с которыми столкнулся Мэн Кэ в Ци и Лян!

Опираясь на человеколюбие и справедливость, [чжоуский] У-ван покарал Чжоу [Синя] и стал править Поднебесной; Бо И умер от голода, но не стал есть чжоуский хлеб. Когда вэйский Лин-гун спросил Конфуция о боевых действиях, Конфуций ушел от ответа ¹⁵. Когда лянский Хуэй-ван вознамерился напасть на Чжао, Мэн Кэ призвал Великого *вана* покинуть Фэнь ¹⁶. [Эти люди] не поддакивали окружающим, чтобы как-нибудь поладить с ними. Разве можно загнать квадратный штырь в круглое отверстие?!

Рассказывают, что И Инь таскал на себе сосуды *дин*, чтобы [затем] побудить [иньского Чэн] Тана стать *ваном*. Байли Си кормил буйволов у [господской] повозки, и [потом] благодаря [ему] циньский Му-гун стал гегемоном ¹⁷. Эти люди сначала налаживали отношения, а уже потом выводили на Великий Путь. Суждения Цзоу Яня были неординарны, и нет ли [в его истории] сходства с [кормлением] буйволов [и переноской] сосудов *дин*?

Начиная с Цзоу Яня и до таких учителей школы *цзися* ¹⁸ в княжестве Ци, как Чуньюй Кунь, Шэнь Дао, Хуань Юань, Цзе-

цзы, Тянь Пянь, Цзоу Ши ¹⁹, все с целью воздействия на правителей писали сочинения, в которых толковались вопросы наведения порядка. Разве о них расскажешь все!

Цисец Чуньюй Кунь обладал обширными познаниями и прекрасной памятью, но в его учении не было цельности. В наставлениях [правителям] он тщился превзойти Янь Ина, но, наблюдая многообразие явлений, старался вникнуть и в [скрытый] смысл происходящего. Как-то один приезжий гость представил Куня лянскому Хуэй-вану. Хуэй-ван дважды удалял приближенных и оставался с ним наедине, но Кунь так ничего и не сказал. Хуэй-ван удивился этому и [позднее] тактично заметил гостю: «Вы говорили, что учитель Чуньюй превосходит [и] Гуань [Чжуна, и] Янь [Ина]. Когда же я его принял, [то] ничего [в результате] не получил. В чем дело? Неужели я недостоин того, чтобы со мной беседовать?» [Пришлый] гость сообщил [об этом разговоре] Куню. Кунь сказал: «Все правильно. Когда я был принят *ваном* в первый раз, все его помыслы были о скачках и охоте; когда потом я был принят еще раз, помыслы *вана* были сосредоточены на музыке, потому я и промолчал». Обо всем этом гость доложил Хуэй-вану. *Ван* сильно удивился и сказал: «О, учитель Чуньюй поистине мудр! Когда он приходил в первый раз, мне [как раз] поднесли прекрасного коня. Я не успел его посмотреть, а пришел учитель. Когда учитель пришел в следующий раз, мне представляли певцов. Я не успел их послушать, как появился учитель. Хотя я и удалил всех [придворных], но сознание мое было отвлечено. [Действительно] было так!» После этого *ван* встретился с Чуньюй Кунем и они беседовали подряд три дня и три ночи, не чувствуя усталости. Хуэй-ван хотел, чтобы Кунь занял пост *цина* или *сяна*, но Кунь поблагодарил и попросил разрешения удалиться. Тогда *ван* подарил ему дорогую повозку и четверку скакунов, связку шелка с ритуальными яшмовыми предметами и 100 слитков золота. До конца своих дней Кунь так и не служил.

Шэнь Дао был чжаосцем, Тянь Пянь, Цзе-цзы были цисцами, Хуань Юань был родом из Чу, все они изучали принципы *Дао* и *дэ* согласно [школе] Хуана и Лао, развили и упорядочили ее основные идеи. Шэнь Дао написал труд в 12 главах, Хуань Юань составил труд из двух частей, Тянь Пянь, Цзе-цзы и другие – все имели свои сочинения.

Цзоу Ши относился к циским представителям рода Цзоу, он часто пользовался идеями Цзоу Яня в своих сочинениях.

Тогдашнему цискему *вану* [все] это нравилось. Он всем, начиная с Чуньюй Куня, дал почетные титулы, построил им в самом

центре столицы роскошные палаты и проявлял к ним глубокое уважение. Так он давал понять чжухоу и путешествующим мужам, что в Ци умеют ценить мудрецов со всей Поднебесной.

Сюнь Цин ²⁰ был родом из княжества Чжао. В возрасте 50 лет он начал проповедовать свои идеи в Ци. Учение Цзоу Яня было отвлеченным и теоретичным; тексты [Цзоу] Ши были совершенны, но [предлагаемое в них] трудно осуществимо; общение с Чуньюй Кунем давало возможность услышать добрые речи. Поэтому цисцы, восхваляя [всех их], говорили: «Рассуждения о Небе – [это Цзоу] Янь, изысканность стиля – [это Цзоу] Ши, бальзам для души – [это] Чуньюй Кунь».

Ученые из группы Тянь Пяня [к тому времени] уже умерли. Во времена цисского Сян-вана самым почитаемым наставником был Сюнь Цин. В это время в Ци [как раз] восполняли недостаток среди высокочтимых дафу, и Сюнь Цин благодаря этому трижды совершал обряд подношения вина [духам предков] ²¹. Затем кто-то из цисцев оклеветал Сюнь Цина, и тот уехал в Чу, где Чуньшэнь-цзюнь ²² назначил его начальником уезда Ланьлин²³. После смерти Чуньшэнь-цзюня Сюнь Цин был уволен в отставку и поселился с семьей в Ланьлине.

Ли Сы ²⁴ был его учеником, а после стал циньским сяном. Сюнь Цин болезненно относился к политике смутного времени, когда непрерывно появлялись правители-смутьяны и гибли государства; [когда] не следовали Великому Пути, но занимались лишь знахарством и молениями, верили в дурные и добрые предзнаменования, [когда] недостойные ученые погрязли в мелочах, а люди, вроде Чжуан Чжоу занимались словоблудием и порчей нравов²⁵. [Сюнь Цин] умел выделить лучшее и [указать на] промахи у конфуцианцев, моистов и даодэ. Он умер ²⁶, оставив труды в несколько десятков тысяч иероглифов. Похоронен в Ланьлине.

В Чжао был также Гунсунь Лун ²⁷, [который] рассуждал о твердости и белизне, об общем и особенном. Остались также суждения Цзюй-цзы ²⁸. В Вэй жил Ли Куй, который учил тому, как использовать все силы земли ²⁹. В Чу жили Ши-цзы и Чан Лу³⁰. В [цисском] Э ³¹, жил Сюй-цзы ³². Книги [философов] от Мэн-цзы до Сюй-цзы сейчас есть у многих, поэтому писать о них не буду.

Что касается Мо ³³, то он был сановником в Сун, превосходно знал, как оборонять города и защищаться от врагов, ратовал за экономию. Некоторые говорят, что [он] жил в одно время с Конфуцием, другие считают, что после него.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Мэнчан-цзюнь ле чжуань – **Жизнеописание Мэнчан-цзюня** ¹

Мэнчан-цзюня звали Вэнь, он был из рода Тянь. Отца Вэня, Цзинго-цзюня, звали Тянь Ин ². Тянь Ин являлся младшим сыном циского Вэй-вана и младшим единокровным братом циского Сюань-вана ³.

Еще во время [правления] Вэй-вана Тянь Ин служил при княжеском дворе и вместе с Чэн-хоу Цзоу Цзи и военачальником Тянь Цзи помогал Хань в нападении на Вэй (353 г.). Чэн-хоу и Тянь Цзи соперничали в борьбе за благосклонность *вана*, и Чэн-хоу оклеветал Тянь Цзи; Тянь Цзи испугался и неожиданно напал на пограничные селения княжества Ци, но успеха не имел и бежал ⁴.

Как раз в это время Вэй-ван умер, а на княжеский престол вступил Сюань-ван. Он знал, что Чэн-хоу оклеветал Тянь Цзи, и вновь призвал Тянь Цзи, поставив его военачальником. На 2-м году [правления] Сюань-вана (341 г.) Тянь Цзи совместно с Сунь Бинем и Тянь Ином напал на Вэй, [они] нанесли поражение вэйцам под Малином, взяли в плен вэйского наследника Шэня и убили вэйского военачальника Пан Цзюаня ⁵. На 7-м году [правления] Сюань-вана (336 г.) Тянь Ин был послан в Хань и Вэй склонить их к союзу с Ци. Тянь Ин вместе с ханьским Чжао-хоу и вэйским Хуэй-ваном встретились с циским Сюань-ваном к югу от Дуньэ ⁶. Заключив между собой союз, они разъехались. На следующий год в Чжэнь [циский правитель] вновь встретился с вэйским (лянским) *ваном*. В том же году лянский Хуэй-ван умер. На 9-м году [правления] циского Сюань-вана (334 г.) Тянь Ин стал *сяном* в Ци. Циский Сюань-ван и вэйский Сян-ван встретились в Сюйчжоу ⁷ и признали друг друга *ванами*. Чуский Вэй-ван, узнав об этом, разгневался на Тянь Ина.

На следующий год чусцы напали и разбили циские войска под Сюйчжоу и послали людей изгнать Тянь Ина [из Ци]. Тогда Тянь Ин отправил Чжан Чоу договориться с чуским Вэй-ваном, и тот вернул [свои войска]. Тянь Ин служил *сяном* в Ци 11 лет. После смерти Сюань-вана у власти встал Минь-ван, который после трех

лет своего правления пожаловал Тянь Ину владение в Се⁸ (321 г.).

А дело было так. Тянь Ин имел более 40 сыновей. Одна из его неглавных наложниц родила сына по имени Вэнь. Он появился на свет 5-го числа 5-й луны. [Узнав об этом], Ин сказал его матери: «Не корми его!» Но она тайком кормила его и сохранила ему жизнь. Когда [Вэнь] вырос, мать повела его вместе с братьями представлять [отцу] Тянь Ину. Тянь Ин, разгневавшись на нее, сказал: «Я же велел тебе избавиться от этого ребенка, а ты осмелилась сохранить ему жизнь. Почему ты так поступила?» Вэнь, поклонившись [отцу], на это сказал: «По какой причине ты, *цзюнь*, не хотела иметь сына, рожденного в 5-й луне?» Тянь Ин ответил: «Ребенок, рожденный в 5-й луне, вырастает ростом с ворота и в дальнейшем приносит вред своим родителям». Вэнь спросил: «Жизнь человека определяется волей Неба или волей семьи?» Тянь Ин промолчал. Вэнь продолжал: «Если она непременно определяется волей Неба, тогда чего же вам, *цзюнь*, беспокоиться? Если же она непременно определяется волей семьи, то можно сделать двери повыше, и кто же дорастет до таких размеров!» Ин сказал: «Ладно, довольно».

Через некоторое время Тянь Вэнь, воспользовавшись моментом, спросил отца: «Сын вашего сына кем вам приходится?» [Тот] ответил: «Это внук». «А внук вашего внука кем вам приходится?» Последовал ответ: «Это будет мой праправнук». Снова последовал вопрос: «А внук праправнука кем вам приходится?» Ответ гласил: «Этого я не могу знать». Тогда Вэнь сказал: «Вы, *цзюнь*, исполняете обязанности циского *сяна* и служите уже третьему *вану*. Княжество Ци не расширило своих земель, зато в вашем доме богатства исчисляются десятками тысяч золотых, но в нем не встретишь ни одного мудреца. Я, Вэнь, слышал, что при военачальнике непременно есть [другие] военачальники, а при советнике непременно есть [другие] советники. Ныне у вас, *цзюнь*, в *хоугуне* топчут ногами узорчатые шелка, а чиновники не получают даже сермяжной одежды⁹; ваши слуги и наложницы в избытке едят мясо, а чиновники не получают в достатке даже мякины. Ныне у вас, *цзюнь*, сверх меры накоплено всевозможных богатств и припасов, а кому вы их оставите, вы и не знаете. В то же время вы забросили дела общества, которые с каждым днем идут все хуже. Меня, Вэня, это не может не поражать».

После таких речей [Тянь] Ин стал относиться к Вэню с почтением. Он поручил ему заняться делами дома, приемом гостей. С каждым днем гостей приезжало все больше, слух о Вэне распространился среди *чжухоу*, и они посылали своих людей к Се-гуну с

просьбой назначить Вэня наследником. Ин согласился. Когда он умер, ему дали посмертный титул Цзинго-цзюнь, а Вэнь, как и ожидалось, занял его место в Се. Это и был Мэнчан-цзюнь.

Мэнчан-цзюнь жил в Се, к нему стремились *бинькэ*, и люди, [бежавшие из других княжеств] из-за каких-то проступков. Все они стекались к Мэнчан-цзюню, который хорошо принимал их, обеспечивал жильем и [условиями для] занятий. Так к нему стеклись мужи со всей Поднебесной. У него кормилось несколько тысяч человек, причем он не различал приезжавших по знатности и богатству – для Вэня все были равны. Принимая их, Мэнчан-цзюнь беседовал с ними, справлялся о родичах и месте жительства, а за ширмой сидел писец, чтобы записывать, о чем господин говорил с гостем, и уточнять, с кем тот в родстве и где живет. Когда же гость уходил, Мэнчан-цзюнь посылал своего человека, чтобы справиться о самочувствии его домашних и одарить их. Однажды Мэнчан-цзюнь, принимая гостя, ужинал с ним. Тут кто-то потушил фонарь. Гость рассердился; он решил, что ему [подали] не такую же еду, как хозяину. Отложив палочки, он собрался уходить. Мэнчан-цзюнь вскочил и, взяв в руки пиалы, показал, что их содержимое одинаково; тогда гость устыдился и перерезал себе горло. Ученые мужи из-за этого стали еще более расположенными к Мэнчан-цзюню. Мэнчан-цзюнь никогда не выделял кого-либо из гостей, он всех приветливо обхаживал, поэтому каждый считал себя близким к нему.

Циньский Чжао-ван, узнав о мудрости Мэнчан-цзюня, сначала отправил Цзингян-цзюня ¹⁰ заложником в княжество Ци (301 г.), чтобы тот встретился с Мэнчан-цзюнем. Мэнчан-цзюнь собрался поехать в Цинь, но никто из живших у него *бинькэ* не одобрил этого, и все убеждали его не ездить. [Однако он их] не слушал. Тогда Су Дай сказал [Мэнчан-цзюню]: «Сегодня утром, прибыв издалека, я услышал, как беседовали друг с другом деревянный идол и глиняный болванчик. Деревянный идол сказал: “Если небо прольется дождем, ты от этого развалишься”. На что глиняный болванчик ответил: “Я рожден из земли, если и разважусь, то вернусь в нее же. Ну, а пойдет дождь, и тебя смоем водой, то еще неизвестно, где ты окажешься”. Цинь же – это страна тигров и волков, а вы, *цзюнь*, собираетесь туда отправиться. Если получится так, что вы не сумеете вернуться обратно, не станете ли вы посмешищем для [этого] глиняного болванчика?» Тогда Мэнчан-цзюнь отказался от этой поездки ¹¹.

На 25-м году правления циского Минь-вана (299 г.) Мэнчан-цзюня в конце концов все-таки послали в Цинь. Циньский Чжао-

ван тут же назначил его своим *сяном*. Некоторые люди говорили Чжао-вану: «Мэнчан-цзюнь, конечно, мудр, но все же он из циньского княжеского рода и, став *сяном* в Цинь, будет прежде всего думать об интересах Ци и только потом — об интересах Цинь, а это представляет опасность для Цинь». В результате циньский Чжао-ван приостановил деятельность Мэнчан-цзюня на посту *сяна* и посадил его в тюрьму, намереваясь казнить¹². Мэнчан-цзюнь послал своего человека к любимой наложнице Чжао-вана с просьбой замолвить за него слово. Наложница сказала: «Я бы хотела получить от этого господина шубу из светлого лисьего меха». В свое время у Мэнчан-цзюня была шуба из меха светлой лисы, которая стоила тысячу золотых; в Поднебесной не было ей равной. Но, прибыв в Цинь, он преподнес ее Чжао-вану, и у него не было другой. Мэнчан-цзюнь был этим очень огорчен, он спросил совета у своих *бинькэ*, но никто не нашел нужного решения. Наконец один человек, сидевший ниже всех, который был способен воровать, как собака, сказал: «Я смогу добыть эту шубу из светлого лисьего меха». И ночью он, как собака, проник в дворцовые хранилища, выкрал подаренную *вану* шубу и вручил ее любимой наложнице циньского *вана*. Наложница замолвила словечко перед Чжао-ваном, и Чжао-ван выпустил из заточения Мэнчан-цзюня.

Выйдя на свободу, Мэнчан-цзюнь решил немедленно бежать. Он подделал пропуск, изменил свое имя и фамилию, чтобы вырваться за пределы застав. В полночь он добрался до заставы Ханьгу. Циньский Чжао-ван через какое-то время пожалел о том, что выпустил Мэнчан-цзюня, и, не застав его на месте, послал людей догнать его. Мэнчан-цзюнь, достигнув заставы, знал, что по правилам прибывших путников пропускают через заставу с первым криком петухов, поэтому он боялся, что циньские преследователи настигнут его здесь. Но среди сопровождавших его людей нашлись такие, которые умели кричать по-петушину, и они тут же прокукарекали, так что все петухи [в округе] в ответ тоже запели, и путникам разрешили выехать. Вскоре циньская погоня тоже достигла заставы, но Мэнчан-цзюнь с сопровождающими уже отбыл оттуда, и преследователям пришлось вернуться.

Ранее, когда Мэнчан-цзюнь включил в число своих *бинькэ* этих двух человек, [умеющих кукарекать и воровать], другие *бинькэ* стыдились этого. Но теперь, когда Мэнчан-цзюнь, находясь в Цинь, попал в трудное положение и выбрался из него при помощи этих двоих, *бинькэ* с этим смирились.

Когда Мэнчан-цзюнь проезжал через Чжао, чжаоский Пинъюань-цзюнь¹³ встретил его с почетом. Чжаосцы, наслышанные о

мудрости Мэнчан-цзюня, выходили на улицы посмотреть на него, а потом со смехом говорили: «Мы раньше полагали, что Се-гун действительно величественный, а он оказался просто недомерком». Мэнчан-цзюнь узнал о таких разговорах, разгневался и, призвав к себе окружавших его *бинькэ* и сопровождающих, порубил несколько сотен человек, а затем уничтожил население целого уезда и уехал.

Циский Минь-ван чувствовал свою вину в том, что отослал Мэнчан-цзюня [в Цинь], и, когда тот вернулся, поставил его *сяном* в Ци, поручив ему управление делами (298 г.).

Мэнчан-цзюнь ненавидел Цинь, поэтому намеревался с помощью Хань и Вэй [сначала] напасть на Чу, а затем совместно с Хань и Вэй напасть на Цинь¹⁴. При этом он собирался заимствовать оружие и провиант у Западного Чжоу.

В это время Су Дай, защищая интересы Западного Чжоу, сказал Мэнчан-цзюню: «Вы, господин, уже девять лет используете циские войска, чтобы с помощью Хань и Вэй нападать на Чу. Вы захватили чуские земли к северу от Юань и Е, что усилило мощь Хань и Вэй. Сейчас вы к тому же собираетесь напасть на Цинь, что тоже в пользу этих двух княжеств. Однако на юге Хань и Вэй не испытывают беспокойства от царства Чу, а на западе у них нет угрозы и от царства Цинь, но для Ци эта ситуация таит опасность. Правители Хань и Вэй непременно станут пренебрегать Ци и бояться Цинь. Я полагаю, что все это очень опасно для вас. Не лучше ли вам не нападать на Цинь, а сделать так, чтобы наше государство (Чжоу) крепче сблизилось с ним, и не использовать оружие и продовольствие чжоусцев. Когда вы достигнете заставы Ханьгу, то не атакуйте ее, и пусть почтительно передадут о ваших намерениях в Цинь и скажут циньскому Чжао-вану так: “Се-гун не станет наносить удар по Цинь во имя усиления Хань и Вэй. Он пошел в поход на Цинь лишь с той целью, чтобы вы, *ван*, повелели чускому *вану* уступить восточные владения княжеству Ци и отпустили чуского Хуай-вана во имя замирения”. Если вы, *цзюнь*, распорядитесь, чтобы наше государство вот так ублажило Цинь, то оно не нападет на вас и восточные области избавятся [от опасений]. Циньский правитель несомненно пожелает принять ваш план, а чуский *ван*, обретя свободу, несомненно будет благодарен правителю Ци. Таким образом, Ци, заполучив [чуские] восточные области, станет еще сильнее, а ваше владение Се из поколения в поколение не будет испытывать беды. Учитывая то, что царство Цинь обладает немалыми силами и расположено к западу от трех цзиньских княжеств, [эти] три княжества обязательно будут пола-

гаться на Ци»¹⁵. Се-цзюнь на это сказал: «Превосходно!» После чего повелел правителям Хань и Вэй поднести подарки правителю Цинь и всем трем княжествам не посылать войска против Цинь, решил не заимствовать оружие и припасы Западного Чжоу. Это было то время, когда чуский Хуай-ван, прибывший в Цинь, был задержан циньским *ваном*. Мэнчан-цзюнь очень хотел выручить его, но циньский *ван* так и не выпустил чуского Хуай-вана.

Когда Мэнчан-цзюнь служил *сяном* в Ци, у него был один служивый по имени Вэй-цзы¹⁶, который в его владении занимался сбором податей. Он трижды ездил за ними, но так ничего и не привез. Мэнчан-цзюнь спросил: «В чем причина?» Вэй-цзы ответил: «[Там] был один достойный человек, и я позволил себе от вашего имени отдавать ему [собранное], поэтому ничего не привез». Мэнчан-цзюнь разгневался и прогнал Вэй-цзы. Прошло несколько лет. Один человек оклеветал Мэнчан-цзюня перед циским Минь-ваном, утверждая: «Мэнчан-цзюнь собирается поднять мятеж». Когда же Тянь Цзя выступил против Минь-вана¹⁷, то Минь-ван заподозрил, что к этому причастен и Мэнчан-цзюнь. Тогда Мэнчан-цзюнь бежал. Об этом событии узнал тот достойный человек, которому Вэй-цзы в свое время отдал собранное в счет податей зерно. Он написал *вану* о том, что Мэнчан-цзюнь совсем не собирался бунтовать. Он взялся доказать справедливость своих слов, принеся себя в жертву, и покончил с собой у дворцовых ворот, чтобы доказать верность Мэнчан-цзюня. Минь-ван был поражен этим поступком и повелел произвести проверку выдвинутых обвинений. Оказалось, что у Мэнчан-цзюня действительно не было никаких мятежных замыслов. Тогда его вновь призвали на службу, но Мэнчан-цзюнь, ссылаясь на болезнь, отказался и пожелал вернуться доживать свой век в Се. Минь-ван разрешил ему это.

После этого циским *сяном* стал бежавший из Цинь военачальник Люй Ли¹⁸. Он стремился противодействовать Су Даю. Су Дай сказал Мэнчан-цзюню: «Чжоу Цзуй¹⁹ был до конца предан Ци, однако циский *ван* прогнал его и, приблизив к себе Цинь Фо, стал прислушиваться к его мнению. Он поставил своим *сяном* Люй Ли, намереваясь завоевать [доверие] Цинь. А если Ци и Цинь заключат союз, то и Цинь Фо и Люй Ли приобретут еще больший вес. А коль скоро *ван* станет опираться на них, то и в Ци, и в Цинь вами непременно станут пренебрегать. Вам, господин, лучше срочно выступить с войсками на север и побудить чжаоского правителя объединиться с Цинь и Вэй, вернуть на место Чжоу Цзую, продуманным поведением вернуть себе доверие циского *вана*²⁰ и тем самым приостановить изменение [к худшему]

положения в Поднебесной. Если Ци не вступит в союз с Цинь, то Поднебесная сплотится вокруг Ци; Цинь Фо придется уйти, и тогда цискому *вану* останется управлять делами княжества только с вами». Мэнчан-цзюнь последовал этому плану. Люй Ли его возненавидел и стал ему вредить.

Мэнчан-цзюнь испугался этого и отправил послание циньскому *сяну* Жан-хоу Вэй Жаню, в котором писал: «Я слышал, что правитель Цинь намерен через Люй Ли прибрать к рукам Ци, однако Ци – это [одно из] могущественных государств в Поднебесной, [и в случае проведения этого плана] вы несомненно потеряете часть своего престижа. Если же Ци и Цинь совместно нарушат границы и захватят три цзиньских княжества, то Люй Ли наверняка сможет одновременно стать *сяном* и в Ци, и в Цинь, и тогда с помощью Ци его положение еще больше укрепитя. Если же Ци избегнет столкновения с войсками князей Поднебесной, тогда неприязнь к вам [Люй Ли] станет еще глубже. Вам лучше бы убедить циньского *вана* напасть на Ци, и тогда, в случае поражения правителя Ци ²¹, я попрошу [*вана*] пожаловать вам захваченные земли. Но если циские войска будут разбиты, циньский правитель, опасаящийся мощи трех цзиньских княжеств, обязательно высоко оценит вашу роль в их покорении. [В то же время, если] циньские княжества уступят Ци и испугаются могучего Цинь, то они несомненно оценят вашу роль в отпоре Цинь. Таким образом, вам будет принадлежать заслуга в случае разгрома Ци, и вы же будете высоко цениться как человек, сдержавший циньские княжества. Кроме того, в результате разгрома Ци ²² вы увеличите свои владения и правители Цинь и циньских княжеств будут высоко ценить вас. Но если Ци не будет разбито, то тогда к услугам Люй Ли вновь прибегнут, и вам придется очень худо» ²³. Получив это письмо, Жан-хоу уговорил циньского Чжао-вана напасть на Ци, и Люй Ли бежал.

Затем циский Минь-ван уничтожил княжество Сун, еще больше возгордился и задумал прогнать Мэнчан-цзюня. Мэнчан-цзюнь испугался и сразу же отправился в Вэй. Вэйский Чжао-ван поставил его своим *сяном* ²⁴, [после чего вэйцы], вступив на западе в союз с Цинь, [а также с] Чжао и Янь, совместно напали на Ци и разбили его войска (284 г.). Циский Минь-ван бежал и укрылся в Цзюй ²⁵, где впоследствии и умер. У власти встал циский Сян-ван, но Мэнчан-цзюнь занимал место на равных с *чжухоу* и никому непосредственно не подчинялся. Циский Сян-ван, только недавно придя к власти, опасаясь Мэнчан-цзюня, вступил в союз с ним, и вновь приблизил Се-гуна к себе. Когда же Вэнь умер, он получил

посмертный титул Мэнчан-цзюнь²⁶. Между его сыновьями началась борьба за наследство, но правители Ци и Вэй совместными усилиями уничтожили владение Се. Таким образом, род Мэнчан-цзюня прервался, и у него не оказалось потомков.

Много ранее некий Фэн Хуань, услышав о том, что Мэнчан-цзюнь хорошо привечает приходящих к нему гостей, пустился в дальний путь, чтобы повидаться с ним. Мэнчан-цзюнь спросил его: «В чем же вы, почтенный, придя издалека и удостоив меня своим посещением, хотите меня, Вэня, наставлять?» Фэн Хуань ответил: «Я слышал, что вы, господин, хорошо относитесь к [приезжим] мужам. Будучи в стесненном положении, я и решил обратиться к вам». Мэнчан-цзюнь устроил гостя на свой постоянный двор на 10 дней. Потом спросил смотрителя двора, как ведет себя новый постоялец. В ответ услышал: «Господин Фэн очень беден, у него всего имущества – один меч, висящий на перевязи из камышовой веревки. Он все время постукивает пальцами по мечу и поет: “О, мой длинный меч, возвращайся домой, даже рыбой меня не кормят”». Тогда Мэнчан-цзюнь перевел гостя в более достойное помещение, и на стол ему стали подавать рыбу. Через пять дней цзюнь опять спросил смотрителя постоялого двора, и тот ответил: «Гость продолжает постукивать по своему мечу и поет: “О, мой длинный меч, возвращайся домой! У меня нет повозки для выезда”». Мэнчан-цзюнь переселил его в более представительное помещение и предоставил ему повозку. Прошло еще пять дней, и Мэнчан-цзюнь вновь спросил смотрителя о поведении гостя, и тот ответил: «Приезжий господин, как и раньше, постукивая по мечу, поет: “О, мой длинный меч, возвращайся домой, ведь здесь я всем чужой!”». Мэнчан-цзюнь был этим недоволен.

Прошел целый год, а Фэн Хуань ни о чем не говорил. В это время Мэнчан-цзюнь был *сяном* в Ци. Ему было пожаловано владение Се, где имелось 10 тысяч дворов, и у него кормилось 3 тысячи гостей. Жителям его селений было трудно содержать этих гостей, поэтому Мэнчан-цзюнь послал людей дать жителям Се взаймы денег. В конце года ничего не было возвращено. Тем, кто взял деньги, в большинстве своем нечем было даже выплатить проценты. [Бинь]кэ тоже не на что было содержать. Мэнчан-цзюнь был обеспокоен этим и спросил свое окружение: «Кого можно послать, чтобы собрать долги?» Смотритель гостевых покоев сказал: «Гость по имени Фэн, живущий в нашем лучшем помещении, очень представительен и весьма красноречив, он высок ростом, и у него нет других талантов; ему можно поручить собирать долги». Мэнчан-цзюнь призвал Фэн Хуаня и сказал ему: «Мои бинькэ не знают, что я, Вэнь, не

очень толковый; к несчастью, их прибыло ко мне более 3 тысяч, люди моего владения не смогли в достатке снабдить гостей, поэтому я был вынужден дать деньги под проценты жителям Се, но в Се был недород, и они не заплатили проценты. Сейчас у меня сложились трудности с содержанием моих гостей. Поэтому я прошу вас, учитель, собрать долги». Фэн Хуань ответил: «Хорошо», – и выехал на место. Прибыв в Се, он собрал всех должников Мэнчан-цзюня и сумел получить от них долгов и начислений по ним в сумме 100 тысяч монет. Затем он велел сварить много вина, купить жирных коров и созвал всех, бравших в долг деньги. Пришли и те, кто смог выплатить проценты по долгу, и те, кто оказался не в состоянии выплатить долги. Все держали в руках свои долговые обязательства для сверки. Когда все собрались, то сразу же забили скот, поставили на столы вино, началось веселье, стали пировать. Затем Фэн, взяв все обязательства должников, сверил их. Тем, кто смог внести проценты, назначил новый срок выплаты долга, у бедняков же, которые были не в состоянии [даже] внести проценты по долгу, он взял долговые обязательства и сжег, сказав при этом: «Мэнчан-цзюнь одолжил вам деньги, потому что хотел, чтобы те из его людей, кто был неимущ, на эти деньги вели свое хозяйство. Он назначил проценты по долгам, потому что ему не на что было содержать *бинькэ*. Ныне тем, кто достаточно богат, установлен срок возвращения долга, долговые же обязательства бедняков мы сожгли, чтобы освободить их от долгов. Но угощаться прошу всех! Ведь имея такого повелителя, разве найдется человек, который пошел бы против него!» Собравшиеся встали и дважды поклонились.

Мэнчан-цзюнь, узнав о том, что Фэн Хуань сжег часть долговых расписок, разгневался и послал гонцов призвать к себе Фэн Хуаня. Когда Фэн Хуань прибыл, Мэнчан-цзюнь сказал ему: «Я, Вэнь, кормлю 3 тысячи гостей, поэтому и дал займы денег жителям Се. У меня пожалованных селений мало, кроме того, мои люди в большинстве своем не отдают вовремя проценты по долгам, я побоялся, что мне не хватит на прокорм гостей, поэтому и попросил вас, учитель, собрать долги. Я узнал, что вы, учитель, деньги собрали, но тут же немало потратили на скот и вино, к тому же сожгли долговые обязательства. Почему вы так поступили?» Фэн Хуань ответил: «Да, все это так. Но если бы я не приготовил мяса и вина, я не смог бы собрать всех людей и не смог бы узнать, кто имеет излишки средств, а у кого их нет. Тем, у кого средства и избытке, я установил сроки [уплаты долга]. Если за теми, кому не хватает, сохранить их обязательства на 10 лет, то, поскольку за

это время проценты будут расти, люди будут тревожиться и, чтобы избавиться от долгов, [начнут] убежать. И в конечном счете все равно не отдадут свои долги. Поступая так, вы, *цзюнь*, во-первых, в погоне за выгодой проявите нелюбовь к своим людям и, во-вторых, заслужите славу человека, который не может расстаться с мыслью о возмещении долгов и поэтому жесток к своему народу. Да, я сжег бесполезные сейчас долговые расписки, пожертвовав невыполнимыми, пустыми обязательствами, но тем самым я сблизил население Се с вами, *цзюнь*, и придал блеск вашему славному имени; в чем же у вас, *цзюнь*, сомнения?» Тогда Мэнчан-цзюнь, коснувшись его рукой, поблагодарил ²⁷.

[Позднее] цинский *ван*, подозревая правителей Цинь и Чу в [неблаговидных] планах, а также считая, что слава Мэнчан-цзюня выше его, правителя, славы и что он стремится узурпировать власть в Ци, прогнал Мэнчан-цзюня. Все приезжие ученые мужи, видя, что их хозяин Мэнчан-цзюнь отстранен, тоже поспешили уехать. Фэн Хуань сказал: «Я бы хотел позаимствовать у вас повозку для поездки в Цинь с целью устроить так, чтобы вы, мой господин, непременно были по достоинству оценены в своем княжестве и получили более обширное владение. Могу ли я [поехать]?» Мэнчан-цзюнь [велел] погрузить тюк тканей в возок [для подарка циньскому *вану*] и послал его [в Цинь]. Фэн Хуань выехал на запад. Прибыв в Цинь, он сказал циньскому *вану*: «Один из странствующих по Поднебесной ученых мужей по имени Фэн, закрепив постромки своего возка, прибыл на запад, к вам в Цинь, не без желания усилить Цинь за счет ослабления Ци. Когда я, Фэн, закрепив постромки своего возка, отправился на восток, в Ци, это тоже было не без желания усилить Ци за счет ослабления Цинь. Эти государства, как самец и самка: тот, кто не хочет делить власть с другими, – это самец; [именно] самец овладеет Поднебесной». Циньский *ван*, взволнованный, склонился к нему и спросил: «Что нужно сделать, чтобы царство Цинь не было подобно самке?» Фэн Хуань спросил: «Знает ли *ван*, что в Ци дали отставку Мэнчан-цзюню?» Циньский *ван* ответил: «[Я] слышал об этом». Фэн Хуань продолжал: «Мэнчан-цзюнь – человек, который придал Ци вес в Поднебесной. Ныне, когда его очернили и отстранили, на сердце у него негодование. Он наверняка повернется спиной к правителю Ци, а изменив Ци, он вступит [в союз] с Цинь. В результате и положение Ци, и отношения между людьми, и их дела полностью перейдут в руки Цинь, тогда и земли Ци можно будет прибрать к рукам. Вот таким путем вы и станете [могучим, как] самец! Вы, правитель, должны срочно послать

гонца с подарками к Мэнчан-цзюню и тайно пригласить его к себе. Нельзя терять времени – если циский ван одумается и вновь станет пользоваться услугами Мэнчан-цзюня, то невозможно будет предугадать, кто окажется самцом, а кто самкой». Циньский ван обрадовался совету и тут же послал 10 повозок, отправив с ними 100 слитков золота для Мэнчан-цзюня²⁸. А Фэн распрощался и выехал раньше посланцев. Прибыв в Ци, сказал цискому вану: «Я, один из странствующих по Поднебесной ученых мужей по имени Фэн, закрепив постромки своего возка, поехал на восток и прибыл в Ци вовсе не без желания, усилив Ци, ослабить Цинь, [так же как] раньше вовсе не без желания усилить Цинь и ослабить Ци я, закрепив постромки своего возка, уехал на запад и вступил в пределы Цинь. Ведь Цинь и Ци – это пара государств, подобных самцу и самке: если Цинь крепнет, то Ци слабеет, в таком положении не может быть одновременно двух сильных. Ныне я, ваш слуга, узнал, что циньский правитель послал людей и с ними 10 повозок, на которые погружено 100 слитков золота для Мэнчан-цзюня. Если Мэнчан-цзюнь не отправится на запад, то тем дело и кончится, но если отправится и станет *сяном* у циньского вана, то вся Поднебесная потянется [к Цинь]. Цинь окажется в положении самца, а Ци – самки. Если оно окажется в положении самки, то [циские] Линьцзы и Цзимо окажутся в опасности. Почему бы вам, ван, до того, как посланцы Цинь придут на место, не вернуть Мэнчан-цзюня на прежнюю должность и не добавить ему во владение поселений, чтобы как-то отблагодарить его? Мэнчан-цзюнь несомненно обрадуется и примет пожалованное. Царство Цинь, хотя оно и могущественно, не сможет пригласить к себе *сяна* другого владения и поддержать его. Так, нарушив замыслы Цинь, вы покончите с его стремлением стать гегемоном в Поднебесной». Циский ван воскликнул: «Превосходный план!» – и послал своих людей к границе княжества, чтобы встретить там циньских послов. Когда же циньский караван въехал в пределы циских территорий, циские гонцы тут же рассказали им о том, что циский ван вновь призвал к себе Мэнчан-цзюня и не только вернул ему пост *сяна* и прежнее владение, но еще и добавил тысячу дворов. Циньские посланники, узнав о том, что Мэнчан-цзюнь опять стал циским *сяном*, тут же развернули свои повозки и уехали.

Когда циский ван, [поверив] оговору, снял Мэнчан-цзюня с поста *сяна*, все *бинькэ* уехали. Но когда Мэнчан-цзюня вновь призвали и восстановили в должности²⁹, они стали возвращаться. Встречать их должен был Фэн Хуань. Гости еще не прибыли, а Мэнчан-цзюнь, вздохнув, с грустью сказал: «Я, Вэнь, всегда хорошо

относился к своим гостям, делал так, чтобы они ни в чем не испытывали неудобств. У меня кормилось более 3 тысяч человек. Вы, господин, знаете все это. А как только меня сняли с поста, все мои гости повернулись ко мне спиной и уехали, и никто из них даже не обернулся в мою сторону. Ныне, когда с вашей, учитель, помощью я вернул себе свой пост, с каким лицом, с какими глазами эти гости предстанут предо мной! Когда мы снова увидимся с ними, я непременно плону им в лицо и буду стыдить их».

Фэн Хуань подобрал поводья, слез с повозки и поклонился. Мэнчан-цзюнь тоже вышел из экипажа принять его поклон. Мэнчан-цзюнь спросил Фэна: «Вы, учитель, выражаете извинение от имени гостей?» Фэн Хуань сказал: «Я не выражаю извинение за гостей, я показываю ошибочность ваших слов, *цзюнь*. Ведь среди вещей есть такие, которые надо принимать как они есть, среди дел есть такие, которые обязательно происходят. Вы, *цзюнь*, знаете об этом?» Мэнчан-цзюнь ответил: «Я что-то не понял, о чем вы говорите». Фэн Хуань сказал: «Всякое родившееся существо должно умереть – это неизбежно; богатый и знатный всегда общается со многими мужами, у бедного и презренного мало друзей – такова жизнь. Разве *цзюнь* никогда не наблюдал за тем, как люди идут на рынок? На рассвете, толпясь, они с грузом торопятся войти в ворота, после же заката солнца медленно бредут через рыночные ворота, опустив плечи и ко всему безразличные. Но не потому, что они особо радуются утру и не любят вечер, а потому, что какие-то их надежды не оправдались. То, что вы, *цзюнь*, лишились своего высокого поста и все ваши ученые гости уехали, не причина для того, чтобы ненавидеть этих мужей и закрывать им путь к возвращению. Я хотел бы, чтобы вы, *цзюнь*, обращались со своими *бинькэ* по-прежнему». Мэнчан-цзюнь, дважды поклонившись Фэну, сказал: «Я с уважением последую вашему наставлению. Выслушав ваше, учитель, поучение, как я могу его не принять»³⁰.

Я, *тайшигун*, скажу так.

Проезжая как-то через Се и знакомясь с нравами и обычаями в его поселениях, я заметил, что там много жестоких и дурно воспитанных юношей; этим оно заметно отличалось от Цзоу и Лу. Когда я спросил, с чем это связано, [мне] ответили: «Правитель Мэнчан-цзюнь привлекал независимых и весьма воинственных мужей Поднебесной, и в Се приехало более 60 тысяч семей лихих людей»³¹. Но любовь Мэнчан-цзюня принимать приезжих гостей для собственного удовольствия и радости, о которой передавалось из поколения в поколение, не пустая выдумка.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

*Пинъюань-цзюнь, Юй Цин ле чэуань – Жизнеописание Пинъюань-цзюня и Юй Цина*¹

Пинъюань-цзюня² называли чжаоским Шэном³, он был одним из чжаоских княжичей. Среди них Шэн был самым мудрым, он любил принимать у себя *бинькэ*, число которых в иные времена доходило до нескольких тысяч. Пинъюань-цзюнь служил *сяном* у чжаоских Хуэй Вэнь-вана и Сяо Чэн-вана⁴. Три раза его смещали с поста *сяна* и три раза восстанавливали в этой должности, ему пожаловали владение в Дуньучэне⁵.

Дом семьи Пинъюань-цзюня возвышался над жилищами соседей, среди которых был один хромой человек. Как-то он, ковыляя, отправился за водой, и его увидела красавица с верхнего этажа высокого дома Пинъюаней и громко посмеялась над ним. На следующий день этот человек пришел к воротам Пинъюань-цзюня и обратился к нему с просьбой: «Я слышал, что вы, *цзюнь*, привечаете [ученых] мужей, которые прибывают к вам за тысячи *ли*. Видно, вы умеете ценить [мудрых] мужей и презирать наложниц. Я, к несчастью, страдаю хромотой, и, когда я проходил мимо, [наложница из] вашего *хоугуна* посмеялась надо мной. Я хотел бы получить голову той, которая смеялась надо мной!» Пинъюань-цзюнь, улыбаясь ответил: «Ладно», – и хромой ушел. Пинъюань-цзюнь, смеясь, сказал: «Посмотрите на этого глупца – из-за того, что над ним посмеялись, он требует убить мою красавицу! Ну не слишком ли это?» И так ничего и не сделал.

Прошло более года, и многие из живших на его подворье *бинькэ* поспешно разъехались. Пинъюань-цзюнь, удивленный этим, спросил: «Я, Шэн, в отношениях со своими мужами никогда не нарушал этикет, почему же столь многие из них уехали?» Один из его близких помощников, выступив вперед, сказал: «Дело в том, что вы, *цзюнь*, не казнили насмехавшуюся над хромым [наложницу]. Тем самым вы показали, что цените красоту выше ученых мужей. Поэтому они и уехали». Тогда Пинъюань-цзюнь казнил красавицу, которая смеялась над хромым, и с ее головой лично отправился во двор хромого и попросил извинения у него.

После этого [уехавшие] *бинькэ* мало-помалу вернулись в его подворье. В то время в Ци был Мэнчан-цзюнь, в Вэй – Синьлин-цзюнь, в Чу – Чуньшэнь-цзюнь. Они состязались друг с другом в привлечении к себе *бинькэ* ⁶.

[Тем временем] циньские войска окружили Ханьдань (257 г.). Чжаоский правитель поручил Пинъюань-цзюню искать помощи, повелев ему вступить в союз с царством Чу. [Пинъюань-цзюнь] стал подбирать себе 20 сопровождающих из тех живших при нем *бинькэ*, которые обладали бы отвагой и к тому же были грамотны и подготовлены в военном отношении. Пинъюань-цзюнь говорил: «Если мне удастся добиться удачи, используя мирные способы, это будет превосходно. Но мирными путями мы можем и не добиться наших целей. Вот почему под сводами дворца мы оросим наши губы кровью жертвенных животных в знак клятвы верности своему долгу и тому, что вернемся, лишь выполнив задуманное. Мужей я буду искать не на стороне, а выберу среди обитающих у меня *бинькэ*».

Он нашел лишь 19 спутников, не сумев набрать нужных ему 20 человек. И тут вышел вперед один из живущих у него по имени Мао Суй и, рекомендуя себя Пинъюань-цзюню, сказал: «Я, Суй, слышал, что вы, *цзюнь*, собираетесь заключить союз с царством Чу и набираете 20 человек из числа своих гостей, причем не желаете искать людей на стороне. Сейчас вам недостает одного человека, и я просил бы вас, *цзюнь*, включить меня, Суя, в число выбранных». Пинъюань-цзюнь спросил: «Сколько лет вы пребываете на моем подворье?» Мао Суй ответил: «Я здесь уже три года». Пинъюань-цзюнь продолжал: «Пребывание в обществе талантливого мужа нельзя не обнаружить, как нельзя утаить шила в мешке. К сегодняшнему дню вы, учитель, находитесь в моем дворце уже три года, а окружающие еще не указали мне на вас, не прославили, и я, Шэн, о вас еще ничего не слышал. Очевидно, у вас нет никаких способностей, и вы останетесь». [Тогда] Мао Суй сказал: «Я для того и прошу включить меня в число сопровождающих вас, чтобы я, Суй, наконец-то смог проявить себя, как то шило в мешке, которое обязательно вылезет. Иначе я так и не дождусь случая показать себя». В конце концов Пинъюань-цзюнь включил Мао Суя в число сопровождающих; остальные 19 человек пересмеивались между собой, но возражать не посмели. Так Мао Суй вместе со всеми отправился в Чу.

По прибытии в Чу он беседовал с остальными 19 сопровождающими, и они все стали уважать его. Пинъюань-цзюнь с чужим *ваном* ⁷ стали обсуждать вопрос о союзе, судить о его досто-

инствах и опасностях; переговоры начали с восходом солнца, но к середине дня к согласию не пришли. Тогда 19 сопровождающих Пинъюань-цзюня сказали Мао Сую: «Вы, учитель, ступайте туда». Мао Суй, держась за меч, поднялся по ступеням наверх и сказал Пинъюань-цзюню: «О выгодах и опасностях нашего союза вы поговорили и могли решить этот вопрос. Сегодня с начала дня вы обсуждали это, но к середине дня так и не приняли решение. В чем же дело?» Чуский *ван*, обратившись к Пинъюань-цзюню, спросил: «Что это за непрошенный гость?» Пинъюань-цзюнь ответил: «Это человек с моего подворья». Разгневанный чуский *ван* воскликнул: «Что это значит?! Как ты посмел появиться здесь во время моих переговоров с твоим правителем!» Мао Суй, держась за меч, вышел вперед и сказал: «Вы, *ван*, кричите на меня, потому что думаете, что за вами могущество царства Чу. Но в данный момент на расстоянии 10 шагов [от меня] вам, *ван*, не удастся воспользоваться мощью Чу, жизнь ваша находится ⁸ в моих, Мао Суй, руках. Мой правитель сидит прямо перед вами, чего же вы кричите? Кроме того, я слышал, что иньский Чэн Тан, владея землями [лишь] в 70 *ли*, управлял Поднебесной; чжоуский Вэнь-ван, обладая землями в 100 *ли*, подчинил себе всех *чжухоу*. Разве они совершили это благодаря обилию земель и войск? Они смогли добиться своего могущества, опираясь на свое влияние. Ныне земли царства Чу составляют квадрат со стороны пять тысяч *ли*, воинов с трезубцами и копьями сотни тысяч, и все это – достояние *вана*-гегемона. Если использовать эти силы Чу, то Поднебесная не сможет им противостоять. Однако даже столь незначительный военачальник, как Бай Ци, возглавив несколько десятков тысяч воинов, вступил в борьбу с Чу, и в одном бою захватил Янь и Ин, а в другом бою сжег Илин ⁹. В ходе трех сражений он опозорил ваших, *ван*, предков. Это позор на сотни поколений, этого стыдятся и в Чжао, но вы, *ван*, не находите повода для негодования и стыда. Союз наших княжеств *ляньхэн* ¹⁰ нужен больше Чу, чем Чжао. Мой правитель перед вами, почему же вы бранитесь?» Чуский *ван* на это сказал: «Ну хорошо, хорошо, мы будем действовать, как вы, учитель, говорите. Мы почтительно совершим обряд поклонения у алтарей духов Земли и злаков и пойдем на союз с Чжао – *хэцзун*». Мао Суй спросил: «Союз уже заключен?» Чуский *ван* ответил: «Уже заключен». [Тогда] Мао Суй сказал окружающим *вана*: «Принесите сюда кровь [жертвенных животных –] петуха, собаки и лошади ¹¹ [для принесения клятвы]». Затем Мао Суй внес медное блюдо ¹² и на коленях поднес его чускому *вану* со словами: «*Вану* следует первым помазать кровью жертвы свои губы,

чтобы [клятвенно] подтвердить наш союз, за вами это сделает наш правитель, а затем это сделаю я, Суй». Так Мао Сую [удалось] скрепить договоренность клятвой в верхнем зале дворца, после чего он, неся в левой руке чашу с жертвенной кровью, правой рукой призвал 19 сопровождающих посланца и сказал [им]: «Вы все тоже помажьте уголки губ жертвенной кровью у входа в зал, [хотя] проку от вас было мало – что называется, сделали дело чужими руками».

Пинъюань-цзюнь, утвердив союз с Чу, вернулся в Чжао и заявил: «Я, Шэн, не смею больше оставаться наставником ученых мужей. Было у меня таких мужей не менее ста, а доходило их число и до тысячи, и думал я, что в отношении этих ученых мужей, [прибывших] со всей Поднебесной, я не допускал ошибочных действий. Однако сейчас я ошибся в оценке учителя Мао. Стоило учителю Мао прибыть в Чу, как он сделал Чжао весомее девяти треножников и большого колокола¹³. Учитель Мао своим языком длиною в три цуня оказался сильнее войск численностью 100 раз по 10 тысяч человек. Поэтому я, Шэн, больше не осмеливаюсь управлять учеными мужами». После этого Мао Суй был поставлен старшим над приезжими [учеными] мужами.

После возвращения Пинъюань-цзюня в Чжао чуский ван отправил Чуньшэнь-цзюня с войсками на помощь Чжао, а вэйский Синьлин-цзюнь, набрав солдат в цзиньских деревнях¹⁴, выступил туда же. Однако выплывшие на помощь отряды еще не прибыли, когда циньская армия быстро окружила Ханьдань (257 г.). Ханьдань оказался в бедственном положении и вот-вот должен был капитулировать.

Пинъюань-цзюнь был очень обеспокоен этим. Хозяин одного постоянного двора в Ханьдане послал своего сына Ли Туна¹⁵ поговорить с Пинъюань-цзюнем. Посланный спросил его: «Вы, цзюнь, разве не опасаетесь гибели Чжао?» Пинъюань-цзюнь ответил: «Если Чжао погибнет, то я, Шэн, стану пленником. Как же я могу не тревожиться?!» Ли Тун продолжал: «Жители Ханьданя варят кости [мертвецов], меняются детьми, чтобы употребить их в пищу. Положение, можно сказать, отчаянное, а в вашем хоугуне сотни женщин; ваши наложницы одеваются в шелка, питаются отменным зерном, прекрасным мясом. А народу одеться не во что, он готов есть даже мякину, люди дошли до крайности, вооружение пришло в негодность. Некоторые защитники Ханьданя строят палки, чтобы сделать из них щиты и копья. Между тем в вашем доме по-прежнему в ходу [богатая] утварь, как всегда, звучат колокола и литофоны. Если Цинь уничтожит Чжао, то неу-

жели вы надеетесь все это сохранить? Если же Чжао сохранится, вам, *цзюнь*, не придется жалеть о потерях! Вам бы сейчас повелеть всем вашим *фуцзэнь* и всем тем, кто ниже их, отправиться в отряды и разделить тяготы с солдатами, а все имеющееся в вашем доме раздать для прокормления воинов. Это сразу воодушевит воинов, находящихся сейчас в столь опасном и трудном положении». Пинъюань-цзюнь последовал этим советам ¹⁶ и таким путем получил 3 тысячи людей, готовых стоять насмерть. Ли Тун вместе с этими солдатами напал на циньскую армию. В результате циньцы отступили на 30 *ли*. Как раз в это время и прибыла помощь от правителей Чу и Вэй. Циньские войска прекратили военные действия, и Ханьдань вернулся к нормальной жизни. Ли Тун погиб в бою, а его отца пожаловали титул Ли-хоу ¹⁷.

На основании того, что Сильлин-цзюнь спас Ханьдань, Юй Цин собирался просить *вана* о [дополнительных] пожалованиях для Пинъюань-цзюня. Гунсунь Лун ¹⁸, узнав об этом, ночью отправился на повозке к Пинъюань-цзюню и спросил его: «Я, Лун, узнал, что Юй Цин из-за того, что Сильлин-цзюнь спас Ханьдань, собирается просить у *вана* новые пожалования для вас, *цзюнь*. Так ли это?» Пинъюань-цзюнь ответил: «Да, это так». Лун продолжал: «Это никуда не годится. *Ван* выдвинул вас и поставил *сяном* в Чжао не потому, что в Чжао не было мудрых и способных людей. Вам пожаловали Дуньчэн не потому, что у вас были заслуги, а у других людей в государстве их не было, а потому, что вы близкий родственник *вана*. Вы, *цзюнь*, приняли печать *сяна*, промолчав об отсутствии необходимых способностей; приняли отведенное [вам] владение ¹⁹, не сказав об отсутствии у вас заслуг, поскольку считали, что это полагается вам как родственнику. Ныне, когда Сильлин-цзюнь спас Ханьдань, вам, родственнику *вана*, уже получившему во владение город, в момент, когда люди в княжестве обсуждают заслуги каждого, просить о пожалованиях совершенно недопустимо. К тому же Юй Цин играет наверняка — если его миссия завершится успехом, он будет рассчитывать на вознаграждение, а если неудачей, то он, не сделав ничего, будет считаться вашим благодетелем. Вам, *цзюнь*, ни в коем случае нельзя слушать [этого человека]». После этого Пинъюань-цзюнь отказался от предложения Юй Цина.

Пинъюань-цзюнь умер на 15-м году [правления] чжаоского Сяо Чэн-вана (251 г.). Ему наследовали его потомки, но когда Чжао погибло, с ним вместе окончил свое существование и род Пинъюань-цзюня.

Пинъюань-цзюнь очень хорошо относился к Гунсунь Луну.

Гунсунь Лун был искусен в спорах о твердом и белом ²⁰, но когда Цзоу Янь, проезжая через Чжао, заговорил о Дао, он затмил Гунсунь Луна.

Юй Цин принадлежал к числу странствующих советников. Надев соломенные сандалии и взяв зонтик, он отправился беседовать с чжаоским Сяо Чэн-ваном. После первой же встречи ему было пожаловано 100 кусков золота, пара белых яшм. После второй встречи с ваном его назначили *шанцином* Чжао, и поэтому его называли Юй Циню.

Армии Цинь и Чжао сражались под Чанпином ²¹. Войска Чжао успеха не имели, потеряли [в бою] одного *дುವэя*. Чжаоский *ван* призвал к себе Лоу Чана и Юй Цина и сказал: «[Наши] войска в боях успеха не имели; кроме того, потеряли одного военачальника. Я полагаю, что нужно послать пополнение войскам, чтобы они прогнали противника. Как вы думаете, это правильно?» Лоу Чан сказал: «Это бесполезно. Лучше послать важное лицо, чтобы провести переговоры о мире». Юй Цин сказал: «Чан толкует о мирных переговорах, считая, что если их не вести, наша армия непременно будет разбита. Но решающую роль в заключении мира будет играть Цинь. Но если *ван* задумается о намерениях Цинь, то разве не ясно, что оно стремится разгромить чжаоские войска?» Чжаоский *ван* сказал: «Цинь бросает в бой все свои силы, значит, оно намерено разгромить чжаоскую армию». Юй Цин на это сказал: «Вы, *ван*, послушайте меня. Направьте обильные подарки правителям Чу и Вэй, и если [они] примут ваши подарки, [то] непременно примут и ваших послов. А когда чжаоские послы придут в Чу и Вэй, циньский правитель несомненно почувствует опасность появления в Поднебесной союза княжеств *хэцзун* и наверняка испугается этого. А если так произойдет, то можно будет вести переговоры о мире».

Но чжаоский *ван* не прислушался к мнению Юй Цина и сразу отослал Чжэн Чжу [посланником] в Цинь, а Пингьян-цзюня ²² [решил] направить для переговоров о мире. Циньцы приняли посланника. Чжаоский *ван* вызвал Юй Цина и сказал ему: «Я посылаю Пингьян-цзюня, чтобы провести переговоры о мире с Цинь; кроме того, циньцы уже приняли Чжэн Чжу, как ты расцениваешь все это?» Юй Цин на это сказал: «Вам не удастся добиться мира, [а ваши] войска непременно будут разгромлены, и все *чжухоу* Поднебесной будут приветствовать победу Цинь. Чжэн Чжу — знатный человек. Когда он придет в Цинь, циньский *ван* и Инхоу ²³ раструбят об этом по всей Поднебесной как о доказательстве своей силы. А правители Чу и Вэй, увидев, что Чжао добивается мира с Цинь, конечно, не придут на помощь Чжао. А коль ско-

ро Цинь поймет, что Поднебесная не поможет вам, [то] и договор о мире заключить не удастся». Ин-хоу действительно выставил перед Поднебесной приезд Чжэн Чжу как поздравление победителя и так и не пошел на заключение мира. Большое поражение под Чанпином и осада [циньцами] Ханьдэня стали поводом для насмешек Поднебесной [над правителем Чжао].

Когда циньские войска сняли осаду Ханьдэня, чжаоский *ван* лично отправился ко двору [циньского *вана*], [а затем] послал Чжао Хао ²⁴ в Цинь договариваться о мире и ради этого мирного договора предложить Цинь шесть уездов. Юй Цин сказал чжаоскому *вану*: «Наступая на вас, *ван*, циньцы утомились. Не потому ли отступили их войска? Неужели они, имея достаточно сил для продолжения наступления, прекратили его из-за любви к вам, *ван*?» *Ван* ответил: «Когда войска Цинь вели наступление на нас, у них не осталось резервов, они устали и поэтому вернулись обратно». Юй Цин сказал: «Верно, циньских сил не хватило захватить все, что они намеревались. [Они] утомились и вернулись домой, а вы, *ван*, то, что они не смогли захватить, намерены им же подарить. Это значит помогать царству Цинь напасть на нас. В следующем году циньцы опять нападут на вас, *ван*, и в этом случае нам никто не поможет».

Ван передал Чжао Хао суждения Юй Цина. Тогда тот сказал: «Действительно ли Юй Цин в состоянии до конца оценить циньские силы? Действительно ли он знает, почему циньские войска не смогли продвинуться дальше? Если вы не уступите эти крохотные участки земли Цинь, то в будущем году циньцы непременно нападут на Чжао. Не уступив земли, как же вы думаете договориться с циньским *ваном* о мире?» *Ван* ответил: «Если я последую вашему совету уступить свои земли, можете ли вы гарантировать, что в будущем году циньцы не нападут на нас?» Чжао Хао ответил: «Этого я, ваш слуга, не могу на себя взять. Раньше отношения между тремя циньскими княжествами и Цинь были хорошими. Сейчас Цинь, установив дружеские отношения с Хань и Вэй, напало на вас, *ван*, и поэтому вы, даже подчинившись циньскому правителю, будете в худшем положении, чем правители Хань и Вэй. Ныне я пытаюсь урегулировать за вас последствия нападения за нарушение дружественных обязательств ²⁵, убеждая циньского *вана* открыть заставы и торговать с Чжао, установить такие же хорошие отношения, как с Хань и Вэй. Но если вы в наступающем году подвергнетесь нападению циньцев, то это потому, что, даже служа Цинь, вы, *ван*, останетесь в худшем положении, чем Хань и Вэй, и за это я не могу отвечать».

Чжаоский ван передал этот разговор Юй Цину. В ответ Юй Цин сказал: «Хао считает, что если не заключить мира с Цинь, то в будущем году циньцы нападут на Чжао, поэтому для заключения с ними мира нужно отдать свои земли Цинь. Но даже если сейчас и будет заключено перемирие с Цинь, Чжао Хао все равно не в состоянии обеспечить, чтобы циньцы не напали на нас. Если сейчас и пожертвовать Цинь шесть уездных городов, то какая от этого будет польза? Когда в будущем году они вновь нападут, то мы снова отдадим им то, что у них не хватает сил захватить, чтобы заключить с ними мир. Это – путь самоуничтожения. Лучше с ними не договариваться о мире. Хотя циньский ван и искусен в нападении, он не сумеет занять эти шесть уездов, а Чжао, хотя и не очень сильно в обороне, их не утратит. [В конце концов] циньцы устанут и уйдут, и военные действия обязательно остановятся. Лучше уж мы, пообещав [другим княжествам] Поднебесной шесть уездов, нападём на прекратившее военные действия Цинь и, потеряв их ради Поднебесной, восполним за счет Цинь. Сейчас положение нашего княжества еще благоприятное, чего же ради попусту отдавать [свои] земли и ослаблять себя, чтобы усиливать Цинь?

Ныне Чжао Хао говорит, что правитель Цинь благоприятствует Хань и Вэй, поэтому вы, и служа Цинь, окажетесь в худшем положении, чем Хань и Вэй. Если вы каждый год будете отделять шесть уездов правителю Цинь, вы из-за безвольности утратите все уездные города. Когда в наступающем году циньцы вновь требуют отторжения земель, что им отдаст ван? Если вы не отдадите земли, то прошлые заслуги будут забыты и вы навлечете на себя новые беды от Цинь. Если же вы отдадите земли, то так ли много территории у вас останется, чтобы было что отдавать? Поговорка гласит: «Сильный нападает еще и еще, слабый не в состоянии защититься». Если, бездействуя, слушаться Цинь, циньские солдаты без потерь получают много земель; этим вы усилите Цинь и ослабите Чжао. Если все более усиливать Цинь, отрезая ему земли у все более слабееющего Чжао, аппетиты Цинь, естественно, не будут иметь предела. Но ваши земли не безграничны, а требования Цинь не имеют предела. Ограниченным числом земель удовлетворять неограниченные требования Цинь – значит обречь Чжао на уничтожение».

Чжаоский ван все никак не мог принять решение.

[В это время] из Цинь приехал Лоу Хуань ²⁶. Чжаоский ван обратился к нему за советом: «Как лучше поступить – отдать или не отдавать Цинь земли?» Хуань, уклоняясь от ответа, сказал: «Этого я не могу знать». Ван вновь спросил: «Все же я хотел бы

знать ваше личное мнение об этом». Тогда Лоу Хуань сказал: «Вы, *ван*, наверняка слышали о матери сановника Фу Вэнь-бо ²⁷. Он служил в княжестве Лу и умер от болезни; после его смерти две из его наложниц прямо в доме покончили с собой, но его мать, узнав о смерти сына, даже не заплакала. Ее служанка спросила: “Почему же так – ваш сын умер, а вы не плачете?” Мать ответила: “Конфуций был мудрым человеком, но когда его изгнали из княжества Лу, этот человек (Фу Вэнь-бо) не последовал за ним. Ныне, когда он умер, из-за него покончили с собой две из его наложниц. Он действительно был недостаточно почтителен к старшим и слишком серьезно относился к женщинам”.

Если говорить о ней как о матери, то она была достойная мать. Если говорить о ней как о женщине, то она была женщиной ревнивой. Здесь одно совпало с другим, но когда речи не соответствуют положению человека, то отношение людей меняется. Сейчас я только что из Цинь и если буду убеждать вас не отдавать циньцам землю, то это будет неправильно; а если скажу: отдайте свои земли, – то *ван*, опасаясь, решит, что я действую в интересах Цинь. Поэтому я и не осмелился ответить вам. Но если бы мне, вашему слуге, поручили наметить план действий для вас, Великий *ван*, то лучше уступить часть земель». *Ван* сказал: «Ну, вот и хорошо!»

Когда Юй Цин узнал об этом, он пришел на аудиенцию к [чжаоскому] *вану* и сказал: «Это все казуистика. Вы ни в коем случае не должны уступать земли». [Когда] Лоу Хуань узнал об этом, он отправился на аудиенцию к *вану*, и тот поведал ему о мнении Юй Цина. Лоу Хуань на это сказал: «Неправильно. Юй Цин видит только одну сторону дела и не видит другую. Ведь если в отношениях между Цинь и Чжао возникнут трудности, то все [чжухоу] в Поднебесной обрадуются. Почему? [Потому что] говорят: “Обижать слабых удобнее, опираясь на сильного”. Сейчас чжаоским войскам приходится трудно [в борьбе] с циньцами, и все в Поднебесной, славящие победителя, полностью на стороне Цинь. Поэтому-то лучше скорее уступить свои земли во имя мира, посеяв тем самым сомнения в сердцах [чжухоу] Поднебесной и успокоив Цинь. Если действовать иначе, то княжества всей Поднебесной, воспользовавшись гневом Цинь и слабостью Чжао, поделят его между собой. А если погибнет Чжао, кто сможет противостоять замыслам циньского правителя? Поэтому я и говорю, что Юй Цин понимает лишь одну сторону дела, но не понимает другой его стороны. Надеюсь, что вы, *ван*, решите вопрос исходя из этого и не надо будет к нему возвращаться».

Юй Цин узнал об этом разговоре и, явившись на аудиенцию к вану, сказал: «О, как опасны советы Лоу Хуаня, действующего в интересах Цинь! Эти действия усилят в Поднебесной сомнения [относительно Чжао], но разве они удовлетворят стремления циньского вана? Я уже не говорю о том, что такие действия обнаружат перед Поднебесной вашу слабость. Кроме того, когда я предлагаю не уступать земель, это не просто совет [ничего] не отдавать. Сейчас, когда циньский ван добивается от вас шести городов, лучше предложить эти шесть городов в дар правителю Ци, который глубоко ненавидит правителя Цинь. Получив ваши шесть городов, он с удвоенными силами нанесет удар на запад против Цинь, а если циский правитель будет с вами, ван, то дело будет решено без всяких переговоров. Таким образом, потеряв земли в пользу Ци, вы сможете компенсировать это за счет Цинь; одновременно может быть улажена вражда между Ци и Чжао, и этим вы продемонстрируете перед Поднебесной свои способности к решительным действиям. Если вы, ван, сделаете такое заявление, вы сможете не посылать свои войска дозором на границы, но я предвижу, что циньские послы с богатыми дарами придут в Чжао с просьбой о мире с вами, ван. А когда циньский правитель запросит мира, то и правители Хань и Вэй, услышав это, наверняка преисполнятся уважения к вам, ван, и поспешат опередить друг друга в присылке вам ценных даров. Таким образом, одним действием вы завоюете симпатии трех государств и измените к лучшему отношения с Цинь». Чжаоский ван сказал: «Превосходно!» – и послал Юй Цина на восток увидеться с циским ваном, чтобы наметить с ним планы действий против Цинь²⁸.

Юй Цин еще не вернулся [из поездки в Ци], как в Чжао прибыли циньские послы. Лоу Хуань, узнав об этом [сразу] бежал. Чжаоский правитель тогда пожаловал Юй Цину еще один город.

Через некоторое время вэйский правитель предложил [заключить] союз хэцзун. Чжаоский Сяо Чэн-ван призвал Юй Цина разработать план действий. [Юй Цин] навестил Пиньюань-цзюня и тот стал говорить: «Хотелось бы, чтобы руководствовались тем, что советует Цинь». Когда Юй Цин явился на аудиенцию к [чжаоскому] вану, тот спросил: «Вэйский правитель предлагает союз, [как быть]?» Юй Цин ответил: «Это ошибка вэйского правителя». Ван сказал: «Я, конечно же, еще не дал согласия». Юй Цин сказал: «Это ваша, ван, ошибка». Ван сказал: «Как же так: вэйский правитель просит о союзе с нами – это ошибка, я еще не даю на это согласия – это тоже ошибка. Если так, значит, союз хэцзун вообще невозможен!» Юй Цин ответил: «Я слышал, что

когда малое княжество служит большому, то в случае удачи вся добыча достается большому, в случае неудачи все беды сваливаются на малое княжество. Сейчас Вэй как княжество малое предлагает принять на свои плечи несчастья, а вы, *ван*, представляющий большое княжество, отказываетесь от добычи; поэтому я и сказал: “Вы, *ван*, ошибаетесь, и вэйский правитель тоже ошибается”. Я считаю, что союз между вами будет благоприятным [для нас]». *Ван* сказал: «Отлично!» – после чего заключил союз *хэцзун* с правителем Вэй.

Позднее Юй Цин из-за дел, связанных с Вэй Ци ²⁹, и несмотря на то, что в его владении было 10 тысяч семей и печати *сяна* и *цина*, вместе с Вэй Ци скрытно бежал, навсегда покинув Чжао и претерпел немало бедствий в Даляне. Когда же Вэй Ци умер, не добившийся исполнения своих намерений и преисполненный разочарования Юй Цин написал книгу, используя летопись *Чунь-цю* и наблюдения над недавним прошлым. [В ней было] восемь глав: *Цзе и* («Умеренность и должное»), *Чэнхао* («Имена и звания»), *Туаньмо* («Предположения»), *Чжэн моу* («О замыслах в политике») и другие, где критически разбирались успехи и поражения в жизни государств. Последующие поколения знали эту книгу под названием *Юй-ши чунь-цю* ³⁰.

Я, *тайшигун*, скажу так.

Пинъюань-цзюнь был прекрасным княжичем, умевшим жить в смутное время, но ему было не по силам видеть существенное. Ведь пословица говорит: «Стремление к выгоде туманит голову». Пинъюань-цзюнь польстился на опасные уговоры Фэн Тина ³¹, что обрекло Чжао на поражение под Чанпином и потерю более 400 тысяч воинов; Ханьдань тогда чуть было не погиб. Юй Цин глубоко продумывал и разбирался в обстановке, намечал планы действий для Чжао. Разве во всем этом он не был искусным! Однако, пожалев Вэй Ци, он оказался в Даляне в тяжелом положении. Будучи выдающимся человеком, он хорошо понимал пределы возможного, разве в этом не проявилась его мудрость?! Но если бы Юй Цин не бедствовал и не тосковал, он не смог бы создать труды, передавшие его имя последующим поколениям.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Вэй-гунцзы ле чжуань – Жизнеописание княжича Вэй¹

Вэй-гунцзы [по имени] У-цзи был младшим сыном вэйского Чжао-вана и младшим единокровным братом вэйского Аль Ливана². Когда скончался Чжао-ван (277 г.), к власти пришел Ань Ли-ван. [Он] пожаловал княжичу Вэю титул Синьлин-цзюнь³. [В это время] Фань Суй покинул Вэй и занял пост *сяна* при циньском правителе⁴. Из-за того, что [правитель Цинь] был недоволен [политикой] Вэй и Ци, циньские войска окружили Далян, разбили одну из вспомогательных вэйских армий под Хуаяном, обратили в бегство военачальника Ман Мао⁵. Вэйский *ван* и княжич были обеспокоены этим.

Княжич Вэй был милосердным человеком и был почителен с нижестоящими, поэтому все служившие ему – талантливые или бездарные – относились к нему с большим уважением. [Он] не кичился своим богатством перед чиновниками, поэтому за тысячи *ли* от него ученые мужи состязались за право отправиться к нему, и у него кормилось до трех тысяч приезжих гостей. *Чжухоу*, наслышанные о мудрости княжича и о множестве гостящих у него ученых мужей, не решались поднимать войска и замышлять что-то против Вэй. Так продолжалось более 10 лет.

[Как-то] княжич играл с вэйским *ваном* в азартную игру⁶. В это время со сторожевых вышек северной границы княжества поступил сигнал тревоги, гласящий: «Появились чжаоские разбойники и вошли в пределы наших земель». Вэйский *ван* бросил игру и намеревался призвать к себе высших сановников, чтобы посоветоваться, но княжич остановил его и сказал: «Чжаоский *ван* просто выехал на охоту в поле, он вовсе не намеревается разбойничать». И игра продолжилась. Но *ваном* овладело беспокойство, его мысли были далеки от игры. Через некоторое время с северной границы вновь поступило донесение: «Чжаоский *ван* просто охотится, он не собирается нападать на нас». Вэйский *ван* был весьма удивлен этим сообщением и спросил: «Откуда вы, *гунцзы*, знали все это?» Вэйский княжич ответил: «Среди моих *бинькэ* есть такие,

кто осведомлен о скрытых намерениях чжаоского вана; о каждом его действии они тут же сообщают мне, поэтому я и знал». После этого вэйский ван стал побаиваться способностей Вэй-гунцзы и не решился поручать ему дела управления княжеством.

Вэй был 70-летний отшельник по имени Хоу Ин. Был он беден и служил привратником у ворот Имэнь в Дальяне. Вэйский княжич, узнав о нем, послал своих людей справиться о его здоровье и хотел его щедро одарить. Однако отшельник не захотел принять [дар] и сказал: «Я совершенствовал свое тело и ограничивал себя в течение нескольких десятилетий; но даже находясь в трудном положении и будучи лишь привратником, я не приму дары княжича». Тогда княжич велел устроить пир, на который собрал всех приезжих гостей. Когда все расселись, княжич отправился на повозке [к воротам Имэнь], место рядом с ним пустовало, и он лично пригласил учителя Хоу. Хоу привел в порядок свою потрепанную одежду и головной убор, забрался в повозку и уселся рядом с княжичем без всяких церемоний, решив посмотреть на его [реакцию]. Но тот, перебирая вожжи, держался еще более почтительно. Хоу сказал княжичу: «У меня есть знакомый, он мясник на рынке; я хотел бы захватить в экипаже к нему». Княжич повернул повозку к рынку. Там учитель Хоу слез с повозки и подошел к своему знакомому по имени Чжу Хай. Поглядывая на гунцзы, он специально задержал экипаж, беседуя со своим приятелем. Но выражение лица Вэй-гунцзы стало еще более приветливым. А в это время в покоях княжича собрались его гости – вэйские военачальники, советники, родичи и *бинькэ*. Все они ждали хозяина, чтобы он [провозгласил] тост и открыл пир.

Когда люди на рынке увидели, что гунцзы сам держит в руках вожжи и правит лошадьми, они в сердцах ругали учителя Хоу. А Хоу, увидев, что выражение лица княжича не менялось, попрощался со своим приятелем и сел в повозку. Когда они приехали к дому гунцзы, тот посадил учителя Хоу на самое почетное место, представив его своим гостям, которые очень удивились всему этому. В разгар пиршества княжич встал и произнес тост за долголетие учителя Хоу. Хоу в ответ на это сказал: «Я, Ин, сегодня очень обласкан княжичем. Я всего-навсего привратник у ворот Имэнь, а гунцзы соблаговолил привезти меня в экипаже, лично представил гостям и усадил на почетное место. Этикет был нарушен, но княжич сделал это намеренно. А ведь я, испытывая княжича, специально задержал его экипаж на рынке, посещая приятеля и наблюдая за княжичем. Но гунцзы был еще более почтителен [со мной]. Люди на рынке считали меня ничтожным человеком, а гунцзы отнесся

ко мне с уважением, как к старшему, показав свое умение обращаться с нижестоящими». На этом пиршество закончилось, а учителя Хоу сделали старшим среди [бинь]кэ. Затем Хоу сказал вэйскому княжичу: «Мясник Чжу Хай, которого я навестил, весьма мудр, но никто не в состоянии это оценить, поэтому он скрывается, занимаясь таким ремеслом». Княжич [потом] не раз обращался к нему [с предложениями], но Чжу Хай ничего на это не отвечал. Гунцзы удивлялся этому.

На 20-м году [правления] вэйского Ань Ли-вана (257 г.) циньский Чжао-ван, нанеся поражение чжаоской армии под Чанпинном, двинул свои войска дальше и окружил Ханьдань. Старшая сестра [Вэй]-гунцзы была женой Пинъюань-цзюня, который являлся младшим братом чжаоского Хуэй Вэнь-вана. [Она] не раз отправляла послания вэйским вану и княжичу с просьбами о помощи со стороны Вэй. Вэйский ван послал военачальника Цзинь Би во главе 100-тысячной армии оказать помощь Чжао. Циньский ван отправил гонцов к вэйскому вану передать следующее: «В скором времени я выступаю против Чжао, и если кто-то из чжухоу осмелится помочь ему, то, захватив земли Чжао, я непременно двину войска против него». Вэйский ван испугался и послал гонца [с приказом] прекратить продвижение армии Цзинь Би и сосредоточить ее в крепости Е⁷. На словах он заявлял о желании помочь Чжао, фактически же не принял чью-либо сторону, выжидая, как сложится обстановка.

Самого высокого ранга посланцы один за другим прибывали в Вэй и, осуждая [вэйского княжича], говорили [от имени Пинъюань-цзюня]: «[Я], чжаоский Шэн, вступил в родственные отношения с вами через брак, ценя в вас, княжич, высокую справедливость и то, что вы способны прийти на помощь в трудную минуту. Ныне, когда Ханьдань в любой момент может капитулировать перед циньцами, помощь от Вэй не прибывает. Разве это свидетельствует о том, что вы можете поспешить на помощь в трудную минуту? Даже если вы ни во что не ставите меня и готовы отдать меня в руки Цинь, неужели вам не жаль вашей старшей сестры?» Княжич переживал все это и несколько раз обращался к вэйскому вану. Он призвал своих бинькэ и искусных в спорах мужей всеми способами убедить вэйского вана, но тот боялся Цинь и так и не прислушался к доводам княжича. Тогда гунцзы понял, что ему в конце концов от вана ничего не добиться. Он решил, что ему нет смысла дальше жить, если Чжао погибнет. И тогда он попросил своих бинькэ приготовить более ста повозок, намереваясь отправиться навстречу циньским войскам, чтобы

погибнуть там вместе с Чжао.

Когда они проезжали ворота Имэнь, то увидели учителя Хоу и рассказали ему, что они идут на смертный бой с циньцами; попрощались с ним и двинулись дальше. Учитель Хоу сказал им: «Вы, княжич, прилагаете все возможные усилия в этом деле, но я стар и не могу вас сопровождать». Когда *зунцзы* прошел со своими людьми несколько *ли* пути, он почувствовал какое-то беспокойство на сердце и сказал: «Все в Поднебесной знают, что я во всем хорошо относился к учителю Хоу, а теперь, когда я иду на смерть, он ни словом, ни полсловом не напутствовал меня. Неужели я в чем-то совершил ошибку?» Он повернул повозки своего отряда назад, а вернувшись, стал спрашивать Хоу Ина. Тот, улыбаясь, сказал: «Я был уверен, что вы вернетесь». И продолжал: «Ваше, княжич, хорошее отношение к служивым [и *бинькэ*] известно всей Поднебесной, но сейчас, столкнувшись с трудностями, вы не нашли другого выхода, как только отправиться навстречу циньской армии, а это все равно, что подбрасывать мясо голодному тигру, – чего же этим можно добиться? Разве это значит правильно использовать *бинькэ*? Однако я знал, что при вашем хорошем ко мне отношении отсутствие моего благословения заставит вас усомниться в своем решении и вернуться». Вэйский княжич дважды поклонился и спросил, как ему [действовать дальше]. Учитель Хоу, отослав окружающих, доверительно сказал У-цзи: «Я, Ин, слышал, что верительная бирка ⁸ военачальника Цзинь Би обычно находится в спальне *вана*, где постоянно бывает его любимая наложница Жу Цзи. [Она свободно] входит и выходит из спальни правителя и при случае может выкрасть ее. Я, Ин, слышал, что отец Жу Цзи был кем-то убит, и она в течение трех лет вынашивала план мести виновнику; кто бы это ни был – от *вана* и ниже, – она хотела отомстить этому человеку, но не смогла осуществить свое намерение. Когда же Жу Цзи, плача, поведала вам о своем горе, вы послали одного из своих гостей казнить этого злодея, и его голову поднесли Жу Цзи. После этого она готова без колебаний пойти на смерть за вас, но ей не представлялось подходящего случая. Стоит вам, княжич, только открыть рот, чтобы попросить Жу Цзи [об услуге], она несомненно согласится исполнить ее. Так вы, заполучив бирку военачальника с изображением тигра, захватите управление войсками Цзинь Би. Тогда на севере вы придете на помощь войскам Чжао, а на западе отбросите войска Цинь. Это будет поход в духе пяти гегемонов ⁹». Вэйский княжич последовал его советам и обратился с просьбой к Жу Цзи. Жу Цзи выкрала [ванскую половину] верительной бирки

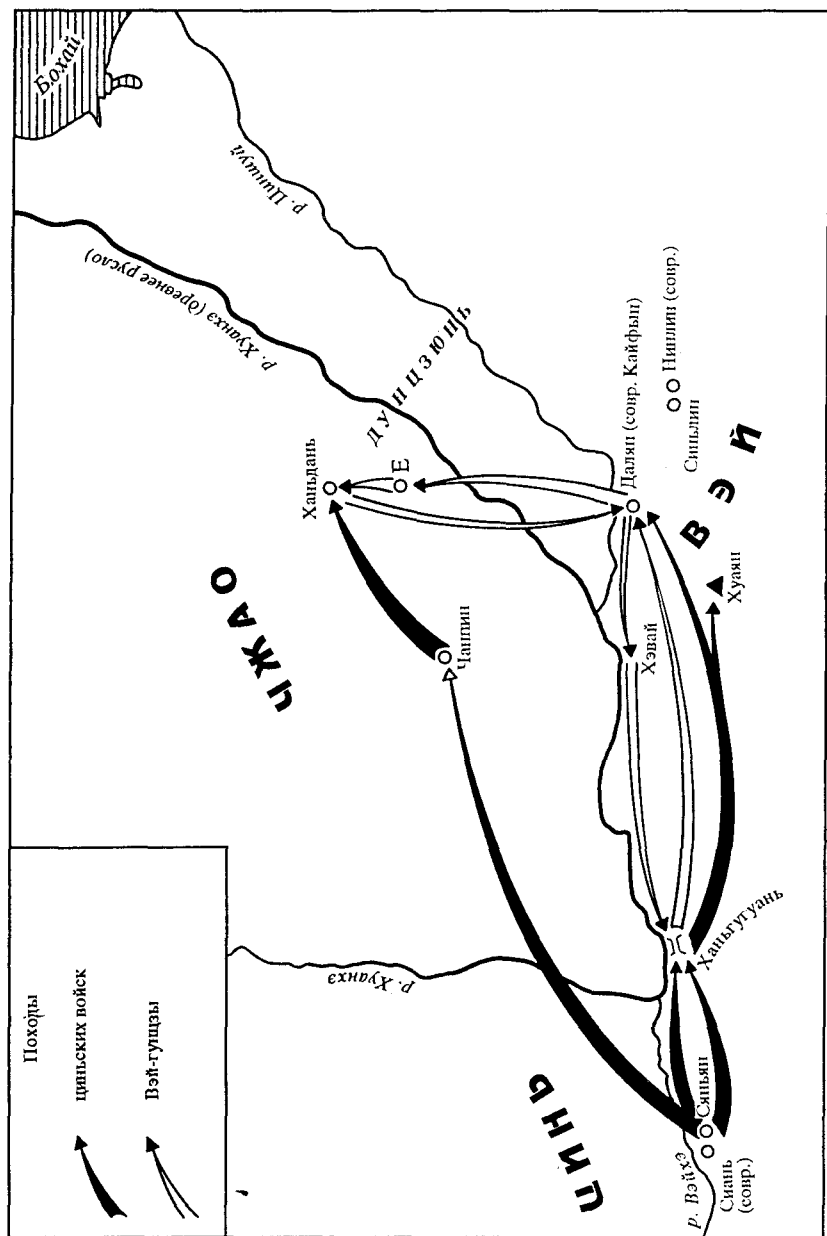
Цзинь Би и передала ее княжичу.

Когда княжич собирался в дорогу, Хоу Ин сказал: «Вы будете находиться вне наших земель, и, руководствуясь интересами [нашего] княжества, какие-то из приказов правителя вы можете и не выполнять. Но если Цзинь Би, совместив бирки, не передаст вам войска и обратится к князю за другим приказом, дело окажется в опасности. Мой приятель, мясник Чжу Хай, может поехать вместе с вами. Этот человек – муж сильный и решительный. Если Цзинь Би будет слушать [вас], то прекрасно, а если не будет, то вы сможете поручить Чжу Хаю напасть на него». Тут из глаз княжича покатались слезы. Учитель Хоу спросил его: «Вы, княжич, что, боитесь смерти? Что это вы заплакали?» Княжич ответил: «Увы, Цзинь Би решительный военачальник, и, боюсь, мне придется убить его. Вот почему я плачу, а вовсе не из-за того, что боюсь смерти».

Вслед за тем княжич пригласил к себе Чжу Хая. Тот выслушал, что от него требуется, и, усмехнувшись, сказал: «Хоть я и простой мясник, орудующий ножом на городском рынке, но вы, княжич не раз отнесли ко мне по-родственному, и ответить на это неблагодарностью было бы безнравственно и недопустимо. Раз сейчас у вас возникли трудности, это значит, что наступила пора, когда и мне надо приложить свои силы». Так он собрался в путь вместе с Вэй-гунцзы. Княжич по дороге почтительно простился с Хоу Ином. Тот сказал: «Мне следовало бы самому сопровождать вас, но я уже стар и не в состоянии [ехать]. Позвольте мне рассчитать число дней вашей поездки, чтобы в день, когда вы прибудете к войскам Цзинь Би, обратиться лицом на север и покончить с собой, как бы благословляя этим вас, княжич». И тогда княжич выступил.

[Когда он] достиг Е, то, ссылаясь на несуществующий приказ *вана*, потребовал себе в подчинение войска Цзинь Би. Последний сличил половинки верительной бирки, но заподозрил неладное. Подняв руку, он взглянул на княжича и сказал: «Сейчас я команду сотней тысяч солдат и, расположившись на самой границе княжества, выполняю важное государственное поручение. Вы же прибыли сегодня на одной-единственной повозке заменить меня, что-то здесь не так». И решил не исполнять приказ. [Тогда] Чжу Хай вытащил спрятанную в своем рукаве гирию весом в 40 *цзиней*¹⁰ и убил ею Цзинь Би.

Княжич тут же взял на себя командование войсками Цзинь Би. Чтобы как-то расположить к себе войска, он издал по армии приказ, который предписывал: «Если в армии служат отец и сын, то отец

Карта-схема I

отправляется домой; если служат вместе старший и младший братья, пусть старший едет домой; если служит в армии единственный сын, у которого нет старших или младших братьев, пусть и он едет домой, чтобы кормить родителей». Таким образом, у княжича осталось 80 тысяч отборных солдат, и с ними он напал на циньскую армию, которая сняла осаду и отошла. [Так княжич] спас Ханьдань и обеспечил сохранение Чжао. Чжаоский ван и Пинъюань-цзюнь лично встретили Вэй-гунцзы на границе княжества. Пинъюань-цзюнь преподнес ему колчан со стрелами и препроводил во дворец. Чжаоский ван, дважды поклонившись, сказал: «Среди мудрецов древности не было таких, кто мог бы сравниться с гунцзы!» С этого момента Пинъюань-цзюнь не осмеливался сравнивать себя с княжичем. А учитель Хоу, когда княжич, расставшись с ним, прибыл в войска, – обратившись лицом на север, действительно поклонил с собой.

Узнав о краже верительной бирки и о коварном убийстве Цзинь Би, вэйский ван разгневался на княжича. Княжич осознавал свою вину. Поскольку циньцы были отброшены и сохранение Чжао обеспечено, княжич приказал командирам отвести войска обратно в Вэй, а сам со своими *бинькэ* остался в Чжао. Чжаоский Сяо Чэн-ван, ценя то, что княжич сохранил Чжао, хотя и обманом возглавил войска Цзинь Би, сообщил Пинъюань-цзюню о своем намерении пожаловать княжичу пять городов. Княжич, узнав об этом, стал высокомерен и спесив, начал кичиться своими заслугами. Один из *бинькэ*, поучая его, сказал: «Есть такие вещи, которые нельзя забывать, есть и такие, о которых помнить не следует. Вам не стоит забывать о добре, которое сделали вам люди, но о том добре, которое вы сделали людям, я просил бы вас забыть. Более того, вы обманным путем захватили командование войсками Цзинь Би, чтобы спасти Чжао. В Чжао это рассматривается как заслуга, а в Вэй – отнюдь не как действия истинного подданного. Я бы не советовал вам сейчас гордиться всем этим»¹¹.

Тогда Вэй-гунцзы стал упрекать себя, не находя себе места. [Когда он навестил] чжаоского вана, [тот] лично вышел встретить его и даже подмел дорожку, по которой шел гость; при этом, соблюдая правила поведения хозяина, он [было] повел пришедшего по западным ступеням¹². [Но] княжич, хотя и держался столь же почтительно, поднялся по восточным ступеням, как бы говоря этим, что он чувствует за собой вину перед правителем Вэй и не имеет заслуг перед Чжао. Чжаоский ван устроил в его честь пир, затянувшийся до ночи. [Он] не раз предлагал княжичу принять пять городов, но тот отказывался от пожалования. В конце кон-

цов княжич остался жить в Чжао. Ему были переданы земли Хао ¹³ в качестве *танмуи*. Вэйский *ван* тоже подтвердил право княжича на земли, принадлежавшие ему как Синьлин-цзюню. [Но] *гунцзы* остался в Чжао.

Княжич узнал, что в Чжао живут два ученых отшельника: один из них – Мао-гун ¹⁴ – обретался в компании азартных игроков, другой – Се-гун – укрывался в лавке, торговавшей сиропами и отварами ¹⁵. Княжич пожелал повидаться с этими двумя мужами, но те скрывались и не захотели встречаться с ним. Тогда княжич разузнал, где они находятся, скрытно отправился к ним пешком и был очень обрадован встречей с ними. Прослышав про это, Пинъюань-цзюнь сказал жене: «Раньше я слышал, что твоему младшему брату, *гунцзы*, нет равных в Поднебесной, а теперь, узнав, что он ходит к азартным игрокам и продавцам отваров, понял, что он недостойный человек». Жена Пинъюань-цзюня поведала об этом [разговоре] княжичу. Тот, покидая дом жены Пинъюань-цзюня, сказал: «Раньше я считал, что Пинъюань-цзюнь мудр, потому и повернулся спиной к вэйскому *вану*, пришел на помощь дому Чжао, чтобы соответствовать [устремлениям] Пинъюань-цзюня. Но Пинъюань-цзюня привлекает внешний блеск, он не стремится к общению с [мудрыми] мужами. Еще находясь в Даяне, я часто слышал о мудрости этих двух мужей и, прибыв в Чжао, опасался только, что не сумею с ними встретиться. Отправляясь к ним, я боялся лишь того, что они не пожелают встретиться со мною. А Пинъюань-цзюню все это представляется постыдным поступком. Это значит, что с ним не стоит иметь дела». И он начал готовиться к отъезду. Пинъюань-цзюню жена рассказала обо всем этом. Тот, сняв головной убор, стал извиняться перед У-цзи, всячески уговаривая княжича остаться. Половина окружающих Пинъюань-цзюня *бинькэ*, узнав, что произошло между ними, покинула его и примкнула к княжичу. К нему присоединились и другие ученые мужи Поднебесной. Так У-цзи увлек за собой гостей Пинъюань-цзюня.

Не возвращаясь в Вэй, княжич провел в Чжао 10 лет. Циньский правитель, узнав, что княжич находится в Чжао, все время посылал войска на восток для нападений на Вэй. Вэйский *ван* был этим сильно озабочен и потому посылал гонцов к княжичу с просьбой [вернуться]. Но княжич опасался, что вэйский *ван* все еще гневается на него, и прямо предупредил окружающих его *бинькэ*: «Тот, кто осмелится передавать мне что-то по поручению посланцев вэйского *вана*, будет казнен». Все *бинькэ* были из тех, кто отвернулся от Вэй и нашел убежище в Чжао, поэтому никто

из них и не намеревался убеждать княжича вернуться. [Однако] Мао-гун и Се-гун отправились вдвоем к У-цзи и сказали: «Вы стали цепиться в Чжао и прославились среди чжухоу исключительно благодаря вашей деятельности в Вэй. Ныне циньцы нападают на Вэй, и оно в опасности, а вы, гунцзы, не печальтесь об этом. Если циньцам удастся захватить Далян и уничтожить храмы прежних вэйских ванов, как вы, гунцзы, будете тогда выглядеть перед Поднебесной?» Они еще не кончили говорить, как княжич изменился в лице, велел немедленно приготовить экипаж и отправился на помощь Вэй. При встрече с ним вэйский ван расплакался и тут же, вручив ему печать старшего военачальника, поставил во главе войск.

На 30-м году вэйского Ань Ли-вана (247 г.) княжич разослал гонцов ко всем чжухоу рассказать о положении в Вэй, а те, узнав, что княжич возглавляет вэйские армии, тут же послали своих полководцев с войсками на помощь Вэй. Княжич возглавил армии пяти княжеств¹⁶ и нанес поражение циньской армии в районе Хэвай, отогнав [войска под командованием] Мэн Ао¹⁷. Затем преследовал циньскую армию и гнал ее вплоть до заставы Хапъгу, за пределы которой циньцы уже не осмеливались выходить. Заслуги гунцзы в то время потрясли всю Поднебесную. Препежкие мужи из разных княжеств предлагали ему свои сочинения по военному искусству; он их отредактировал, и труд этот принято было называть «Законы военного искусства вэйского гунцзы»¹⁸.

Циньский ван был озабочен и выделил 10 тысяч цзиней золота на действия против Вэй, приказав тем, кто был близок к Цзинь Би, опорочить княжича перед вэйским ваном такими словами: «Княжич был в изгнании 10 лет. Сейчас он командует вэйскими войсками, ему же подчинены военачальники других чжухоу; потому все чжухоу слышат только о его деяниях и ничего не знают о вэйском ване. Княжич наверняка все это время думает сесть лицом к югу¹⁹, а чжухоу, трепеща перед его мощью, захотят помочь ему в его устремлениях». Цинь[ский ван] несколько раз посылал людей, которые наговаривали вэйскому вану на княжича, будто тот думает занять его место. Ежедневно слыша эти наговоры, вэйский ван волей-неволей поверил им и в конце концов отправил людей сообщить княжичу о снятии его с поста командующего войсками. Тот понял, что это повторная опала, и, сославшись на болезнь, перестал являться ко двору. Ночи напролет [он] стал бражничать со своими бинькэ, пить крепкие вина, забавляться с женщинами. Так они беспрестанно пировали в течение четырех лет. В конце концов княжич умер от пьянства. В том же году (243 г.)

скончался и вэйский Ань Ли-ван.

Циньский ван, узнав о смерти Вэй-гунцзы, послал [армию] Мэн Ао напасть на Вэй. Эти войска заняли 20 городов, из которых была образована область Дунцзюнь. После этого Цинь постепенно, шаг за шагом, поглотило земли Вэй, подобно тому как шелковичный червь пожирает тутовые листья, и через 18 лет после смерти У-цзи циньские войска пленили вэйского вана и вырезали защитников Даляна ²⁰.

Ханьский Гао-цзу, когда он был еще молод и незнатен, неоднократно слышал о мудрости Вэй-гунцзы. Заняв императорский престол, он каждый раз, проезжая через Далян, приносил жертвы духу У-цзи. На 12-м году своего правления (195 г.), возвращаясь из похода против Цинь Бу, Гао-цзу поселил пять семей возле могилы Вэй-гунцзы для присмотра за ней ²¹. С тех пор из поколения в поколение каждый из четырех сезонов года в установленное время приносились жертвы духу вэйского княжича.

Я, тайшигун, скажу так.

Когда я проезжал руины Даляна, я спросил, какие ворота назывались Имэнь; оказалось, что Имэнь – это восточные ворота города. Все видные княжичи Поднебесной ²² имели своих любимых ученых мужей [из числа бинькэ], однако [только] Синьлинцзюнь имел дело с отшельниками, не гнушался общаться с людьми, стоящими ниже него. И этому были основания ²³. Его известность по праву стояла выше славы чжухоу. И каждый раз, проезжая эти места, Гао-цзу повелевал здешним жителям не прекращать принесения жертв [духу У-цзи].

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Чуньшэнь-цзюнь ле чжуань – Жизнеописание Чуньшэнь-цзюня¹

Чуньшэнь-цзюнь по имени Се был чусцем из рода Хуан. Он являлся странствующим ученым проповедником, весьма знающим и начитанным. Служил он чускому Цин Сян-вану². Цин Сян-ван, ценя способности [Хуан] Се к риторике и умение убеждать, послал его в Цинь. [В это время] циньский Чжао-ван направил военачальника Бай Ци напасть на Хань и Вэй, и тот разбил их войска под Хуаяном (273 г.). Был захвачен в плен вэйский военачальник Ман Мао³. Хань и Вэй покорились и стали служить Цинь. Тогда циньский Чжао-ван приказал Бай Ци совместно с Хань и Вэй напасть на Чу. Еще до выступления их войск в поход чуский правитель послал Хуан Се в Цинь разузнать планы циньского правителя. [Однако] в это время тот уже послал Бай Ци напасть на Чу, и циньцы захватили области Уцзюнь и Цяньчжун, заняли Янь и Ин и на востоке достигли Цзинлина⁴. Чуский Цин Сян-ван [был вынужден] перенести столицу на восток, в Чэньсянь⁵. Хуан Се знал о том, что чуский Хуай-ван был завлечен в Цинь, и, прибыв к циньскому двору, убедился в обмане, но был задержан в Цинь и умер там.

Цин Сян-ван как раз был его сыном. Циньский *ван* относился к нему пренебрежительно, полагая, что войск одного Цинь достаточно, чтобы уничтожить Чу. Тогда [Хуан] Се направил послание циньскому Чжао-вану, в котором писал:

«В Поднебесной нет государств сильнее Цинь и Чу. Ныне я узнал, что вы, Великий *ван*, намерены напасть на Чу. Этот поход будет подобен схватке двух тигров; а когда сражаются тигры, результаты их битвы достаются обычно клячам и собакам⁶. Лучше уж отнестись к Чу по-доброму. Я, ваш слуга, прошу обратить внимание на следующие доводы. Я слышал такое суждение: когда все сущее достигает своего предела, оно обращается в свою противоположность – так бывает и с зимой и с летом; когда продвижение вперед достигает крайней точки, то нарастает опасность перемен. Ныне земли [вашего] великого государства занимают

два предела Поднебесной ⁷. Такого с момента появления людей еще никогда не случалось с государством, способным выставить 10 тысяч боевых колесниц. Прежние *ваны* Вэнь и Чжуан (У) в течение трех поколений ⁸ неуклонно расширяли свои владения в сторону княжества Ци, дабы перерезать основу союза *хэцзун*. Ныне вы, *ван*, послали Шэн Цяо решить проблемы с княжеством Хань. Шэн Цяо удалось включить ханьские земли в состав циньских земель. Так вы, *ван*, не применяя мощь своих латников и не тратя силы, заполучили земли [протяженностью] в сотни *ли*. Вас можно назвать человеком незаурядных способностей. Кроме того, вы, *ван*, подняли своих латников и напали на Вэй. Они уже взяли штурмом Даян, захватили земли Хэнэя, заняли города Янь, Суаньцзао, Сюй, Тао, вступили в Син ⁹. Вэйские войска, подобно туману, рассеялись перед вами и уже не смеют сопротивляться. На этом направлении заслуги *вана* также весьма велики. Вы, *ван*, дали отдых воинам и народу и через пару лет, возобновив наступление, присоединили к себе еще и Пу, Янь, Юань, Шоу, армии ваши подошли к Жэнь и Пинцю, в результате [сдались] вэйские Хуан, Цзюян и Инчэн. Вы, *ван*, отторгли у противника еще и земли к северу от Пу и Мо ¹⁰, устремились к землям, соединяющим Ци с Цинь, и прервали связь между Чу и Чжао. Пять раз пыгались князя Поднебесной соединить свои силы и шесть раз собирались вместе, но так и не осмелились выступить. Ваша мощь, *ван*, стала беспримерной!

Если вам удастся сохранить свои заслуги и мощь в дальнейшем и сочетать свои намерения по захвату [княжеских] владений с насыщением этих земель устоями милосердия и справедливости, дабы исключить будущие несчастья, тогда к имени трех великих *ванов* прибавится ваше, четвертое, имя, к именам пяти гегемонов прибавится ваше, шестое, имя. [Но] если вы, *ван*, опираясь на множество своих помощников и мощь своего оружия, воспользуетесь моментом, чтобы покончить с могуществом княжества Вэй, и захотите силой стать повелителем Поднебесной, я, ваш слуга, опасаюсь, что вы, *ван*, позднее окажетесь в беде. [Ведь] в *Шицзине* говорится: “У всего есть начало, но мало что можно довести до благополучного конца” ¹¹. А в *Ицзине* сказано: “Лис [почти] переправился через реку, [но] замочил свой хвост” ¹². Это говорит о том, что начинать любое дело легко, а вот завершить его трудно. Как же в этом разобраться? В прошлом [Чжи-бо] ¹³, представитель рода Чжи, увлекся выгодами от нападения на Чжао, но не предвидел своего поражения под Юйцы ¹⁴, а усцы видели лишь выгоды от нападения на Ци, но не предвидели своего поражения под Ганьсуем ¹⁵. Нельзя сказать, что у этих двух княжеств ранее недос-

тавало успехов и заслуг, но дело в том, что их правители сосредоточились на выгоде, поставив ее на первое место, и отнеслись легковесно к бедам, которые их ждали впереди. Уский правитель доверился княжеству Юэ и напал на Ци; и хотя он взял верх над цисцами под Айлином (484 г.)¹⁶, но, возвращаясь с войсками обратно, подвергся нападению со стороны армии юэского вана и был взят в плен у трех островов¹⁷. Чжи-бо доверял правителям Хань и Вэй и поэтому решил напасть на Чжао. Он атаковал город Цзиньян¹⁸, и, когда, казалось, пришел день победы, ему неожиданно изменили Хань и Вэй, [воины] которых убили его близ Цзаотая (453 г.)¹⁹. В настоящее время вы, ван, печетесь о том, что до сих пор не сокрушили царство Чу, забывая, что его уничтожение усилит Хань и Вэй. Из-за этого я, ваш слуга, не могу не беспокоиться о вас.

В *Шицзине* говорится: “Большие армии расположены далеко и не впутываются в дела [поспешно]”²⁰. С этой точки зрения царство Чу для циньцев – резерв, а соседние княжества – враги. В *Шицзине* говорится также: “Прыгающий заяц скачет, петляет, а бегущая напрямик собака его хватает. Стремления другого человека я взвешиваю и измеряю”²¹. Ныне вы, ван, в середине пути, вы верите в то, что правители Хань и Вэй относятся к вам дружески. Это в точности подобно доверию, которое испытывал правитель У к Юэ. Когда же я понял это, [то подумал, что] к противнику нельзя относиться великодушно и нельзя терять времени. Я опасаясь, что Хань и Вэй, используя разные низкие способы, хотят отвести от себя беду, стремятся обмануть ваше большое государство. Почему же так получается? Потому, что вы, ван, недооцениваете чувств, [порожденных] взаимоотношениями [Цинь] с Хань и Вэй. Они сложились на протяжении ряда поколений, когда по отношению к вашему [государству] сформировалась многолетняя подозрительность. Вспомните, ведь отцы и сыновья, старики и младшие братья из Хань и Вэй непрерывно в течение десяти поколений гибли [от рук] Цинь. Эти княжества были расчленены, их алтари духов Земли и злаков разрушены, храмы предков уничтожены. Их жителям вспарывали животы и рвали кишки, ломали шеи и челюсти, им отрубали головы, а их кости валялись в травах и в водах, повсюду на границе царства виднелись окочневшие трупы и лодские черепа. Отцы и сыновья этих людей, старые и слабосильные, шли с повинной и, беспомощные, как бы со связанными руками, толпами сдавались в плен на всех дорогах. Их [алтари] добрых и злых духов оставались брошенными, и некому было приносить жертвы. Людям не на что было поддерживать

свою жизнь, сородичи покидали друг друга и разбрелись повсюду, становясь слугами и наложницами у людей, заполнив собой земли внутри морей. И до сих пор беспокойство и тревога охватывает духов Земли и злаков царства Цинь, потому что княжества Хань и Вэй [еще] не погибли. А то, что сейчас вы, *ван*, намереваетесь к тому же напасть на Чу, разве не ошибка ²²?!

Кроме того, каким путем *ван* намерен повести войска против Чу? Не думает ли *ван* воспользоваться дорогами через враждебные вам Хань и Вэй? Ведь в день выступления армии вы, *ван*, должны быть озабочены ее возвращением. Вы своим походом окажете помощь враждебным [вам] Хань и Вэй. Если *ван* не использует путь, лежащий через враждебные Хань и Вэй, тогда придется наступать через правобережье Суйшюя ²³, а эти земли неудобны [для прохода]: на значительном протяжении они залиты водой, там густые леса, горные потоки и долины. Это земли, непригодные для земледелия. Если даже *ван* и займет их, это нельзя считать приобретением. Таким образом, вы, *ван*, заслужив славу разгромившего царство Чу, фактически новых земель не получите.

Кроме того, в день, когда вы нападете на Чу, четыре княжества ²⁴ непременно поднимут все свои войска, чтобы противостоять вам. [И это] в условиях, [когда] армии Цинь и Чу окажутся втянутыми в бой и не смогут оторваться от противника, вэйцы нападут на Лю, Фаньюй, Чжи, Хулин, Дан, Сяо, Сян ²⁵ и в результате с Сун будет покончено. Цисцы выступят на юг, нападут на Чу и полностью захватят все земли в верхнем течении реки Сышуй. Все эти территории представляют собой равнину, простирающуюся на четыре стороны, с богатыми плодородными землями, и это позволит им (Ци и Вэй) [успешно] осуществить свои наступательные действия. Разгромом Чу вы, *ван*, обогатите срединные государства Хань и Вэй и усилите Ци. А когда Хань и Вэй усилятся, то у них будет достаточно мощи, чтобы сравняться с Цинь и противостоять ему. К тому времени южной границей Ци станет Сышуй, на востоке оно будет опираться на морское побережье, на севере его прикроет Хуанхэ – никакие беды ему грозить не будут. Таким образом, Ци и Вэй станут сильнейшими княжествами в Поднебесной. А когда Ци и Вэй заполучат новые земли и обеспечат [увеличение] своих доходов, они всерьез займутся своими планами, привлекут к делу чиновников, и по прошествии всего одного года, если правитель одного из них и не станет императором, у них с избытком хватит сил, чтобы помешать вам, *ван*, стать императором.

К тому же, если вы, опираясь на обширность вашей террито-

рии, многочисленность ваших подданных, силу ваших войск и вооружения, поставите все на дело борьбы с Чу, [это рано или] поздно заставит Хань и Вэй признать императором правителя Ци. Вот почему вы совершаете ошибку. Я, ваш слуга, оценивая положение дел, считаю, что для вас лучше всего наладить дружественные связи с Чу. Перед лицом объединения сил Цинь и Чу княжество Хань окажется вынужденным ограничить свои действия. Тогда вы, *ван*, овладеете теснинами Дуншань, обеспечите себя богатствами района Цюйхэ ²⁶, и правитель Хань станет после этого одним из подвластных вам князей внутри застав. А если дела пойдут подобным образом, то вы, *ван*, сумеете со своим 100-тысячным войском осадить город Чжэн. Лянцы испугаются, [гарнизоны] в Сюй [и] Яньлине ²⁷ будут вынуждены защищаться за крепостными стенами, и нарушится сообщение между Шанцаем и Чжаолином ²⁸. Если все произойдет таким образом, то и правитель Вэй станет одним из *хоу* среди застав. Таким образом, *ван*, только одним сближением с Чу вы станете господином над двумя княжествами, способными выставить на поле боя по 10 тысяч боевых колесниц, тогда и по своим земельным угодьям вы сравняетесь с Ци ²⁹, а все правобережные земли Ци ³⁰ без больших усилий будут вами захвачены. Ваши земли будут простираться от моря и до моря ³¹, и вы свяжете узлом всю Поднебесную. Тогда Янь и Чжао останутся без [поддержки] Ци и Чу, а Ци и Чу – без [поддержки] Янь и Чжао, после чего опасность коснется Янь и Чжао и закачается власть в Ци и Чу. Так все четыре государства будут без особых усилий покорены».

Чжао-ван сказал: «[Это] превосходно!» И тут же повелел остановить Бай Ци и отказаться от услуг Хань и Вэй. Он послал своих людей с подарками к правителю Чу, чтобы заключить с ним союз.

Хуан Се, добившись такого решения циньского вана, вернулся в Чу. Чуский правитель отправил Се и своего наследника Ваня ³² заложниками в Цинь. Циньский правитель задержал их у себя на несколько лет.

[Когда] чуский Цин Сян-ван заболел, [чуский] наследник не смог вернуться, [но] у него были хорошие отношения с циньским сыном Ин-хоу. Тогда Хуан Се спросил Ин-хоу: «Вы, *сян*, действительно в хороших отношениях с чуским наследником?» Ин-хоу ответил: «Да, это так». Се продолжал: «Боюсь, что теперь чуский *ван* не оправится от болезни; так не лучше ли циньцам вернуть их наследника? Если он станет правителем в Чу, то наверняка будет уважать Цинь, а вам, *сян*, будет бесконечно благодарен. Такое действие означало бы установление близости с союзным государ-

ством и обеспечило бы Цинь пополнение в виде армии в 10 тысяч боевых колесниц. А если вы не вернете [наследника], то в Сяньяне станет лишь одним простоллюдином больше. В Чу поставят другого наследника, [который] не будет служить Цинь. А ведь потеря союзного государства и прекращение согласия с владением, способным выставить 10 тысяч боевых колесниц, – это ошибка в расчетах. Я надеюсь, что вы, *сян*, тщательно обдумаете это».

Ин-хоу обо всем этом поставил в известность циньского *вана*. Циньский *ван* сказал: «Прежде всего прикажите наставнику наследника отправиться в Чу и справиться о здоровье чуского *вана*; когда он вернется, мы снова это обсудим». [Тогда] Хуан Се изложил чускому наследнику [свой] план: «Циньский правитель, задерживая вас, исходит из своих интересов: ныне ваших, наследник, сил еще недостаточно, чтобы служить интересам Цинь. Я, Хуан, этим очень озабочен. Помимо того, два сына Янвэнь-цзюня³³ находятся при чуском *ване*; если, к несчастью, *ван* скончается, а вас, наследник, там не будет, на престол непременно взойдет сын Янвэнь-цзюня, и вы, наследник, лишитесь храмов своих предков. Вам лучше бежать из Цинь, выехав вместе с чуским посланцем, а же останусь здесь, чтобы держать ответ за ваше бегство даже ценою жизни».

Тогда чуский наследник, сменив свои одежды на наряд чуского посланца, отправился с ним на колеснице, чтобы вырваться за пределы циньских застав. Хуан Се же остался в доме и, ссылаясь на болезнь наследника, никого не принимал. [Когда] он счел, что наследник уже далеко [и] циньцы не в состоянии его догнать, Се лично доложил циньскому Чжао-вану: «Чуский наследник, проехав далеко, уже вернулся к себе, и я, Се, заслуживаю смерти. Прошу даровать мне [право на] смерть». Чжао-ван очень разгневался и намеревался разрешить Хуан Се покончить с собой. [Но] Ин-хоу сказал: «Се – образцовый подданный, он готов отдать жизнь за своего господина. Когда чуский наследник встанет у власти, он наверняка использует Се, а потому лучше снять с него обвинения и вернуть обратно, чтобы сблизиться с царством Чу». И циньский правитель отослал Хуан Се на родину.

Через три месяца после возвращения Се в Чу чуский Цин Сяньван умер; к власти пришел его старший сын – наследник Вань, он стал Као Ле-ваном. На 1-м году его правления (262 г.) Хуан Се стал *сяном*, ему даровали титул Чуньшэнь-цзюнь³⁴ и пожаловали 12 уездов в Хуайбэе³⁵.

По прошествии 15 лет Хуан Се сказал чускому *вану*: «Земли Хуайбэя граничат с княжеством Ци; обстановка там напряжен-

ная; прошу из этих земель образовать область». И он отдал эти 12 уездов, расположенных к северу от Хуайхэ, попросив дать ему в пожалование земли к востоку от Янцзы. Као Ле-ван разрешил ему это. После чего Чуньшэнь-цзюнь огородил стенами развалины бывшей столицы У³⁶ и сделал их своим городом.

В то время, когда Чуньшэнь-цзюнь стал *сяном* у правителя Чу, в княжестве Ци [*сяном*] был Мэнчан-цзюнь, в Чжао – Пингьюань-цзюнь, в Вэй – Синьлин-цзюнь. Все они состязались во внимании к ученым мужам, собирали вокруг себя *бинькэ*, чтобы соревноваться друг с другом и помогать своим княжествам, поддерживая власть [своих правителей].

На 4-м году исполнения Чуньшэнь-цзюнем обязанностей *сяна* в Чу циньская армия разбила более чем 400-тысячную чжаоскую армию под Чанпином. На 5-м году [циньцы] окружили Ханьдань. Ханьдань попросил срочной помощи у Чу. Чуский правитель послал им на помощь войска под руководством Чуньшэнь-цзюня. Циньские войска тогда отошли, и Чуньшэнь-цзюнь вернулся.

На 8-м году службы *сяном* в Чу Чуньшэнь-цзюнь провел северный поход и ликвидировал княжество Лу; он поставил Сюнь Цина начальником уезда Ланьлин³⁷. К этому времени Чу восстановило свое могущество.

Чжаоский Пингьюань-цзюнь отправил посла к Чуньшэнь-цзюню. Чуньшэнь-цзюнь поселил его в лучших покоях прекрасного дворца. Чжаоский посол решил покрасоваться перед чусцами и явился, заколов свои волосы шпилькой с черепаховыми украшениями, рукоять же его меча была украшена драгоценностями. Он попросил представить ему гостей Чуньшэнь-цзюня. У Чуньшэнь-цзюня проживало более 3 тысяч *бинькэ*, и лучшие из них явились для встречи с чжаоским посланцем в башмаках, расшитых жемчугом. Гонец из Чжао был этим сильно пристыжен.

На 14-м году пребывания Чуньшэнь-цзюня в должности *сяна* на престол взошел циньский Чжуан Сян-ван³⁸. Он поставил своим первым советником Люй Бу-вэя³⁹, пожаловав ему титул Вэньсинь-хоу. [Вскоре циньцы] захватили Восточное Чжоу. На 22-м году пребывания Чуньшэнь-цзюня в должности *сяна чжухоу*, обеспокоенные тем, что Цинь непрерывно расширяется, решили объединиться в союз *хэцзун* и, [двинув армии] на запад, напасть на Цинь. Чуский *ван* стал главой этого союза, а Чуньшэнь-цзюнь ведал у него делами. [Когда союзная армия] достигла заставы Ханьгу, циньцы выслали свою армию для [встречного] удара. Войска *чжухоу* потерпели поражение и отошли. Чуский Као Ле-ван возложил вину за поражение на Чуньшэнь-цзюня и стал отдалять его от дел.

Среди гостей Чуньшэнь-цзюня был уроженец Гуаньцзиня ⁴⁰ по имени Чжу Ин. Он сказал Чуньшэнь-цзюню: «Все считают, что царство Чу – мощное государство, но вы слабо им управляете. Однако я, Ин, не согласен с этим. Почему при правлении прежних *ванов* поддерживались добрые отношения с Цинь и на протяжении 20 лет оно не нападало на Чу? Потому, что циньцам для нападения на Чу надо было преодолеть крепость Миньэ ⁴¹, а это не очень удобный путь; кроме того, требовалось получить разрешение на проход войск по землям обоих чжоуских государств, причем за спиной оставались армии Хань и Вэй. В таких условиях циньцам атаковать Чу было нельзя. Ныне обстановка иная. Княжество Вэй вот-вот погибнет, у него нет сил, чтобы сохранить Сюй и Яньлиш, оно уже согласилось уступить их Цинь. Таким образом, циньские войска будут вскоре стоять всего в 160 *ли* от [чуской столицы] Чэня. Вижу, что день столкновения Цинь и Чу приближается».

Вскоре чусцы покинули Чэнь и перенесли столицу в Шочунь ⁴². Циньцы переселили Е-вана, правителя княжества [Малое] Вэй, и основали [на его землях] область Дунцзюнь ⁴³. С этого момента Чуньшэнь-цзюнь владел пожалованными землями в У, продолжая выполнять обязанности *сяна*.

У чуского Као Ле-вана не было сыновей ⁴⁴. Чуньшэнь-цзюнь был озабочен этим и хотел найти для него женщину, которая могла бы родить ему сына. Хотя женщин у него было очень много, но сын так и не родился. Чжаосец Ли Юань решил предложить чускому *вану* свою младшую сестру, но боялся, что дело затянется и сестра не сможет добиться расположения *вана*. [Поэтому] он постарался попасть в число приближенных Чуньшэнь-цзюня. Вскоре после этого он попросил разрешения съездить на родину и намеренно задержался с возвращением. Вернувшись, он попросил аудиенции. Чуньшэнь-цзюнь спросил его о причинах [опоздания]. Ли Юань сказал: «Циский *ван* послал сватов к моей младшей сестре, я пировал с ними и потому задержался». Чуньшэнь-цзюнь спросил его: «Что же, о свадьбе договорились?» Ответ гласил: «Нет еще». Чуньшэнь-цзюнь спросил: «А я могу повидать ее?» Ответ был: «Можете». После этого Ли Юань представил свою младшую сестру Чуньшэнь-цзюню; она ему понравилась, [и он взял ее в наложницы]. Узнав, что она забеременела, Ли Юань стал с ней строить план действий. Младшая сестра Ли Юаня, используя удобный момент, сказала Чуньшэнь-цзюню: «Чуский *ван* ценит и лобит вас даже больше, чем своих братьев. Ныне вы, господин, служите *сяном* в Чу уже более 20 лет. У *вана* нет сыновей, и когда он завершит свою жизнь, его сменят у

власти брата. Но когда в Чу сменится правитель, разве те, кто был близок к прежнему *вану*, останутся в почете, разве вам удастся сохранить свое прежнее положение? Более того, вы, господин, долго были в должности *сяна* и много раз не соблюдали этикет с братьями *вана*, и когда они станут у власти, то беда коснется и вас лично. Каким же образом вы сохраните печать *сяна* и свое владение к востоку от Янцзы? Сейчас я чувствую, что беременна, но никто не знает об этом. Я близка с вами недавно, и если вы, используя свое положение при дворе, представите меня чускому *вану*, я ему наверняка понравлюсь. Тогда, если Небо будет ко мне благосклонно и я рожу мальчика, то ваш сын станет *ваном*. Так можно будет получить царство Чу, а это намного лучше [грозящих вам] неисчислимых бедствий!».

Чуньшэнь-цзюнь счел такие суждения в высшей степени правильными. [Он] поселил сестру Ли Юаня в прекрасный дом и рассказал о ней чускому *вану*. *Ван* вызвал ее к себе, и она ему понравилась. Вскоре [она] родила мальчика, который и был объявлен наследником, а младшая сестра Ли Юаня стала княгиней. Чуский *ван* стал высоко ценить Ли Юаня, которого приобщил к делам управления. Когда Ли Юань уже ввел свою младшую сестру во дворец и она стала княгиней, а ее сын – наследником, он начал опасаться, что Чуньшэнь-цзюнь проговорится и еще больше возгордится. Втайне он стал готовить смертников, чтобы убить Чуньшэнь-цзюня и так заставить его замолчать навсегда, но об этом замысле стало многим известно.

Когда Чуньшэнь-цзюнь прослужил *сяном* 25 лет, заболел чуский Као Ле-ван. Чжу Ин сказал Чуньшэнь-цзюню: «В мире бывает как неожиданное счастье, так и неожиданная беда. Вы сейчас находитесь среди неожиданных людей, служите неожиданному правителю, почему бы не появиться на вашем пути неожиданному человеку?» Чуньшэнь-цзюнь спросил его: «Что вы имеете в виду, говоря о неожиданном счастье?» Тот ответил: «Вы служите *сяном*, но фактически вы являетесь чуским *ваном*. В настоящее время чуский *ван* тяжело болен, со дня на день он может скончаться, и вы останетесь советником малолетнего правителя и со сменой нынешнего правителя станете [на деле] во главе царства, подобно И Инчо или Чжоу-гуну⁴⁵. И лишь когда *ван* вырастет, он приступит к управлению. Не означает ли это возможность обратившись лицом к югу и назвав себя единственным, править чуским царством? Это я и назвал неожиданным счастьем». Чуньшэнь-цзюнь далее спросил: «А что вы называете неожиданной бедой?» Чжу Ин ответил: «Ли Юань, не участвуя в управлении государством, является вашим

врагом ⁴⁶, не занимаясь военными делами, давно готовит наемных убийц. Как только чуский *ван* скончается, Ли Юань тут же попытается захватить власть и убить вас, чтобы закрыть вам рот. Это я и назвал неожиданной бедой». Чуньшэнь-цзюнь опять спросил: «А кого вы называете неожиданным человеком?» Чжу Ин ответил: «Сделайте меня *ланчжун*ом, а когда чуский *ван* умрет и Ли Юань первым нанесет удар, я убью Ли Юаня. Вот я и есть тот неожиданный человек». На это Чуньшэнь-цзюнь сказал: «Прошу вас оставить эти [замыслы]. Ли Юань – слабый человек, у меня с ним хорошие отношения, разве он может дойти до такого?!» Чжу Ин⁴⁷, поняв, что его советы не будут использованы, испугался, что беды обрушатся на него самого, и бежал из Чу.

По прошествии 17 дней чуский Као Ле-ван умер. Ли Юань, действительно, нанес удар первым; он посадил в засаду убийц у ворот Цзимэнь ⁴⁸, и, когда Чуньшэнь-цзюнь проходил через эти ворота, убийцы, окружив его, зарезали и, отрубив ему голову, выбросили ее за ворота. После этого были посланы люди, чтобы истребить всю семью Чуньшэнь-цзюня. А сын младшей сестры Ли Юаня, которая вначале полюбила Чуньшэнь-цзюня и от него забеременела, а потом перешла к *вану* и родила ему сына, этот сын взошел на княжеский престол и стал Ю-ваном ⁴⁹.

Тот год был 9-м годом правления Цинь Ши-хуана (238 г.). В это время Лао Ай задумал поднять мятеж в Цинь, но об этом стало известно, и уничтожили три поколения его родичей, и Люй Бу-вэй был смещен со своего поста ⁵⁰.

Я, *тайшигун*, скажу так.

Мне приходилось бывать в Чу, видеть бывшее укрепленное поселение Чуньшэнь-цзюня. Дворцы в нем были великолепные! Чуньшэнь-цзюнь давал советы циньскому Чжао-вану, он даже готов был пожертвовать собой для возвращения домой наследника. Насколько ясна была его мудрость! Но затем, в старости, он попал в руки Ли Юаня. Поговорка гласит: «Если не рубить то, что надо отрубить, то добром это не кончится». Зачем только Чуньшэнь-цзюнь не прислушался к советам Чжу Ина?

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

*Фань Суй, Цай Цзэ ле чжуань – Жизнеописание Фань Суя и Цай Цзэ*¹

Фань Суй был вэйцем, его второе имя Шу; путешествуя, он представлял *чжухоу*. Он хотел служить вэйскому вану, но из-за бедности семьи не мог себя содержать и был вынужден сначала служить вэйскому *чжундафу* Сюй Цзя.

[Однажды] Сюй Цзя был послан вэйским Чжао-ваном² в Ци, а Фань Суй сопровождал его. [Они] пробыли [там] несколько месяцев, но безрезультатно. Циский Сян-ван³, прослышав об умении Фань Суя рассуждать, послал людей поднести Суя 10 *цзиней* золота, а также говядину и вино. Суй поблагодарил за присланное, но не решился принять [дары]. Сюй Цзя, узнав об этом, сильно рассердился, решив, что Суй получил эти дары за секретные сведения о княжестве Вэй, выданные [правителю] Ци. [Он] приказал Суя принять говядину и вино, но золото вернуть.

Возвратившись [на родину, Цзя], разгневанный на Суя, рассказал об этом [случае] вэйскому *сяну*, которым был один из княжичей по имени Вэй Ци. Вэй Ци сильно разгневался и велел своему секретарю наказать Суя палками. [В результате ему] поломали ребра и выбили зубы. Полумертвого от побоев, Суя посадили в бамбуковую корзину и бросили в отхожее место. *Бинькэ*, напившись допьяна, оправлялись на Фань Суя, всячески обзывая и срамя его, в назидание всем служилым, чтобы они не смели болтать языком⁴. Суй, лежа в корзине, обратился с мольбой к стражнику: «Если вы, господин, сможете вызволить меня, я непременно хорошо отблагодарю вас за это». Стражник попросил выпустить из корзины этого едва живого человека. Еще пьяный Вэй Ци разрешил его освободить. Позднее Вэй Ци пожалел о случившемся и намеревался вновь призвать Фань Суя, но к этому времени один вэец – Чжэн Ань-пин⁵, узнав все обстоятельства, помог Фань Суя скрыться, и тот затаился, сменив фамилию и имя на Чжан Лу⁶.

В то время циньский Чжао-ван послал Ван Цзи, чиновника по особым поручениям, в Вэй. Чжэн Ань-пин, прикинувшись мелким

слугой, встретился с Ван Цзи. Тот спросил: «Есть ли в Вэй мудрецы, с которыми можно было бы совершить поездку на запад?» Чжэн Аньпин ответил: «В моем селении есть господин Чжан Лу, он бы хотел увидеться с вами и потолковать о делах Поднебесной, [но] у него есть враги, и он не осмелится прийти днем». Ван Цзи сказал: «Приходите с ним ночью». Чжэн Аньпин вместе с Чжан Лу пришли ночью на встречу с Ван Цзи. Их беседа еще не завершилась, как Ван Цзи понял, что Фань Суй действительно мудр, и сказал ему: «Вы, учитель, ждите меня к югу от холма Саньтин ⁷». [Там они] тайно встретились и отправились [в Цинь].

[Так] Ван Цзи, захватив в условленном месте Фань Суя, покинул [Вэй] и въехал в Цинь. [Когда они] достигли Ху ⁸, то увидели издалека прибывшие с запада повозки и верховых. Фань Суй спросил: «Кто же это прибыл?» Ван Цзи ответил: «Это циньский *сян* Жан-хоу ⁹ едет на восток [инспектировать] уезды и села». Фань Суй сказал: «Я знаю, что Жан-хоу захватил все управление в Цинь, он не любит *бинькэ*, приезжающих к *чжухоу*. Боюсь, что он унижит и меня. Лучше мне спрятаться в вашей повозке». Через какое-то время Жан-хоу действительно подъехал к ним, поприветствовал Ван Цзи и, остановив свой экипаж, спросил: «К востоку от застав нет ли каких-либо волнений?» Ван Цзи ответил: «Совсем нет». Жан-хоу продолжал расспрашивать: «Надеюсь, что вы, господин, не везете с собой кого-нибудь из тех *бинькэ*, что посещают *чжухоу*? [От них] нет никакого толку, они лишь вносят смуту и [в души] людей, и [в жизнь] государства». Ван Цзи ответил: «Я не посмел бы так поступить». И они расстались. Фань Суй сказал: «Я слышал, что Жан-хоу – знающий человек, но соображает он медленно. Высказав подозрение, что в вашей повозке кто-то спрятан, он забыл в нее заглянуть». После этого Фань Суй слез с повозки и пошел пешком, сказав: «Он обязательно спохватится». Действительно, Жан-хоу, отъехав более чем на десяток *ли*, послал верхового назад досмотреть повозку, но никакого *бинькэ* там не оказалось, и тем дело и кончилось. А Ван Цзи вместе с Фань Суем добрались до Сяньяна.

Доложив *вану* о результатах своей миссии, Ван Цзи сказал: «В Вэй имеется учитель Чжан Лу – прекрасный ритор и мудрец, известный в Поднебесной. Он говорит: “Государство циньского *вана* стоит перед опасностью, оно подобно груде яиц ¹⁰. Если *ван* прислушается ко мне, то все будет в порядке. Однако этого не передашь в письменном виде”. Поэтому я привез его сюда». Циньский *ван* не вполне был убежден этими словами, но все же приказал поселить Чжан Лу в доме для приезжих, предоставив ему грубую еду самого низкого сорта. [Там гость] дождался какого-либо повеления *вана* более года.

К этому времени циньский Чжао-сян-ван правил уже 36 лет (271 г.), на юге циньцы захватили чуские Янь и Ин, и чуский Хуай-ван умер в неизвестности в Цинь ¹¹, на востоке циньская армия нанесла поражение Ци. Циский Минь-ван какое-то время именовался императором, затем отказался от этого титула ¹². [Чжао Сян-ван] несколько раз ставил в тяжелое положение войска трех циньских княжеств. Он всячески препятствовал деятельности различных риториков и софистов, ни в чем не доверяя им.

Жан-хоу был младшим братом вдовствующей княгини Сюань-тайхоу, матери Чжао-вана, и имел титул Хуаян-цзюнь ¹³. Цзиньян-цзюнь и Гаолин-цзюнь были младшими братьями Чжао-вана от одной матери; Жан-хоу у вана служил сяном, и все трое служили поочередно военачальниками. Будучи родственниками вдовствующей княгини, все они имели владения; их личные богатства, пожалуй, превосходили состояние ванского дома. Когда Жан-хоу стал военачальником в Цинь, [он] решил, перейдя границы Хань и Вэй, напасть на циские Ган и Шоу, желая таким образом расширить свое владение в Тао.

Тогда Фань Суй направил вану послание, в котором говорилось: «Я слышал, что когда мудрый ван устанавливает принципы управления, то всех, кто имеет перед ним заслуги, он не может не наградить; проявивших способности он не может не назначить на должность; тем, кто проявляет рвение, [ван] определяет хорошее содержание; тем, у кого множество заслуг, – присваивает звания и оказывает почет; тех, кто в состоянии управлять большими массами людей, назначает на высокие должности. Поэтому тем, кто мало на что способен, не поручаются важные дела, способные же люди не должны скрываться и прятаться. Если вы, ван, посчитаете, что сказанное мною можно исполнить, [то я] хочу действовать, чтобы приносить пользу вашим делам; а если вы найдете, что сказанное мною вам не подходит, то оставлять меня здесь не имеет смысла. Недаром говорится: “Заурядный правитель награждает тех, кто ему нравится, и наказывает тех, кто ему нелюб; мудрый же правитель поступает не так. Его благоволение непременно распространяется на тех, кто имеет заслуги, а наказание обязательно падает на тех, кто имеет провинности”. Стоит ли меня четвертовать или бросать под топор палача? Ведь я не осмелюсь прибегнуть к каким-нибудь сомнительным действиям в отношении вана. Хотя вы и считаете меня презренным человеком и готовы унижить, но разве вы, ван, не можете оценить того, что я не навязывался? Кроме того, я слышал, что у Чжоу есть самоцветы *диэ*, Сун богато драгоценным камнем *цзелу*, Вэй располагает превос-

ходной яшмой *сюаньли*, а в Чу есть драгоценные камни *хэлу*. Все четыре вида драгоценностей рождаются в земле, ими пренебрегают искусные мастера, но они знамениты во всей Поднебесной. Так, даже отринутый мудрым *ваном* человек разве не в состоянии увеличить достояние государства? Я слышал, что тот, кто печется о процветании собственного дома, должен думать о своем княжестве; тот же, кто заботится о процветании государства, должен опираться на *чжухоу*. Почему, когда в Поднебесной [появляется] умный правитель, *чжухоу* теряют возможность наживаться, как им вздумается? Потому что иначе пострадала бы мощь [отечества]. Ведь хороший лекарь знает, где проходит граница между жизнью и смертью больного; а мудрый *ван* ясно понимает, где проходит рубеж между свершением и неудачей. Если ситуация сулит успех – он действует, если грозит беда – он отбрасывает задуманное, а когда сомневается, то действует понемногу и осторожно. Если бы даже вновь родились Шунь и Юй, то и они не в состоянии были бы изменить эти положения. Свои глубокие соображения я не осмеливаюсь изложить письменно, а мелкие не стоят того, чтобы к ним прислушиваться. Может быть, я глуп, и [мои слова] не доходят до сердца *вана*. Или же говоривший обо мне человек низок и не может быть использован. Если же [дело обстоит] не так, то я прошу *вана* предоставить мне возможность в свободную минуту ненадолго увидеться с вами. Если от моих слов не будет никакого толку, я готов подставить свою голову под топор [палача]». Циньский Чжао-ван был сильно обрадован этим посланием. Он призвал к себе Ван Цзи и послал специальный гостевой экипаж за Фань Суем.

Так Фань Суй был принят во дворце Лигун ¹⁴. Фань Суй прикинулся человеком, который не знает, как пройти по бесконечным коридорам дворца, и прямо вошел в зал. Когда же из внутренних покоев показался Чжао-ван, придворные рассердились [на присутствие постороннего] и стали прогонять Фань Суя со словами: «Прибыл *ван!*» Фань Суй с намерением рассердить Чжао-вана стал говорить нечто странное: «Разве в Цинь есть *ван*? В Цинь есть только *тайхоу* и Жан-хоу!»

Когда Чжао-ван вошел и услышал пререкания Фань Суя с придворными, он пригласил того подойти и извиняющимся голосом сказал: «Я давно уже хотел лично послушать ваши наставления, но столкнулся с неотложными делами, связанными с племенами *ицюй* ¹⁵. Я и *тайхоу* день и ночь были заняты этим, но сейчас с *ицюями* покончено, и я имею возможность послушать ваши наставления. Я, к сожалению, не очень понятлив, но готов старательно принять наставления дорогого гостя». Фань Суй стал

скромничать и отказываться. В тот день все дворцовые служители, которые наблюдали за встречей *вана* с Фань Суем, были потрясены и даже переменялись в лице.

Циньский Чжао-ван удалил всех приближенных, и в дворцовом зале никого не осталось. Опустившись на колени, он спросил гостя: «Каким образом, вы, учитель, думаете наставлять меня?» Фань Суй в ответ: «Гм... гм...». Через некоторое время *ван* вновь спросил, опять же преклонив колени: «Как же вы, учитель, соблаговолите поучать меня?» Фань Суй [снова] ответил бормотанием. Так повторилось трижды. Почтительно склонившись, циньский *ван* продолжал спрашивать: «Неужели вы, учитель, так и не удостоите меня своими наставлениями?» Фань Суй ответил: «[Я] не осмелюсь так поступить. Я слышал, что в прошлом, когда Люй Шан встретился с чжоуским Вэнь-ваном, он был простым рыбаком, промышлявшим на берегах Вэйхэ¹⁶. Таким образом, они [сначала] были далеки друг от друга. Потолковав с *ваном*, Люй Шан стал его наставником, и когда они вместе вернулись [в столицу], их общение стало глубже. Так Вэнь-ван благодаря заслугам Люй Шана стал в конечном счете управлять всей Поднебесной. А ведь если бы Вэнь-ван отдалился от Люй Шана и не имел с ним глубоких бесед, то [правители] Чжоу не приобрели бы статуса Сынов Неба, Вэнь-ван и У-ван не смогли бы успешно завершить свои великие дела. Сейчас я здесь чужеземец и странник, далек от *вана*. Общаюсь с близкими вам людьми и, желая сделать полезной свою преданность, хочу представить вашему вниманию то, что имеет непосредственное отношение к вашим делам. [Но] я все еще не знаю истинных намерений *вана*. Вот почему я трижды не посмел ответить на вопросы *вана*. Сделал я это отнюдь не из страха. Я знаю, что тот, кто сегодня прямо выходит и говорит перед вами, завтра может быть казнен. Но я не смею прятаться. Если вы, Великий *ван*, поверите мне и будете действовать согласно моим советам, то [даже] смерть меня не напугает, даже изгнание меня не печалит. Пусть я покроюсь коростой, как прокаженный, распушу волосы, как сумасшедший, – все равно мне не будет стыдно за свои советы. Даже пять мудрых императоров древности оказались смертны; три славных *вана*, хотя и были милосердными, тоже умерли; эта же судьба была у пяти гегемонов, несмотря на их достоинства. Известные силачи, такие, как У Хо и Жэнь Би¹⁷, тоже умерли; та же участь постигла столь отважных мужей, как Чэн Цзин, Мэн Бэнь, Ван Цин-ци, Ся Юй¹⁸. Ведь смерти человеку никак не избежать¹⁹. И вот перед лицом неизбежности самое большое мое желание – постараться хоть немного помочь царству

Цинь. Чего же мне бояться? [Когда-то] У Цзы-суй²⁰ проехал, спрятавшись в торбе, заставу Чжаогуань; ночами он двигался, днем прятался и так добрался до реки Линшуй²¹. Полуголодный, босой и с понурой головой, он еле двигался, порой даже ползком; он похлопывал себя по животу в такт песне, играя на дудочке, и так просил милостыню на уских рынках. Но в конце концов возвысил княжество У, помог ускому вану Хэ Люю стать гегемоном среди князей. Если бы мне удалось, как У Цзы-сюю, добиться исполнения своих замыслов, пусть даже я потерял бы свободу и до конца своих дней не увиделся вновь с вами, правитель, я с радостью пошел бы на это. О чем мне было бы горевать? Вот и Цицзы и Цзе Юй²² покрыли себя коростой, распустили волосы, как сумасшедшие, [но так и] не сумели помочь своему правителю. Если действуя подобно Ци-цзы, я сумел бы чем-то помочь правителю, которого считаю достойным, это было бы для меня большим почетом. Чего бы мне было тогда стыдиться? Единственное мое опасение – это то, что после моей смерти в Поднебесной увидят, что, будучи до конца преданным своему делу, я умер, так и не открыв рот и не сделав ни шагу вперед; так и не смог ничем помочь Цинь. Для вас, ваше величество, наверху опасность представляет тайхоу, а внизу – коварство придворных. Вы живете в глубине дворцовых покоев, не вышли из-под опеки наставников, вас постоянно вводят в заблуждение, и нет никого, кто бы раскрыл эти козни. Самое страшное, что вам грозит, – это крушение храмов предков, самое малое – это то, что вы, правитель, окажетесь в одиночестве. Вот чего я опасаясь. А о своем личном позоре или даже гибели я ничуть не беспокоюсь. Если я погибну, но Цинь будет успешно управляться, это будет означать, что моя смерть оказалась нужнее моей жизни».

Циньский ван, склонившись [перед Фань Суем], сказал: «Что вы говорите, учитель! Ведь Цинь – отдаленное и захолустное государство, и сам я неразумен и бесталанен. К счастью, вы снизошли прибыть сюда. Это Небо послало мне вас, учитель, чтобы сохранить храмы наших прежних правителей. [И] то, что я удостоился ваших, учитель, поучений, означает, что Небо, благоволя нашим прежним ванам, не оставляет меня своим попечением. Почему же вы, учитель, произносите подобные речи? В любых делах, и малых и больших, все – от тайхоу до моих сановников – желают того, чтобы вы, учитель, наставляли меня и не сомневались бы во мне». [И тогда] Фань Суй и циньский ван поклонились друг другу.

Фань Суй продолжал: «Государство Великого вана с четырех сторон имеет крепости и оборонительные рубежи: на севере это

Ганьцзоань и Гукоу; на юге – [реки] Цзиншуй и Вэйшуй; справа находятся Лун и Шу; слева располагается застава [Ханьгу] и Фань²³. Вы можете противостоять войскам числом 100 раз по 10 тысяч и тысяче боевых колесниц. При благоприятных условиях вы можете наступать, при неблагоприятных – обороняться. Вот какие у вас земли. Ваши люди, не выказывая храбрости в обычной жизни, отважны в сражениях. Вот какие у вас люди. Ван соединяет оба эти элемента (территорию и народ) и использует их. Поэтому Цинь, опираясь на отвагу своих воинов и используя множество боевых колесниц и конников, может главенствовать над чжухоу. Это похоже на то, как свирепая [собака] ханьлу²⁴ травит хромого зайца. Для вас вполне достижима цель стать ваном-гегемоном. Но никто из ваших чиновников не служит подобающим образом. К сегодняшнему дню ваши заставы закрыты уже 15 лет, и вы не решаетесь применить свои войска к востоку от гор. Это происходит потому, что Жан-хоу в своих решениях циньских дел не предан вам, и планы Великого вана терпят провал».

Циньский ван, поклонившись, спросил: «Я хотел бы узнать причины провала моих планов». Поскольку все приближенные вана внимательно прислушивались к их беседе, Фань Суй поостерегся толковать о внутренних делах и стал прежде всего вести разговор о внешних делах²⁵, чтобы посмотреть, как поведет себя циньский ван.

Поэтому он продолжал: «Намерение Жан-хоу использовать войска Хань и Вэй для нападения на циские Ган и Шоу²⁶ – ошибочный замысел. Ведь если послать малые силы, то их явно недостаточно для причинения вреда Ци, а если направить значительные силы, то это может навредить Цинь. Я полагаю, что намерение вана послать поменьше своих войск, но использовать в полной мере войска Хань и Вэй – не то, что следует делать. Сейчас эти союзные с вами княжества и так уже не очень близки к нам, [поэтому] разве можно переходить их границы и посылать их [войска] в поход? Все это далеко от правильных расчетов. Кроме того, в прошлом, когда циский Минь-ван отправился на юг и напал на царство Чу, разбил чускую армию и убил ее командующего, эти действия охватили тысячи ли, но цисцы в результате наступления не получили ни клочка земли²⁷. Неужели они не стремились к приобретению земель? Обстоятельства не позволили им это сделать. Когда чжухоу поняли, что цисцы утомлены, что между правителем и подданными согласия нет, они подняли свои армии и напали на Ци и нанесли ему тяжелое поражение²⁸. [Циские] солдаты и командиры, испытав горечь поражения, по-

рицали своего *вана*, говоря [ему]: “Кто составлял вам план ваших действий?” *Ван* отвечал, что это сделал *Вэнь-цзы* ²⁹. Тогда сановники взбунтовались, и *Вэнь-цзы* бежал. Таким образом, пойдя в наступление на Чу и действуя в пользу Хань и Вэй, Ци [в конце концов] потерпело сильное поражение. Это [стратегию] можно назвать “заимствованием чужеземных войск и снабжением их провиантом”. Не лучше ли *вану* установить дружеские отношения с дальними государствами и напасть на ближайших соседей? Ведь если вы завоюете один *цунь* территории, это будет ваш *цунь*, если займете один *чи* земель, это будет ваш *чи*. А сейчас вы, правитель, не следуете этому принципу и нападаете на дальних, разве это не ошибка? В прошлом княжество Чжуншань обладало землями, равными квадрату со стороной в 500 *ли*, но Чжао в одиночку сумело поглотить его. Победив в сражении, Чжао не только утвердило свое имя, но и добилось выгод, и никто из князей Поднебесной не смог помешать ему. Хань и Вэй входят в число срединных княжеств и расположены в центре Поднебесной. Если вы, *ван*, стремитесь стать гегемоном, то вам необходимо сблизиться с срединными государствами, чтобы самому стать центром Поднебесной, угрожая своей мощью Чу и Чжао. Если Чу усилится, то оно примкнет к Чжао, а если Чжао усилится, то оно пойдет на сближение с Чу, а когда это произойдет, Ци обязательно встревожится. Если Ци будет обеспокоено, то оно непременно обратится [к Цинь] с подобострастным посланием, пришлет обильные подарки с целью послужить Цинь. А когда Ци сблизится с вами, то и Хань и Вэй будут в ваших руках».

Чжао-ван на это сказал: «Я уже давно намерен сблизиться с Вэй, но это княжество очень изменчиво, и поэтому я не смог этого сделать. Посоветуйте, как мне с ними сблизиться?» Фань Суй ответил: «Вы можете отправить вэйскому правителю ценные подарки и скромное послание с изъявлением готовности служить ему. Если это не даст результата, то уступите правителю Вэй какие-то земли, чтобы этим расположить его. Если и это не поможет, то поднимите войска и ударьте по нему». *Ван* сказал: «Я старательно последую вашим советам». После чего пожаловал Фань Сую звание *кэцина* и назначил его советником по военным делам. В конце концов, следуя рекомендациям Фань Суя, [*ван*] послал *удафу* Ваня напасть на Вэй (266 г.). Циньцы заняли Хуай, а через два года и Синцзо ³⁰.

Кэцин Фань Суй еще посоветовал Чжао-вану следующее: «Расположение земель Цинь и Хань таково, что они переплетаются, словно узор вышивки. Хань для Цинь – все равно что черви для

дерева или внутренняя болезнь для человека. Когда в Поднебесной нет больших потрясений, то это не опасно, но когда наступают перемены, то что является большим бедствием для Цинь, чем Хань? Вану лучше всего прибрать Хань к рукам». Чжао-ван сказал: «Мне, конечно, хотелось бы поглотить Хань, но его правители не поддаются; как же мне действовать?» Фань Суй ответил: «Как может ханьский правитель не слушаться вас? Пошлите войска и нападите на Инъян, тогда пути в Гун и Чэнгао будут прерваны ³¹. На севере будет перерезана дорога через горы Тайхан, и расположенные в области Шандан ³² войска противника не смогут спуститься [на помощь]. Ваше наступление на Инъян рассечет ханьские земли на три части, и Хань окажется перед лицом несомненной гибели. Как же [ханьский ван] может ослушаться? Если Хань будет вам послушно, то и ваше стремление к гегемонии может осуществиться». Циньский ван заметил: «Это превосходно!» — и решил отправить посланца в Хань ³³.

Фань Суй с каждым днем становился все ближе к циньскому вану и на протяжении нескольких лет неоднократно выступал с увещеваниями. Однажды, воспользовавшись свободной минутой вана, он сказал: «[Еще] проживая к востоку от гор, я слышал, что в Ци есть Тянь Вэнь [Мэнчан-цзюнь], но не слышал, чтобы там был ван; [я] слышал, что в Цинь есть тайхоу, Жан-хоу, Хуаян[-цзюнь], Гаолин[-цзюнь], Цзинъян[-цзюнь], но не слышал, что там есть ван. Ведь ваном называется человек, который держит власть в государстве в своих руках, то есть человек, который может приносить пользу или вред, человек, который распоряжается жизнью и смертью людей. Ныне тайхоу захватила в Цинь все управление в свои руки, не обращая на вас внимания; Жан-хоу рассылает повсюду своих послов, даже не докладывая вам; Хуаян[-цзюнь] и Цзинъян[-цзюнь] наказывают людей, даже не скрывая своих действий; Гаолин-цзюнь принимает людей [на службу] или прогоняет их, не спрашивая вашего согласия. Когда четверо знатных занимают в государстве такое положение, это всегда грозит опасностью. Раз мы находимся под управлением этой знатной четверки, можно сказать, что в царстве нет вана. А раз так, то власть в государстве не может не поколебаться, разве она не должна находиться в ваших руках? Я слышал, что тот, кто успешно управляет своим государством, внутри него непременно усиливает свое влияние, а вне его укрепляет свое могущество. Посланцы Жан-хоу узурпировали вашу силу, ван, они проводят ваши решения среди чжухоу, предъявляют [свои] верительные бирки во всей Поднебесной. Они ведут военные действия, и никто не осмеливается их

ослушаться. Если наступление ваших войск завершается победой и захватом каких-то земель, то польза от этого идет владельцу Тао³⁴, а все потери государства переваливаются на плечи *чжухоу*. Но в случае поражения все негодование и боль *байсинов* обращается против ваших алтарей духов Земли и злаков. В стихах говорится: “Когда плодов на дереве слишком много, то ломаются его ветви, а если порушены ветви, то может пострадать и ствол. Когда слишком разрастаются удельные владения, то это угрожает государству, когда чиновники чрезмерно возвышаются, это унижает правителя”³⁵. Так было с Цуй Чжу и Нао Чи, которые служили в Ци и обладали большой властью. Первый из них выстрелил *вану* в бедро; второй выдрал у *вана* сухожилия, развесив их на угловом столбе у родового храма, и так умертвил³⁶. Ли Дуй, управляя всеми делами Чжао, заточил Чжуфу в Шао, и через сто дней тот умер от голода³⁷. Ныне я, ваш слуга, вижу, что в Цинь всеми делами управляют *тайхоу* и Жан-хоу, им помогают в этом Гаолин[-цзюнь], Хуаян[-цзюнь] и Цзиньян[-цзюнь], но ничего не слышно о циньском *ване*. Это подобно тому, как было с Нао Чи и Ли Дум. Так и правители трех древних династий потеряли свои государства из-за того, что передали свою единоличную власть другим, вели разгульный образ жизни, пристрастились к поездкам, хождению в гости, охоте, не интересовались делами управления. Те же, кому они передали эту власть, завидовали мудрым, испытывали зависть к способным. Добиваясь своих личных целей, они давили на нижестоящих и обманывали вышестоящих, они совсем не думали о делах своего господина, а правители не осознавали всего этого и потому теряли свои государства. Сейчас в нашем царстве от крупных чиновников и до вашего ближайшего окружения все вроде бы являются людьми, помогающими вам в управлении государством. Но я вижу, что вы, *ван*, одиноки в своем дворце, и я, ваш слуга, опасаюсь, что через тысячи поколений среди правителей царства Цинь не окажется потомков *вана*».

Чжао-ван, выслушав все это, сильно обеспокоился и сказал: «Все это верно». После этого *ван* отстранил от дел *тайхоу*, выслал за пределы застав Жан-хоу, Гаолин-цзюня, Хуаян-цзюня, Цзиньян-цзюня. Затем циньский *ван* предложил Фань Суя пост *сяна*, передав ему печать, принадлежавшую Жан-хоу, и владения в Тао; *ван* поручил уездным чиновникам снабдить Фань Суя повозками и скотом для переезда. Набралось более тысячи подвод. [Когда Фань Суя] прибыл к заставам, то стражники проверили его богатства, и оказалось, что у Фань Суя драгоценностей и дорогих вещей больше, чем в ванском дворце³⁸. Циньский *ван* пожаловал

Фань Сую владение в Ин ³⁹, и он стал титуловаться Ин-хоу. Это был 41-й год правления циньского Чжао-вана (266 г.).

Фань Суй служил *сяном* в Цинь, где его звали Чжан Лу ⁴⁰, но в Вэй [об этом] не знали, считая, что Фань Суй уже давно умер. Вэйский правитель, узнав, что циньцы намереваются пойти на восток и напасть на Хань и Вэй, послал Сюй Цзя в Цинь. Узнав об этом, Фань Суй, одевшись похуже, скрытно отправился в резиденцию посла, чтобы встретиться с Сюй Цзя. Тот, увидев Фань Суя, удивленно спросил: «С вами, дядюшка Фань, наверное, не все благополучно?» Фань Суй ответил: «Это верно». Сюй Цзя, улыбаясь, спросил: «Вы, дядюшка Фань, имеете влияние на циньского *вана*?» Тот ответил: «Нет, ведь в прошлом я, Суй, провинился перед вэйским *сяном* и поэтому бежал сюда – как могу осмелиться поучать *вана*». Сюй Цзя спросил: «А чем же вы, дядюшка, занимаетесь?» Фань Суй ответил: «Я прислуживаю людям». Сюй Цзя отнесся к Фань Сую с сочувствием, посадил рядом с собой откусать и выпить вина, спросил: «Как же ты, дядюшка Фань, дошел до такого бедственного положения?» И взяв атласный халат, он преподнес его Фань Сую, а затем вновь спросил: «Циньским *сяном* является господин Чжан, знаешь ли ты его? Я слышал, что *ван* ему очень доверяет и что все дела в Поднебесной решаются *сяном*. Решение моего дела [и, следовательно], уезжать мне или задержаться, зависит от Чжана. Нет ли у тебя друга, который вхож к господину *сяну*?» Фань Суй ответил: «Мой хозяин хорошо знает его, и я попробую ему доложить и попросить, чтобы он представил вас господину Чжану». Сюй Цзя продолжал: «[Но] у меня заболел конь, и [к тому же] сломалась ось у повозки. А без большого экипажа и четверки лошадей мне нельзя выезжать». Фань Суй сказал: «Я постараюсь попросить у своего хозяина для вас большой экипаж и четверку лошадей».

Вернувшись к себе, Фань Суй взял большой экипаж с четверкой лошадей и [сам] повел его к Сюй Цзя. Когда они въехали в подворье *сяна*, находившиеся там люди, издали узнавшие советника, поспешили скрыться ⁴¹. Сюй Цзя этому удивился. Когда они подъехали ко входу во дворец *сяна*, тот сказал Сюй Цзя: «Обождите меня, я прежде войду, чтобы доложить господину *сяну*». Сюй Цзя стал ожидать его у ворот, прождал в экипаже очень долго и потом спросил у привратника: «Дядюшка Фань все не выходит, в чем дело?» Привратник ответил: «Здесь нет никакого дядюшки Фаня». Сюй Цзя сказал: «Это же мой земляк, который привез меня и вошел [в дом]». Привратник ответил: «Это же и есть наш первый советник господин Чжан». Сюй Цзя был оше-

ломлен и испуган, он понял, что был разыгран Фань Суем. Тогда, обнажив [в знак покорности] плечо, он вслед за привратником вполз на коленях в зал, чтобы повиниться. В это время Фань Суй сидел за занавесями, вокруг него суеилось множество людей, [но он] принял Сюй Цзя. Сюй Цзя склонил голову и повинился в своей грубой оплошности, сказав: «Я, Цзя, не мог и предполагать, что вы, господин, можете занять столь высокий пост ⁴². Я не посмею больше читать каноны Поднебесной, мне явно не под силу заниматься далее делами Поднебесной. Я совершил преступление, за которое бросают в котел с кипящей водой. Я прошу сослать меня туда, где живут северные варварские племена *ху* и *мо*, моя жизнь и смерть в ваших руках». Тогда Фань Суй спросил: «А сколько у вас провинностей и преступлений?» Цзя ответил: «Если даже вы выдернете все волосы на моей голове, их будет меньше, чем моих преступлений перед вами». Фань Суй сказал: «Ваших прегрешений три. В прошлом, во времена чуского Чжао-вана, Шэнь Бао-суй ⁴³, сражаясь за царство Чу отбросил uskие войска. Чуский *ван* пожаловал ему 5 тысяч семей в цзинских землях, [но] Бао-суй отказался от пожалования, так как в Цзин располагались ⁴⁴ могилы его предков. Могилы моих предков находятся в Вэй, вы же сочли, что мое, Суя, сердце принадлежит княжеству Ци, и опозорили меня перед Вэй Ци. Это ваше первое прегрешение. Когда Вэй Ци, опозорив меня, бросил в отхожее место, то вы не остановили его. Это ваше второе прегрешение. И наконец, как могли вы допустить, чтобы пьяные опраивались на меня? Это ваше третье прегрешение. Но вы останетесь в живых, потому что поднесли мне халат из атласа и тем выразили свою симпатию ко мне. Поэтому отпускаю вас». Он простил Цзя и на этом кончил дело. Войдя к Чжао-вану, он [все] доложил ему, и тот разрешил Сюй Цзя вернуться.

[Когда] Сюй Цзя пришел прощаться с Фань Суем, у того шло большое пиршество, на которое были приглашены все послы от *чжухоу*. Хозяин и гости сидели в верхнем зале, ели и пили на славу. Однако Сюй Цзя он посадил в нижнем зале, велел поставить перед ним грубые овощи, приказал двум стражникам сесть по бокам [и следить], чтобы он поедал эту траву, как лошадь. При этом ему не раз было сказано: «Ступай и доложи вэйскому *вану*, чтобы срочно прислали голову Вэй Ци, а иначе будет вырезан весь Далин». Вернувшись, Сюй Цзя сказал об этом Вэй Ци, который испугался и бежал в Чжао, где укрылся на подворье Пингьюань-цзюня.

Однажды, когда Фань Суй уже стал *сяном* в Цинь, Ван Ци ему сказал: «Есть три события, которые невозможно предвидеть, и при этом ничего нельзя исправить. Когда скончается государь –

это первый непредвиденный случай; когда вы, *цзюнь*, сами неожиданно скончае­тесь⁴⁵ – это второй непредвиденный случай; и на­конец, если я неосмотрительно свалюсь в ров и погибну – это бу­дет третий непредвиденный случай. Когда во дворце объявлен траур по государю, то вам остается лишь выразить свою скорбь; если вы, *цзюнь*, сами неожиданно скончае­тесь, то хотя это будет и прискорбно, но уже ничего не изменишь; если же я свалюсь и по­гибну, то хотя вам и будет жаль меня, но и в этом случае ничего не поделаешь». Фань Суй от этих рассуждений опечалился, после чего вошел к *вану* и сказал: «Без преданности Ван Цзи я бы не смог пройти через заставу Ханьгу; без вашей, Великий *ван*, муд­рости и великодушия я бы не смог стать сановником. Сейчас я достиг поста *сяна*, по титулу вошел в число *лехоу*. Ван Цзи остал­ся лишь *ечжэ*, неужели ради этого он ввел меня в царский двор?» Чжао-ван тут же призвал Ван Цзи и назначил его управителем земель Хэдун, а Чжэн Ань-пина поставил военачальником. Одна­ко Ван Цзи в течение трех лет не представлял двору докладов о своих делах. Вскоре Фань Суй стал раздавать принадлежавшие ему богатства. Он отблагодарил всех, кто помог ему в трудную пору, благодарил за любую доброту, проявленную по отношению к нему, но в то же время готов был мстить за каждый недобрый взгляд в его сторону.

На 42-м году правления циньского Чжао-вана (265 г.), когда Фань Суй был *сяном* в Цинь второй год, [циньцы] двинулись на восток, напали на ханьские Шаоцой и Гаопин⁴⁶ и заняли их.

Циньский Чжао-ван, узнав о том, что Вэй Ци находится в до­ме Пинъюань-цзюня, вознамерился отомстить за обиды Фань Суя и решил написать дружеское письмо Пинъюань-цзюню, в кото­ром говорилось: «Я насльпан о вашей, почтенный, высокой справедливости и хотел бы установить с вами дружеские отношения, а не такие, как между правителем и подданным; если бы вы удостои­ли меня своим присутствием, то мы могли бы с десятком дней вместе попить». Пинъюань-цзюнь опасался циньского правителя и счел, что его предложение следует принять. [Он] поехал в Цинь и встретился с Чжао-ваном. Чжао-ван пировал с Пинъюань-цзюнем несколько дней и сказал ему: «В прошлом чжоуский Вэнь-ван, запо­лучив Люй Шана, дал ему титул Тай-гун; циский Хуань-гун, запо­лучив Гуань И-у, присвоил ему звание *чжунфу*⁴⁷, а господин Фань для меня как родственник. Ненавистный враг господина Фаня находится в вашем доме, и я хотел бы послать своих людей, чтобы они верну­лись назад с его головой. Если вы не согласитесь, то я не выпущу вас, княжич, за пределы застав». Пинъюань-цзюнь ответил: «Друзья

знатного проверяются, когда знатный теряет свое положение; друзья богатого – когда тот обеднеет. Вэй Ци – мой друг, [и если бы] он и находился [в моем доме], то я бы его не выдал. Но сейчас его у меня нет». Тогда Чжао-ван отправил чжаоскому вану послание, где говорилось: «Ваш младший брат ⁴⁸ находится в Цинь, а Вэй Ци – личный враг господина Фаня – расположился в доме Пинъюань-цзюня. Пошлите людей, ван, чтобы они срочно доставили его голову. Если вы так не поступите, я подниму войска и нападу на Чжао и, кроме того, не выпущу вашего младшего брата за пределы застав». Чжаоский Сяо Чэн-ван послал солдат окружить дом Пинъюань-цзюня. Оказавшись в опасности, Вэй Ци ночью бежал и отправился к чжаоскому сяну Юй Цину. Юй Цин решил, что уговорить чжаоского вана не удастся, и он расстался с печатью сяна и бежал вместе с Вэй Ци.

Когда они тайно отправились в путь, они понимали, что никто из чжухоу не сможет дать им приют, и они отправились в Даян, намереваясь связаться с Синьлин-цзюнем, чтобы уехать в Чу. Синьлин-цзюнь узнал об этом и, опасаясь правителя Цинь, сделал так, чтобы не встретиться с беглецами. Он спросил: «А что за человек этот Юй Цин?» В тот момент рядом с ним был Хоу Ин, который сказал: «Несомненно, знания человеку даются нелегко, но познать человека – еще труднее. В свое время Юй Цин отправился в дальний путь в соломенных туфлях и с зонтом на плече. После первой встречи с чжаоским ваном он был одарен парой белых яшм и сотней кусков золота. После второй встречи ему было пожаловано звание *шанцина*. В результате же третьей встречи он получил печать сяна и был пожалован 10 тысячами дворов. К тому времени все в Поднебесной наперебой стремились познакомиться с ним. Когда Вэй Ци очутился в бедственном положении, он побегал к Юй Цину, а последний не посмотрел на свой чин, звание и доходы – тут же отказался от печати сяна, бросил свои 10 тысяч дворов и скрытно бежал. Так во имя попавшего в беду мужа он бежал и прибыл к вам, княжич, а вы спрашиваете, что это за человек. Знания, несомненно, даются человеку нелегко, но познать человека – еще труднее!» Тогда Синьлин-цзюнь устыдился и поехал в экипаже встретить их (беглецов) в поле. Вэй Ци, узнав о том, что Синьлин-цзюнь вначале счел для себя обременительной встречу с ним, вознегодовал и покончил с собой. Узнав об этом, чжаоский ван поднес голову [Вэй Ци] правителю Цинь. Циньский Чжао-ван разрешил тогда Пинъюань-цзюню вернуться в Чжао.

На 43-м году правления циньского Чжао-вана (264 г.) циньцы напали на ханьский Фэнцзин и захватили его. Затем они воз-

двигли крепостные стены в Хэшане и Гуанью ⁴⁹.

Через пять лет (259 г.) циньский Чжао-ван, использовав замысел Ин-хоу, с помощью подосланных им людей перехитрил чжаоского *вана*. В результате чжаосцы заменили командующего и вместо Лянь По поставили Мафу-цзы. [Благодаря этому] циньцы нанесли тяжелое поражение чжаосцам под Чанпинном, а затем окружили Ханьдань. Поскольку между Уань-цзюнем по имени Бай Ци и *ваном* давно существовала неприязнь, Бай Ци оговорили [перед *ваном*] и погубили ⁵⁰, а на его место был назначен Чжэн Ань-пин, которого послали ударить по армии Чжао. [Армия] Чжэн Ань-пина была окружена чжаосцами, попала в опасное положение, и 20 тысяч ее воинов сдались чжаосцам. Тогда Ин-хоу, [скромно] сев на простую циновку, попросил *вана* о наказании за эту вину. Ведь согласно циньским законам, если при назначении на должность назначенный делал свое дело плохо, то наказывался и он, и тот, кто его рекомендовал. Из-за виновности Ин-хоу должны были быть наказаны [и] три поколения его родичей. Однако циньский Чжао-ван не хотел причинять вред Ин-хоу и потому издал следующий указ: «Всякий, кто осмелится заявить что-либо по делу Чжэн Ань-пина, будет наказан на уровне его проступка». С каждым днем *ван* стал все больше одаривать своего *сянго* Ин-хоу, выказывая этим свое благоволение.

Через два года после того, как Ван Цзи стал начальником области Хэдун, он вступил в сговор с *чжухоу*, но был судим и казнен (255 г.). Ин-хоу с этого времени все больше грустнел. Чжао-ван, приходя на царские приемы, [тоже] тяжело вздыхал. Как-то, войдя [в зал], Ин-хоу сказал: «Я слышал поговорку: “Печаль правителя – это позор для подданного, а позор правителя – это смерть для подданного”. Ныне вы, Великий *ван*, проводите прием в печали, поэтому я осмеливаюсь просить [вас] покарать меня за мои проступки». Чжао-ван ответил: «Я слышал, что певцы и актеры в Чу грубоваты, зато там остры железные мечи. Если железные мечи остры, то воины храбры; если певцы и актеры грубоваты, то замыслы идут далеко. [Поскольку у чусцев] далеки планы и храбры воины, я боюсь, что Чу что-то замышляет против Цинь. Если не быть должным образом готовым, нельзя противостоять превратностям войны. В настоящее время Уань-цзюнь уже умер, а Чжэн Ань-пин и другие бунтуют; у нас нет хороших полководцев, вокруг нас множество враждебных княжеств, вот почему я печален». [Чжао-ван] намеревался такими рассуждениями побудить Ин-хоу к действиям. Но Ин-хоу был в сомнениях, не знал, как действовать.

Когда Цай Цзэ узнал про это, он тут же прибыл в Цинь.

Цай Цзэ был уроженцем княжества Янь, он путешествовал, предлагая свои советы чжухоу. Посетил много больших и малых владений, но никем не был принят на службу. И вот он обратился к гадателю-физиогномисту Тан Цзюю⁵¹ и спросил его: «Учитель! Я слышал, что вы, гадая Ли Дую⁵², сказали, что он в течение ста дней будет держать бразды правления в своих руках. Было ли это?» Тан ответил: «Было». «А какой будет моя судьба?» – спросил Цай Цзэ. Тан Цзюй внимательно посмотрел на него и с усмешкой сказал: «У вас, учитель, нос крючком, как жало скорпиона, зато плечи очень широки; у вас высокий лоб с залысинами, сморщенное лицо и искривленные колени. Но ведь недаром говорят, что для мудреца внешний вид не важен. Пожалуй, это касается и вас, учитель». Цай Цзэ, понимая, что Тан Цзюй просто смеется над ним, сказал: «Богатство и знатность зависят от меня, но чего я не знаю, так это сколько я проживу. Осмелюсь спросить об этом». Тан Цзюй ответил: «Что касается продолжительности вашей жизни, учитель, то начиная с нынешнего дня вам жить еще 43 года». Цай Цзэ усмехнулся, поблагодарил Тана и вышел. Своему возникшему [он] сказал: «Ну что же, буду есть лучший рис и жирное мясо, а после трапезы ковырять в зубах; буду галопом мчаться на лошадях при пурпурном поясе с золотой печатью сановника; буду постоянно принят у правителя; надеюсь прожить богатым и знатым, вкушая добрую пищу, и отведенных мне 43 лет вполне достаточно». После этого Цай Цзэ отправился в Чжао, но был оттуда изгнан. Тогда он отправился в Хань и Вэй, но по дороге лишился своего котла для варки пищи. Узнав, что Ин-хоу пребывает в растерянности из-за того, что рекомендованные им на должности Чжэн Ань-пин и Ван Ци обвинены в тяжких преступлениях перед Цинь, Цай Цзэ решил отправиться на запад в Цинь.

Перед тем как повидать Чжао-вана, он послал своего человека, чтобы тот распустил слухи и вызвал гнев у Ин-хоу, говоря: «Яньский [бинь]кэ Цай Цзэ – муж выдающийся, искушенный в знаниях и хорошо известный в Поднебесной полемист. Как только он увидится с циньским ваном, это непременно поставит вас в трудное положение и лишит вас [вашего] места». Когда Ин-хоу услышал [об этом, он] сказал: «Мне хорошо известны деяния пяти императоров древности, дела трех династий и учения байцзэ⁵³, не составляют для меня труда и многочисленные суждения софистов. Разве может этот человек создать для меня трудности и занять мое место?» И он послал своего слугу за Цай Цзэ. Тот вошел и, сложив руки, поклонился Ин-хоу. Ин-хоу, разумеется, был недоволен, держался высокомерно и сказал снисходительно:

«Действительно ли вы заявляли, что хотите заменить меня в качестве циньского *сяна*?» Цай Цзэ ответил: «Да, говорил». Ин-хоу продолжал: «Прошу объясниться». Цай Цзэ ответил: «О! Как же вы, господин, до сих пор не поняли этого! Ведь четыре времени года следуют друг за другом, и каждое из них, достигнув расцвета, уходит. Так и в человеческой жизни: сначала тело сильно и крепко, руки и ноги подвижны, уши и глаза слышат и видят ясно, а сердце мудрое и понимающее. Разве не об этом мечтает каждый муж?» Ин-хоу ответил: «Да, это так». Цай Цзэ продолжал: «Воплощать человеколюбие и придерживаться справедливости, следовать *Дао* и осуществлять добродетель, стремиться проявить свои устремления перед всей Поднебесной, – и тогда Поднебесная будет по отношению к вам преисполнена радости и уважения, почтительно восславит вас, а все люди будут желать вам стать *ваном*. Разве не этого желают искусные в спорах и умудренные в знаниях люди?» Ин-хоу ответил: «Правильно». Цай Цзэ далее сказал: «Когда вы знатны и богаты, вы в состоянии привести в порядок все сущее, так что каждый предмет найдет место; тогда все живое долговечно и свой земной путь заканчивает спокойно, не умирая преждевременно, а в Поднебесной продолжается установленный порядок, поддерживается начатое вами дело. Все это продолжается бесконечно, не истощаясь, и суть явлений и их названия остаются чистыми, без искажения. Благо растекается на тысячи *ли*, из поколения в поколение, и непрерывно прославляются эти дела, они существуют вечно, как небо и земля. Разве не это – символ истинного *Дао* и добродетели, того, что мудрец называет добрым знаменем и прекрасным свершением?» Ин-хоу ответил: «Да, это так».

Цай Цзэ продолжал: «Разве вы пожелали бы себе неожиданной смерти, [подобной той, которая постигла] циньского Шанцзюня, чуского У Ци, юэского *дафу* Чжуна ^{54?}» Ин-хоу понимал, что Цай Цзэ хочет поставить его в затруднительное положение, нарочито искажая события, и не без умысла сказал: «Почему бы и нет? Гунсунь Ян служил Сяо-гуну, целиком отдавая себя делу, не думая ни о чем другом; он был занят общим [делом], не заботясь о себе; он разработал и установил строгие законы: имевшие заслуги награждались, преступившие закон наказывались, чтобы царил порядок; он действовал с открытой душой, проявляя самые искренние чувства, хотя и испытал немало недоброжелательства. Он обманул своего старого друга вэйского княжича Ана, захватив его в плен, чтобы укрепить алгари Земли и злаков дома Цинь; действовал на благо *байсинам* и во имя царства Цинь сумел пленить вражеского военачальника и разбить неприятельские армии.

Он захватил земли на тысячи *ли*. У Ци служил Дао-вану, не позволяя поступать так, чтобы личные дела вредили общими, чтобы клеветники порочили преданных людей; в речах он ни к кому не поддаживался, а действиями не стремился никому угождать; перед лицом опасности он не менял своих намерений, выполнял свой долг, не избегая трудностей. Во имя того, чтобы сделать своего правителя *ба-ваном* и укрепить княжество, он готов был перенести любые беды и несчастья. Сановник Чжун служил юэскому *вану*, и хотя тот попал в трудное положение и был опозорен, он оставался неизменно верен ему и не покинул его. Хотя его правитель стоял перед гибелью, он отдал ему все свои силы и способности и не оставил его. Когда же все завершилось успехом [Гоу Цзяня], то [Чжун] не кичился совершенным; став знатным и богатым, не зазнался и не погряз в праздности. Эти три мужа несомненно являются примером выполнения своего долга, идеалом преданности правителю. Вот почему совершенный муж во имя долга преодолевает смертельные трудности и рассматривает свою гибель как возвращение к истокам ⁵⁵. Ведь чем жить в бесчестьи, лучше умереть в почете. Настоящий муж, несомненно, готов погибнуть, чтобы составить себе имя, и живет только ради исполнения своего долга. Даже смерть не вызывает у него недовольства, почему бы ему и не умереть?»

[Тогда] продолжил Цай Цзэ: «Когда и правитель мудр, и сановники разумны, то и Поднебесная процветает; когда у правителя ясный ум, а сановники прямодушны, княжество богатеет; когда отец человеколюбив, дети почитают своих родителей, [когда] мужья искренни, а жены добродетельны, то в семьях царит благополучие. Поэтому, хотя Би-гань и был преданным слугой, [он] не смог спасти дом Инь; хотя У Цзы-суй был мудр, [он] не смог сохранить в целостности княжество У; хотя Шэнь-шэн и был почтительным сыном, [но] в Цзинь возникла смута ⁵⁶. Все они были преданными чиновниками и верными сыновьями, но государства погибали [или] ввергались в смуту. Почему? [Потому что] не было умных правителей и достойных отцов, чтобы прислушаться к ним. Потому-то в Поднебесной деяния таких правителей и отцов рассматривают как позорные, а их подданным и сыновьям выражают сочувствие. Что же касается Шан-цзюня, У Ци и *дафу* Чжуна, то все они действовали правильно, а их правители ошибались. Эти три мужа, имея неизмеримые заслуги, не получили того, чего заслуживали, но общество так считает не из сочувствия к их безвременной гибели из-за непонимания правителем. Если верность и репутацию можно заслужить только смертью, то у [иньского] Вэй-цзы ⁵⁷ ока-

жется недостаточно человеколюбия, у Конфуция – недостаточно мудрости, а у Гуань Чжуна – величия. Разве человек, совершая подвиг, не рассчитывает прожить свою жизнь до конца? Самое лучшее – это сохранить и жизнь и имя; этому уступает [та ситуация, когда] лишь имя твое служит примером, а сам ты погибает; самое же худое – это когда имя опозорено, а ты цепляешься за жизнь». Ин-хоу одобрил такие суждения.

Помолчав какое-то время, Цай Цзэ продолжал: «Можно стремиться быть таким, как Шан-цзюнь, У Ци и дафу Чжун, которые преданно служили своим правителям и добились величайших заслуг. Хун Яо служил Вэнь-вану, Чжоу-гун⁵⁸ помогал Чэн-вану – разве они тоже не были преданны своим *ванам* и не были мудры? Если говорить об отношениях господина и слуги, то хотите ли вы брать пример с Шан-цзюня, У Ци и дафу Чжуна или же с Хун Яо и Чжоу-гуна?» Ин-хоу отвечал: «Конечно, Шан-цзюня, У Ци и дафу Чжуна нельзя сопоставлять [с Хун Яо и Чжоу-гуном]». Цай Цзэ заметил: «Ваш нынешний правитель проявляет свою глубокую любовь к людям и милосердие, он использует преданных ему чиновников, весьма щедр к заслуженным людям, он неразрывно связан с теми мужами, которые являются знающими, мудрыми и следуют истинным *Дао*; он все решает по справедливости, не обижает заслуженных чиновников. Можно ли его сравнить с циньским Сяо-гуном, чуским Дао-ваном или юэским *ваном* [Гоу Цзянем]?» Ин-хоу ответил: «Я не знаю, насколько это возможно».

Тогда Цай Цзэ продолжал: «Сейчас ваш правитель приблизил к себе преданных чиновников, но в этом не превзошел еще циньского Сяо-гуна, чуского Дао-вана и юэского *вана*. Вы, почтенный, используете в управлении людей знающих и ради своего повелителя в состоянии устранять опасности и улучшать правление, справляться с мятежами и укреплять войска. Вы преодолеваете все беды и трудности, расширяете свои территории, засеиваете земли злаками, обогащаете государство и несете благо семьям, усиливаете власть правителя, утверждаете престиж алтарей духов Земли и злаков, способствуете храмам предков, так что в Поднебесной никто не осмеливается обманывать вашего правителя и вредить ему. В результате могущество вашего повелителя потрясает все земли в пределах морей, его заслуги сверкают за пределами 10 тысяч *ли*, его слава будет передаваться тысячам поколений. Можно ли ваши дела, почтенный, сопоставить с деяниями Шан-цзюня, У Ци и дафу Чжуна?» Ин-хоу ответил: «Нет, [с ними мне] не сравниться».

Цай Цзэ продолжал: «Ныне ваш правитель близок с преданными ему чиновниками и не забывает прежние заслуги этих лю-

дей и все же уступает в этом отношении Сяо-гуну, Дао-вану и Гоу Цзяню. А ваши, почтенный, заслуги и свершения, доверие к вам и ваша близость к *вану* не сравнимы с тем, что имели Шан-цзюнь, У Ци и *дафу* Чжун. Однако ваше служебное положение и знатность высоки, богатства вашей семьи превосходят богатства этих трех человек, но раз вы не отходите еще от дел, то опасаясь, что ожидающие вас неприятности превзойдут несчастья этих трех мужей. Я за вас очень тревожусь. Ведь говорят: “Побывав в зените, солнце клонится к горизонту; после полнолуния луна становится ущербной”. После того как все сущее расцветает, неизбежно наступает упадок – таков общий порядок на небе и на земле. Продвижение по службе и уход с нее, подъем и спад в этой деятельности, изменения, наступающие с меняющимся временем, – это постоянный путь мудреца. Поэтому [и говорили]: “Если государство следует истинным *Дао* – служи, если же его лишено – укрывайся в глуши.” Совершенномудрые говорили: “Летающий дракон находится в небе; благоприятно свидание с великим человеком”. “Неправедно нажитые богатства и знатность ддя меня, что плывущие по небу облака” ⁵⁹. Ныне своим врагам вы уже отомстили, ваши добродетели уже вознаграждены, ваши намерения и желания целиком исполнились. [В этих условиях] на вашем месте я бы изменил свои планы. Вот возьмем для примера зимородка, малого лебедя, носорога или слона: они живут в одном шаге от смерти и гибнут, попадаясь на приманку. Су Цинь и Чжи-бо ⁶⁰ были достаточно умны, чтобы избежать позора и отдалить свою гибель, но они погибли, потому что поддались своей безмерной жадности. Потому-то мудрецы контролируют свое поведение и ограничивают свои желания, а [правитель] соизмеряет свои требования к народу, использует его силы в разумных пределах, в соответствии с временем года. Намерения правителя не должны быть чрезмерными, а действия – своевольными. Если все идет в соответствии с Великим *Дао*, без упущений, то порядок в Поднебесной может продолжаться и не прерываться. Так, в прошлом циский Хуаньгун девять раз собирал *чжухоу*, объединив воедино и приведя в порядок всю Поднебесную, но стоило *гуну* на съезде князей в Куйцо ⁶¹ проявить высокомерие, как против него взбунтовались девять княжеств. У уского *вана* Фу Ча военные силы не имели [достойных] противников во всей Поднебесной. Будучи храбрым, он недооценил [возможности] *чжухоу*. По этой причине после вторжения в Ци и Цзинь он погиб сам и сгубил свое княжество. Ся Юй и *тайши* Цзюэ ⁶² одним криком наводили страх на три армии и все же погибли от рук простоллюдинов. Все несчастья про-

истекают от того, что [люди] используют все до предела, не думая о разумных границах, не идут ни на какие отступления от задуманного, не умеют ограничивать себя ни в чем.

Шан-цзюнь в интересах циньского Сяо-гуна сделал ясными законы и установления; вырвал корни злоупотреблений; заслуженные чиновники награждались, те, кто имел проступки, неотвратимо наказывались; он ввел эталоны мер, приведя в порядок меры веса, утвердил *цинчжун*, проложил продольные и поперечные межи на полях, чтобы таким путем внести покой в жизнь народа и закрепить единые обычаи. Он поощрял народ заниматься сельским хозяйством и улучшать земли; [делал так, чтобы] крестьяне не совмещали земледелие с другими занятиями, чтобы на полях трудились с полной отдачей и накапливали запасы зерна, чтобы люди занимались постоянно военной подготовкой. В результате стоило лишь двинуть войска, как [циньские] земли расширились, а когда не было боевых действий, то государство множило свои богатства. Вот почему Цинь не имело соперников во всей Поднебесной и добилось своей цели — установления главенства среди *чжухоу*. И вот, когда планы Цинь и усилия Шан-цзюня завершились успехом, его разорвали колесницами.

Когда царство Чу простиралось на тысячи *ли*, а воинов с копьями у него было 100 раз по 100 тысяч, циньский военачальник Бай Ци, командуя всего несколькими десятками тысяч солдат, повел их на битву с чуской армией. Уже после первого боя он захватил чуские Янь и Ин, сжег Илин; после второго боя он занял на юге царство Шу и Хань [чжун]. Он также вторгся в земли Хань и Вэй и напал на сильное княжество Чжао. На севере он казнил Мафу (Чжао Ко), умертвив более 400 тысяч солдат противника в боях под Чанпином. Потоки крови образовали реки, рыдания и стоны были подобны грому. После этого [Бай Ци] окружил Ханьдань, выполнив тем самым задачу установления главенства Цинь. До этого Чу и Чжао были сильнейшими противниками Цинь во всей Поднебесной, однако после этих сражений и Чу, и Чжао смирились и уже не смели выступать против Цинь, такова была великая заслуга Бай Ци. [И вот он], лично покоривший более 70 городов, после таких больших свершений был пожалован мечом, чтобы покончить с собой в Дую.

У Ци установил законы для чуского Дао-вана, ослабил влияние и мощь крупных сановников, выгнал тех, кто был не способен работать, отправил в отставку бесполезных чиновников, уменьшил при дворе число надменных вельмож, покончил со злоупотреблениями отдельных лиц, унифицировал чуские нормы поведе-

ния, препятствовал деятельности *бинькэ*, провел обучение и подготовку отважных воинов, на юге подчинил Ян ⁶³ и Юэ, на севере поглотил княжества Чэнь и Цай, разрушил союз княжеств [лянь]хэн, расстроил союз княжеств [хэ]цзун, поставил дело так, что риторы и краснобаи не смели рта раскрыть, он запретил любые содружества и сообщества, [но] всячески помогал *байси*нам. Он придал устойчивость управлению чуским государством, военная мощь которого потрясала Поднебесную; он сумел подчинить *чжухоу*. И вот, когда его слава была столь велика, а деяния успешны, его четвертовали.

Дафу Чжун, составляя для юэского *вана* глубокие и далеко идущие планы, помог ему избежать опасности под [горой] Гуйци, повернул судьбу княжества от гибели к жизни, от позора к славе, он помог расчистить заросли, основать новые селения, распахать нетронутые земли и засеять их зерновыми, он помог *вану* управлять землями всех четырех сторон, объединить усилия верхов и низов, он помог Гоу Цзяню в его мудрых начинаниях, дабы отомстить враждебному ускому *вану* Фу Ча. В конце концов Гоу Цзянь взял верх над У и сломил его, сделав царство Юэ гегемоном. И вот после таких великих успехов и такой добросовестной службы Гоу Цзянь, забыв про все, в конце концов отвернулся от [Чжуна] и убил его. Заслуги этих четырех мужей были очевидны, но их настигла беда. Они умели быть твердыми, но оказались неспособны склоняться; умели продвигаться вперед, не обладая способностями отступить. [А вот юэский] Фань Ли все это понимал и в зените славы ушел со своего поста и стал именоваться Гао Чжугуном ⁶⁴. Вы, господин, разве не смотрели, как играют в азартные игры? Вы прекрасно знаете, что есть такие, кто стремится отхватить большой куш сразу, а есть играющие по маленькой. Ныне вы, *цзюнь*, являетесь циньским *сяном* и, не сходя с циновки, намечаете планы царства; не выходя из дворца, строите замыслы и, пребывая там, господствуете над *чжухоу*. Вам удалось захватить Саньчуань и добавить к нему Иян, преодолеть кручи Янчана, преградить пути через [хребет] Тайхан; прервать пути сообщения знатных домов Фань и Чжунхан, из-за чего шесть княжеств не смогли объединиться в союз *хэцзун*; вы сумели устроить деревянные настилы на труднопроходимых дорогах на протяжении тысячи *ли*; вы проникли в пределы областей Шу и Хань[чжун], заставив всю Поднебесную трепетать перед Цинь. То, что устремления Цинь осуществились, – ваша, *цзюнь*, наивысшая заслуга.

Но это также время дележа вознаграждений в Цинь. Если вы теперь не отойдете от дел, вы уподобитесь Шан-цзюню, Бай-гуну

(Бай Ци), У Ци и дафу Чжуну. Я слышал о том, что, глядя в воду, можно увидеть свое лицо; когда всматриваются в людей, можно узнать [грядущее] счастье и несчастье ⁶⁵. В [старых] текстах сказано: “Добившись успеха, нельзя долго задерживаться на месте”. Неужели вы желаете испытать на себе несчастья этих четырех мужей? Почему бы вам, *цзюнь*, теперь не вернуть печать *сяна*, уступив ее мудрому человеку и передав ему свой пост, не уйти в отставку и не поселиться среди скал и потоков? Тогда вы непременно обретете славу такого бескорыстного человека, как Бо И, останетесь в памяти людей незабвенным Ин-хоу, в поколениях сохранится слава о вашей исключительности; ваша способность отказаться от [высокого] поста будет подобна великодушию Сюй Ю и яньлинского Цзи-цзы ⁶⁶, а ваше долголетие будет подобно долголетию Цяо и Суна ⁶⁷. Откуда вам тогда будет грозить печальный конец? Разве вы, *цзюнь*, стремитесь к такой развязке? Если вы не сумеете покинуть свой пост, не решитесь – при всех сомнениях – на этот шаг, вас ждут те же бедствия, что и [упомянутых] четырех мужей.

В *Ицзине* говорилось: “Возгордившийся дракон. Будет раскаяние” ⁶⁸. Это сказано о тех, кто, поднявшись наверх, не в состоянии опуститься; вытянувшись, не могут свернуться, двигаясь вперед, не в состоянии повернуть назад. Хочу, чтобы вы, *цзюнь*, приняли все это во внимание!» Ин-хоу ответил: «Прекрасно! Я слышал, что если свои желания не контролировать, то утратишь все, чего желал; если что-то имеешь и не умеешь остановиться [на достигнутом], то теряешь все, что имел. К вашим, учитель, предостережениям я прислушаюсь, а поучениям – в точности последую». После этого он привлек Цай Цзэ на службу, поставив его старшим над *бинькэ*.

Через несколько дней он ввел его в княжеский дворец и сказал циньскому Чжао-вану: «Среди *бинькэ* есть некий Цай Цзэ, прибывший с востока от гор. Он прекрасный оратор, хорошо знаком с деяниями трех *ванов* и свершениями пяти гегемонов, а также с изменениями в обычаях народов; он вполне достоин того, чтобы ему доверить политику царства Цинь. Я, ваш подданный, видел множество людей, но такого не встречал, да и сам я не сравнюсь с ним. Я осмеливаюсь представить его вам». Циньский Чжао-ван призвал к себе Цай Цзэ, побеседовал с ним, остался весьма доволен этой встречей и возвел его в ранг *кэцина*. Затем Ин-хоу, сославшись на болезнь, попросил принять от него печать *сяна*. Чжао-ван настаивал на выполнении им своих обязанностей, но Ин-хоу заявил, что его болезнь усилилась, и Фань Суй был осво-

божден от должности *сяна*. Чжао-ван теперь стал согласовывать с Цай Цзэ свои планы, затем назначил его циньским *сяном* и вскоре на востоке был завоеван дом Чжоу (255 г.).

Цай Цзэ состоял *сяном* несколько месяцев, но некоторые невзлюбивши его, и тогда он, опасаясь казни, сосался на болезнь и вернул печать *сяна*, получив титул Ганчэн-цзюня⁶⁹. [Цай Цзэ] прожил в Цинь более 10 лет. Он служил Чжао-вану, Сяо Вэнь-вану, Чжуан Сян-вану⁷⁰ и в конце концов – императору Шихуану. Из Цинь он был отправлен послом в Янь и после трехлетнего пребывания там организовал приезд яньского наследника княжича Даня заложником в Цинь⁷¹.

Я, *тайшигун*, скажу так.

Хань Фэй-цзы говорил: «Кто носит одежду с длинными рукавами, тот хорошо танцует; кто имеет много денег, тот хорошо торгует»⁷². Как справедливы эти слова! Фань Суя и Цай Цзэ в обществе называли *бяньши*, но и [продолжай] они до седых волос ездить и убеждать *чжухоу* в [правоте] своих взглядов – понимания не встретили бы. Причина не в неправильности их планов и политики, а в том, что сила убеждения была недостаточна. Когда же эти два человека связали свою судьбу с Цинь, [они] постепенно добились постов *цина* и *сяна* и своими заслугами прославились на всю Поднебесную. Здесь несомненна зависимость от силы или слабости государства. И другие ученые мужи сталкивались с неблагоприятными обстоятельствами, и немало встречалось людей, равных по способностям двум описанным мужам, но им не удалось до конца претворить свои замыслы в жизнь. Всех их не перечить. Если бы эти два мужа не прошли через трудности и испытания, разве им удалось бы подняться так высоко?!

ГЛАВА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ

Юэ И ле чжуань – Жизнеописание Юэ И ¹

Предка Юэ И звали Юэ Ян. Юэ Ян служил военачальником у вэйского Вэнь-хоу. Он напал на царство Чжуншань и завоевал его. Вэйский Вэнь-хоу пожаловал Юэ Яну [селение] Линшоу ². Когда Юэ Ян умер, он и похоронен был в Линшоу, а его потомки остались жить в этом селении. Впоследствии Чжуншань восстановило свою независимость, но ко времени правления чжаоского Улин-вана вновь было завоевано ³. В роду Юэ и появился Юэ И.

Юэ И был человеком умным и любившим ратное дело. Возвысили его чжаосцы. Когда же во время правления Улин-вана произошел мятеж в Шацзо ⁴, он покинул Чжао и прибыл в Вэй. Он знал, что циский правитель, воспользовавшись мятежом Цзы Чжи против яньского Чжао-вана, нанес сильное поражение армии Янь, [и] яньский Чжао-ван возненавидел Ци; не проходило дня, чтобы он не думал, как отомстить правителю Ци ⁵. Янь было маленьким княжеством вдалеке от центра страны, и собственными силами оно не в состоянии было защитить себя. Вот почему яньский ван вынужден был склониться перед низестоящими, [но талантливыми] мужами, а чтобы привлечь в свое княжество мудрецов, сначала облагодетельствовал Го Вэя ⁶. В это время Юэ И был отправлен вэйским Чжао-ваном послом в Янь, где яньский ван принял его с большим почетом. Юэ И сначала отказывался от почестей, но потом уступил и сделался [яньским] сановником ⁷. Яньский Чжао-ван назначил его на пост *яцина*, который он занимал в течение длительного срока.

В то время циский Минь-ван усилился; на юге он нанес поражение армии чуского *сяна* Тан Мэя под Чунцзо ⁸, на западе сломил силы трех цзиньских княжеств у Гуаньцзиня, после чего уже совместно с ними напал на Цинь (298 г.). [Ци] помогло Чжао уничтожить владение Чжуншань, разбило войска Сун, расширив завоеванные земли более чем на тысячу *ли*. Циский ван стал бороться с циньским Чжао-ваном за право именоваться *ди*, но вскоре отказался от этого титула (288 г.). Все *чжухоу* вознамерились

отвернуться от Цинь и служить Ци. Минь-ван сильно возгордился, но *байсины* уже не хотели больше терпеть [трудности].

Вот тут яньский Чжао-ван и начал спрашивать Юэ И о возможности нападения на Ци. В ответ Юэ И сказал: «Ци бывало гегемоном, его земли обширны, население многочисленно, наступать на него в одиночку будет нелегко. Если *ван* непременно намерен напасть на него, лучше будет сделать это совместно с Чжао, Чу и Вэй». После этого Юэ И был послан в Чжао, чтобы договориться с чжаоским Хуэй Вэнь-ваном. Других послов отправили заключить соглашение с правителями Чу и Вэй, а с помощью чжаосцев решили привлечь циньского правителя выгодами нападения на Ци. Все *чжухоу*, боясь заносчивости и жестокости циского Минь-вана, объединились в союз *хэцзун*, чтобы совместно с Янь напасть на Ци.

Юэ И вернулся доложить [о выполненном поручении]. Яньский Чжао-ван поднял все свои войска, поставив Юэ И старшим военачальником, а чжаоский Хуэй Вэнь-ван вручил ему печать *сяна*. Тогда Юэ И встал во главе объединенных войск Чжао, Чу, Хань, Вэй и Янь и напал на Ци. Он нанес поражение циской армии к западу от реки Цзишуй⁹. После этого войска *чжухоу* вернулись обратно, только яньские войска под командой Юэ И продолжали преследовать отступающих цисцев и достигли Линьцзы. Циский Минь-ван, потерпев поражение к западу от реки Цзишуй, бежал и укрылся в Цзюй¹⁰. Юэ И преследовал его с войсками по всему княжеству Ци, но цисцы стойко оборонялись за стенами городов. Юэ И атаковал Линьцзы, ворвался туда, захватил все циские драгоценности и ритуальные сосуды и вывез их в Янь¹¹. Яньский Чжао-ван очень обрадовался и лично прибыл в верховья реки Цзишуй, чтобы поблагодарить войска. Он наградил отличившихся в боях командиров и воинов, а Юэ И пожаловал владение в Чанго¹², присвоив ему титул Чанго-цзюнь. После этого яньский Чжао-ван собрал все захваченные ценности и вернулся домой, а Юэ И послал с войсками обратно, приказав покорить несдавшиеся циские города.

Юэ И оставался в Ци целых пять лет. Он занял более 70 циских городов; из всех этих мест были образованы области и уезды¹³, подчиненные Янь. Не покорились только Цзюй и Цзимо.

В это время умер яньский Чжао-ван, у власти встал его сын Хуэй-ван (278 г.). Еще будучи наследником, Хуэй-ван недолюбливал Юэ И, поэтому как только он занял княжеский престол, циский военачальник Тянь Дань¹⁴, узнав про это, послал своего *фаньцзяня* в Янь, и тот сказал *вану*: «В Ци до сих пор не взяты два

города; я слышал, это потому, что у Юэ И с вновь пришедшим к власти яньским *ваном* возникли разногласия. Он стремится, собрав вокруг себя войска, остаться в Ци, сесть там лицом к югу и править этим княжеством. Там, в Ци, опасаются лишь того, что к ним из Янь прибудет другой военачальник». После этих слов яньский Хуэй-ван, конечно, стал серьезно сомневаться в намерениях Юэ И и, поверив цискому лазутчику, послал Ци Цзе заменить Юэ И на посту военачальника, а самого Юэ И призвал ко двору. Тот понял, что яньский Хуэй-ван недоволен им и смещает его. Боясь казни, он бежал на запад и перешел в Чжао. Чжаоский правитель пожаловал ему владение в Гуаньцзине и титул Ванчжу-цзюнь ¹⁵. Он относился к Юэ И с большим почтением и любовью, что вызвало беспокойство и в Янь, и в Ци.

В это время циский Тянь Дань сражался с Ци Цзе. С помощью хитрого плана он обманул яньскую армию и разгромил войска Ци Цзе под Цзимо, перевел военные действия на территорию Янь, двинулся на север, достиг низовьев Хуанхэ, отвоевал потерянные ранее циские города, после чего встретился с Сян-ваном ¹⁶ в Цзюй и вступил в Линьцзы.

Яньский Хуэй-ван с опозданием пожалел о назначении Ци Цзе вместо Юэ И, что привело к разгрому армии, бегству военачальника и потере циских земель. Кроме того, он был обеспокоен переходом Юэ И на сторону Чжао и опасался, что чжаоский правитель воспользуется затруднениями Янь и с помощью Юэ И нападет на него. Поэтому яньский Хуэй-ван послал гонца вновь пригласить Юэ И, извиниться перед ним и сказать ему: «Покойный *ван* укрепил могущество своего княжества и поручил вам руководить войсками. Командуя армией, вы во имя Янь разгромили Ци и отомстили врагам покойного *вана*. Все в Поднебесной были потрясены вашей победой, и разве посмел бы я хоть на один день забыть о ваших, военачальник, заслугах? Когда же наш покойный *ван* покинул навсегда своих подданных, я, будучи еще неопытным, занял княжеский престол, а приближенные ввели меня в заблуждение. Я послал Ци Цзе сменить вас на посту командующего, имея в виду, что вы уже давно находились в походе, под открытым небом, в дальних краях; и я призвал вас, чтобы дать вам отдохнуть и помочь мне в составлении планов. Но вы, командующий, все это поняли превратно, сочли, что у нас с вами есть расхождение, и покинули Янь, перейдя к Чжао. Может, вы полагаете, что все правильно рассчитали, но как вы ответили на милости, оказанные вам покойным *ваном*?»

Юэ И послал яньскому Хуэй-вану ответное письмо, в котором

писал: «Я человек бесталанный, не смог принять и исполнить волю покойного *вана*, чтобы угодить его приближенным. Я боялся повредить славе покойного *вана* и нанести вред вашей репутации, поэтому и решил отправиться в Чжао. Ныне вы, правитель, послали человека, чтобы выразить порицание за мои прегрешения. Я опасаясь, что ваши советники не представляют себе, почему покойный *ван* благоволил ко мне, и не понимают те чувства, с которыми я служил ему. Поэтому осмеливаюсь ответить письмом.

Я слышал, что достойные и разумные правители не привлекали к себе людей жалованием и должностями; они награждали тех, кто имел много заслуг, выдвигали способных и полезных. Поэтому преуспевал тот правитель, который, предоставляя должность, проверял способности [человека]. Получает [блестящую] репутацию тот муж, который заводит отношения, исходя из поступков [людей]. Я наблюдал свершения покойного *вана* и убедился, что они превосходили устремления других правителей, поэтому, воспользовавшись бунчуком вэйского посла, я получил возможность показать себя в Янь. Покойный *ван* сильно возвысил меня, поместил среди почетных гостей, поставил выше своих чиновников, не советуясь с родственниками, назначил меня *яцином*. Я же считал себя несведущим, но думал, что если я буду исполнять приказы правителя и принимать его наставления, я смогу и пользоваться уважением, и не допускать ошибок, – поэтому я без колебаний повиновался его повелениям.

Покойный *ван* сказал мне: «Я переполнен негодованием против Ци. Несмотря на слабость своих сил, я все же намерен расправиться с ним». Я отвечал ему: «Ци бывало государством-гегемоном и самым победоносным княжеством. Оно готовит искусных воинов-латников, привычных к наступательным боям. Если вы, *ван*, намерены напасть на это княжество, надо делать это в союзе с Поднебесной, а раз вы будете заключать союз со всей Поднебесной, то не обойтись без союза с Чжао. Кроме того, правители Чу и Вэй желают завладеть землями в Хуайбэе и Сун. Если удастся получить согласие Чжао и в союзе с четырьмя княжествами напасть на Ци, ему легко будет нанести серьезное поражение».

Покойный *ван* согласился с таким суждением. Он вручил мне верительную бирку и бунчук и отправил меня на юг, в Чжао. Когда я вернулся с докладом о выполнении своей миссии, [*ван*] поднял войска для удара по Ци. По воле Неба и благодаря высокому духу покойного *вана* земли севернее Хуанхэ перешли под его знамена и мы укрепились на берегах реки Цишуй, а войска, находившиеся на реке Цишуй, получили приказ продолжать наступ-

ление на Ци и еще раз разбили цисцев. Легковооруженные отборные солдаты преследовали цисцев вплоть до их столицы. Циский ван скрылся и, спасая свою жизнь, бежал в Цзюй. Все цисские драгоценности, жемчуга, яшмы, колесницы и оружие, ценные ритуальные сосуды были собраны и доставлены в Янь. Их жертвенные сосуды были расставлены на площадке Нинтай, большой колокол выставили во дворце Юаньин, древние треножки разместили в палатах Моши¹⁷. Посадки в Цицио – это бамбук с реки Вэньшуй¹⁸. Со времени правления пяти гегемонов никто не имел таких заслуг, как наш покойный ван. Он был доволен исполнением своих устремлений. [Поэтому] он выделил [мне] в пожалование свою землю, сделал так, что я стал подобен чжухоу с небольшим владением. Я же считал себя несведущим, но думал, что если буду исполнять повеления вана и принимать его наставления, то смогу благополучно действовать и избежать ошибок, поэтому я без колебаний повиновался его повелениям.

Я слышал, что мудрые правители совершают большие дела и от них не отступаются, поэтому о них пишут в летописях¹⁹. Проницательные мужи обретают славу и не роняют ее, поэтому о них знают последующие поколения. Так, наш покойный ван отомстил за свои обиды и смыл прошлый позор: он уничтожил могущественное княжество, способное выставить 10 тысяч боевых колесниц, заполучил огромные богатства, накопленные в течение восьми столетий, а когда он покинул своих подданных навсегда, его поучения, оставленные нам, не утратили своего значения. Чиновники, которые проводили его политику и вели все дела, совершенствовали законы и указы, были внимательными даже к детям от вторых жен, доходя в своих заботах до простолоподпнов. Все это может быть примером для последующих поколений.

Я слышал также, что добрые начинания не обязательно заканчиваются успехом, а тот, кто хорошо начинает, не обязательно хорошо заканчивает. Так, в прошлом У Цзы-суй²⁰ давал советы Хэ Люю, и уский ван дошел со своими войсками до Ина, [столицы Чу]; [но] Фу Ча не посчитал его советы правильными, велел [ему совершить самоубийство и приказал] зашить [труп] в бурдюк и бросить в реку. Уский ван не осознавал, что даваемые им ранее советы могли привести к успеху, поэтому, бросив труп У Цзы-суйа в воду, он не раскаивался. А сам Цзы-суй не сумел понять, что два его правителя относятся к нему по-разному. Он не изменил своего поведения, и кончилось это тем, что его труп оказался в реке.

Моей высшей целью было, преодолевая любые трудности, совершать подвиги во имя прославления вана. Я больше всего опа-

сался, что бесчестные клеветники запятнают доброе имя покойного *вана*. Оказавшись неожиданно перед лицом столь серьезных обвинений, я никогда не посмел бы поступиться благом [*вана*] ради личной выгоды.

Я слышал, что благородные мужи древности, порвав дружбу с кем-то, никогда не порочили его имени, а преданные чиновники, покидая свое княжество, не стремились обелить себя. Хотя я и бесталанен, но не раз получал наставления от благородных мужей. Я опасаюсь, что вы прислушиваетесь к приближенным и не в состоянии правильно оценить действия человека, находящегося далеко от вас. Поэтому я и осмелился написать вам это письмо. Надеюсь, что вы остановите на нем свое внимание».

Тогда яньский *ван* вновь даровал Юэ Цзяню, сыну Юэ И, титул Чанго-цзюнь, а Юэ И стал называть в Янь. Он был назначен *кэцином* и Янь и Чжао. Умер Юэ И в Чжао ²¹.

Когда Юэ Цзянь прожил в Янь уже более 30 лет ²², яньскому *вану* пришлось по душе план его *сяна* Ли Фу о нападении на Чжао. Он стал спрашивать об этом Чанго-цзюня Юэ Цзяня. Юэ Цзянь сказал: «Чжао – это государство, могущее вести боевые действия со всех четырех сторон; его население обучено ратному делу, нападать на Чжао нельзя». Яньский *ван* не прислушался к нему и напал на Чжао. Чжаоский *ван* послал Лянь По ²³ провести ответный удар; тот нанес сильное поражение яньским войскам во главе с Ли Фу под Хао. [Чжаосцы] захватили в плен Ли Фу и Юэ Чэна. Юэ Чэн был родичем Юэ Цзяня. Тогда Юэ Цзянь бежал в Чжао ²⁴. Вскоре чжаоские войска окружили яньскую столицу. Уступив часть своих земель, яньский *ван* сумел заключить мир с Чжао. Армия Чжао после этого сняла осаду столицы и ушла.

Яньский *ван* досадовал на то, что не послушался совета Юэ Цзяня. Поскольку Юэ Цзянь находился в Чжао, он отправил ему послание, в котором говорилось: «Во времена Чжоу [Синя] Цицзы не привлекался [на службу], но он неустанно увещевал правителя, надеясь на то, что *ван* рано или поздно его послушает. Шан Жун тоже не добился своих целей, был опозорен, но надеялся все же, что ему удастся изменить политику [Чжоу Синя]. Видя, что устремления народа не принимаются во внимание и [честным] людям грозят арест и тюремный застенки, эти два мужа отошли от дел и удалились от мира в изгнание ²⁵. Так, хотя Чжоу [Синь] позволял себе те же жестокости, что и [сяский] Цзе, оба эти мужа не утратили славы помощников преданных и мудрых. Почему? Потому что, живя в печали и испытывая разные несчастья, они оставались преданными до конца. Я же хотя и неумен, но не так

жесток, как Чжоу [Синь], и хотя народ в Янь пребывает в смуте, но не в такой степени, [как когда-то] в Инь. Когда в семье раздор, ему не будет конца, если о нем станет известно соседям. Я не знаю, который из этих двух примеров будет для вас яснее».

Однако Юэ Цзянь и Юэ Чэн подозревали, что яньский правитель не будет прислушиваться к их соображениям и планам, и оба так и остались в Чжао. Чжаоский правитель пожаловал Юэ Чэну владение в Усяне ²⁶, дав ему титул Усян-цзюнь. На следующий год Юэ Чэн и Лянь По, действуя по повелению [правителя] Чжао, окружили столицу Янь; яньский правитель богатыми дарами добился заключения мира; тогда чжаоские войска сняли осаду (245 г.). Через пять лет в Чжао умер Сяо Чэн-ван, а [Дао] Сян-ван приказал Юэ Чэну занять пост Лянь По. Лянь По напал на Юэ Чэна; Юэ Чэн бежал, но и Лянь По скрылся, найдя убежище в Вэй. Через 16 лет [после этого] Цинь уничтожило Чжао ²⁷.

Через 20 с лишним лет император Гао-ди, проезжая через земли Чжао ²⁸, спросил: «Остались ли здесь потомки Юэ И?» Ему ответили: «Здесь живет Юэ Шу». Гао-ди пожаловал ему во владение Юэцин ²⁹ и титул Хуачэн-цзюнь. Хуачэн-цзюнь был внуком Юэ И. В роду Юэ также были Юэ Ся-гун, Юэ Чэнь-гун. Когда Чжао было уничтожено циньцами, эти люди бежали в циский Гаоми ³⁰. Юэ Чэнь-гун совершенствовался в учении Хуан-ди и Лао-цзы, он прославился в Ци и был назван мудрым учителем.

Я, тайшигун, скажу так ³¹.

Начиная с циских Куай Туна и Чжуфу Яня ³², среди читавших послание Юэ И яньскому вану не было таких, кто не прерывал чтения от слез. Юэ Чэнь-гун постигал учение Хуан-ди и Лао-цзы. Его главного учителя называли «почтенным мужем с верховьев реки»; его происхождение мне неизвестно. Этот человек наставлял Ань Ци-шэна, Ань Ци-шэн наставлял Мао Си-гуна, Мао Си-гун наставлял Юэ Ся-гуна, Юэ Ся-гун учил Юэ Чэнь-гуна, а Юэ Чэнь-гун обучал Гай-гуна. Гай-гун распространял свое учение в циских районах Гаоми и Цзяоси и был учителем [циского] сяна — Цао Шэня ³³.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Лянь По, Линь Сян-жу ле чжуань – Жизнеописание Лянь По и Линь Сян-жу ¹

Лянь По был одним из выдающихся военачальников княжества Чжао. На 16-м году правления чжаоского Хуэй Вэнь-вана (283 г.) Лянь По командовал армией Чжао во время похода на Ци, нанес циссам крупное поражение и захватил Янцзинь ². Ему было даровано звание *шанцина*, храбрость его стала известна среди *чжухоу*. Линь Сян-жу был уроженцем Чжао, служил дворовым при старшем евнухе Мяо Сяне.

Во время [правления] чжаоского Хуэй Вэнь-вана нашли [драгоценную] яшму мастера Хэ из царства Чу ³. Циньский Чжаован, прослышав об этом, послал гонца к чжаоскому вану, предложив 15 городов в обмен на эту яшму. Чжаоский ван стал советоваться со старшим командующим Лянь По и со всеми высшими сановниками. Они рассуждали так: можно и отдать драгоценную яшму циньскому правителю, но вряд ли удастся получить циньские города; если же не отдавать, то есть опасность нападения циньской армии. Не решив вопроса, стали искать человека, которого можно было бы послать в Цинь. Но такого не нашли. Тогда старший евнух Мяо Сянь сказал: «Можно послать моего приближенного Линь Сян-жу». Ван спросил: «А откуда вы знаете его [способности]?» Тот ответил: «Ранее я провинился перед вами и намеревался бежать в княжество Янь, но мой приближенный Сян-жу удержал меня, сказав: “Разве вам известно, что за человек яньский ван?” Я ответил ему: “В свое время я сопровождал нашего Великого вана в поездке на границу, где он встретился с яньским ваном. Яньский правитель тайком пожал мою руку, сказав: “Давайте будем друзьями”. Потому я и знаю его и решил отправиться туда”. Сян-жу на это мне сказал: “Чжао могущественно, а Янь слабое, вы в милости у чжаоского вана, поэтому яньский ван и домогался вашей дружбы. Ныне, если вы покинете Чжао и уедете в Янь, то яньский правитель, боясь сильного чжаоского [вана], не осмелится оставить вас у себя и связанным вернет обратно в Чжао. Лучше вам, почтенный, обнажив плечо, склониться и при-

знать свою вину ⁴, покаяться в своем прегрешении, и тогда, возможно, вы заслужите прощение". Я последовал его совету, и вы, [ван], милостиво простили меня. Смею полагать, что Сян-жу – отважный муж, обладает мудростью; его несомненно можно отправить послом».

Тогда Хуэй Вэнь-ван велел призвать Сян-жу к себе и спросил его: «Циньский ван предлагает мне 15 городов в обмен на мой яшмовый талисман; как мне поступить?» Сян-жу ответил: «Царство Цинь могущественно, Чжао – слабое. Нельзя не согласиться». Ван дальше спросил: «А если яшму заберут, а обещанные города не отдадут, тогда что делать?» Сян-жу сказал: «Циньский ван предлагает города за яшму, но если Чжао не согласится, то вина ляжет на Чжао; если же Чжао отдаст драгоценную яшму, а циньцы не отдадут городов, то вина ляжет на Цинь. В любом случае лучше, чтобы ответственность легла на Цинь». Ван спросил: «А кого же можно послать?» Сян-жу в ответ сказал: «Если у вана нет подходящего человека, я готов принять драгоценную яшму и отправиться вашим послом. Если города перейдут к Чжао, яшма останется в Цинь, если же города нам не отдадут, я постараюсь сохранить яшму в целости и вернуться в Чжао». После этого чжаоский ван послал Сян-жу на запад, в Цинь, поднести [его правителю] драгоценную яшму.

Циньский ван принял Сян-жу, сидя на террасе Чжангтай ⁵. Сян-жу поднес циньскому вану драгоценную яшму. Ван очень обрадовался, тут же передал драгоценность своим красавицам и свите, чтобы они на нее полбовавались. Все приближенные дружно воскликнули: «Ваньсуй!» ⁶. Тут Сян-жу стало ясно, что циньский ван вовсе не намерен отдавать чжаосцам города; [он] вышел вперед и сказал: «Но в яшме есть изъян, разрешите я покажу его вам». Ван передал яшму послу. Тогда Сян-жу схватил ее, отошел назад, прислонился к колонне, разгневанный, так что поднявшиеся от возмущения волосы сбили его головной убор, и сказал циньскому вану: «Вы, Великий ван, желая заполучить драгоценную яшму, отправили своего гонца с посланием к чжаоскому вану. Тот созвал на совет всех сановников, и они ему говорили: "Циньский правитель жаден, он, пользуясь своим могуществом, с помощью пустых посулов требует себе эту яшму, обещанных же городов мы все равно не получим". Все советовали вану не отдавать Цинь эту драгоценную яшму. Но я полагал, что обман недопустим даже в отношениях между простыми людьми, что же говорить об отношениях между великими государствами! Кроме того, [чжаоский ван] решил, что нельзя из-за одной маленькой яшмы лишать удо-

вольствия правителя мощной циньской державы. После чего он постился пять дней, а затем отправил меня вручить вам драгоценную яшму и доверил мне свое послание к вам. Почему он так поступил? Этим он пожелал выразить свое почтение вашему могущественному государству. Ныне, когда я прибыл сюда, вы, Великий ван, приняли меня не во дворце, встретили весьма надменно. Получив драгоценную яшму, вы тут же передали ее своим красавицам, чтобы посягаться надо мной. Я вижу, что вы, Великий ван, не имеете намерений отдавать чжаоскому вану обещанные города, поэтому я забираю обратно эту яшму. Но если вы вздумаете отобрать у меня ее силой, я и драгоценную яшму и свою голову разобью об эту колонну!»

Сян-жу крепко сжал руками яшму и взглянул на колонну, словно намеревался ударить по ней. Циньский ван, опасаясь, что посол разобьет сокровище, извинился перед ним. Он призвал к себе управляющих делами с картами и отметил на них 15 городов, которые отныне должны быть переданы Чжао. Но Сян-жу счел, что все это – обман циньского вана, лишь делающего вид, что он отдает города чжаосцам, и поэтому сказал ему: «Драгоценность рода Хэ – это сокровище Поднебесной, которое передается из поколения в поколение. Чжаоский ван опасался вас и не посмел не передать его вам; когда он посылал вам эту драгоценность, он постился пять дней. Сейчас вы, Великий ван, тоже должны поститься пять дней, собрать во дворце знать всех девяти рангов ⁷, и только тогда я вручу вам эту яшму». Циньский ван задумался. Отнять драгоценность силой он не мог и потому в конце концов согласился поститься пять дней. Он поселил Сян-жу в подворье Гуанчэн. Сян-жу, поразмыслив, пришел к выводу, что циньский ван хотя и согласился поститься, но обещанные города наверняка не отдаст, поэтому он повелел своему слуге переодеться в грубую одежду и, спрятав понадежнее драгоценную яшму, короткой дорогой вернуть ее в Чжао.

После пятидневного поста циньский ван собрал в дворцовом зале всю знать девяти рангов и велел ввести чжаоского посланца Линь Сян-жу. Сян-жу вошел и сказал циньскому вану: «Со времени Му-гуна в Цинь сменилось более 20 правителей, но ни один из них твердо не соблюдал принятых на себя обязательств. Я решил, что буду обманут ваном и таким образом провинюсь перед Чжао, поэтому повелел своему слуге вернуться обратно с драгоценной яшмой. За это время он уже добрался до Чжао. Вместе с тем известно, что Цинь – сильное государство, [а] Чжао – слабое; если вы, Великий ван, пошлете человека в Чжао, то чжаоский прави-

тель [может] тут же передать вам драгоценный талисман. Если могущественное Цинь первым уступит чжаосцам 15 городов, разве чжаоский правитель осмелится удерживать драгоценность у себя и совершать преступление против Великого *вана*? Я прекрасно понимаю, что за обман Великого *вана* я должен быть казнен, и согласен даже на то, чтобы вы сварили меня в кипятке заживо, но прошу вас, Великий *ван*, сначала обсудить вместе с вашими сановниками все ваши действия».

Циньский *ван* и его сановники переглядывались в растерянности, а некоторые из приближенных намеревались вытолкнуть Сян-жу из зала, но циньский *ван* сказал: «Если мы сейчас уьем Сян-жу, то никогда не сумеем заполучить драгоценную яшму и прервем добрые отношения между Цинь и Чжао. Не лучше ли поступить с ним великодушно и отпустить его обратно в Чжао? Разве чжаоский *ван* из-за какой-то яшмы пойдет на обман Цинь?!» Затем он принял Сян-жу во дворце и, исполнив соответствующие церемонии, отправил его обратно в Чжао. По возвращении Сян-жу чжаоский *ван* понял, что его мудрый посол не опозорил его перед *чжухоу*, и пожаловал ему звание *шандафу*. В конце концов Цинь не отдало своих городов Чжао, но и Чжао не отдало циньцам драгоценной яшмы.

После этого Цинь напало на Чжао и заняло Шичэн. На следующий год (280 г.) циньцы вновь напали на Чжао и убили 20 тысяч воинов.

Циньский *ван* направил своих послов сказать чжаоскому *вану*, что он хотел бы встретиться с ним для установления дружеских отношений за пределами Сихэ, в Мянъчи. Чжаоский правитель боялся Цинь и не хотел ехать на встречу, но Лянь По и Линь Сян-жу посоветовали ему: «Если вы, *ван*, не поедете, то этим покажете, что Чжао не только слабо, но и трусливо». Тогда чжаоский *ван* поехал. Его сопровождал Сян-жу. Лянь По проводил [своего правителя] до границы и на прощание сказал: «Вся ваша поездка – дорога туда, церемония встречи и возвращение – должна занять не более 30 дней. Если же по прошествии этого срока вы не вернетесь, то разрешите мне поставить на княжеском престоле вашего наследника, чтобы пресечь всякие поползновения Цинь»⁸. Чжаоский правитель свое согласие дал; после этого встретился с циньским *ваном* в Мянъчи (279 г.).

Циньский *ван* устроил пир и сказал: «Я слышал, что вы, чжаоский *ван*, любите музыку, прошу вас сыграть на *цине*»⁹. Чжаоский *ван* заиграл. Тогда вышел вперед циньский *юйши* и записал: «В такой-то день, такого-то месяца и года циньский *ван* пировал с

чжаоским ваном и повелел чжаоскому вану играть на цине». Тут выступил вперед Линь Сян-жу и сказал: «Наш чжаоский правитель слышал, что циньский правитель прекрасно исполняет циньские напевы, он просил бы его сыграть на пэнфоу¹⁰, чтобы доставить всем радость и удовольствие». Циньский ван разгневался и отверг просьбу. Но Линь Сян-жу вынес пэнфоу и, став на колени, стал просить циньского вана сыграть. Циньский ван, однако, не умел на нем играть. Сян-жу произнес: «Я сделаю еще пять шагов вперед, и кровь из [моего] перерезанного горла прольется на вас, Великий ван»¹¹. Приближенные вана готовы были разорвать Сян-жу на куски за такую дерзость, но он так сверкнул глазами и прикрикнул на них, что они отпрянули. Тогда циньский ван с явным неудовольствием ударил пальцами по поверхности пэнфоу, а Сян-жу тут же подозвал чжаоского летописца и велел ему сделать следующую запись: «В такой-то день, такой-то луны и года циньский ван играл чжаоскому правителю на пэнфоу». После этого циньские сановники воскликнули: «Пусть 15 городов княжества Чжао пьют за здоровье циньского вана!» В ответ Линь Сян-жу тоже провозгласил: «Пусть циньская столица Сяньян пьет за здоровье чжаоского вана». Циньский ван на этом кончил пир, так и не сумев одержать верх над Чжао.

Между тем Чжао собрало достаточное войско, чтобы встретить нападение циньцев, и Цинь не решилось действовать.

Заслуги Сян-жу были [столь] значительными, что после прекращения военных действий и возвращения на родину ему пожаловали звание шанцина и посадили справа от Лянь По. Лянь По негодовал: «Я являюсь военчальником Чжао, у меня большие заслуги в осаде городов и в сражениях в открытом поле, а Сян-жу трудился только своим языком, положение же занимает выше моего. Кроме того, он человек низкого происхождения, мне стыдно быть ниже него». И он открыто заявил: «Как только встречу Сян-жу – обязательно его опозорю». Когда об этом узнал Сян-жу, он стал уклоняться от встреч с Лянь По. Во время дворцовых приемов он нередко сказывался больным, не желая спорить с Лянь По о том, где кому сидеть.

Как-то Сян-жу, выехав из дома, издали увидел Лянь По; Сян-жу направил свой экипаж в объезд, чтобы избежать встречи. Тогда его приближенные стали укорять его: «Мы ушли от родных и стали служить вам, почтенный, только ради вашего высокого духа и справедливости. Ныне вы занимаете с Лянь По равное положение, но он распускает грязные слухи о вас, а вы прячетесь от него. Неужели вы так боитесь, что он вас убьет? Ведь этого даже

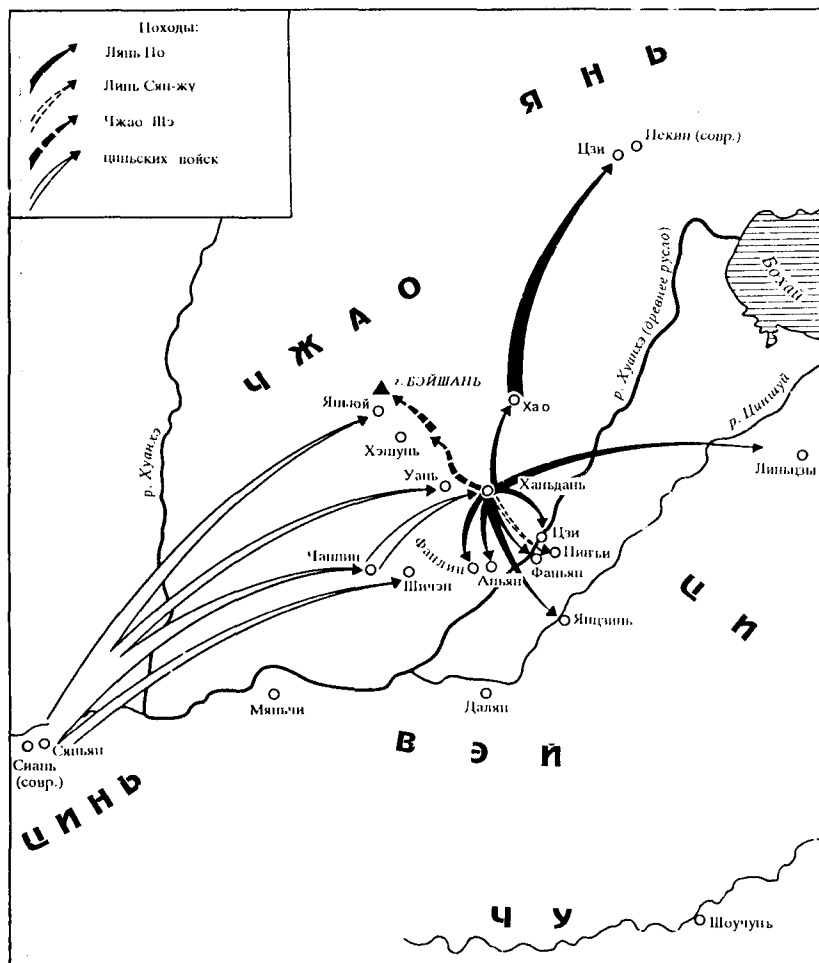
заурядный человек стыдился бы – что же говорить о военачальнике и советнике! Мы, недостойные, просим разрешения покинуть вас». Линь Сян-жу никак не хотел их отпускать и спросил: «Кто страшнее – военачальник Лянь По или циньский ван?» «Разве их можно сравнить!» – был ответ. Сян-жу сказал: «Так вот, несмотря на все могущество циньского вана, я, Сян-жу, во дворце прикрикнул на него, и сановников его сумел пристыдить. Хотя я, Сян-жу, и невеликая фигура, но чего уж мне бояться военачальника Лянь По? Мне думается, что сильное Цинь не осмеливается поднять свои армии против Чжао только потому, что живы мы оба. Если же сейчас два тигра начнут драться друг с другом – и тот и другой погибнет. Именно по этой причине я на первое место ставлю насущные заботы о государстве и в последнюю очередь думаю о личной неприязни».

Лянь По узнал про этот разговор и однажды, обнажив плечо и неся терновую палку в знак покаяния, сопровождаемый своими бинькэ, пришел к воротам дома Линь Сян-жу, чтобы просить прощения за свои слова. Он сказал: «Я недостойный человек, я не представлял себе, как вы безгранично великодушны». В конце концов они с радостью помирились, став близкими друзьями.

В этот год Лянь По совершил поход на восток против Ци и разбил одну из его армий. Через два года Лянь По вновь пошел походом против Ци и захватил Цзи ¹². На следующий год Лянь По атаковал вэйские Фашин и Аньян и занял их ¹³. Четыре года спустя Линь Сян-жу возглавил войска и напал на княжество Ци. Он дошел до Пиньги ¹⁴, где остановился. На следующий год (270 г.) Чжао Шэ разгромил циньские войска под городом Яньюй ¹⁵.

Чжао Шэ был сборщиком налогов и податей в земельном управлении Чжао. Как-то дом Пинъюань-цзюня не смог внести налоги; тогда Шэ на основании закона наказал его: казнил девять работников Пинъюань-цзюня. Пинъюань-цзюнь разгневался, хотел расправиться с Шэ, но тот сказал ему: «Вы, господин, относитесь к досточтимым чжаоским княжичам. Ныне ваш дом нарушил порядок и не внес положенное, за что и был по закону наказан. Если же законом пренебрегать, то княжество ослабнет, а если оно ослабнет, то чжухоу пошлют свои войска, и в этом случае Чжао наступит конец. [Вы помните], откуда вам досталось ваше богатство? В то же время, если вы, будучи знатным, вносите то, что полагается по закону, то верхи и низы уравновешены, а когда верхи и низы уравновешены, то княжество сильно; если же государство сильно, то и управление Чжао является прочным, и ваш дом остается знатным. Неужели вы готовы потерять свой

Карта-схема 2

престиж в Поднебесной?» Пинъюань-цзюнь считал его доводы мудрыми и рассказал о них вану. Тот поручил Шэ ведать сбором налогов и податей [всего] княжества. Шэ привел эту систему в порядок, народ стал богаче, а княжеские кладовые и житницы заполняться.

[Когда] циньский ван напал на княжество Хань и его войска осадили Яньюй, ван призвал к себе Лянь По и спросил его: «Можно ли помочь ханьцам?» Тот ответил: «Дорога туда далекая, к тому же горные проходы опасны. Трудно будет помогать им». Чжаоский ван призвал еще Юэ Чэна и спросил то же самое. Юэ Чэн ответил так же, как Лянь По. Тогда ван позвал Чжао Шэ, и тот сказал: «Дороги туда дальние, проходы в скалах узкие и опасные, наш поход будет подобен драке двух крыс в тесной норе. Победит тот, кто смелее». Тогда ван назначил Чжао Шэ командовать войском и послал на помощь ханьцам.

[Когда] войска отошли от Ханьдяня на 30 ли, Чжао Шэ отдал приказ по армии: «Всякий, кто вздумает наставлять [меня] по военным делам, подлежит смерти». Циньская армия стояла [тогда] к западу от Уаня. В их войсках шла усиленная подготовка, гремели барабаны, слышались крики, так что сотрясалась черепица на крышах уаньских домов. В [чжаоской] армии один из хоу сказал Шэ, что надо срочно спасать Уань. Чжао Шэ тотчас казнил его. [Чжаосцы] стали укреплять свой лагерь, они стояли не двигаясь 28 дней, непрерывно усиливая свои укрепления.

Как-то один циньский лазутчик пробрался в их расположение. Чжао Шэ перехватил его, хорошо накормил и отправил обратно. Лазутчик доложил [обо всем, что видел], циньскому военачальнику. Тот весьма обрадовался услышанному и сказал: «Чжаосцы отошли от своей столицы всего на 30 ли, и дальше войска не продвигаются, а усиливают свои укрепления, следовательно, Яньюй уже не будет чжаоским».

Как только циньский лазутчик был отослан, Чжао Шэ собрал своих латников и отправился с ними в поход. Они шли два дня и одну ночь, и он приказал лучшим своим стрелкам расположиться лагерем в 50 ли от Яньюя. Циньцы, узнав, что [чжаосцы] устроили [поблизости] лагерь, вывели своих латников навстречу. Чжаоский командир [по имени] Сюй Ли попросил разрешения высказать Чжао Шэ свои советы, касающиеся военных действий. Чжао Шэ ответил: «Предлагайте». Сюй Ли сказал: «Циньцы не ожидали, что чжаоские войска придут сюда, и [наш] боевой дух очень высок. Вам, командующий, обязательно следует собрать в кулак всех своих солдат, подготовив их к бою. В противном случае наше поражение неизбежно». Чжао Шэ сказал: «Действуйте по

прежнему приказу». Сюй Ли ответил: «Тогда прошу казнить меня». Чжао Шэ сказал: «Ждите последующих распоряжений в Ханьдане»¹⁶. Сюй Ли вновь попросил разрешения высказать свои предложения и сказал: «Кто раньше закрепится на горе Бэйшань, тот и победит; тот же, кто прибудет туда позднее, потерпит поражение». Чжао Шэ одобрил его совет и послал 10 тысяч своих воинов. Циньские войска прибыли позднее и захватить гору не смогли. Тогда Чжао Шэ ударил по ним всеми своими силами. Циньской армии было нанесено тяжелое поражение. Циньские войска сняли осаду [Яньюя] и бежали. После этого чжаоские [войска] возвратились.

Чжаоский Хуэй Вэнь-ван даровал Чжао Шэ титул Мафу-цзюнь, а Сюй Ли был назначен *говзем*. Положение Чжао Шэ стало равным положению Лянь По и Линь Сян-жу.

Через четыре года чжаоский Хуэй Вэнь-ван скончался, княжеский престол занял его сын Сяо Чэн-ван (266 г.). На 7-м году его правления (259 г.) циньские и чжаоские войска сошлись под Чанпином¹⁷. К этому времени Чжао Шэ уже не было в живых, а Линь Сян-жу тяжело болел. Чжаоский правитель послал Лянь По командовать армией и ударить по циньцам. Циньская армия нанесла несколько поражений чжаоским войскам. Чжаосцы стали укреплять свои позиции, уклоняясь от боев. Циньцы не раз вызывали их на бой, но воины Лянь По не принимали их вызова. Ко [двору] чжаоского *вана* прибыл циньский лазутчик, который сказал *вану*: «Циньский *ван* опасается только того, что вы поставите во главе армии Чжао Ко, сына Мафу-цзюня Чжао Шэ». Чжаоский *ван*, поверив этому, поставил [Чжао] Ко военачальником вместо Лянь По. Линь Сян-жу, узнав об этом, сказал *вану*: «Вы, *ван*, знаете Ко лишь понаслышке, поставить его военачальником – все равно что играть на *цине* с приклеенными колками. Ко в состоянии только читать записи и книги, оставленные ему отцом, но он совсем не разбирается в смене жизненных обстоятельств». Чжаоский *ван* не прислушался [к его советам] и назначил [Чжао Ко] командующим войсками.

С детских лет Чжао Ко, как никто другой во всей Поднебесной, любил читать книги о военном искусстве, рассуждать на военные темы. [Чжао Ко] нередко толковал об этом со своим отцом Чжао Шэ. Отец не отвергал его соображений, но и не хвалил его. Мать [Чжао] Ко спросила Шэ о причинах такого отношения, на что Шэ сказал: «Война – дело жизни и смерти, а Ко легко говорит о ней. Надо сделать так, чтобы Ко не поставили во главе войск Чжао; если же его назначат военачальником, он непременно доведет чжаоскую армию до разгрома».

Как только мать узнала о назначении сына, она написала *вану* письмо, в котором говорилось: «Ко нельзя ставить военачальником». *Ван* спросил: «Почему?» Мать ответила: «Вначале я прислуживала его отцу. Когда он был военачальником, то своей едой и питьем обычно делился с десятками людей; у него были сотни друзей, и все то, чем вы, Великий *ван*, и ваши родичи одаривали его, он полностью раздавал своим войнам. Получив приказ о выступлении, он переставал интересоваться семейными делами. А ныне вы вдруг назначаете военачальником [Чжао Ко]. Он будет сидеть во время дворцовых приемов лицом к востоку, и военные и гражданские чиновники не посмеют глаз на него поднять. Все то золото и шелка, которые вы, *ван*, ему пожалуете, он будет складывать и прятать в своих кладовых, а ради постоянного дохода будет скупать поля и дома. Разве можно сравнить Чжао Ко с его отцом? Ведь отец и сын — люди разных устремлений. Прошу вас, *ван*, не назначать моего сына военачальником». *Ван* ответил: «Оставьте это, я уже принял решение». Мать Чжао Ко продолжала: «Если *ван* все равно решил назначить его, я надеюсь, что если он окажется негодным, меня не привлекут к ответственности за соучастие в преступлении»¹⁸. *Ван* дал на это согласие.

Чжао Ко, встав на место Лянь По, начал менять в армии все порядки, смецать и заменять командиров. Военачальник циньцев Бай Ци, узнав про это, перегруппировал свои силы, прикинулся потерпевшим поражение и отошел, а затем неожиданным ударом перерезал пути подвоза продовольствия к чжаосцам и разрезал армию Чжао надвое, так что ее воины оказались в тяжелом положении. Они голодали более 40 дней, и тогда Чжао Ко вывел свои отборные части и лично принял участие в рукопашной схватке. Во время боя стрелой, выпущенной циньским воином, Чжао Ко был убит, армия его была разбита, несколько сотен тысяч солдат сдались циньцам, и их всех закопали живыми в землю. Таким образом, общие потери чжаосцев составили 450 тысяч человек.

На следующий год (258 г.) циньские войска окружили Ханьдань. Осада продолжалась более года, и чжаосцы никак не могли ее снять. Тогда они обратились к правителям Чу и Вэй с просьбой прислать подмогу, и только с их помощью им удалось прекратить осаду Ханьданя. Чжаоский правитель, верный договоренности с матерью Ко, так и не наказал ее.

Через пять лет после снятия осады Ханьданя яньский правитель по совету Ли Фу¹⁹ собрал войска и напал на Чжао. Ли Фу говорил: «Главные силы Чжао погибли под Чанпином, а юный правитель еще не окреп». Правитель Чжао поставил во главе

войск Лянь По. Он нанес ответный удар, и яньцы потерпели тяжелое поражение у Хао. Ли Фу был убит, а столица Янь окружена (251 г.). Яньский правитель отдал Чжао пять городов, чтобы заключить мир; эти условия были приняты. Правитель Чжао за достигнутые успехи пожаловал Лянь По владение в Вэйване²⁰ и титул Синьпин-цзюнь, назначив его *сянго*.

После неудачи под Чанпином Лянь По, вернувшись в Чжао, утратил свое влияние, а все жившие у него приезжие гости покинули его дом. Когда же он вновь был поставлен военачальником, гости стали возвращаться. Лянь По сказал им: «Уходите от меня!» Гости ему ответили: «Эх, почему вы, господин, считаете наше возвращение запоздалым? Ведь человеческие отношения подобны рынку. Вы были сильны, мы следовали за вами, вы утратили свое положение, мы ушли от вас. Это закономерно, чем тут возмущаться?» Прошло еще шесть лет, и чжаоский правитель послал Лянь По атаковать вэйский Фаньян. Лянь По захватил его.

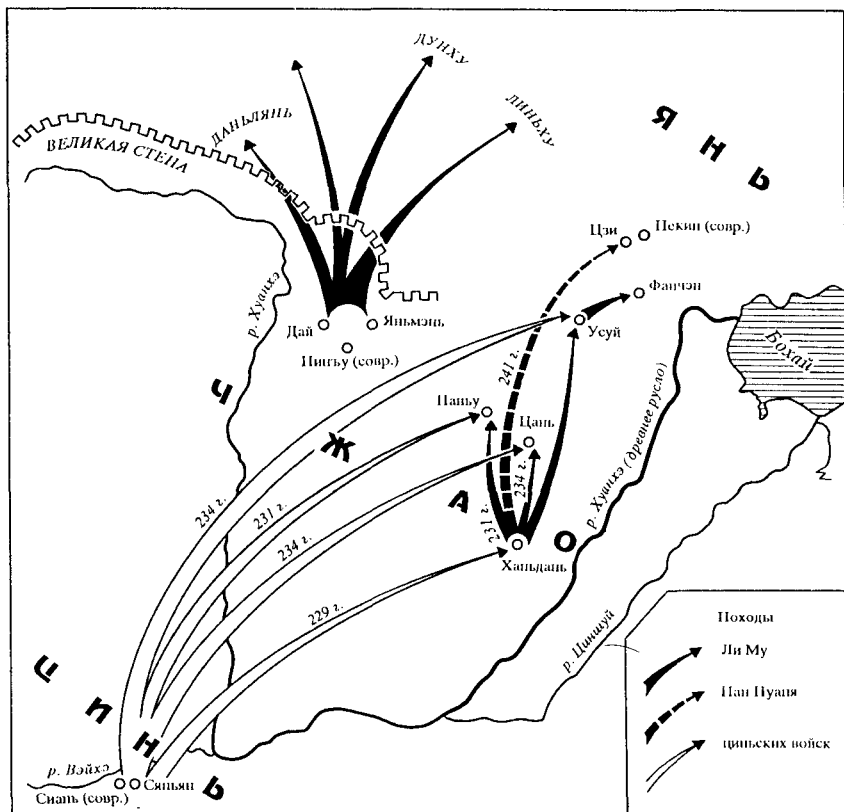
Когда чжаоский Сяо Чэн-ван умер (244 г.), у власти встал его сын – Дао Сян-ван. [Он] назначил Юэ Чэна вместо Лянь По; последний разгневался и напал на Юэ Чэна. Юэ Чэн бежал, Лянь По же перебрался в вэйский Даян. На следующий год правитель Чжао назначил военачальником Ли Му, который напал на Янь и занял города Усуй и Фанчэн. Лянь По прожил в Даяне длительное время, но вэйский правитель не доверял ему и на службе не использовал. Между тем, Чжао неоднократно попадало в трудное положение вследствие давления циньских армий, и чжаоский правитель думал о том, как бы вернуть Лянь По, да и [сам] Лянь По тоже мечтал вновь послужить Чжао. Чжаоский *ван* послал человека в Даян посмотреть, можно ли использовать Лянь По на службе. Но личный враг Лянь По [по имени] Го Кай подкупил посланца, дав ему много золота, чтобы тот очернил Лянь По. Когда посланец встретился с Лянь По, тот, узнав о цели его приезда, за раз съел целое *доу* риса, десять *цзиней* мяса, надел латы, вскочил на коня, всячески показывая свою способность к службе. Посланец, вернувшись, докладывал *вану*: «Военачальник Лянь По хотя и стар, но аппетит имеет превосходный, пока мы с ним сидели за столом, он трижды “пускал ветры”». Чжаоский *ван* посчитал, что Лянь По уже стар и решил не привлекать его больше к службе.

Узнав, что Лянь По находится в княжестве Вэй, чуский правитель тайно послал к нему человека, чтобы пригласить его к себе. На какое-то время Лянь По стал чуским военачальником, но успехов не имел. Он говаривал: «Я мечтаю водить за собой чжаосцев». Умер Лянь По в Шоучуне²¹.

Ли Му, служивший в северных пограничных землях княжества Чжао, был одним из способных военачальников. Он постоянно пребывал в Дай или Яньмэне ²², готовый отразить нападение сюнну. Он надлежащим образом назначал чиновников, все торговые пошлины и налоги поступали в его хранилища и расходовались на содержание воинов и командиров. Ежедневно в расположении войск закалывали несколько быков для питания солдат; он обучал воинов стрельбе из лука и верховой езде. Вдоль границы были поставлены башни с сигнальными огнями [и] рассыпалось множество лазутчиков и разведчиков. К бойцам своим он относился хорошо. Ли Му наставлял их так: «Как только сюнну вторгнутся в наши земли и начнут грабить, немедленно уходите в свой лагерь и обороняйтесь; всякого, кто осмелится захватить пленных, я казню». Каждый раз, когда вторгались сюнну, зажигались сигнальные огни, и его отряды уходили в лагерь, занимая оборонительные позиции, и не стремились вступать в бой. Так продолжалось несколько лет, и [Чжао] не несло никаких потерь. Однако сюнну считали, что Ли Му трусит; такого же мнения о Ли Му были и войска, расположенные на границах княжества. Чжаоский ван укорял Ли Му, однако тот вел себя по-прежнему. Чжаоский правитель разгневался, вызвал Ли Му к себе и заменил его другим военачальником.

В течение года с небольшим каждый раз, когда появлялись сюнну, чжаоские войска вступали с ними в сражения; они испытали несколько поражений и понесли значительные потери. На пограничных землях стало невозможно заниматься земледелием и скотоводством. [Тогда чжаоский правитель] вновь попросил Ли Му вернуться на свой пост, но Ли Му закрылся в своем доме и не выходил из него, упрямо твердя, что он болен. Правитель Чжао настаивал на том, чтобы Ли Му встал во главе войска. Ли Му ответил: «Если вы, ван, намерены использовать меня, то я буду действовать, как прежде. При таком условии я готов выполнить ваше повеление». Ван согласился с этим.

Когда Ли Му прибыл [на границу], он восстановил прежние порядки. В течение нескольких лет сюнну ничего не добились, но, как и прежде, считали [Ли Му] трусливым. Стоявшие на границе воины [чжаоской армии], не участвуя в сражениях, постоянно получали поощрения и все рвались в бой. Тогда [Ли Му] отобрал в своем войске 1300 боевых колесниц, 13 тысяч всадников, 50 тысяч храбрых воинов, достойных награды в сто золотых ²³, кроме того – 100 тысяч метких стрелков из лука, и всех их стал тренировать, готовя к боям. Тем временем выросло поголовье скота, люди

Карта-схема 3

заселили все земли. Когда *сюнну* вторглись малыми силами, то он отошел, сделав вид, что потерпел поражение, потеряв при этом несколько тысяч человек. Узнав об этом, *сюннуский шаньюй* вторгся в *чжаоские* земли с огромной массой своих воинов. Но Ли Му, знавший многие удивительные способы ведения боя, развернул свои левый и правый фланги и ударил по армии *сюнну*, нанеся ей крупное поражение. Погибло более 100 тысяч *сюннуских* конников. Он уничтожил [племена] *даньлань*, разгромил [племена] *дунху*, принудил сдаться [племена] *линьху* ²⁴. *Шаньюй* спасся бегством. В последующие десять с лишним лет племена *сюнну* уже не решались приближаться к пограничным городам ²⁵ Чжао.

В начальном году правления *чжаоского* Дао Сян-вана (244 г.), когда Лянь По перебрался в Вэй, *чжаоский* правитель отправил Ли Му в поход против княжества Янь, [где им] были захвачены города Усуй и Фанчэн. Два года спустя [военачальник] Пан Нунань разгромил *яньскую* армию и убил Цзюй Синя ²⁶. Через семь лет армия Цинь напала на Чжао, под Усум был убит *чжаоский* военачальник Ху Чжэ и обезглавили 100 тысяч человек. После этого *чжаоский ван* поставил Ли Му главнокомандующим над всеми войсками. Ли Му напал на *циньскую* армию под Ианем и нанес ей серьезное поражение, заставив бежать *циньского* военачальника Хуань Ци (234 г.). Ли Му был пожалован титул Уаньцзюнь. Еще через три года *циньцы* напали на Панью. Войска под командованием Ли Му нанесли удар *циньской* армии и разбили ее. Двигаясь к югу, они отразили наступление войск княжеств Хань и Вэй.

На 7-м году правления *чжаоского вана* Цяня ²⁷ (299 г.) *циньский* правитель послал [военачальника] Ван Цзяня напасть на Чжао; *чжаоский* правитель направил своих военачальников Ли Му и Сыма Шана дать ему отпор.

Циньская сторона большим количеством золота подкупила близкого к *чжаоскому вану* сановника Го Кая для того, чтобы сорвать [сопротивление Чжао]. Го Кай оклеветал Ли Му и Сыма Шана, [утверждая], будто бы они готовят мятеж. Тогда *чжаоский* правитель послал Чжао Цуна и *циского* военачальника Янь Цзюя сменить Ли Му. [Поскольку] Ли Му не подчинился приказу, *чжаоский ван* послал своих людей тайно схватить Ли Му и казнить его, а Сыма Шана отстранить от должности.

Через три месяца [*циньский*] Ван Цзянь совершил стремительное нападение на Чжао, полностью разгромил *чжаосцев* и убил Чжао Цуна, взяв в плен *чжаоского вана* Цяня и его военачальника Янь Цзюя, и ликвидировал Чжао.

Я, тайшигун, скажу так.

Когда человек знает, за что умирает, он храбр, поэтому тяжела не сама по себе смерть, а сознание ее бессмысленности. Ведь когда Линь Сян-жу, прислонившись к колонне, держал в руках драгоценную яшму и отчитывал приближенных циньского *вана*, он знал, что идет на смерть. Однако циньские мужи оказались трусоватыми, они не решились действовать. Сян-жу проявил свой нестигаемый дух, его величие и вера в свое дело восторжествовали во враждебном государстве. [Пусть он] отошел от своих дел и уступил пост Лянь По, слава его весомей, чем гора Тайшань. Воистину в нем совместились мудрость и храбрость!

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Тянь Дань ле чжуань – Жизнеописание Тянь Даня ¹

Тянь Дань был одним из многих сородичей клана Тянь в Ци ². Во время [правления] циского Минь-вана Дань прислуживал начальнику рынка в городе Линьцзы. Глубокими знаниями он не выделялся.

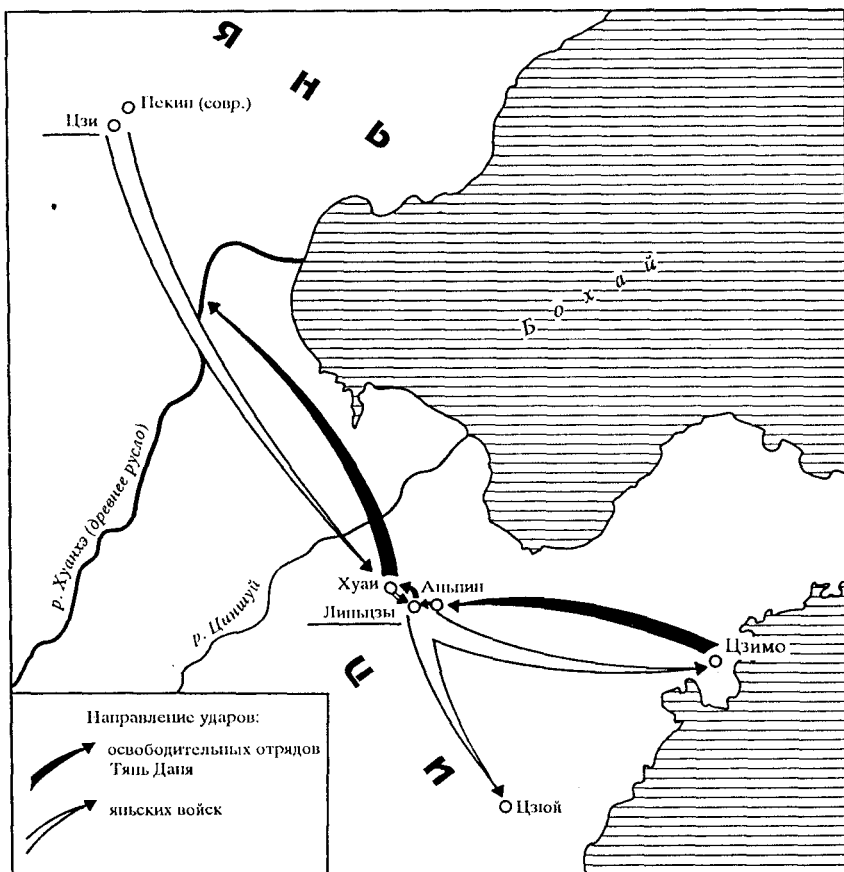
Когда яньский правитель послал Юэ И против циской армии, циский Минь-ван был вынужден бежать ³ и в конце концов обосновался в городе Цзюй ⁴. После того как командующий яньскими силами умиротворил земли Ци, Тянь Дань перебрался в Аньпин. Он велел своим родичам обрубить концы длинных осей на повозках и надеть на них железные колпаки; когда же яньские войска напали на Аньпин и городские стены были разрушены, цисцы бежали, борясь за место на дороге, и длинные оси их повозок ломались; так они попадали в плен к яньцам. Спасти удалось только родичам Тянь Даня – благодаря тому, что они надели на концы осей железные колпаки. Двигаясь на восток, они обосновались в Цзимо. В это время яньцы захватили почти все циские города, не сдались лишь Цзюй и Цзимо. Узнав о том, что циский *ван* пребывает в Цзюе, яньцы собрали свои силы и атаковали Цзюй. Но даже когда Нао Чи убил Минь-вана в Цзюе, город не переставал крепить свою оборону, отражать натиск яньских войск и не сдавался несколько лет. Яньцы двинули войска далее на восток и окружили Цзимо. Цзимоские старшие чины вышли на встречный бой, но были разбиты и погибли. Жители города стали выдвигать Тянь Даня, говоря: «Во время битвы за Аньпин все члены рода Тянь Даня спаслись с помощью железных колпаков на осях; он хорошо разбирается в военном искусстве». И его поставили командовать войсками. В результате атаки яньцев на Цзимо удалось отразить.

Через какое-то время умер яньский Чжао-ван, и на княжеский престол взошел Хуэй-ван ⁵ (278 г.). У него возникли трения с Юэ И. Узнав про это, Тянь Дань тайно послал своего человека в Янь распустить такой слух: «Циский *ван* уже погиб, из циских городов не захвачены только два. Юэ И боится, что будет казнен, и не

решается вернуться. Он заработал себе имя походом на Ци, но это лишь предлог; фактически он стремится, соединив все войска, сесть лицом к югу и стать правителем Ци. Жители Ци пока не поддерживают его, и поэтому он затягивает дело со взятием Цзимо, чтобы добиться осуществления своего замысла. Цисцы опасаются одного – как бы не прибыл другой военачальник на его место, ибо тогда Цзимо будет разрушен». Яньский ван поверил этому навету и послал Ци Цзе сменить Юэ И.

Юэ И вернулся в Чжао, но в яньской армии среди командиров и солдат воцарилось неудовольствие ⁶. Вслед за тем Тянь Дая приказал всем обитателям города при каждой трапезе непременно приносить жертвы в храме предков. Птицы, слетевшиеся со всех сторон, стали парить над городом и спускаться есть на землю. Яньцы очень дивились этому. Тогда Тянь Дая распустил такой слух: «Это духи прибыли, чтобы наставить меня». И объявил жителям города: «Должен найтись святой человек, который станет моим наставником». Тогда нашелся один воин, который спросил: «Может, я смогу быть таким наставником?» – и тут же повернулся спиной и вышел. Тянь Дая встал, вернул этого человека, посадил его рядом лицом к востоку и стал служить ему как наставнику. Этот воин сказал: «Я обманул вас, господин; честно говоря, у меня нет никаких способностей». Тянь Дая сказал: «А вы [просто] храните молчание». И стал почитать его как наставника. На каждом приеме, связанный своим обязательством, он всегда именовал его учителем. Затем он пустил такой слух: «Я боюсь того, что яньские войска отрежут носы пленным цисским воинам и, поместив их в передние шеренги, вступят с нами в бой; тогда Цзимо погибнет». До яньцев дошел этот слух, и они стали поступать именно так. Жители города, обнаружив, что у всех пленных цисцев отрезают носы, ожесточились и еще более укрепили оборону, боясь лишь одного – попасть в плен. Тянь Дая через своих лазутчиков распространил еще и такой слух: «Я боюсь, что яньцы раскопают наши могилы за чертой города и опозорят наших предков. От этого холодеет сердце». Яньские воины [и в самом деле] раскопали все захоронения и сожгли трупы. Жители Цзимо видели все это со своих стен и плакали, все они рвались в бой, гнев их становился все сильнее.

Тянь Дая понял, что теперь его воины готовы к бою. Он обзавелся доской и заступом ⁷, желая делить тяготы с воинами, [а своих] жен и наложниц послал в войска, чтобы они раздали там всю еду и питье. [Тянь Дая] приказал латникам спрятаться, а старым и слабым, женщинам и детям – подняться на городские стены

Карта-схема 4

и одновременно послал человека договариваться с яньским военачальником о сдаче города. Яньские солдаты, узнав про это, кричали: «Ваньсуй!» А Тянь Дань стал собирать у населения золото. Собрав тысячу и, [он] тут же поручил главам богатых семей из Цзимо передать золото яньскому военачальнику с такими словами: «Если Цзимо и капитулирует, то мы хотели бы, чтобы наши родные, жены и наложницы не попали в плен и не подверглись насилию, чтобы никто их не тронул». Яньский военачальник весьма обрадовался и выразил свое согласие. Яньские войска с этого момента все больше ослабляли свою боевую готовность.

А Тянь Дань тем временем собрал в городе более тысячи быков, на них надели темно-красные шелковые попоны с вышитыми разноцветными узорами в виде драконов, к рогам привязали острые лезвия мечей, к хвостам прикрепили вязанки смазанного салом тростника и подожгли их, в крепостных стенах пробили несколько десятков проходов и ночью выпустили этих быков. Вслед за животными двигалось 5 тысяч отборных воинов. Когда быкам стало жечь хвосты, они расшвирипели и бросились на яньское войнство. В результате среди ночи яньские войска были охвачены паникой. Огни, горевшие на бычьих хвостах, отбрасывали ослепляющий свет, и яньским воинам [быки] казались драконами. От их рогов [яньцы] погибали или получали ранения. А 5 тысяч воинов, которые следовали за животными, держа во рту палочки, [чтобы не проронить ни звука], тоже ударили по яньцам. В это время оставшееся в городе население стало стучать и гремять, и стар и млад били в медную утварь, создавая страшный шум, сотрясавший небо и землю. Яньских воинов охватила паника, и они бежали. Цисцы преследовали их и убили яньского военачальника Ци Цзе. В яньской армии воцарился беспорядок и суматоха; она начала отступать. Циские воины стали преследовать яньцев и погнали их на север. Города и села, к которым подходили наступавшие, восставали против Янь и переходили на сторону Тянь Даня. Воинов у него становилось все больше. Из-за побед Тянь Даня княжество Янь с каждым днем слабело и приближалось к гибели, его войска в конце концов оказались на берегах Хуанхэ, а 70 с лишним городов, утраченных ранее Ци, вновь вернулись под власть его правителя. Затем Тянь Дань приветствовал Сян-вана в Цзюй, ввел его в Линьцзы и передал ему бразды правления. Сян-ван пожаловал ему титул Аньпин-цзюнь ⁸.

Я, тайшигун, скажу так ⁹.

На войне действуют по правилам, но побеждают маневром. Владеющий этим искусством использует неисчислимое количест

во приемов. Бой по правилам и маневр неразрывно связаны, подобно не имеющему разрыва яшмовому кольцу¹⁰. Так, в начале это невинная девушка, и враг отворяет двери, а потом это заяц, спасающийся от погони, и враг не успевает дать отпор. Не о Тянь Дане ли это сказано?

В прошлом, когда Нао Чи убил Минь-вана, жители Цзюя стали искать сына Минь-вана – Фа Чжана и нашли его в семье *тайши* Цзюа¹¹, где он ухаживал за садом. Дочь Цзюа жалела его и хорошо относилась к нему. Впоследствии Фа Чжан признался девушке в своих чувствах, и она сошлась с ним. Когда же жители Цзюя поставили Фа Чжана циским ваном, а Цзюй оказал сопротивление яньцам, дочь из рода *тайши* стала княгиней и именовалась *цзюньванхоу*.

Когда в самом начале вторжения яньских войск в Ци стало известно о мудреце Ван Чу, проживавшем в Хуаи¹², то по армии был отдан такой приказ: «Остановиться, не доходя 30 ли до Хуаи, и в него не входить», – потому что там пребывал Ван Чу. А потом послали человека к Ван Чу сказать: «Цисцы высоко ценят вашу справедливость, поэтому мы предлагаем вам стать военачальником и готовы пожаловать вам 10 тысяч дворов». Чу решительно отказался. Яньский посланник сказал ему: «Если вы откажетесь, то мы бросим против вас все свои силы¹³ и перережем всех в Хуаи». Ван Чу ответил: «Преданный чиновник не служит двум правителям, у целомудренной женщины не бывает второго мужа. Поскольку циский *ван* не слушал моих наставлений, я ушел со службы и занялся земледелием. Если мое княжество будет разбито и погибнет, я не смогу больше жить. Сейчас вы военной силой пытаетесь принудить меня стать вашим военачальником; согласиться на это – все равно что помогать тирану Цзе бесчинствовать. Чем жить, не соблюдая своего долга, лучше уж быть заживо сваренным в кипятке». И он тут же повесился на ветке дерева. Когда бежавшие из Ци сановники узнали про это, они сказали: «Ван Чу – простоллодин, но чувство долга не позволило ему сесть лицом к северу при дворе в Янь. Что же говорить о имеющих высокие посты и получающих содержание!» Все вместе они отправились в Цзюй на поиски наследника и поставили на престол Сян-вана.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Лу Чжун-лянь, Цзоу Ян ле чжуань – Жизнеописание Лу Чжун-ляня и Цзоу Яна ¹

Цисца Лу Чжун-ляня привлекали необычные замыслы, хотя занять пост чиновника при дворе он не захотел. Он придерживался высоких правил честности. Странствуя, [Лу Чжун-лянь] был в Чжао.

Во время [правления] чжаоского Сяо Чэн-вана циньский правитель направил Бай Ци под Чанпин, где тот в ряде сражений разгромил более чем 400-тысячную чжаоскую армию. Циньская армия двинулась на восток и окружила Ханьдань. Чжаоский *ван* опасался, что *чжухоу* не осмелятся послать свои войска ему на помощь и напасть на циньскую армию. Вэйский Ань Ли-ван [все же] направил в помощь Чжао армию под руководством военачальника Цзинь Би, [но], боясь мощи Цинь, она остановилась в Даньине и дальше не продвигалась ². Вэйский *ван* послал *кэцзянцзюня* Синьюань Яня ³ тайно пробраться в Ханьдань и через Пиньюань-цзюня передать чжаоскому *вану*: «У циньской армии [есть серьезные основания] настойчиво осаждать столицу Чжао. В прошлом циньский правитель боролся с цисским Минь-ваном за право носить титул *ди*, а затем они оба отказались от этих притязаний. Ныне Ци сильно ослабело, и лишь Цинь возвышается в Поднебесной, прежде всего стремясь не захватить Ханьдань, а вновь добиться титула императора. Если Чжао направит посла с признанием циньского Чжао-вана императором, то он возрадуется, оставит свои войска и отзовет их». Пиньюань-цзюнь колебался и не знал, на что решиться.

В это время Лу Чжун-лянь направился в Чжао, и, когда циньцы окружили столицу княжества, он узнал о том, что вэйский военачальник хотел бы, чтобы Чжао признало циньского правителя императором. Он увиделся с Пиньюань-цзюнем и спросил его: «Как будут развиваться события?» Пиньюань-цзюнь ответил: «Как [мне], Шэну, осмелиться толковать ход событий! Не так давно у нас на внешних землях погибло 400 тысяч воинов, к тому же сейчас циньцы окружили Ханьдань и не намерены уходить.

Вэйский правитель послал военачальника из пришлых Синьюань Яня побудить чжаоского правителя признать циньского вана императором. Этот посол и сейчас здесь. Как в таких условиях могу я осмелиться толковать о развитии событий!»

Лу Чжун-лянь ответил: «Раньше я считал вас, почтенный, одним из мудрых княжичей в Поднебесной, но теперь я понял, что ошибался. Где находится лянский *кэцзянцзюнь* Синьюань Янь? Прошу разрешить мне вести с ним переговоры от вашего имени». Пиньюань-цзюнь сказал: «Я, Шэн, готов представить вас и устроить с ним встречу». После этого он увиделся с Синьюань Янем и сказал: «В восточном княжестве есть учитель Лу Чжун-лянь, он сейчас находится тут. [Я], Шэн, хотел бы представить его, чтобы вы, военачальник, побеседовали с ним». Синьюань Янь ответил: «Я слышал, что учитель Лу Чжун-лянь – высокопоставленный чиновник в Ци, [но я], Янь, всего лишь слуга своего господина. Посол ограничен в своих поступках. Я не имею желания встречаться с учителем Лу Чжун-лянем». На это Пиньюань-цзюнь сказал: «Но я, Шэн, уже договорился с ним об этом». [Тогда] Синьюань Янь согласился.

Когда они встретились, Лу Лянь хранил молчание. Синьюань Янь сказал: «Я вижу, что все, живущие в этом осажденном городе, обращаются к Пиньюань-цзюню. Мне же по вашему виду кажется, что вам от него ничего не надо. Почему же вы остаетесь в этом осажденном городе и не покидаете его?» Лу Чжун-лянь ответил: «Напрасно считают, что Бао Цзяо погиб из-за своего нежелания жить как все ⁴. Люди не поняли его мотивов, думали, что он принимал в расчет только себя. Цинь – это государство, в котором отброшены обряды и справедливость, там измеряют заслуги числом отрубленных голов ⁵. Их мужи служат из-под палки, они закабалили свой народ. Если циньскому правителю удастся с помощью таких жестоких способов получить титул императора и даже контролировать всю Поднебесную, я, Лянь, предпочту броситься в Восточное море и погибнуть. Я ни за что не стану его подданным. Я встречаюсь с вами, военачальник, чтобы помочь Чжао».

Синьюань Янь спросил: «Как же вы, почтенный, намерены [ему] помочь?» Лу Лянь ответил: «Я намерен сделать так, чтобы княжества Лян и Янь помогли Чжао, тогда и Ци с Чу, несомненно, помогут ему». Синьюань Янь сказал на это: «[Правителю] Янь я предложу присоединиться к союзу *цзун*; что же касается Лян, то мне, лянцу, [неясно], как же вы, почтенный, заставите Лян прийти на помощь». Лу Лянь сказал: «Дело в том, что правитель Лян до сих

пор не видит опасности провозглашения циньского правителя императором; если удастся сделать так, чтобы лянский правитель увидел эту опасность, то [он] непременно придет на помощь Чжао».

Синьюань Янь спросил: «А в чем же опасность провозглашения циньского правителя императором?» Лу Лянь ответил: «В прошлом циский Вэй-ван ⁶ не раз проявлял милосердие и справедливость, он предводительствовал у чжоухоу Поднебесной на приемах у [государя] Чжоу. Поскольку дом Чжоу стал беден и слаб, никто из чжоухоу не являлся на аудиенции [к чжоускому правителю]; только циский правитель продолжал исполнять эту церемонию. Прошло более года. Чжоуский Ле-ван скончался ⁷. Цисцы отправились [на похороны] с опозданием. [Новый государь] Чжоу разгневался [и] послал в Ци срочное послание, в котором говорилось: “Небо рухнуло, земля раскололась, наш Сын Неба ушел в небытие. Являясь подданными из восточных владений, цисцы прибыли [на поминавшие] с опозданием, за что подлежат обезглавливанию”. Циский Вэй-ван, [получив послание], резко изменился в лице и в гневе воскликнул: “Тьфу! [Сын] рабыни!” И стал посмешищем всей Поднебесной. Пока был жив чжоуский правитель, циский ван непременно являлся на его аудиенции. Стоило ему умереть, как [циский ван] позволил себе оскорбительные слова. Впрочем, разве можно было снести непомерные притязания [Чжоу-вана]? [Но] эти Сыны Неба – они все такие, тут удивляться не приходится».

Синьюань Янь сказал [Лу Ляню]: «Неужели же вы, почтенный, один не считаете себя слугой? Когда десять слуг сопровождают одного хозяина, разве уступают они ему силой и умом? Просто [они] боятся его». Лу Чжун-лянь воскликнул: «Неужели Лян считает себя слугой Цинь?» Синьюань Янь ответил: «[Это] так». Лу Чжун-лянь продолжал: «[Тогда] попробую убедить циньского правителя сварить заживо и изрубить на куски лянского вана». Синьюань Янь был очень недоволен услышанным и сказал: «Ах так! То, что вы говорите, учитель, уже слишком! Как это вы сможете убедить циньского вана сварить лянского вана заживо и искромсать на куски?» Лу Чжун-лянь ответил: «Тут все просто. Сейчас объясню. В прошлом у Чжоу[-синя] высшими сановниками ⁸ являлись Цзю-хоу, Э-хоу и Вэнь-ван. У Цзю-хоу была красавица дочь, он ввел ее во дворец Чжоу[-синя], но Чжоу счел ее безобразной и изрубил Цзю-хоу на куски. Э-хоу соперничал с Чжоу-синем в силе и в спорах был сильнее, поэтому [государь убил его и] высушил [тело]. Вэнь-ван, услышав об этом, стал тяжело вздыхать».

Тогда Чжоу Синь заточил его в Юли⁹ на сто дней, намереваясь отдать приказ, чтобы его убили. Почему же когда люди начинают называться *ванами*, они доходят до того, что рубят на куски и засушивают людей? Когда циский Минь-ван вознамерился отправиться в княжество Лу, организовать этот визит и сопровождать его должен был И Вэй-цзы. Он спросил лусцев: “Как вы думаете принимать нашего правителя?” Лусцы ответили: “Мы намерены встретить вашего правителя, принеся в жертву десять больших *лао* скота”¹⁰. И Вэй-цзы продолжал: “Как вы определяли ритуал встречи нашего господина? Ведь он Сын Неба; а когда Сын Неба объезжает свои владения, *чжухоу* предоставляют ему свои опочивальни, вручают ему ключи от палат. Вы должны придерживать полы государевой одежды, сворачивать циновки на его лежанке, подносить ему блюда, и только когда он кончит трапезу, представляться ему”. [Тогда] лусцы закрыли все двери и ворота и отказались принимать его. [Так циский *ван*] не смог попасть в Лу. Тогда он решил отправиться в Се, проехав через [владение] Цзоу¹¹. В этот момент правитель Цзоу скончался; Минь-ван намеревался поехать туда почтить умершего. Осиротевшему цзоускому наследнику И Вэй-цзы сказал: “Когда наш Сын Неба прибудет для участия в траурной церемонии, то люди, участвующие в похоронах, должны повернуться спиной к гробу, стать лицом к северу в южной части дворца. После этого наш Сын Неба повернет лицо к югу и почтит покойного”. Все чиновники Цзоу сказали: “Если будет по-вашему, мы все заколем себя мечами”. Так [циский правитель] и не посмел въехать в Цзоу. Чиновники Цзоу и Лу при живом правителе не служили [Ци] и не направляли ему подношений, а после его смерти не принимали [от Ци] похоронных подношений. Поэтому когда от Цзоу и Лу потребовали осуществления ритуалов, подобающих Сыну Неба, то тамошние чиновники этого не приняли.

Ныне царство Цинь является государством, владеющим десятью тысячами колесниц; Лян тоже располагает десятью тысячами колесниц. Правители обоих этих государств, опираясь на силу своих десяти тысяч боевых колесниц, имеют титулы *ванов*. Но видя, что одно из них, Цинь, в большой битве одержало победу, другое решило подчиниться и провозгласить циньского правителя императором. Если так случится, то высшие сановники трех циньских княжеств окажутся хуже, чем слуги и наложницы Цзоу и Лу. Вместе с тем если циньский правитель все же станет императором, то заменит высших сановников при *чжухоу*: он удалит тех, кого считает неспособным, и выдвинет тех, кого считает муд-

рым; он уберет тех, кого ненавидит, и поставит тех, кого любит; он пошлет своих дочерей и готовых на любые наветы наложниц в жены и наложницы к чжухоу и ко двору лянского правителя. Разве тогда лянский ван сможет жить спокойно? И разве вам, военачальник, удастся пользоваться прежней благосклонностью [правителя]?»¹².

Тогда Синьюань Янь поднялся, дважды поклонился Лу Чжун-ляню и виноватым голосом сказал: «Вначале я считал вас заурядным человеком, а теперь понял, что вы, почтенный учитель, достойный муж Поднебесной. Я прошу разрешения удалиться, я больше не осмелюсь говорить о титуловании циньского правителя императором».

Циньский военачальник, узнав об этом разговоре, отвел свои войска на 50 ли¹³. Как раз в это время вэйский княжич У-цзи, захватив командование армией Цзинь Би, пришел на помощь Чжао¹⁴ и нанес удар по циньской армии. В результате циньцы сняли осаду с чжаоской столицы и ушли.

Тогда Пиньюань-цзюнь вознамерился дать пожалование Лу Ляню, но тот трижды отказывался, да так и не принял [его]. Тогда Пиньюань-цзюнь устроил пиршество, на котором он встал перед Лу Чжун-лянем и поднес ему тысячу золотых, подняв тост за его долголетие. Лу Лянь, усмехаясь, сказал: «В Поднебесной ценят мужей за то, что они освобождают людей от несчастий, избавляют от тягот, пресекают раздоры и беспорядки и при этом не получают от этого каких-либо благ. Получать за это блага – скорее похоже на торговлю, [и я], Лянь, не потерпел бы такого». После чего он расстался с Пиньюань-цзюнем и до конца жизни больше с ним не встречался.

Через 20 с лишним лет яньский военачальник напал на Ляочэн и занял его¹⁵. Какие-то люди из Ляочэна оклеветали военачальника перед яньским правителем, поэтому яньский полководец, испугавшись казни, остался в Ляочэне, не решаясь вернуться в Янь. Циский Тянь Дань осаждал Ляочэн в течение года с лишним, множество солдат погибло, но Ляочэн не был взят. Лу Лянь тогда составил послание [яньскому военачальнику], которое привязал к стреле и забросил в пределы городских стен. В нем говорилось:

«Я слышал, что мудрый человек не отказывается от выгод, которые предоставляет ему ситуация; храбрый муж не относится равнодушно к гибели людей и потере репутации; преданный слуга не ставит себя впереди своего правителя. Ныне вы, господин, действуете под влиянием минутного негодования, не думая о том, что яньский правитель остался без помощников; это не может

считаться преданностью. Вы теряете своих [солдат, вы] губите Ляочэн. Такая воинственность никак не повлияет на Ци. [Это] не есть [истинная] отвага. Ваши заслуги меркнут, а репутация гибнет, так что последующие поколения о вас и не вспомнят. Здесь нет мудрости. Совершающего три [такие] ошибки нынешние правители не возьмут на службу, а мудрые советники не опишут его деяния. Ведь мудрый не колеблется в выборе своего поведения, храбрый не боится смерти. Сейчас наступило время выбора между смертью и жизнью, славой и позором, знатностью и подлостью, почитанием и презрением. Такое время еще раз не наступит. Хотел бы, чтобы вы, господин, тщательно продумали все и не поступали бы так, как это делают люди заурядные.

Кроме того, чуские войска, наступая на Ци, достигли Наньяна, вэйские войска атакуют Пинлу¹⁶. Однако цисцы не хотят бросать силы на южный фланг, считая, что потеря Наньяна будет малой бедой, а выгода от получения земель Цзибэя¹⁷ будет значительно большей; поэтому [они] приняли такой план и придерживаются его. Сейчас циньцы двинули свои армии, и вэйцы уже не осмеливаются наступать далее в восточном направлении. Сложился мощный союз княжеств хэн вместе с Цинь, положение Чу оказалось угрожающим; цисцы собираются покинуть Наньян, укоротить свое правое крыло и утвердиться в Цзибэе – [таков их] план, и именно так они, видимо, и действуют. Цисцы решили покончить с Ляочэном, на этот счет вы можете не сомневаться. Если сейчас войска Чу и Вэй покинут Ци, а помощь из Янь не подойдет, то на циские силы не будет управы в Поднебесной. Годами бедствия в Ляочэне вы, как мне кажется, не добьетесь желаемого. Кроме того, сейчас в Янь большой беспорядок, правитель и его помощники не в состоянии составлять правильные планы, а верхи и низы в растерянности. Ли Фу на внешних землях уже потерял половину своей 100-тысячной армии; яньская армия, обладающая десятью тысячами боевых колесниц, окружена в Чжао, яньские земли уменьшились, правитель в затруднении, он опозорен перед всей Поднебесной. [Ваше] княжество оказалось в беде, несчастья его множатся, и людям некуда обратить свои сердца. Ныне вы, почтенный, готовы истощить [последние] силы жителей Ляочэна, чтобы сдержать военную мощь всего Ци; это – оборона по образцу Мо Ди¹⁸. [Ваши солдаты] уже едят человечье мясо и варят кости, но они не собираются восставать, они подобны воинам Сунь Биня¹⁹. Ваши способности очевидны для всей Поднебесной, однако если бы я составлял для вас, господин, план действий, то счел бы наиболее разумным для вас со всеми боевыми колесница-

ми и латниками вернуться в Янь. Возвращение в Янь со всеми колесницами и латниками наверняка обрадует яньского *вана*. Когда ваши воины в целости и сохранности вернутся в свое княжество, военные мужи и народ станут смотреть на вас, как на отца или мать, а путешествующие *бинькэ* будут соревноваться в рассказах о вас в обществе, и ваши деяния станут известны всем. Вы, с одной стороны, поможете оставшемуся в одиночестве правителю контролировать чиновников, с другой стороны, обеспечите пропитание *байсинов*, создадите условия для деятельности ученых советников. Тогда будут выправлены дела княжества и улучшены обычаи, что утвердит ваши заслуги и ваше имя. Но нет ли у вас намерения покинуть Янь и, не обращая внимания на общественное мнение, отправиться на восток, в Ци? Тогда вам будет выделено владение, и вы станете богатым, как Тао и Вэй ²⁰, и ваши потомки останутся правителями до тех пор, пока будет существовать Ци. Это тоже [достойный] план. Оба этих пути прославят ваше имя и будут вам весьма полезны. Я хотел бы, чтобы вы, *гун*, тщательно все рассчитали и обдуманно остановились на одном из решений.

Кроме того, я слышал, что тот, кто преследует малую выгоду, не в состоянии заслужить славное имя, а тот, кто пренебрегает мелочами, не в состоянии добиться больших заслуг. Так, в прошлом Гуань И-у ²¹ пустил стрелу и попал в пряжку пояса Хуаньгуна; это было проступком перед правителем. Он бросил на произвол судьбы княжича Цзю, не желая за него умирать. Тем самым он проявил нерешительность. Он был опозорен, когда ему на ноги надели колодки и связали руки. Совершивших три таких проступка правители не берут на службу, с ними и соседи не общаются. Если бы Гуань-цзы навсегда остался в тюрьме и не смог вернуться в княжество Ци, его репутация была бы запятнана низким и позорным поступком. Даже *цанхо* ²² было бы стыдно иметь подобную репутацию, что уж говорить об обычных людях! Но Гуань-цзы стыдился не того, что был закован в кандалы, а только того, что Поднебесная оказалась неуправляема. Он стыдился не того, что не смог погибнуть за княжича Цзю, а того, что *чжухоу* стали сомневаться в могуществе [правителя Ци]. И вот, совершив эти три ошибочных поступка, он [все же] сделал правителя Ци первым из пяти гегемонов. Имя [его] было окружено всеобщим уважением в Поднебесной, а слава его засияла среди соседних государств.

Луский военачальник Цао-цзы ²³ в трех сражениях был трижды разбит и потерял земли, равные по площади квадрату со стороной в 500 *ли* ²⁴. Если бы Цао-цзы не стал пересматривать свои планы и критически оценивать сделанное, а умер, перерезав себе

горло, он остался бы в памяти людей военачальником, потерпевшим поражение и попавшим в плен. Цао-цзы, несмотря на позор поражений, вернулся домой и остался советником луского гуна. Когда Хуань-гун, управляя Поднебесной, проводил съезд чжухоу, Цао-гун, находясь на жертвенном помосте, одним движением кинжала, направленного в сердце Хуань-гуна, заставил его [вернуть земли Лу]. Так, ничуть не изменившись в лице и не позволив себе никакой грубости в выражениях, он в один момент вернул утраченное в трех сражениях. Поднебесная была этим потрясена, чжухоу – изумлены, а слава его достигла даже У и Юэ.

Нельзя сказать, что люди, подобные этим двум мужам, были не в состоянии сберечь свое достоинство в малом или не преступать малых запретов. [Они] полагали, что бегство от трудностей путем самоубийства – своего рода отказ от утверждения репутации и свершения достойных дел, и это не является мудростью. Поэтому они не обращали внимания на оскорбления, отбрасывали чувство недовольства собой, чтобы на века утвердить свои заслуги. Вот почему их деяния могут поспорить с деяниями трех великих ванов, а слава их померкнет только с гибелью Неба и Земли. Хотел бы, чтобы вы, гун, выбрали одну из подобных линий поведения».

Яньский военачальник, прочитав послание Лу Ляня, три дня проплакал, но так и не мог на что-либо решиться. Он боялся, что по возвращении в Янь он будет казнен, поскольку между ним и ваном уже появилось отчуждение. Если сдать Ци, то он будет опозорен, поскольку это будет значить, что в его войске большие потери убитыми и попавшими в плен. Тогда он со вздохом сказал: «Чем быть заколотым другими, лучше уж заколоть себя самому». И покончил с собой. В Ляочэне начались волнения, и Тянь Дань [захватил город и] вырезал его население. Вернувшись, [Тянь Дань] заговорил [с правителем] о Лу Ляне с тем, чтобы ему присвоили высокий титул. [Однако] Лу Лянь бежал и скрылся на берегу моря. [Он] сказал: «Чем быть богатым и знатным и подлаживаться под людей, уж лучше оставаться бедным и незнатным, не зависеть от окружающих и действовать по своему усмотрению»²⁵.

Цзоу Ян был цисцем. Странствуя по княжеству Лян, он познакомился с Чжуан Цзи Фу-цзы²⁶ – уроженцем У – и человеком из Хуайиня, которого звали Мэй-шэн²⁷. Он направил послание, желая выступить посредником между Ян Шэном и Гунсунь Гуем²⁸. [Ян] Шэн и другие стали завидовать Цзоу Яну, оклеветали его перед лянским Сяо-ваном²⁹, и тот, разгневавшись, передал его в руки судей для дознания, намереваясь казнить. Так бинькэ Цзоу

Ян из-за клеветы был схвачен и посажен в тюрьму. Он, опасаясь умереть и оставить память о себе как о преступнике, из тюремной камеры написал *вану* следующее письмо:

«Я слышал, что преданность слуги всегда вознаграждается, и в том, кто преданно служит повелителю, не сомневаются. Я всегда считал это верным, но сейчас вижу, что это лишь пустые слова. Ведь в прошлом Цзин Кэ выполнял волю яньского наследника Дая³⁰, но достаточно было белой радуге пронзить солнце³¹, как у яньского наследника появились сомнения. Когда господин Вэй³² составил для циньского правителя план битвы под Чанпинном, [что-то] огромное белое затмило созвездие *Мао*, и Чжао-вана стали одолевать сомнения³³. Так изменения на небе и на земле привели к тому, что доверие обоих правителей было утрачено. Разве это не прискорбно! Всем своим существом преданный и до конца искренний перед вами, я стремился передать вам все свои суждения и знания, но не был понят вашими приближенными. В конце концов меня передали вашим судьям для допроса, что заставило людей сомневаться во мне. Мое дело повторяет судьбу Цзин Кэ и почтенного Вэя. Яньский [Дань и] циньский [Чжао-ван] не разобрались в случившемся. Я просил бы Великого *вана* вникнуть в существо дела.

В прошлом Бянь Хэ поднес чускому *вану* драгоценность, но тот отрубил ему ногу³⁴; Ли Сы был до конца преданным служкой, а Ху Хай жестоко расправился с ним³⁵. Поэтому-то Ци-цзы прикинулся сумасшедшим, а Цзе Юй покинул свет и удалился в изгнание. Они так поступили, чтобы не испытать подобных несчастий. Я хотел бы, чтобы вы, Великий *ван*, хорошенько подумали и над устремлениями Бянь Хэ и Ли Сы, и над тем, как чуский *ван* и Ху Хай поверили клевете, чтобы я не стал таким же посмешищем в глазах людей, как Ци-цзы и Цзе Юй.

Я слышал, что Би-ганно вырезали сердце, а тело [У] Цзысюя положили в кожаный бурдюк и бросили в реку. Раньше я в этом сомневался, но теперь уверен. Я просил бы Великого *вана* всерьез подумать об этом, чтобы меньше пришлось сожалеть о содеянном.

Есть пословица: «Можно прожить с человеком до седых волос и вдруг почувствовать, что он чужой. Можно повстречать человека на дороге, и окажется, что он близок тебе, как старый друг». О чем эти слова? Речь идет о знании и незнании. Поэтому-то в прошлом Фань У-ци³⁶, бежав из Цинь в Янь, предоставил Цзин Кэ свою голову во имя исполнения замысла наследника Дая. Ван Шэ покинул Ци и прибыл в Вэй, где, поднявшись на крепостные

стены, на глазах у неприятеля покончил с собой, чтобы повлиять на циские войска и сохранить [княжество] Вэй³⁷. Так Ван Шэ и Фань У-ци оказались чужими для Ци и Цинь и своими – для Янь и Вэй. Поэтому, покинув [родные] княжества и погибая за [других] правителей, они поступали согласно собственным устремлениям, пытаясь выполнить свой долг до конца. По этой же причине Су Цинь хотя и не пользовался доверием в Поднебесной, но княжеству Янь остался верен до конца. Бай Гуй хотя и сдал в боях шесть городов, но захватил для правителя Вэй владение Чжуншань. Почему так случилось? Все дело в том, что между ними и их новыми правителями было взаимопонимание. Когда Су Циня, служившего *сяном* в Янь, какие-то яньцы очерняли перед *ваном*, он, положив руку на меч, прикрикнул на них и угостил Су Циня мясом своего скакуна. Когда Бай Гуй проявил себя в битве за Чжуншань, некоторые чжуншаньцы решили очернить его перед вэйским Вэнь-хоу, но правитель пожаловал ему яшму, светящуюся ночью. Почему это произошло? Потому что оба эти правителя и их сановники подходили друг к другу с открытой душой, с полным доверием. Разве такие отношения могли быть поколеблены какими-то наветами? Ведь когда женщина – красавица она или урод – попадает в *хоугун*, то она все равно вызывает ревность; а когда чиновный муж – мудрый он или бесталанный – попадает во дворец, он все равно вызывает зависть. В прошлом Сыма Си, хотя ему и отрубили ноги в Сун³⁸, в конце концов стал *сяном* в Чжуншани; хотя Фань Сую³⁹ в Вэй сломали ребра и выбили зубы, он в конце концов получил титул Ин-хоу. Оба эти человека верили в осуществимость своих предложений и советов. Они отказывались от поддержки по знакомству, полагаясь лишь на собственные силы, и поэтому не смогли избежать клеветы завистливых людей. По этой же причине Шэньту Ди бросился в реку, а Сюй Янь с камнем на шее утопился в море⁴⁰. Эти люди не были признаны в обществе, их чувство долга не допускало нечестности, они держались равно со всеми при дворе, стремясь оказать влияние на устремления правителей. Также и Байли Си кормился на дорогах, выпрашивая еду, [однако] Му-гун поручил ему управлять делами царства. Нин Ци сначала кормил бычков [и спал] под повозкой, а позже Хуань-гун поручил ему дела княжества⁴¹. Разве эти два человека попали ко дворам князей с помощью других чиновников или стали использоваться обоими правителями, прикрываясь славой других приближенных? Дело в том, что они сердцем чувствовали желания своих правителей, действовали в неразрывной с ними связи и были им близки, как родные братья.

Неужели эта связь могла быть разрушена речами толпы?

Когда прислушиваются только к одному голосу, рождается измена, когда используют на службе только одних, зреет смута. Так, в прошлом луский гун послушался наговоров Ци Суня и изгнал Конфуция ⁴², а сунский правитель поверил наветам Цзы Ханя и посадил в тюрьму Мо Ди ⁴³. Но когда такие рассудительные люди, как Конфуций и Мо[Ди], не смогли избежать клеветы и мести, то и правители этих двух государств оказались в опасном положении. Почему же так получилось? Потому что голос толпы способен расплавить даже металлы ⁴⁴, а длительное очернительство съедает даже кости. Так, циньский правитель, использовав выходца из жунов Ю-юя, стал гегемоном в Среднем государстве, а Ци, используя юэсца Мэна ⁴⁵, приобрело мощь при Вэй-ване и Сюань-ване. Эти два государства разве были связаны устоявшимися обычаями [или] поддавались влиянию людской молвы? Когда беспристрастно прислушиваются и всесторонне рассматривают, становятся прославленными среди современников. Когда намерения правителя и избранных им помощников совпадают, то, как в примере с хусем Ю-юем и юэсцем Мэном, они становятся как братья. Когда же намерения и мнения не совпадают, то даже родных по крови не принимают и изгоняют, как это было с [сыном Яо] – Дань-чжу, с [братом Шуня] – Сяном ⁴⁶, с [братьями У-вана] – Гуань[-шу и] Цай-шу ⁴⁷.

Если [вы] как правитель действительно в состоянии использовать пример справедливых действий Ци и Цинь и отбросить действия, [подобные шагам правителей] Сун и Лу, послушавших [наветы и клевету], то [перед вами] померкнет слава пяти гегемонов, вам окажутся по плечу свершения трех славных ванов.

Мудрые правители осознают все это, они отбрасывают недоброе поползновения своих слуг, они в состоянии не следовать поучениям людей, подобных Тянь Чану ⁴⁸, [а действовать, как У-ван, который] одарил потомков Би-ганя и отстроил могилы беременных женщин ⁴⁹, [которым Чжоу Синь вспорол животы]. Славные деяния подобных мудрых правителей вновь и вновь вершатся в Поднебесной. Почему же это происходит? Потому, что стремление к добру неистребимо. Ведь циньский Вэнь-гун приближал к себе [даже] тех, кто его ненавидел ⁵⁰, и в результате усилился и стал гегемоном среди чжухоу; а циский Хуань-гун, не пренебрегавший усилиями [даже] своих противников, стал держать в руках Поднебесную ⁵¹. Почему же так случилось? [Потому что они] были милосердны и гуманны, внимательны и заботливы, своей искренностью они добились расположения к себе и не прислушивались к

пустым наговорам.

Но были и другие примеры. Так, в Цинь ввели предложенные Шан Яном законы, на востоке ослабили княжества Хань и Вэй и в военном отношении стали сильнее всех в Поднебесной; но в конечном счете Шан Ян был разорван колесницами. В Юэ исползовали советы и планы сановника Чжуна; с его помощью [Гоу Цзянь] одолел сильное У и стал гегемоном в Поднебесной, но в конце концов сам Чжун был казнен. Также вспомните, как Сунь Шу-ао трижды уходил с поста *сяна* и не раскаивался в этом ⁵² и как Лин-цзы Чжун отказался от поста одного из трех *гунов* и вернулся к скромной сельской жизни ⁵³. Ныне вы, правитель, действительно имеете возможность, избежав чванливости, проявить лучшие чувства к преданным вам, будучи до конца искренним и решительным, сделать так, чтобы они служили верой и правдой, добиться полного взаимопонимания с ними. [Ведь если] не жалеть своих чиновников, то можно заставить и собак [тирана] Цзе лаять на [императора] Яо, а гостя разбойника Чжи заколоть [Сюй] Ю ⁵⁴. Где уж тогда мечтать о мощи десяти тысяч боевых колесниц, положении совершенномудрого *вана*. В противном же случае не может идти и речи об [опасности] истребления всего [вашего] рода до седьмого колена, как это случилось с Цзин Кэ ⁵⁵, или о смерти в огне жены и детей, как это случилось с Яо Ли ⁵⁶.

Я, ваш слуга, слышал, что любой путник, которому встретится жемчужина, сверкающая, как луна, или яшма, светящаяся в темноте, схватится за меч и будет коситься по сторонам. Почему? Он не захочет, чтобы кто-то другой добрался до нее первым. Кривое дерево с переплетающимися корнями может оказаться предметом [украшения у правителя государства с] десятью тысячами колесниц. Почему? Потому что приближенные эти корни предварительно украсят. Те же, кто без поддержки выходит вперед, хоть и с жемчужиной суйского *хоу* ⁵⁷ или со светящейся в темноте яшмой, только навлекут на себя неудовольствие и плохо кончат. В Поднебесной есть люди, подобные кривому дереву, но имеющие заслуги, о которых нельзя забывать. Это живущие в нищете ученые мужи-простолодины, которые низки по званию, но являются преемниками искусства [управления] Яо и Шуня, сохраняют красноречивые приемы суждений И Иня и Гуань Чжуна, несут в себе устремления Лун Пэна ⁵⁸ и Би-ганя. Они стремятся целиком отдать себя своему правителю, но они неприметны, и “корни” их украсить некому. И хотя они готовы быть до конца преданными и добросовестными, отдавать все свои силы и помыслы властителю, помогать ему в управлении государством,

властитель как бы хватается за меч и косится по сторонам, и эти простолодины не могут проявить своих качеств. Но он не должен допускать, чтобы талантливые простолодины становились подобны сухому дереву с гнилыми ветвями.

Вот почему мудрый ван, управляя государством и формируя обычаи, лично преобразует их, как на гончарном круге. Его не смущают низкие суждения смутьянов, его не увлекут голоса из толпы.

Так, император Цинь [Ши-хуан] поверил словам Мэн Цзя⁵⁹ и счел заслуживающими доверия слова Цзин Кэ, а тот украдкой нанес удар кинжалом. Зато чжоуский Вэнь-ван, охотясь на реках Цзиншуй и Вэйшуй и встретив там Люй Шана, вернулся с ним и стал ваном Поднебесной. Таким образом, циньский правитель, доверившись приближенным, [чуть не] поплатился жизнью, а чжоуский ван благодаря случаю стал ваном [Поднебесной]. В чем же здесь дело? В том, что Вэнь-ван умел преодолеть пути слов, принимать неожиданные решения, самостоятельно всматриваться в сияющее бескрайнее Дао.

Вы же, правитель, утонули в море льстивых и угодливых слов, вы скованы в своих решениях и держитесь так, словно находитесь на боковом сидении экипажа, [предназначенном для женщин]. Вы используете вместе и способных, и совершенно неотесанных мужей – это все равно что ставить в одно стойло чистокровного рысака и быка. Вот в таких условиях Бао Цзяо, обидевшись на весь мир, решил расстаться с жизнью, не пожелав вкусить радостей, приносимых богатством и знатностью.

Я слышал, что являющиеся ко двору богато украшенные [добродетелями] не станут ради [личной] выгоды пятнать свою честь, что люди с безупречной репутацией не станут из-за [своих] желаний вести себя недостойно. Вот почему Цзэн-цзы отказался вступать в местность Шэнму⁶⁰, а Мо-цзы отвернул свою повозку от селения Чжаогэ⁶¹. В настоящее время вы, правитель, стремитесь к тому, чтобы мыслящие независимо ученые мужи Поднебесной заняли важные места в управлении, встали на почитаемые должности, сделались знатными, но, как нарочно, прибегаете к порочным действиям, потворствуя клеветникам и приближая их к себе. В таком случае истинные мужи предпочтут скрыться и доживать свои дни в пещерах, в горах. Разве тогда в ваш дворец устремятся полностью преданные вам честные люди?»

Когда это послание было подано лянскому Сяо-вану, тот отпустил людей освободить Цзоу Яна из заключения и в конце концов назначил его шанкэ.

Я, тайшигун, скажу так.

Хотя мысли, высказанные Лу Лянем, не во всем отвечали высоким принципам, я считаю его большой заслугой то, что он, будучи простолюдином, смело делал то, что считал нужным, не заискивал перед чжухоу, своими речами наставлял на путь истинный современников, ограничивал произвол цинов и сянов. Хотя наставлениям Цзоу Яна и не хватало скромности, он широко прибегал к сравнениям и аналогиям, [а его злоключения] действительно заслуживают сочувствия. Он был прямым и откровенным, не кривил душой, вот почему я добавил его жизнеописание к этой главе.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

*Цюй Юань, Цзя-шэн ле чжуань – Жизнеописание Цюй Юаня и Цзя И*¹

Цюй Юань по имени Пин² происходил из рода правителей царства Чу и являлся одним из приближенных чуского Хуай-вана³. Цюй Юань был весьма начитан, обладал сильной волей, хорошо разбирался в делах управления и в том, что касалось всяческих смут, а также был искусен в составлении различных указов. Во дворце он обсуждал с *ваном* государственные дела и намечал планы, готовил распоряжения и указы; вне княжеских покоев встречал и принимал гостей и беседовал с *чжухоу*. *Ван* очень доверял ему. Он занимал видное место среди высших сановников, которые боролись с ним за доверие *вана* и завидовали его способностям.

Однажды Хуай-ван поручил Цюй Юаню составить государственный указ. Цюй Пин набросал его вчерне, но еще не закончил, когда один из высших сановников такого же, как и он, ранга увидел эти наброски и вознамерился забрать их. Но Цюй Пин их не отдал. Тогда этот сановник стал клеветать на него правителю: «Все известно, что вы, *ван*, поручаете Цюй Пину готовить указы, но всякий раз, как появляется указ, Пин приписывает всю заслугу себе и даже заявляет: “Если бы не я, то ничего бы и не было”». *Ван* разгневался и удалил от себя Цюй Юаня.

Цюй Пин был глубоко огорчен тем, что *ван* не смог его правильно оценить, что клевета закрыла ему глаза на все хорошее, [сделанное им], что неправда погубила справедливость и для правителя оказались неприемлемыми прямота и искренность. В глубокой тоске и задумчивости он сочинил поэму *Лисао* («Скорбь отверженного»). Известно, что Небо – это начало людей, а отец и мать – корни человека. Ведь когда человек доходит до предела, он всегда возвращается к своим корням. Поэтому, когда человек страдает от тяжких трудов и устал до крайности, он не может не взывать к Небу, когда же он болен и страдает, скорбит и тоскует, он обязательно обращается к отцу или матери. Цюй Пин шел путем справедливости, действовал прямодушно и всю свою преданность, все знания отдал на службу своему правителю, но клевет-

ник [сумел] разъединить их, и можно сказать, что он дошел до предела. Быть верным, но попасть под подозрение, быть преданным, но стать жертвой клеветы, – разве этим можно не возмутиться? Тогда Цюй Пин и написал поэму *Лисао*, которую можно считать плодом его горьких раздумий о своей судьбе ⁴. В разделе *Шицзина* «Нравы царств» есть любовные мотивы, но нет разврата, в «Малых одах» встречаются возмущение и нападки, но нет [призыва] к бунту ⁵. Можно сказать, что в *Лисао* как бы соединились лучшие черты обоих разделов [*Шицзина*]. Цюй Юань начинает с времен императора Ку, доходя до времен циского Хуаньгуна, а между ними толкует о Чэн Тане и У-ване ⁶, чтобы обличить дела, свершавшиеся на свете. Он сделал понятными широту и возвышенность *Дао* и *дэ*, истинные способы управления страной и недопущения смут и все это изложил до конца и с ясностью. Его стиль лаконичен, слова сдержанны, его чувства чисты, поступки бескорыстны. Его стихи по размеру невелики, но говорят они о великом. Он приводит примеры, [нам] близкие, но их смысл – и далек и глубок. Так как устремления поэта чисты, то и все, о чем он говорит, благоухает. Так как деяния его были бескорыстны, то он предпочитал умереть, но не отходить [от чуских дел]. Когда мирская грязь затапливала его, он, подобно цикаде, испархивал, освобождаясь от грязи, и уносился прочь от мирской пыли. Ничто низкое не могло пристать к нему. Он был настолько непорочен и светел, что никакая муть не пачкала его. Если понять полностью его думы и устремления, то их блеск можно, пожалуй, сопоставить со светом солнца и луны.

После того как Цюй Пин был снят со своих постов и изгнан, циньский правитель вознамерился напасть на Ци. Ци было связано родственными узами и союзом *цзун* с царством Чу. Циньского Хуэй-вана это беспокоило, и тогда он повелел Чжан И ⁷ для вида покинуть Цинь и с помощью богатых даров устроиться на службу к чускому правителю, которому следовало говорить так: «Циньский *ван* сильно ненавидит Ци, но Ци с Чу связаны родственными узами и союзом *цзун*. Если Чу действительно в состоянии порвать с Ци, то циньский правитель готов отдать вам земли в Шан и Юй ⁸ протяженностью в 600 *ли*». Чуский Хуай-ван был жадным человеком, он поверил в заверения Чжан И и сразу же порвал отношения с Ци, после чего послал своего человека в Цинь принять обещанные земли. Однако Чжан И притворно и лукаво сказал послу: «Я, И, договаривался с вашим *ваном* о 6 *ли* земли и не слыхал ни о каких 600 *ли*». Чуский посол рассердился и уехал. Вернувшись, доложил об этом Хуай-вану. Тот разгневался

и, подняв большое войско, напал на Цинь. Циньский ван тоже поднял свои войска и ударил по Чу, нанеся чусцам сильное поражение между реками Дань и Си (312 г.). Было обезглавлено 80 тысяч [чуских воинов] и взят в плен чуский военачальник Цюй Гай, а затем заняты чуские земли Ханьчжуна. Тогда Хуай-ван собрал все оставшиеся у него военные силы и, глубоко вторгшись [в пределы Цинь], ударил по циньцам. Сражение произошло под Ланьтянем. Правитель княжества Вэй, узнав про эти события, неожиданно ударил по чусцам и дошел [со своей армией] до Дэна ⁹. Это нападение так напугало чусцев, что они, покинув Цинь, вернулись обратно. Циский же правитель был в гневе и не пришел на помощь Чу, которое оказалось в тяжелом положении.

На следующий год (311 г.) циньский правитель решил в знак замирения возратить чусцам земли Ханьчжуна, но чуский ван сказал: «Я не желаю получать земли, выдайте мне Чжан И – и я буду доволен». Чжан И, узнав об этом, сказал: «Если за одного меня нам уступают весь Ханьчжун, то я прошу разрешения отправиться в Чу». И он прибыл в Чу. Там он богатыми подношениями одарил сановника Цзинь Шана, который был придворным вана, и всякими хитростями вошел в доверие к Чжэн Сю – любимой наложнице Хуай-вана. Хуай-ван в конце концов послушался Чжэн Сю и снова отпустил Чжан И.

В то время Цюй Пин был отлучен от дел, лишен своих постов и отправлен в княжество Ци. Вернувшись в Чу, он стал укорять Хуай-вана: «Почему вы не расправились с Чжан И?» Хуай-ван пожалел о содеянном, выслал за Чжан И погоню, но догнать его не удалось ¹⁰.

После этого чжухоу вместе напали на Чу, нанесли ему сильное поражение и убили чуского военачальника Тан Мэя (310 г.).

В то время циньский Чжао-ван породнился браком с чуским правителем и пожелал встретиться с Хуай-ваном. Хуай-ван уже собирался поехать на эту встречу, когда Цюй Пин сказал ему: «Цинь – государство тигров и волков, верить ему нельзя, лучше туда не ездить». Однако младший сын Хуай-вана Цзы Лань посоветовал отцу поехать, сказав: «Как можно отказываться от радужного приглашения правителя Цинь?» И Хуай-ван в конце концов поехал. Но не успел он добраться до заставы Угуань, как устроенная циньскими войсками засада отрезала ему пути для возвращения. Затем [циньский правитель] задержал Хуай-вана и потребовал отдать ему чуские земли. Хуай-ван разгневался и не стал выполнять это требование. [Он] бежал в Чжао, но там его не

приняли, и он вынужден был вновь вернуться в Цинь, где и умер. Тело его было возвращено в Чу.

На престол в Чу вступил старший сын [Хуай-вана] Цин Сян-ван ¹¹. Его младшего брата Цзы Ланя поставили *линъинем*. Чусцы не могли простить Цзы Ланю того, что он уговорил Хуай-вана отправиться в Цинь, откуда тот не вернулся.

Цюй Пин терпеть не мог Цзы Ланя. Будучи изгнанным из Чу, [он] тосковал о своей родной земле, да и сердцем был привязан к Хуай-вану. Он все время стремился вернуться домой и все еще надеялся, что, на его счастье, новый правитель прозреет и мнение [двора] о нем изменится. Он думал лишь о том, чтобы чуский владыка правил по-прежнему и его царство процветало. Ему хотелось вновь вернуться, и об этом стремлении он постоянно говорил в своих сочинениях. Однако что мог он поделать? Вернуться он так и не смог. Из хода событий видно, что Хуай-ван до самой своей кончины так и не прозрел. Среди правителей, какими бы они ни были – глупыми или умными, мудрыми или бесталанными, – каждый стремится найти себе для службы преданных людей и выдвинуть мудрых себе в помощники. Однако немало и таких, кто теряет свое государство, рушит свой дом; поколение проходит за поколением, но редко встречаются мудрые правители, которые бы умело управляли; тот, кого называют преданным, на самом деле не предан, а кого называют мудрым – не мудр. Хуай-ван не умел распознавать преданных ему слуг, а потому и был запутан Чжэн Сю, обманут Чжан И. Он прогнал Цюй Юаня и поверил старшему сановнику и *линъиню* Цзы Ланю. В результате войска его были разгромлены, земли отторгнуты, он потерял 6 областей и сам, оказавшись пленником, умер в Цинь, став посмешищем для всей Поднебесной. Вот к какой беде приводит незнание людей! В *Ицзине* сказано: «Колодец очищен, но из него не пьют. В этом скорбь моей души, ведь можно [было бы] черпать [из него. Если бы] царь [был] просвещен, [то] все обрели [бы] свое благополучие» ¹². Но когда *ван* неразумен, разве он может принести благополучие [окружающим]!

Линъинь Цзы Лань, узнав [о нападках Цюй Юаня], сильно разгневался и велел старшему сановнику [Цзинь Шану] опорочить Цюй Юаня перед Цин Сян-ваном. [Это удалось, и] Цин Сян-ван в гневе приказал изгнать его.

Цюй Юань прибыл на берег [Янцзы]цзян. Он распустил волосы и со стонами разочарования и обиды бродил вдоль реки. Вид у него был страдальческий и изможденный. Один рыбак увидел его и спросил: «Вы не тот ли сановник, который ведал делами трех

знатных родов ¹³? Почему вы в таком положении?» Цюй Юань ответил: «Весь мир грязен и мутен, только я чист; все люди опьянели, только я трезв. Поэтому меня и изгнали». Рыбак на это сказал: «Мудрец не скован обстоятельствами и в состоянии меняться вместе с окружающим его миром. [Если] весь мир грязен и мутен, почему бы вам не последовать за его потоком жизни и не поднаться в его волне; [если] все люди пьянствуют, почему бы вам не попробовать этого зелья, не пригубить их вина? Почему вы, обладая [талантами, подобными] яшме и самоцветам, изгнаны?» Цюй Юань ответил рыбаку: «Я слышал, что тот, кто вымыл голову, обязательно стряхнет пыль с головного убора, а тот, кто помылся, сразу же отряхнет свою одежду. Кто же из людей в состоянии принять своим чистым телом грязь окружающего мира?! Уж лучше броситься в вечный поток, найти себе могилу в рыбьем чреве. Могу ли я с моей ослепительной белизной позволить себе замараться мирской грязью?!»

И тогда Цюй Юань сочинил поэму *Хуайша чжи-фу* («С мужеством в сердце») ¹⁴. В ней говорилось:

Прекрасен день в начале лета,
Зеленеют травы и деревья,
[Лишь я один] скорблю без меры,
Я ухожу все дальше на юг.
Передо мною даль без края,
Здесь тишина и покой;
Обида меня терзает злая,
И горе сгибает порой.
Я сдерживал свои чувства и стремления,
Склоняясь с горечью, чтобы как-то пережить.
Когда бревно тешут и делают брусом,
То свойства дерева в нем не изменить.
Когда мужем совершенным пренебрегают,
Тот своих намерений не изменяет.
Он, как прежде, прям и честен,
И в этом величье большого человека.
Если бы искусный мастер не блистал своей работой,
Кто бы узнал о его талантах.
Когда в темном месте черный узор наносят,
Подлепывающие люди его не видят.
А когда Ли Лоу ¹⁵ прищуривал глаза,
Невежды считали, что он незряч.
Тот, кто белое считает черным,

Низкое мешает с высоким;
Для того, кто думает, что феникс живет в клетке,
Куры и домашние утки летают в небесах;
Кто с яшмой путает простые камни,
Мерит все одной меркой;
Находящиеся у власти грубы и пристрастны,
Не знают, что таится во мне.
Я мог бы взять на себя многое и вести дело к процветанию,
Но затянут в трясины и не могу воспарить.
Обладая большими талантами,
Я не могу показать до конца, на что я способен.
Деревенские собаки хором лают,
Они облаивают то, что им чуждо.
Чернить талантливых, сомневаться в великодушных –
Вот подлое свойство заурядных людей.
Внешность и внутренние силы слились во мне воедино,
Но люди не знают моих способностей.
Во мне собрались многие таланты,
Но никто не знает, чем я обладаю.
Я ценю добродетель и держусь справедливости,
В основательности – мое богатство.
Мне не встретился [мудрый] Чун-хуа ¹⁶,
Кому понять, что скрывается за моим свободным поведением.
С далекой древности известно:
Никогда не жили одновременно два мудреца, –
И кто знает, в чем причина.
А Тан и Юй так далеки,
И я не могу передать им свою любовь.
Стараюсь сдерживать чувство разочарования,
Гасить обиды и быть сильным.
И хотя я столкнулся с грязью,
Но не сменил своих устремлений;
В надежде послужить примером людям
Я иду по дороге на север;
Солнце меркнет, и скоро закат,
Конец моей печали и грусти
Наступит только с концом моей жизни.

В заключении [поэмы] говорится:

Юань и Сян ¹⁷ раскинулись широко,
И катят бурлящие волны.

Ночную мглой окутана дорога,
 А путь, которым я иду, далек и смутен.
 Несу в себе бесконечное страданье,
 Горечью мои вздохи налились
 В мире нет человека, который понял бы меня,
 Нет такого сердца, к которому можно было воззвать.
 Моим чувствам и характеру
 Нет пары.
 Бо Лэ ¹⁸ давно ушел из мира,
 И кто в состоянии оценить редкостного скакуна?
 Каждому с рожденья уготована своя судьба,
 Есть то, что людям не дано перешагнуть.
 Я душу укрепил и дал простор своим стремлениям,
 Чего же мне еще бояться?
 Все время я страдаю и скорблю,
 Стенаю, тяжело вздыхаю.
 Мир грязен, и никто меня не знает,
 И некому открыть мне душу.
 Я знаю, что смерти не избежишь,
 И не хочу, чтобы меня жалели.
 Хочу ясно заявить благородным мужам,
 Что стремился быть им подобным ¹⁹.

После этого [Цюй Юань], положив за пазуху камень, бросился в воды реки Мило ²⁰.

В царстве Чу после смерти Цюй Юаня жили его последователи – поэты Сун Юй, Тан Лэ, Цзин Ча, которые хорошо владели словом и прославились своими одами фу ²¹. Их творения восходили к свободному стиху Цюй Юаня, но никто из них не смел, подобно ему, открыто поучать [правителя]. В дальнейшем Чу день за днем слабело и через несколько десятков лет было окончательно завоевано Цинь.

Через 100 с лишним лет после гибели Цюй Юаня в водах реки Мило, жил [уже] при Хань ученый Цзя И ²². Он служил старшим наставником чаншпасского вана. Как-то, переправляясь через Сяншуй, он бросил [в реку] свои стихи, в которых оплакивал Цюй Юаня.

Ученого Цзя звали И, он был уроженцем Лояна. [Уже] в 18-летнем возрасте он умело декламировал стихи и писал собственные сочинения, чем стал известен во всей округе. Управитель Хэнани тинвэй У, прослышав о его талантах, призвал его

в свою резиденцию. Он отнесся к нему благосклонно и высоко оценил его.

В то время начал править ханьский император Сяо Вэнь. Узнав о том, что управитель Хэнани У-гун – один из лучших мастеров наведения порядка, а к тому же земляк и ученик Ли Сы, император призвал [У-гуна] к себе и назначил *тинвэем*. А *тинвэй*, в свою очередь, рассказал императору о том, что Цзя И хотя и юн годами, но прекрасно разбирается в трудах философов «ста школ». Вэнь-ди призвал Цзя И ко двору и пожаловал ему звание *боши*.

В это время Цзя И было немногим более 20 лет, [среди придворных он] был самым молодым. Однако каждый раз, когда пожилые ученые мужи ничего не могли сказать по поводу предлагаемого указа или распоряжения, Цзя И всегда находил правильное и исчерпывающее решение, и всем казалось, что он высказал как раз то, что им хотелось сказать. Тогда все ученые мужи признали его способности и сочли невозможным сравниться с ним. Сяо Вэнь-ди был очень доволен Цзя И и стал выделять его среди остальных. В течение года тот поднялся до должности *тайчжундафу*.

Цзя И считал, что коль скоро ко времени царствования Сяо Вэнь-ди ханьский дом правит уже более 20 лет и в Поднебесной царит мир и покой, то несомненно настала пора перенести начало года, сменить цвета парадных одежд, упорядочить систему управления, утвердить перечень чиновничьих должностей и шире распространять этикет и музыку. Исходя из этого, он представил проект изменений, где предложил превыше всего поставить желтый цвет, главным числом признать «5», а в названиях чиновничьих должностей полностью отказаться от циньских установлений. Он предлагал объяснить проведение реформ не с самого начала правления тем, что в первые годы Сяо Вэнь-ди был скромным и уступчивым и в решениях не хотел проявлять торопливость. Издав указы и законы об этих переменах, а также о том, чтобы все *лехоу* покинули столицу и вернулись жить в свои уделы, [император] заявил, что все это делается на основе предложений ученого Цзя И. После этого Сын Неба предложил приближенным ввести Цзя И в число высших сановников. Однако такие люди, как цзянский *хоу* [Чжоу Бо], [ингиньский *хоу*] Гуань [Ин]²³, дуньянский *хоу* [Чжан Сян-жу], [главный цензор] Фэн Цзин, сделали все возможное, чтобы ему повредить, говоря о недостатках Цзя И так: «Лоянец молод годами и только начал учиться, а уже стремится прибрать всю власть к своим рукам и внести разброд во все

дела». После этого Сын Неба отстранил от себя Цзя И, перестал пользоваться его советами и назначил его старшим наставником чаншаского вана.

Попрощавшись [с друзьями], Цзя отправился в путь. Он знал, что Чанша – гиблое, болотистое место и долго ему там не протянуть. К тому же у него было тяжело на душе из-за того, что его [незаслуженно] сослали ²⁴. Переправляясь через реку Сяншуй, он написал оду, оплакивающую Цюй Юаня. Ее текст гласит ²⁵:

Я прежде был поближе к власти,
Теперь – в Чанша, тут жребий мой.
Я слышал, Цюй Юань путь свой
Окончил в глубине Мило речной.
Тебе, река Сяншуй, вверю
Мой горестный, мой гневный стих.
Мудрец попал в коварства сети
И умер, задохнувшись в них.
Увы! Увы! О тех я плачу,
Кто радостных не знал часов.
Нет феникса и чудо-птицы,
И все под властью хищных сов.
Увы, глупец прославлен ныне,
Бесчестный властью наделен.
Вступивший в бой со злом и ложью
Мудрец на гибель обречен.
Бо И корыстным называют,
Безгрешным же – убийцу Чжи,
Свинцовый нож считают острым,
А дивный меч Мосе ²⁶ – тупым.
Бессмысленна жизнь человека.
Как не грустить, не плакать мне?
Нет больше золотых сосудов,
А глина грубая в цене.
Волов впрягают в колесницы,
Осел опередил коней,
Породистый скакун уныло
В повозке тащит груз камней.
Уборов иньских шелк не в моде,
Он в обуви подстилкой стал,
Но слишком тонок, чтобы долго протянуть.
О Цюй Юане я горюю –
Он в жизни это испытал.
Я говорю:

Конец всему, никто меня не знает,
И я грущу и скорбью угнетен.
Крылами легкими взмахнув, умчался феникс,
И, устремляясь ввысь, все уменьшался он.
Чтобыберечь себя, он прячется в глубинах
На дне с драконами, под влагой быстрых рек:
Чтоб стать невидимым, он стер свое сиянье,
Но с мелкотой речной не будет знаться век.
Все почитать должны мудрейших добродетель,
От мира грязного таиться нужно нам,
Тот вороной скакун, который терпит путы
И уши опустил, – подобен жалким псам.
И все же Цюй Юань виновен в том, что медлил
Расстаться с *ваном* Чу, от козней злых уйти, –
Покинуть бы ему любимую столицу
И, странником бродя, иной приют найти.
С высот заоблачных могучий феникс, видя
Всех добродетельных, слетает им помочь,
Но если зло и ложь сокроют добродетель,
Он вновь взмывает ввысь и улетает прочь.
Известно это всем: в запрудах мелководных
Большие осетры не могут долго жить,
А мелюзге, которая кишит в канаве узкой,
Огромной рыбы ход легко остановить.

В течение трех лет Цзя И служил чаншаскому *вану* в должности *тайфу*. Однажды в дом Цзя И влетела сова, которая уселась в углу комнаты; чусцы сову *сяо* зовут *фу*, [считая ее появление предзнаменованием беды]. Поскольку Цзя И было суждено жить в Чанша, а Чанша – сырое и болотистое место, Цзя И полагал, что здесь он долго не протянет, и был очень грустен. Тогда, чтобы излить свою печаль, он написал оду, в которой говорилось ²⁷:

В году *чаньянь*, как началась
Четвертая луна, в права
Вступило лето, в день *гэн-цзы* ²⁸
На склоне дня влетела в дом сова.
Эта зловещая птица
От лени двигалась едва...
Тому нежданному визиту
Я был, конечно, удивлен,
Открыл я книгу, стал по ней гадать

И мрачный вычитал закон:
«С прилетом дикой птицы в дом –
Хозяина из дома вон»²⁹.
Я разрешил себе спросить
У гостей: «Мне теперь куда?
Предстанет счастье и успех
Иль сторожит меня беда?
Быть может, скажешь, утоплюсь,
Иль впереди еще года?»
А птица, будто бы вздохнув
И голову подняв,
Взмахнула крыльями в ответ:
«Сам думай и по мне решай,
У птицы дара речи нет».
Все сущее меняется, течет
Безостановочно в мельканье лет,
Стремится времени поток
Вперед, и нет пути назад.
И форма и дух взаимопорождают друг друга,
Изменяясь, связаны навсегда;
Безграничны, глубоки таинства бытия,
Выразить их словами нельзя.
Опора счастья – беда,
И в счастье кроется она³⁰,
Горе и радость вместе всегда,
У счастья и несчастья нераздельны врата.
Могучим было царство У,
Фу Ча привел его к беде,
Юэсы спасались на горе Гуйцзи,
Но Гоу Цзянь стал гегемоном в стране³¹.
Высокого поста добился в Цинь Ли Сы,
Но был жестоко казнен;
Простым колодником был Фу Юэ,
Но стал советником У-дина³².
Беда и счастье – ком тугой,
Сплелись в один клубок.
Ну как судьбу судить?
Конец – неведом, замысел – глубок.
Вода, прорвавшись, зло творит;
Когда натянут слишком лук,
Стрела за цель перелетит³³.
Все сущее переплетено

И сталкивается крутятся;
Тучи рвутся к небесам,
Спадают вниз дожди,
Смешалось все на их пути,
И глыбами раскинулась вокруг
Необозримая земля.
О Поднебесная! Твои дела предвидеть невозможно,
Великий Путь! Ведь рассчитать тебя нельзя!
Срок жизни нашей предопределен,
Как знать, когда наступит час?
К тому же небо и земля –
Плавильный горн, очаг труда:
В нем уголь – свет и тьма,
Все сущее – как медная руда.
Все собирается и вновь рассеивается,
И вечных правил тому нет.
Мириадам перемен нет ни начала, ни конца.
Нежданно появляется на сцене человек,
И жизнь его не стоит ничего,
Он обратится во что-то все равно.
К чему грустить о том?
Люди малознающие своекорыстны,
Цня себя, презирают других,
А для людей, мыслящих широко,
Ничего недоступного нет.
К богатству жадный устремлен,
Сражаться доблестный горазд,
Тщеславный все отдаст за власть,
А человек простой за жизнь что не отдаст?
Корыстолюбцы мечутся –
Кто на запад, кто на восток;
Только великие не склоняются,
Из вихря перемен извлекая урок.
Как пленник, взятый под стражу,
У нравов на цепи глупец.
Совершенный человек все готов отдать
И слиться с *Дао* наконец.
Человек из толпы колеблется,
Любовь и ненависть в себе храня,
Святой же муж бесстрастен,
Вверяя *Дао* свою судьбу ³⁴,
Отрекшийся от знаний и собственного «я»

Хоронит себя сам.
Пусть в бездонных просторах мрак,
Но *Дао* царствует и там.
Увлекаемый потоком пловец по реке спешит,
Но островок пустычный преграждает путь,
И, доверяясь судьбе,
Он забывает о себе.
Ведь жизнь подобна реке,
Лишь смерть – остановка.
Наступает покой, и ты над бездной
Плывешь, словно в неуправляемом челне.
Ты не ценил свою жизнь, пока был жив,
И неся, как тот челн пустой,
Добродетельный муж не скован суетой;
Если известна его судьба,
Тоска и печаль не застят глаза ему.
Его не тревожат мелочи бытия,
Не сомневается ни в чем его душа.

Через год с небольшим Цзя И вновь был призван на аудиенцию [ко двору]. Как раз в это время Сяо Вэнь-ди в главном зале своего дворца молил духов о ниспослании ему счастья. Император раздумывал о деяниях добрых и злых духов и спросил Цзя И об истинной природе этих духов. Цзя И подробно осветил все эти вопросы, и беседа шла до полуночи. [Наконец] Вэнь-ди встал со своей циновки и, заканчивая разговор, сказал: «Я давно не виделся с ученым мужем Цзя; я считал, что [своими знаниями] превосхожу его, а теперь понял, что не достигаю [уровня его знаний]».

Через некоторое время государь назначил Цзя И старшим наставником лянского Хуай-вана. Лянский Хуай-ван был младшим сыном Вэнь-ди. [Отец] испытывал к нему особое расположение, а так как Хуай-ван любил читать книги, Цзя И и был назначен к нему наставником. Вэнь-ди решил еще пожаловать княжеские владения и титулы *лехоу* четырем сыновьям хуайнаньского Ливана, но Цзя И убеждал императора не делать этого, так как считал, что это таит в себе беду. Он несколько раз обращался к государю, говоря, что, когда княжеский род владеет сразу несколькими областями, это не соответствует древним установлениям, и предлагал постепенно ликвидировать такое положение. Вэнь-ди не прислушался [к его совету].

Прошло несколько лет, и однажды лянский Хуай-ван, совершая прогулку верхом, упал с лошади и умер, не оставив наследни-

ка (169 г.). Цзя И очень сокрушался, что недолго ему пришлось послужить наставником *вана*, он горевал и плакал о *ване* более года и тоже умер. Когда Цзя И умер, ему было 33 года.

Когда же скончался Сяо Вэнь-ди, престол занял Сяо У-ди ³⁵. Он назначил двух внуков Цзя И на должности управителей областей. [Один из потомков поэта] Цзя Цзя был весьма прилежен в науках, продолжая традиции своего рода. Я лично переписывался с ним. Ко времени царствования императора Сяо Чжао он вошел в число девяти *цинов* ³⁶.

Я, *тайшигун*, скажу так.

Когда я читал стихи *Лисао*, *Тяньвэнь*, *Чжаохунь*, *Ай Ин* («Скорблю по столице Ин»), я скорбел вместе с их автором. Когда же я посетил Чанша и увидел глубокий омут, в котором утонул Цюй Юань, я не смог удержаться от слез и по-настоящему понял, что это был за человек! А когда я прочел, как Цзя И оплакивал поэта, я еще более поразился талантами Цюй Юаня. Если бы он обратился к *чжухоу*, то в каком княжестве или царстве от него отказались бы? А он сам обрек себя на такую судьбу! Читая «Оду о сове», [я понял, что] жизнь и смерть равны, что надо легко отнестись и к успеху, и к отставке; спокойно смотреть на потери и утраты.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Люй Бу-вэй ле чжуань – Жизнеописание Люй Бу-вэя ¹

Люй Бу-вэй был крупным торговцем из Янчжая ². Совершая поездки по разным местам, [стремился] купить подешевле, а продать подороже, [так что] семья его накопила много золота ³. На 40-м году правления циньского Чжао-вана (267 г.) умер наследник престола, а на 42-м году правления *ван* назначил наследником своего второго сына Аньго-цзюня. У Аньго-цзюня было более 20 сыновей. Он очень любил одну из своих наложниц, которую поставил главной женой и велел именовать госпожой Хуаян. У госпожи Хуаян сыновей не было. Среди взрослых сыновей Аньго-цзюня был один по имени Цзы Чу, его матерью являлась наложница Ся, но она уже не пользовалась благосклонностью [Аньго-цзюня]. Цзы Чу был отправлен циньским заложником в Чжао ⁴. Циньские армии неоднократно нападали на Чжао, и чжаосцы относились к Цзы Чу без должного почтения.

Цзы Чу родился от одной из наложниц циньского дома и был отправлен заложником к *чжухоу*, поэтому жил он стесненно, ему не хватало на подобающий выезд и расходы, и был он [этим] недоволен. Люй Бу-вэй, занимаясь торговыми делами в Ханьдане, увидел Цзы Чу и пожалел его, сказав [себе] при этом: «Этот редкостный товар достоин применения». Затем он отправился на встречу с ним и сказал: «Я смогу широко открыть перед вами двери [в свет]». Цзы Чу, посмеиваясь, ответил: «Сначала откройте их для себя, а уж потом откройте их для меня». Люй Бу-вэй сказал: «Вы не понимаете: передо мной двери откроются только тогда, когда они откроются перед вами». Цзы Чу, понимая, к чему тот ведет, усадил гостя рядом с собой, чтобы доверительно поговорить. Люй Бу-вэй продолжал: «Циньский *ван* уже стар, его наследником стал Аньго-цзюнь, а я слышал, что Аньго-цзюнь очень любит госпожу Хуаян; госпожа бездетна, но только она может назначить преемника *вану*. У вас сейчас более 20 старших и младших братьев, вы один из многих, да и особой благосклонностью не пользуетесь, давно являясь заложником у *чжухоу*. Если

же ван скончается, Аньго-цзюнь займет его место, и тогда вам не представится возможности побороться за право стать наследником ни со старшими братьями, ни со всеми остальными вашими братьями, которые сейчас денно и нощно обретаются около правителя». Цзы Чу ответил: «Да, это так, но что же мне предпринять?» Люй Бу-вэй сказал: «Вы бедны и живете здесь пришельцем, у вас нет средств, чтобы преподнести дары своим родичам или собрать у себя *бинькэ*. Хотя [я], Бу-вэй, тоже небогат, прошу принять от меня тысячу золотых для вашей поездки на запад, чтобы Аньго-цзюнь и госпожа Хуаян поставили вас наследником». Тогда Цзы Чу, склонив голову, сказал: «Если ваш план осуществится, то я попрошу вас принять от меня часть циньского царства, чтобы вместе с вами управлять им».

Тут же Люй Бу-вэй вручил Цзы Чу 500 золотых, чтобы тот мог устраивать приемы для заезжих гостей, а еще на 500 золотых купил разных диковинных вещей и безделушек для подношений и отправился на запад в Цинь. [Там] добился встречи с младшей сестрой госпожи Хуаян и через нее преподнес все приобретенные им диковинные вещицы самой госпоже, поведав при этом об уме и совершенстве Цзы Чу, о том, что тот собрал вокруг себя *бинькэ* от князей всей Поднебесной и что он часто говорит так: «Я, Чу, гляжу на госпожу, как на Небо, день и ночь со слезами на глазах думаю о [будущем] наследнике престола и княгине». Госпожа [Хуаян] очень обрадовалась услышанному. Люй Бу-вэй тут же поручил ее младшей сестре сказать княгине так: «Я слышала, что та, которая служит мужу страстью, когда та ослабевает, теряет и любовь. Сейчас вы, госпожа, преданны наследнику княжеского престола и он сильно любит вас, но у вас нет сыновей. Не лучше ли, не теряя времени, заранее выбрать из окружающих вас сыновей князя достойного и почтительного, назначить его наследником и усыновить его. Так при вашей жизни он будет ценить и почитать вас, а после вашей кончины усыновленный вами станет *ваном* и до конца дней своих не утратит власти. Это, как говорится, и есть тот случай, когда достаточно одного слова, чтобы были благодетельствованы десять тысяч поколений. Иное дело, когда в расцвете сил и красоты не заботятся о корнях [своего благополучия]. Когда страсти остынут и любовь уйдет, то пусть вы и произнесете нужное слово, разве оно сможет стать действительным? Цзы Чу мудр, но он понимает, что не является старшим братом и по старшинству не может стать наследником *вана*, к тому же его мать не пользуется расположением правителя. Но если вы, госпожа, приблизите его и действительно пожелаете сейчас поставить

его наследником, то вы до конца своих дней завоюете любовь всего Цинь».

Госпожа Хуаян согласилась с этими соображениями и, воспользовавшись досугом князя-наследника, между делом заговорила о Цзы Чу, которого держат заложником в Чжао, о том, что он необычайно умен и как все приезжающие восхваляют его. Всплакнув после этого, [она] сказала: «Мне, вашей служанке, выпало счастье служить вам в задней половине дворца, но мне не повезло, что у меня нет сына. Я бы хотела, чтобы Цзы Чу был поставлен вашим наследником, чтобы мне было на кого положиться». Аньго-цзюнь согласился с этим, после чего оставил ей яшмовую верительную дощечку, где было вырезано повеление сделать [Цзы Чу] наследником. Затем Аньго-цзюнь и его супруга щедро одарили Цзы Чу и попросили Люй Бу-вэй стать его наставником. Благодаря этому слава Цзы Чу среди *чжухоу* стала еще больше ⁵.

Люй Бу-вэй выбрал в Ханьдане самую красивую и лучше всех умеющую танцевать девушку и сделал ее своей наложницей. [Вскоре он] узнал, что она забеременела. Как-то Цзы Чу, пируя вместе с Бу-вэем, увидел эту красавицу, и она ему приглянулась. Он встал и провозгласил тост за ее долголетие, прося уступить ее ему. Люй Бу-вэй рассердился, но потом рассудил, что ради Цзы Чу он и так уже разорился, а тут мальми потерями он сможет добиться многого. И подарил свою наложницу Цзы Чу. Наложница скрыла от княжича, что она в положении и через большой срок ⁶ родила сына Чжэна ⁷. После этого Цзы Чу сделал наложницу своей женой.

На 50-м году [правления] циньского Чжао-вана (257 г.) Ван И ⁸ был послан осадить Ханьдань, где создалось опасное положение. Чжаоский правитель решил убить Цзы Чу. Цзы Чу стал советоваться с Люй Бу-вэем, и они подкупили стражников, дав им 600 золотых. Так ему удалось освободиться и бежать в лагерь циньских войск, а затем вернуться на родину. [Тогда] чжаоский правитель вознамерился убить жену и сына Цзы Чу. [Но] жена Цзы Чу происходила из могущественного чжаоского рода ⁹. Ее удалось спрятать, поэтому и мать и сын смогли выжить.

На 56-м году своего правления (251 г.) [Чжао-ван] скончался. Его наследник Аньго-цзюнь был поставлен *ваном*, госпожа Хуаян стала *ванхоу*, а Цзы Чу был провозглашен наследником престола. И чжаоский правитель вернул в Цинь жену Цзы Чу и его сына Чжэна.

Через год после вступления на престол циньский правитель умер, ему был присвоен посмертный титул Сяо Вэнь-ван. Его сменил на престоле наследник Цзы Чу, это был Чжуан Сян-ван ¹⁰.

Приемная мать Чжуан Сян-вана, Хуаян, была провозглашена княгиней Хуаян, а настоящая мать, наложница Ся, стала княгиней Ся. На начальном году правления Чжуан Сян-вана (249 г.) Люй Бу-вэй был назначен *чэнсяном*. Ему был дарован титул Вэньсинь-хоу и дано в кормление 100 тысяч семей на землях Лояна в уезде Хэнань¹¹. На 3-м году правления Чжуан Сян-ван умер. Его наследник Чжэн стал *ваном*, он почтил Люй Бу-вэя званием *сянго* и стал именовать его *чжунфу*¹². В это время циньский *ван* был еще молод¹³. Княгиня, его мать, время от времени тайком встречалась с Люй Бу-вэем. В доме [Люй] Бу-вэя насчитывалось до 10 тысяч слуг и рабов¹⁴.

В это самое время в Вэй действовал Синьлин-цзюнь, в Чу – Чуньшэнь-цзюнь, в Чжао – Пинъюань-цзюнь, в Ци – Мэнчан-цзюнь¹⁵. Все они были благосклонны к ученым мужам, радушно принимали *бинькэ*. Люй Бу-вэй, стыдясь того, что Цинь, будучи сильным государством, в этом отстает от других, тоже стал призывать ученых мужей; он щедро одаривал их, и дошло до того, что у него кормилось до 3 тысяч человек. В это время у *чжухоу* во множестве обитали искусные спорщики, наподобие последователей Сюнь Цина¹⁶. [Они] писали книги, распространявшиеся по всей Поднебесной. Тогда Люй Бу-вэй тоже заставил каждого из своих гостей записывать то, что они знали. Из этих записей было составлено 8 обзоров, 6 рассуждений, 12 описаний общим объемом более 200 тысяч знаков. В этой книге было исчерпывающе изложено все, что касалось Неба, Земли, всего существующего в мире, события древности и современности. [Книга] была названа *Люй-ши чунь-цю*¹⁷. Рукопись была помещена у городских ворот Сяньяна. К ней была приложена тысяча золотых и объявлено, что эта сумма будет передана тому из странствующих ученых мужей или гостей *чжухоу*, кому удастся добавить или убавить хотя бы один знак в этой книге.

Ши-хуан все более взрослел, но распутство императрицы не прекращалось. Люй Бу-вэй стал опасаться, что это станет известным и навлечет на него беду. Тогда он подыскал мужчину по имени Лао Ай¹⁸, у которого был очень большой член. Сделав его своим *шэжэнем*, он стал часто приглашать его на оргии и заставлял его крутить на своем члене колесо из тунгового дерева¹⁹. Чтобы соблазнить императрицу, [Люй Бу-вэй] устроил так, что она узнала об этом и пожелала сойтись с этим мужчиной. Люй Бу-вэй представил ей Лао Ая, а своим людям обманно объявил, что этот человек когда-то был кастрирован за преступление. Находясь с императрицей наедине, Бу-вэй ей сказал: «Надо предста-

вить его кастратом, тогда можно будет взять его на службу». Императрица втайне поднесла богатые дары чиновнику, ведавшему кастрацией, и обсудила с ним, как осуществить обман. Лао Аю сбрили бороду и усы, как бы превратив его в евнуха, и в этом облики он стал прислуживать императрице. Императрица вступила с ним в интимную связь и очень его полюбила. От него она забеременела и, опасаясь, что окружающие прознают про это, ложно сославшись на предсказания гадателей, которые якобы потребовали ее отъезда, переехала во дворец в Юн ²⁰. Лао Ай постоянно сопровождал ее, получая от императрицы щедрые дары, и решал все ее дела. В доме Лао Ая уже насчитывалось несколько тысяч рабов и более тысячи гостей, а также тех, кто домогался чиновничьей должности.

На 7-м году правления Ши-хуана (240 г.) умерла мать Чжуан Сян-вана, вдовствующая княгиня Ся. Вдова Сяо Вэнь-вана именовалась Хуаян-тайхоу, она была погребена вместе с Сяо Вэнь-ваном в Шоулине, а сын вдовствующей княгини Ся, Чжуан Сян-ван, был захоронен в Чжияне. Поэтому вдовствующая княгиня Ся хотела, чтобы ее захоронили отдельно, к востоку от Ду[юаня]. [Она] говорила: «На востоке буду видеть своего сына, на западе – мужа, а через сотню лет поблизости вырастет поселение в 10 тысяч дворов» ²¹.

На 9-м году правления Ши-хуана (238 г.) ему донесли, что Лао Ай в действительности вовсе не евнух, что он находится в постоянной интимной связи с вдовствующей императрицей, что от него она родила двоих детей и прячет их и что Лао Ай вместе с *тайхоу* строят такие планы: «Когда правитель умрет, мы сделаем своего сына его преемником» ²². Тогда циньский *ван* послал чиновников выяснить обстоятельства дела. Все подтвердилось. В деле оказался замешанным и *сянго* Люй Бу-вэй. В 9-й луне были истреблены все три ветви рода Лао Ая, казнены оба сына царицы, а сама она сослана в Юн. Все дворовые люди Лао Ая были лишены своего имущества и сосланы в Шу. Государь намеревался казнить и *сянго*, но не решился применить к нему закон в полной мере, учитывая его крупные заслуги перед покойным *ваном* и то, что он содержал множество заезжих гостей и ученых полемистов, с которыми вел беседы. В 10-й луне на 10-м году правления циньского Ши-хуана (237 г.) *сянго* Люй Бу-вэй был снят со своего поста. Затем цисец Мао Цзяо убедил циньского правителя в необходимости простить государьно; циньский *ван* встретился с государьней в Юн и вернул ее в Сяньян. Вэньсинь-хоу он выслал в его владение в Хэнани.

Более года все проезжавшие в Цинь чжухоу и их посланцы по дороге непременно навещали Вэньсинь-хоу. Циньский правитель опасался, что Люй Бу-вэй поднимет мятеж, и отправил ему послание, в котором говорилось: «Какие у вас, почтенный, заслуги перед Цинь? А наше царство пожаловало вам земли в Хэнани, дало в кормление 100 тысяч семей подданных. В чем состоит ваша близость к дому Цинь? А вы удостоены титула *чжунфу*. Повелеваю вам вместе с домочадцами переселиться в Шу!» Люй Бу-вэй понял, что ему угрожают дальнейшие преследования, и, боясь казни, выпил отравленное вино и умер. Когда Люй Бу-вэй и Лао Ая, вызвавших гнев циньского правителя, не стало, всех дворовых людей и слуг Лао Ая, сосланных в Шу, вернули обратно.

На 19-м году правления Ши-хуана (228 г.) умерла императрица; ей был присвоен посмертный титул *дитайхоу*²³. Она была погребена вместе с Чжуан Сян-ваном в Чжияне.

Я, *тайшигун*, скажу так.

И Бу-вэй, и Лао Ай были знатными людьми, [Люй Бу-вэй] носил титул Вэньсинь-хоу²⁴. Когда на Лао Ая донесли, он узнал об этом. Циньский правитель послал своих приближенных заняться расследованием. Дознание еще не было завершено, когда напуганный Лао Ай, воспользовавшись отбытием государя в окрестности Юн, стал со своими сторонниками строить планы, подделал печать государыни и направил своих воинов поднять бунт во дворце Цинянь²⁵. Чиновники, проводившие дознание, напали на Лао Ая. Лао Ай потерпел поражение и бежал. Его настигли и обезглавили в Хаочжи²⁶, после чего уничтожили всех его родичей. В связи с этим делом был сослан также и Люй Бу-вэй. Не относится ли Люй к тем, кого Конфуций называл «известными»²⁷?

КОММЕНТАРИЙ

Глава шестьдесят первая

¹ Эта глава издавна привлекала внимание сиологов своими мировоззренческими аспектами. Имеются частичные или полные ее переводы: на немецкий язык – Д. фон ден Штейнена [339, vol. 8, 1935, с.299–332]; на английский – Б.Уотсона [203]; на итальянский – Дж.Туччи [200, с. 44–48]; на русский – В.М.Алексеева [33, с.124–129].

² Изначальное значение *Лю и* – «шесть искусств», которыми должен овладеть конфуцианский муж (этикет, музыка, стрельба из лука, управление лошадьми, каллиграфия, счет). Но в данном случае имеется в виду так называемое классическое «Шестикнижие»: *Шицзин*, *Шаншу*, *Лицзи*, *Юэцзин* (утрачен), *Ицзин* и *Чунь-цю*.

³ *Шицзин* полностью переведен на русский язык [93]. Из *Шаншу* переведено лишь несколько главок (см. [20, т. I, с. 100–113]).

⁴ О нем см.: Истзап, т. I, гл. 1, с. 138–148.

⁵ Предание о доме (династии) Ся, относимой условно к III – первой половине II тысячелетия до н.э., жило в мифах и легендах древних китайцев и описано Сыма Цянем в гл. 2 (Истзап, т. I, с. 150–165).

⁶ Хотя это очевидная гипербола, она приведена Сыма Цянем в полном соответствии с полуполюгендарным сюжетом: так, испытательный срок юйского Шуня длился 20 лет (см.: Истзап, т. I, с. 144).

⁷ Выражение *тянься чжун цзю* встречается в несколько измененном виде у Лао-цзы (*Даодэцзин*, § 29) – «Поднебесная – священный сосуд» и у Чжуан-цзы – «Поднебесная – важная вещь» (ЧЦЦЧ, т. III, с. 414). В переводе Л.Д.Позднеевой – «Поднебесная, конечно, предмет огромный» [69, с. 285]. Б.Уотсон, очевидно, склонялся ближе к варианту Лао-цзы и перевел: «The empire is a precious vessel» [203, с. 187]. У В.М.Алексеева *цзю* переводится как «регалия» [33, с. 124], что едва ли удачно.

⁸ Эта легенда также соответствует тексту *Чжуан-цзы* (ЧЦЦЧ, т. III, примеч. 6 к гл. 28). Согласно *Цы хаю*, Сюй Ю крестьянствовал под горой Цзишань и не принял высокого дара [282, т. 4, с. 2880]. А когда Яо вновь предложил ему пост главы всех племен, не захотел и слушать об этом.

⁹ Считается, что Бянь Суй и У Гуан действовали столь же бескорыстно, отказываясь от власти при иньском Чэн Тане (их упоминает Чжуан-цзы).

¹⁰ Вступительная формула эпилога всех глав «Я, *тайшигун*, скажу так» перенесена здесь в начало главы, что, возможно, является результатом позднейшей перестановки.

¹¹ Гора Цзишань находится в совр. уезде Синтан пров. Хэбэй. Отметим, что горы с тем же названием и тоже считающиеся местом захоронения Сюй Ю есть и в провинциях Шаньдун и Хэнань.

¹² Оценка Конфуцием Бо И и Шу Ци заимствована Сыма Цянем из *Лунь юя* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 142).

¹³ Гучжу – древнее царство иньского периода. Располагалось на севере совр. уезда Лулун пров. Хэбэй и в уезде Чаоян пров. Шэнь [288, с. 488].

¹⁴ Си-бо Чан – «повелитель Запада», посмертно названный Вэнь-ваном – «просвещенным царем». Один из основателей чжоуского дома, канонизированный древней историографией (о нем см.: Истзап, т. I, гл. 4, с. 182–183).

¹⁵ Чжоу Синь – последний иньский правитель; традиция рисует его кровавым и развратным тираном. Общепринятые даты его правления – 1154–1122 гг. (см.: Истзап, т. I, гл.3).

¹⁶ Тай-гун по имени Ван – наставник чжоуского У-вана (он же – Ши Шан-фу по прозвищу Люй-шан).

¹⁷ Обычно считается, что гора Шоуян, где укрылись Бо И и Шу Ци, находится в совр. уезде Юнцзи пров. Шаньси, хотя горы с таким названием есть также в провинциях Ганьсу и Хэнань [270, т. 4, с.3438].

¹⁸ История о братьях Бо И и Шу Ци встречается в ряде древних сочинений: у Чжуан-цзы (ЧЦЦЧ, т. III, с. 194); в *Чжаньго цэ* [295, с. 101]; в *Люй-ши чунь-цю* (ЧЦЦЧ, т. VI, с. 119–120); в *Хань ши вай чжуань* (гл. 3), – но нигде не приводятся такие подробности и их песня. И вероятно, прав Б.Уотсон, по мнению которого Сыма Цянем были использованы утраченные тексты и популярные рассказы об этих героях и что в их словах и судьбах явно отражены античжоуские настроения завоеванных иньцев [203, с. 239].

¹⁹ Эта сентенция принадлежит Лао-цзы (*Даодэцзин*, § 79). В переводе Ян Хиншуна: «Естественное Дао не имеет родственников, оно всегда на стороне добрых» [99, с. 158].

²⁰ Янь Юань (Янь Хуэй) – один из любимых учеников Конфуция (см. гл. 67). Утверждение Конфуция о том, что Янь Юань был наиболее прилежен в учении, встречается в *Лунь юе* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 113). В переводе В.А.Кривцова: «Самым прилежным в учении был Янь Хуэй. Он не срывал свой гнев на других, не повторял ошибок» [20, т. I, с. 151].

²¹ Имеется два чтения знака – чжи и чжэ. В.М. Алексеев использовал чтение «чже» (ошибочно «е» вместо «э») (см. [33, с. 127]). В *Чжуан-цзы* описана гипотетическая встреча Чжи с Конфуцием, который под видом собственного ученика пытался увещевать разбойника (ЧЦЦЧ, т. III, с. 427–428; русский перевод см. [69, с. 293–294]).

²² Некоторые комментаторы считают, что Сыма Цянь имеет в виду невинно пострадавших людей типа Би Ганя, У Сюя и др. (см. [262, т. VII, с. 3242]).

²³ Цигата взята из *Лунь юя* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 349).

²⁴ Вновь приводится суждение Конфуция из *Лунь юя* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 140) с одной лишь разницей: у Сыма Цяня использован бинном *фугуй* – «богатство и знатность», а в *Лунь юе* стоит одно слово *фу* – «богатство».

²⁵ Мысль Конфуция (ЧЦЦЧ, т. I, гл. 10, с. 193). То же встречается в *Чжуан-цзы*

(гл. 28) и *Сюнь-цзы* (гл. 19). У Л.Д.Позднеевой: «Лишь когда настают холода и выпадает иней, мы узнаем красоту вечнозеленых сосен и кипарисов» [69, с. 291].

²⁶ Согласно комментариям, под «одним» подразумевается богатство и знатность, под «другим» – чувство долга и самопожертвование у таких, как Бо И и Шу Ци. Тут можно предположить скрытую критику Сыма Цянем позиции Конфуция.

²⁷ Эта фраза взята из *Лунь юя* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 342). В переводе В.М.Алексеева: «Благородный умом человек ужасается мысли, что вот он из мира уйдет, а имя его не будет прославлено» [33, с. 129].

²⁸ Цзя-цзы (Цзя И) (201–169 гг.) – известный эрудит при дворе Хань. В 20-летнем возрасте стал *тайчжундафу* при Вэнь-ди, провел реформу календаря, придворных одежд, музыки и ритуалов. Ему принадлежит труд *Го Цинь лунь* («Об ошибках дома Цинь»), отрывки из которого приведены в гл. 6 *Ши цзи* (Истзап, т. II, с. 99–107). Его жизнеописание см. в гл. 84.

²⁹ См.: ШСЦ, т. I, с. 9. В.М.Алексеев ограничил эту мысль сферой человеческого общества: «Одинаково светлые люди друг друга собой освещают, взаимно подобные люди друг друга стремятся искать» [33, с. 129]. Нам же представляется, что она носит более обобщенный, философский смысл. Это соображение подтверждается текстом основных толкований к первой гексаграмме *Ицзина*: *Тун шансян ин, тун ци сян цю* («Сходные звуки откликаются друг на друга; сходный дух ищет себе подобное») (ШСЦ, т. I, с. 43).

³⁰ Эта мысль также из толкований к первой гексаграмме *Ицзина*.

³¹ Здесь употреблено образное выражение *фу ци вэй* («ухватиться за хвост скакуна»), т. е. использовать чей-то авторитет для собственной карьеры, прославиться вместе с какой-либо героической личностью. Этот же оборот историк употребил в отношении соратников Гао-цзу – видных государственных чиновников начала Хань: Сяо Хэ, Цао Цаня, Фань Куая, Тэн-гуна [254, т. V, гл. 95, с. 2673].

³² Использованное здесь выражение *цинъюнь* («голубое облако») означает «слава, известность, почет, высокий чин». Нельзя признать удачным описательный перевод В.М.Алексеева: «Если только они не пристанут к ученому типа грядущих по небу на синих сплошных облаках» [33, с. 129]. Это же выражение применено далее по отношению к циньскому деятелю Фань Сую (см. гл. 79).

Глава шестьдесят вторая

¹ Биографии Гуань Чжуня и Янь Ина помещены в одной главе, поскольку оба они были видными деятелями княжества Ци, хотя их слава перешагнула далеко за пределы родного княжества. На русский язык данная глава переведена В.М.Алексеевым [33, с. 144–149] и В.А.Панасюком [84, с. 51–55]. Имеются также переводы на европейские языки: А.Зоттоли [217, с. 223–229], Г.Маргулисеса [173, с. 77–83], А.Форке [135, с. 60–74].

² Ин (точнее Иншан) – уезд и река в пров. Аньхой.

³ Хуань-гун (Сяо-бо или Сяо-бай) правил в 685–643 гг. (см.: Истзап, т. V, с.305).

⁴ История, связанная с убийством княжича Цзю и арестом Гуань Чжуня, которого циский ван вначале считал своим врагом, но потом приблизил к себе, изложена в гл. 32 (Истзап, т. V, с. 45–46), а также в *Цзо чжуань* (ШСЦ, т. XXVII, с. 344).

⁵ Конфуций несколько раз упоминает об этих успехах, подчеркивая, что они были достигнуты мирным путем (см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 311).

⁶ Мидзусава и Такигава отмечают, что в некоторых сунских и юаньских средневековых ксилографах затем шло «в Наньяне» [248, т. VI, с. 2]. Но в современных изданиях памятника этих слов нет.

⁷ Из детального исторического описания в гл. 32 следует, что княжича Цзю убили лусцы (в Шэндоу), а Чжао Ху покончил с собой (см.: Истзап, т. V, с. 45).

⁸ История жизни Гуань Чжуня, описание особенностей его характера, оценки его действий со стороны Бао Шу-я встречаются и в *Ле-цзы* (ЧЦЦЧ, т. III, с. 69–72; русский перевод Л.Д.Позднеевой см. [69, с. 100–101]). Коль скоро трактат *Ле-цзы* общепринято относить к более поздней эпохе Цзинь, рассказ о Гуань Чжуне и Бао Шу-я не мог быть заимствован Сыма Цянем отсюда и, по всей вероятности, имеет фольклорное происхождение.

⁹ Данная фраза имеет две трактовки. Согласно конфуцианской традиции, речь идет о соблюдении «норм в одежде» (В.М.Алексеев перевел именно в этом ключе [33, с. 146]). Однако представляется правильной более широкая трактовка слова *фу* как «норма, долг» (для властителей).

¹⁰ *Люцинь* («шесть родственников») – традиционное понятие, включающее разные категории родства. Согласно мнению Ван Би (226–249 гг.), комментатора *Ицзина*, в это число входят отец, мать, старшие и младшие братья, жена, дети [262, т. VII, с. 4]. Есть и другие трактовки, охватывающие иной круг родственников.

¹¹ *Сы вэй* («четыре устоя») – «краеугольные камни» жизни народа: *ли* – обряды, и – долг, *лянь* – бескорыстие и бережливость и *чи* – стыд. Об этом также говорится в гл. 1 *Гуань-цзы* (ЧЦЦЧ, т. V).

¹² Здесь изложены некоторые легистские взгляды на государственно-экономическое устройство страны. В приведенных мыслях Гуань-цзы экономические успехи государства впервые отчетливо увязаны с морально-этическими нормами (роль последних конфуцианцами абсолютизировалась), что ясно отражает одну из основных идей школы легистов. Все это подробно изложено в трактате *Гуань-цзы*, который долгое время приписывался цискому Гуань Чжуню, но скорее всего был сформирован его последователями позднее, в V–III вв. до н.э. (см.: ЧЦЦЧ, т. V, с. 1). О *Гуань-цзы* см. [95].

¹³ В тексте: *цинчжун* («легкое и тяжелое») – политика регулирования и стабилизации (например, цен) (см.: ЧЦЦЧ, т. V, с. 389; а также [95, с. 309]). В.М.Алексеев неоправданно, на наш взгляд, сузил применение этой политики только финансовой сферой: «Он на первое место выдвигал теорию легких-тяжелых монет» [33, с. 146].

¹⁴ Речь идет о конфликте между Хуань-гуном и правителем Цай, формальным поводом для которого стало недовольство циского гуна своей младшей женой, дочерью цайского правителя. Конфликт привел к военному столкнове-

нию и гибели Цай (см.: Истзап, т. V, гл. 32, с. 47–48).

¹⁵ Ответ чуского *вана* и наш комментарий см.: Истзап, т. V, гл. 32, с. 48, 232.

¹⁶ Княжеством Янь в то время управлял Чжуан-гун, который участвовал в борьбе за престол дома Чжоу. Когда в 664 г. племена *шаньжунов* напали на Янь, цидский Хуань-гун пришел к яньцам на помощь (см.: Истзап, т. V, гл. 34, с. 85). Ос-нователем Янь был Шао-гун, чье правление воспевалось в преданиях и стихах.

¹⁷ Кэ находилось на территории совр. уезда Нэйхуан пров. Хэнань [301, с. 632].

¹⁸ Некоторые китайские комментаторы подвергали сомнению ряд моментов в тексте Сыма Цяня. Сунский Су Чэ (1039–1112 гг. н.э.) отмечал, что местом встречи князей было Янгу, что выступление против Чу было вызвано инициативой княжества Чжэн, что история с Цао Мо относится к более позднему периоду Чжаньго (см. [262, т. VII, с. 3252]). Эти же замечания повторил и Лян Юй-шэн (1745–1819 гг.) [246, кн. 11, гл. 27, с. 4]. Далеко не все эти сомнения основательны.

¹⁹ Здесь Гуань Чжун близок к мыслям Лао-цзы: «Тот, кто силой стремится отнять что-либо у другого, обязательно потеряет свое» (ЧЦЦЧ, т. III, с. 20–21).

²⁰ В тексте – *сань гуй*, что трактуется как наличие в доме Гуань Чжуна трех жен из разных фамилий. Подробно этот бином и его значения рассмотрены нами в примеч. 15 к гл. 23 (Истзап, т. IV, с. 227). В.М.Алексеев взял другое значение – «башня»: «У него была башня “тройное убежище”» [33, с. 147]. Некоторые исследователи переводят это словосочетание как «три резиденции», что являлось одним из символов княжеской власти.

²¹ В тексте – *фаньянь*, что может означать и «постамент для пиршественных сосудов», на который они ставились вверх дном после опорожнения, и «щиты, стоявшие за креслами сановных гостей» (косвенное указание на то, что дом Гуань Чжуна посещали знатные лица). Следовательно, конец фразы можно перевести следующим образом: «...в его доме постоянно принимали самых знатных людей княжества». Перевод В.М.Алексеева – «бельведер» – нельзя признать удачным.

²² Цидский Ивэй находился на территории совр. уезда Гаоми пров. Шаньдун.

²³ Лин-гун правил в 581–554 гг., Чжуан-гун – в 553–548 гг., Цзин-гун – в 547–490 гг. Немало интересных деталей биографии Янь Ина можно найти в главах 14 и 32 *Ши цзи* (Истзап, т. III и т. V).

²⁴ Логика фразы не вполне ясна. Попытка В.А.Панасюка дать более логичный перевод (см. [84, с. 53]) не находит соответствия в китайском оригинале.

²⁵ Рассказы о встрече Янь-цзы с Юэ Ши-фу и о кучере Янь-цзы (см. далее текст главы) содержатся в *Янь-цзы чунь-цю* (ЧЦЦЧ, т. IV, с. 144–146).

²⁶ Один *чи* в период Чжоу равнялся 19,9 см, а в периоды Цинь и Западная Хань – 27,6 см. Расчеты по обоим вариантам дают малореальные величины. Удовлетворительный результат получается лишь при применении восточноханьского (25–220 гг. н.э.) *чи* – 23,0 см (см. [266, с. 77; 48, с. 222, 224]). Эти расчеты явно свидетельствуют об искажениях, сделанных в тексте Сыма Цяня переписчиками.

²⁷ Согласно данным *Ци люэ* («Семь разделов [основ]») – первой библиографии Китая, составленной Лю Сяном и его сыном Лю Синем, в сочинении Гуань-цзы

содержалось 18 глав. Ныне тексты 10 глав полностью утрачены. «Авторство “*Гуань-цзы*”, – писал В.М.Штейн, – приписывалось когда-то Гуань Чжуну, но эта точка зрения давно оставлена... Личность Гуань Чжуна была овеяна легендами... Повидимому, именно романтический ореол, которым была окружена деятельность Гуань Чжуна в глазах его потомков, побудил каких-то неизвестных авторов IV–III вв. до н.э. взять на себя труд записать кое-что из относившегося к нему фольклорного материала» [95, с. 19]. Однако очевидно, что авторство Гуань Чжуна не вызывало сомнений у Сыма Цяня, и с этим стоит считаться исследователям.

²⁸ Автором *Янь-цзы чунь-цю* считается циский Янь Ин, но рассказ о событиях в княжестве Ци, вероятнее всего, написан позднее. К настоящему времени сохранилось 8 глав этого памятника. Танский Ляо Цзун-юань и составители *Вэнь сянь тун-као* подчеркивали, что и конфуцианцы и моисты считали *Янь-цзы чунь-цю* «своим» произведением, поскольку в нем отражены взгляды обеих школ.

²⁹ В гл. 3 *Лунь юя* Конфуций порицает Гуань Чжуна за роскошь: за наличие трех жен, множества слуг, за то, что, подобно *гуну*, соорудил у себя постамент для пиршественных сосудов, деревянную ширму в воротах и тому подобное, – то есть не соблюдал ритуал (ЧЦЦЧ, т. I, с. 66–67).

³⁰ Это слова из *Сяоцзина* («Канон о сыновнем благочестии») (ШСЦ, т. 37, с. 1311). В.А.Панасюк эту цитату ошибочно отнес к *Лунь юю* [84, с. 55]. Данный фрагмент *Сяоцзина* обычно трактуется: «Надо пользоваться случаем поддерживать добродетели правителя, исправлять его ошибки и сводить на нет их пагубные последствия». Однако грамматическое построение фразы, примененное Сыма Цянем, дает возможность предположить скептическое отношение к «добродетелям правителя» ослабшего дома Чжоу и акцент на «ошибках» и «пагубных последствиях».

³¹ Этот перифраз слов Конфуция (*Лунь юя*, гл. 2) сопоставляется здесь с известным историческим эпизодом, когда Цуй Чжу убил циского Чжуан-гуна, а верный долгу Янь Ин, рискуя жизнью, подобающим образом простился с покойным правителем. Описание этих событий есть в *Цзо чжуань* под 25-м годом Сян-гуна (ШСЦ, т. 30, с. 1450) и в гл. 32 *Ши цзи* (Истзп, т. V, с. 56).

³² Вновь цитата из канона *Сяоцзин* (ШСЦ, т. 37, с. 1311).

Глава шестьдесят третья

¹ Глава содержит краткие сведения о нескольких древнекитайских мыслителях, принадлежавших к философским школам даосизма и легизма: Лао-цзы, Чжуан-цзы, Шэнь Бу-хае, Хань Фэй-цзы. Текст главы и в особенности раздел, посвященный Лао-цзы, давно вызывает споры среди синологов. С 20-х годов нашего века в статьях Ло Гэнь-цзэ, Гао Хэна, Тань Цзе-фу, Такеути Есио и некоторых других авторов подвергаются сомнению не только факты из жизни Лао-цзы, но сама реальность этой личности. Тем самым ставится под вопрос и подлинность всей главы или отдельных ее частей. Интерес западных ученых к философским школам Китая способствовал тому, что было выполнено немало переводов главы в целом или ее частей

(Дж.Леггом, Г.Джайлзом, Р.Вилхелмом, Д.Бодде и др.). Полный перевод гл.63 на русский язык сделан В.А.Панасюком [84, с. 56–65]. Литература на западных и восточных языках об этих философах и их учениях необъятна и может быть использована в последующих комментариях лишь в ограниченном объеме. При работе над главой мы использовали также один из последних ее переводов на *байхуа* тайваньского профессора Се Усюна [218, т. 2, с. 897–904].

² Уезд Кусянь и волость Лисян в царстве Чу находились на востоке совр. уезда Лун пров. Хэнань.

³ В некоторых источниках его называют не Эр, а Бо-ян. Поскольку он считался простолодиною, его посмертное имя не упоминалось, хотя иногда именно «Дань» считают его посмертным именем.

⁴ Несмотря на то, что Сыма Цянь приводит некоторые данные о месте рождения Лао-цзы, его деятельности и потомках, вопрос о реальности существования этого человека, его имени и биографии остается по сей день спорным. Вокруг фигуры основателя даоской школы уже в древних источниках и сочинениях первых веков нашей эры возникло множество легендарных сюжетов (см., например: *Шэнь сянь чжуань* – «Жизнеописания святых», написанные цзиньским Гэ Хуном, жившим в 280–341 гг.), что в сочетании с серьезными разночтениями в биографических данных позволяет считать Лао-цзы полулегендарной фигурой. Одни историки отождествляют его с Лао Данем – учителем Конфуция, другие – с Лай Лао, жившим через столетие после Конфуция, третьи – с Лао Пэном и т.д. Соответственно широк и диапазон мнений о времени жизни Лао-цзы: от VII до IV в. до н.э. Сводку мнений по этому вопросу см. [10, с. 170–171].

⁵ Вопрос об этой поездке молодого Конфуция, стремившегося познать сущность *ли*, остается весьма спорным. Сыма Цянь упоминал о ней в гл. 47 (Истзп, т. VI, с. 127, примеч. 16, 17). Напомним, что Чжуан-цзы относил возможность подобной поездки лишь к концу жизни Конфуция. Имеются два предположения: 1) история поездки Конфуция придумана сторонниками даосизма не позднее VI–V вв. до н.э. с целью возвеличения основоположника их учения; 2) эта история родилась в конфуцианской среде в конце периода Чжаньго, когда конфуцианство, занимая видное положение среди идейных школ, не главенствовало и конфуцианцы еще могли признавать возможность взаимообогащения различных доктрин.

⁶ В *Даодзцине* такого высказывания нет. Сходная по смыслу беседа с Лао-цзы о длительности существования высказанного человеком суждения приводится в гл. 4 *Чжуан-цзы* (ЧЦЦЧ, т. III, с. 86–87), что отметил и Такигава [262, т. VII, с. 3262]. У Чжуан-цзы приводится ответ колесного мастера Хуань-гуну: «Древние люди мертвы, и, значит, то, что повторяет государь, лишь отголоски тленных душ древних людей» [65, с. 203]. Отметим, что выражение «отголоски тленных душ», использованное Л.Д.Позднеевой, вряд ли является удачным.

⁷ Притча, в которой Лао-цзы сравнивается с могучим драконом, взлетающим к небу, в *Лунь юе* отсутствует, но есть в *Чжуан-цзы* (ЧЦЦЧ, т. III, с. 93). Там говорится, что после встречи с Лао-цзы Конфуций три дня молчал, а потом сказал ученикам:

«В тот момент в нем я увидел Дракона» (см. также [261, т. III, с. 2773]).

⁸ В основе даосского учения лежало понятие *Дао*, передаваемое на русский язык (в зависимости от исходной позиции авторов и контекста) как «путь», «истина», «порядок», «всеобщий закон природы», «начало и конец творения». Если в большинстве советских работ о даосизме 50–60-х годов (например, Л.Д.Позднеевой, Ян Хин-шуна) в центре внимания стояли поиски материалистических или идеалистических основ этого учения, то уже Ф.С.Бьков справедливо подчеркивал, что на отдельных исторических этапах развития китайской мысли в понятие *Дао* вкладывают различное содержание [10, с. 174]. Категория *дэ* означала и в даосизме, и в конфуцианстве «добродетель», «нравственность», «этическая норма». Более поздним работам свойствен глубокий, многовариантный поиск сути и основы даосизма (см., например, [60, с. 5–38; 87]).

⁹ Многие комментаторы полагали, что речь идет об известном горном проходе и пограничном укреплении Ханьгу. Однако применение в рассказе чуского термина *линъинь*, возможно, указывает на одну из южных застав (Угуань? Лугуань?), поскольку чусец Лао-цзы, весьма вероятно, возвращался на родину (см. карту 1).

¹⁰ Имеется в виду *Даодэцзин* («Канон о Пути и добродетели»), в современном тексте которого содержится 81 параграф. Они разделены на две части: в первой 37 параграфов, во второй 44.

¹¹ В гл. 4 *Чжэюан-цзы* упоминается о смерти Лао Дая и о том, кто и как его оплакивал (ЧЦЦЧ, т. III, с. 20). Лян Юй-шэн делает вывод, что во второй половине IV в. у сторонников даосизма изменились представления о конце жизни Лао-цзы [246, кн. 11, с. 5]. В *Шуйцзинчжу* и некоторых других трудах местом кончины и захоронения Лао-цзы называют селение Хуайли (совр. уезд Синпин пров. Шэньси) [288, с. 1096].

¹² Конфуций умер в 479 г., следовательно, здесь речь должна идти о 350 г.

¹³ Циньский Сянь-гун, согласно Хронологическим таблицам, правил в 384–362 гг., следовательно, в предшествующей фразе какая-то ошибка. По мнению Лян Юй-шэна, должно было стоять «через 106 лет после смерти Конфуция» (т. е. 374 г.). Сюй Гуан (352–425 гг.) считал, что эта встреча произошла через 119 лет после смерти Конфуция. Учитывая спорность существования Лао-цзы вообще и полную неопределенность в оценках продолжительности его жизни в частности (а Даянь – один из вариантов его персонификации), такого рода разноречивой удивления не вызывает, а любые точные датировки пока вряд ли возможны.

¹⁴ Иные варианты предсказания историографа Дая уже встречались в главах 4 и 6 (Истзап, т. I, с. 209–210; т. II, с. 38). Там говорилось о 500-летнем разъединении, а не единении, об интервале в 17 и 77 лет, а не в 70 лет, как в данной главе. И Чжан Вэнь-ху, и Такигава отмечали, что предсказание Дая появляется в *Ши цзи* четырежды в разных сочетаниях сроков объединения и разъединения. Под ваном-гегемоном несомненно имеется в виду Цинь Ши-хуан (см. [248, т. VI, с. 43]).

¹⁵ Расположение Дуаньгань установить не удалось.

¹⁶ Согласно *Шэнь сянь чжэюань*, вместо знака *цзя* 假 должен стоять знак

ся 瑕 [246, кн. 11, гл. 27].

¹⁷ Цитата из *Лунь юя* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 349), подчеркивающая несходство принципов даосизма и конфуцианства.

¹⁸ Ли Эр – одно из имен Лао-цзы. Этой фразой Сыма Цянь, заключая краткий рассказ о Лао-цзы, попытался передать суть его учения.

¹⁹ Мэн – местность в княжестве Лу. Находилась к северо-востоку от совр. города Шанцю в пров. Хэнань [288, с. 1121].

²⁰ Чжуан Чжоу, или Чжуан-цзы (ок. 369–286 гг.), – виднейший древнекитайский философ, один из основоположников даосизма.

²¹ Циюань – поселение, находившееся на севере совр. уезда Хэцзэ пров. Шаньдун. В.В.Малыгин не считает «циюань» названием населенного пункта, а переводит иероглифы дословно: «смотритель плантаций лаковых деревьев» [59, с. 10].

²² Лянский (вэйский) Хуэй-ван Ин правил в 370–335 гг., цинский Сюань-ван – в 342–329 гг.

²³ Основной труд философа – *Чжуан-цзы* – содержит 33 главы, позднее разделенные на три части: внутреннюю (*нэйлян* – первые 7 глав), внешнюю (*вайлян* – 15 глав) и смешанную (*чзаянь* – последние 11 глав). Внутренняя часть признается наиболее аутентичной. На русский язык *Чжуан-цзы* переведен полностью Л.Д.Позднеевой [69, с. 135–314] и частично (8 глав) – С.Кучерой [20, т. I, с. 248–294].

²⁴ Главы под названием *Вэйлэйсюй* в современном тексте нет, хотя в *Соинь* утверждается, что таково название одной из глав *Чжуан-цзы*, видимо, посвященной одному из учеников Чжуан-цзы, жившему на горе Вэйлэй. Глава 23 называется *Гэнсанчу* (по имени Гэн Сан-цзы – другого ученика Чжуан-цзы), однако в тексте Сыма Цяня стоит *Кан Сан-цзы*, что представляется явной ошибкой. Возможно, эта путаница произошла из-за имени ученика Лао-цзы – Кан Цан-цзы, упоминаемого в *Ле-цзы* (ЧЦЦЧ, т. III, с. 40).

²⁵ Притча о жертвенном быке, которого ведут на заклание, помещена в гл. 32 *Чжуан-цзы* (ЧЦЦЧ, т. III, с. 460; русский перевод см. [69, с. 313]). В гл. 17 («Осенние воды») этого трактата есть рассказ о том, как Чжуан-цзы принимал на берегу р. Байшуй посланцев чуского *вана*, предложивших ему службу. Чжуан-цзы ответил им притчей о священной черепахе, умершей три тысячи лет назад и хранимой в храме предков в ларце и в покрывалах. Дилемму черепахи – быть мертвой, чтобы почитали и хранили ее панцирь, или быть живой и волочить хвост по земле – философ решает в пользу второго варианта: «Уходите! Я [предпочитаю] волочить хвост по грязи» (цит. по [19, т. I, с. 275]).

²⁶ Шэнь Бу-хай (400–337 гг.) – один из первых теоретиков в области проблем управления. Создатель тщательно разработанной системы принципов и конкретных приемов авторитарного правления. Краткий очерк идей Шэнь Бу-хая см. [14, с. 101–108]. Труд ШэньБу-хая (*Шэнь-цзы*) сохранился лишь в фрагментах.

²⁷ Цзин – город, находившийся на юго-востоке совр. уезда Инъян в Хэнане.

²⁸ Согласно Хронологическим таблицам, ханьский Чжао-хоу правил в 358–333 гг. (Истзип, т. III, гл. 15, с. 266–274).

²⁹ Разработанная Шэнь Бу-хаем доктрина и сам термин *синмин* явно глубже и содержательней буквального перевода («наказания и их наименования»). Краткий обзор проблемы см.: Истзап, т. II, с. 362, примеч. 157.

³⁰ Хань Фэй (ок. 288–233 гг.) – один из крупнейших теоретиков школы легистов (*фацзя*), или законников; сторонник жестко централизованного управления государством, укрепления власти правителя с помощью строго соблюдаемых законов. Его сочинение *Хань Фэй-цзы* содержит 55 глав, текст которых неоднократно переводился на европейские языки (см., например, [26; 20, т. II; 168, т. I]).

³¹ Ли Сы (?– 208 гг.) учился у философа Сюнь-цзы. Стал крупным политическим деятелем в Цинь. При Ши-хуане получил пост *чэнсяна*, осуществил ряд реформ. После смерти Ши-хуана обвинен в заговоре и казнен. О нем см. гл. 5 и 6 *Ши цзи* (Истзап, т. II), его жизнеописание помещено в гл. 87 *Ши цзи*.

³² Сюнь Цин (Сюнь Куан, Сюнь-цзы – конец IV в. – ок. 235 г.) – выдающийся философ Древнего Китая, один из ученых школы (“академии”) *цзися* в Цн. Будучи в основном конфуцианцем, Сюнь-цзы во многих вопросах онтологии и гносеологии исповедовал идеи других школ, в частности даосизма. Поэтому его взгляды рассматриваются как синтез философской мысли Древнего Китая (см., например, [88]). *Сюнь-цзы* состоит из 32 глав. Биография мыслителя помещена в гл. 74 *Ши цзи*.

³³ Здесь названы главы 11, 49, 30–33, 23, 12 *Хань Фэй-цзы* (см.: ЧЦЦЧ, т. V, с. 55–66 и далее).

³⁴ Следующий далее большой отрывок заимствован Сыма Цянем (с некоторыми разночтениями) из гл. 12 *Хань Фэй-цзы* (ЧЦЦЧ, т. V, с. 60–64).

³⁵ И Инь (А-хэн) – один из персонажей истории периода Инь, который, устроившись вначале поваром к иньскому Чэн Тану, стал затем его советником (см.: Истзап, т. I, с. 167, 284). О Байли Си подробно говорилось в связи с деятельностью циньского Му-гуна (Истзап, т. II, с. 23–32, 298–299).

³⁶ Чжэнский У-гун правил в 770–743 гг. Царство Ху располагалось в нижнем течении р. Иншуй, левого притока р. Хуайшуй (см. карту 1).

³⁷ Такигава отмечает, что, согласно *Чжусу цзинянь*, эта казнь была совершена на 8-м году правления чжоуского Пин-вана, т. е. в 762 г. [262, т. VII, с. 3284].

³⁸ В этом месте заканчивается изложение отдельных положений (с некоторыми разночтениями с современным текстом) *Хань Фэй-цзы* (ЧЦЦЧ, т. V, с. 66).

³⁹ В эпилоге главы выражено особое почтение историка к идеям даосизма, на что обращали внимание многие исследователи творчества и мировоззрения Сыма Цяня (Ю.Л.Кроль, Б.Уотсон и др.). Отметим, что при раскопках в Мавандуе (пров. Хунань) найдены тексты объемом до 120 тыс. иероглифов, представляющие собой незнакомые науке версии труда Лао-цзы и ранее неизвестные фрагменты сочинения, приписываемого легендарному Хуан-ди (они посвящены сюжетам, названным в данной главе «идеями Хуана и Лао»). Эти находки археологи относят к 194–180 гг. до н.э., т. е. речь идет о наиболее поздних по времени создания даоских канонах (об этом см. [199]).

Глава шестьдесят четвертая

¹ Эта небольшая глава посвящена Сыма Жан-цзюю – одному из славной когорты древнекитайских теоретиков военного искусства, сумевшему к тому же вписать достойную страницу в историю княжества Ци в конце VI в. При работе над главой мы использовали русский перевод В.А.Панасюка [79, с. 66–69]; перевод на японский язык Отаке [242, *Ле чжуань*, кн. 1, с. 21–24]; перевод на байхуа Чжан Цзьяляна [208, т. II, с. 905–907]; труды Такигавы [252, т. VII, с. 3289–3297], Мидзусавы [258, т. VI, с. 1–4] и некоторых других комментаторов.

² Тянь Вань – чжэньский княжич Цзин Чжун-вань, сын чэньского Ли-гуна (706–700 гг.). Бежал в годину смут в княжество Ци, основав там род Тянь.

³ Циский Цзин-гун по имени Чу-цзю правил в 547–490 гг.

⁴ Э (Дуньэ) и Чжэнь – циские города в среднем течении р. Пушуй (см. карты 1, 3). Лян Юй-шэн, отмечая, что упомянутые события не нашли отражения в *Чунь-цю* и в *Цзо чжуань*, считает, что указанные пункты во времена Цзин-гуна не принадлежали княжеству Ци. Соответственно и реальность этих столкновений вызывает у него сомнения [246, кн. 11, с. 10].

⁵ Янь Ин по прозвищу Пин Чжун в описываемое время являлся *сяном* в княжестве Ци.

⁶ Сыма Чжэнь в *Соинь* на примере из древних классических книг показывает, что понятие *цзянцзюнь* («командовать войсками») постепенно, начиная с периода Чуньцю, становилось названием должности, чином (см. [252, т. VII, с. 3291]).

⁷ *Ли бяо* – устанавливать шест (веху). Речь идет о древнейшем астрономическом инструменте – гномоне, состоящем из вертикального стержня (шеста), закрепленного на ровной площадке. По длине и направлению тени от него можно было определить азимут Солнца и, следовательно, примерное время дня. *Лоу* (*хулоу*) – водяные часы (древнегреческий аналог – клепсидра). *Лоу* состояли из двух сосудов, закрепленных один под другим. Вода капала из верхнего в нижний сосуд, и по ее уровню можно было определить прошедшее время.

⁸ *Цзюньчжэнь* – чиновник, следивший за исполнением военных законов [270, т. IV, с. 3015]. Чжан Цзьялян называет его *фагуань* («военный юрист») [208, с. 906].

⁹ В тексте: *сань цзюнь* – «все войско, три армии» (видимо: авангард, главные силы, арьергард; или – центр, левое и правое крыло; совр. – «все рода войско»).

¹⁰ В *Хань шу* (гл. 30) военный труд с таким названием не упоминается. Однако в библиографической главе *Суй шу* («История [династии] Суй») труд циского военачальника Сыма Жан-цзюя в 3-х главах называется *Сыма бинфа* (ЭШУШ, т. III, гл. 34, с. 2450). Надо полагать, речь идет о книге, указанной Сыма Цянем. В настоящее время сохранилась лишь одна глава труда под этим названием.

¹¹ Имеются в виду три древние эпохи: Ся, Шан–Инь и Чжоу.

Глава шестьдесят пятая

¹ Фигуры крупнейших военных теоретиков Древнего Китая Сунь-цзы и У Ци (У-цзы) давно привлекают внимание ученых и военачальников в различных странах. В XX в. их трактаты были особенно популярны в военных академиях фашистской Германии, империалистической Японии и в некоторых других странах. Наиболее многочисленны переводы трудов Сунь-цзы и У-цзы на немецкий и японский языки; на русский язык полный перевод их трактатов о военном искусстве осуществлен академиком Н.И.Конрадом с соответствующим исследованием их доктрин (см. [40, с. 7–381]). Классическим переводом трудов Сунь-цзы и У Ци на английский язык считается работа Г.Джайлза [141]. На немецком языке труд У-цзы наиболее известен в переводе А.Пфизмайера [181, с. 267–273]. Полный русский перевод гл. 65 *Ши цзи* выполнен В.А.Панасюком [84, с. 70–70]. Серьезную помощь в работе над главой оказали нам ее переводы на байхуа: Ван Босяна [220, с. 136–152] и Линь Жэньцзя [218, т. 2, с. 909–919]; на японский язык – Отаке [252, *Ле чжуань*, кн. 1, с. 25–35] и некоторые важные комментарии (Такигавы, Лян Юй-шэна и др.).

² Хэ Люй (Хэ Лу) правил в княжестве У в 514–496 гг. Был разбит юэским ваном Гоу Цзянем (см.: Истзп, т. V, гл. 31). Таким образом, уский ван и его военный советник Сунь-цзы жили в конце периода Чуньцзо (770–403 гг.), в то же время и был, вероятно, составлен военный трактат *Сунь-цзы*. Чжэн Линь, издавший в 1945 г. в Чунцине его английский перевод, счел возможным дать точную дату появления трактата – 510 г. (см. [40, с. 173]).

³ Вопрос о первоначальном числе глав *Сунь-цзы* рассмотрен в исследовании Н.И.Конрада [40, с. 18–19]. Считается, что трактат состоял, как и в настоящее время, из 13 глав, о чем упоминает и Сыма Цянь. Но в *Хань шу* указывается, что в него входило 89 главок (*лянь*) и 4 главы приложений (*карт – ту*) [219, кн. 12, с. 1757]. Однако нигде следов столь обширного трактата не обнаружено, и это свидетельство ставится под сомнение. Наиболее ранним из авторитетных комментаторов *Сунь-цзы* считается вэйский Цао-гун (Цао Цао) (155–220 гг.).

⁴ Знак *цзи* может обозначать алебарду, бердыш или копье с широким лезвием.

⁵ *Фу юэ* – секира, боевой топор; здесь – символ власти командующего.

⁶ В примечаниях к тексту сочинения Сунь-цзы Н.И.Конрад отмечает, что предание о командовании женщинами скорее напоминает исторический анекдот. Но и это предание, и другие каноны «свидетельствуют о том, что в Древнем Китае право полководца на полную самостоятельность в пределах своей компетенции было общепризнанным» [40, с. 159].

⁷ В гл. 31 *Ши цзи* победа над Чу связана с именами не только Сунь У, но и У Цзы-сюя и Бо Пи (см.: Истзп, т. V, с. 34–35) и стала результатом многочисленных сражений, т.е. здесь дан иной вариант событий. Столица Чу – город Ин находился на территории совр. уезда Цзянлин пров. Хубэй.

⁸ Характерно, что в *Цзо чжуань* имя Сунь У не упоминается, а вся слава разгрома Чу приписывается князю. Отсюда у некоторых позднейших комментаторов появились сомнения в правдивости тех сведений о Сунь-цзы, которые даются Сыма

Цянем (об этом см. [40, с. 15; 262, т. VII, с. 3303]). Но в других военных трактатах, и в частности в *Вэй Ляо-цзы*, автор которого жил во времена лянского Хуэй-вана (370–335 гг.), прямо говорится о военных задлугах Сунь-цзы.

⁹ Точная дата смерти Сунь У неизвестна. Лян Юй-шэн по боевым действиям (взятие столицы Чу, битва под Малином и др.) определяет интервал между смертью Сунь-цзы и появлением Сунь Биня в 166 лет [246, кн. 11, гл. 27, с. 12]. Знак *бинь* в его имени означает наказание в виде удаления коленных чашечек. Поскольку этот потомок Сунь-цзы был наказан именно таким образом, он и получил соответствующую кличку – Сунь Бинь, а его подлинное имя история не сохранила. Уцелели лишь предания о его делах и военных талантах (см. [220, примеч. 26]).

¹⁰ Вэйский Хуэй-ван правил в 370–361 гг.

¹¹ Лян (Далян) – тогдашняя столица княжества Большое Вэй. Находился на месте совр. города Кайфын в пров. Хэнань (см. карты 1, 3).

¹² Далее Сунь Биня несколько раз именуют Сунь-цзы, что вряд ли является опикой, так как элемент *-цзы* употребляется с фамилией любого уважаемого лица (подробнее см. примеч. 2 к гл. 67).

¹³ В тексте стоит слово *ди* 弟 «младший брат». Так и перевел В.А.Панасюк: «братья *вана*» [84, с. 72]. Танский Сыма Чжэнь приравнивал это слово к *дань* 但 «только», ограничивающее участвующих в состязании только княжичами. Подобное толкование принято и другими переводчиками текста. Но трактовка этого знака остается спорной. Считая слово *ди* ошибочно вставленным в текст Сыма Цяня, мы исключили его из перевода.

¹⁴ Напомним, что княжество Ци в период Чуньцо возглавлялось потомками рода Цзян (см.: Истзап, т. V гл. 32). Позднее, в V в., власть в Ци захватили представители рода Тянь, поэтому иногда в литературе встречается название двух княжеств Ци – цяньское и тяньское. Со времени правления Вэй-вана (378–343 гг.) это княжество вошло в число семи сильнейших (*цисюн*).

¹⁵ Чжао в период Чжаньго тоже входило в группу семи сильнейших княжеств. Его истории посвящена гл. 43 *Ши цзи* (Истзап, т. VI). Правители домов Чжао, Хань и Вэй в 403 г. разделили земли Цзинь и основали отдельные княжества. В Чжао, куда вошли северные земли бывшего Цзинь, стал править Ле-хоу по имени Цзи (408–400 гг.), его столицей был Ханьдань.

¹⁶ Гуйлин – вэйский город, расположенный приблизительно в 60 км к северо-востоку от Даяня (см. карты 1, 3). Битва под Гуйлином произошла на 18-м году правления вэйского Хуэй-вана, или на 26-м году правления циского Вэй-вана.

¹⁷ Как явствует из Хронологических таблиц, в 341 г., т.е. действительно через 13 лет, на 30-м году правления Хуэй-вана состоялась битва под Малином, в которой вэйцы потерпели поражение от цисцев. Однако в ряде средневековых списков *Ши цзи* указан (видимо, ошибочно) срок в 15 лет; Мидзусава упоминает об 11 таких списках, начиная с сунского времени [248, т. VI, с. 5]. Накаи Сэкигоку же вообще принимает эти две битвы за одно событие [262, т. VII, с. 3306], что источниками не

подтверждается.

¹⁸ Хань – одно из сильных княжеств периода Чжаньго (его историю см.: Истзап, т. VI, гл. 45). Ханьский правитель Цзин-хоу участвовал в разделе земель Цзинь совместно с домами Чжао и Вэй, причем к Хань отошли южные и часть центральных земель Цзинь. До 375 г. столица Хань располагалась в городе Янчжае, затем – в соседнем городе Чжэн (назывался также Синьчжэн и Наньчжэн) (см. карты 1, 3).

¹⁹ Это укороченная цитата из *Сунь-цзы* (ЧЦЦЧ, т. VI, с. 107–109). В полном виде см. перевод Н.И.Конрада [40, с. 33–34].

²⁰ Мапин – циский город на р. Пушуй (см. карту 3).

²¹ Шэнь был наследником вэйского Хуэй-вана; попав в плен, он так и умер в Ци.

²² В *Ши цзи* книга Сунь Биня о военном искусстве даже не названа. Нет упоминаний о ней в сложившемся в XI в. «Семикнижии» – собрании классических сочинений по военному искусству древности и раннего средневековья. В их число, как известно, входят: *Лю Тао*, *Сунь-цзы*, *У-цзы*, *Сыма бинфа*, *Сань люэ*, *Вэй Ляо-цзы* и *Ли Вэй-гун вэй дуй* (см. [40, с. 21]). Бань Гу в в гл. 30 *Хань шу* в числе 53 военных авторов его времени Сунь Биня не называет [211, кн. VI, с. 1756–1762], хотя в гл. 23 упоминает его: «В Ци имелся Сунь Бинь» [там же, с. 1085]. Однако решающее слово в этом заочном споре сказали китайские археологи. В начале 70-х годов XX в. в Линьни (пров. Шаньдун) при раскопках ханьских захоронений были найдены фрагменты *Сунь Бинь бинфа* («Трактата о военном искусстве Сунь Биня»), пролежавшие в земле более 2 тыс. лет. Найденные 223 бамбуковые дощечки с нанесенными на них 5985 иероглифами представляют собой фрагменты восьми глав этого сочинения. В них приведены соображения автора относительно ведения боя и руководства армией, устройства позиций, его беседы с Вэй-ваном, с Тянь Цзи и т.д. (см. [331а, 1974, № 3, с. 40–46]).

²³ В то время в Китае было два княжества Вэй – 魏 и 衛. Первое, значительно более крупное и влиятельное, было расположено на территории совр. пров. Хэнань. Второе, условно названное нами «Малым» Вэй (его первой столицей был город Чжаоэ, затем – Чушо, а позднее – Пуян), занимало часть северной Хэнани, западного Шаньдуна, южного Хэбэя и юго-восточной Шаньси. В период Чжаньго оно попало в зависимость от «Большого» Вэй, быстро теряя территорию и влияние (см.: Истзап, т. V, гл. 37, с. 111–122).

²⁴ Цзэн-цзы по имени Цань (или Шэнь) был родом из княжества Лу; один из самых видных учеников Конфуция, по конфуцианской традиции считался автором трактата *Да сюэ* (в переводе В.М.Алексеева – «Великая наука», в переводе Н.И.Конрада – «Большая наука»), был также известен как политический деятель.

²⁵ *Небэй* – ритуал, когда человек, давая клятву, кусает себе руку выше локтя, как бы скрепляя обещание собственной кровью.

²⁶ У Ци не поехал отдать прощальный долг матери, поскольку не хотел нарушать собственную клятву вернуться, лишь обретя знатность. По понятиям того времени такое поведение нарушало конфуцианский принцип *сяо* («сыновнего почита-

ния родителей») и вызвало осуждение Цзэн-цзы и окружающих.

²⁷ Основатели этих княжеств были выходцами из древнего клана Ци (см.: Истзап, т. V, с. 17).

²⁸ Н.И.Конрад отмечал: «Трудно судить о действительных причинах изгнания У-цзы... Весьма вероятно, что Сыма Цянь указывает правильный путь для толкования поступка князя. Кроме того, слава и влияние удачливого полководца в соединении с крутым и решительным нравом вызывали опасение знати» [40, с. 311–312].

²⁹ Вэйский (Большое Вэй) Вэнь-хоу по имени Сы правил в 424–387 гг., но, как мы отмечали в примечаниях к гл. 15, дата начала его правления дискуссионна (Истзап, т. III, с. 806).

³⁰ Ли Кэ – сановник княжества Вэй. Не путать с цзиньским Ли Кэ (о нем см.: Истзап, т. V, гл. 39). В гл. 30 *Хань шу* упоминаются книги Ли Кэ в 7 главах (проблему творческого наследия Ли Кэ см.: Истзап, т. IV, с. 339, примеч. 127).

³¹ Биография У Ци плохо сочетается с такой характеристикой. На это же указывал Лян Юй-шэн [246, кн. 11, гл. 27, с. 14].

³² О нем см. гл. 64.

³³ Накаи Сэкитоку замечает, что во времена У Ци китайцы еще не ездили верхом; следовательно, данное место – более поздняя интерполяция [252, т. VII, с. 3312].

³⁴ Сихэ – название рек в ряде провинций (Шэньси, Сычуань и др.), но в данном контексте – земли в междуречье Хуанхэ и Цзиншуй (см. карты 1, 3), на стыке владений Вэй, Чжао и Ци (см. [288, с. 350]).

³⁵ Вэйский У-хоу правил в 386–371 гг. (Истзап, т. III, с. 807). В различных источниках даты его княжения не одинаковы.

³⁶ Отметим, что рассказ о плавании вэйского У-хоу с У Ци и фрагменты их разговора о значении добродетели воспроизвел на страницах своего труда *Фа янь* («Слово о законах») ханьский литератор Ян Сюн (53 г. до н.э. – 18 г. н.э.) (ЧЦЦЧ, т. VII, с. 20).

³⁷ О племенах *саньмяо* см.: Истзап, т. I, с. 248 и 266. Юй – легендарный правитель «династии» Ся; в переселении этих племен участвовал, согласно тексту гл. 2 *Ши цзи*, и его преемник Шунь (см.: Истзап, т. I, гл.2). Озеро Дунтин находится в совр. пров. Хэнань, озеро Пэнли отождествляется с ныне существующим озером Поян в пров. Цзянси.

³⁸ Цзе – последний правитель дома Ся. В традиции считается глубоко порочным человеком, деспотом и тираном, уничтожившим многие роды (см.: Истзап, т. I, с. 278, примеч. 175 к гл. 2); традиционно годами его правления читают 1818–1766 гг. до н.э. Названные здесь географические ориентиры: гора Тайшань, расположенная к северу от луской столицы Цюйфу (см. карту 1), относится к числу священных гор Китая; также почитаемая гора Хуашань расположена у крутого поворота русла Хуанхэ на восток (см. карты 1, 2); Ицзэ – горный проход на важнейшей дороге, связывавшей Цинь, Хань, Вэй и Чу (располагался в 50 км к югу от Лояна

по левому берегу р. Ишуй, притока р. Лошуй); Янчан – населенный пункт и перевал в горах Тайхан.

³⁹ Чэн Тан (или просто Тан) считался одним из основателей дома Инь (см.: Истзап, т. I, гл. 3), хотя обычно перечисляется ряд имен *ванов* и *ди*, правивших до него.

⁴⁰ Чжоу Синь – последний иньский правитель, тиран и деспот, убитый чжоуским У-ваном. Гора Мэнмэнь находилась на востоке хребта Тайхан в совр. пров. Шаньси. Гор с названием Чаншань в Китае несколько, поэтому определить местоположение той, что упомянута в тексте, мы затрудняемся.

⁴¹ Следует отметить (на это указал и Такигава [262, т. VII, с. 3316]), что, согласно гл. 20 *Луй-ши чунь-цзо*, оклеветал У Ци перед взйским У-хоу не Гун Шу, а другой придворный – Ван Цо (см.: ЧЦЦЧ, т. VI, с. 273). Впрочем, это не меняет общего хода событий.

⁴² Чуский Дао-ван по имени Сюн И правил в 401–381 гг.

⁴³ Отметим, что в гл. 40 *Ши цзи* события изложены несколько по-иному: там говорится, что в 391 г. три цзиньских дома напали на Чу и нанесли поражение чуской армии у горного прохода Юйгуань и что Дао-ван заключил мир с правителем Цинь (а не напал на него) (см.: Истзап, т. V, с. 202). Ничего не сказано и о роли У Ци в военных действиях. Подобный разнобой не часто встречается в *Ши цзи*. Обычно одна глава как бы дополняет материал другой, давая новый аспект видения событий. При этом возможны и накладки.

⁴⁴ В переводе В.А.Панасюка это выражение отнесено к *Лунь юю* [84, с. 79]. Ни один из известных нам комментаторов подобной отсылки не делал. В *Лунь юе* действительно есть похожая фраза: «Высоко нравственный непременно умеет хорошо говорить, но тот, кто умеет хорошо говорить, не обязательно высоко нравствен» (ЧЦЦЧ, т. I, с. 301). Однако по смыслу эти фразы все же разнятся, так что слово *юй* (詒) мы не считаем аналогом *Лунь юя* и переводим по смыслу – «речь», «слова».

Глава шестьдесят шестая

¹ Глава посвящена одной из популярных исторических фигур VI в. до н.э. У Цзы-сюю, традиционно считающемуся идеалом любящего сына. Его изображение обнаружено на древних бронзовых зеркалах, его имя встречается в фольклорной литературе, наконец, упоминается в манускриптах Дуньхуанской библиотеки.

Полный перевод главы на немецкий язык осуществлен проф. Ф.Йсгером [338, vol. 7, 1960, с. 1–16], а на английский – проф. Р.С.Рудольфом [338, vol. 9, 1962, № 1, с. 105–120]; на русский главу перевел В.А.Панасюк [84, с. 80–92]. Кроме того, имеется русский перевод начала главы в «Хрестоматии по истории китайского языка» [90]. Эпилог главы переведен на английский язык Б.Уотсоном [203, с. 190]. Вся глава переведена на японский язык Отаке [252, *Ле чжуань*, кн. 1, с. 36–49]; на *байхуа* – Чэнь Юйфу [218, т. 2, с. 921–930]. Все эти переводы находились в нашем распоряжении и, наряду с многочисленными комментариями, существенно помогли в работе

над текстом.

² Чуский Чжуан-ван правил в 613–591 гг., однако в *Цзо чжуань* У Цзюй упоминается применительно к 532 г. (см.: ШСЦ, т. 31, с. 1811). Налицо временное несоответствие: У Цзюй вряд ли мог служить более 60 лет, что отмечал Р.С.Рудольф [338, vol. 7, 1962, № 1, с. 107, примеч. 2]. Лян Юй-шэн полагает, что в этом месте у Сыма Цяня пропущено имя отца У Цзюя – У Цаня, который и служил Чжуан-вану, а сын У Цзюя – У Шэ служил уже Пин-вану. Сам У Цзюй служил чуским Кан-вану и Лин-вану (560–528 гг.) (см. [246, кн. 11, гл. 27, с. 15]). Эти разночтения анализирует и Такигава [262, т. VII, с. 3320].

³ Чуский Пин-ван по имени Цзюй (он же Ци-цзи) правил в 528–516 гг.

⁴ Чэнфу – город на северо-востоке Чу (см. карты 1, 3); не путать с ханьским Чэнфу, расположенным на севере области Жунань (см. карту 3).

⁵ Описание событий, связанных с У Шэ и его сыновьями, в некоторых деталях отличается от текста гл. 40 (*Истзап*, т. V). Отдельные перипетии данной истории встречаются в *Цзо чжуань* под 19-м и 20-м годами правления луского Чжао-гуна (ШСЦ, т. 32), однако по красочности описания, по выразительности диалогов текст Сыма Цяня превосходит другие источники.

⁶ Об этом бунте упоминалось в гл. 38 *Ши цзи* (*Истзап*, т. V, с. 136). Сыма Чжэнь описывает борьбу за княжеский престол в Сун в 522 г. между Хуа Хаем, Сян Нинном и Хуа Дином (см. [254, т. II, с. 2173]). *Чунь-цю* также сообщает о бегстве этих трех бунтовщиков в княжество Чэнь в 10-й луне указанного года (ШСЦ, т. 32, с. 984).

⁷ Об истории княжества Чжэн см. гл. 42, где упомянуто появление наследника Цзяня (*Истзап*, т. VI, с. 42). Оно располагалось на землях совр. пров. Шэньси и Хэнань и сыграло заметную роль в ранний период Чжоу; уничтожено княжеством Хань в 375 г. (*Истзап*, т. III, с. 260).

⁸ Цзиньский Цин-гун (по имени Цюй Ци) правил в 525–512 гг. (см.: *Истзап*, т. V, с. 315).

⁹ Чжэнский Дин-гун по имени Нин правил в 529–517 (514) гг. (см.: *Истзап*, т. III, с. 207 и т. VI, таблицы).

¹⁰ Лян Юй-шэн считал, что Цзы Чань умер на 8-м году правления чжэнского Дин-гуна, т.е. в 521 г., и потому не мог принимать участия в убийстве Цзяня [246, кн. 11, гл. 27, с. 15].

¹¹ История княжества У, прекратившего свое существование в 473 г., изложена в гл. 31 (*Истзап*, т. VI); о деятельности Цзы-сюя в У см. там же (с. 34–35).

¹² Застава Чжаогуань находилась на самой границе У и Чу (см. карту 1). Этот эпизод у Хань Фэй-цзы (за два века до Сыма Цяня) изложен несколько иначе. Там сказано, что пограничный патруль схватил Цзы-сюя, потребовал от него жемчуг. Тот уверял, что потерял драгоценности, и солдаты отпустили его (ЧЦЦЧ, т. V, с. 126). Это обстоятельство отметил и Р.С.Рудольф [338, vol. 9, 1962, № 1, с. 109, примеч. 9], высказав предположение об утрате соответствующей части текста *Ши цзи*.

¹³ *Чжигуй* – чуский чин; досл. «держатель скипетр», «быть на службе».

¹⁴ Согласно тексту гл. 31, У Цзы-ской прибыл в У на 5-м году правления Ляо-вана, т. е. в 522 г. (Истзап, т. V, с. 32). Ляо-ван правил в У в 526–515 гг.

¹⁵ Чжунли – город на правом берегу Янцзы, ниже по течению от последней чуской столицы Шоучунь (см. карту 1). Недалеко находился и Билян, где проживал одноименный род. Цзюйчао находился на территории совр. уезда Чаосянь пров. Аньхой. Об этом эпизоде см. также гл. 40 (Истзап, т. V, с. 197, 290, примеч. 80).

¹⁶ Чжуань Чжу уже встречался в гл. 31 (Истзап, т. V, с. 32–33). Он помог Гуану убить Ляо-вана и тем обеспечил себе и сыну служебную карьеру.

¹⁷ Чжао-ван правил в Чу в 515–488 гг.

¹⁸ Уский правитель Хэ Лу (Люй) правил в 514–496 гг. (о нем см.: Истзап, т. V, гл. 31).

¹⁹ Синжэнь – чиновник, ведавший делами послов и путешествующих мужей, а также привозимыми подарками. При переводе гл. 31 (Истзап, т. V, с. 34) мы назвали его чиновником посольского приказа, что вполне допустимо. /

²⁰ Шу – название владения, находившегося на территории совр. уезда Шучэнь пров. Аньхой.

²¹ Лю – город, находившийся в 15 км к северу от уездного центра Люань пров. Аньхой. Цянь находился в уезде Хошань той же провинции.

²² Чуский княжич Нан Ва имел прозвище Цзы Чан. Еще сунский Пэй Инь нашел здесь ошибку и, ссылаясь на *Цзо чжуань*, писал, что сыном чуского князя был Нан по прозвищу Цзы Чжэнь (или Цзы Нан), а его внуком был Ва по прозвищу Цзы Чан (см. [254, т. V, с. 2175]). Следовательно, в имени Нан Ва соединилось два имени – сына и внука. На это же указывали Такигава и Накаи [262, т. VII, с. 3327], а также Лян Юй-шэн [246, кн. 11, гл. 27, с. 16].

²³ Юйчжан находился в районе города Наньчан пров. Цзянси.

²⁴ В данном случае речь идет о владении Тан, которое находилось на землях совр. уезда Цзаоян пров. Хубэй; Цай – небольшое владение в пограничной зоне между Вэй и Чу (о его недолгой истории см.: Истзап, т. , гл. 35).

²⁵ Эти сражения подробно описаны в *Цзо чжуань* под 4-м годом Дин-гуна (ШСЦ, т. 32, с. 2211), причем усцы использовали в боях лодки (см. также [324, с. 524–525]). Цзы Чан – упоминавшийся выше Нан Ва.

²⁶ Здесь несколько необычно названы даты бегства Чжао-вана и вступления уской армии в столицу Чу – днями под циклическими знаками. Как отмечал минский комментатор Гу Янь-у (1613–1682 гг. н.э.), в китайском летописании с периода Чуньцо всегда указывался день, месяц и год (см. [262, с. 3328]). Дни под упомянутыми знаками приходились на 27 и 28-е числа 11-й луны (месяца) 506 г. Ф.Йегер [338, vol. 7, 1960, с. 8] и Р.С.Рудольф [338, vol. 9, 1962, № 1, с. 112] правильно перепели эти знаки как обозначение дней. В.А.Панасюк [84, с. 85] ошибочно принял их за обозначение идущих друг за другом годов, хотя эти события разделял лишь день.

²⁷ Юньмэн – название озера, находившегося на юге совр. уезда Аньлу пров. Хубэй; Юнь – небольшое княжество, находившееся на территории того же уезда [301, с. 1970].

²⁸ Небольшое княжество Суй, принадлежавшее чжоускому клану Цзи, было вассалом царства Чу, располагалось на левом притоке р. Ханьшуй (см. карту 1).

²⁹ Ханьчуань – в уезде Аньлу пров. Хубэй.

³⁰ В тексте Цзы-ци титулован как *ван-цзы* 王子 – «княжич», «сын вана»; однако в *Цзо чжуань* (под 4-м годом Дин-гуна) Цзы-ци обозначен другими знаками 子期, а в комментарии сообщается, что он был сыном не Чжао-вана, а его старшего брата (ШСЦ, т. 32, с. 2213). В гл. 40 *Ши цзи* он же назван просто «слуга, сопровождавший вана» (Истзап, т. V, с. 199). Объясняется этот разнобой, видимо, неточностями в использованных Сыма Цянем источниках.

³¹ В примечании к гл. 40 мы уже касались эпизода осквернения могилы и останков Пин-вана (Истзап, т. V, с. 290, примеч. 84).

³² Циньский Ай-гун правил в 536–501 гг.

³³ Цзи – небольшое владение, находившееся на территории совр. уезда Тунбо пров. Хэнань (см.: Истзап, т. V, с. 199, 290). Существовало не менее трех Цзи с таким названием.

³⁴ Танци (Танси) – город и владение у северных границ Чу (см. карту 3).

³⁵ Пань – согласно Э.Шаванну, в уезде Поян пров. Цзянси. Новая чуская столица Жо располагалась севернее прежней, на левом берегу р. Ханьшуй, и была вне досягаемости усюх боевых судов (см. карту 1).

³⁶ Об этом назначении Сыма Цянь упоминал не раз (см.: Истзап, т. II, с. 36; т. III, с. 212; т. V, с. 59, 199). О нем без каких-либо оговорок сказано в биографии Конфуция (Истзап, т. VI, гл. 47, с. 191). Однако Лян Юй-шэн считал данное утверждение ошибкой [246, кн. 11, гл. 27, с. 18]. Цянь Му в специальном исследовании «Хронология жизни Конфуция» также не упоминает об этом назначении (см. [285, с. 79]). Возможно, прав. Э.Шаванн, который пришел к выводу, что Конфуций мог временно исполнять должность первого советника, не получив титул *сяна* [113, т. V, с. 320, примеч. 4].

³⁷ Гора Гусу находится на территории совр. уезда Усянь пров. Цзянсу (см.: Истзап, т. IV, гл. 30, с. 318, примеч. 48). При переводе гл. 31 идентификация Гусу проведена нечетко (Истзап, т. V, с. 35, 226). Следует также отметить, что место сражения, упомянутое Сыма Цянем в гл. 31 (гора Гусу), отличается от указанного в гл. 41 – Цзуйли (Истзап, т. VI, с. 16).

³⁸ Фуцзяо также находилось на территории совр. уезда Усянь пров. Цзянсу.

³⁹ Гора Гуйци находится на территории совр. уезда Шаосин пров. Чжэцзян.

⁴⁰ О трактовке этого места см. примеч. 64 к гл. 31 (Истзап, т. V, с. 226).

⁴¹ Циский Цзин-гун (по имени Чу Цзю) правил в 547–490 гг.

⁴² Имеется в виду, что Гоу Цзянь забыл о радостях жизни и думает лишь об одном – отомстить У за поражение под Фуцзяо и Гуйци.

⁴³ В гл. 31 мы отмечали несовпадение датировки указанных событий (поход на Ци и др.) с данными *Цзо чжуань*. Об этом пишет и Такигава [262, т. VII, с. 3333].

⁴⁴ Пань Гэн – один из правителей дома Инь (согласно традиции, правил в

1401–1374 гг.). В «Обращении Пань Гэна», приведенном в *Шаншу* (см.: ШСЦ, т. III, гл. 9, с. 316), вполне в духе того времени содержится угроза расправы со всеми непокорными.

⁴⁵ Бао Му (Бао-цзы) – циский сановник, видный деятель первой трети V в. Подробнее о нем см.: Истзап, т. V, с. 60–61.

⁴⁶ То есть гора Сюя. История гибели У Цзы-сюя с несколько иными подробностями описана и в гл. 31 (Истзап, т. V, с. 37, 228). Там же мы отмечали, что его «завещание» встречается в ряде древних источников (*Го юй*, *Люй-ши чунь-цю*, *Чжуан-цзы* и др.), став фольклорно-исторической традицией.

⁴⁷ Здесь явное смешение имен и событий: Дао-гуна (488–485 гг.) как раз и звали Ян-шэн. Однако он был убит действительно членом рода Бао – Бао-цзы в 485 г. (см.: Истзап, т. III, с. 220, 222; т. V, с. 61).

⁴⁸ Тогао – город у восточной границы Чу (см. карту 1).

⁴⁹ Хуанчи – вэйский город в 35 км к северу от Даляня.

⁵⁰ Аналогично перевели Ф.Йегер [338, vol. 7, 1960, с. 14] и Чэнь Юйфу [218, с. 930]. В.А.Панасюк явно ошибся в этом месте, переведя «подобно чжоуским царям» [84, с. 91].

⁵¹ Чуский Хуэй-ван по имени Чжан правил в 488–432 гг.

⁵² Е-гун – правитель одного из небольших княжеств, вассал Чу. Его имя упоминается в главах 14, 36 и 40 *Ши цзи*.

⁵³ Видимо, речь идет о том населенном пункте Янь, который располагался севернее чуской столицы Ин, на р. Ханьшуй (см. карты 1, 3).

⁵⁴ Смерть У Цзы-сюя выше датировалась 485 годом. Лян Юй-шэн предлагает заменить слова «через три года» на «через четыре года» [246, кн. 11, гл. 27, с. 21]. Однако, согласно Таблицам, возвращение Шэна в Чу произошло в 487 г., т.е. за два года до казни (Истзап, т. III, с. 220). Датировка этих событий неточна, что отметил и Р.С.Рудольф [338, vol. 9, 1962, № 1, с. 115, примеч. 55].

⁵⁵ Как известно из гл. 40, Ши Ци служил при Бай-гуне и отличался большой физической силой. Отметим, что там эпизод с Цюй Гу был переведен нами неточно (см.: Истзап, т. V, с. 201).

Глава шестьдесят седьмая

¹ Жизненный путь Конфуция – Чжун-ни, Кун-цзы (551–478 гг.) был описан Сыма Цянем в гл. 47 (Истзап, т. VI). В гл. 67 даны краткие очерки и отрывочные сведения о наиболее известных учениках философа. Основой для этих материалов послужил автору в первую очередь текст *Лунь юя* (это название переводилось на русский язык по-разному – «Суждения и беседы» В.М.Алексеевым, «Беседы и высказывания» В.А.Кривцовым, «Изречения» И.И.Семененко). Отметим, что Сыма Цянь распоряжается текстом *Лунь юя* достаточно свободно: он не только манипулирует фрагментами, но также изменяет последовательность фраз и действий персонажей. Видимо, причины этого не только в том,

что историк решал собственные задачи, но и в том, что он располагал различными версиями *Лунь юя* и комментариев к нему.

Гл. 67 *Ши цзи* переведена полностью на немецкий язык Г.Платом [184], частями на английский – Б.Уотсоном и Г.Крилом и др. Мы использовали также перевод главы на байхуа, сделанный Чжан Цзыляном [218, т. 2, с. 933–963]; на совр. японский язык Отаке [252, *Ле чжуань*, кн. 1, с. 50–78] и многочисленные комментарии, в первую очередь Такигавы, Мидзусавы, Лян Юй-шэна и др.

² Число «ближайших» учеников Конфуция в разных источниках, да и у самого Сыма Цяня, варьирует: в гл. 47 называлось 72 человека (Истзап, т. VI), в данной главе говорится о 77, а в *Лунь-ши чунь-цю* – о 70 (ЧЦЦЧ, т. VI, с. 153). Учитывая условность критерия «близость», различия между цифрами, на наш взгляд, не играют существенной роли.

³ Использование частицы *цзы* (子) в русскоязычной литературе не унифицировано. Академик В.М.Алексеев справедливо утверждал, что ее следует считать аналогом слов: *ага, бей, бек, хан* и т.п. [4, с. 431]. Что касается правописания этой частицы, то мы придерживаемся такого подхода: когда она является приложением к фамилии древнего мыслителя, политического деятеля, просто уважаемого человека (например, Кун-цзы, Мэн-цзы, Сюнь-цзы), мы пишем ее после фамилии через дефис и с малой буквы; когда этот знак является частью фамилии или прозвища (например, Цзы Во), следует писать его с большой буквы и отдельно.

⁴ Описания отдельных черт характера первых десяти учеников Конфуция (от Янь Юаня до Цзы Ся) встречаются в *Лунь юе* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 238).

⁵ В *Лунь юе* порядок перечисления последних шести учеников несколько иной: Чан, Шэнь, Ши, Ю, Хуэй, Цы (ЧЦЦЧ, т. I, с. 249–250). И.И.Семенов верно отметил естественную неоднородность в статусе учеников Конфуция. Он пишет: «Одним ученикам он объяснял все до конца, с другими, хотя и общался непосредственно, но до объяснений не снисходил, а многих вообще держал на положении благоговейно внимавших статистов, которые не могли вести с ним полноценный диалог» [80, с. 27].

⁶ Из перечисленных шести человек пятеро отличались высокими моральными качествами и не раз встречаются в древних текстах, в частности в *Да Дай ли*. Сомнительна лишь фигура луского Мэн-гун Чо (см. [246, кн. 12, гл. 28]).

⁷ Тунти – город и местность в княжестве Цзинь, позднее – в Хань (см. карты 1, 3).

⁸ *Жэнь* – одно из основных конфуцианских понятий – переводится на русский язык близкими по смыслу терминами: «человеколюбие», «гуманность», «милосердие», «истинно человеческое». Мы условно приняли перевод «человеколюбие» или «милосердие». И.И.Семенов справедливо подчеркнул: «Милосердие – поистине универсальный принцип, пронизывающий все остальные категории в учении Конфуция» [80, с. 181]. Новый, более широкий подход к трактовке *жэнь* мы находим в последней монографии Л.С.Васильева. По его мнению, *жэнь* – красота окружающего мира, «это истинная внутренняя ценность, причем колоссальной важно-

сти, без нее не сохранить уже достигнутых знаний. Обладание *жэнь* предполагает постоянное самоусовершенствование и накопление знаний» [14, с. 73].

⁹ Цитата из *Лунь юя* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 271).

¹⁰ Вновь цитата из *Лунь юя* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 135).

¹¹ Как поясняют комментариин, Янь Хуэй никогда не прерывал Учителя вопросами, но глубоко проникал в сущность услышанного, а когда оставался с другими учениками, растолковывал им понятия *Дао* и долга, вскрывая самую суть поучений Конфуция. Янь Хуэй был для философа примером того, сколь обманчива может быть внешность человека.

¹² Цитата из *Лунь юя* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 156).

¹³ Луский Ай-гун по имени Цзян правил в 494–468 гг. (см.: Истзап, т. V, с. 81–82, 306).

¹⁴ Идентичный текст с вопросом Ай-гуна и ответом Конфуция см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 131.

¹⁵ См.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 249. Имелось в виду, что Минь Сунь скорее скроется в захолустье, чем станет служить несправедливым властям.

¹⁶ Очевидно у Бо-ню было заболевание, считавшееся очень заразным. И.И.Семеновенко предполагает, что Бо-ню страдал проказой [80, с. 196]. Упоминание о болезни Бо-ню и словах Учителя по этому поводу см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 135.

¹⁷ Он тоже был лусцем. В *Соинь* со ссылкой на *Цзя юй* («Домашние беседы») говорится, что Чжун Гун был моложе Конфуция на 29 лет и происходил из того же рода, что и Бо-ню (см.: ХЧКЧ, т. VII, с. 3350).

¹⁸ В *Лунь юе* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 271) Чжун Гун спрашивает не о *чжэнь* (управлении), а о *жэнь*. Комментатор *Лунь юя* Лю Бао-нань (1820–1855) отметил это место в *Ши цзи* как ошибку, хотя ответ Конфуция вполне соотносится с термином *чжэнь*.

¹⁹ «Обратившись лицом к югу» (*наньмянь*), сидели государи и правители, в то время как чиновники и приближенные обязаны были сидеть лицом к северу.

²⁰ Как явствует из комментариев к *Лунь юю*, в Китае того времени на первом месте стояли жертвоприношения *Шанди* (Верховному владыке), и в этом случае никакие вольности относительно масти жертвенных животных не допускались; на втором месте стояли жертвоприношения духам гор и рек (*шань*, *чуань*), при которых условия были менее строгими.

²¹ Этот факт отмечен в *Мэн-цзы* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 302).

²² Цзи Кан-цзы – глава сильнейшего луского рода Цзи, которому в молодые годы служил сам Конфуций.

²³ Этот диалог приведен в *Лунь юе* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 92). Принципиальная мысль Конфуция о несовпадении деловых и нравственных качеств здесь очевидна, но конец фразы все же допускает два толкования: либо это отрицание *жэнь* у близкого ученика, либо констатация сложности постижения глубин души любого человека. Впрочем, последний вариант менее вероятен.

²⁴ Эти вопросы и ответы см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 265. Правда, в тексте *Лунь юя* первым спрашивает не Цю, а Цзы Лу.

²⁵ Лян Юй-шэн [246, кн. 12, гл. 28, с. 7] и Мидзусава [248, т. VI, гл. 67, с. 5] отмечают, что в сунском издании *Ши цзи* отсутствует от 5 до 8 последних знаков ответа Конфуция.

²⁶ Бянь – селение, с эпохи Хань – уездный город. Располагался в совр. уезде Сышуй пров. Шаньдун. Это также и место рождения Чжуан-цзы.

²⁷ Словосочетание *цзя чжу* Чжан Цзылян перевел как «спылки кабана», носимые на пояс с целью устрашения [218, т. 2, с. 936], однако Хун И-сюань (1765–1833) объясняет это понятие иначе: «ножны для меча, сделанные из кабаньей кожи» [262, т. VII, с. 3352]. Аналогичен и перевод Отаке [252, с. 53]. Правильность последней трактовки косвенно подтверждает и текст *Чжуан-цзы* (ЧЦЦЧ, т. III, гл. 8, с. 197), где разбойник Чжи, выступая с обвинительной речью против Конфуция, о кабаньих клячках не упоминает: «Это ты заставил Цзы Лу своими сладкими речами следовать за собой, он снял свою шапку храбреца, отвязал свой длинный меч и стал воспринимать твои поучения» (цит. по [69, с. 296]).

²⁸ Посвящение в полноправные ученики сопровождалось вручением Учителю особых даров, символизировавших верность наставнику до смертного часа.

²⁹ См.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 291.

³⁰ Там же, т. I, с. 401.

³¹ И.И.Семенов справедливо подчеркивает неразрывность слова и действия в конфуцианстве: «Переход от слова к делу совершается в рамках единого процесса ритуализации. “Речь”-обряд переходит в “действие”-обряд» [80, с. 52].

³² См.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 91. Под словом *цай* – «древесина», «материал» – имеется в виду внутренний, сокровенный смысл поучений Конфуция, который для Цзы Лу, по мнению его наставника, был недоступен.

³³ См.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 191. Конфуций хотел подчеркнуть, что верные его ученики не смущались нищетой, убожеством одежды, всем тем, чего стыдились верхние слои общества. Налицо апология духа, которую И.И.Семенов в несколько экстравагантной формулировке описывает как «худородство, несущее печать высшей родovitости» [80, с. 235].

³⁴ Здесь очевидная аллегория: хотя Чжун Ю и приблизился к Учителю и слушает его поучения («поднялся в зал»), но не проник в суть и глубину его заветов («не вошел во внутренние покои»).

³⁵ См.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 108. В *Лунь юе* этот вопрос задает не Цзи Кан-цзы, а Мэн У-бо.

³⁶ Конфуций употребил слово *цзюйчэнь*, которое имеет два взаимоисключающих значения: «министр, опытный чиновник» и «бездеятельный чиновник», не способный быть настоящим государственным деятелем и заботящийся только о своей карьере. Уничтожительные характеристики своим ученикам Конфуций давал не столь уж редко, но в данном случае негативная оценка была бы нелогичной.

³⁷ Пу (или Пучэн) – поселение в княжестве Малое Вэй, располагавшееся в 75 км к северо-востоку от Далияна (см. карту 3).

³⁸ Вэйский Лин-гун по имени Юань княжил в 534–493 гг. О перипетиях борьбы

в Вэй см.: Истзап, т. V, гл. 37.

³⁹ Судя по изложению в гл. 37 (там же, с. 118), Нань-цзы была не наложницей, а женой Лин-гуна – княгиней. Эту ошибку отметил и Лян Юй-шэн [246, кн. 12, гл. 28, с. 7].

⁴⁰ Вэйский Чу-гун Чжэ (внук Лин-гуна) правил в 492–481 и в 477–456 гг.

⁴¹ Этот эпизод в гл. 37 *Ши цзи* описан с незначительными отклонениями (Истзап, т. V, с. 120). Куй Куй (возможное чтение – Куай Куй) там ошибочно назван нами Куай-васм.

⁴² По мнению Ван Су (195–256 гг. н.э.), Цзы Лу был очень близок к Конфуцию, выполняя обязанности своеобразного телохранилителя – *шивэя* (см. [262, т. VII, с. 3356]).

⁴³ По мнению многих комментаторов (Сыма Чжэня, Чэнь Жэнь-си, Чжан Вэнь-ху и др.), фраза о посылке Цзы Гуна в Ци выглядит чужеродной в рассказе о Цзы Лу, хотя сам этот факт имел место.

⁴⁴ Хорошо известен способ добывания огня трением, причем в разные времена года древние китайцы использовали для этой цели различные сорта древесины. Ханьский Ма Юн (79–166 гг.) ссылается при этом на *Чжоу ли* (гл. *Юэ лин* – «Поведение по сезонам») (см.: ШСЦ, т. 21, *Ли цзи*, главы 14–17), где названы вяз и ива для весны, абрикосовое дерево и тутовник для лета, дуб для осени, сандаловое дерево для зимы.

⁴⁵ Весь эпизод с обсуждением проблемы траура мы находим в *Лунь юе* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 399–400).

⁴⁶ См.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 109. Это высказывание – аллегорическая констатация отсутствия способностей у Цзай Юя.

⁴⁷ Об *у-ди* – пяти легендарных императорах см. гл. 1 *Ши цзи* (Истзап, т. I, с. 133–149). В их число Сыма Цянь включал Хуан-ди, Гао-яна, Сюань-сяо, Яо и Шуня. Существуют и другие варианты этой пятерки (в *Ли цзи*, *Шаншу*).

⁴⁸ Город Линьцзы – столица княжества Ци. Находился на месте одноименного совр. города в пров. Шаньдун (см. карту 1).

⁴⁹ Как сообщалось в гл. 39 *Ши цзи*, в 481 г. циский Тянь Чан (или Чэн-цзы) убил своего правителя Цзянь-гуна (Истзап, т. V, с. 180). В *Люй-ши чунь-цю* упоминается другое имя чиновника – Чэнь Чан, который в борьбе за власть столкнулся с Цзай Юем (ЧЦЦЧ, т. VI, гл. 17, с. 213). Таким образом, правомерность упоминания Тянь Чана в этом контексте ставится под сомнение (см. [262, т. VII, с. 3358]). В *Цзо чжюань* фигурирует союзник Цзай Юя – Кань Чжи по прозвищу Цзы Во. Явно имела место путаница с именами участников этих сложных перипетий политической борьбы.

⁵⁰ См.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 109.

⁵¹ *Хулянь* – название жертвенных сосудов (коробов) для зерна в храме предков, употреблявшееся в эпохи Ся и Инь. В эпоху Чжоу назывались также *фуфу*. Подобное сравнение в устах Учителя, очевидно, означало одобрение качеств Цзы Гуна.

⁵² В *Лунь юе* этот же вопрос задает вэйский сановник Гунсунь Чжао (ЧЦЦЧ, т. I, с. 408).

⁵³ Этот отрывок см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 438.

⁵⁴ Цзы Ши (Гунсунь Лун), как отмечает Такигава [262, т. VII, с. 3361]), был моложе Конфуция на 53 года, т.е. был совсем юным в это время.

⁵⁵ В *Хань Фэй-цзы* эти события выглядят иначе. Там сказано, что цисцы напали на Лу и добились некоторых успехов, а миссия Цзы-гуна в Ци была неудачной (ЧЦЦЧ, т. V, с. 341). Другие главы *Ши цзи* также свидетельствуют об активной экспансии Ци: в гл. 14 констатируется захват в 487 г. трех луских поселений (Истзап, т. III, с. 220), а в гл. 32 говорится о захвате двух поселений (Истзап, т. V, с. 61).

⁵⁶ *Цзюнь* – мера веса, равная примерно 18 кг, следовательно, 1000 *цзюней* составляет около 18 т. Выражение *чжулян* (мелкие меры веса) в данном случае означает что-то мельчайшее, мизерное. Вся фраза имеет общефилософский смысл.

⁵⁷ Выражение *вань чэн* («десять тысяч боевых колесниц») являлось символом принадлежности к семи самым могущественным княжествам периода Чжаньго.

⁵⁸ *И* – мера веса в 20 *лян* (лан). *Лян* же составлял от 14,9 г (в период Чжоу) до 16,1 г (от Чжоу до периода Западная Хань). Следовательно, слиток золота в один и весил 300–320 г, а сто слитков, подаренных Цзы Гуноу, – более 30 кг.

⁵⁹ Здесь *цзюнь* – район; позднее этим словом обозначали область. Такигава отмечал, что в древности *цзюнь* был административной единицей меньше уезда и управлялся младшим сановником. Впрочем, слова «девять *цзюней*» он считал позднейшей вставкой [262, т. VII, с. 3367].

⁶⁰ Чжан Цзылян уверен, что речь идет о реке Цяньтан (218, т. 2, с. 944).

⁶¹ Уху («Пять озер») – другое название большого озера Тайху, фактически группы озер, объединенных общим названием.

⁶² Как явствует из *Цзо чжуань*, разгром усской армии и гибель У произошли на 22-м году правления луского Ай-гуна, в 472 г. Согласно тексту гл. 31 и 41 *Ши цзи*, усский ван Фу Ча не был убит, а покончил с собой (Истзап, т. V, с. 38; т. VI, с. 21).

⁶³ Роль Цзы Гуна в истории княжеств Лу, Ци, У, Цзинь, Юэ сверх всякой меры преувеличена в данной главе. Анализ раздела *Ши цзя* показывает, что имя Цзы Гуна (Дуаньму Цы) упоминается лишь дважды (главы 31, 33) в связи с выполнением (правда, успешным) далеко не судьбоносных дипломатических поручений луского Ай-гуна.

⁶⁴ Накаи Сэкигоку считает, что утверждение о службе Цзы Гуна в Лу и Малом Вэй ошибочно [262, т. VIII, с. 3369], но его активные действия в пользу Лу несомненны.

⁶⁵ Учэн – город на юге княжества Лу (см. карту 1).

⁶⁶ Смысл этой фразы в том, что в малом деле не требуется большого размаха и высоких принципов.

⁶⁷ Этот диалог см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 392.

⁶⁸ Цзы Ся приводит две строфы из *Шицзина* (см.: ШСЦ, т. V, с. 315). В русском переводе А.А.Штукина эти строки звучат иначе: «О как улыбки твои хороши и тонки. Резко сверкают в глазах твоих нежных зрачки... Виден узорный наряд под одеж-

дою из полотна» [93, с. 72]. Трактовка А.А.Штукина упрощает смысловой ряд и не совпадает с подходом Конфуция. Заметим, что вместо пары «простое полотно – узорчатое» можно переводить: «белый цвет – цветной узор, рисунок». Тогда мысль Конфуция облекается в эстетическую форму: «Белый – первооснова, узоры – вторичны». В этом ключе перевел и И.И.Семенов [42, с. 27], хотя завершающую часть диалога он понял, на наш взгляд, неверно.

⁶⁹ Имелись ввиду стихи и песни именно *Шицзина*. Нельзя не согласиться с Н.Т.Федоренко: «Стихи и песни *Шицзина* интересовали Конфуция прежде всего как исторический и философский материал» [93, с. 480].

⁷⁰ Этот диалог см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 252.

⁷¹ Там же, т. I, с. 136.

⁷² Как сообщал Сыма Чжэнь, в Сихэ была школа Цзы Ся и позднее храм его имени. У него было до 300 учеников [252, т. VII, с. 3371].

⁷³ Факт службы Цзы Ся у вэйского Вэнь-хоу, отмеченный и в тексте гл. 44 *Шицзи* (см.: Истзап, т. VI, с. 82), ставится под сомнение, так как Цзы Ся должно было бы быть к этому времени более 83 лет.

⁷⁴ История с потерей Цзы Ся зрения от долгого оплакивания своего сына была отмечена и в других памятниках древности, например, в *Хуайнань-цзы* (ЧЦЦЧ, т. VII, с. 110), в *Ли цзи* и т.д. Она перекочевала в ханскую литературу, и мы находим ее – с большим количеством деталей – у ханского философа Ван Чуна (27 – ок. 98 гг. н.э.) (см.: ЧЦЦЧ, т. VII, с. 57).

⁷⁵ Эти сентенции см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 44.

⁷⁶ См.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 334.

⁷⁷ Там же, т. I, с. 280.

⁷⁸ Имелся в виду один из двух луских Учэнов, расположенный на реке Цинхэ (см. карту 3).

⁷⁹ В прозвище Таньтай Ме-мина слог *юй* обозначался другим иероглифом, нежели в прозвище Цзэн Шэня (см. Указатель имен).

⁸⁰ Здесь в тексте памятника стоит фраза, дословный перевод которой таков: «Брали или давали, отвергали или принимали – обрели известность у *чжухоу*».

⁸¹ Ошибки Конфуция в отношении Цзай Юя и Цзы Юя отмечены и в *Хань Фэйцзы* (ЧЦЦЧ, т. V, с. 353), и у философа Ван Чуна (ЧЦЦЧ, т. VII, с. 26), а также в *Да Дай ли*. Об этом см. также у Лян Юй-шэна [246, кн. 12, гл. 28, с. 14].

⁸² О Ми Буци по прозвищу Цзы Цзянь см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 106. В *Цзя юй* говорится, что он был моложе Конфуция не на 30, а на 49 лет. Он умело управлял вверенной ему территорией, чем и заслужил высокую оценку Конфуция.

⁸³ Даньфу – селение в Сун, к северо-востоку от столицы Суйян (см карту 1, 3).

⁸⁴ См.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 300. Как отмечал Лян Юй-шэн, Юань Сянь назван в *Ли цзи* Чжун Сянем, в *Лунь юе* – иногда Юань Сы. В последнем варианте один знак из фамилии, другой – из прозвища – обычная для древних текстов путаница.

⁸⁵ О встрече Юань Сяня и Цзы Гуна и их диалоге писал Чжуан-цзы (ЧЦЦЧ, т. III, с. 191), их имена упоминаются и в *Ле-цзы* (там же, с. 79).

⁸⁶ Об этом см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 87.

⁸⁷ Легенда о могучем стрелке И, который сбил девять из десяти солнц, сжигавших землю, и совершил немало иных подвигов, существовала издревле (см. [97, с. 139–163]). Ао принадлежал к роду Ся-хоу и славился искусством управления лодкой. О легендарном правителе Юе и родоначальнике чжоусцев Хоу Цзи см.: Истзап, т. I, гл. 2 и 4.

⁸⁸ Здесь Сыма Цянь устами Конфуция цитирует *Шицзин*, строку из оды «Поручение правителю». Приведем перевод А.А.Штукина:

Если с пороком белейшая яшма жезла,
Тут бы шлифовка исправить порок помогла... [93, с. 380].

⁸⁹ Согласно *Лунь юю*, Конфуций беседовал о жизненных устремлениях с четырьмя учениками – Цзы Лу, Цзэн Дянем, Жань Ю, Гунси Хуа (см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 252–257). Сыма Цянь приводит лишь пожелание Дяня и реакцию на него Конфуция.

⁹⁰ В тексте *Ши цзи* в данном месте слова «продать» и «саркофаг» отсутствуют, но логика всего фрагмента и комментарии ханьского времени подсказывают именно такую реконструкцию.

⁹¹ Судя по комментариям, речь идет о конфуцианце Цянь Би по прозвищу Цзы Гун (или Цзы Юнь). Сыма Цянь иногда называет его Цзы Хуном, что, по мнению Пэй Иня, является ошибкой.

⁹² Чуньюй – уезд, начиная с эпохи Хань; находился на территории совр. уезда Аньцзо пров. Шаньдун [301, с. 827].

⁹³ Дунъю – в совр. уезде Чжучэн пров. Шаньдун.

⁹⁴ Цзычуань – в эпоху Хань владение и область; находилась на территории совр. уезда Шоугуан пров. Шаньдун.

⁹⁵ Данный абзац подтверждает широкое распространение идей *Ицзина* среди учеников конфуцианской школы (в Чу, Ци, Янь и Лу). Хотя *Ицзин* прямо не упоминается в *Лунь юе*, Сыма Цянь в биографии Конфуция говорит о старательном изучении последним этого памятника (см.: Истзап, т. VI, гл. 47). Н.И.Конрад утверждал, что «уже в ханьское время *Ицзин* был не только включен в конфуцианский канон, но и поставлен в нем на первое место» [38, с. 5].

⁹⁶ Возможно, текст здесь искажен, поскольку рост Цзы Гао оказывался менее 1 м (чжоуский *чи*) либо менее 138 см (*чи* в эпоху Чжаньго – Цинь – Западной Хань). В гл. 47 рост Конфуция, считавшегося очень высоким человеком, указан в размере 9 *чи* 6 *цуней* – величина, имевшая смысл только при чжоуском *чи* – 19,9 см (см.: Истзап, т. VI, с. 127, 324).

⁹⁷ Речь идет о селении клана Цзи в княжестве Лу. Однако в некоторых случаях в источниках стоит только один иероглиф – *хоу* (см., например: ЧЦЦЧ, т. VII, с. 85), в других случаях – только *фэй* (так и на карте 1). Мидзусава приводит четыре варианта названия этого места из различных списков *Ши цзи*, начиная с сунских, где иероглифа *хоу* нет [238, т. VI, с. 24]. Таким образом, двойное название – Фэйхоу – остается под вопросом.

⁹⁸ Глупость Гао Чая констатируется и в *Лунь юе* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 253). Вообще многих своих учеников Конфуций характеризует весьма резко (туп, глуп, разнуздан), в чем И.И.Семенов не без основания видит определенные черты юродства [80, с. 201]. Но в этом, возможно, проявилась и гордыня Учителя, явное пренебрежение ко многим своим ученикам.

⁹⁹ См.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 293.

¹⁰⁰ Согласно *Цзя юй*, у Ю Жо имелось прозвище Ю Цзы. На сколько лет в действительности Ю Жо был моложе Конфуция, установить трудно, так как в различных источниках фигурируют разные цифры: 13, 33, 36, 43 года (см. [246, гл. 28, с. 20]). Лян Юй-шэн склоняется к наименьшей разнице в их возрасте – 13 лет. Видно, эта версия логичнее объясняет пребывание Ю Жо в роли преемника Конфуция.

¹⁰¹ См.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 16–17.

¹⁰² Ю Жо привел строку из малой оды *Цзянь цзянь чжи ши* («Влажные скалы») (см.: ШСЦ, т. V, гл. 15, разд. III, с. 1270); в русском переводе А.А.Штукина она звучит так:

Месяц в созвездье стремится
Би перед буйным дождем [93, с. 323].

Созвездие *Би* («Виль») – 19-е из 28 зодиакальных созвездий по китайской классификации, вписывается в европейское созвездие Тельца (см.: Истзап, т. IV, гл. 27, с. 119).

¹⁰³ Рассказ о том, как Конфуций предсказал рождение пяти сыновей у Шан Цюя, помещен в *Цзя юй* («Домашние беседы») и связан там с искусством предсказаний, к которому Конфуций относился с известным предубеждением (см. [262, т. VII, с. 3387]).

¹⁰⁴ Система мер и весов в течение столетий в Китае претерпевала изменения как в наборе единиц, так и в их численных показателях (см. [48, с. 230–231]). Во времена Конфуция *фу* предположительно составлял 12 л, *юй* – примерно 174 л, *бин* – 310 л. Таким образом, 5 *бин*, поднесенных матери Цзы Хуа, представляли дар весом 1550 кг (об этом эпизоде упоминается в *Лунь юе*, см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 132).

¹⁰⁵ Луский Чжао-гун по имени Чоу правил в 541–510 гг. *Сыбай* – чиновничья должность в княжестве Чэнь и царстве Чу (соответствовала *сыкоу* в других княжествах).

¹⁰⁶ См.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 163.

¹⁰⁷ Смысл последней фразы неясен, так как время появления этих учеников у Конфуция осталось не отмеченным в тексте Сыма Цяня.

¹⁰⁸ В современном тексте *Цзя юй* он назван Ту по прозвищу Цзы Вэнь [262, т. VII, с. 3391].

¹⁰⁹ По тексту *Цзя юй*, его прозвищем было либо Цзы Цзи, либо Цзы Сю.

¹¹⁰ Согласно *Цзя юй*, Цзи – не имя, а прозвище.

¹¹¹ Считается сыном старшего брата Конфуция.

Глава шестьдесят восьмая

¹ Эта глава посвящена жизнеописанию Гунсунь Яна (390–338 гг.), выдающегося государственного деятеля и реформатора периода Чжаньго, больше известного в истории под именами Шан Яна или Шан-цзюня – правителя области Шан, пожалованной ему во владение. Гунсунь Ян был также известным теоретиком школы законников (или легистов) *фацзя*; он считается автором знаменитого трактата *Шан-цзюнь шу* («Книга правителя области Шан») в 26 главах, переведенного на многие языки, в том числе на немецкий – А.Пфицмайером [340, vol. 29, с. 98–114], на английский – Дж.Дьювендаком [132, с. 8–31]. Фундаментальный перевод на русский язык сделан Л.С.Переломовым [65].

При работе над главой в нашем распоряжении находились ее переводы на *байхуа*: Ван Босяна [220, с. 154–176], Чжуан Ваньшоу [218, т. 2, с. 955–963]; на современный язык – Отаке [252, *Ле чжуань*, т. I, с. 79–90]; а также вся комментаторская литература: *Ши цзи лин-линь*, труды Такигавы, Мидзусавы, Лян Юй-шэна.

² В четырех списках *Ши цзи* слово *гунцзы* отсутствует (см. [238, т. VI, с. 17]).

³ *Чжуншунцзы* – должность в свите знатного лица, чуть выше секретаря (*шэжэнь*).

⁴ Вэйский Хуэй-ван Ин правил в 370–335 гг. (см.: Истзап, т. VI, с. 84–87).

⁵ Этот отрывок, который начинается болезнью Гун Шу-цзо и заканчивается его смертью, можно найти в *Люй-ши чунь-цю* (ЧЦЦЧ, т. VI, с. 113).

⁶ Циньский Сяо-гун правил в 361–338 гг.

⁷ Циньский Му-гун правил в 659–621 гг. и имел титул *бо*.

⁸ То есть Гунсунь Яна, Яна из княжества Вэй.

⁹ «Истинными» *ванами* традиционно называли сяского Юя, шанского Тана, чжоуских Вэнь-вана и У-вана.

¹⁰ В числе гегемонов *ба* (или *бо*) наиболее известны: циский Хуань-гун, циньский Вэнь-гун, сунский Сян-гун, циньский Му-гун, чуский Чжуан-гун.

¹¹ Беседа циньского Сяо-гуна с тремя сановниками – Гунсунь Яном, Гань Луном и Ду Чжи – о путях управления государством и о законах заимствована Сыма Цянем (с отдельными иероглифическими заменами) из гл. 1 *Шан-цзюнь шу – Чэнфа* («Изменение законов») (ЧЦЦЧ, т. V, с. 1–2; русский перевод [65, с. 139–141]). *Цзо-шунчжан* – 10-й ранг в 20-ступенчатой титулатуре знатности в Цинь (см. [65, с. 300]). Лян Юй-шэн считал, что это назначение произошло позже [246, кн. 12, гл. 29].

¹² Система «пятерок» и «десяток» (*шиу*), связывающая взаимной ответственностью, породила в дальнейшем систему круговой поруки в деревне (*баоцзячжиду*), просуществовавшей в разных вариантах до XX в.

¹³ *Дайчжэ* – досл. «тот, кто ленится». Л.С.Переломов справедливо писал, что значение термина шире, чем «лентяй», «бездельник», чаще всего речь идет о тех, «кто не трудится в земледелии», и прежде всего о беднейшей части населения, не занятой в сельскохозяйственном производстве [65, с. 101].

¹⁴ Около 10 м.

¹⁵ Наследника звали Сы; это был будущий Хуэй Вэнь-цзюнь, правивший в

Цинь в 337–311 гг. (с 324 г. – под титулом Хуэй Вэнь-вана).

¹⁶ *Далянцзао* (то же, что и *дашанцзао*) – 16-й ранг знатности в Цинь. Таким образом, вэйский Ян «прыгнул» с 10-го ранга до 16-го, что свидетельствовало о его успешной карьере.

¹⁷ Аньи – первая столица Большого Вэй, располагалась в центре крупнейшей излучины Хуанхэ, в области Хэдун (см. карту 1). Считается, что в тексте ошибка, так как Аньи не был захвачен. Дискуссию о походе Шан Яна на Аньи см.: Истзап, т. II, гл. 5, с. 313–314, примеч. 142.

¹⁸ В реальности ситуация была сложнее. Первой циньской столицей действительно был город Юн (расположенный в 160 км к востоку от Сяньяна – см. карты 1, 2), который и позже сохранил определенное сакральное значение. Затем (в первой половине IV в. до н.э.) столичные функции короткое время выполняли города Цзиньян и Лиян. И лишь в середине IV в. столицей княжества и впоследствии империи Цинь становится Сяньян. Из гл. 5 известно, что Лиян стал столицей в 383 г., а Сяньян – в 349 г. (см. карту 2).

¹⁹ Краткая оценка административных новаций и реформ в земледелии была дана в примеч. 143 и 144 к гл. 5 (Истзап, т. II, с. 314).

²⁰ Унификация мер, проведенная в княжестве Цинь при Сяо-гуне, явно послужила моделью аналогичной всекитайской реформы в империи Цинь в 221 г. (см.: Истзап, т. II, гл. 6, с. 65).

²¹ Слово «вновь» здесь неуместно. Возможно, имеется в виду еще одно нарушение закона близким родственником *вана*.

²² Присылка жертвенного мяса чжоуским *ваном* Сяо-гуну указывала на возросшую силу Цинь и явное заискивание чжоуского дома перед правителем Цинь. Согласно гл. 5 и 15 *Ши цзи*, этот дар был сделан раньше, еще в 360 г.

²³ В дословном переводе этого выражения отношения между Цинь и Вэй сравниваются с болезнью желудка или сердца.

²⁴ Чжуан Ваньшоу считает, что речь идет о горной гряде Чжунтяо, находящейся в пров. Шаньси [210, с. 199].

²⁵ Область Шан – юго-восточный район циньского княжества, зона циньско-чжоуского противостояния (см. карты 1, 2).

²⁶ Относительно срока службы Гунсунь Яна в Цинь существуют разные мнения: судя по *Чжаньго цэ* (гл. *Цинь цэ*), он составлял восемь лет; Лян Юй-шэн считает, что следует говорить более чем о 20 годах (см. [262, т. VII, с. 3410; 246, кн. 12, гл. 29, с. 2]). Текст *Ши цзи* позволяет утверждать, что вэйский Ян прибыл в Цинь не позднее 360 г., а трагически погиб в 338 г. (Истзап, т. II, с. 40; т. III, с. 264–272).

²⁷ Чжао Лян – один из известных мудростью отшельников в Цинь.

²⁸ Речь идет о Байли Си, который служил советником во владении Юй и, попав в плен к цзиньцам, был выкуплен, согласно широко ходившей легенде, циньским Му-гуном за пять бараньих шкур. (Дискуссию о биографии Байли Си см.: Истзап, т. II, с. 298–299.) Добавим, что из разных версий Сьма Цянью больше им понировала именно идея «выкупа», изложенная в главах 39 и 47 (Истзап, т. V,

с. 147; т. VI, с. 128).

²⁹ Эта цифра неверна. Попав к Му-гуну в 655 г., Байли Си еще выполнял функции *сяна* в 627 г. (см.: Истзап, т. II, с. 23–29).

³⁰ Имеются в виду цзиньские правители Хуэй-гун (650–637 гг.), Хуай-гун (637 г.), Вэнь-гун (636–628 гг.).

³¹ Ю-юй был родом из княжества Цзинь; он бежал к *жунам*, откуда его послали к циньскому Му-гуну ознакомиться с методами управления. Подробнее о его миссии см.: Истзап, т. II, гл. 5, с. 30–32.

³² Цитата из *Сяншу*, «Ты на крысу взгляни» – одна из песен царства Юн (ШСЦ, т. V, с. 299). В русском переводе А.Штукина:

Посмотри ты на крысу – лапы как надо.
Человек! А ни чина у тебя, ни обряда!
Коль ни чина нет у тебя, ни обряда,
Что же, смерть до срока тебе не награда? [93, с. 65].

³³ Этих строк в дошедшем до нас тексте *Шицзина* нет, они утрачены. Ван Босян считает, что они были в числе строф, удаленных Конфуцием при редакции канона [220, с. 173, примеч. 191].

³⁴ Этих слов в сохранившемся тексте *Шуцзина* нет. По-видимому, Сыма Цянь пользовался более ранним текстом канона.

³⁵ Мянъчи – местность и город в княжестве Чжэн, позднее – в Хань, но на стыке границ Цинь, Вэй и Хань (см. карты 1, 2). В *Льюй-ши чунь-цю* причиной ненависти циньского Хуэй-вана к Шан Яну названы подозрения в опасных замыслах против *вана* (ЧЦЦЧ, т. VI, с. 288).

³⁶ В дошедшем до нас тексте *Шан-цзюнь шу* («Книги правителя области Шан») *Кайсай* (в переводе Л.С.Переломова – «Открытые и закрытые пути» [65, с. 175–180]) является седьмой главой (ЧЦЦЧ, т. V, с. 15–18); главы *Гэн чжань* («Пахота и война») в сохранившемся тексте нет, но большинство исследователей считает, что речь идет о третьей главе нынешнего памятника – *Нун чжань* («Земледелие и война») (ЧЦЦЧ, т. V, с. 5–8; в русском переводе – [65, с. 148–156]).

Глава шестьдесят девятая

¹ Су Цинь – видный военный и государственный деятель периода Чжаньго. В *Хань шу* он упоминается как автор книги *Су-цзы* [211, кн. III, гл. 30, с. 1739]. Этот труд содержит 31 главу и относится к сочинениям школы *цзунхэнцзя*, которая в литературе именуется по-разному: школой сторонников союзов *хэцзун* и *ляньхэн* (речь о них пойдет ниже), школой дипломатов [10], полемистов-эклектиков, софистов-политиков [8]. Жизнеописание Су Циня давно привлекало внимание многих западных синологов. Переводы его биографии были сделаны А.Пфицмайером [340, vol. 32, 1860, с. 642–684], П.Тьюниссеном [197, с. 19–34], Г.Масперо [175, с. 127–141], частично – А.Форке [135, с. 493]. Эпilog главы переведен Б.Уотсоном [203, с. 191]. На

русский язык полный перевод главы осуществлен В.А.Панасюком [84, с. 93–120]. В нашем распоряжении был также перевод главы на байхуа, сделанный Янь Куньяном [218, т. 2, с. 965–993], на совр. японский язык – Отаке [252, *Ле чжуань*, кн. 1, с. 91–121] и соответствующие комментарии.

² Гуй Гу-цзы относился к той же школе *цзунхэнцзя*. Сочинение в трех главах под его именем также упоминается в *Хань шу* [209, с. 1769].

³ Под *Чжоу шу* («Книгой царства Чжоу») можно понимать разные сочинения. Возможно, это часть известного памятника *Шаншу* («Книга истории»), главы 11–20 которого посвящены делам и героям Чжоу и объединены под общим названием *Чжоу шу* (см.: ШСЦ, т. III–IV, с. 361–747). Это также может быть сочинением *Чжоу шу*, состоявшим из 71 главки, отмеченным в *Хань шу* и, следовательно, еще существовавшим в I в. н.э., но позднее утраченным (см. [219, т. III, гл. 30, с. 1705]). И наконец, это может быть указанием на сходное сочинение, тоже не сохранившееся, – *И Чжоу шу* («Утраченное *Чжоу шу*»). Мнения ученых о *Чжоу шу* и реальности его существования расходятся. Большинство средневековых комментаторов не считает его произведением чжоуского периода (обзор их взглядов см. [292, с. 33–34]).

Иньфу, или *Иньфу цзин* гипотетически считается произведением легендарного первопретка китайцев Хуан-ди, состоит из одной главы (*цзюаня*) и посвящено военным вопросам. Считалось также, что существовали комментарии к нему военных деятелей древности и средневековья: Тай-гуна, Фань Ли, Гуй Гу-цзы, Чжан Ляна, Чжугэ Ляна, сунского философа Чжу Си и др. (см. [283, т. IV]).

⁴ Бином *чуй мо* следует понимать в глагольном значении: «осознать, догадаться». Сунский Пэй Инь и наш современник Янь Куньян считают эти слова названиями глав сочинения Гуй Гу-цзы, однако такое мнение спорно.

⁵ Чжоуский Сянь-ван правил в 368–321 гг.

⁶ Видный циньский государь, один из гегемонов Сяо-гун правил в 361–338 гг.

⁷ В тексте стоит просто Хуэй-ван, хотя в 337–325 гг. он носил титул Хуэй Вэнь-цзюнь, а в 324–311 гг. – Хуэй Вэнь-ван (см.: Истзап, т. II, с. 500).

⁸ Имеются в виду горные проходы и заставы Ханьгу, Пуцзинь и Лунмэнь.

⁹ Ханьчжун представлял собой обширную область в верхнем течении р. Ханьшуй, располагался не на западе, а к югу от Сяньяна (см. карты 1, 2).

¹⁰ Царства Ба и Шу располагались на территории совр. пров. Сычуань (см. карты 1, 2); были отвоеваны циньцами у царства Чу.

¹¹ Город Ман находился в 20 км к северо-востоку от совр. уездного города Шосянь в пров. Шаньси.

¹² Этот диалог в несколько ином изложении и с большими подробностями мы находим в *Чжаньго цз* (глава *Цинь цз*). «Культурологическая» аргументация в устах циньского *вана* выглядит довольно нелепо, хотя ее и можно интерпретировать как откровенное нежелание вступать в контакт с Су Цинем.

¹³ Чжаоский Су-хоу правил в 349–326 гг.

¹⁴ Яньский Вэнь-хоу, или Вэнь-гун правил в 361–333 гг.

¹⁵ Речь идет о так называемых «китайских финиках» (другие название: *юйюба*,

унаби), гораздо менее сладких и не имеющих никакого отношения к финиковой пальме.

¹⁶ Изобилие в северном княжестве Янь явно преувеличено, хотя многие упомянутые в монологе Су Циня географические и этнические сведения в целом отвечают реальным фактам. Ляодун – район к востоку от р. Ляохэ, тогда еще не освоенный китайцами, позднее – циньская область. Чаосянь – район к северо-западу от Ляодуна. О северо-западных племенах *лоуфаней* и *линью* см.: Истзэл, т. II, с. 405, примеч. 196. Горный район Юньчжун в тот момент принадлежал княжеству Чжао, в империи Цинь стал областью, ныне – часть территории совр. автономного района Внутренняя Монголия. Цзююань – область на левобережье северной излучины Хуанхэ (см. карту 1). Цзеши и Иньмэнь – названия гор в княжестве Янь. Го Сунтао справедливо замечает, что эти два горных района не могли быть изобильными, а главный массив богатых земель лежал далее к югу [230, с. 254].

¹⁷ Шангу – обширный район, включавший территории совр. уездов Исянь, Сюаньхуа и др. в пров. Хэбэй. Позднее, в империи Цинь, Шангу – целая область, включавшая всю северную часть Хэбэя. Маршрут из Цинь в Янь через Цзююань выглядит более чем странно.

¹⁸ Дунъюань находился на землях совр. уезда Юаньцой пров. Шаньси.

¹⁹ В период Чжаньго перед лицом экспансии и растущей силы Цинь была выдвинута идея союза его противников – *хэцзун*, объединившего княжества «по вертикали» (с севера на юг). Главным инициатором и пропагандистом создания этой коалиции, куда входили Янь, Чжао, Хань, Вэй, Ци и Чу, был Су Цинь. Дипломатия Цинь, со своей стороны, противопоставила «вертикальному» объединению союз «по горизонтали» (с запада на восток) – *ляньхэн*, стремясь заключать сепаратные соглашения с отдельными участниками первой коалиции и разрушая таким образом их единство (подробнее см.: Истзэл, т. I, гл. 4, примеч. 249). В тексте данной главы второй союз обозначен одним словом *хэн*.

²⁰ Вэй – одно из семи сильнейших княжеств в период Чжаньго; после переноса вэйским Хуэй-ваном в 362 г. столицы из Аньи в Далин это княжество стали называть также и Лян (см. [283, т. II, с. 1575]). Сыма Цянь использовал оба названия. Чжуншань – небольшое княжество, находившееся между Чжао и Янь; после длительного военного противостояния аннексировано Чжао в 295 г. (см. карту 1).

²¹ *Танму* – так называемые «банные подворья» (в Чжоу) и «банные поместья» (в Цинь и Хань). Подробнее см.: Истзэл, т. IV, с. 320, примеч. 7.

²² Иян – крупный ханьский город с большим гарнизоном (см. карты 1, 2).

²³ Шанцзюнь – земли на правобережье Хуанхэ (см. карту 1).

²⁴ Чжидэо находился вблизи Сяньяна, столицы Цинь. Остается неясным, какая связь между этим циньским городом и ханьским районом Наньян на левом берегу Хуанхэ (см. карты 1, 2). Возможно, существовал и вэйский (или ханьский) Чжидэо.

²⁵ Вэйский Цюаньчэн находился на территории совр. уезда Юань пров. Хэнань, севернее Хуанхэ.

²⁶ Существует несколько рек под названием Чжаншуй; одна из них огнибает го-

род Ханьдань с юга (см. карту 3). Панью находились далеко на север от Ханьдани, на территории княжества Чжуншань, аннексированного Чжао (см. карту 1). Если переправляться через упоминаемый Чжаншуй, неясно, зачем штурмовать Панью.

²⁷ Горы Чаншань (или Хэншань) находятся в уезде Чжучэн пров. Шаньдун. Чжанхэ – то же, что Чжаншуй (см. примеч. 25).

²⁸ Хуаншуй – небольшой левый приток Хуанхэ, берущий начало на восточных склонах хребта Тайхан (см. карту 3).

²⁹ Чэнгао – ханьский город, который находился примерно в 130 км к западу от вэйского Даляна (см. карты 1, 3).

³⁰ Местоположение Богуаня установить не удалось.

³¹ Угуань – горный проход, служивший пограничной заставой между Чу и Цинь (см. карты 1, 2).

³² Весь разговор Су Циня с чжаоским ваном помещен в *Чжаньго цэ* (глава *Чжао цэ*).

³³ Как явствует из гл. 5 *Ши цзи*, это произошло в 334 г. при чжоуском Сяньване. Присылка *чжухоу* жертвенного мяса из того, которое подносилось духам основоположников чжоуской династии Вэнь-вана и У-вана, была выражением подобоострастного отношения к правителю Цинь со стороны чжоуской власти.

³⁴ В *Чжуан-цзы* (ЧЦЦЧ, т. III, гл. 7, с. 169) и в работах средневековых китайских комментаторов иероглифы *сишоу* (犀首) (досл. «голова носорога») трактуются как звание, присваивавшееся в эпоху Чжоу наиболее отличившимся военачальникам. Однако специальный анализ показал, что Сыма Цянь нигде не использует эти иероглифы в таком значении; он обозначал ими только прозвище уроженца вэйского Иньцзиня, военачальника и политического деятеля Гунсунь Яня, чья карьера, видимо, началась в Цинь, где в 333 г. ему пожаловали титул *далянцзао* (Истзап, т. II, с. 42; т. III, с. 274). Текст *Ши цзи* (главы 5, 40, 44, 69 и 70) позволяет утверждать, что Си-шоу в разное время служил Цинь, Вэй, Хань и снова Цинь, хотя в гл. 70 говорится, что таких княжеств было пять. В целом нашей трактовке соответствует и позиция Сыма Гуана (ЧЦЦЧ, т. I, гл 3, с. 99). В связи с изложенным следует признать неверным использование нами прозвища Си-шоу как термина *сишоу* при переводе гл. 44 (Истзап, т. VI, с. 88–89).

³⁵ В гл. 5 *Ши цзи* взятие в плен Лун Цзя приписывается князю Ану, а не Си-шоу (Истзап, т. II, с. 42). Дяоинь располагался в Хэвае, на территории совр. уезда Фусянь пров. Шэньси.

³⁶ О нем см. гл. 70.

³⁷ Ханьский Сюань-ван правил в 332–312 гг. (см.: Истзап, т. VI).

³⁸ Гун располагался юго-западнее Чэнгао (см. карту 3); местоположение Шаньбани установить не удалось; Юань и Жан находились к югу от Ияна; горы Синшань находятся на юго-западе совр. уезда Синьчжэн пров. Хэнань. Если обратиться к картам 1 и 3, то бросится в глаза ошибочность некоторых локализаций Су Циня: Гун и Чэнгао вовсе не на севере, а в центре княжества, Жан и Юань не на востоке, а на юге, и вообще принадлежали Чу, а не Хань.

³⁹ Гора Миншань (совр. название Шичэншань) находится в совр. уезде Синьян пров. Хэнань; Моян (Мошань) – горы в пров. Хэнань; местоположение Хэфу, Дэнши и Юаньфэн установить не удалось; Лунъюань – гора, где добывался металл для выделки мечей [288, с. 1629], находится на юге совр. уезда Лунцзоань пров. Чжэцзян, однако едва ли такие далекие земли входили в состав княжества Хань; Тайэ, как сообщает *Цы хай*, – название не географического пункта, а знаменитого меча периода Чуньцо.

⁴⁰ Вся тирада Су Циня, обращенная к ханьскому *вану*, полностью приведена в *Чжаньго цэ* (гл. Хань цэ) (ЧЦЦЧ, т. III, с. 69-70).

⁴¹ Вэйский Сян-ван правил в 334–319 гг.

⁴² Река Хунгоу частично совпадает с совр. рекой Цзялухэ в Хэнани (см.: Истзап, т. II, с. 407, примеч. 208); населенные пункты Чэнь, Сюй, Янь, Куньян, Чжаолин и Уян располагались в пограничном районе между Вэй и Чу (см. карту 3); Синьду располагался на землях совр. уезда Синь пров. Хэнань; Синьси – на территории совр. уезда Тайхэ пров. Аньхой.

О координатах «восточных» пунктов: Хуай и Ин тракуются Накан Сэжитоку как реки Хуайхэ и Инхэ [262, т. VII, с. 3442], хотя взгляд на карту 1 не может не породить сомнения в такой локализации; Чжуцзао – город, находившийся на территории совр. уезда Гоуцзэ пров. Шаньдун [301, с. 1035]; местоположение этого, якобы восточновэйского, Усюя установить не удалось.

«Северные» координаты также вызывают недоумение, так как Хэвай расположен строго на западе Вэй, а Цюань (в гл. 5 ошибочно поименован Цюанем – Истзап, т. II, с. 48, 327), Янь и Суаньцзао – пусть и к северу от Дальяна, но вовсе не на границе (см. карты 2, 3).

⁴³ О юэском *ване* Гоу Цзяне см. гл. 41 *Ши цзи* (Истзап, т. VI). Ганьсуй находился на территории совр. уезда Усянь пров. Цзянсу. Следует отметить, что в соответствующих местах глав, посвященных княжествам У и Юэ, Ганьсуй не упоминается и отсутствует «романтический» аспект (см.: Истзап, т. V, гл. 31; т. VI, гл. 41).

⁴⁴ О борьбе У-вана с Чжоу Синем см. гл. 3 *Ши цзи* (Истзап, т. I). Мье – исторический район на левом берегу Хуанхэ между Хэнзем и Чжаогэ (см. карту 3).

⁴⁵ Вряд ли Су Цинь, недавно появившийся в Вэй, как и в других княжествах, мог обладать столь точными сведениями о численности их военных сил и резервов.

⁴⁶ В дошедшем до нас тексте *Чжоу шу* этих слов нет, очевидно, историк пользовался другой редакцией канона. В комментариях к этому месту в *Ши цзи пин-линь* [321, т. IV, гл. 69, с. 7] сообщается об обнаружении сходного текста в надписи на спине металлической статуи в одном из чжоуских храмов, что подтверждает распространенность этого образа в то время.

⁴⁷ Цинский Сюань-ван правил в 342–324 гг. (см.: Истзап, т. III, гл. 15).

⁴⁸ Горный массив Ланье находится на юго-востоке совр. уезда Чжучэн пров. Шаньдун; море (залив) Бохай – это совокупность северо-западных заливов Желтого моря между Шаньдунским и Ляодунским полуостровами.

⁴⁹ Здесь фигурируют различные древние музыкальные инструменты: *юй* – полифоническая свирель, состоявшая из 20–30 бамбуковых дудочек (древний образец такой свирели в 1972 г. был найден в Мавандуе); *сэцинь* – гусли и цитра с разным количеством струн; *чэжу* – гусли с 13 струнами.

⁵⁰ *Любо* – древняя игра в кости, типа шахмат. В игре участвовало шесть белых и шесть черных фигур. *Тицзюй (тацзюй)* – игра в мяч, напоминающая футбол.

⁵¹ Это описание столицы княжества Ци как огромного процветающего города использовал в своих трудах известный китайский историк Го Можо (см. [18, с. 68–69; 229, с. 39–40]). Несмотря на некоторые преувеличения, картина циской столицы адекватно отражает реальность.

⁵² Янцзинь находился на территории совр. уезда Юаньчэн, Канфу – совр. уезда Цзинин пров. Шаньдун.

⁵³ Чуский Вэй-ван правил в 339–328 гг. (о нем см.: Истзэл, т. V, гл. 40, с. 202).

⁵⁴ Области Цяньчжун и Уцзюнь располагались к западу от чуской столицы Ин (см. карту 1); Сячжоу – в районе Ханькоу в совр. пров. Хунань; местоположение Хайяна неясно; Цаньу находился на территории совр. пров. Хунань; крепость Синсай – в горах Синшань; Сюньян – чуский город в среднем течении р. Ханьшуй (см. карты 1, 2).

⁵⁵ В каждом из посещаемых княжеств Су Цинь, манипулируя данными о военно-стратегическом потенциале, сознательно завышал его, дабы польстить ванам, которых он склонял к союзу.

⁵⁶ Чжантай – терраса и дворцовое здание в комплексе Лигун циньской столицы Сяньян, где ван принимал своих вассалов и союзных князей.

⁵⁷ Речь Су Циня, обращенная к чускому вану, и ответ последнего излагаются и в *Чжаньго цз*, в главе *Чу цз* (ЧЦЦЧ, т. III, с. 171–173).

⁵⁸ Лоян – древний город, располагавшийся в 10–12 км северо-восточнее совр. Лояна, на правом берегу Хуанхэ. Был столицей Чжоу, позднее – империи Хань.

⁵⁹ Чжоуский Сянь-ван правил в 368–321 гг.

⁶⁰ Цзи-цзы, как сообщается в *Соинь*, – прозвище Су Циня.

⁶¹ Титулом Уань-цзюнь («правитель Уаня») в разное время награждались Ли Му, Су Цинь и Бай Ци (см.: Истзэл, т. II, гл. 5, с. 326, примеч. 225). По мнению Цуй Ши, этот почетный титул не был связан с территориальными пожалованиями, означая фигурально «воитель умиротворяющий».

⁶² Эти слова не соответствуют реальности, достижения же союза *хэцзун* были невелики. Продолжались внутренние столкновения, да и в борьбе с Цинь эта коалиция не одержала ни одной крупной победы.

⁶³ Яньский И-ван правил в 332–321 гг.

⁶⁴ Вэй Шэн – образец преданности в китайской литературной традиции.

⁶⁵ Гучжу-цзюнь – отец Бо И (см. гл. 61).

⁶⁶ Циский Минь-ван правил в 323–284 гг.

⁶⁷ Данные об этой военной кампании и сведения о разгроме трех армий слабого княжества Янь отсутствуют в других главах *Ши цзи* и в *Чжаньго цз*. Лян Юй-шэн

справедливо ставит под сомнение их достоверность [246, кн. 12, гл. 29, с. 8], с ним солидарен и Накан [262, т. VII, с. 3466].

⁶⁸ В Хронологических таблицах и в гл. 46 *Ши цзи* уничтожение княжества Сун войсками Ци отнесено к 38-му году правления цинского Чжао-вана, т.е. к 286 г., что соответствовало 26-му году правления яньского Чжао-вана, а отнюдь не Гуай-вана, который правил в 320–314 гг. (см.: Истзап, т. III, гл. 15, с. 293; т. VI, с. 121). Военно-стратегическая диспозиция, нарисованная в речи Су Дая, в наибольшей степени соответствует ситуации, сложившейся к 285 г. В данном фрагменте главы, видимо, произошло хронологическое смещение реальных событий конца IV – начала III в. Отсутствие надежных датировок в биографии Су Дая мешает доказательному анализу деформаций и определению вероятных лакунов в тексте памятника.

⁶⁹ В тексте – *цзюйфан*. Мы трактуем эти иероглифы не как название географического пункта, а как слова «мощные оборонительные сооружения».

⁷⁰ Лян Юй-шэн считает, что это событие относится ко времени не яньского Гуай-вана, а следующего правителя – Чжао-вана; в заложники был послан не сын, а младший брат [246, кн. 12, гл. 29, с. 8]. Это мнение разделяет и Такигава [262, т. VII, с. 3467].

⁷¹ Яньский Чжао-ван по имени Пин правил в 312–279 гг. Подробнее об этих событиях см.: Истзап, т. V, гл. 34, с. 87–89.

⁷² Этот образ – намек на то, что мощь Ци – дугая величина.

⁷³ Цзиньян-цзюнь Куй и Гаодин-цзюнь Сянь были, по мнению Сыма Чжэня, младшими братьями матери циньского вана.

⁷⁴ Местоположение Учжу установить не удалось, остальное – см. карты 1, 2. По карте 1 можно оценить масштаб стратегического замысла циньского вана. Неуместно лишь упоминание земель бывшего царства Ба.

⁷⁵ Излучина Шаоцой и горы Тайхан – см. карту 3; ханьский Пиньян – в среднем течении р. Фэньшуй (см. карты 1, 2); Синьчжэн (Чжэн) – четвертая столица Хань.

⁷⁶ Местоположение Нюйци не установлено; Тайюань – область, примыкавшая к северной границе Вэй; Наньянов в тогдашнем Китае было несколько, здесь имелась в виду ханьская область на левом берегу Хуанхэ; Фэн – горный район в гряде Тайхан; Ци находился в совр. уезде Хэцзинь пров. Шаньси; Жункоу – район устья р. Жун в пров. Хэнань; Вайхуан и Цзиян – города к востоку от Даяна; Сусюй – река (ныне не существует) и переправа с таким же названием у гор Сишань находились на территории совр. уезда Цзюньсянь; Усюй – севернее совр. Кайфына, Дуньцю – в совр. уезде Цзюньсянь (все – в Хэнани); Хэнэй – историческая область на северном берегу р. Хуанхэ, в ее нижнем течении (см. карты 1, 3).

⁷⁷ Чжаоский Линьши (или Лиши) находился на территории совр. уезда Лиши пров. Шаньси.

⁷⁸ Цзюньлин – район на юго-западе княжества Хань (см. карту 2); речь идет о чуском Наньяне, расположенном вдоль левого берега р. Ханьшуй (см. карту 2); Миньэ – горный проход через хребет Тунбошань (см. карту 1).

⁷⁹ Линьчжун – город в Хань. Цзяодун – восточные земли княжества Ци на территории совр. пров. Шаньдун; Цзиси – земли к западу от р. Цишуй в Шаньдуне.

⁸⁰ Цзяоши, Янма и Е – в тот период населенные пункты, принадлежавшие Чжао.

⁸¹ Имя Жан-хоу – Вэй Жань.

⁸² Датировка и некоторые обстоятельства поражения вэйских войск под командованием Лун Цзя не вполне ясны. Из гл. 5 *Ши цзи* явствует, что оно произошло в 331 г., потери вэйцев составили 80 тыс. человек, циньцами командовал царевич Ан (см.: Истзап, т. II, с. 42, 322). Согласно же гл. 15, в 331 г. ничего не произошло, а сражение имело место ранее – в 333 г. под Дяоинем (детали не приводятся) (Истзап, т. III, с. 274). А в гл. 44 (*Вэй ши цзя*) действие происходит также под Дяоинем, но в 330 г., и потери составили 45 тыс. человек (Истзап, т. VI, с. 87). Янь Куньян почему-то отнес дату сражения к 329 г. [218, т. 2], и уж явная ошибка у В.А.Панасюка, который перенес поражение Лун Цзя в 314 г., спутав последнего с вэйским Си-шоу, также потерпевшим поражение (см. [84, с. 119]).

⁸³ Победа Цинь под Аньмэнем имела место в 314 г. (см.: Истзап, т. VI, с. 102).

⁸⁴ Битва при Фэнлине и потеря его вэйцами произошли в 303 г.

⁸⁵ Ранее в *Ши цзи* эта битва не упоминалась. Местоположение Гаошана установить не удалось.

⁸⁶ Существует два варианта перевода этих знаков. По первому, Чжаочжуан – населенный пункт на территории совр. уезда Исаян пров. Хэбэй [301, с. 1131], однако в *Ши цзи* такой географический пункт нигде больше не упоминается. По второму варианту, Чжао Чжуан – имя чжаоского военачальника, служившего Улин-вану и попавшего в плен к циньцам (Истзап, т. II, с. 43; т. III, с. 283; т. VI, с. 60). Оба варианта не соответствуют мысли Су Дая, ибо упомянутые столкновения были мелкими. Весь последний пассаж выглядит странно, как если бы кто-то подменил места действительно кровопролитных циньских побед (под Даньяном в 312 г. и Сянчэном в 300 г. над Чу; под Ияном в 307 г. и Ицзоэ в 293 г. над Хань) на вполне заурядные столкновения.

⁸⁷ Сихэ – область в междуречьи Хуанхэ, к северо-востоку от переправы Байма (см. карты 1, 3); Шанло – вэйские земли, территория совр. уезда Шансянь пров. Шэньси; Саньчуань – район трех рек в княжестве Хань: Ишуй, Лошуй и Хуанхэ, вблизи Лояна.

Глава семидесятая

¹ Фигура Чжан И (ум. в 309 г.), видного политического деятеля эпохи Чжаньго, преданно служившего Цинь, одного из создателей союза княжеств «по горизонтали» – *ляньхэнь*, является как бы альтернативной описанному в предыдущей главе Су Циню (судя по деталям биографии, они были одного возраста). Имеются переводы этой главы на немецкий язык А.Пфицмайера [340, vol. 33, 1860], частичный перевод А.Форке [135, с. 497]; на английский – Ч.Питона [335, vol. 13, 1884–1885, с. 305–323];

на русский язык – В.А.Панасюка [84, с. 121–146]. В нашем распоряжении были также переводы главы на совр. японский язык Отаке [252, *Ле чжуань*, кн. 1, с. 122–151]; на *байхуа* – Янь Куньяна [218, т. 2, с. 995–1022]; весь корпус комментариев (Такигавы, Мидзусавы, Лян Юй-шэна и др.). Имя Чжан И неоднократно фигурирует в *Чжаньго цэ*.

² В тексте стоит иероглиф *цзюй* 卅, хотя большинство комментаторов полагают, что в данном месте должен стоять знак *Ба* 巴 – название соседнего с Шу царства. Однако следует учесть, что реально существовавшее владение Цзюй находилось в вассальной зависимости от Ба и потому нападение Шу на Цзюй автоматически вело к конфликту с Ба (не путать с другим владением Цзюй, располагавшимся между княжествами Ци и У).

³ Речь идет о Трехречьи (Саньчуань), которое неоднократно упоминается в *Ши цзи*. В период Чуньцзо так называли реки Цзиншуй, Вэйшуй и Лошуй в Шэньси, а в период Чжаньго – Ишуй, Лошуй и Хуанхэ в Хэнани, т.е. весь юго-запад княжества Хань (см. карты 1, 2).

⁴ Туньюло – крупный город (бывшая столица княжества Цзинь), расположенный в центре области Шандан (см. карты 1, 3).

⁵ Наньчжэн располагался на месте одноименного совр. города на юго-западе пров. Шэньси. Синьчжэн – ханьский город к югу от Лояна (см. карту 3).

⁶ *Цзюдин* – девять династийных треножников – символы высшей власти и девяти основных областей страны. По преданию, их отлил легендарный правитель Великий Юй. Считается, что иньский правитель Чэн Тан перенес треножники в Шан, а чжоуский У-ван – в столицу Лои, т.е. в Лоян. Войска князей, подступая к чжоуской столице, каждый раз домогались этих знаков царской власти.

⁷ В тексте: Сихай – досл. «Западное море». Но, как известно, на западе Кигтая находятся лишь пустыни; иносказание использовано здесь для того, чтобы подчеркнуть необозримость западных земель.

⁸ Титул *вана* первоначально носили только чжоуские правители, но с ростом сил *чжухоу* правители крупных княжеств и царств тоже стали именовать себя *ванами*, так было даже в варварском царстве Шу. *Хоу* в чжоуском Китае был третьим рангом знатности (после *гуна*). Здесь стоит отметить, что, согласно *Хуаян го чжи* [271, гл. 3, с. 29], в *Ши цзи* имеются неточности, поскольку в описываемое время шуский *ван* уже скончался и титул *хоу* был пожалован его наследнику Туну. К тому же, в данном фрагменте обнаруживаются временные деформации: завоевание Шу состоялось не вскоре, а через 12 лет после вступления Чжан И в должность *сяна*.

⁹ Вэйский Пуян располагался на юге области Дунцзюнь (см. карту 3). По данным *Бяо*, его захватил княжич Сан (Истзап, т. III, с. 276).

¹⁰ «Передача» носила, видимо, символический характер, так как область Шанцзюнь уже давно попала в зависимость от Цинь, а город Шаолян (см. карты 1, 2) был захвачен еще в 354 г. при Сяо-гуне (Истзап, т. III, с. 266). Знак *ся* в новом названии был связан с располагавшейся рядом горой Сяшань.

¹¹ Город Шэнь (полное название Шэньчэн) находился на территории совр. уезда Шэньсянь пров. Хэнань.

¹² Несан находился на территории совр. уезда Пэйсянь пров. Цзянсу. В гл. 5 и 15 ошибочно назван Всаном (Истзап, т. II, с. 42; т. III, с. 278).

¹³ Какой Цюйво захвачен – неясно, ибо в Вэй их было два: один находился чуть восточнее заставы Ханьгу, другой – примерно в 100 км на север; Пинчжоу располагался в среднем течении р. Фэньшуй (см. карту 1).

¹⁴ Вэйский Ай-ван правил в 318–296 гг.

¹⁵ Этот Гуаньцзинь находился в области Дунцзюнь. В гл. 15 использовано другое название – Гуаньцзэ с той же локализацией (Истзап, т. III, с. 280). Существовал и чжаоский Гуаньцзинь, недалеко от стыка границ Чжао, Янь и Ци (см. карты 1, 3).

¹⁶ Имеется в виду расстояние от ханьской столицы [Синь]чжэн до вэйской столицы [Да]ляна.

¹⁷ «Другое» Янь находилось в 50 км к северу от Даляна (см. карту 3); Мидзусава отмечает, что в семи ранних списках *Ши цзи* это Янь не встречается, но в *Чжаньго цэ* оно упоминается [248, с. 7].

¹⁸ Шан и Юй – циньские земли, узким клином разделявшие территории Цинь, Хань и Чу (см. карту 1).

¹⁹ Данный эпизод описан в различных главах *Ши цзи*, в *Хань шу* и *Чжаньго цэ* в двух вариантах (дискуссию об этом см.: Истзап, т. V, с. 293, примеч. 122).

²⁰ Даньян – район на левом берегу р. Даньшуй – спорные земли на границе Цинь и Чу; город Ланьтянь находился в 40 км к юго-востоку от циньской столицы Сяньяна (см. карту 2).

²¹ Большую часть описания этих событий мы находим также и в *Чжаньго цэ* (раздел *Цинь цэ*), однако Лян Юй-шэн считает факт передачи двух городов циньцам недостоверным, так как упоминание о нем отсутствует в других источниках [246, кн. 7, с. 12]. Отметим к тому же, что действия собственно циских войск в союзе с циньцами против Чу не находят подтверждения в других главах *Ши цзи*.

²² Шаньюн – город и район на северо-западе Чу, к тому времени уже захваченные Цинь (см. карту 1).

²³ И Накаи Сэкитоку [262, т. VII, с. 3503], и Лян Юй-шэн [246, кн. 1, с. 12] справедливо отмечают, что прошло уже 10 лет после смерти Су Циня и потому эта реплика выглядит сомнительной вставкой.

²⁴ Хэдун – вэйские земли в излучине Хуанхэ (см. карту 1).

²⁵ Вэньшань – горы, которые находятся в 350 км к юго-западу от первой циньской столицы Юн (см. карту 2). В тот период были заселены племенами хэй – юго-западными соседями цянов. Спускаясь на лодках по правому притоку р. Бацзян, циньские войска могли, хотя и с трудом, добраться до чуской заставы Ханьгуань на р. Янцзы.

²⁶ Застава Ханьгуань располагалась на западных границах Чу (см. карту 1).

²⁷ Еще минский Сюй Фу-юань отмечал, что земли княжества У к тому времени давно входили в состав Чу, и поэтому говорить о битвах чуского Хуай-вана с усца-

ми нелепо (см. [321, т. IV, с. 7; 262, т. VII, с. 3506]).

Бином *синьчэн* можно понять как название одного города и как общее обозначение многих городов, отвоеванных царством Чу. Уже танский Чжан Шоу-цзе подчеркивал, что местонахождение чуского населенного пункта под названием Синьчэн не ясно. Поэтому мы приняли второй вариант.

²⁸ Устами Чжан И историк повторяет высказанную в предыдущей главе (см. также наше примеч. 62 к гл. 69) мысль о 15-летнем перемирии. Однако в других главах *Ши цзи* упоминаются приходящиеся на это время по меньшей мере три военные кампании против Чжао.

²⁹ Горы Чаншань (Хэншань) традиционно уподоблялись спинному хребту Поднебесной, а Янцзинь, стоящий на перекрестке путей, ведущих в княжества и царства Цинь, Цзинь, Ци и Чу, уподоблялся груди Поднебесной, т.е. важному стратегическому узлу (см. *Сюнь*).

³⁰ Чжан И, пытаясь максимально опорочить своего военно-политического оппонента, выбирает самую недостойную версию кончины Су Циня. Как нам уже известно из предыдущих глав (прежде всего гл. 34 и 69), последняя страница биографии Су Циня изобилует неясностями и тесно связана с непростыми взаимоотношениями Ци и Янь.

³¹ Цюй Юань – известный древнекитайский поэт и видный политический деятель при дворе чуского Хуай-вана. Его биография помещена в гл. 84.

³² Один *сюнь* (или *синь*) равнялся семи *чи*. Следовательно, три *сюня* равнялись 21 *чи*, т.е. приблизительно 7 м. Чжан И хотел подчеркнуть, что в Цинь даже кони богатырской стати.

³³ Мэн Бэнь – известный силач и храбрец, упоминается также в главах 79, 92, 101, 117 и 120 *Ши цзи*; У Хо – прославленный циньский силач, упоминается в *Мэн-цзы*.

³⁴ Хунтай – по-видимому, дворцы в столице княжества. Река, вероятно протекавшая на территории пров. Шаньси, носила название Санлинхэ, на ее берегах, скорее всего, и располагались парки Санлинь.

³⁵ Хэцзянь – совр. уезд Сяньсянь пров. Хэбэй, между реками Чжанхэ и Хуанхэ (с эпохи Хань – область). Такигава отмечает возможную ошибочность упоминания Хэцзяни в данном случае, поскольку эта местность находилась на севере, далеко от Цинь, и вряд ли могла быть передана под его управление [262, кн. 7, с. 3515].

³⁶ Местоположение заставы Богуань установить не удалось; Цзимо – цинский город к востоку от столицы Линьцзы (см. карту 1).

³⁷ В данном фрагменте речи Чжан И есть ряд несообразностей. Так, гибель Чжоу и перенос треножников произошли через полвека после смерти Чжан И. Вновь, как и в гл. 69, повторен странный маршрут к Ханьданю.

³⁸ Намек на то, что именно в день *цзя-цзы* в 1122 г. армия Чжоу Синя – последнего правителя династии Инь – была разбита войсками чжоуского У-вана в битве у Муе (см.: Истзап, т. I, гл. 3, с. 177).

³⁹ Удао, по мнению ханьского комментатора Чжэн Сюаня (127–200 гг. н.э.),

располагалось на перекрестке путей, идущих из восточных районов Чжао в западную часть Ци [262, т. VII, с. 3517].

⁴⁰ Фэньян-цзюнь – титул Чэна, младшего брата и первого советника чжаоского правителя Су-хоу (349–326 гг.).

⁴¹ Чжаоский Сян-цзы правил в 457–425 гг.

⁴² Крепость и гора Гоучжу располагались в совр. уезде Дайсянь пров. Шаньси.

⁴³ Эти события описаны в гл. 43 *Ши цзи* (Истзап, т. VI, с. 54–55). Ковш (орудие убийства) там ошибочно назван нами медным.

⁴⁴ Если эти события и имели место, то не нашли своего отражения ни в *Бяо*, ни в соответствующих разделах *Ши цзи*.

⁴⁵ Циньский У-ван правил в 310–307 гг.

⁴⁶ Речь Чжан И перед циньским *ваном* воспроизведена здесь почти дословно, и Такигава верно отметил, что подобный повтор не украсил стиля произведения [262, кн. 7, с. 3523].

⁴⁷ Биографии У Цзы-сюя посвящена глава 66.

⁴⁸ Сведения о Цзэн Шэне см. в гл. 67, он упоминается также и в других главах *Ши цзи*.

⁴⁹ Тянь Сюй в это время был вэйским *сяном*.

⁵⁰ Как уже отмечали комментаторы (Лян Юй-шэн, Такигава), в *Чжаньго цз* в число этих княжеств входит и Чу, поэтому там говорится о четырех княжествах.

⁵¹ *Чжунсе* – согласно словарю Иннокентия, «помощник цензора»; согласно же Гао Ю, комментатору *Го юя*, – «помощник» без какой бы то ни было конкретизации. Хань Фэй-цзы именует эту должность *чжуншэ* (знаки *се* и *шэ* близки по звучанию) (см. [262, т. VII, с. 3528]).

⁵² В тексте употреблен иероглиф 舉 – «захватывать, занимать», хотя по смыслу речь может идти только об угрозе захвата.

⁵³ Владение Ицзой было населено *сижунами* (западными *жунами*), а его столица находилась в 175 км к северо-западу от Сяньяна. В гл. 5 *Ши цзи* это владение ошибочно названо Ицзой (см.: Истзап, т. II, с. 37, 42, 310, 317).

⁵⁴ Здесь небольшая накладка во времени, так как сначала коалиция пяти княжеств провела неудачный поход против Цинь, а затем Чжан И вновь стал *сяном* в Цинь (317 г.) и организовал аннексию 25 поселений в Ицзой (314 г.) (см.: Истзап, т. III, с. 280–282). Нельзя исключить того, что историк имел в виду другой поход (298 г.) антициньской коалиции, но лишь трех княжеств – Вэй, Хань и Ци (Истзап, т. III, с. 288).

⁵⁵ В *Чжаньго цз* вместо иероглифа 伯 (*бо*) стоит 帛 (*бо*), и поэтому Сыма Чжэнь колебался, считать ли эти знаки именем человека (Ли Бо) или названием населенного пункта (Либо). Накаи настаивает на том, что это селение [262, т. VIII, с. 3532], однако в словаре географических названий оно не упомянуто. Сам факт победы ицзойцев над Цинь выглядит сомнительно, а если она и имела место, то могла носить лишь локальный характер.

⁵⁶ Лян Юй-шэн отмечает, что, согласно *Чжаньго цз*, циньский *ван* был добро-

желателен к Гунсунь Яню и даже намеревался поставить его *сяном*, но так этого и не сделал [246, кн. 12, гл. 29, с. 16].

⁵⁷ Го Сунгао отмечал, что, хотя Сыма Цянь не замолчал заслуг Су Циня, симпатии его явно склонялись к деятельности Чжан И. В этом взгляды историка расходились с общепринятыми тогда оценками, поскольку во времена западноханьского государства империя Цинь и ее возвышение оценивались негативно (см. [230, с. 2633]).

Глава семьдесят первая

¹ Глава продолжает «циньский» цикл политических портретов (главы 70–73) и посвящена деятельности ведущих политиков и полководцев Цинь в конце IV – начале III в. до н.э. Необходимо с сожалением отметить, что во II и III томах «Исторических записок» имя Чули-цзы было ошибочно транскрибировано как Шули-цзы. Надо также иметь в виду, что этот персонаж именуется в тексте памятника по-разному: так, в гл. 5 он назван Чули Цзи и Янь-цзюнь Цзи (Истзлп, т. II), а в гл. 15 – Чули-цзы (Истзлп, т. III). Имеются полные или частичные переводы гл. 71 на европейские языки: на немецкий – А.Пфидмайера [182] и на английский – Ч.Питона [183]. В нашем распоряжении были также переводы главы на совр. японский язык Отаке [252, *Ле чжуань*, кн. 1, с. 152–165]; перевод на *байхуа*, сделанный Чэнь Хунчжи [218, т. 2, с. 1023–1031]; а также комментарии Пэй Иня, Сыма Чжэня, Чжан Шоу-цзе, Лян Юй-шэна, Такигавы, Мидзусавы и тех ученых, кто представлен в «Собрании комментариев к “Историческим запискам”» [321].

² Юээн – чиновник 14-го ранга в циньской иерархии.

³ Данная глава подтверждает предположение Лян Юй-шэна о том, что в тексте гл. 5 *Ши цзи* было пропущено название Цюйво (Истзлп, т. II, с. 42 и примеч. 157). Речь идет о приграничном войском селении вблизи заставы Ханьгу (см. карту 1).

⁴ В гл. 5 *Ши цзи* чжаоский военачальник именуется просто Чжуан (Истзлп, т. II, с. 43), в гл. 15 – Чжао Чжуан (Истзлп, т. III, с. 283). Чжаоский Линь находился в совр. уезде Лиши пров. Шаньси [301, с. 1368].

⁵ Чжи-бо – представитель одного из сильных родов в Цзинь; в период смуты фактически стал руководителем этого княжества, но был предательски убит в 453 г. главами домов Хань и Вэй, разделивших с домом Чжао земли Цзинь между собой.

⁶ Сюй Гуан сообщает, что Чоую – название варварского царства племен *жунюв* и *и*; в *Чжаньго цз* говорится, что в подарок на повозку был погружен большой колокол. Этот дар, видимо, должен был усыпить бдительность вождей племен.

⁷ Циский Хуань-гун по имени Сяо-бо правил в 685–643 гг.

⁸ Еще танский Сыма Чжэнь отмечал, что смысл последней части фразы в *Чжаньго цз* совсем иной: «Если Пу войдет в Цинь, то [Малое] Вэй погибнет и исчезнет». И Гу Янь-у (1613–1682) и Накан считали версию *Чжаньго цз* предпочтительнее [262, т. VII, с. 3540].

⁹ Лян Юй-шэн отмечает, что, по тексту *Чжаньго цз*, Чули-цзы за согласие уйти

от Пучэна тоже получил мзду в 300 *цзиней* золота [246, гл. 29, с. 17]. Однако Сыма Цянь опустил этот факт, не желая, по-видимому, бросать тень на героя главы.

¹⁰ Пиши располагался неподалеку от места впадения р. Фэньшуй в Хуанхэ (см. карту 2) и был, вероятно, вэйским городом.

¹¹ Жэнь Би – силач, упоминавшийся в гл. 5 *Ши цзи* (Истзап, т. II, с. 44). Сделал хорошую карьеру при циньском У-ване благодаря своим физическим данным.

¹² Сядай – последняя столица владения Цай. Находилась на северном берегу р. Хуайшуй, поблизости от последней чуской столицы Шоучуня (см. карту 1).

¹³ Относительно событий на землях царства Шу полной ясности нет. После его разгрома в 316 г. циньский Хуэй-ван лишил шуского правителя титула *вана* (согласно *Хуаян го чжи*, тот умер, а наследник Тун получил лишь титул *хоу*) и навязал ему на пост *сяна* своего ставленника по имени Чэнь Чжуан (см.: Истзап, т. II, с. 319, примеч. 168; а также гл. 70, примеч. 8). В 311 г. Чэнь Чжуан восстал против своего (шуского) правителя, который в данной главе назван Хуэем, и, если верить гл. 5 и 15 *Ши цзи*, убил его (Истзап, т. II, с. 43; т. III, с. 282). В 310 г. Чэнь Чжуан был казнен в Цинь (видимо, за мятеж против законной власти), а в 301 г. Шу восстало против Цинь под руководством все того же, несколько неожиданно оказавшегося живым Хуэя (см.: Истзап, т. II, с. 45; т. III, с. 286).

¹⁴ Сижан – циньское селение, располагалось на юге совр. уезда Цзянлин пров. Хубэй [288, с. 701].

¹⁵ Цзэн Шэнь – один из учеников Конфуция. Фэй – луский город (см. карту 1).

¹⁶ Так в тексте. Смысл концовки этой фразы неясен, а стиль неудачен. Видимо, сомнения вынудили мать отправиться выяснять положение дел.

¹⁷ Такигава отмечает, что в *Чжаньго цэ* речь идет о матери другого конфуцианца – Цзэн-цзы, а не Цзэн Шэня [262, т. VII, с. 3545].

¹⁸ В *Чжаньго цэ* вместо Гунсунь Ши (Шуая) стоит Гунсунь Янь (Си-шоу).

¹⁹ Гун-чжун Чи был *сяном* в Хань (приблизительно в 317–299 гг.); его имя варьируется: вместо Чи его называют также Фэн, Пэн или Юн (см. [246, гл. 29, с. 18]). Иногда его именуют просто Гун Шу (см.: Истзап, т. VI, с. 104).

²⁰ Ханьский Сян-ван правил в 311–296 гг.

²¹ Юнши (Юншичэн) находился к юго-западу от города Чжэн (см. карту 3). В описании событий под Юншичэном Сыма Цяню не удалось добиться единообразия и синхронии. Ни в *Бяо*, ни в чуском разделе *Ши цзя* (гл. 40) о них нет ни слова. В гл. 4 эти события не поддаются датировке (Истзап, т. I, с. 212). В главах 5 и 46 осада Юншичэна четко датирована 312 г. (Истзап, т. II, с. 43; т. VI, с. 118), в гл. 45 (*Хань ши цзя*) – 300 г. Возможно, было несколько чуских походов на Юншичэн, о чем писал еще Ма Су (1620–1673 гг.).

²² Сяошань – горный проход, естественные «восточные ворота» в царство Цинь. Находится на северо-западе совр. уезда Лонин пров. Хэнань.

²³ Тирада Гань Мао о необходимости помощи Хань имеется и в *Чжаньго цэ* в главе *Хань цэ*.

²⁴ Цэкоу – пункт, находившийся на границе Хань и Чу; контроль над ним, ви-

димо, уже перешел в руки Цинь. Дуян располагался на территории совр. уезда Линью пров. Шэньси [288, с. 393].

²⁵ В уста Су Дая вложена сентенция о неизменности положения в обществе родовитой знати, которой не должны угрожать социально-политические катаклизмы.

²⁶ Ханьский Усуй – небольшой город на левом берегу Хуанхэ, расположенный к западу от района Наньян (см. карту 2).

²⁷ Районом Инчуань, как видно на карте 3, владели Хань и частично Вэй. Видимо, в конце IV в. чусцы на какое-то время (до разгрома армии Тан Мэя) завладели землями Инчуани, хотя в *Ши цзи* нет упоминаний об этом.

²⁸ Явная нелепость. Должно было бы стоять «во вред».

²⁹ Диалог между Сян Шоу и Су Даем приведен и в *Чжаньго цэ* (глава *Хань цэ*), но с некоторыми отличиями. Так, вместо Гунсунь Ши там упомянут Гунсунь Хао.

³⁰ Вэйский Пуфань находился на левом берегу Хуанхэ в 30 км от ее крутого поворота на восток. Отметим, что ранее в *Ши цзи* (Истзап, т. III, с. 284, т. V, с. 89), а также в комментариях Сюй Гуана [262, т. VII, с. 3552] и Лян Юй-шэна [246, гл. 29, с. 18] утверждается, что в данном случае объектом нападения был не Пуфань, а Пиши, находившийся в 100 км севернее (см. карту 2).

³¹ В гл. 5 сказано, что Гань Мао бежал не в Ци, а в Вэй (Истзап, т. II, с. 45).

³² Местонахождение Гуйгу – горной Долины дьявола – определяется по-разному: либо на севере уезда Янчэн [301, с. 781; 262, т. VII, с. 3553] или в уезде Дэнфэн Хэнани, либо в уезде Саньюань Шэньси [252, с. 161].

³³ Имя этого персонажа пишется разными знаками: Сюань 蛭 (в *Ши цзи*), Сюань 螻 (у Сюй Гуана), Юань 螻 (в *Чжаньго цэ*).

³⁴ Бросается в глаза сложный и противоречивый характер оценки Гань Мао. Фактически историк оставил открытым вопрос о причинах успеха его карьеры: были ли ими его корыстолюбие и низость, или решительность и дальновидность, или же высокие достоинства его патронов.

³⁵ В *Сюнь* со ссылкой на *Чжаньго цэ* утверждается, что Гань Ло был шуцзы (сыном наложницы) и действительно служил Люй Бу-вэйю [262, т. VII, с. 3556]. Жизнеописание последнего см. в гл. 85.

³⁶ Здесь в тексте хронологическое несоответствие. Дань прибыл заложником в Цинь только в 232 г., а Вэньсинь-хоу (Люй Бу-вэй) умер в 235 г.

³⁷ Чжан Цин – прозвище Чжан Тана; замена Тан на Цин определялась тем, что он занимал должность высшего сановника – *цина*.

³⁸ Исторический анекдот, согласно которому Сян То в семилетнем возрасте изрекал мудрости и наставлял Конфуция, а философ внимательно слушал его откровения, впервые встречается в *Хуайнань-цзы* (см.: ЧЦЦЧ, т. VII, гл. 19, с. 342).

³⁹ В данном случае речь идет о циньском полководце Бай Ци. Его жизнеописание см. в гл. 73.

⁴⁰ Дую – поселение на северном берегу Вэйхэ, недалеко от циньской столицы (см. карту 2). О самоубийстве Бай Ци в Дую подробнее см. гл. 73.

⁴¹ Чжаоский Дао Сян-ван правил в 244–236 гг.

⁴² В соответствующих разделах глав 15, 34 и 43 успехи чжаосцев обрисованы значительно скромнее – поход чжаоского военачальника Ли Му привел к захвату лишь яньских Усуя и Фанчэна (см.: Истзап, т. III, с. 307; т. V, с. 91; т. VI, с. 78).

Глава семьдесят вторая

¹ Глава посвящена Вэй Жаню (Жан-хоу) – крупному государственному деятелю княжества Цинь, который в период нарастания циньской экспансии более 30 лет фактически определял политику двора. Талант царедворца и надежные родственные узы (он был младшим братом вдовствующей государыни) обеспечили удивительную устойчивость его карьеры. Впервые став *сяном* в 300 г., он пережил три отставки, но каждый раз возвращался на высший государственный пост.

Перевод этой главы на немецкий язык осуществил А.Пфицмайер [340, vol. 30, с. 155–164]; на совр. японский язык – Отаке [252, *Ле чжуань*, кн. 1, с. 166–172]; на *байхуа* – Дин Фучжуань [218, т. 2, с. 1033–1038]. Кроме того, как обычно, нами использованы комментарии Такигавы, Мидзусавы, Лян Юй-шэна и других исследователей.

² Сюань-тайхоу, по мнению минского комментатора Чэнь Жэнь-си, была *бацзы* (наложницей 4-го ранга) Хуэй Вэнь-вана (337–311 гг.).

³ Циньское владение Хуаян располагалось к югу от горы Хуашань, на территории совр. уезда Шансянь пров. Шэньси (см. [301, с. 936–937] и карты 1, 2).

⁴ Правителя области Гаолин, согласно *Соинь*, звали Сянь, а Цзинъян-цзюня – Куй. Однако существуют и другие варианты их имен (см. [262, т. VII, с. 3563]). Гаолин и Цзинъян – крупные циньские города к северу и северо-востоку от Сяньяна (см. карту 2).

⁵ Как известно из гл. 5, после смерти У-вана многие высшие сановники, *чжухоу* и княжичи в Цинь подняли бунт и вместе с вдовой Хуэй Вэнь-вана были схвачены и умерли позорной смертью (см.: Истзап, т. II, с. 45). Фразу о том, что *тайхоу* умерла ранее У-вана, следует считать либо хронологической ошибкой, либо нежеланием акцентировать причастность бывшей императрицы к мятежу.

⁶ Один из инициаторов мятежа Ли-цзюнь был, по свидетельству комментаторов, княжичем по имени Чжуан. Так же его называют и в гл. 5 (Истзап, т. II, с. 45). Однако в текстах он встречается и под именем Сан-цзюня.

⁷ Хэ Вэй-ци справедливо отмечает, что при Чжао-ване реальную власть захватила Сюань-тайхоу, которая при помощи Жан-хоу жестоко расправилась с оппозицией. Она как бы открывает список жестоких диктаторш-управительниц в древней и средневековой истории Китая [262, т. VII, с. 3563]. Ее влияние и энергия были столь велики, что даже в почти 70-летнем возрасте (271 г.) Сюань-тайхоу принимала самое активное участие в политических решениях (см. гл.79) .

⁸ Люй Ли, как явствует из гл. 5 *Ши цзи* (Истзап, т. II, с. 46), служил в Цинь чиновником в ранге *удафу* и бежал, но не в Ци, а в Вэй. Причины, по которым он ока-

зался в немилости, не указывались. В данном абзаце умалчивается и о первом смещении Вэй Жэня в 299 г., назначении *сяном* цисца Се Вэня (Мэнчан-цзюня) и о бегстве последнего в 297 г., когда стал *сяном* Лоу Хуань.

⁹ Битва при Ицзэ – одна из самых кровопролитных в период Чжаньго. Разбив армии Хань и Вэй, циньцы ослабили главных противников на востоке и направили основные силы против Чу. В гл. 15 и 45 Гунсунь Си именовался ханьским военачальником (см.: Истзап, т. III, с. 290; т. VI, с. 104).

¹⁰ Юань – см. карту 1; Е находился северо-восточнее Юаня, на территории совр. уезда Есянь пров. Хэнань (не путать с вэйским Е, расположенным на р. Чжаншуй, – см. карту 3). Под юрисдикцией какого княжества находились эти поселения – не ясно: в гл. 15 и 45 они называются ханьскими (Истзап, т. III, с. 290; т. VI, с. 104). Ситуация в этом пограничном районе быстро менялась, и Сыма Цянь не сумел на этом синхронистическом срезе дать четкую картину (не только здесь, но и в гл. 5 Юань называется чуским).

¹¹ Поселение Жан (см. карты 1, 2) находилось в зоне острого военного противостояния Чу и Цинь. Доходность такого владения была явно невелика. Другое пожалование – селение Тао – располагалось далеко на востоке в анклав земель, отвоеванных у Ци и Малого Вэй (см. карту 3), в 125 км к юго-востоку от Пуяна.

¹² Согласно Хронологическим таблицам, очередное снятие Вэй Жэня с поста *сяна* произошло в 292 г., а его новое назначение – в 281 г. (Истзап, т. III, гл. 15, с. 290–294). И там, как и в данной главе, ничего не говорится о промежуточных служебных перемещениях Вэй Жэня. Представление о его карьере, изобиловавшей взлетами и падениями, можно получить, лишь сопоставляя материалы глав 5, 15, 72 и 75 *Ши цзи*.

¹³ Жизнеописание Бай Ци см. в гл. 73.

¹⁴ Ман Мао – вэйский военачальник (о нем см.: Истзап, т. II, гл. 5). При переводе гл. 44 *Ши цзи* он был ошибочно назван Ман Аном (Истзап, т. VI, с. 90, 91, 310). Бэйчжай располагался на территории совр. уезда Инъян пров. Хэнань.

¹⁵ Вэйский (лянский) Хуэй-ван (Хуэй Чэн-ван) правил в 369–334 гг. (см.: Истзап, т. III, с. 262, 807, примеч. 35). Под Саньяном, по мнению Сюй Гуана и других комментаторов, имеется в виду южный Лян; он, в отличие от «большого» Ляна (Далаяна), считался малым и был заселен племенами *мань* [262, т. VII, с. 3566]. Лян Юй-шэн относит битву под Саньяном к военной кампании вэйцев против Хань, а не против Чжао [246, кн. 12, гл. 29, с. 22].

¹⁶ Столицей Малого Вэй был тогда Чуцзо, который находился между Пуяном и знаменитой переправой Байма (см. карту 3).

¹⁷ Ханьский военачальник Бао-цзы (он же Бао Юань) выступал тогда союзником Вэй (см.: Истзап, т. VI, гл. 45, с. 105).

¹⁸ Эта фраза заимствована из чжоуского раздела *Шуцзина* (см. ШСЦ, т. IV, *Шаншу чжэньи*, гл. 14, с. 493).

¹⁹ Цзян – название первой цзиньской столицы. Располагалась на левом берегу р. Фэньшуй, к востоку от Синьтяня (см. карту 2).

²⁰ Осада Даляня, действительно, была снята, но ценой уступки циньцам трех уездов, и вряд ли речь, подобная приведенной, сыграла в подобном ходе событий важную роль. Такигава также сомневается в этом [262, т. VII, с. 3470]. См. также [246, кн. 12, гл. 29, с. 33].

²¹ Эти события в других главах *Ши цзи* отнесены к предыдущему году (см.: Истзап, т. II, с. 48; т. III, с. 296).

²² Упоминание здесь войск Хань считается ошибкой. Согласно главам 5 и 15 *Ши цзи*, потери Вэй составили 150 тыс. человек (Истзап, т. II, с. 48; т. III, с. 296).

²³ Чжаоский Гуаньцинь располагался в 250 км севернее (см. карты 1, 3); Цайян располагался на юго-западе совр. уезда Цзоян пров. Хубэй; Чаншэ находился на западе совр. уезда Чангэ пров. Хэнань.

²⁴ Ган, по данным Отаке, находился на территории совр. уезда Ниньян пров. Шаньдун; Шоу, по одним сведениям, – на территории совр. уезда Шоучжан пров. Шаньдун, по другим – в уезде Дунпин той же провинции [301, с. 682], и второй вариант предпочтительнее. Из гл. 5 (Истзап, т. II, с. 48) и гл. 79 явствует, что Цзао захватил эти населенные пункты и передал их Жан-хоу.

²⁵ Жизнеописание Фань Суя см. в гл. 79.

²⁶ Выражение «покинуть пределы застав» означало выезд за границы коренных земель того или иного княжества.

²⁷ Многолетняя и успешная карьера Вэй Жэня пошатнулась в 271 г., с появлением при дворе Фань Суя, а уже в 265 г., видимо, со смертью старшей сестры – вдовствующей государыни Сюань-тайхоу, Вэй Жэнь потерял пост *сяна* и лишился всякого политического влияния.

Глава семьдесят третья

¹ Глава посвящена жизнеописаниям двух крупнейших циньских полководцев периода победоносного завершения объединения всей Поднебесной. Очевидный в ней уклон в фактографию послужил, возможно, причиной того, что она не слишком привлекала внимание западных переводчиков. Существует немецкий перевод Ф.Хьюботтера [155, с. 89–94]. В нашем распоряжении был также перевод Отаке на совр. японский язык [252, *Ле чжуань*, кн. 1, с. 173–183], Шэнь Цяня – на *байхуа* [218, т. 2, с. 1037–1041] и весь корпус комментариев (Такигавы, Мидзусавы, Лян Юйшэна, Го Сунтао, «Собрание комментариев к “Историческим запискам”»).

² Мэй находился на левом берегу р. Вэйхэ, примерно в 100 км к западу от Сяньяна (см. карту 2).

³ В гл. 5 *Ши цзи* Бай Ци назван в это время уже *цзоэном*, т.е. имеющим 12-й разряд (см.: Истзап, т. II, с. 46). О разное в главах 5 и 73 см. также примеч. 201 (там же, с. 323).

⁴ Согласно Хронологическим таблицам, это назначение произошло годом раньше (см.: Истзап, т. III, с. 288).

⁵ В тексте стоит *гоэй*, что, по мнению Чжан Шоу-цзе, равноценно *тайэй*

(командующий войсками или начальник Военного приказа).

⁶ Продолжаются разночтения в датах и именах: в гл. 5 нападение на Вэй отнесено к следующему году (292 г.), а его успех выглядит скромнее; в *Бяо* данная кампания датирована 289 г. и весь успех приписан Сыма Цо (Истзап, т. III, с. 290). Юаньчэн находился на западе совр. уезда Юаньцзю пров. Шаньси.

⁷ Гуанхэньчэн – город в южной части области Шандан, неподалеку от города Чанпин (см. карту 3). В гл. 5 его название ошибочно транскрибировано нами как Гуанланчэн (Истзап, т. II, с. 47). И здесь, и ниже продолжается разницей в датах с главами 5 и 15.

⁸ Чуский город Дэн располагался в среднем течении р. Ханьшуй; Илин и Цзинлин – чуские города на Янцзы (см. карту 1).

Лян Юй-шэн находит в перечислении указанных выше событий до десяти хронологических неувязок, связанных с временем походов и с занятием тех или иных городов [246, кн. 12, гл. 29, с. 33–34].

⁹ С 479 г. Чэнь было вассальным владением чуских *ванов* (см.: Истзап, т. III, с. 227; т. V, с. 108). Располагалось вблизи чуско-вэйской границы (см. карты 1, 3).

¹⁰ Область Диньгу находилась в районе гор Ушань в пров. Сычуань.

¹¹ В гл. 5 об участии Бай Ци в данной кампании нет ни слова, а руководителем назван Ху Шан (Истзап, т. II, с. 48), согласно же гл. 15, в которой Ху Шан не упоминается, армию возглавлял Бай Ци, причем успешные боевые действия против Вэй начались уже в 274 г. (Истзап, т. III, с. 296).

¹² Цзинчэн – город на р. Фэньшуй на границе между Хань и Вэй (см. карту 1). Ханьский Наньян занимал левобережье Хуанхэ от Усуя до Евана. По мнению Сюй Гуана и Отаке, упомянутый проход через хребет Тайхан назывался Янчан (см. карту 3). Что касается числа захваченных городов и последовательности походов, то и здесь между главами *Ши цзи* имеются расхождения (см.: Истзап, т. III, с. 300).

¹³ Чжэн был тогда столицей княжества Хань.

¹⁴ Титул Пинъян-цзюнь в 272 г. был присвоен Чжао Бао (см.: Истзап, т. VI, с. 73), которого Такигава, ссылаясь на *Чжаньго цз*, называет младшим братом матери Хуэй Вэнь-вана (298–265 гг.) [262, т. VII, с. 3579]. Не путать с другим Чжао Бао, сыном чжаоского Улин-вана (325–300 гг.) (см.: Истзап, т. VI, с. 60). О Пинъюань-цзюне (Чжао Шэне) см. главы 43 и 76 *Ши цзи*.

¹⁵ В гл. 79 *Хань шу* подтверждается, что, получив титул Хуаян-цзюнь (не путать с циньским титулом, имевшим такое же написание), Фэн Тин сражался с циньцами и погиб под Чанпином. Напротив, в *Чжаньго цз* говорится, что он не принял нового титула и удалился в княжество Хань.

¹⁶ Оценка событий под Чанпином (см. карты 1, 3) дана в примеч. 241 к гл. 5 (Истзап, т. II, с. 328).

¹⁷ В тексте стоит *чжан* (鄣), что может означать и «укрепленный пункт», и название города. Сыма Чжэнь считал, что это название населенного пункта, ныне именуемого Чжаодунчэн. Но мы солидарны с Накай Сэкитоку и считаем, что *чжан* в данном случае означает просто «укрепленный пункт» [262, т. VII, с. 3580].

¹⁸ По-видимому, циньская армия на какое-то время покидала районы Шандана, а через год после битв под Чанпином вернулась.

¹⁹ В гл. 5 *Ши цзи* говорится о делении циньских войск на три армии, причем одна из них под командованием Уань-цзюня вернулась в Цинь (Истзап, т. II, с. 49). Лян Юй-шэн полагает, что цифра «2» в данном случае – ошибка [246, кн. 11, с. 24].

²⁰ Пилао – город в центре северных земель Хань, между Дуаньши и Цзинчэном (см. карту 1).

²¹ Чжоу-гун Дань – один из видных деятелей раннечжоуского государства, сподвижник У-вана. Чжао-гун Ши – другой соратник У-вана. Люй Ван (Люй Шан, Тай-гун Ван, Ши Шан-фу) – полулегендарный наставник и стратег при первых чжоуских императорах Вэнь-ване и У-ване, основатель циского дома (см.: Истзап, т. I, гл. 3, 4; т. V, гл. 32).

²² Синцю – город на левом берегу Хуанхэ, к северо-востоку от Лояна (см. карту 1).

²³ Как отмечали комментаторы, в *Чжаньго цз* в аналогичной фразе вместо Хань стоит Чу, что представляется более правомерным (см. [262, т. VII, с. 3583; 246, кн. 11, с. 24]).

²⁴ Юаньюн находился на территории совр. уезда Юаньян или, согласно Отаке, уезда Юанью пров. Хэнань [252, с. 117].

²⁵ Жизнеописания этих двух персонажей приведены в главах 77 и 78 *Ши цзи*.

²⁶ Иньми – город в 150 км к северо-западу от Сяньяна (см. карту 2).

²⁷ Видимо, имеется в виду вина перед *ваном* и, шире, перед княжеством Цинь (в отличие от моральной вины – перед Небом).

²⁸ Пиньянсянь – город в 50 км на северо-восток от Сяньяна (см. карту 2); Яньюй был расположен в верхнем течении р. Чжаншуй (см. карты 1, 3).

²⁹ Речь идет о неудавшемся покушении на жизнь Ши-хуана (см.: Истзап, т. II, гл. 6, с. 59). Жизнеописание Цзин Кэ см. в гл. 86 *Ши цзи*.

³⁰ Цзи – яньская столица, располагавшаяся близ совр. Пекина (см. карту 1).

³¹ Под Цзин подразумевалось царство Чу (обозначаемое так из-за табу на знак чу, который входил в имя отца Ши-хуана).

³² Река Яньшуй протекала по территории совр. уезда Нинсянь пров. Ганьсу [288, с. 667].

³³ Жизнеописание известного военачальника Мэн Тяня см. в гл. 88 *Ши цзи* (см. также: Истзап, т. II, с. 104, 105, 128).

³⁴ Пиньюй находился между реками Жушуй и Иншуй (см. карту 1); Цинь (точнее, Циньцзо) – на территории совр. уезда Шэньцзо пров. Хэнань [288, с. 1087].

³⁵ Лян Юй-шэн справедливо отмечал, что Янь и Ин еще в 278 г. были захвачены Бай Ци и в описываемое время входили в состав вновь образованной циньской области Наньцзюнь [246, кн. 11, с. 25]. Однако во время циньских походов на восток и северо-восток Чу явно восстановило свой контроль над этими землями. Отчасти это нашло подтверждение в следующих словах первого эдикта Цинь Ши-хуана: «Цзинский *ван*... нарушил договор и напал на нашу область Наньцзюнь»

(Истзап, т. II, с. 61).

³⁶ Чэнфу находился восточнее Пинъюя (см. карту 1). Заметим также, что победы под Янь и Ин весьма сомнительны, а движение к Чэнфу выглядит как бегство.

³⁷ Об этом впечатляющем успехе чуских войск в других главах *Ши цзи* (даже в *Чу ши цзя!*) ничего не говорится.

³⁸ Башан – древнее название долины Байлююань на западном берегу р. Башуй, вблизи города Чжидо (см. карту 2).

³⁹ Местоположение Цинаня установить не удалось.

⁴⁰ Изложение событий этого периода в данной главе несколько отличается от текста гл. 6 (Истзап, т. II, с. 60), но совпадает с тем, что говорится в главах 15 и 40 (Истзап, т. III, с. 316; т. V, с. 217). Об этих и других разночтениях см.: Истзап, т. II, с. 344, примеч. 67.

⁴¹ Имеется в виду род Мэн, давший таких крупных полководцев, как Мэн Ао, Мэн У и Мэн Тянь. Последний, прославившийся захватом огромных территорий на севере и покорением *жунов*, был казнен (видимо, вместе с ближайшими родственниками) вскоре после смерти Цинь Ши-хуана.

⁴² О Чэнь Шэне и его восстании против Цинь см. гл. 48 (Истзап, т. VI, с. 152).

⁴³ Чжан Эр – первый советник в Чжао, которому Сян Юй пожаловал за заслуги земли в этом княжестве (см.: Истзап, т. II, с. 138). Цзюйлу – уездный город в 90 км к северо-востоку от Ханьдана (см. карту 3).

⁴⁴ Здесь мы встречаемся с отзвуком представлений о неотвратимости судьбы и наказания за прошлые грехи всех членов рода.

Глава семьдесят четвертая

¹ В названии главы фигурируют лишь два имени, хотя эти имена лишь отчасти отражают ее содержание. Фактически она представляет собой несистематизированный набросок истории китайской философии в IV–III вв. до н.э., данной через краткие биографические очерки более чем десяти древнекитайских мыслителей.

Особенностью главы является инверсия так называемого эпилога, т.е. историко-философского резюме, которым Сыма Цянь обычно заканчивает свои главы («Я, тайшигун, скажу так»). Такого рода инверсии встречались и в некоторых других главах *Ши цзи* (16, 18, 23, 24, 49), и потому оценка характера подобных отклонений в композиции требует специального анализа. Пока кратко отметим, что вынос эпилога в начало текста в главах 23 и 24 (раздел *Шу* – «Трактаты»), скорее всего, результат деятельности интерполяторов, а в главах 16 и 18 (раздел *Бяо* – «Таблицы») логично вытекает из самой структуры текста. Здесь же, как и в гл. 61, инверсия эпилога выглядит ошибкой переписчика.

Существуют следующие полные или частичные переводы главы: на английский – Фэн Ю-ляня и Д.Бодде [153, с. 76, 107, 132, 159–161, 279] и Дж.Нидема [176, с. 232–236]; на немецкий – А.Форке [135, с. 505]; на совр. японский язык – Отаке [252, *Ле чжуань*, кн. 1, с. 184–190]; на *байхуа* – Хуан Цзинсюаня [218, т. 2, с. 1043–1049].

² Выдающийся древнекитайский философ Мэн-цзы (Мэн Кэ) (372–289 гг.) относился к представителям конфуцианской школы. Приписываемый ему труд *Мэн-цзы* содержит в нынешнем виде 14 глав – *цзюаней* (см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 1–610). Поскольку Сыма Цянь далее указывает, что его книга содержала всего 7 глав, а в *Хань шу* говорится уже об 11 главах [219, кн. 6, гл. 30, с. 1725], можно сделать вывод, что над текстом работали и последователи философа. О различных точках зрения по проблеме авторства *Мэн-цзы* см. [10, с. 139–140].

³ Цитата из *Мэн-цзы* (ЧЦЦЧ, т. I, гл. 1, с. 21). Запись о прибытии философа в Вэй и этой беседе с Хуэй-ваном значится там под 336 г., что совпадает с текстом *Ши цзи* (раздел *Бяо*) (см.: Истзэл, т. III, с. 274).

⁴ Цитата из *Лунь юя* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 80).

⁵ Цзоу – владение и город, располагавшиеся к югу от луской столицы Цюйфу (см. карту 1).

⁶ Цзы Сы по имени Цзи – известный философ-конфуцианец V в. до н.э. Считается внуком Конфуция (см.: Истзэл, т. VI, с. 150). Ему приписывается канонический трактат *Чжун-юн*, состоящий из 23 глав (см. [219, гл. 30]).

⁷ Жизнеописания Шан-цзюня, У Ци и Сунь-цзы см. в гл. 65 и 68. Тянь Цзи – цинский военачальник и политический деятель, соратник Сунь-цзы.

⁸ Тан – шанский (иньский) правитель Чэн Тан (см.: Истзэл, т. I, гл. 2). Три династии – Ся, Инь и Чжоу.

⁹ Цзоу Яня (336–280 гг.) относят к представителям философской школы *цзися* (см. [10, с. 162]), а в курсе истории китайской философии – к натурфилософам (*иньянцзя*) (см. [21, с. 418; 29, с. 40]). Данная фраза может быть истолкована двояко: 1) школа Цзоу Яня возникла уже после ухода из жизни Мэн-цзы; 2) Цзоу Янь и его школа были преемниками философских идей Мэн-цзы. Лексика и построение фразы скорее предполагают первый вариант.

¹⁰ В библиографической гл. 30 *Хань шу* упоминается сочинение Цзоу Яня в 49 главах, причем в пояснении сказано, что он жил в Ци, был учителем яньского Чжаована, принимая участие в деятельности школы («академии») *цзися*. Названо еще одно сочинение Цзоу Яня – *Чжун ши* («Конец и начало») в 56 главах (см. [209, кн. 6, с. 1735]), у Сыма Цяня оно фигурирует как одна глава. Сочинения Цзоу Яня до нас не дошли, но в ханьское время они, очевидно, были известны, о чем говорит и небольшая глава в *Яньтелунь* о Цзоу Яне (см. [270, с. 94]).

¹¹ Неясно, на чем, кроме кратности цифре «9», основывался в своих расчетах Цзоу Янь. Площадь китайских княжеств в тот период (вместе с варварской периферией) составляла порядка 4 млн. км², т.е. приблизительно 1/120 земной поверхности или 1/35 часть суши. Шарообразность Земли была неведома Цзоу Яню (см. ниже, примеч. 13). Но несмотря на явно фантастические элементы в нарисованной им картине мира, несомненны широта его географического подхода, способность к экстраполяции и смелый отказ ограничить эйкумену известными в тот период землями. Последнее послужило, видимо, главной причиной резкой критики со стороны ряда ханьских авторов, называвших его построения «выдумкой, явным заблуждением».

Среди критиков и Хуань Куань (см.: ЧЦЦЧ, т. VII, с. 54–55) и философ-материалист Ван Чун (см.: ЧЦЦЧ, т. VII, с. 105–106).

¹² *Цисянь шэньчжоу* («Золотые уезды и священные округа») – образное название Китая с эпохи Чжоу.

¹³ В этих построениях можно, при желании, увидеть реальные континенты и Мировой океан, если бы не плоскостное изображение и огорчительная зависимость от магического числа «9».

¹⁴ В тексте – *лю цинь* («шесть родственников»). Об этом термине см. примеч. 10 к гл. 62.

¹⁵ Эта беседа вэйского Лин-гуна с Конфуцием нашла отражение в гл. 18 *Лунь юя* (ЧЦЦЧ, т. I, с. 331), причем там Конфуций сослался на то, что он вообще не изучал военное дело. Это же место воспроизведено в гл. 47 *Ши цзи* (Истзап, т. VI, с. 139).

¹⁶ Фэнь находился на территории совр. пров. Шэньси [301, с. 420], в поздней Хань – на землях уезда Цисянь; по Отаке, – к западу от Гоуи [252, с. 186]. Комментаторы отмечают, что у Сыма Цяня Мэн-цзы дает совет лянскому Хуэй-вану, тогда как в трактате *Мэн-цзы* философ говорил о том же с Тэн Вэнь-гуном (см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 97). Смысл совета Мэн Кэ не вполне ясен. Однако, учитывая его «антивоенную» (как и у Конфуция) позицию и общий контекст всего абзаца – принципиальность против конформизма, – можно предположить, что это пример столкновения прямодушного философа с честолюбивым властителем.

¹⁷ И Инь, он же А-хэн, – советник иньского правителя Чэн Тана (о нем см.: Истзап, т. I, с. 167). И Инь не погнушался службой поваром (отсюда – *сосуды дин*) ради возможности сблизиться с правителем и влиять на него. Пример другого «слуги» – Байли Си – менее удачно иллюстрирует мысль Сыма Цяня (см.: Истзап, т. II, с. 23).

¹⁸ Школа *цзися* – объединение философов, включавшее более 70 (по другим данным, несколько сотен) ученых разных направлений. Собрания школы проходили неподалеку от ворот Цзи в столице княжества Ци – Линьцзы (см.: Истзап, т. VI, с. 118).

¹⁹ Согласно танскому Чжан Шоу-цзе, в сочинении Шэнь-цзы (Шэнь Дао) имелось 10 глав, в сочинении Цзе-цзы – две главы, в сочинении Тянь-цзы (Тянь Пяня) – 25 глав. Сюй Гуан сообщал, что в его время (V в. н.э.) труд Шэнь Дао содержал 41 главу [262, т. VII, с. 3606], в *Хань шу* (гл. 30) говорится о 42 главах [219, с. 1735]. Хуань Юань назван в *Хань шу* автором труда в 13 главах [219, с. 1730]. Однако все эти труды не сохранились.

²⁰ Сюнь-цзы (Сюнь Цин) – один из выдающихся мыслителей периода Чжаньго. В древних источниках его иногда называют Сунь Цином. Первую часть этого прозвища объясняют близостью звучания знаков *сунь* и *сюнь*, вторую – тем, что он временно занимал должность *цина*.

²¹ *Цзицзю* – древний обряд поднесения вина духам – часть церемонии жертвоприношения духам предков, позднее – чиновничья должность виночерпия при этом обряде (в ранге *дафу*), которую занимал глава школы ученых в Ци.

²² Чуньшэнь-цзюнь (Хуан Се) – видный политический деятель княжества Чу. С 262 г. бессменный первый советник (в Чу – *линбинь*) при Као Ле-ване; был убит в 238 г. Его биографию см. в гл. 78.

²³ Ланьлин находился на востоке совр. уезда Исянь пров. Шаньдун.

²⁴ Ли Сы – видный деятель сначала княжества, а затем империи Цинь. Беседу Сюнь-цзы с Ли Сы о военных делах см. в гл. 16 сочинения философа (ЧЦЦЧ, т. II, с. 186).

²⁵ Не понятно, почему Сыма Цянь дает здесь столь низкую оценку этому виднейшему философу Древнего Китая, одному из основоположников даосизма. О нем историк рассказал в гл. 63.

²⁶ В дошедшем до наших дней виде труд Сюнь-цзы насчитывает 32 главы (см.: ЧЦЦЧ, т. II); в гл. 30 *Хань шу* упомянуто 33 главы [219, кн. 6, с. 1725]. Современная наука считает, что идеи Сюнь-цзы резко расходились со взглядами Мо Ди (см. [88а, с. 668]).

²⁷ Гунсунь Лун – древнекитайский философ (ок. 325–250 гг.), относящийся к школе *минцзя* – так называемых номиналистов, которые занимались преимущественно вопросами логики. Он автор ряда высказываний и афоризмов, напоминающих, по мнению исследователей, апории греческого мыслителя Зенона Элейского (V в. до н.э.). Труд Гунсунь Луна насчитывал 14 глав, до настоящего времени дошло 6, причем вводная глава признается компиляцией. Перевод на русский язык трех глав осуществлен Э.В.Никогосовым (см. [20, т. II, с. 58–65]).

²⁸ В *Хань шу* упоминается труд Цзюй-цзы, состоявший из 9 глав [219, гл. 30, с. 1735]. В некоторых источниках этот философ именуется Чу-цзы.

²⁹ Ли Куй (предположительно 455–395 гг.) считается легистом (представителем школы *фацзя*), служил советником в Вэй при Вэнь-хоу (424–387 гг.), занимался улучшением земледелия, упорядочением законов. О его деятельности рассказано в гл. 24 *Хань шу* (см. [219, с. 1124–1125]). В гл. 30 *Хань шу* упомянут его труд *Ли-цзы* в 32 главах [219, с. 1735], а энциклопедический словарь *Цыхай* (т. II) приписал ему и труд *Фа цзин* («Канон о законах») в 2 главах (в *Хань шу* отмечалось, что автор *Фа цзина* неизвестен). Проблема различения имен и трудов Ли Куя и вэйского Ли Кэ затронута в наших комментариях к гл. 30 (*Истап*, т. IV, с. 339).

³⁰ Имя Ши-цзы – Цзю. В *Хань шу* фигурирует его труд в 20 главах, ныне утраченный. Там же сообщается, что Ши-цзы служил циньскому Шан Яну, но после казни последнего бежал в Шу [219, с. 1741]. Он упоминается среди мыслителей группы *цзацзя* – «эклетики». Сочинение Чан Лу в 9 главах упоминается в числе трудов мыслителей даоской школы (см. [209, с. 1730]), до нас они не дошли.

³¹ В тексте один знак – Э, но некоторые комментаторы считают, что этот циский город правильнее называть Дуньэ (см. карту 1).

³² Сюй-цзы звали Ин. В *Хань шу* среди конфуцианских трудов упомянуто его сочинение в 18 главах [219, с. 1725].

³³ Мо Ди (Мо-цзы) (ок. 480 – ок. 400) – философ и политический деятель, осно-

ватель школы моистов. Согласно *Хань шу*, его труд первоначально состоял из 71 главы, сохранилось лишь 53. Мо-цзы выступал против завоевательных войн, веры в предопределение и безоглядного подражания старине; в этике поддерживал идею «всеобщей любви и взаимной выгоды», высказал мысль о нравственном равенстве людей; выдвинул ряд интересных постулатов в области гносеологии и логики. Утилитаризм и определенное пренебрежение к личности у Мо Ди были затем активно развиты в легизме.

Глава семьдесят пятая

¹ Глава посвящена Мэнчан-цзюню (Тянь Вэню) – виднейшему цискому политику конца IV – первой трети III в., сыну не менее известного Тянь Ина. При Мэнчан-цзюне княжество Ци достигло вершины своего могущества, но при нем же и, возможно, не без его помощи лишилось всех своих достижений и недолгого доминирования в Поднебесной.

Нам известны переводы этой главы на немецкий язык – А.Пфицмайера [340, vol. 31, с. 65–87], Г.Франке и В.Бауэра [136]. Имеется перевод Отаке на совр. японский язык [252, *Ле чжуань*, кн. 1, с. 191–206], Линь Миндэ на *байхуа* [218, т. 2, с. 1049–1064], а также подробные комментарии Такигавы, Мидзусавы и других ученых и комментаторов разных веков.

² Цзинго-цзюнь – посмертный титул Тянь Ина, но название соответствующего населенного пункта нигде в *Ши цзи* не встречается. Лишь танский комментатор Сыма Чжэнь (VIII в. н.э.) указал в *Соинь*, что селение Цзинго было владением Тянь Ина в Лу.

³ Циский Вэй-ван правил в 378–343 гг. Его сменил Сюань-ван (342–324 гг.).

⁴ История мятежа и бегства Тянь Цзи не вполне ясна, однако не все сомнения Лян Юй-шэна представляются нам основательными (их изложение см.: Истзап, т. VI, с. 319, примеч. 73). В главах 15, 46 и 75 Сыма Цянь четко датирует эти события 344 г., и расхождения между главами 46 и 75 лишь в том, что, согласно последней, Тянь Цзи напал непосредственно на столицу – Линьцзы (Истзап, т. VI, с. 117).

⁵ Описание тех же событий в гл. 46 несколько отличается от настоящего (см.: Истзап, т. VI, с. 117). Там сказано, что Вэй напало на Чжао, а Чжао и Хань, объединив свои силы, ударили по Вэй.

⁶ В главах 15 и 46 *Ши цзи* сообщается, что эта встреча произошла к югу не от Дуньэ, а от Пиньэ (Истзап, т. III, с. 275; т. VI, с. 117), который находился на территории совр. уезда Сяньюань пров. Аньхой.

⁷ Чжэнь находился между Тао и Малином (см. карту 3); Сюйчжоу (допустимо чтение Шучжоу) было два: северное располагалось в самом нижнем течении Хуанхэ в том регионе, на который претендовали и Янь, и Ци; южное Сюйчжоу (или Се) находилось в южных землях Ци, между княжествами Лу и Сун (см. карту 1); встреча состоялась в южном.

⁸ Се, как указывалось выше, – другое название южного Сюйчжоу. Поскольку

Тянь Вэнь унаследовал это владение, в некоторых главах *Ши цзи* его именуют Се Вэнь, Се-гун и Се-цзюнь.

⁹ В ряде списков в данном месте стоит иероглиф *чэн* (橙) – «апельсин», однако Мидзусава отмечает, что в 13 ранних списках *Ши цзи* использован другой знак – *шу* (襜) – «грубая одежда» [248, т. VI, с. 3]. Это и принято нами, поскольку отвечает смыслу фразы.

¹⁰ Цзиньян-цзюнь по имени Ши был младшим братом циньского Чжао-вана (см.: *Истзап*, т. II, с. 45, 47).

¹¹ Этот эпизод описан и в *Чжаньго цз*, однако есть и различия: разговор с Мэнчан-цзюнем там ведет не Су Дай, а его старший брат Су Цинь (умерший в 320 г.); в качестве предостерегающего символа выступает не просто дождь, а вызванный им разлив реки Цзиншуй (см.: ЧЦЦЧ, т. III, с. 110–111).

¹² В гл. 5 говорилось, что Мэнчан-цзюнь прослужил *сяном* около года и был снят за взятки (*Истзап*, т. II, с. 45). Дискуссию о возможных вариантах трактовки текста см.: *Истзап*, т. II, с. 322, примеч. 197.

¹³ О Пинъюань-цзюне см. гл. 76.

¹⁴ Следует отметить противоречия между различными главами в описании ситуации. Если в данной главе боевые действия против Цинь даже не начинались, то в гл. 5 антицинская коалиция провела кампанию в 296 г., а в гл. 15 таких кампаний описано две – в 298 и 296 гг.

¹⁵ В речи Су Дая немало противоречий и несоответствий реальному военно-политическому положению начала III в. Объективно Су Дай защищает интересы не Западного Чжоу, а Цинь.

¹⁶ Вэй-цзы – прозвище; Накаи Сэкитоку полагает, что имя этого персонажа было утрачено [262, с. 3624].

¹⁷ История с Тянь Цзя не вполне ясна (не путать с другим циским Тянь Цзя, который был *ваном* в этом княжестве один месяц в 208 г.). В гл. 46 умалчивается об этом эпизоде, и лишь в гл. 15 четко обрисованы контуры мятежа: «Тянь Цзя присвоил себе титул *вана*. Советник Се Вэнь бежал» (*Истзап*, т. III, с. 289).

¹⁸ Как известно из гл. 5, Люй Ли служил в то время в Цинь в чине *удафу*, но в 294 г. бежал в Вэй. В гл. же 72 сообщается, что когда *сяном* стал Жан-хоу, над Люй Ли нависла угроза, вследствие чего тот бежал, оказавшись в конце концов в Ци.

¹⁹ Чжоу Цзуй – княжич из дома Чжоу.

²⁰ Остается неясным, как можно было вернуть доверие циского *вана* с помощью организации антициской коалиции.

²¹ Явная нелепость. Должно было бы стоять «Цинь».

²² Предательские планы Мэнчан-цзюня, направленные против родного Ци, явно не ограничивались отдельными передвижениями в чиновничьей иерархии. Видимо, смещение с поста Люй Ли, причем любой ценой – вплоть до военного поражения собственного княжества, – было лишь промежуточной целью Мэнчан-цзюня, который вступил на путь конфронтации с самим Минь-ваном.

²³ Последняя часть письма Мэнчан-цзюня к Жан-хоу в *Чжаньго цз* представлена в виде устного выступления пришлого сановника перед Жан-хоу (см. ЧЦЦЧ, т. III, с. 56–57).

²⁴ Лян Юй-шэн считает факт назначения Се-гуна на должность вэйского *сяна* недостоверным, так как соответствующие сведения отсутствуют и в *Бяо*, и в гл. 44 (*Вэй ши цзя*), и в *Чжаньго цз* [246, кн. 12, гл. 30, с. 4]. Вообще, хронология и взаимосвязь событий здесь изрядно деформированы: согласно главам 5 и 15, Люй Ли возвращается в Цинь за четыре года до нападения циньцев на Ци; там нет никаких упоминаний о конфликте между Мэнчан-цзюнем и Минь-ваном.

²⁵ Цзюй – город и владение в 150 км к югу от Линьцзы; не путать с городком Цзюй, который располагался в 40 км к востоку от Линьцзы (см. карту 1).

²⁶ Вокруг посмертного титула Тянь Вэня идут споры комментаторов. Большинство из них не без оснований считают, что Мэнчан-цзюнь – лишь прозвище, а не посмертный титул (см. [262, т. VI, с. 3628]).

²⁷ Нужно отметить, что в *Чжаньго цз* (гл. *Ци цз*) рассказывается, как тепло жители Се приветствовали Мэнчан-цзюня. В благодарность за освобождение от долгов его встречали уже за сто *ли* от поселения все – и старые и малые.

²⁸ Обычный вес такого слитка золота составлял 20 *лянов*, т.е. около 600 г. Следовательно, вес всей «посылки» равнялся примерно 60 кг. По мнению Линь Минцзэ [218, т. 2, с. 1061], это многовато, чтобы быть достоверным, но, добавим, маловато для 10 повозок.

²⁹ Лян Юй-шэн не без оснований сомневается как в достоверности сообщения *Ши цзи* о восстановлении Мэнчан-цзюня в должности *сяна*, так и в содержащемся в *Чжаньго цз* утверждении, будто он прослужил в этой должности несколько десятков лет [246, кн. 12, с. 5].

³⁰ Цинский комментатор У Да-тин выражал недоумение, что из 3 тысяч своих *бинькэ* Мэнчан-цзюнь выделил только одного – Фэн Хуаня, человека из бедной семьи, имя которого не передалось потомкам (см. [241, с. 594]). На наш взгляд, в рассказе о Фэн Хуане для Сыма Цяня решающую роль играл конфуцианско-назидательный аспект.

³¹ Речь идет о довольно сложном и пестром социальном слое с высокой мобильностью, где «разбойник с идеей» соседствовал с бродячим рыцарем и с нищим проповедником.

Глава семьдесят шестая

¹ Глава выдержана в жанре парного жизнеописания и отличается четкостью авторской позиции в трактовке и противопоставлении двух фигур. С одной стороны, фактический соуправитель двух чжаоских *ванов* княжич Пиньюань-цзюнь – посредственная личность и недалекий политик, а с другой стороны – выдвинувший лишь благодаря своему интеллекту нищий *бинькэ* Юй Цин, безупречный в нравственном отношении, тонкий стратег, философ и писатель.

Текст главы переведен на немецкий язык А.Пфицмайером [340, т. XXX, с. 96–104] и Э.Хэнишем [147]; на совр. японский язык – Отаке [242, *Ле чжуань*, кн. 1, с. 207–221]; на *байхуа* – Линь Миндэ [218, т. 2, с. 1065–1080] и Ван Босяном [220, с. 177–196]. Нами использованы многочисленные комментарии, в том числе Лян Юйшэна, Такигавы, Мидзусавы и авторов свода «Толкования “Исторических записок” учеными разных эпох» [241, с. 594–595].

² Владение Пинъюань, как отмечает Ван Босян [220, с. 184], находилось сначала на западе Ци, затем (в период Чжаньго) перешло к Чжао (см. карту 1).

³ Чжао Шэн был младшим братом чжаоского Хуэй Вэнь-вана (по имени Хэ), который правил в Чжао в 298–266 гг. (см.: Истзал, т. III).

⁴ Чжаоский Сяо Чэн-ван (Дань), сын Хуэй Вэнь-вана, правил в 265–245 гг.

⁵ Дуньчэн, или просто Учэн – чжаоский город к северо-востоку от Ханьдана (см. карту 1).

⁶ Перечисленные княжичи и чжаоский Пинъюань-цзюнь Шэн иногда именуются «четырьмя княжичами периода Чжаньго» – *чжаньго сы гунцзы*. Они известны пристрастием к собиранию вокруг себя большого числа *бинькэ* (о них см. главы 75–78 *Ши цзи*).

⁷ Речь идет о Као Ле-ване, правившем в Чу в 262–238 гг.

⁸ В тексте памятника на месте глагола в последней фразе стоит знак *сянь* – «уезд». Мидзусава отмечает, что в восьми средневековых списках *Ши цзи* написан более уместный знак *сянь* 懸 – «подвешивать», «находиться» [262, т. VI, гл. 76, с. 3]. На это же указал Ван Босян [220, с. 187].

⁹ Ин и Илин располагались в районе коренных чуских земель (см. карту 1).

¹⁰ Явная описка, должно стоять *хэцзун*.

¹¹ Как отмечал в своих комментариях Ван Босян, в обрядах клятв с помазанием рта кровью жертвенных животных существовала, согласно нормам *Чжоули*, достаточно четкая градация: Сын Неба использовал для принесения в жертву быка или лошадь, *чжухоу* – собаку или свинью, а сановники – курицу или петуха [220, с. 187, примеч. 57]. Однако в описанной процедуре эти нормы нарушены: использовать кровь лошади чуский *ван* не мог, так как не был Сыном Неба. Не ясно, было ли это сознательной лезть в отношении чуского *вана* или связано с общей деградацией чжоуских норм поведения.

¹² Сыма Чжэнь, ссылаясь на *Чжоули*, отмечает, что при дворе во время клятвы должно было вноситься блюдо не из меди, а из нефрита.

¹³ В тексте использовано выражение *цзюдин даюй*. Первый бином означает девять треножников императора Юя, символ власти над Поднебесной, а второй – большой храмовый колокол, звучавший в честь знаменательных событий. Эта гнпербола в устах Пинъюань-цзюня вполне под стать сказочности всего эпизода.

¹⁴ Судя по тексту глав 44 (Истзал, т. VI) и 77 (см. ниже), Синьлин-цзюнь действовал против воли вэйского Ань Ли-вана. Интересно, что в гл. 77, где подробно изложена история узурпации Синьлин-цзюнем командования над вэйской армией, нет ни слова о дополнительном наборе солдат в деревнях.

¹⁵ Чжан Шоу-цзе и Ван Босян отмечают, что собственное имя этого человека было не Тун, а Тань, но из-за табу на употребление этого знака в *Ши цзи* (отца Сыма Цяня звали Тань) этот знак в тексте не употреблялся (см. [220, с. 188, примеч. 66]).

¹⁶ Обращения такого типа, когда нижестоящий, простой чиновник, призывает знатного и богатого человека отдать свои богатства народу, находящемуся в беде, не раз встречаются в *Ши цзи*. Возможно, это воплощение моистского постулата о «всеобщей любви», а может быть – и реминисценция на тему «судьба народа – превыше всего» (Мэи-цзы).

¹⁷ Центр владения Ли-хоу, городок Ли (Личэн), находился на юго-западе совр. уезда Вэньсянь пров. Хэнань.

¹⁸ Гунсунь Лун – философ, известный не только своими трудами, но и принципиальной жизненной позицией (подробнее см. примеч. 27 к гл. 74).

¹⁹ Ван Босян высказал предположение, что выражение *эди* 割地 – «отвести, отрезать земли» относится не к факту выделения Пинъюань-цзюню владения, а к другому событию – когда Чжао после тяжелейшего поражения под Чанпином было вынуждено «отрезать» циньцам часть земель, чтобы добиться мира. Пинъюань-цзюнь был тогда обвинен в неудаче Чжао [220, с. 190]. Мы не приняли версию Ван Босяна, так как она плохо вписывается в общий контекст.

²⁰ «О твердом и белом» (*Цзянь бай*) – название гл. 4 труда Гунсунь Луна (ее русский перевод см. [20, т. II, с. 63–65]).

²¹ О битве под Чанпином (см. карту 3) и ее значении говорилось в главах 5, 43 и 74 (Истзап, т. II, с. 49; т. VI, с. 76; данный том, с. 161). По числу людских потерь ей не было равных в период Чжаньго.

²² Пинъян-цзюнь по имени Чжао Бао был, как и Пинъюань-цзюнь, младшим братом чжаоского Хуэй Вэнь-вана. Его владение Пинъян находилось в 50 км к югу от Ханьдани (см. карту 3).

²³ Об Ин-хоу, видном циньском сановнике, рассказывается в главах 73 и 79 *Ши цзи*. Под циньским *ваном* имеется в виду Чжао Сян-ван, правивший в 306–251 гг.

²⁴ Идентифицировать Чжао Хао не удалось. Лян Юй-шэн также не решил этой задачи [246, кн. 12, гл. 30, с. 6]. Согласно Сюй Гуану, его именем было Шэ или И.

²⁵ Имеется в виду вмешательство княжества Чжао в ханьско-циньские отношения и попытка получить область Шандан. Поход на Ханьдань циньцы изображали как возмездие за нарушение дружественных обязательств.

²⁶ Лоу Хуань – циньский сановник, в 297 г. стал *чэнсяном*, но в 295 г. был снят с этого поста и бежал в Чжао (см.: Истзап, т. II, с. 45, 46, 103; т. III, с. 288).

²⁷ Этот персонаж и события, связанные с трауром после его смерти, упоминаются в конфуцианском каноне *Ли цзи* (см.: ШСЦ, т. XX, гл. 9, с. 411–412), откуда историк и мог заимствовать данный эпизод.

²⁸ Последний отрывок в основном совпадает с изложением в *Чжаньго цз.* Но, как отмечали Такигава, Цуй Ши и ряд других комментаторов (см. [262, т. VII,

с. 3658; 281, гл. 7, с. 11–12]), хронология отмеченных событий и действий различных лиц в данной главе несколько отличается от изложения в других главах (ср. с гл. 79 и некоторыми другими).

²⁹ Вэй Ци – первый советник и княжич дома Вэй. Конфликт с Фань Суем имел для Вэй Ци трагические последствия (см. гл. 79).

³⁰ Книга Юй Цина не сохранилась. Из восьми глав Сыма Цянь привел названия лишь четырех, которые, вероятно, мог видеть сам. Бань Гу в библиографической главе *Хань шу* называет два труда, связанные с именем Юй Цина: *Юй-ши вэй чжуань* («Сокровенные сказания господина Юя») в 2-х главах и *Юй-ши чунь-цю* («Летопись господина Юя») в 15 главах. Ко времени воцарения династии Цин, как отмечал исследователь-текстолог Ма Го-хань, сохранилась лишь одна глава сочинения Юй Цина (см. [220, с. 196]).

³¹ Фэн Тин – начальник области Шандан (см. карту 3). Он убедил Пинъюань-цзюня и чжаоского *вана* принять Шандан в состав Чжао, что послужило одной из причин очередной войны и крупнейшего поражения чжаоских войск под Чанпином (см: Истзап, т. VI, гл. 43, с. 75–76, гл. 46, с. 123).

Глава семьдесят седьмая

¹ Глава посвящена Синьлин-цзюню (Вэй-гунцзы) – вэйскому полководцу и политическому деятелю первой половины III в. до н.э. В китайской литературе существуют разнообразные оценки главы о Вэй-гунцзы. Так, современный историк Хань Чжаоци пишет: «Жизнеописание вэйского княжича» является одной из самых впечатляющих глав... В фигуре Синьлин-цзюня отражены важные общественные идеалы самого Сыма Цяня» [269, с. 218]. Сходные взгляды высказывал минский ученый Мао Кунь (XVI в.) (см. его книгу *Ши цзи чао* – «Списки «Исторических записок»», гл. 45). Цинский ученый Сюй Юйцяо критикует стилистические погрешности текста, в котором, например, слово *гунцзы* («княжич») употреблено 147 раз (см. [241, с. 596]). Недостатки стиля отмечал и минский Чэнь Жэнь-си (см. [262, т. VII, с. 3664]).

Имеется несколько переводов гл. 77 на западные языки: на немецкий – А.Пфицмайера [181], М.Шоплейна [334, vol. 5, 1943, № 18, с. 21–31], Э.Хэнниша [147, с. 27–37]; на английский [336, 1955, vol. 4, с. 87–94]. На совр. японский язык главу перевел Отаке [252, *Ле чжуань*, кн. 1, с. 222–223], на *байхуа* – У Хунъя [218, с. 1081–1085], Ван Босян [220, с. 197–214], Суй Шусэнь (см. [332, 1956, № 9, с. 29–32]) и Чжэн Цюаньчжун [309, с. 100–116]. При работе над главой был использован ряд трудов комментаторов [246; 248; 262; 281; 321 и др.].

² Вэйский Чжао-ван правил в 295–277 гг., Ань Ли-ван – в 276–243 гг.

³ Синьлин – вэйское поселение, находившееся на территории совр. уезда Нинлин пров. Хэнань.

⁴ Жизнеописание Фань Суя см. в гл. 79.

⁵ Окружение Даляна произошло на 2-м году правления Ань Ли-вана (275 г.), а

сражение под Хуаяном и поражение Ман Мао – спустя два года, в 273 г. Как верно заметил Такигава, в это время *сяном* в Цинь служил не Фань Суй, а Жан-хоу, и поэтому ссылка в тексте на Фань Суя ошибочна (см. [262, т. VII, с. 3664]).

⁶ В тексте – *бо* («азартная игра»). Переводчики данной главы на *байхуа* Суй Шусэнь и Ван Босян предположили, что княжич с войским *ваном* играли в шашки или шахматы – *сяци*. Определить точно, о какой игре идет речь, затруднительно.

⁷ *Е* – укрепленный пункт, принадлежавший Вэй и располагавшийся на границе с княжеством Чжао (см. карту 3).

⁸ Верительная бирка военачальника (*бинфу*) делилась пополам. Половина ее вручалась *ваном* при выступлении в военный поход (своеобразный мандат на управление войсками). Получая новый приказ, военачальник складывал половинки верительной бирки, их совместимость служила доказательством подлинности приказа. Ниже следует аналогичный термин – *хуфу*, обозначающий разновидность верительной бирки. Подробнее см.: Истзал, т. II, гл. 10, с. 459, примеч. 39.

⁹ *У ба* – пять сильнейших *чжухоу* периода Чуньцзо, пять «гегемонов»; по наиболее распространенной версии, к ним относились: циский Хуань-гун, цзиньский Вэнь-гун, циньский Му-гун, чуский Чжуан-гун и уский Хэ Люй.

¹⁰ Поскольку *цзинь* в период Цинь и Хань равнялся 516 г (см. [266, с. 61]), вес гири должен был составлять более 20 кг, что выглядит явным преувеличением.

¹¹ Эта короткая речь приведена и в *Чжаньго цз*.

¹² В соответствии с ритуалом, в княжеских и царских дворцах хозяин – *ван*, *гун* или *хоу* – поднимался по ступеням с восточной стороны, а гости – с западной.

¹³ Хао – поселение на юге царства Чжуншань, в 110 км к северу от Ханьдана (см. карту 1).

¹⁴ Мао-гун относился к представителям школы *минцзя*. В *Хань шу* упоминается его сочинение в девяти главах (см. [219, гл. 30, с. 1736]). Как отмечает Лю Сян, он вместе с Гунсунь Луном навещал дом Пинъюань-цзюня.

¹⁵ Место, где обитал Се-гун, у Сюй Гуана названо лавочкой, торгующей не сиропами и отварами (*майцзянцзя*), а крепким алкогольным напитком – ханжой (*лао*) (см. [262, т. VII, с. 3674]). Фамилий и имен этих двух ученых Сыма Цянь не называет, так как, очевидно, к его времени были известны лишь их прозвища.

¹⁶ Среди вошедших в антициньскую коалицию княжеств кроме Вэй обычно упоминают Чжао, Хань, Ци, Чу и Янь.

¹⁷ Мэн Ао – дед известного циньского деятеля Мэн Тяня, которому посвящена глава 88 *Ши цзи*.

¹⁸ В *Хань шу* такое сочинение не упоминается, однако в библиографическом труде Лю Сяна и Лю Синя *Цилюэ* («Семь разделов литературы») названо *Вэй-гунцзы бинфа*, состоящее из 21 главы с 7 картами. До нашего времени оно не дошло.

¹⁹ *Наньмань* – досл. «повернуться и сесть лицом к югу» – было прерогативой только государя (императора, *вана*). Клеветники намекали на стремление Вэй-гунцзы занять престол *вана*.

²⁰ Это был 22-й год правления циньского Чжэна – будущего Цинь Ши-хуана. В

гл. 6 сообщалось, что циньцами командовал Ван Бэнь, который провел от Хуанхэ канал и затопил Далян. В результате крепостные стены рухнули, и город пал (Истзап, т. II, с. 60), но об уничтожении его защитников ничего не говорилось.

²¹ Об этом акте ханьского Гао-цзу упоминалось в гл. 8 (Истзап, т. II, с. 196).

²² Речь идет о «четыре выдающихся княжичах Поднебесной».

²³ По мнению Чжан Вэнь-ху (1808–1885) и Накаи Сэкитоку, из этих трех иероглифов 有以也 – юе («есть своя причина, свой резон») – два первых стоят не на месте и должны заключать эпилог (см. [262, т. VII, с. 3678]).

Глава семьдесят восьмая

¹ Глава посвящена Чуньшэнь-цзюню (Хуан Се) – крупнейшему политическому деятелю княжества Чу на заре его независимого существования. Сделано несколько переводов главы на немецкий язык: А.Пфицмайера [340, vol. 31, с. 104–120], Ф.Хьюботтера [155] и Э.Хэнниша [147, с. 38–49]. На совр. японский язык главу перевел Отаке [252, *Ле чжуань*, кн. 1, с. 234–246]; на *байхуа* – Ли Цзунтао и Ли Чжэньсин [218, т. 2, с. 1091–1103].

² Чуский Цин Сян-ван правил в 298–263 гг.

³ Судьба Ман Мао после этого сражения не ясна. По данным гл. 15 (Истзап, т. III, с. 296), ему после боя удалось бежать.

⁴ Эти области и населенные пункты находились на юго-западе Чу (см. карту 1).

⁵ Чэньсянь (Чэнь, Чэньчэн) находился у северных границ Чу (см. карту 1).

⁶ По мнению Лин Чжи-луна и переводчиков главы на *байхуа*, под упомянутыми в донесении «клячей и собакой» (*нуцюань*) подразумеваются княжества Хань и Вэй [262, т. VII, с. 3681]. Мы полагаем, что нет необходимости в столь жесткой привязке этого литературного образа, так как ослаблением Чу вполне могли воспользоваться и Ци, и Чжао.

⁷ Имеются в виду север и запад Поднебесной, что не вполне соответствует реальной картине, так как Цинь в тот период контролировало запад, северо-запад и юго-запад Поднебесной.

⁸ В этой фразе есть несколько неточностей. Во-первых, вместо неизвестно какого Чжуан-вана должен стоять чжоуский У-ван (как в *Чжаньго цэ*), так как именно *ваны* Вэнь и У – наиболее чтимые первые правители Чжоу и обычно упоминаются вдвоем; во-вторых, в заключительной части предложения употреблено слово «безрассудно», что считается ошибкой переписчика. Необходимо также учитывать, что Сыма Цянь использовал оборот «три поколения» во временном значении: «век», «длительный срок». Не стоит видеть хроноклазм в употреблении термина *хэцзун*, ибо это было, скорее всего, сознательным осовремениванием очень старой проблемы стратегических союзов.

⁹ См. карту 3. Следует отметить, что в гл. 6 занятие городов Суаньцзао, Янь и Сюй отнесено к 242 г., т.е. к значительно более позднему времени, чем в гл. 78 (см.:

Истзап, т. II, с. 54). И уж совсем странно звучит фраза о захвате Даляна, который попал в руки циньцев только в 225 г.

¹⁰ Все населенные пункты – см. карту 3. Не удалось идентифицировать только Жэнь и Инчэн.

¹¹ Строчка из Больших од *Шицзина* (ШСЦ, т. IX, с. 1549). В русском переводе А.Штукина несколько иной смысл: «Недобрых совсем не бывает вначале, но мало кто добрым дожил до конца» [93, с. 376].

¹² Усеченная цитата из 64-й гексаграммы *Ицзина*. В русском переводе Ю.К.Шуцко: «Еще не конец. Свершение. Молодой лис почти переправился, [но] вымочил свой хвост – ничего благоприятного», что обычно интерпретируется как крайняя опасность ошибок или нехватки сил на заключительном этапе любого дела (см. [32, с. 245, 452, 585]).

¹³ Речь идет о цзиньском Чжи-бо, который погиб в 453 г. (о нем см.: Истзап, т. II, с. 309, примеч. 14).

¹⁴ Юйцы находился на левом берегу р. Фэньшуй, в ее верхнем течении (см. карту 1).

¹⁵ Ганьсуй находился на территории совр. уезда Усянь пров. Цзянсу. Этот населенный пункт уже упоминался в гл.69. Как известно из гл. 31, закат княжества затянулся на 9 лет (с 482 по 473 г.) и обозначен несколькими военными поражениями в различных местах.

¹⁶ В различных главах *Шицзи* эта битва датируется по-разному: в гл. 14 – 485–484 гг., а в главах 31 и 41 – 489 г.

¹⁷ В тексте – *сань чжэу* («у трех островов»), однако в *Чжаньго цэ* написано *сань цзян* («на берегах трех рек»), что более соответствует ходу событий.

¹⁸ Цзиньян находился в верхнем течении р. Фэньшуй (см. карту 1).

¹⁹ Цзаотай располагался на территории совр. уезда Юйцы пров. Шаньси [301, с. 1408].

²⁰ В современном тексте *Шицзина* эти слова обнаружить не удалось. Отсылка Сунь И-жана к *Чжоу шу* [218, с. 1093] оказалась не поддающейся проверке, поскольку там названа отсутствующая в нынешнем тексте канона глава.

²¹ Эта цитата взята из малой оды *Шицзина* «О клеветниках». В русском переводе А.Штукина: «Стремление зрю в человеке другом – обдумав его, разбираю его. А заяц – хитрит он и скачет петлей – собака навстречу, хватает его» [93, с. 266].

²² Данный отрывок из послания Хуан Се производит сложное впечатление. Во-первых, такого тотального разгрома ближайших княжеств со стороны Цинь в то время не происходило, тут политик явно сгустил краски. Во-вторых, описание жестокости циньцев призвано, на нашему мнению, бросить тень на циньскую державу, представив ее путь к гегемонии в стране исключительно жестоким и кровавым. Разумеется, войны периода Чжаньго были кровопролитными, но в приведенном описании прослеживается тенденциозность ханьской и конфуцианской оценки происшедшего.

²³ Река Суйшуй текла по югу Хэнани. В *Чжаньго цэ* вместо нее значится река

Суйян, местоположение которой неясно.

²⁴ Имеются в виду Ци, Чжао, Хань и Вэй.

²⁵ Указанные пункты входили тогда в состав сунских земель и частично показаны на карте 1.

²⁶ Дуншань – досл. «Восточная гора». В Древнем Китае немало гор с таким названием, и в данном случае локализация затруднительна. Цюйхэ, по резонному мнению комментаторов, должно быть заменено на Хэцхой – излучина Хуанхэ.

²⁷ Яньлин находился на крайнем юге вэйских земель (см. карту 3).

²⁸ Города Шанцай и Чжаолин располагались в среднем течении р. Жушуй и находились под властью то Чу, то Вэй. Не ясно, каким образом осада ханьской столицы Чжэн могла осложнить связи между Шанцаем и Чжаолином (см. карту 1).

²⁹ В толковании последней фразы мы исходим из трактовки Накай (см. [262, т. VII, с. 3690]), Ли Цзунтао и Ли Чжэньсиня (см. [262, т. VII, с. 1095]).

³⁰ Речь явно идет о тех землях по правому берегу Хуанхэ, которые обеспечивали Ци контроль над выходом к морю.

³¹ Сыма Цянь пишет о том, что циньские земли как бы соединяют два моря (ляньхай), но, как известно, на западе Китая моря нет, и здесь под вторым морем следует, очевидно, понимать степи и пустыни западных окраин.

³² В гл. 40 *Ши цзи* наследник носит другое имя – Сюн Юань (Истап, т. V, с. 216, 317).

³³ Яньвэнь-цзюнь был старшим братом чуского *всина* (см. [262, с. 3691]).

³⁴ По мнению Чжан Шоу-цзе, Чуньшэнь-цзюнь – посмертный титул Хуан Се, но Накай Сэкитоку считает Чуньшэнь владением. Земли с таким названием находились на территории совр. пров. Цзянсу.

³⁵ Хуайбэй – земли к северу от р. Хуайхэ (Хуайшуй), крупнейшей между Янцзы и Хуанхэ (см. карту 1).

³⁶ У – город в пров. Цзянсу, когда-то ставка узкого правителя Хэ Люя (см.: Истап, т. V, с. 31).

³⁷ О философе Сюнь Цине, более известном под именем Сюнь-цзы, см. гл. 74, где упоминается, что он был погребен в Ланьлине.

³⁸ Циньский Чжуан Сян-ван правил в 249–247 гг.

³⁹ О Люй Бу-вэе немало рассказывается в гл. 6 (Истап, т. II); его жизнеописание см. в гл. 85 *Ши цзи*.

⁴⁰ Вэйский город на правом берегу Хуанхэ примерно в 100 км к северо-востоку от переправы Байма (см. карту 3).

⁴¹ Крепость Минхэ находилась на стратегически важном перевале через горный хребет Тунбошань (см. карту 1). Нельзя не отметить, что вся речь Чжу Ина не соответствовала реальности: циньцы не давали царству Чу 20-летней передышки, а роль перевала и крепости Минхэ была малозначимой, так как циньская агрессия на чуской территории развивалась вдоль бассейна р. Ханьшуй.

⁴² Как подтверждает текст гл. 40, в 241 г. чуский дом из-за угрозы циньского нападения вновь перенес столицу, на этот раз из Чэня в Шоучунь (см. карту 1).

⁴³ Дунцизюнь («Восточная область») располагалась на правобережье Хуанхэ (см. карту 3).

⁴⁴ Утверждение о том, что у Као Ле-вана не было сыновей, ставится под сомнение другими источниками. Так, Лян Юй-шэн, ссылаясь на *Сюнь*, сообщает, что у него было четыре сына. Однако он тоже констатирует, что полной ясности в генеалогии чуских *ванов* нет (см. [236, кн. 12, гл. 30, с. 10]).

⁴⁵ И Инь (А-хэн) был советником у иньского правителя Чэн Тана и оставался на этом посту и при следующих иньских правителях, одного из которых (Тай-цзя) за жестокость он сослал и правил вместо него несколько лет. Мы отмечали ранее, что имя И Иня встречается в надписях на гадательных костях, что свидетельствует о реальности существования данного персонажа (см.: Истзэл, т. I, гл. 3). Чжоу-гун (по имени Дань) был помощником одного из почитаемых первых правителей дома Чжоу – У-вана. Когда последний скончался, Чжоу-гун взял на себя управление государством вместо малолетнего Чэн-вана и правил семь лет (см.: Истзэл, т. I, гл. 4).

⁴⁶ Лян Юй-шэн, ссылаясь на текст *Чжаньго цз*, где Ли Юань называется *цзю* (舅) – дядей по матери или шурином *вана*, считает слово «противник», «враг» в тексте ошибочным. Но, на наш взгляд, прав Такигава, который, исходя из дальнейшего изложения, не принял такого толкования [262, с. 3698].

⁴⁷ В некоторых ранних списках *Ши цзи* (по свидетельству Мидзусавы – в шести [248, т. VI, гл. 78, с. 11]) вместо Чжу Ина ошибочно назван чжаоский Чжу Хай (встречавшийся нам ранее), что было исправлено в позднейших списках.

⁴⁸ Цзимэнь – один из ворот Шоучуя (см. [252, с. 245]).

⁴⁹ Чуский Ю-ван (по имени Хань) правил в 238–228 гг.

⁵⁰ Об этих событиях в Цинь см. гл. 6 (Истзэл, т. II, с. 55–56) и гл. 85.

Глава семьдесят девятая

¹ Глава посвящена двум крупным циньским политикам середины III в. до н.э., но большая часть ее обширного текста отведена для изложения принципов и методов политической борьбы, особенностям формирования и функционирования политической элиты. Существуют следующие переводы главы: на немецкий язык – А.Пфидмайера [181, с. 227, 266], Ф.Хьюботтера [155, с. 77–85]; на английский – Ч.Питона [183, с. 312, 315, 323]; на совр. японский язык – Отаке [252, с. 247–276]; на *байхуа* – Бао Гэнди [218, т. 1, с. 1103–1130] и Ван Босюна [220, с. 215–265]. Как и в остальных главах, использовались комментарии японских и китайских авторов разных эпох: Лян Юй-шэна, Цуй Ши, Такигавы, Мидзусавы и др.

² Вэйский Чжао-ван Су правил в 295–277 гг.

³ Циский Сян-ван по имени Фа Чжан правил в 283–265 гг.

⁴ Такие эпизоды с натуралистическими подробностями в жизнеописаниях Сыма Цяня, видимо, считались вполне допустимыми даже для жанра династийной истории и, по всей вероятности, восходят к традиционному китайскому восприятию некоторых жизненных проявлений.

⁵ Не ясно, действительно ли Чжэн Ань-пин был вэйцем, но спустя 15 лет он являлся крупным военачальником в Цинь (см.: Истзап, т. III, с. 302), сменив в 257 г. на посту главнокомандующего оклеветанного Бай Ци (см. далее текст главы). Не исключено, что замалчивание этого имени в гл. 5 «Основные записи о Цинь» (Истзап, т. II) связано не только с провалом его короткой карьеры в Цинь, но также с его изменой и бегством в Чжао. В гл. 43 (*Чжао ши цзя*) под 255 г. упомянуто о смерти Чжэн Ань-пина с титулом Уян-цзюнь (Истзап, т. VI, с. 77).

⁶ Лян Юй-шэн отмечает, что человек по имени Чжан Лу числился также и в свите Мэнчан-цзюня, но это разные люди [246, кн. 12, гл. 31, с. 2].

⁷ Холм Сяньтин, по данным Ван Босина, находился в 37 ли к юго-востоку от совр. уездного города Вэйшисянь пров. Хэнань [220, с. 231]. По-видимому, это было бесплодное место, где удобно было встретиться без лишних свидетелей.

⁸ Ху – название озера, находившегося в 20 км от совр. города Вэньсян в Хэнани (см. [218, т. 2, с. 1104]).

⁹ Жан-хоу (Вэй Жань) – крупный сановник царства Цинь. Впервые стал советником вана в 300 г., ему посвящена глава 72.

¹⁰ В тексте стоит бином *лэйлуань*, дословно означающий «груда яиц, которая легко бьется», что по смыслу равноценно опасной, рискованной ситуации или грозящей катастрофе.

¹¹ Чуский Хуай-ван умер в плену в Цинь в 296 г., на 11-м году правления циньского Чжао Сян-вана (Истзап, т. III, с. 289).

¹² Циский Минь-ван правил в 323–284 гг. В течение двух месяцев 288 г. (19-й год правления циньского Чжао Сян-вана) он именовал себя Дун-ди – «Восточным императором», а затем отказался от этого титула (см.: Истзап, т. III, с. 291).

¹³ Это единственный случай (видимо, ошибка переписчика) употребления титула Хуаян-цзюнь в применении к Жан-хоу. Во всех остальных случаях этот титул носит его брат Ми Жун.

¹⁴ Дворец Лигун («Дворец расставаний») служил при циньской династии местом приема гостей; располагался в столице Сяньяне.

¹⁵ Племена *ицзюй* – это племена западных *жунов* (*сичжунов*), располагавшиеся на землях нынешней пров. Ганьсу.

¹⁶ Люй Шан, он же Тай-гун Ван, он же Ши Шан-фу, – тесть и наставник одного из основателей чжоуского государства У-вана (о нем см.: Истзап, т. I, гл. 4; т. V, гл. 32). Вэйхэ (или Вэйшуй) – река, протекающая в совр. пров. Шэньси, приток Хуанхэ, одна из основных речных магистралей чжоусцев (см. карты 1, 2).

¹⁷ У Хо и Жэнь Би – знаменитые силачи при дворе циньского У-вана (310–306 гг.) (о них см.: Истзап, т. II, с. 44).

¹⁸ Упомянутые здесь герон (*юнши*) фигурируют и в классических памятниках, и в фольклоре: Чэн Цзин действовал в княжестве Ци, обычно упоминается вместе с Мэн Бэнем; Ван Цин-цзи являлся сыном усюкого вана Ляо; Ся Юй подвизался в княжестве Вэй.

¹⁹ Налицо сочетание идеи верности долгу перед правителем и государством и постулата о неизбежности смерти независимо от степени одаренности или физической силы. В последнем явно находят свое отражение некоторые диалектические аспекты даосской философии («предметы, достигнув расцвета, стареют»).

²⁰ Об У Цзы-сюе см. главы 41 и 66 *Ши цзи*.

²¹ Река Линшуй известна также под именами Лайшуй и Пяошуй; в древности являлась средней протокой известного Трехречья (Саньцзян), текла из пров. Аньхой в Цзянсу. Таким образом, У Цзы-сюй приблизился к цели своего путешествия – княжеству У.

²² Ци-цзы – приближенный последнего иньского правителя Чжоу Синя. Напуганный судьбой Би-ганя, которому за искренность и принципиальность вырезали сердце, Ци-цзы прикинулся сумасшедшим и стал изображать раба (см.: Истзап, т. I, гл. 3, с. 177–178, и т. V, гл. 38, с. 124–129, где он ошибочно назван Ци-цзы). Цзе Юй – чуский мудрец, также сознательно надевший на себя личину сумасшедшего. В гл. 47 Сыма Цянь описал случайную встречу Конфуция с Цзе Юем, когда последний выступил в роли морализатора и провидца (см.: Истзап, т. VI, с. 143, 329). Цзе Юй упоминается в *Лунь юе*, у Чжуан-цзы и в чуских одах *Чу цы*.

²³ Гора Ганьцоань находится в совр. уезде Чуньхуа пров. Шэньси; долина Гукоу (зовется также Ханьмэнь) – в совр. уезде Цзинъян пров. Шэньси; Лун (имеется в виду Силун) – в пров. Шэньси; Шу – в пров. Сычуань; Фань – то же, что гора Сяофань, находится, по Ван Босяну, в совр. уезде Шансянь пров. Шэньси.

²⁴ *Ханьлу* – название одной из пород агрессивных охотничьих собак.

²⁵ Под внутренними делами имелась в виду прежде всего деятельность при дворе *тайхоу* и ее клана, а под внешними – действия и просчеты Жан-хоу во внешней политике Цинь.

²⁶ Вероятнее всего, нападение на эти два селения состоялось лишь в 270 г., причем силами другой коалиции – Цинь и Чу (см.: Истзап, т. III, гл. 15, с. 299).

²⁷ Поход на юг против Чу происходил на 23-м году правления (301 г.) циского Минь-вана (см.: Истзап, т. V, гл. 40, с. 209).

²⁸ В наступлении на цискую армию участвовали войска пяти княжеств: Хань, Чжао, Вэй, Янь и Цинь. Это произошло в 284 г. (см.: Истзап, т. III, гл. 15).

²⁹ О Вэнь-цзы (он же Тянь Вэнь или Мэнчан-цзюнь) см. гл. 74. В данном случае Фань Суй грубо искажает ход событий: с Вэнь-цзы в княжестве Ци связаны только победы, а разгром Ци наступил через 10 лет после его отъезда.

³⁰ Хуай – город на берегах Хуанхэ, расположенный к северо-востоку от Лояна (см. карту 1). По мнению Бао Гэньди, второй пункт должен именоваться Цицзо и располагаться в уезде Тайхэ пров. Аньхой (см. [218, т. 2, с. 1113]). Однако Ван Босян локализует этот древний город иначе – в совр. уезде Вэньсянь пров. Хэнань [322, с. 242].

³¹ Инъян находился в центре княжества Хань, к востоку от Лояна (см. карту 3).

³² Через горный хребет Тайхан пролегали пути из области Шандан в Чжао, но никак не в центральные районы Хань. Этот тезис Фань Суя смысла не имеет.

³³ Явное несоответствие между советами Фань Суя и поступками *вана* вынуждает нас предположить скрытую иронию Сыма Цяня.

³⁴ Имеется в виду Жан-хоу.

³⁵ По мнению Сунь И-жана (1848–1908) (см. [262, т. VII, с. 3721]), это цитата из древней книги *И Чэжоу шу* (*Чэжоу шу* или *Цзимэн шу*), которая была известна в эпоху Хань в объеме 61 главы, о чем свидетельствует *Хань шу* (см. [219, кн. 6, гл. 30, с. 1703]). *Ичжоу шу*, записанная на бамбуковых дощечках, была найдена еще в III веке н.э. в могиле вэйского Ань Ли-вана.

³⁶ Здесь упомянуты случаи предательства сановников в Ци: Цуй Чжу убил из лука Чжуан-гуна (см.: Истзап, т. V, гл. 32, с. 56); сянь Нао Чи жестоко расправился с циским Минь-ваном (см.: Истзап, т. VI, гл. 46, с. 122).

³⁷ Ли Дуй, будучи чжаоским сыкоу, поднял бунт против Улин-вана (325–299 гг.). Об этом бунте и умерщвлении Улин-вана (Чжуфу) см.: Истзап, т. VI, гл. 43, с. 69. Шаоцэ находился к северо-востоку от города Ханьдань (см. карту 3).

³⁸ Трудно не увидеть в этой фразе сомнение историка в искренности и бескорыстии придворных политиков.

³⁹ Ин находился на юго-западе совр. уезда Баофэн пров. Хэнань. Такая локализация выглядит сомнительной, так как земли в этом районе еще не принадлежали Цинь.

⁴⁰ Заметим, что имя Лу означает «получающий большое содержание».

⁴¹ Видимо, Фань Суй заранее отдал такое распоряжение.

⁴² Здесь применено выражение *цинъюнь чжи шан* – «вознестись в синие облака», образно означающее «подняться вверх по ступеням славы и почета, обрести известность».

⁴³ Шэнь Бао-сюй – сановник чуского Чжао-вана (515–488 гг.) (см.: Истзап, т. V, гл. 40, с. 199).

⁴⁴ Остается неясным, почему Шэнь Бао-сюй отказался от пожалования, которое приближало его к могилам предков. Мы предполагаем, что здесь либо пропущена частица «не» («не располагались»), либо 5 тыс. семей пожалованы в узких землях, поскольку история с Шэнем является лишь иллюстрацией к следующей фразе, как раз и утверждающей примат близости к родным могилам.

⁴⁵ В тексте – *цзюань гуаньшиэ*, словосочетание, дословно означающее «приобрести служебное подворье», образно указывающее на смерть человека.

⁴⁶ Шаоцой – район в излучине р. Шаошуй, юго-западнее горного хребта Тайхан; Гаопин – город к юго-западу от Шаоцоя (см. карту 3).

⁴⁷ О Гуань Чжуне И-у см. гл. 62. Вместе с тем Цуй Ши [281, с. 12–13] находит здесь неточность у Сыма Цяня, так как Вэнь-ван дал своему предку Гу-гуну посмертное имя Тай-ван, а Люй Шан именовался Тай-гун Ван, а не Тай-гун, как его сокращенно называли в послеханьское время.

⁴⁸ Как уже отмечали Лян Юй-шэн [246, кн. 12, гл. 39, с. 14] и Цянь Дасинь [284, гл. V, с. 73], чжаоскому Сяо Чэн-вану Пинъюань-цзюнь приходился дядей, а не младшим братом.

⁴⁹ Фэньцзин находился в совр. уезде Сянчэн пров. Хэнань. Хэшан – земли вдоль р. Хуанхэ в пров. Хэнань. Гуанью – название горы в совр. уезде Хэинь в Хэнани. Видимо, в этих местах были построены какие-то укрепления.

⁵⁰ Как уже сообщалось в гл. 73, Бай Ци был принужден покончить с собой.

⁵¹ В тексте Тан Цзюй назван *сяном*, что мы понимаем в значении *сянши* – «гадатель-физиогномист». Имя Тан Цзюй имеет два варианта написания «цзюй» и упоминается в сочинении философа Сюнь-цзы (см.: ЧЦЦЧ, т. II, гл. 3, с. 46), а также в *Гулянь-чжуань* и *Гуньянь-чжуань*.

⁵² Ли Дуй – крупная политическая фигура в Чжао в начале III в., организатор убийства Улин-вана (Чжуфу) и его сына Чжана (см.: Истзап, т. VI, с. 67–69).

⁵³ Термином *байцзя* («сто школ») в период Чжаньго обозначались мыслители всех школ и направлений, свободно дискутировавшие между собой.

⁵⁴ О Шан-цзюне (Шан Яне) и его судьбе см. гл. 68. Несмотря на многочисленные заслуги перед Цинь, Шан-цзюнь после смерти Сяо-гуна, ненавидимый родовой знатью, был убит, а его труп разорван колесницами. У Ци также трагически погиб (см. гл. 65). Юэского *дафу* Чжуня постигла столь же печальная участь: оклеветанный, после многих лет беспорочной службы он был приговорен к самоубийству (см.: Истзап, т. VI, гл. 41).

⁵⁵ В этих словах, видимо, отражена идея смерти как возврата к исходной точке, первооснове вообще или (более узко) первооснове собственного рода.

⁵⁶ О Шэнь-шэне см. гл. 39 (Истзап, т. V).

⁵⁷ Вэй-цзы Ци – сын иньского императора И (о нем см.: Истзап, т. I, гл. 3).

⁵⁸ Хун Яо служил двум первым чжоуским правителям – Вэнь-вану и У-вану. Чжоу-гун Дань, младший брат и помощник У-вана, позднее служил Чэн-вану. В конфуцианской литературе это опозтизированная и сильно приукрашенная фигура мудрого властителя. Об этих персонажах см.: Истзап, т. I, гл. 4 и т. V, гл. 33.

⁵⁹ Три приведенных Цай Цзэ фразы (их неудачное оформление вводными словами, скорее всего, – «заслуга» переписчиков) являются цитатами из *Лунь юя* (первая – ЧЦЦЧ, гл. 18, § 13, третья – ЧЦЦЧ, гл. 7, § 16) и *Ицзина* (вторая). Поскольку этими цитатами Цай Цзэ пытается дать оценку карьеры Фань Суя и навязать ему программу действий, нельзя не отметить явные слабости в позиции Цая. Зачем, например, Фаню уходить с службы, если Цинь идет верным Путем? Где доказательства несправедности роста благосостояния циньского *сяна*?

Фрагмент *Ицзина* (приведено толкование к 5-й девятке 1-й гексаграммы *Цянь* – «Творчество», в русском переводе Ю.К.Щуцкого см. [32, с. 462]) использован Цай Цзэ в каноническом значении, т.е. как символ предельного совершенства, за которым неминуемо следует упадок и гибель [32, с. 284].

⁶⁰ О Су Цине см. гл. 69, о Чжи-бо см. гл. 39 (Истзап, т. V, с. 180).

⁶¹ Куйцю имеет три варианта локализации: уезд Линьцзы пров. Шаньдун [304, с. 1059]; на востоке совр. уезда Каочэн пров. Хэнань [218, т. 2, с. 1129]; уезд Цисянь пров. Хэнань (Истзап, т. III, с. 800). Упомянутый съезд, вероятнее всего, состоялся на

35-м году правления Хуань-гуна, т.е. в 651 г.

⁶² Ся Юй и *тайши* Цзяо – два известных храбреца древности.

⁶³ Местоположение Ян определить не удалось.

⁶⁴ Зная коварство и неблагодарность своего правителя Гоу Цзяня, Фань Ли в зените карьеры оставил все посты и перебрался в Ци, где под именем Тао Чжу-гуна вновь поднялся до высот богатства и славы (см.: Истзап, т. VI, гл. 41).

⁶⁵ Эта сентенция заимствована из философского трактата *Мо-цзы*, где она вложена в уста *цзюньцзы* – «совершенномудрога» (см.: ЧЦЦЧ, т. IV, гл. 5, с. 88).

⁶⁶ Яньлинский Цзи-цзы – четвертый сын усюкого *вана* Шоу Мэна. Когда отец за мудрость уступил власть ему, он передал княжеский трон старшему брату и только позднее был пожалован владением в Яньлине (уский город к юго-востоку от устья Янцзы – см. карту 1, а также Истзап, т. V, гл. 31, с. 28).

⁶⁷ Цяо (см. [219, кн. IX, гл. 64, с. 2828]) и Сун (Чи Сун-цзы) (см. [283, т. I, с. 539]) – хрестоматийные примеры долголетия из легендарной эпохи Яо и Шуня. Нередко упоминаются в одном ряду с Пэн-цзу, якобы прожившим более 760 лет (см.: Истзап, т. I, с. 144, 245). У Цяо было имя Цзинь, прозвище Цзы Цяо. Сун упоминался в гл. 55 (Истзап, т. VI), как дух вождей времен легендарного Шэнь-нуна, живший, по преданиям, в горах Куньлунь.

⁶⁸ В *Ицзине* это шестой афоризм к 1-й гексаграмме *Цянь* («Творчество»). Дано в пер. Ю.К.Щуцкого [32, с. 264].

⁶⁹ Ганчэн (владение Цай Цзэ) находился на северо-востоке совр. уезда Суйчан пров. Хэнань.

⁷⁰ Цай Цзэ начал службу в последние годы Чжао-вана (не ранее 255 г.), пережил краткие царствования Сяо Вэнь-вана и Чжуан Сян-вана, дожив, если верить предсказанию Тан Цзюя, приблизительно до 213 г. Отметим, что особых успехов Цай Цзэ, видимо, не достиг, так как ни в одной из глав, посвященных истории Цинь (главы 5, 6, 15), его имя не упоминается. Заключительные строки главы позволяют предположить, что после 245 г. Цай Цзэ использовался на дипломатическом поприще и только за пределами Цинь.

⁷¹ Ван Босян считает, что отправка Дая заложником состоялась на 12-м году правления циньского Чжэна (будущего Ши-хуана), т.е. в 235 г. (см.: ШСЦ, с. 264, примеч. 514), хотя у Сыма Цяня неоднократно указан 232 г. (см.: Истзап, т. III, с. 313 и т. V, с. 91).

⁷² Эта присказка приводится в гл. 49 («Пять паразитов») *Хань Фэй-цзы* (ЧЦЦЧ, т. V, с. 349). В русском переводе Е.П.Синицина эта присказка звучит так: «С длинными рукавами хорошо танцевать, с большими деньгами хорошо покупать» [20, т. 2, с. 273].

Глава восьмидесятая

¹ Глава посвящена классической фигуре эпохи Чжаньго, ярко воплотившей наиболее типичные черты высшего слоя служилой интеллигенции. Уроженец Вэй, Юэ И мигрировал между Чжао, Вэй и Янь в зависимости от складывавшейся обстановки, умело использовал противоречия между княжествами, позная позднее и потому, вероятно, столь зрелые плоды политической децентрализации. Отметим также нестандартность эпизода главы, где вместо обычных сентенций (лакуна?) сразу после зачина следует полулегендарная «педагогическая» генеалогия, смысл изложения которой неясен.

При работе над главой мы пользовались уже существующими ее переводами: на немецкий – А.Пфизмайера [340, vol. 28, с. 56–64], на английский – Ф.Кирмэна [159, с. 20–25], на русский – В.А.Панасюка [84, с. 147–155], на японский – Отаке [252, с. 278–286], на *байхуа* – Чэнь Вэньмэя [218, т. 2, с. 1113–1142].

² Линшоу находилось в совр. уезде Линшоу пров. Хэбэй.

³ Походы Улин-вана на Чжуншань были неоднократными, последний состоялся в 295 г. в союзе с Ци и Янь (Истзап, т. III, гл. 15, с. 289), когда, видимо, и завершилось самостоятельное существование Чжуншани.

⁴ Упомянутый мятеж, который вернее назвать дворцовым переворотом, произошел в 295 г., когда формально Улин-ван уже уступил власть своему сыну Хэ (Хуэй Вэнь-вану, 298–266 гг.). О борьбе за престолонаследие в Чжао и многочисленных дворцовых расприх см. гл. 43 *Ши цзи* (Истзап, т. VI, с. 66–69).

⁵ Подробно о событиях в Янь, связанных с узурпацией власти Цзы-чжи, рассказывалось в гл. 34 *Ши цзи* (Истзап, т. V, с. 88–89).

⁶ Го Вэй – советник яньского Чжао-вана, ученый муж, который первым из «интеллигентов» был привлечен к управлению княжеством. Ему *ван* построил палаты и назначил своим наставником. Вслед за ним в Янь прибыли Юэ И, Цзоу Янь и Цзюй Синь (см.: Истзап, т. V, гл. 34, с. 89).

⁷ Сам факт служения чиновника или ученого последовательно нескольким княжествам – явление не редкое. Причем, несмотря на независимость и даже непредсказуемость их поведения на высших постах, «родной» *ван* все же мог рассчитывать на содействие земляка или бывшего вассала.

⁸ Нападение на Чу и разгром войск Тан Мэя, если судить по Хронологическим таблицам (Истзап, т. III, с. 287), произошли в 301 г., причем в нападении на Чу участвовали также войска Цинь, Хань и Вэй. Отметим, что во всех остальных случаях упоминания этого сражения под Чунцзо (см. карту 2) Тан Мэй именуется не *сяном*, а военачальником.

⁹ Поражение циской армии от войск коалиции (в этой главе упущен шестой участник – Цинь) произошло в 284 г. (см.: Истзап, т. III, гл. 15). Подробную картину этой битвы к западу от р.Цзишуй воссоздал Г.Масперо [174, с. 115–116].

¹⁰ Цзюй – небольшое полусамостоятельное владение со столицей того же названия, на юго-востоке княжества Ци (на карте 1 это – южный Цзюй).

¹¹ В гл. 34 сообщалось также, что яньцы сожгли все дворцы и храмы предков

дома Ци (Истзап, т. V, с. 89).

¹² Владение Чанго называлось также Чанчэн и находилось к юго-западу от города Линьцзы (см. карту 1).

¹³ Реальное образование областей и уездов началось значительно позднее, в первые годы господства циньского императора (см.: Истзап, т. II, гл. 6); поэтому употребление здесь терминов *чжунь* (область) и *сянь* (уезд) является преждевременным, хотя единичные случаи появления таких административных образований все же имели место.

¹⁴ Жизнеописание Тянь Даня см. в гл. 82.

¹⁵ Местоположение населенного пункта Ванчжу определить не удалось.

¹⁶ Сян-ван – сын циского Минь-вана по имени Фа Чжан; правил в 283–265 гг. (см.: Истзап, т. III, гл. 15).

¹⁷ Названные здесь объекты – площадка Нинтай, дворец Юаньин, палаты Моши – находились в городе Ци, столице княжества Янь. Треножки были похищены цисцами в Янь в период смуты 314–313 гг. и теперь были возвращены.

¹⁸ Цэицо – другое название яньской столицы Ци. Река Вэньшуй брала начало в Лайу в Шаньдуне и протекала вдоль хребта Тайшань. Комментаторы молчат, но речь, по-видимому, идет о каких-то священных и неприкосновенных бамбуковых рощах, из которых победители вывезли циский бамбук в Янь.

¹⁹ В тексте употреблено слово *чунь-чю* («весны и осени»), понимаемое как «летопись», «хроника», «анналь». Философ Мо-цзы упоминал о том, что он якобы видел *чунь-чю* ста княжеств. Однако мы знаем от Мэн-цзы, что местные хроники назывались и по-другому: в Цинь их звали *чэн*, в Чу – *таоу*. Первая известная крупная летопись типа *чунь-чю* была создана на основе событий в княжестве Лу, и ее авторство традиционно приписывается Конфуцию.

²⁰ История У Цзы-сюя рассказана в гл. 66. Фу Ча был последним правителем У и был побежден юзским *ваном* Гоу Цзянем. История усюкого владения и трагическая судьба У Цзы-сюя нашли также свое отражение и в книге *Го юй* («Речи царств») (см. [19, с. 276–279]; Истзап, т. VI, гл. 41, с. 17–19).

²¹ Как указывал раннецинский комментатор Чжан Хуа, могила Юэ И находилась в нескольких *ли* к западу от столицы Чжао – Ханьдана [262, т. VII, с. 3763].

²² Лян Юй-шэн полагает, что Юэ Цзянь получил владение в Янь в начальном году правления яньского Хуэй-вана (278 г.); но тогда, как следует из дальнейшего изложения, до нападения яньцев на Чжао по плану Ли Фу в 251 г. и бегства Юэ Цзяня в Чжао прошло не «более 30», а лишь 26 лет [246, кн. 10, гл. 31, с. 16].

²³ Жизнеописание чжаоского полководца Лянь По см. в гл. 81.

²⁴ В чжао-яньской войне 251 г. неясной остается роль Юэ Чэна. Данная глава позволяет пересмотреть трактовку соответствующего фрагмента гл. 34 (Истзап, т. V, с. 90, 249, примеч. 28), которая ранее сложилась у нас под влиянием Такигавы [262, т. V, с. 2248] и Лян Юй-шэна [246, кн. 9, гл. 19, с. 10–11]. Складывается следующая непротиворечивая в рамках *Ши цзи* версия: член прочжаоского клана Юэ военачальник Юэ Чэн попадает в плен вместе с войсками Ли Фу и Цин Циня. Поскольку

Юэ Цзянь тут же бежит в Чжао, а Юэ Чэн вскоре участвует в осаде столицы Янь, можно предположить, что последний попал к чжаосцам добровольно. В Чжао он делает карьеру и вскоре становится соперником Лянь По. Совсем иная версия в *Чжаньго цз*, где Юэ Чэн во главе 50-тысячной армии противостоит яньскому войску Цин Циня [295, гл. 2].

²⁵ Ци-цзы и Шан Жун – приближенные последнего иньского царя Чжоу Синя (о них см.: *Истзап*, т. I, гл. 3). История Ци-цзы подается яньским *ваном* весьма вольно, ибо тюрьма, в которую Ци-цзы попал за свои высказывания, вряд ли то же самое, что «уход от дел» или просто «изгнание».

²⁶ Усян – владение, находившееся на землях совр. пров. Шаньдун.

²⁷ Завоевание княжества Чжао циньскими войсками шло не один год, о сопутствующих событиях рассказывалось в анналах циньского дома (*Истзап*, т. II, гл. 6, с. 61) и в истории наследственного чжаоского дома (*Истзап*, т. VI, гл. 43). Судя по *Бяо*, пленение чжаоского *вана* произошло в 228 г., а окончательная ликвидация Чжао – в 222 г. (*Истзап*, т. III, с. 317).

²⁸ Гао-ди, он же Гао-цзю по имени Лю Бан, – первый император ханьской династии, правивший в 206–195 гг. Ему посвящена глава 8 (*Истзап*, т. II). Ф.Кирмэн отмечал, что в *Хань шу* указанная поездка ханьского императора зафиксирована на 7-м году его правления (197 г.), что вполне соответствует хронологии *Ши цзи* (см. [159, с. 78]).

²⁹ Юэцзин – владение, которое располагалось на юго-востоке совр. уезда Шэньсянь пров. Хэбэй [301, с. 1169].

³⁰ Гаоми находился в восточной части княжества Ци (см. карту 1).

³¹ Эпизод в данной главе вполне стандартен по объему и занимаемому месту, но необычен в содержательном плане. Если зачин (похвала посланию Юэ И) еще как-то связан с текстом главы, то далее, вместо отсутствующего резюме, появляется ирреальная «учительская» генеалогия. Вполне вероятно, что большая часть эпизода утеряна.

³² Куай Тун (правильнее – Куай Чэ, но из-за табу на знак чэ, входивший в имя императора У-ди – Лю Чэ, Сыма Цянь изменил его имя) был видным стратегом в период Чжаньго и в начале эпохи Хань (см. гл. 92 *Ши цзи*). Его биография имеется также и в *Хань шу*. Чжуфу Янь – советник циского Дао Хуэй-вана. Его биографические данные см. в гл. 112 *Ши цзи*.

³³ Ань Ци-шэн – легендарный святой. Предание гласило, что он прожил тысячу лет и в конце жизни встречался с императором Цинь Ши-хуаном. Он упоминался в главах 12 и 28 *Ши цзи* (*Истзап*, т. II, IV). Цао Шэнь (Цао Цань) был родом из Пэйи, откуда начал свое возвышение император Лю Бан. Цао Шэнь следовал за Лю Баном в ходе его борьбы с Сян Юем, стал *сяном* княжества Ци (202 г.), затем – империи Хань (193 г.). Его деяниям посвящена глава 54 *Ши цзи* (*Истзап*, т. VI, с. 203).

Глава восемьдесят первая

¹ Глава посвящена ведущим военным и политическим деятелям княжества Чжао в последние десятилетия его самостоятельного существования (80-е годы III в. – 222 г. до н.э.). Как и во многих других *ле чжуанях*, главных героев в главе больше тех двоих, чьи имена вынесены в заголовок. Так, кроме Лянь По и Линь Сян-жу историк знакомит нас с деятельностью Чжао Шэ, Чжао Ко и Ли Му.

К главе подготовлены две карты-схемы (по материалам книги Ван Босяна [220]), помогающие разобраться с географией походов. Существует несколько переводов этой главы или ее фрагментов на европейские языки: на немецкий – А.Пфицмайера [340, vol. 32, с. 69–87]; на английский – Ф.Кирмэна [159, с. 26–36]; на русский – В.А.Панасюка [84, с. 156–172] и В.С.Таскина [61, с. 64]. Перевод главы на совр. японский язык выполнен Отаке [252, кн. 2, с. 1–16]. В последние десятилетия опубликован ряд переводов на *байхуа*: Ван Босяна [220, с. 266–293], Хань Чжаоци [269, с. 228–236], а также в книге *Ши цзи сюань* [322, кн. 2, с. 317–337].

² Янцзинь находился на территории пров. Шаньдун. Однако упоминание этого пункта в данном случае вызывает недоумение. В гл. 43 указывалось, что в 283 г. войска Лянь По захватили Сиян (Истзэл, т. VI, гл. 43, с. 72); в гл. 15 – что Сиян был взят в 284 г. Янцзинь же нигде не упоминался. Однако Ван Босян оставил упоминание в тексте этого пункта без комментариев, локализовав его на правом берегу Хуанхэ к юго-востоку от города Гуаньцзэ (см. [220, с. 267]).

³ Би – яшма в виде кольца с квадратным отверстием. Здесь речь идет о знаменитой драгоценности, которая служила чуским правителям талисманом. Как гласит древнее предание, некий Бянь Хэ в царстве Чу нашел в горах Цзиншань красивую яшму, которую, отполировав, поднес чускому Ли-вану. Ван спросил об этом камне ювелиров, и те сказали, что он не представляет собой ценности. Тогда ван повелел отрубить Бянь Хэ левую ногу. Позднее мастер поднес эту яшму следующему правителю – У-вану, который также не сумел оценить камень и повелел отрубить Хэ правую ногу. И только новый правитель – Вэнь-ван признал яшму драгоценной (см: ЧЦЦЧ, т. V, с. 66–69).

⁴ Здесь в тексте использована комбинация из двух словосочетаний: *жоутань* (первая часть идиомы *жоутань цянъян* – «обнажить плечо и вести барана», т.е. «сдаться на милость победителя») и *фу фу* – «положить голову под топор [палача], на плаху».

⁵ Ван Босян подчеркивает, что прием посла на террасе, а не в основном зале, отражал пренебрежительное отношение к чжаоскому посланнику [220, с. 275].

⁶ *Ваньсуй* – «десять тысяч лет», «да здравствует!» – восклицание, выражающее безоговорочное одобрение, восторг.

⁷ Термин *цзюбинь* трактуется по-разному: «девять рангов знати при дворе», «девять рангов приезжих гостей» и просто «девять представителей *бинькэ*» (см. [283, т. 1, с. 108]). Он встречается в *Чжоули* в сочетании с *цзю* и *бинькэ* и относится к девяти типам церемоний и девяти типам гостей (см.: ШСЦ.т. XIV, гл. 37, с. 1345). В данном случае перевод «девять рангов знатности» более соответствует ситуации.

⁸ Опасения Лянь По не были беспочвенными, так как ранее (в 299 г.) чуский Хуай-ван при посещении Цинь был там задержан и умер в заточении.

⁹ *Цинь*, или *циньсэ* – струнный щипковый музыкальный инструмент, род цитры или гуслей, имел от 15 до 50 струн, в длину был около 8 чи, т.е. более 2 м. Диапазон звуков охватывал две хроматические октавы.

¹⁰ *Пэнфоу* – циньский музыкальный инструмент для сопровождения песен, напоминавший своей формой глиняный таз. Предложение сыграть на столь грубом инструменте должно было косвенно подчеркнуть дикость циньцев в сравнении с культурой центральных княжеств.

¹¹ Чжан Вэнь-ху считал, что в этих словах содержалась угроза перерезать горло *вану* [262, т. VIII, с. 3777]. В.А.Панасюк [84, с. 161] и Ф.Кирмэн [159, с. 84] перевели двусмысленно. Мы же считаем, что Сян-жу был готов перерезать горло самому себе, чтобы кровь хлынула на близко сидящего от него циньского *вана*, поскольку это опозорило бы его.

¹² Это Цзи находилось на юго-востоке совр. уезда Дамин пров. Хэбэй. Второй поход Лянь По, согласно тексту гл. 43, происходил на 23-м году правления Хуэй Вэнь-вана, т.е. в 276 г. (Истзап, т. VI). Однако там этот пункт резонно назван вэйским (см. карту-схему 2).

¹³ Фанлин находился в 10 км юго-западнее Аньяна, располагавшегося на месте совр. города того же названия в Хэнани. Согласно гл. 43 (Истзап, т. VI, с. 72), этот поход состоялся раньше (в 275 г.) и первый город назывался Фанцзы.

¹⁴ Пиньи находился на правом берегу р. Циншуй, к востоку от области Сихэ (см. карты 1, 3).

¹⁵ Яньюй принадлежал сначала княжеству Хань, потом – Чжао. Сражение под Яньюем относится в разных источниках к 270 или 269 г. (см. [159, с. 87]).

¹⁶ Обещая разобратся с ослушником в Ханьдане, Чжао Шэ нарушил не только собственный приказ, но и общепринятый порядок. Напомним, что к описываемому времени в срединных княжествах уже давно сложилась традиция, по которой командующий войсками имел чрезвычайные полномочия на период боевых действий.

¹⁷ Битва под Чанпином не раз упоминалась в *Ши цзи* (подробнее о ней см.: Истзап, т. II, гл. 5, примеч. 241, с. 328), но под разными датами. Так, в главах 5 и 15 назван 260 г. По мнению Лян Юй-шэна, она произошла на 8-м году правления Сяо Чэн-вана, т.е. в 258 г. Ф.Кирмэн считает, что верна датировка гл. 81 – 259 год. В гл. 73 дано наиболее подробное изложение этой кампании, которая началась в апреле 47-го года правления циньского Чжао Сян-вана (260 г.) и закончилась полным разгромом чжаоской армии и коварным убийством около 400 тысяч сдавшихся в плен воинов в сентябре-октябре того же года.

¹⁸ По существовавшему в период Чжаньго обычаю, близкие родственники могли привлекаться к ответственности как соучастники преступления, в котором обвинялся один из членов семьи. Подобная практика именовалась *ляньцзо* или *суйцзо*.

¹⁹ Ли Фу – советник и военачальник яньского *вана* Си (254–222 гг.).

²⁰ Местоположение Вэйвэня неясно, в «Большом словаре географических названий Китая» [301] не значится. Согласно Э.Шаванну, данное владение находилось в совр. уезде Вэйсянь пров. Хэбэй [113, т. V, с. 122, примеч. 1]. Ван Босян не рискнул назвать его координаты [220, с. 288].

²¹ Шоучунь – тогдашняя столица Чу; в 4 средневековых ксилографах Шоучунь называется Шоюан (см. [248, т. VI, с. 7]), что Ван Босян объясняет табу на знак *чунь*, возникшим с эпохи Восточной Цзинь [220, с. 289]. Чжан Шоу-цзе сообщал, что могила Лянь По находилась в 4 ли к северу от уездного центра Шоучунь, а могила Линь Сян-жу – в 6 ли северо-западнее Ханьдэя [262, т. VIII, с. 3788].

²² Дай и Яньмэнэ располагались в северной части совр. пров. Шаньси.

²³ Исследователи трактуют термин *байцзинь чжисии* («воины, достойные награды в сто золотых») по-разному. Пэй Инь ссылается на сочинение Гуань-цзы, согласно которому любой воин, участвовавший в разгроме противника и пленивший его военачальника, награждается ста золотыми. Однако Накаи считает, что речь идет о солдатах из богатых семей [262, т. VIII, с. 3790].

²⁴ Племя *даньланей* жило к северу от княжества Дай, все названные племена относились к так называемым северным варварам.

²⁵ Слово *чэн* («город») может быть понято и как «крепостная стена». Так его перевел Ф. Кирмэн [159, с. 36], пояснив в примечании, что вдоль границы Чжао пролегал участок Великой стены длиной до 700 миль (с. 92–93). Правда, осталось неясным, в какое время было создано это грандиозное сооружение.

²⁶ Цзюй Синь первоначально служил при дворе чжаоского *вана* и поддерживал дружеские связи с Пан Нуанем, но затем переехал в Янь, где стал сперва советником, а затем и командующим армией. По данным гл. 15, Цзюй Синь возглавил поход против Чжао не через два года, а на следующий год после потери Уся и Фанчэна (Истзап, т. III, с. 307–309). В гл. 34 эта кампания описана наиболее подробно, но при транскрипции имен обоих персонажей нами были допущены неточности (см.: Истзап, т. V, с. 91). В гл. 43 эти события описаны под 3-м годом правления Дао Сяньвана, т.е. 242 г. (Истзап, т. I, с. 78), но там говорится лишь о пленении Цзюй Синя, а не о его гибели. Отметим, что в т. VI допущена неточность в написании иероглифа *цзюй* (Истзап, т. VI, с. 434).

²⁷ Чжаоский *ван* Цянь правил в 235–228 гг.

Глава восемьдесят вторая

¹ Глава посвящена Тянь Даню – военному и политическому деятелю княжества Ци в 280–260-х годах (возможное чтение имени – Тянь Шань, но не Тянь Тань, как было принято нами при переводе гл. 34 – Истзап, т. V, с. 89, 90, 328). Анализ текста показывает, что Тянь Дань попал в *Ле чжуань* не столько из-за славы освободителя Ци от явно пережившей себя яньской гегемонии (284–279 гг.), сколько из-за пораженных современников военных хитростей Тянь Даня, его мастерства провокации и дезинформации противника. Эти качества позволили ему силами гарнизона одного

городка одержать сначала тактическую, а затем и стратегическую победу над яньской армией. Дальнейший жизненный путь героя главы оказался Сыма Цяню настолько неинтересным, что ни военные его успехи, ни даже занятие им должности *сяна* в Чжао в 264 г. (если верить тексту гл. 43 – Истзап, т. VI, с. 75) никак здесь не отражены.

Существует несколько переводов главы, в том числе на немецкий – Ф.Йегера [158, с. 108–115] и на английский Ф.Кирмэна [159, с. 37–40]. В последнее десятилетие опубликован ряд переводов на совр. восточные языки: на японский – Отаке [252, кн. 2, с. 17–21], на *байхуа* – Ван Босяна [220, с. 338–348]. При работе над главой использовался также корпус важнейших комментариев – Такигавы, Мидзусавы, Лян Юй-шэна, Цуй Ши и других исследователей.

² Род Тянь сыграл важную роль в истории княжеского дома Ци и после 379 г. захватил власть над всем княжеством (см.: Истзап, т. V, гл. 32, с. 58–63).

³ За этой невыразительной и неточной фразой стоит разгром мощной циской армии в 285 г. объединенными силами всех остальных княжеств: Вэй, Хань, Цинь, Чжао, Чу и Янь. Итоги этой кампании серьезно сказались на балансе сил в Поднебесной и в перспективе хорошо послужили циньским интересам.

⁴ Существовало, как минимум, два Цзюя. Один (жюньй) в период Чуньцзо был центром владения Цзюй, затем перешел под власть княжества Ци. Другой располагался значительно ближе к Линьцзы, в 50 км к востоку. Ван Босян безоговорочно отнес события к южному Цзюю (см. карту-схему 4 и карту 1). Однако в тексте сказано, что, сняв осаду Цзюя, яньцы «двинулись далее на восток и окружили Цзимю». Такое движение возможно лишь от другого, «ближнего», Цзюя.

⁵ Яньский Хуэй-ван правил в 278–272 гг.

⁶ Эпизод с успешной циской провокацией целиком помещен в энциклопедии *Тайпин юй-лань* [261, т. 2, с. 1348–1349], причем дана отсылка на *Чжаньго цэ*. Такигава отметил, что в совр. тексте *Чжаньго цэ* этот эпизод отсутствует; очевидно, он существовал в более ранних списках памятника [262, т. VIII, с. 3997].

⁷ Слово сочетание *баньча* включает в себя два понятия: *бань* – доски, применяемые при постройке городских защитных стен, и *ча* – лопата или заступ для засыпки этих стен землей.

⁸ Циский Сян-ван Фа Чжан, согласно *Бяо* (Истзап, т. III), правил в 283–265 гг. Владение Тянь Даня Аньпин находилось недалеко от Линьцзы (см. карту-схему 4).

⁹ Структура эпилога нестандартна и состоит из собственно эпилога (1-й абзац) и двух фрагментов, не имеющих прямого отношения к главе.

¹⁰ Начало эпилога главы касается военной тактики, умения использовать в войне нестандартные приемы, как это умел делать Тянь Дань (взять хотя бы случай с использованием в атаке стада быков). Эти положения заимствованы Сыма Цянем из военного трактата *Сунь-цзы* (см.: ЧЦЦЧ, т. VI, гл. 5, с. 68–70). Н.И.Конрад аналогичное место в *Сунь-цзы* перевел так: «Действий в сражении всего только два – правильный бой и маневр, но изменений в правильном бое и маневре всех и исчислить невозможно» [83, с. 31].

¹¹ К сожалению, при публикации гл. 46 этот персонаж ошибочно назван Яо (Истзап, т. VI, с. 122, 123, 321, 444).

¹² Хуан – селение в 15 км северо-западнее Линьцзы.

¹³ В тексте – *сань-цзюнь* – «три армии», что отражает типичную схему построения войск по фронту (левый, центральный и правый отряды). Здесь употреблено в значении всей мощи вооруженных сил.

Глава восемьдесят третья

¹ Глава посвящена Лу Чжун-ляню и Цзоу Яну – двум циским странствующим ученым мужам. Но если первый из них сыграл ощутимую роль в бурном внешнеполитическом и военном противостоянии Цинь, Чжао, Вэй, Янь и Ци в середине III в., то второй был вполне ординарной фигурой западноханьской эпохи, и его появление в *Ле чжуанях* остается загадкой для исследователей. Не исключено, что с Цзоу Яном был близко знаком Сыма Тань, и это послужило главной причиной внимания историка к этой личности. Некоторые ученые и комментаторы *Ши цзи* не без оснований считают фигуры Лу Чжун-ляня и Цзоу Яна, представленные в их общем жизнеописании, далекими друг от друга и по духу и в поступках, хотя сам Сыма Цянь полагал, что они близки по взглядам и по их роли в истории (см. [241, с. 610]).

Существует несколько как полных, так и частичных переводов главы на европейские языки, в их числе: на немецкий – А.Пфидмайера [340, vol. 31, с. 120–132], Э. фон Заха [116, vol. 2, с. 722–727]; на английский – Ф.Кирмэна [159, с. 41–47]. Осуществлен перевод главы и на современные восточные языки: на японский – Отаке [252, кн. 2, с. 22–36], на *байхуа* – Линь Куцянем [218, т. 2, с. 1160–1179].

² Даньинь находился на юго-востоке одноименного совр. уезда пров. Хэнань [301, с. 1238]. В гл. 77 местом дислокации войск Цзинь Би названа крепость Е.

³ Синьюань, по мнению Линь Куцяня [218, с. 1163], – двойная фамилия, поэтому мы пишем ее слитно (как Сыма).

⁴ Бао Цзяо – чжоуский отшельник; считается принявшим смерть из-за верности своим принципам, подобно Бо И (см. гл. 61). Бао Цзяо упоминается в трактате философа Чжуан-цзы в главе о разбойнике Чжи (ЧЦЦЧ, т. III, гл. 8, с. 198). В переводе Л.Д.Позднеевой это звучит так: «Бао Цзяо приукрашивал [собственное] поведение и порицал современников, а умер, обхватив дерево» [69, с. 297]. Этот персонаж упоминается также в *Шоюань*, *Хань ши вай чжуань* и в *Яньтелунь*.

⁵ Комментаторы отмечали, что согласно введенной в Цинь системе двадцати рангов знатности учитывалось число убитых врагов – как солдат, так и мирных жителей.

⁶ Циский Вэй-ван, по версии *Ши цзи*, правил в 378–343 гг. (Истзап, т. III, гл. 15); согласно же Бамбуковым анналам – в 357–320 гг.

⁷ Чжоуский Ле-ван по имени Си правил в 375–369 гг. (Истзап, т. I, с. 381).

⁸ В тексте употреблен термин *сань гун*, достоверно известный лишь с эпохи

Чжоу. Историю этих трех *гунов* и комментарий к ней см.: Истзап, т. I, гл. 4, с. 176.

⁹ Юли (два варианта написания 菱里 и 隔里) – место заточения будущего Вэнь-вана (Си-бо Чана), находилось в Хэнани.

¹⁰ Тайлао («большое лао») – принесение в жертву трех животных: быка, барана и кабана; предназначалось для ритуала, совершаемого в честь государя – Сына Неба. Существовало «малое лао» (*шаолао*), в котором исключался бык; оно предназначалось знатым особам на уровне *чжухоу*. Лусцы были готовы пойти навстречу амбициям циского *вана*, подготовив ему «большое лао», но требования И Вэй-цзы оказались им возмутительными.

¹¹ Се и Цзоу располагались южнее княжества Лу (см. карту 1).

¹² Ф.Кирмэн справедливо отметил антимонархическую, антигосударственную ноту в суждениях Лу Чжун-ляня [159, с. 101].

¹³ Такигава резонно сомневается в столь высокой результативности этой беседы [262, т. VIII, С. 3813]. Вот действия вэйской армии под руководством У-цзы – причина более серьезная.

¹⁴ Подробнее эти события изложены в гл. 77.

¹⁵ Город Ляочэн находился на западе Ци (см. карту 3). Накаи Сэкитоку полагает, что биография Лу Чжун-ляня завершается на его уходе от Пинъюань-цзюня, а эпизод с Ляочэном и письмом к яньскому военачальнику является позднейшей интерполяцией, включенной для параллелизма с идущей следом биографией Цзоу Яна, тоже завершающейся письмом [262, т. VIII, с. 3814]. Достаточных оснований для такого вывода, на наш взгляд, пока нет. Однако сомнения, особенно хронологического порядка, остаются; на это указал и Ф.Кирмэн [159, примеч. 40].

¹⁶ Речь идет о циском городе Наньяне, располагавшемся в совр. уезде Цзоусянь пров. Шаньдун [301, с. 595]. Циский город Пинлу находился к западу от луской столицы Цюйфу (см. карту 2).

¹⁷ Цибэй – северо-западная часть циских земель, на территории пров. Шаньдун.

¹⁸ Ряд глав основного трактата Мо Ди посвящен вопросам обороны.

¹⁹ О Сунь Бине (Сунь-цзы) см. гл. 65. Здесь намек на беспрекословность подчинения в войсках, которую проповедовал Сунь-цзы.

²⁰ Под Тао, или Тао-гуном имеется в виду советник юэского *вана* Гоу Цзяня – Фань Ли, который был весьма состоятелен и на службе у князя, и став независимым торговцем и земледельцем (о нем см.: Истзап, т. VI, гл. 41). Под Взем комментаторы предполагают Гунсунь Яна (он же Шан-цзюнь) – известного реформатора при дворе циньского Сяо-гуна (о нем см. гл. 68). Если принять их версию, то не ясно, во-первых, почему он назван здесь по фамилии матери (наложницы Вэй) и, во-вторых, почему он назван в числе особо богатых, хотя и в его жизнеописании, и в других главах *Ши цзи* об этом ничего не говорилось.

²¹ Гуань И-у (Гуань-цзы, Гуань Чжун) – известный циский реформатор, советник Хуань-гуна (685–643 гг.) (о нем см.: Истзап, т. V, гл. 32, с. 45–49, а также гл. 62).

²² Термин *цанхо* означает то же, что *нубэй* – «крабы обоего пола».

²³ Цао-цзы (Цао Мэй или Хуэй) – военачальник луского Чжуан-гуна (694–662 гг.). Он также фигурирует в гл. 32–33 (Истзп, т. V, с. 46–47, 73) и в гл. 86 [254, т. V, с. 2515]. В главах 32 (где он ошибочно назван нами Цао Мо), 33 и 86 Цао Мэй, угрожая кинжалом, вынудил циского Хуань-гуна подписать договор о возврате Лу отторгнутых земель. Но дальше начинаются расхождения: в гл. 32 Хуань-гун сначала отказался выполнять этот договор и по его приказу Цао Мэя убивают. Лишь после этого Гуань-цзы удается убедить *гуна* исполнить подписанный в Кэ договор. В гл. 33 и 86 *гун* выполнил условия без промедления, а о Цао Мэе более не упоминается.

²⁴ И в *Чжаньго цэ* (*Ци цэ*), и в трактате философа Хуайнань-цзы (ЧЦЦЧ, т. VII, с. 225) речь идет о 1000 *ли*. Учитывая скромные размеры территории Лу, даже вариант Сыма Цяня (500 *ли*) выглядит очень сильным преувеличением.

²⁵ Эта сентенция по духу явно близка к мыслям Чжуан-цзы. Интересно, что в *Чжаньго цэ* этих слов нет.

²⁶ Согласно комментарию Сыма Чжэня (*Соинь*), Фу-цзы было прозвищем Чжуан Цзи. Позднее, из-за табу на фамильный знак Чжуан, входивший в имя ханьского императора Мин-ди, его фамилию изменили на Янь.

²⁷ Как явствует из комментариев, имя Мэй-шэна – Чэн, прозвище – Шу.

²⁸ Ян Шэн и Гунсунь Гуй – цисцы, служившие лянскому Сяо-вану У (см. следующее примечание). Они заплатились жизнью в неудачной борьбе своего правителя за имперский престол (Истзп, т. VI, с. 248–249).

²⁹ Речь идет о лянском правителе Сяо-ване (Дай-ване, Хуайян-ване) Лю У (178–144 г.), сыне западноханьского императора Вэнь-ди (180–157 гг.). История Сяо-вана У описана в гл. 58 (Истзп, т. VI, с. 246–249).

³⁰ История Цзин Кэ и его попытка (227 г.) убить императора Цинь Ши-хуана, которую он предпринял по замыслу яньского наследника Даня, подробно описаны в гл. 86 [254, т. V, с. 2526–2535].

³¹ Судя по описанию, речь идет о явлении гало, когда вокруг солнца возникают светящиеся круги и полосы.

³² Ни в других главах *Ши цзи*, ни в комментаторской литературе этот персонаж не встречается.

³³ Созвездие *Мао* (Плеяды), по тогдашним верованиям, «журировало» территорию княжества Чжао, и когда некая туманность (возможно, комета) «прикрыла» его на какое-то время, это могло зародить сомнения в душе агрессора (Чжао-вана).

³⁴ См. примеч. 3 к гл. 81.

³⁵ Ли Сы был преданным советником первого циньского императора Цинь Ши-хуана, наследник которого, Ху Хай, казнил его (см.: Истзп, т. II, гл. 6, с. 115).

³⁶ Циньский полководец Фань У-ци провинился перед Ши-хуаном. Он совершил самоубийство, чтобы Цзин Кэ с его головой смог получить доступ к Цинь Ши-хуану.

³⁷ Ван Шэ был цисцем. Когда цисские войска напали на Вэй, то Шэ поднялся на

крепостную стену и обратился к цискому военачальнику, сказав, что это нападение произошло из-за него и поэтому он решил принести себя в жертву, после чего покончил с собой, чтобы устроить нападающих.

³⁸ Сыма Си трижды был *сяном* во владении Чжуншань; упоминается в *Тайпин юй-лань* и *Чжаньго цэ* (*Чжуншань цэ*). Цинский ученый Чэнь Цинь-хань (1775–1831) считал сведения о его наказании недостоверными [262, т. VIII, с. 3825].

³⁹ О Фань Суне, крупном цинском политике, и о том, что он претерпел в Вэй, см. гл. 79.

⁴⁰ Шэньту Ди – персонаж, живший в конце правления дома Инь. В соответствующем контексте о нем упоминается в гл. 26 *Чжуан-цзы*: «... подал совет государю, не был выслушан и, взяв камень, бросился в реку» (русский перевод Л.Д.Позднеевой, которая именует его «Наставник Олень» [69, с. 297]). Сюй Янь – персонаж чжоуских преданий; тоже упоминается у Чжуан-цзы.

⁴¹ Нин Ци упоминается еще в иньском фольклоре; будучи простым возчиком, он получил признание после беседы с циским Хуань-гуном. Упоминается также в *Люй-ши чунь-цю*.

⁴² Занимая при луском Дин-гуне (509–495 гг.) должность *сыкоу* и даже исполняя обязанности *сяна* (см.: Истап, т. VI, с. 133), Конфуций внезапно покинул Лу и переехал в Вэй. Одной из главных причин крушения карьеры философа традиционно считаются интриги Ци Хуань-цзы, который, как бы в память о своем предке, именуется в данной главе Ци Сунем (досл. «внук Ци»). Этот вариант номинации изредка встречается и в других главах *Ши цзи*.

⁴³ Самым близким к Мо Ди во времени и пространстве Цзы Ханем стал найденный китайскими комментаторами сунский *сычэнцзы* (заведующий крепостными стенами), упомянутый в 544 г. (ШСЦ, т. XXX, гл. 39, с. 1560). Поскольку Мо Ди родился в 480 г., Такигава предположил, что речь могла идти о каком-то потомке этого *сычэнцзы* [262, т. VIII, с. 3827]. Как помнит читатель по гл. 74, Сыма Цянь плохо ориентировался в биографии Мо Ди, и потому эпизод с Цзы Ханем остается неясным. (Предположение о том, что текст гл. 74 *Ши цзи* был сокращен и искажен антимоистскими редакторами (см. [86, с. 29–30]), весьма вероятно, но требует специального исследования.)

⁴⁴ Выражение *чжун коуэцзинь* («голос толпы способен расплавить металл») встречается и в *Го юе*, в разделе *Чжоу юй* (см. [19, с. 73]).

⁴⁵ Еще танский Сыма Чжэнь отмечал, что ему неизвестна персона юэца Мэна [262, т. VIII, с. 3828]; в *Хань шу* он назван Цзы Цзаном.

⁴⁶ О сыне Яо – Дань-чжу, которого сам отец охарактеризовал «упрямым и свирепым, не годящимся в управители», см.: Истап, т. I, с. 137. О младшем брате Шуня – Сяне, который не раз пытался убить Шуня, см. там же (с. 141–143).

⁴⁷ Гуань-шу и Цай-шу – младшие братья чжоуского У-вана, которые подняли мятеж против пришедшего к власти Чжоу-гуна. Гуань-шу был казнен, а Цай-шу послан. Об этих событиях см. гл. 4 (Истап, т. I, с. 190).

⁴⁸ Тянь Чан, будучи советником циского Цзянь-гуна, убил его и поставил у вла-

сти Пин-гуна, младшего брата убитого правителя (см.: Истзап, т. V, с. 62–63).

⁴⁹ Как известно, последний иньский правитель Чжоу Синь вырезал сердце у Биганя, а чжоуский У-ван велел насыпать холм над его могилкой, чтобы почтить безвинную жертву тирана (см.: Истзап, т. I, с. 188).

⁵⁰ Цзиньский Вэнь-гун по имени Чун Эр (636–628 гг.), заняв княжеский престол, щедро одаривал как своих сторонников, так и своих бывших противников, если обнаруживал в них какие-либо достоинства (см.: Истзап, т. V, гл. 39).

⁵¹ Здесь имеется в виду использование циским Хуань-гуном талантов Гуань Чжуна, пытавшегося в период борьбы княжичей за престол убить будущего правителя. Помолованный Хуань-гуном, Гуань Чжун постепенно превратился в главного советника и прославился как успешный реформатор в военно-административной и экономической областях (см.: Истзап, т. V, гл. 32, с. 45–50).

⁵² Имя Сунь Шу-ао в гл. 40 (о царстве Чу) не упоминалось. Однако история о том, что он, будучи *лининем*, трижды отказывался от своей должности из-за собственной скромности (впрочем, немало времени он все же провел на этом посту при Чжуан-ване (613–591 гг.) и других правителях) довольно широко представлена в сочинениях древних философов. Мы находим эту версию у Хуайнань-цзы в гл. 12 (ЧЦЦЧ, т. VII, с. 207), у Сюнь-цзы в гл. 20 (ЧЦЦЧ, т. II, с. 613), хотя возможность столь долгой службы Сунь Шу-ао и ставится под сомнение рядом ученых (см. [262, т. VIII, с. 3829–3830]). Сомнение усиливается оттого, что автор *Го юя* также не счел нужным назвать имя этого советника. Вопрос остается открытым.

⁵³ Лин-цзы Чжун, он же Чэнь Чжун-цзы, выступает в литературе как образец бескорыстного и верного чиновника, сходного с героем гл. 61 – Бо И. Впрочем, у Мэн-цзы он упоминается в ином контексте (см.: ЧЦЦЧ, т. I, гл. 6, с. 973).

⁵⁴ То есть оказаться в чудовищной ситуации. О тиране Цзе упоминалось уже не раз; об «императоре» Яо см. гл. 1; о разбойнике Чжи мы знаем (не считая многочисленных упоминаний в *Ши цзи*) из гл. 29 сочинения Чжуан-цзы (ЧЦЦЧ, т. I, с. 426–438).

⁵⁵ В описании гибели княжества Янь (Истзап, т. V, с. 92) и в жизнеописании Цзин Кэ [254, т. V, гл. 86, с. 2526] ничего не говорится об уничтожении его рода.

⁵⁶ Упоминаемая здесь история связана с событиями в княжестве У. По версии *Люй-ши чунь-цю*, узурпатор Хэ Лу задумал убить законного наследника Цин Цзи руками Яо Ли. Последний реализовал этот план, однако и его собственная семья была уничтожена (см.: ЧЦЦЧ, т. VI, гл. 11, с. 108–109).

⁵⁷ По преданию, суйский *хоу* спас большую змею, которая в благодарность принесла ему во рту жемчужину, она же – жемчужина, светящаяся, как луна.

⁵⁸ Лун Пэн, по преданию, – советник последнего сякского императора Цзе, казненный своим повелителем за принципиальность нравственной позиции.

⁵⁹ Кто такой Мэн Цзя, точно установить трудно, он упомянут лишь в гл. 86 [254, т. V, с. 2534] в связи с Цзин Кэ. О нем ничего не сказано и в гл. 6, посвященной Цинь Ши-хуану.

⁶⁰ *Шэнму* – досл. «взять верх над матерью». Цзэн-цзы, как правоверный конфуцианец и приверженец принципа *сяо* – почитания родителей, не считал возможным въезжать в местность с таким названием.

⁶¹ Мотивы поступка философа Мо-цзы недостаточно ясны. Город Чжаогэ (досл. «дворцовые песни») находился на месте бывшей иньской столицы, на левом берегу Хуанхэ в исторической области Муе (см. карты 1,3). Линь Куцян предположил, что этот поступок связан с приверженностью Мо-цзы принципу экономии – *цзецзянь*, т.е. объяснялся его нежеланием как бы участвовать в дворцовых игрищах и забавах (см. [218, т. 2, с. 1179; 86, с. 42]).

Глава восемьдесят четвертая

¹ Данная глава, посвященная крупнейшим поэтам античной поры в Китае, является уникальным источником сведений о древних авторах, а также содержит тексты их важнейших произведений. В советской литературе уже не раз высоко оценивалось творчество первых выдающихся индивидуальных поэтов Древнего Китая: Цюй Юаня, Сун Юя, Цзя И, – которые, развивая песенно-поэтическое народное творчество, наиболее ярко отраженное в песнях, одах и гимнах *Шицзина*, явились создателями нового жанра поэзии – ханьских од и элегий *фу*. Надо отметить, что на творчество этих поэтов, особенно Цзя И, оказывали сильнейшее влияние идеи раннего даосизма. В их стихах мы находим мысли (и целые строки!) из сочинений Лао-цзы и Чжуан-цзы и тот квинтизм, что характерен для проповедников «недеяния», «безучастности» – *уэй*. Говоря о поэме Цзя И «Плач о Цюй Юане», Л.Д.Позднеева верно подчеркивала: «И содержание, и форма этого произведения раскрывают восприятие его автором философской концепции древнего даосизма... Человек должен не обременять себя мелочами, не растрчивать силы и чувства в погоне за богатством, славой, наслаждениями, а скромно, с достоинством жить и спокойно умереть» [52, с. 398].

Существует много переводов главы на различные языки, а еще более – публикаций самих поэтических произведений, помещенных в различных литературных антологиях. На русский язык глава переведена В.А.Панасюком [84, с. 173–188], частично – акад. В.М.Алексеевым [33, с. 114–123]. На английский язык главу и поэмы переводили Дж.Легг [165, с. 77–92], Дж.Хайтауэр [151, с. 125–130], Б.Уотсон [204, vol. 1, с. 499–516] и др. На французский язык – Л.Вижэ [206а, с. 211–213], Г.Маргулис [173, с. 83–89]. На немецкий – В.Грубе [143а, с. 176–183], О.Хаузер [148а, с. 17–18], Т.Боннер [109, с. 31]. На *байхуа* главу перевел Шэнь Цюсюн [218, т. 2, с. 1181–1189]; на совр. японский язык – Отаке [252, кн. 2, с. 38–53]. Существует значительная научная литература, посвященная этой главе и в особенности Цюй Юаню. Имеется немало переводов стихов Цюй Юаня на русский язык: А.Ахматовой, А.Гитовича, А.Адалис и других поэтов (см., например, [91]).

² Цюй Юань (320–278 гг.) – один из выдающихся поэтов Древнего Китая и наряду с этим крупный сановник чуского двора. В число его известных произведений

входят поэмы *Лисао* («Скорбь отверженного»), *Тяньвэнь* («Вопросы к Небу»), цикл стихов *Цюэ* («Девять элегий» или «Девять напевов») и др., причем вопрос об авторстве некоторых из них остается открытым. Цюй Юань считается родоначальником поэзии чуских строф – *Чуцы*. С творчеством Цюй Юаня связывают начало лирической поэзии, в которой отразились новые грани действительности периода Чжаньго, идеалы и настроения человека-тех бурных столетий. Появление жанра *Чуцы*, как отмечал Б.Б.Бахтин, «означало крупнейший сдвиг в структуре китайской литературы, приближавший ее к человеку, к эстетическому познанию его духовной сущности» [53, с. 178].

³ Чуский Хуай-ван правил в 328–299 гг.

⁴ Поэма *Лисао* занимает одно из центральных мест в творческом наследии Цюй Юаня, насчитывавшем, по данным *Хань шу*, до 25 произведений. Переводы названия на русский язык варьируются: «Скорбь» (В.А.Панасюк), «Как я впал в беду» (В.М.Алексеев). Б.Уотсон перевел как «Encountering Sorrow» («Встреча с печалью»). Существует перевод поэмы, сделанный А.Ахматовой (см. [91]).

⁵ «Нравы царств» (*Гофэн*) – первый большой раздел *Шицзина* (см. [93, с. 91–93, 197–325]). «Малые оды» (*Сяо я*) – следующий раздел того же *Шицзина*.

⁶ Ди Ку – один из пяти легендарных правителей Китая, правнук первого мифического правителя китайского народа Хуан-ди. Мифы относят время его правления ко II тысячелетию до н.э. (о нем см.: Истзап, т. I, гл. 1, с. 135). Циский Хуань-гун – один из первых *ванов*-гегемонов (*ба-ванов*), правил в 685–643 гг. (см.: Истзап, т. V, гл. 32, с. 44–51). Чэн Тан – один из первых легендарных правителей дома Инь, одержавший победу над предшествующей «династией» Ся (см.: Истзап, т. I, гл. 3, с. 167–170). У-ван – один из первых правителей дома Чжоу, традиционно считается правившим в 1027–1025 гг. (см.: Истзап, т. I, гл. 4).

⁷ О Чжан И см. гл. 70 в настоящем томе.

⁸ См. карту 3.

⁹ Ланьтянь – циньский город в 60 км к юго-востоку от Сяньяна. Дэн, или Дэн-чэн – чуский город в среднем течении р. Ханьшуй (см. карту 2).

¹⁰ Эти события, но с большими подробностями, Сыма Цянь уже излагал в гл. 40 «Наследственный дом княжества Чу» (Истзап, т. V, с. 204–207).

¹¹ Чуский Цин Сян-ван правил в 298–263 гг. (см.: Истзап, т. III, гл. 15).

¹² Цитата из 48-й гексаграммы *Ицзина* (см. [32, с. 272, 410]).

¹³ В тексте – *сань люй дафу* – сановник трех поселений, или наделов. Как поясняет Пэй Инь, такой сановник ведал поместьями трех знатных родов: Чжао, Цюй и Цзин [254, т. V, с. 2486].

¹⁴ Название *Хуайша чжи-фу* переводится по-разному: «С камнем в объятьях» (А.Гитович), «В тоске по речному песку» (В.М.Алексеев). Мы перевели «С мужеством в сердце», что представляется нам наиболее отвечающим смыслу поэмы.

¹⁵ Ли Лоу (он же Ли Чжу) считается современником мифического Хуан-ди. Ли Лоу якобы обладал таким острым зрением, что различал мелкие былинки за сто шагов. О распространенности этого предания говорит тот факт, что философ Мэн-цзы

назвал именем Ли Лоу гл. 7 своего трактата (см.: ЧЦЦЧ, т. I, с. 378).

¹⁶ Чун-хуа (досл. «двойной блеск») – прозвище одного из мифических правителей Китая – Шуня (см.: Истзап, т. I, гл. 1, с. 242, примеч. 93).

¹⁷ Юань и Сян – реки, протекающие по землям пров. Хунань, обе впадают в Янцзы.

¹⁸ Бо Лэ – современник циньского Му-гуна в период Чуньцю; был известен своим искусством управления лошадьми.

¹⁹ Мы взяли за основу выполненный достаточно профессионально перевод А. Гитовича, подготовленный, по-видимому, с подстрочника [5, с. 186]. Однако проверка перевода по китайскому оригиналу показала, что отдельные места переданы не совсем точно, а ряд строк не имеет китайского эквивалента в тексте. Это побудило нас попытаться дать пересмотренный вариант перевода поэмы Цюй Юаня, который и предлагается читателю.

²⁰ Мило протекает в северо-восточной части пров. Хунань. На реке построена кумирня в честь Цюй Юаня, где ежегодно 5 мая (праздник Священного Дракона) отмечается день его памяти. В воду бросают рис, завернутый в листья лотоса. Так поддерживается 2000-летняя традиция поминовения духа великого поэта.

²¹ Сун Юй (290–223 гг.) жил в царстве Чу примерно через столетие после Цюй Юаня. Традиция приписывала ему немало поэтических произведений: «Ода о ветре», «Ода о святой фее», «Ответ чускому царю», «Горы высокие Тан» и др. Однако значительную часть этих произведений литературоведы относят к более позднему времени. Наиболее достоверным авторство Сун Юя признается за поэмой *Чжаохунь* («Призывание души»); имеется ее перевод на русский язык А. Ахматовой. Большая часть этих произведений создана в жанре *фу*, появившемся еще в конце периода Чжаньго и получившем значительное развитие в начале эпохи Хань. Жанр *фу* был преемником поэзии *Шицзина*. Кроме Цюй Юаня и Сун Юя его виднейшими представителями были Сыма Сян-жу и Фэй Шэн. Ханьские одописцы были мастерами в описании природы, фантастического мира духов, всего богатства человеческих чувств. Их лирические сочинения иногда называют элегиями, а лирико-эпические, с большой долей пафоса – одами (см. [52, с. 389]).

Оды *фу* носят явно синкретический характер, соединяя в себе философскую лирику, дидактику, мифологию, реалистическое описание мира природы. Размер их непостоянен, чаще 6–8 знаков в строке, рифма носит нерегулярный характер, строфа обычно завершается словом *си* – звонической частицей на месте цезуры. Поэтому жанр *фу* нередко именуют «ритмической прозой» или «поэмами в прозе».

²² Цзя И (201–169 гг.) – поэт, государственный чиновник, автор ряда произведений в жанре *фу*: *Дяо Цюй Юань* («Плач о Цюй Юане»), *Сяо фу* («Ода о сове») и др. Его стихи были собраны в так называемой «Новой книге» – *Синь шу*.

²³ Об иньиньском *хоу* Гуань Ине упоминалось в гл. 18 (Истзап, т. III, с. 468–469). При Вэнь-ди он был сначала главой военного приказа, а потом первым советником.

²⁴ Как заметил Б. Уотсон, жители северных районов Китая, по-видимому, счита-

ли влажный и жаркий климат южных мест, в частности Чанша в Хунани, губительным для жизни, хотя Лоян, в котором родился Цзя И, находился не столь уж далеко от этих мест [204, т. I, с. 599]. Б.Шиндлер, характеризуя Цзя И, писал: «Как личность он меланхолик, что могло быть связано с его слабым здоровьем и усугублено сентиментальностью, которая во многом способствовала формированию его характера» [190, т. VII, с. 161].

²⁵ С минимальными уточнениями мы воспроизводим здесь поэтический перевод Анны Ахматовой, который, очевидно, был написан по весьма квалифицированно выполненному подстрочнику (см. [5, с. 199–201]).

²⁶ Мосе – по преданию, имя жены искусного оружейника Гань Цзяна, которому уский ван Хэ Люй приказал изготовить два меча. Однако плавка не получалась, и жена мастера, зная поверье, что для удачи нужна женская жертва, сама бросилась в печь. Мечи были изготовлены и стали известны исключительной крепостью. Их именовали Мосе. По мнению Ин Шао (140–206 гг.), Мосе – имя усюкого сановника [262, т. VIII, с. 3680].

²⁷ Предлагаемый перевод этой оды, которая называется «Поэма о сове», основан на уже имеющихся переводах А.Адалис («Ода о зловещей птице») [5, с. 202], Б.Уотсона [204, с. 512–515] и Дж.Хайтауэра [151, т. VII, с. 125–130]. «Поэма о сове» помещена Бань Гу в «Истории Хань» [219, кн. 8, гл. 48, с. 2226–2228], хотя и с некоторыми отличиями в отдельных знаках. В поэтический текст внесены необходимые, на наш взгляд, уточнения.

²⁸ Год под знаками *чаньянь* соответствует второму году 12-летнего цикла Юпитера и, по данным китайской астрономии, связан с появлением Юпитера на участке небосвода *сянь-сяо*, где находятся созвездия Водолея и Пегаса. День *гэн-цзы* приходится на 28-й день 4-й луны. Этот случай относится, по разным данным, к пятому или шестому году правления Вэнь-ди, т.е. к 174 или 173 г. до н.э. По мнению Б.Уотсона, речь должна идти о 175 годе, но Дж.Хайтауэр показал, что в 4-й луне 175 года не было дня под знаками *гэн-цзы* [151, с. 129].

²⁹ Гадание говорило о скорой смерти того, в чей дом влетела сова – «дкая птица».

³⁰ Строфа: «Беда – это же и опора счастья, но и в счастье сокрыта беда» – заимствована поэтом из *Даодэцзина* (ЧЦЦЧ, т. III, с. 35, § 58). Эта же мысль встречается у Чжуан-цзы: «Покой и опасность друг друга сменяют, счастье и беда друг друга порождают» (ЧЦЦЧ, т. III, с. 394).

³¹ Примеры из истории борьбы княжеств У и Юэ призваны подтвердить предыдущую мысль о сменяемости удач и неудач. О победах и поражениях этих княжеств см. главы 31 и 41 *Ши цзи* (Истзап, т. V, VI).

³² Фу Юэ был каторжником и работал на строительстве в Фусяни. Иньский правитель У-дин как-то увидел во сне мудреца, а Фу Юэ оказался на него похож. В конце концов он стал *сяном*. Эта история изложена в гл. 3 (Истзап, т. I, с. 173).

³³ Строки о бурной воде и натянутом луке заимствованы поэтом из сочинения философа Хуайнань-цзы (ЧЦЦЧ, т. VII, с. 263). Подобные строки встречаются в

Люй-ши чунь-цю (ЧЦЦЧ, т. VI, с. 195). Очевидно, это выражение было достаточно распространенным.

³⁴ В основе первой части этой строфы вновь лежат мысли Чжуан-цзы (ЧЦЦЧ, т. III, с. 102), как и в некоторых последующих строках поэмы.

³⁵ С этого места по многим признакам начинается интерполяция. Во-первых, после Вэнь-ди царствовал Цзин-ди (156–141 гг.), а его имя вообще пропущено. Во-вторых, У-ди (140–87 гг.) является посмертным титулом императора, и Сыма Цяню, который ушел из жизни одновременно или даже раньше своего монарха, оно не могло быть известно. В подлинных местах текста У-ди именуется обычно «нынешний государь». На эту интерполяцию указывал Лян Юй-шэн [246, кн. 12, гл. 31, с. 5] и другие исследователи. Сыма Цянь относит кончину лянского Хуай-вана к 169 г. (Истзап, т. III, с. 393), т.е. Цзя И жил в 201–168 гг. Таким образом, карьера внуков поэта и переписка великого историка с одним из них представляются вполне реальными.

³⁶ Весьма вероятное подтверждение испорченности текста: император Чжао-ди, или Сяо Чжао, царствовал в 86–73 гг., т.е. после смерти самого историка, который хотя и мог переписываться с Цзя Цзя, но знать о его служебной карьере при этом императоре никак не мог.

Глава восемьдесят пятая

¹ Глава посвящена интереснейшей политической фигуре последних лет эпохи Чжаньго. Богатый ханьский (вэйский?) торговец, умело используя свой капитал и политическую конъюнктуру, сумел подняться к вершинам власти при циньском дворе. Люй Бу-вэй не только успешно созидал грядущую империю Цинь, но и оставил после себя классический труд энциклопедического характера – *Люй-ши чунь-цю*.

Глава 85 переведена с комментариями на английский язык проф. Д.Бодде [106, с. 1–22], на русский – В.А.Панасюком [84, с. 189–196]. Кроме того, существует неполный перевод на английский язык Ч.Питона [183, с. 365–374] и на немецкий – Р.Вилхелма [209, с. I–V]. Помимо этого нами были использованы переводы главы на совр. японский язык Отаке [252, кн. 2, с. 54–60] и на *байхуа* Дун Цзюньяня [218, т. 3, с. 1193–1198], а также некоторые комментарии.

² Янчжай – город на р. Фэньшуй, левом притоке Хуанхэ (см. карты 1, 3), третья столица Хань; первой был Пиньян. Однако в *Чжаньго цэ* (глава *Цинь цэ*) Люй Бу-вэй называется уроженцем Пуяна (см. карты 1, 3), т.е. вэйцем.

³ В тексте точно указано «тысячу золотых», но это скорее всего условная величина.

⁴ После очередного «замирения» правители княжеств часто отправляли своих сыновей к соседям в качестве заложников – гарантов добрососедства.

⁵ История Цзы Чу есть и в *Чжаньго цэ* (гл. *Цинь цэ*), но со значительными отличиями от варианта Сыма Цяня. Во-первых, княжич-заложник именуется там сначала

ла И-жэнь и лишь позднее – Чу. Во-вторых, Люй Бу-вэй действует не через младшую сестру княгини, а через ее младшего брата Янцзюань-цзюня. Есть и ряд других несоответствий. Эти обстоятельства насторожили некоторых ученых, так как большинство биографий Сыма Цяня принято верифицировать текстами *Чжаньго цэ*. Так, Д.Бодде высказывает сомнение в принадлежности данной части главы кисти Сыма Цяня, однако его эмоциональный выпад против конфуцианских «происков» (см. ниже, примеч. 7) выглядит недостаточно доказательно. Во всяком случае, текст гл. 6 прямо не противоречит гл. 85, а возвышение будущих Чжуан Сян-вана и Ши-хуанди выглядит не слишком легитимно. Сопоставление истории о Цзы Чу в *Ши цзи* и *Чжаньго цэ* провел и китайский ученый Цянь Му (см. [286]).

⁶ Стоящее во фразе выражение *даци* («большой срок») не совсем ясно. Толкование Сюй Гуана о 12 месяцах беременности принять нельзя [262, т. VIII, с. 3881], хотя стойкость этого мифа легко объяснима: поклонникам Цинь Ши-хуана льстила мысль об исключительности его личности, а его противникам позволяла порочить Цинь Ши-хуана и его мать.

⁷ Имя родившегося мальчика Чжэн писалось разными иероглифами, хотя и читалось одинаково: 正 – «новогодний», «родившийся в первой луне года»; 政 – «править», «правитель»; 征 – «карающий». Это был будущий первый император могучей, хотя и недолговечной, империи Цинь. В пришедшей на смену Цинь Ханьской империи неприязненно относились ко всему циньскому, всячески принижая циньские деяния. Это, возможно, отразилось в создании достаточно неприглядной истории о рождении первого императора. Обратимся к интерпретации этих событий Д.Бодде: «Ненавидели циньское правление, потому что оно представляло суровую философию легизма, которая противостояла их собственной философии. Поэтому история рождения первого императора Цинь, вероятнее всего, является чистой выдумкой какого-то ханьского конфуцианца, который стремился таким путем опорочить первого императора, представив его незаконнорожденным сыном хитрого, бессовестного и малограмотного торговца и матери, которая была немногим лучше проститутки» [106, с. 18]. Д.Бодде выдвигает гипотезу о том, что биография Люй Бу-вэй в этой главе есть искаженный остаток оригинала Сыма Цяня, над которым очень сильно поработали ханьские интерполяторы. Гипотеза Д.Бодде не лишена оснований уже потому, что столь категорически поданная версия гл. 85 о незаконнорожденности Чжэна не имеет надежных подтверждающих откликов в других главах *Ши цзи*. Отметим, что и в *Чжаньго цэ* нет ни слова об отцовстве Люй Бу-вэй.

⁸ Ван И в гл. 5 ошибочно назван нами «Ван Ци» (Истап, т. II, с. 49–50).

⁹ Это утверждение вызвало сомнения у комментаторов. Так, минский Сюй Фу-юань (XVII век) писал, что если жена Цзы Чу была наложницей Люй Бу-вэй, она не должна была происходить из «известной семьи» [262, т. VIII, с. 3882]. Лян Юй-шэн полагает, что она могла разбогатеть, только войдя в семью циньского княжича [246, кн. 13, с. 6]. Цянь Дасинь считает, что она смогла достичь положения в обществе уже

с помощью Люй Бу-вэй [284, с. 76]. Если данный фрагмент текста аутентичен, то версия о сомнительном происхождении Цинь Ши-хуана (см. выше) получает еще один удар.

¹⁰ Как известно, Чжуан Сян-ван правил в 249–247 гг. Фактически он пришел к власти в 250 г., но в начале этого года еще правил Сяо Вэнь-ван, поэтому обычно считается, что правление Чжуан Сян-вана началось с 249 г.

¹¹ Эти земли находились вокруг города Хэнань (см. карту 2), но уезд с таким же названием был учрежден позднее. Данное пожалование выглядит вполне естественно, так как именно Люй Бу-вэй присоединил во второй половине 250 г. чжоуские земли к Цинь. В *Чжаньго цэ* говорится, что Люй Бу-вэйю были пожалованы в кормление земли 12 уездов в районе города Ланьтянь. Нетрудно допустить, что Люй Бу-вэй получил не только неблизкие чжоуские земли, но и удел близ столицы Цинь.

¹² Термин *чжунфу* означает «дядя» (младший брат отца). Примеры подобных наименований уже встречались в истории. Циньский Хуань-гун называл так своего помощника Гуань Чжуна (см. гл. 79). Накаи Сэкитоку приравнивает *чжунфу* к *шфу* («дядя» вообще). С переводом Д.Бодде «second father» [106, с. 5] и В.А.Панасюка «второй отец» [84, с. 193] мы не вполне согласны, так как дядя все-таки не второй отец.

¹³ Чжэну, рожденному в 259 г. (на престоле с 246 г.), в это время было 13 лет.

¹⁴ В тексте – слово *тун*. Подробный анализ этого термина см. [208, с. 67].

¹⁵ Синьлин-цзюню посвящена гл. 77, Чуньшэнь-цзюню – гл. 78, Пинъюань-цзюню – гл. 76, а Мэнчан-цзюню – гл. 75. Все они были видными политическими и военными деятелями периода Чжаньго. Выражение «в это самое время» неточно, так как двоих из них уже не было в живых: Мэнчан-цзюнь скончался примерно в 283 г., Пинъюань-цзюнь – в 251 г. Эти имена названы, скорее всего, как символ эпохи.

¹⁶ О Сюнь Цине (он же Сюнь-цзы) см. гл. 74.

¹⁷ Название *Люй-ши чунь-цю* обычно переводят как «Весны и осени господина Люя». Этот труд иногда называют просто *Люй лань* («Люйские обзоры»). В книге 26 глав, разбитых на разделы: 12 записей – *ци*, 8 обзоров – *лань*, 6 рассуждений – *лунь*. Сочинение носит энциклопедический характер: там изложены астрономические и климатические приметы всех сезонов года, даны примеры из полпгнко-хозяйственной практики, исторические факты, представлены идеи многих древнекитайских философских систем и многое другое. Существует немецкий перевод этого труда, сделанный Р.Вилхелмом [209]; 9 небольших главок переведены на русский язык (см. [20, т. 2, с. 284–310]).

¹⁸ Мидзусава в своем исследовании отметил, что в четырех ранних ксилографах *Ши цзи* сунского и юаньского периодов вместо фамильного знака *Лао* (老) стоял иероглиф с другим ключом – *Цзю* (𠂇) [248, т. VII, с. 7].

¹⁹ Тунговая древесина весьма тяжела; таким образом, достижения Лао Ая – символ сексуальной мощи и неутомности. Весь пассаж замечателен своей спокой-

ной откровенностью.

²⁰ Юн – первая столица Цинь (в 130 км к востоку от Сяньяна – см. карту 3).

²¹ Усыпальницы циньских правителей и их жен в Шоулине, Чжияне, Дуюане располагались не очень далеко от столицы Сяньян. Как отметил еще Сыма Чжэнь, в этих местах впоследствии хоронили и ханьских императоров, поэтому через 60 лет там появились поселения с тысячами жителей, составлявших специальные команды для ухода за могилами.

²² В гл. 6 ничего не говорилось о интимной связи Лао Ая с императрицей, а рассказано только о его планах мятежа (Истзап, т. II, с. 55). Д.Бодде считает весь этот отрывок интерполяцией [106, с. 8], хотя в гл. 9 сочинения Лю Сяна *Шо юань* этот сюжет был повторен, что косвенно подкрепляет версию гл. 85.

²³ В тексте главы циньский правитель часто зовется Цинь-ван, что соответствует реалиям, однако в ряде случаев он именуется и Ши-хуаном – «первым императором», хотя этот титул ему был присвоен только в 221 г. Также преждевременно Сыма Цянь называет умершую государыню «вдовствующей императрицей».

²⁴ Люй Бу-вэю был пожалован титул Вэньсинь-хоу, а Лао Аю – титул Чансинь-хоу. В эпизоде упомянут лишь титул первого.

²⁵ Дворец Цинянь находился в совр. уезде Фэнсян пров. Шэньси.

²⁶ Хаочжи был расположен менее чем в 60 км к северо-западу от Сяньяна.

²⁷ Здесь в значении «известность» употреблено слово *вэнь*, причем Конфуций разделял «известного человека» и «выдающегося человека». Выдающийся, по Конфуцию, и бесхитроsten, и прям, любит справедливость и заботится о нижестоящих. «Известным» он называл того, кто «выглядит милосердным и не понимает, что поступает вопреки милосердию, причем действует, не ведая сомнения. Такие становятся “известными” и в государстве и в семье» (трактовка А.М.Карапетьянца). Как явствует из комментариев, Сыма Цянь относил Люй Бу-вэя именно к таким «известным» людям.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	—	Вестник древней истории
ВИ	—	Вопросы истории
Истзап	—	Сыма Цянь. Исторические записки
ЛШЯЦ	—	Лиши яньцзю
ЧЦЦЧ	—	Чжуцзы цзинчэн (сер.)
ШСЦ	—	Шисань цзин (сер.)
ЭШУШ	—	Эрши у ши (сер.)
АМ	—	Asia Major
ВМFEА	—	Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities
FEQ	—	Far Eastern Quarterly
JAS	—	Journal of Asian Studies
OE	—	Oriens Extremus
SWAW	—	Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

На русском языке

1. *Аверинцев С.С.* Плутарх и античная биография. М., 1973.
2. *Аверинцев С.С.* Подбор героев в «Параллельных жизнеописаниях» Плутарха и античная биографическая традиция. – ВДИ. 1965, № 2.
3. *Алексеев В.М.* Историк, литератор Сыма Цянь и его культ. – Китайская народная картина. М., 1966.
4. *Алексеев В.М.* Китайская литература. М., 1978.
5. Антология китайской поэзии. М. Т. I, 1957.
6. *Барг М.А.* Эпоха и идеи. Становление историзма. М., 1987.
7. *Берзин Э.О.* Конфуций, Шан Ян и другие. – Атеистические чтения. Вып. 16. М., 1986.
8. Большой китайско-русский словарь. М., 1983.
9. *Борухович В.Г.* Научное и литературное значение труда Геродота. – Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
10. *Быков Ф.С.* Зарождение политической и философской мысли в Китае. М., 1966.
11. *Васильев К.В.* Заметки по эпиграфике периода Чжаньго (V–III вв. до н.э.). – Эпиграфика Восточной и Южной Азии. М., 1972.
12. *Васильев К.В.* Планы сражающихся царств (исследование и перевод). М., 1968.
13. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.
14. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989.
15. *Вяткин Р.В.* Художественные аспекты «Исторических записок» Сыма Цяня. – Шестнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. I. М., 1985.
16. *Гаспаров М.Л.* Светоний и его книга. – *Светоний Гай Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
17. *Го Мо-жо.* Философы Древнего Китая (десять критических статей). М., 1961.
18. *Го Мо-жо.* Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956.
19. Го юй («Речи царств»). Пер. В.С.Таскина. М., 1987.
20. Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х томах. М., 1972, 1973.
21. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990.
22. Древние цивилизации. М., 1989.

23. *Ермаков М.Е.* Буддийский деятель в представлении официального китайского историографа (по материалам «Цзинь шу» и «Гаосэн чжуань»). – Буддизм и государство на Дальнем Востоке. М., 1987.
24. *Ермаков М.Е.* (пер.) *Хуэй Цзяо.* Жизнеописания достойных монахов (Гаосэн чжуань). Раздел 1. Переводчики. Пер. с кит., исслед. и коммент. М.Е.Ермакова. М., 1991.
25. *Зевелев А.И.* Историографическое исследование: методологические аспекты.
26. *Иванов А.И.* Материалы по китайской философии. Школа фа. Хань Фэйцзы. СПб., 1912.
27. Из книг мудрецов. Проза Древнего Китая. М., 1987.
28. Историческая биография. Сб. обзоров к XVII Международному конгрессу исторических наук (Мадрид, август 1990). Методологические аспекты биографистики в СССР. М., 1990.
29. История Древнего Востока. Материалы по историографии. М., 1991.
30. История китайской философии. М., 1989.
31. *Кацнельсон И.С.* Биографии вельмож как источник по истории Египта эпохи Древнего царства. – Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. I. М., 1980.
32. Китайская классическая «Книга перемен» (Ицзин). Пер. Ю.К.Щуцкого. М., 1993.
33. Китайская классическая проза. Пер. акад. В.М.Алексеева. М., 1958.
34. Китайская литература. Хрестоматия. М., 1959.
35. *Кнабе Г.С.* Корнелий Тацит: время, жизнь, книги. М., 1981.
36. *Кожин П.М.* Проблемы изучения традиций КНР. М., 1982.
37. *Коллингвуд Дж.* Идея истории М., 1980.
38. *Конрад Н.И.* Предисловие. – *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960.
39. *Конрад Н.И.* Запад и Восток. М., 1972.
40. *Конрад Н.И.* Избранные труды. Синология. М., 1977.
41. Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982.
42. *Конфуций.* Изречения (перевод, предисловие и комментарий И.И.Семеновича). М., 1994.
43. *Котляр Н.Ф., Смолий В.А.* История в жизнеописаниях (Древняя Русь и Украина). Киев, 1990.
44. *Кроль Ю.Л.* О связи некоторых исторических взглядов Сыма Цяня с его позицией критика современности. – Краткие сообщения Института востоковедения, № 61. М., 1963.
45. *Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь – историк. М., 1970.
46. *Кроль Ю.Л.* О влиянии ассоциативного мышления на «Записки историка». – Историко-филологические исследования (памяти Н.И.Конрада). М., 1974.
47. *Кроль Ю.Л.* О любви Сыма Цяня к необычному. – Тринадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. I. М., 1982.
48. *Кроль Ю.Л., Романовский Б.В.* Опыт систематизации традиционной китайской метрологии. – Страны и народы Востока. М., 1982.

49. *Крюков М.В.* Лао-цзы. – Советское востоковедение. 1957, № 3.
50. *Лисевич И.С.* Моделирование мира в китайской мифологии и учение о первоэлементах. – Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969.
51. *Лисевич И.С.* Из книг мудрецов. Проза Древнего Китая. М., 1987.
52. Литература Древнего Востока. М., 1962.
53. Литература Древнего Китая. М., 1969.
54. *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М., 1977.
55. *Лосев А.Ф.* Диоген Лаэртский – историк античной философии. М., 1981.
56. *Лурье С.Я.* Плутарх и его время. – *Плутарх.* Избранные биографии. М., 1941.
57. *Лурье С.Я.* Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета. М.-Л., 1947.
58. *Любарский Я.Н.* Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992.
59. *Малявин В.В.* Чжуан-цзы. М., 1985.
60. *Малявин В.В.* Язык сердца: афоризм и китайская традиция. – Афоризмы старого Китая. М., 1988.
61. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968.
62. *Немировский А.И.* Полибий как историк. – ВИ, 1974, № 6.
63. *Немировский А.И.* Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1986.
64. *Переломов Л.С.* Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае. М., 1962.
65. *Переломов Л.С.* (пер.) Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). Пер. с кит., вступ. статья, коммент. и посл. Л.С.Переломова. М., 1968.
66. *Переломов Л.С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.
67. *Плутарх.* Избранные биографии. М., 1941.
68. *Плутарх.* Параллельные жизнеописания. Т. I–III. М., 1961–1964.
69. *Позднеева Л.Д.* Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. М., 1967.
70. *Померанцева Л.Е.* Жизнеописания Сыма Цяня: история, биография, автобиография. – Восьмая научная конференция «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока». Тезисы и доклады. Т. II. М., 1978.
71. *Померанцева Л.Е.* Поздние даосы о природе, обществе и искусстве. – Хуайнань-цзы. II век до н.э. М., 1979.
72. *Померанцева Л.Е.* Сыма Цянь. Наследственные дома. Юэский ван Гоу-цзянь. – Литература Древнего Востока. М., 1984.
73. *Попов П.С.* Китайский философ Мэн-цзы. СПб., 1904.
74. *Попов П.С.* Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. СПб., 1910.
75. *Попова Т.В.* Античная биография и византийская агиография. – Античность и Византия. М., 1975.
76. *Ракитов А.И.* Историческое сознание. М., 1982.
77. *Рифтин Б.Л.* От мифа к роману. М., 1979.

78. Рубин В.А. Два истока китайской политической мысли. – ВИ, 1967, № 3.
79. Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
80. Семенов И.И. Афоризмы Конфуция. М., 1987.
81. Смолин Г.Я. Источниковедение древней истории Китая. Л., 1987.
82. Стратановский Г.А. Геродот. Л., 1972.
83. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Пер. Н.И.Конрада. М., 1950.
84. Сыма Цянь. Избранное. Пер. В.А.Паңасюка. М., 1956.
85. Тацит Корнелий. История. Т. 1, 2. Л., 1969.
86. Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985.
87. Торчинов Е.А. Даосизм: опыт историко-религиоведческого описания. СПб., 1993.
88. Феоктистов В.Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. М., 1976.
- 88а. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
89. Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. 1. М., 1980.
90. Хрестоматия по истории китайского языка. М., 1982.
91. Цюй Юань. Стихи. Пер. с китайского. М., 1954.
92. Шаньхай цзин. Каталог гор и морей. Пер. Э.М.Яншиной. М., 1977.
93. Шицзин. Издание подготовили А.А.Штукин и Н.Т.Федоренко. М., 1957.
94. Штейн В.М. Трактат «Гуань-цзы» и его место среди экономической литературы Древнего Китая. – Ученые записки Института востоковедения. Т. XVI. М.-Л., 1958.
95. Штейн В.М. Гуань-цзы. Исследование и перевод. М., 1959.
96. Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988.
97. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М., 1965.
98. Юэфу. Из древних китайских песен. Предисловие, переводы и примечания Б.Б.Бахтина. М.-Л., 1959.
99. Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М., 1950.
100. Ян Юн-го. История древнекитайской идеологии. М., 1957.
101. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. М., 1991.

На западных языках

102. Ancient China: Studies in Early Civilization. Ed. by D.T.Roy and Tsuen-hsien Tsien. Hongkong, 1978.
103. Barba H.J. Les procédés de la peinture des caracteres et la verité historiques dans les biographies de Plutarque. P., 1934.
104. Bary W.Th. de, Wing-tsit Chan and Watson B. Sources of Chinese Tradition. Vol. I-II. N.Y., 1960.

105. *Bodde D.* (transl.). *Fung Yu-lan. A History of Chinese Philosophy. Vol. 1, 2.* Princeton, 1952, 1953.
106. *Bodde D.* *Statesman, Patriot, and General in Ancient China. Three Shi chi Biographies in the Ch'in Dynasty.* New Haven, 1940. Rpt. N.Y., 1967.
107. *Bodde D.* *China First Unifier: a Study of the Ch'in Dynasty as Seen in the Life of Li Ssu.* Leiden, 1938. Rpt. N.Y., 1967.
108. *Bodde D.* *Chinese Thought, Society and Science.* Honolulu, 1991.
109. *Bönnner T.* *Übersetzung des zweiten Teiles der 24. Biographie Seu-ma Ts'ien's (Kia-i). Mit Kommentar Dissertation.* Berlin, 1908.
110. *Boorman H.-L.* *The Biographical Approach to Chinese History.* – JAS. Vol. 21, 1962, № 4.
111. *The Cambridge History of China. Vol. I. The Ch'in and Han Empires.* Ed. by D.Twitchett and M.Loewe. N.Y., 1986.
112. *Chang Tsui-cheng.* *An Innovation in Chinese Biographical Writing.* – FEQ. Vol. 12, 1953, № 1.
113. *Chavannes E.* *Les memoires historiques de Se-Ma Ts'ien.* Vol. I-V, P., 1895-1905; vol. VI, P., 1969.
114. *Chü Tung-tsu.* *Han Social Structure.* Seattle-London, 1972.
115. *Chien Mu.* *Ouvrages representatifs dans l'historiographie chinoise.* Vol. 1-2. Taipei, 1973.
116. *Die Chinesische Antologie.* Vol. 1-2, Cambridge (Mass.), 1958.
117. *Chou King.* *Texte chinois avec une double traduction en français et latin,* par S.Couvreur. Ho Kien Fou, 1897.
118. *Cho-yun Hsu.* *Ancient China in Transition.* Stanford, 1968.
119. *Clifford J.* *Biography as an Art.* L., 1962.
120. *Coasten E.* *Das alte China.* Stuttgart, 1958.
121. *Cordier H.* *Histoire generale de la Chine.* Vol. I-IV. P., 1920.
122. *Creel H.G.* *Confucius: the Man and the Myth.* N.Y., 1951.
123. *Creel H.G.* *The Meaning of Hsing-Ming.* – *Studia Serica* Bernhard Karlgren Dedicata. Stockhokm, 1959.
124. *Creel H.G.* *The Origins of Statecraft in China. Vol. I. The Western Chou Empire.* Chicago, 1972.
125. *Crespigny R. de.* *The Biography of Sun Chien.* Canberra, 1966.
126. *Crespigny R.* *Official Titles of the Former Han Dynasty.* Canberra, 1967.
127. *Crump J.J.* *Chan-kuo ts'e.* Oxford, 1970.
128. *Davidson D.L.* *Author Catalogues of Western Sinologists.* Canberra, 1966.
129. *Dawson R.* *The Legacy of China.* Oxford, 1964.
130. *Dubs H.* (transl.). *The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku.* Vol. I-III. Baltimore, 1938-1955.
131. *Dubs H.* *The Reliability of Chinese Histories.* – FEQ. 1946, № 17.
132. *Duyvendak J.J.* (transl.). *The Book of Lord Shang.* L., 1928.
133. *Dzo Ching-chuan.* *Sseu-ma Ts'ien et l'historiographie chinoise.* P., 1978.

134. *Eberhard W.* A History of China. Berkeley, Los Angeles, 1969.
135. *Forke A.* Geschichte der alten chinesischen Philosophie. Hamburg, 1927.
136. *Franke H., Bauer W.* Der Fürst von Meng Tschanh. München, 1962.
137. *Franke O.* Der Ursprung der Chinesischen Geschichtsschreibung. – Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. XXIII. Berlin, 1925.
138. *Gardner Ch.S.* Chinese Traditional Historiography. Cambridge (Mass.), 1961.
139. *Garraty J.A.* The Nature of Biography. N.Y., 1962.
140. *Garraty J.A.* Chinese and Western Biographies. A Comparison. – JAS. Vol. 21, 1962, № 4.
141. *Giles L.* Sun Tzu on the Art of War. L., 1910.
142. *Graham A.S.* The Book of Lieh-tzu. A New Translation. L., 1960.
143. *Granet M.* La pensée chinoise. P., 1934.
- 143a. *Grube W.* Geschichte der chinesischen Literatur. Leipzig, 1909.
144. *Gu Che-gang.* The Autobiography of a Chinese Historian. Leiden, 1931.
145. *Haenisch E.* Rachepflicht ein Widersreit zwischen konfuzianischer Ethik und Staatsgefühl. – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Vol. 85. 1931.
146. *Haenisch E.* Politische Systeme und Kämpfe im alten China. Berlin, 1951.
147. *Haenisch E.* Gestalten aus der Zeit der chinesischen Hegemoniekämpfe. – Abhanger für die Kunde des Morgenlandes. Vol. 34, 1962, № 2.
148. *Halde J.B. du.* The General History of China. Vol. I-IV. L., 1736-1741.
- 148a. *Hauser O.* Chinesische Dichtung. Berlin, 1923.
149. *Hervouet Y.* La valeur relative des textes du Che-ki et du Han chou. – Mélanges de Sinologie offerts à Monsieur Paul Demiéville. Vol. 20. P., 1974.
150. *Hightower J.* Chü Yan Studies. – Silver volume of Zinbun kagaku. Kyoto, 1954.
151. *Hightower J.* Chia Yi's «Owl Fu». – AM. Vol. VII. 1959, № 1-2.
152. *Historians of China and Japan.* Ed. by W.G.Beasley and E.G.Pulleyblank. L., 1962.
153. *History of Chinese Philosophie.* Vol. 1. Princeton, 1953.
154. *Howard R.C.* Modern Chinese Biographical Writing. – JAS. Vol. 21, 1962, № 4.
155. *Hübötter E.* Aus den Plänen der kämpfenden Reiche nebst den entsprechenden Biographien des Se-ma Ts'ien. B., 1912.
156. *Hulsewé A.F.P.* Remnants of Han Law. Leiden, 1955.
157. *Hulsewé A.F.P.* The Problem of the Authenticity of Shih chi. – T'oung Pao. Vol. 61, 1975.
158. *Jäger F.* Der Heutige Stand der Shi-ki Forschung. – AM. 1933, № 9.
159. *Kierman F.* Ssu-ma Ch'ien's Historiographical Attitude as Reflected in Four Late Warring States Biographies. Wiesbaden, 1962.
160. *Kohen A.* Avenging Ghosts and Moral Judgement in Ancient Chinese Historiography. – Legend and Religion in China. Essays in Honor of Wolfram Eberhard in his Seventies Birthday. San Francisco, 1979.
161. *Latourette K.S.* The Chinese. Their History and Culture. N.Y., 1946.
162. *Lauffer B.* Jade. Chicago, 1912.

163. *Leaders of XXth Century. China.* Stanford, 1956.
164. *Lee P.H. Lives of Eminent Monks.* Cambridge, 1969.
165. *Legge J. The Li São Poem and Its Author.* – Journal of the Royal Asiatic Society, 1895.
166. *Leslie D.D. Essays on Sources for Chinese History.* Canberra, 1973.
167. *Levenson. Liang Chi-chao – Present Chinese Intellect.* Cambridge, 1953.
168. *Liao W.K. The Complete Works of Han Fei tzu. A Classic Chinese Political Science.* Vol. I–II, 1939, 1959.
169. *Loewe M. Records of Han Administration.* Vol. I–II. Cambridge, 1967.
170. *Loewe M. Crisis and Conflict in Han China.* L., 1974.
171. *Loewe M. Didactic Art in Han China.* – Journal of the Royal Asiatic Society. Vol. I. 1991, April.
172. *Mailla J.A. de Moyriac de. Histoire générale de la Chine ou Annales de cet empire Traduites du Tong Kien Kang Mou.* Vol. 1–13. P., 1777–1785.
173. *Margulies G. Le Kou-wen chinois.* P., 1926.
174. *Maspero A. La Chine antique.* P., 1927.
175. *Maspero H. Le roman de Son Ts'in. Études Asiatiques publiées a l'occasion du 25e anniversaire de l'École Française d'Extrême Orient.* Vol. 2. P., 1925.
176. *Needham J. Science and Civilization in China.* Vol. II. Cambridge, 1958.
177. *Nivison D.S. Aspects of Chinese Traditional Biography.* – JAS. Vol. 21, 1962, № 4.
178. *Nivison D.S. The Life and Thought of Chang Hsüeh-ch'eng (1738–1801).* Stanford, 1966.
179. *Nivison D.S. Mencius and Motivation.* – Journal of American Academy of Religion. Vol. 42, 1980, № 3.
180. *Olbricht P. Die Biographie im China.* – Saeculum. Vol. VIII. München, 1957.
181. *Pfizmaier A. Das Leben des Feldherrn U-Khi.* – SWAW. Vol. 30. 1859.
182. *Pfizmaier A. Der Redner Tschang I und einige seiner Zeitgenossen.* – SWAW. Vol. 33. 1860.
183. *Piton Ch. Wei Yen and Fan Tsü. Two rival Statesmen of Ts'in During the «Warring States» (paraphrasis).* – The China Review. 1884–1885, vol. 13.
184. *Plath H. Confucius und Schüler. Leben und Lehre.* München, 1873.
185. *Pokora T. The Present State of Translations from the Shih chi.* – OE. Vol. 9. 1962, № 2.
186. *Pokora T. Hsi-men Pao in Fiction and History.* – Altorientalische Forschungen. Vol. 8, 1981.
187. *Pokora T. Chu Shao-sun. The Narrator of Stories in the Shih-chi.* – Annali Istituto Orientale. Vol. 31, 1981.
188. *Rudolph R.C. The Shih-chi Biography of Wu Tzu-hsü.* – OE. Vol. 9, 1962, № 1.
189. *Ryckmans P. A New Interpretations of the Term Liehchuan in the Shih chi.* – Papers on the Eastern History. Australian National University. Vol. 5. Canberra, 1972.
190. *Schindler B. Some Notes on Chia Yi.* – AM. Vol. VII, 1959.

191. *Shih Hsiang-chen*. An Innovation in Chinese Biographical Writing. – FEQ. Vol. 12, 1953, № 1.
191. Sino-Japanica Festschrift Andre Wedemyer zum 80. Geburtstag. Leipzig, 1956.
192. *Stuart D.R.* Epochs of Greek and Roman Biography. Berkeley, 1928.
193. *Sung Z.D.* The Symbols of Yi King or the Symbols of the Chinese Logic of Changes. Shanghai, 1934.
194. *Swann N.L.* Food and Money in Ancient China. Princeton, 1950.
195. *Teng Ssu-yü*. Herodotus and Ssu-ma Ch'ien: Two Fathers of History. – East and West ISMEO. Rome, 1961. New Series, vol. XII, № 4.
196. *Teng Ssu-yü*, *Biggerstaff K.* An Annotated Bibliography of Selected Chinese Reference Works. Cambridge, 1971.
197. *Theunnissen P.* Su Ts'in und die Politik der Längs- und der Quer-Achse (Tsung-Heng-Schule) im chinesischen Altertum. Breslau, 1938.
198. *Tsuen Hsulin Tsien*. Written on Bamboo and Silk. Chicago, 1962.
199. *Tu Wei-ning*. The Thought of Huang Lao. – JAS. Vol. 39, 1980, № 1-4.
200. *Tucci G.* Note Chinese. I. Come Sse-ma Ts'ien concepì la storia. – Giornale della Societa Asiatica Italiana. Vol. 28, 1916.
201. *Twitchett D.S.* Chinese Biographical Writing. – Historians of China and Japan. L., 1961.
202. *Waley A.* (transl.). The Analects of Confucius. L., 1938.
203. *Watson B.* Ssu-ma Ch'ien. The Grand Historian of China. N.Y., 1958.
204. *Watson B.* Records of the Grand Historian of China. Translated from the Shih chi of Ssu-ma Ch'ien. Vol. I-II. N.Y.-L., 1961.
205. *Watson B.* Early Chinese Literature. N.Y., L., 1962.
206. *Watson B.* Mo tzu. Basic Writings. N.Y., L., 1966.
- 206a. *Wieger L.* Texts historiques. – Ho-chien, 1903, vol. I.
207. *Widgery A.G.* Interpretations of History. From Confucius to Toynbee. L., 1961.
208. *Wilbur M.* Slavery in China During the Former Han Dynasty. Chicago, 1943.
209. *Wilhelm R.* Frühling und Herbst des Lü Bu We. Jena, 1924.
210. *Wright A.E.* Biography and Hagiography. Hui-chiao. Lives of Eminent Monks. Kyoto, 1954.
211. *Wright A.E.*, *Twitchett D.S.* Confucian Personalities. Stanford, 1962.
212. *Wylie A.* Notes on Chinese Literature. Shanghai, 1902.
213. *Yäger F.* Die Biographie des Wu Tsu-hsü. Das 66. Kapitel des Shih chi. – OE. Vol. VII, 1960, № 1.
214. *Yang Hsien-yi*. Records of the Historian. Hongkong, 1974.
215. *Yang Hsien-yi*, *Yang G.* Selections from Records of the Historian. Peking, 1979.
216. *Ying-Shih Yü*. Life and Immortality in the Mind of Han China. – Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 25, 1965.
217. *Zottoli A.* Cursus Litteraturae Sinicae. Shanghai, 1880.

На восточных языках

218. Байхуа Ши цзи («Исторические записки» в переводе на байхуа). Тайбэй, 1980, 1985, 1991. 白話史記

219. Бань Гу. Хань шу (История [западной] Хань). Пекин, 1983.

班固。漢書

220. Ван Босян. Избранные главы из «Исторических записок» с комментариями. Пекин, 1959.

王伯祥。史記選

221. Ван Ханьчан, Линь Дайчжао. Краткая история политических систем Древнего Китая. Пекин, 1985. 王漢昌、林代昭。中國古代政治制度史略

222. Ван Чжун-минь. Исследование о философе Лао-цзы. Пекин, 1927.

王重民。考老子

223. Ван Юнь-у. Большой словарь. Шанхай, 1937.

王雲五。大辭典

224. Гао Лин. Критическое исследование биографии Лао-цзы. – Гушибянь. Т. IV. Шанхай, 1933. 高平。史記老子傳考證。古史辨

225. Гаосэн чжуань (Жизнеописания достойных монахов). VI, VIII, IX и XV века. – Тайсё синсю Дайдзюкё. Т. 50. Токио, 1969.

高僧傳

226. Гао Хэн. Критическое исследование биографии Лао-цзы в «Исторических записках». – Гушибянь, т. VI. Шанхай, 1936.

高亨。老子世系考

227. Гао Хэн. Идейность и художественность «Исторических записок». – Вэньшичжэ. 1956, № 2.

高亨。史記的思想性與藝術

228. Гао Цзянь. Потомки Сыма Цяня в деревне Сюйцунь у Ханьчэна. – Вэньу тянь дзи. 1982, № 6.

高健。韓城徐村司馬遷後裔

229. Го Можо. Эпоха рабовладельческого строя. Пекин, 1956.

郭沫若。奴力制時代

230. *Го Сунтао*. Разнообразные заметки по «Историческим запискам». Шанхай, 1957. 郭嵩燾。史記札記

231. Губэнь чжушу цзинянь цзи чжэн (Собрание доказательств к древнему списку «Бамбуковых анналов»). Сост. Фан Шимин и Ван Сюлин. Шанхай, 1981.

古本竹書紀年輯證

232. *Ин Шао*. Общий смысл традиций и обычаев [Китая]. Т. I–II. Пекин, 1943.

應劭。風俗通義

233. *Иошинами Такаси*. Исследования по истории империй Цинь и Хань. Токио, 1978. 好浪隆司。秦漢帝國史研究

234. *Кайдзука Сигеки*. Развитие историографии в Древнем Китае. Токио, 1946.

貝蒙茂樹。中國古代史學的發展

235. *Кайдзука Сигеки*. История Китая. Токио, 1972.

貝蒙茂樹。中國歷史

236. *Куан Ямин*. Критическая биография Конфуция. Цзинань, 1985.

匡亞明。孔子評傳

237. *Курихара Томонобу*. Исследование истории Цинь и Хань. Токио, 1960.

栗原明信。秦漢史の研究

238. *Ли Цинчжи* (сост.). Сто историй из «Исторических записок». Пекин, 1986.

李濟之。史記故事百篇

239. *Ли Чан-чжи*. Сыма Цянь как человек и его стиль. Шанхай, 1948.

李長之。司馬遷之人格與風格

240. *Ли Шоуюн*. О некоторых важных экономических воззрениях Сыма Цяня. – Ученые записки Уханьского университета. 1980, № 2.

李守庸。略論司馬遷的苦重經濟觀點

241. Лидай минцзя пин Ши цзи (Толкования «Исторических записок» известными учеными разных эпох). Пекин, 1986.

歷代名家評史記

242. *Ло Гэнь-цзэ*. Проблемы Лао-цзы и его труда. – Гушибянь. Т. IV. Шанхай, 1933. 羅根澤。老子和老子書的問題

243. *Лю Гоцзюнь*. Краткая история китайской книги. Пекин, 1958.

劉國鈞。中國書史簡編

244. *Люй Сы-мянь*. История периодов Цинь и Хань. Т. 1, 2. Пекин, 1947, Гонконг, 1962. 呂思勉。秦漢史

245. *Лян Ци-чао*. О подлинном и ложном в древних книгах и их датировке. Шанхай, 1955. 梁啓超。古書眞僞及其年代

246. *Лян Юй-шэн*. Записи о сомнительных местах в «Исторических записках». Кн. 10–13. Шанхай, 1886. 梁玉繩。史記志疑

247. *Ма Фэй-бай*. Суждение о том, что Байли Си и Мэн Мин-ши – это один человек. – ЛШЯЦ. 1934, № 3. 馬非百。百里奚與孟明視爲一人辨

248. *Мидзуэва Тоситада*. Исправления и дополнения к своду комментариев и критическому исследованию «Исторических записок». Токио, 1959.

水澤利忠。史記會注考證校補

249. *Моу Инхан*. Достопримечательные географические пункты древности. Чэнчжоу, 1983. 牟應杭。古地名覽勝

250. *Найто Торазиро*. История исторической науки Китая. Токио, 1953. 內藤虎次郎。支那史學史

251. *Немото Мокото*. Истоки исторических представлений в Китае. Токио, 1963. 根木誠。中國歷史理念の根原

252. *Отаке Такео, Отаке Фумио*. «Исторические записки» в переводе на современный японский язык. Токио, 1957. 小竹文夫、小竹武夫。現代語譯史記

253. *Сунь И-жан*. Текст и комментарии к книге чжоуских ритуалов «Чжоули». Шанхай, 1934. 孫詒讓。周禮正義

254. *Сыма Цянь*. Исторические записки. Пекин, 1959.

司馬遷。史記

255. Сыма Цянь юй Ши цзи луньцзи (Собрание статей о Сыма Цяне и «Исторических записках»). Шэньси, 1982. 司馬遷與史記論集

256. Сыма Цянь юй Ши цзи (Сыма Цянь и «Исторические записки»). – Вэньши чжэ. Пекин, 1957. 司馬遷與史記

257. Сюй Вэньшань. Критические оценки «Исторических записок». Тайбэй, 1973. 徐文珊。史記評介

258. Сюй Шэнь. Словарь китайских иероглифов с толкованиями. Пекин, 1963. 許慎。說文解字

259. Сюй Юн. Сомнения в отношении хронологии правления вэйского Хуэй-вана. – Шисюэ коцкань. 1986, № 3. 徐勇。魏惠王的紀年的盾疑

260. Сюэ Ли. Критическая биография Сыма Цяня. Цзиньинь, 1986. 肖黎。司馬遷評傳

261. Тайпин юй-лань (Императорский просмотр годов Тайпин). Сост. Ли Фан и др. Пекин, 1960. 太平御覽

262. Такигава Каметаро. Свод комментариев и критическое исследование «Исторических записок». Токио, 1932–1934. Пекин, 1955. 瀧資大即。史記會注考證

263. Такэда Тайдзюн. Сыма Цянь – мир «Исторических записок». Токио, 1961. 嶽田泰淳。司馬遷史記の世界

264. Тан Бинчжэн. Новое исследование биографии Цюй Юаня. – Вэньши. Кн. 1. Пекин, 1962. 湯炳正。屈原列傳新探

265. Тань Цзе-фу. Критическое исследование биографии Лао-цзы. – Гушибянь. Т. VI. Шанхай, 1936. 譚戒甫。老子傳考正

266. У Чэн-ло. История китайских мер и весов. Шанхай, 1936. 吳承洛。中國度量衡史

267. Фан Сюэ-юэ. Шаншу, переданное современным языком. Шанхай, 1958. 方孝岳。尚書今語

268. Фу И. О биографии Пинъюань-цзюня. – Юйвэнь сюэси. 1956, № 8.

傅義。平原君列傳

269. Хань Чжаоци. Оценка и критический анализ «Исторических записок». Хухото, 1985. 韓兆琦。史記評義賞析

270. Хуань Куань. Суждения о соли и железе. Пекин, 1957.

桓寬。鹽鐵論

271. Хуаян го чжи (Описание владений и царств на юге Китая). Пекин, 1958.

華陽國志

272. Хэ Цыцзюнь. О разных изданиях «Исторических записок». Шанхай, 1958.

賀次君。史記書錄

273. Хэ Чанцзюнь. О развитии форм земельной собственности в период обеих ханьских империй. Шанхай, 1957.

賀昌群。論兩漢地佔有形態的發展

274. Цефу юань-гуй (Сокровищница библиотек). Пекин, 1960. 冊府原貴.

275. Цзи Чжэньхуай. Как описывал Сыма Цянь исторические личности. - Вэньшичжэ. 1956, № 8. 季鎮淮。司馬遷怎樣寫歷史人物的傳紀的

276. Цзинь Дэцзянь. Исследование о книгах, которые читал Сыма Цянь. Шанхай, 1963. 金德建。司馬遷所見書考

277. Цзэн Цзиньшэн. Политический строй Китая в периоды Цинь и Хань. Тайбэй, 1969. 曾金聲。中國秦漢政治制度

278. Цзян Жуньсюнь, Чэнь Вэйян, Чэнь Бинлян. Исследование творчества Цзя И. Гонконг, 1958. 江閏勳、陳煒羊、陳炳良。賈誼研究

279. Цзян Тяньгуй. Перевод главы о Су Цине с комментарием. - Цинь цзи ши. Пекин, 1982. 將天挂。蘇秦選的史記譯注

280. Цинь цзи ши (Собрание исторических материалов по династии Цинь). Сост. Ма Фэйбай. Т. 1, 2. Пекин, 1982. 秦集史。馬非白篇

281. Цуй Ши. Глубокое проникновение в истоки «Исторических записок». Пекин, 1924.

282. Цы хай (Море слов). Т. 1, 2. [Б.м.], [б.г.].

辭海

283. Цы-юань (Большой китайский словарь слов и выражений). Пекин, 1979.

辭源

284. Цянь Дасинь. Исследование расхождений в двадцати двух династийных историях. Шанхай, 1958. 錢大昕。廿二史考異

285. Цянь Му. Хронология жизни Конфуция. – Гушибянь. Т. IV. Шанхай, 1933.
錢穆。孔子年表

286. Цянь Му. Хронологические рамки работ доциньских философов. Шанхай, 1936. 錢穆。先秦諸子繫年

287. Цянь Му. История периодов Цинь и Хань. Гонконг, 1957.
錢穆。秦漢史

288. Чжан Дакэ. Изучение «Исторических записок». Ланьчжоу, 1985.
張大可。史記研究

289. Чжан Мэнлунь. История китайской историографии. Ланьчжоу, 1983.
張孟倫。中國史學史

290. Чжан Синь-чжэнь. Исследование поддельных текстов. Шанхай, 1939.
張心徵。僞書通考

291. Чжан Сэнькай, Ян Цзяло. наброски новых сверенных толкований к «Историческим запискам». Тайбэй, 1967.
張森楷、楊家駱。史記新校注橋

292. Чжан Шуньхуэй. Знакомство с основными изданиями по китайской истории. Ухань, 1957. 張舜徽。中國歷史要籍介紹

293. Чжань Либо. О военном трактате Сунь Биня (фрагменты записей на бамбуковых пластинках). – Вэньу, 1974, № 3. 詹立波。關於孫賓兵法殘簡介紹

294. Чжаньго цзун хэн цзя шу (О книге полемистов-эклектиков периода Чжаньго [на шелке, найденной в Мавандуе в 1972 г.]). Пекин, 1976.
戰國縱橫家書

295. Чжаньго цэ (Планы Борющихся царств). Шанхай, 1938.
戰國策

296. Чжоу Гучэн. Избранные исторические статьи. Пекин, 1983.
周谷城。史學論文選集
297. Чжоу Цзин. «Исторические записки» Сыма Цяня и архивы. Пекин, 1985.
周經。司馬遷史記與檔案
298. Чжоу Дун-жунь. Исследования «Исторических записок». Шанхай, 1948.
朱東閏。史記考索
299. Чжоу Цзунэн. Исследование и комментарии к книге «Чжаньго цэ». Янчжоу, 1985. 諸祖耿。戰國策注彙考
300. Чжоу Чжаохоу (сост.). Краткие жизнеописания выдающихся деятелей Китая и зарубежья. Хэнань, 1984. 朱紹侯。中外歷史名人傳略
301. Чжунго гуцзинь димин да цыдянь (Большой словарь географических названий Китая разных времен). Шанхай, 1933.
中國古今地名大辭典
302. Чжунго жэнь мин да цыдянь (Большой словарь китайских имен). Шанхай, 1933. 中國人名大辭典
303. Чжунго лишн да цыдянь (шисюэ ши) (Большой словарь по китайской истории, раздел «Историография»). Шанхай, 1987.
中國歷史大辭典，史學史
304. Чжунго лишн диту цзи (Собрание карт по истории Китая). Шанхай, 1985.
中國歷史地圖集
305. Чжун Хуа – Индекс имен к «Историческим запискам». Пекин, 1977.
中華，史記人名索引
306. Чжэнь Сюэман и др. Краткая экономическая история Китая. Харбин, 1984.
鄭學樣。簡明中國經濟通史
307. Чжэнь Хао-шэн. Хронология жизни Сыма Цяня. Шанхай, 1931.
鄭鶴聲。司馬遷年譜
308. Чжэнь Хао-шэн. Исследование «Исторических записок» и «Истории ранних Хань». Шанхай, 1933.

鄭鶴聲。史漢研究

309. Чжэн Цюаньчжун. Избранное из «Исторических записок». Пекин, 1959.

鄭權中。史記選講

310. Чэн Цзиньцзао. Мой скромный взгляд на «Исторические записки». Сиань, 1985. 程金造。史記管窺

311. Чэнь Сяунь. О подлинном и сомнительном в «Избранных комментариях» к «Историческим запискам». – Шаньси дасюэ сюэбао. 1981, № 2.

陳霞村。史記選注真疑

312. Чэнь Чао-цзюэ. Исследование главы о Конфуции в «Исторических записках». – Сюэфэн. Т. IV, декабрь 1934.

陳朝爵。考正史記孔子世家

313. Чэнь Чжи. Собрание статей с историческими и экономическими материалами по обеим ханьским династиям. Сиань, 1958.

陳直。兩漢經濟史料論叢

314. Чэнь Юань. Избранные труды по истории. Шанхай, 1981.

陳垣。陳垣史學論選

315. Шан цзюнь шу (Книга правителя области Шан). – ЧЦЦЧ. Т. 4. Шанхай, 1956. 商君書

316. Шибэнь ба чжун (Восемь типов генеалогических книг). Шанхай, 1957. 世本八種

317. Шигезава Тосио. Историографические взгляды Сыма Цяня. – Синагаку. Т. 12. 1942.

重津俊即。司馬遷の史學管見

318. Ши Дин. Как оценивает исторические личности Сыма Цянь. – Ляонин дасюэ сюэбао. 1980, № 1. 施丁。司馬遷評歷史人物

319. Ши Дин. Как Сыма Цянь проникал в суть изменений прошлого и настоящего. – ЛШЯЦ. 1980, № 2.

施丁。司馬遷通古今之變

320. Ши цзи гуши сюань (Избранные переводы различных историй из «Исторических записок»). Шанхай, 1959. 史記故事選譯

321. Ши цзи пин-линь (Собрание комментариев к «Историческим запискам»). Тайбэй, 1968. 史記評林

322. Ши цзи сюань (Переводы избранных глав из «Исторических записок») Кн. 1, 2. Чэнду, 1989. 史記選譯

323. Ши цзи сюань чжу (Избранные главы из «Исторических записок» с комментариями). Пекин, 1957. 史記選注

324. Шэнь Юйчэн. Цзо чжуань в переводе на байхуа. Пекин, 1981.

沈玉成。左傳譯文

325. Юань Тао-ху. Блестящие записи из «Исторических записок». Шанхай, 1937. 袁韜壺。史記菁華錄

326. Юньмэн Цинь цзянь янь цзю (Исследование циньских дощечек с надписями, найденными в Юньмэне). Пекин, 1981.

雲蒙秦簡研究

327. Юй Цзяси. Исследование об утраченных главах книги тайшигуна. Пекин, 1963. 余嘉錫。太史公亡篇考

328. Юй Юэ и др. Примеры пяти видов сомнительных по содержанию мест в древних книгах. Шанхай, 1957.

俞樾等。古書疑義舉例五種

329. Ян Инь-шэнь. Жизнеописания литераторов Китая. Шанхай, 1939.

陽陰深。中國文學家列傳

330. Ян Куань. Планы сражающихся царств. Шанхай, 1955.

楊寬。戰國策

Периодика

- 331. Вэньу 文物
- 332. Юйвэнь сюэси 語文學習
- 333. Asia Major
- 334. Asien Berichte
- 335. China Review
- 336. Chinese Literature
- 337. Journal Societa Asiatica
- 338. Oriens Extremus
- 339. Sinica
- 340. Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften

УКАЗАТЕЛЬ КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

- Вэй Ляо-цзы 尉繚子 315,
316
- Го юй 國語 II, 322, 374
- Гуань-цзы 管子 306-308,
378, 381, 382
- Гулян чжуань 穀梁傳 II, 13
- Гуньян чжуань 公羊傳 II
- Да Дай ли 大戴禮 323, 328
- Да сюэ 大學 316
- Даодэцин 道德經 303,
304, 309, 310, 388
- И Чжоу шу 逸周書 334, 370
- Ицзин 易經 80, 207, 238,
284, 303, 305, 306, 329,
365, 371, 372, 386
- Ле-цзы 列子 306, 311, 328
- Ли цзи 禮記 326, 328, 361
- Лунь юй 論語 84, 304, 308,
309, 311, 318, 322-326,
328-330, 354, 355, 369, 371
- Лю Тао 六韜 316
- Люй-ши чунь-цю 呂氏春秋
13, 298, 304, 318, 322,
323, 326, 331, 333, 383,
384, 389, 391
- Мо-цзы 墨子 357, 372, 374
- Мэн-цзы 孟子 168, 324,
343, 354, 355, 361, 374,
384, 387
- Сань люэ 三略 316
- Сунь-цзы 孫子 55, 314,
316, 379
- Сюнь-цзы 荀子 305, 312,
356, 371, 384
- Сяо цзин 孝經 78
- Тайпин юй-лань 太平御覽
379
- Фа Янь 法言 317
- Хань Фэй-цзы 韓非子 312,
319, 327, 328, 344, 372
- Хань ши вай чжуань 韓詩
外傳 304, 380
- Хань шу 漢書 17, 25, 313,
314, 316, 317, 333, 334,
342, 351, 354-357, 362,
363, 370, 375, 383, 386
- * Хуайнань-цзы 淮南子 328,
347, 382, 384, 388
- Цзо чжуань 左傳 II, 13,

- 306, 308, 313, 314, 319-
321, 326, 327
- Цзя юй 家語 324, 328, 330
Цилюэ 七略 363
- Чжаньго цэ 戰國策 II,
304, 332, 334, 336-338,
341, 342, 344-347, 351,
352, 358, 359, 361, 363-
365, 367, 375, 379, 382,
383, 389-391
- Чжоу ли 周禮 326
- Чжушу цзинянь 竹書紀年
312
- Чжуан-цзы 莊子 303, 304,
309-311, 322, 325, 328,
336, 369, 380, 383, 384,
389
- Чу цы 楚辭 369
- Чунь-цю 春秋 II, 195, 303,
313, 319
- Шан-цзюнь шу 商君書 331,
333
- Шаншу 尚書 II, 303, 322,
326, 334, 349
- Шибэнь 世本 II
- Шицзин 詩經 23, 76, 81,
92, 168, 207, 208, 282,
303, 328, 329, 333, 365,
385-387
- Шо юань 說苑 392
- Шуцзин 書經 II, 93, 168,
333, 349
- Шэнь сянь чжуань 神仙傳
309, 310
- Яньтелунь 鹽鐵論 354, 380
- Янь-цзы чунь-цю 晏子春秋
13, 307, 308

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ТИТУЛОВ

- Адалис А. 385, 388
 Ай-ван (в Вэй) 哀王 124,
 126, 138, 342
 Ай-гун Цзян (в Лу) 哀公 18,
 67, 324, 327
 Ай-гун (в Цинь) 哀公 61, 321
 Алексеев В.М. 14, 24, 304-
 307, 323, 386
 Ан (в Вэй) 印 90
 Ан (в Цинь) 印 340
 Ань Ли-ван 安厘王 196, 198,
 204, 205, 267, 360, 362, 370
 Ань Ци-шэн 安期生 246, 375
 Аньго-цзюнь 安國君 295-297
 Аньпин-цзюнь 安平君 265
 Ао 奧 79, 329
 Аппиан II
 Арент С. 24
 Аристоксен 12
 Ахматова А.А. 385-388
- Бай-гун Шэн (Бай Ци) 白公生
 64, 65, 238, 322
 Бай Ци (Уань-цзюнь) 白齊
 154, 157, 159, 161, 163, 166,
 187, 206, 210, 230, 236, 238-
 256, 267, 338, 347, 349-352,
 368-371
 Бай Шоуи 白壽意 27
- Байли Си 白里奚 42, 91, 92,
 170, 276, 312, 332, 333, 355
 Бан Сюнь (Цзы Лянь) 邦巽 84
 Бань Гу 班固 25, 316, 362, 388
 Бао Гэнди 保根弟 367
 Бао Му (Бао-цзы) 鮑牧 63, 322
 Бао-цзы (Бао Му) 鮑子 155, 322
 Бао Цзяо 鮑焦 268, 279, 380
 Бао Шу-я 鮑叔牙 34, 306
 Бао Юань 暴鳶 349
- Барабаш Л.А. 28
 Бари В. де 24
 Бауэр В. 357
 Би-гань 比干 233, 369, 384
 Бо И 伯夷 16, 17, 22, 31-33,
 110, 170, 238, 289, 304, 305,
 369, 380, 384
 Бо Лэ 伯樂 287, 387
 Бо-ню (Жань Гэн) 伯牛 66, 67
 Бо Пи 伯髡 59, 62, 314
 Бо Хуа 伯華 66
 Бо Цянь (Цзы Си) 伯虔 83
 Бо Чжоу-ли 伯州犁 59
 Бодде Д. 20, 24, 26, 309, 353,
 390-392
 Боннер Т. 24, 385
 Борухович В.Г. 12
 Бу Шан (Цзы Ся) 卜商 76
 Бушу Чэн (Цзы Цзюй) 步叔乘

- 84
- Быков Ф.С. 310
- Бянь Суй 卞墜 303
- Бянь Хэ 卞和 275
- Бянь Чжуан-цзы 卞莊子
140, 141
- Ва (Цзы-чан) 瓦 320
- Ван Ань-ши 王安石 27
- Ван Би 王弼 306
- Ван Босян 王伯祥 314, 331,
333, 360-363, 367-369, 372,
376, 378, 379
- Ван Бэнь 王賁 166, 364
- Ван И 王崎 297, 390
- Ван Ли 王離 166, 167
- Ван Лин 王陵 162, 163
- Ван Су 王肅 326
- Ван Хэ 王先謙 160-163
- Ван Цзи 王稽 216, 217, 219,
227, 228, 230, 231
- Ван-цзы Чжун Тун 王子中侗
80
- Ван Цзянь 王翦 164-167, 260
- Ван Цин-цзи (Цин Цзи) 王慶忌
221, 368
- Ван Цо 王錯 318
- Ван Чу 王蠋 266
- Ван Чун 王充 328, 355
- Ван Шэ 王奢 275, 276, 382
- Ванчжу-цзюнь 望諸君 242
- Вань (в Чу) 完 211
- Вань Чжан 萬章 168
- Виже Л. 24, 385
- Вилбур М. 24
- Вилхелм Р. 24
- Вэй 衛 275, 381
- Вэй-ван Сюн-шан (в Чу)
威王熊商 39, 105, 173,
338
- Вэй Гуан 韋光 20
- Вэй-гунцзы (У-цзи, Синьлин-
цзюнь) 魏公子 196, 198,
200, 202, 205, 362, 363
- Вэй Жань (Жан-хоу) 魏冉
153, 154, 179, 340, 348-
350, 368
- Вэй-цзы 魏子 178, 358
- Вэй-цзы Ци 微子啓 234, 371
- Вэй Ци 魏齊 195, 216, 227-
229
- Вэй Чжан 魏章 143, 145
- Вэй Шэн 尾生 110, 338
- Вэнь-ван (Си-бо Чан) 文王
13, 32, 71, 101, 187,
207, 220, 228, 234, 269,
279, 304, 331, 336, 352,
364, 370, 371, 376, 381
- Вэнь-ван (в Чу) 文王 376
- Вэнь-гун (в Цзинь) 文公
277, 331, 333, 363, 384
- Вэнь-ди (Сяо Вэнь-ди) 文帝
288, 293, 305, 382, 387-389
- Вэнь-хоу (Сы) 文侯 52, 53,
77, 146, 240, 276, 317, 328,
356
- Вэнь-хоу (Вэнь-гун в Янь)
文侯 96, 97, 108, 111, 334
- Вэнь-цзы (Вэнь, Мэнчан-цзюнь)
文子 173-175, 180, 181,

- 184, 223, 369
 Вэнь Чжун 文種 75
 Вэньсинь-хоу (Люй Бу-вэй)
 文信侯 150, 151, 212,
 298-300, 347, 392
 Вяткин А.Р. 28
 Вяткин Р.В. 28
- Гай-гун 蓋公 246
 Ганчэн-цзюнь (Цай Цзэ)
 綱成君 151
 Гань Ло 甘羅 150-152, 347
 Гань Лун 甘龍 87, 331
 Гань Мао 甘茂 143, 145-150,
 152, 346, 347
 Гань Цзян 干將 388
 Гао (Чжао-цзы) 高 71
 Гао Хэн 高亨 308
 Гао-цзу (Гао-ди, Лю Бан)
 高祖 205, 246, 305,
 364, 375
 Гао Чай (Цзы Гао) 高柴 69,
 80, 330
 Гао Ю 高秀 344
 Гао-ян (Чжуань Сюй) 高陽
 326
 Гаолин-цзюнь Сянь 高陵君
 153, 218, 224, 339
 Гекатей Милетский 12
 Гелланик 12
 Гермипп 12
 Геродот 9, 11, 12, 20
 Гитович А. 385-387
 Го (Хуэй-цзы) 國 71
 Го Вэй 郭隗 240, 379
- Го Кай 郭開 257, 260
 Го Можо 郭沫若 338
 Го Сунтао 郭嵩燾 335,
 345, 350
 Го Ся 國夏 47
 Гоу Цзянь 句踐 61, 62, 64,
 74, 75, 103, 115, 237,
 278, 291, 314, 321, 337,
 372, 374, 387
 Грубэ В. 385
 Гу Янь 賈偃 159
 Гу Янь-у 顧炎武 320, 345
 Гуай 賡 111, 113
 Гуан (Хэ Люй) 光 58, 59
 Гуан-цзы Чэнь Юй 光子乘羽
 Гуань Ин 灌嬰 288, 387
 Гуань-цзы (Гуань Чжун) 管子
 273, 306, 307, 378, 381, 382
 Гуань Ци-сы 關其思 43
 Гуань Чжун (И-у) 管仲 16,
 18, 34, 35, 37, 171, 228, 234,
 273, 278, 305-308, 370,
 381, 384, 391
 Гуань-шу 管叔 277, 383
 Гуй Гу-цзы 鬼谷子 95,
 120, 334
 Гулян Чи 穀梁赤 11
 Гун 宮 39
 Гун-бо Ляо (Цзы Чжоу)
 公伯繚 80
 Гун Лян-жу (Цзы Чжэн)
 公良需 83
 Гунси Ай (Цзи Цы)
 公皙哀 79
 Гунси Хуа 公西華 329

- Гунси Чжэнь (Цзы Шан)
公西蒧 84
- Гунси Чи (Цзы Хуа)
公西赤 82
- Гунси Юй-жу (Цзы Шан)
公西輿如 84
- Гунсунь Гуй 公孫詭 274,
382
- Гунсунь Лун (Цзы Ши)
公孫龍 83, 172, 189,
190, 327, 356, 361, 363
- Гунсунь Си 公孫喜 154,
159
- Гунсунь Хао 公孫郝 347
- Гунсунь Цзя 公孫賈 89, 92
- Гунсунь Чжао 公孫朝 326
- Гунсунь Ши 公孫奭 146-149,
346, 347
- Гунсунь Ян (Шан-цзюнь)
公孫鞅 85, 232, 273,
331, 332, 381
- Гунсунь Янь (Си-шоу) 公孫衍
118, 141, 142, 336, 345, 346
- Гунся Шоу (Чэн) 公夏首 83
- Гунцзу Цзюйцы (Цзы Чжи)
公祖句繇 83
- Гунцзянь Дин (Цзы Чжун)
公肩定 83
- Гун-чжун Чи (Гун Шу) 公仲侈
146-148, 346
- Гун Шу (в Хань) 公叔 141,
147, 346
- Гун Шу-цзо 公叔座 54, 85,
90, 318, 331
- Гунъе Чжан (Цзы Чжан)
- 公治長 79
- Гунъян Гао 公羊高 11
- Гучжу-цзюнь 孤竹君 110,
338
- Гэ Хун 葛洪 309
- Гэн Сан-цзы 亢桑子 39,
311
- Дай-ван 代王 136, 382
- Дань 儼 38, 309, 310
- Дань (в Янь) 丹 150, 152,
275, 347
- Дань-чжу 丹朱 277, 383
- Дао-ван (Сюн И) 悼王 54,
233-236, 318
- Дао-гун (Ян-шэн) 悼公 64,
322
- Дао Сян-ван 悼襄王 348,
378
- Дао Сюань 道宣 26
- Дао Хуэй-ван 悼會王 375
- Джайлз Г. 24, 309, 314
- Ди Ку 帝譽 386
- Ди Хэй (Си) 狄黑 84
- Дикеарх 12
- Дин-гун (в Лу) 丁公 383
- Дин-гун (Нин) 定公 58,
319-321
- Дин Фучжуань 丁履誨 348
- Диоген Лаэртский 12
- Ду Чжи 杜摯 87, 331
- Дуаньму Цы (Цзы Гун)
端木賜 66, 70, 327
- Дун-ди 東帝 368
- Дун Цзюньянь 董俊彦 389

- Дьювендак Дж. 331
- Е-ван 野王 213
Е-гун 葉公 64, 65, 322
Ермаков М.Е. 26
- Жан-хоу (Вэй Жань) 穰侯
118, 153-159, 179, 217-219,
222, 224, 225, 340, 348,
350, 358, 359, 363, 368-
370
- Жан-цзюй (Сыма Жан-цзюй)
穰苴 45-47, 313
- Жань Бо-ню 冉伯牛 66
Жань Гэн (Бо-ню) 冉耕 67
Жань Жу (Цзы Лу) 冉孺 82
Жань Цзи (Цзы Чань) 冉季 83
Жань Цю (Цзы Ю) 冉求 67
Жань Ю 冉有 66, 82, 329
Жань Юн (Чжун Гун) 冉雍
67
- Жу Син 如星 26
Жу Цзи 如姬 199
Жун Фу (Цзы Ци) 榮旂 83
Жэнь Ань 任安 17
Жэнь Би 任鄙 145, 159,
220, 346, 368
Жэнь Бу-ци (Сюань) 任不齊
83
- Зоттоли А. 24, 305
- И (в Инь) 乙 371
И 羿 79, 329
И-ван 易王 108, 111, 338
- И Вэй-цзы 夷維子 270, 381
И-жэнь 異人 390
И Инь (А-хэн) 伊尹 42, 170,
214, 278, 312, 355, 367
Иакинф (Н.Бичурин) 24
Ин Фэн 20
Ин-хоу (Фань Суй) 應侯
151, 160, 162, 163, 167, 190,
191, 210, 211, 226, 230-232,
234, 235, 238, 239, 276, 361
Ин Шао 應劭 388
Иннокентий 344
Ицзюй-цзюнь 義渠君 141, 142
- Йегер Ф. 24, 25, 318, 320,
322, 379
- Кальтенмарк М. 24
Кан-ван 康王 319
Кан Сан-цзы 亢桑子 39, 311
Кан Цан-цзы 亢倉子 311
Кань Чжи (Цзы Во) 闕止 326
Као Ле-ван 考烈王 211-215,
356, 360, 367
Кирмэн Ф. 375, 377, 378, 381
Клеарх 12
Кода Рентаро 25
Конрад Н.И. 22, 314, 316,
317, 329, 379
Конфуций 孔子 11, 12, 18,
19, 24, 31-33, 37-39, 61,
66-71, 76-84, 90, 151, 168,
170, 172, 193, 234, 277,
300, 304-306, 308-310, 315,
321-330, 333, 346, 347,

- 354, 355, 369, 374, 383,
392
- Коэн А. 21
- Кривцов В.А. 304, 322
- Крил Х. 24, 323
- Кроль Ю.Л. 19, 24, 312
- Ксанф 12
- Ку 魯 282
- Куай Тун (Куай Чэ) 蒯通
246, 375
- Куй Куй (Чжуан-гун) 黃隲
69, 326
- Кун Куй 孔悝 69
- Кун-цзы (Конфуций) 孔子
322, 323
- Кун Чжун 孔忠 84
- Кучера Ст. 311
- Лай Лао 萊老 309
- Лао Ай 嫪毐 215, 298-300,
391, 392
- Лао Дань 老聃 309, 310
- Лао Лай-цзы 老萊子 38, 66
- Лао Пэн 老彭 309
- Лао-цзы (Ли Эр, Дань) 老子
16, 38, 39, 44, 66, 246,
303, 304, 307-312, 385
- Ле-ван Си 烈王喜 269
- Ле-хоу (Цзи) 烈侯 315
- Легг Дж. 309, 385
- Ли 鯉 79
- Ли-ван 厲王 293, 376
- Ли-гун 厲公 313
- Ли Дуй 立兌 225, 370, 371
- Ли Куй 李愷 172, 356
- Ли Кэ (Ли Куй) 李克 52,
317, 356
- Ли Лоу (Ли Чжу) 離婁 285,
386, 387
- Ли Му 李牧 257, 258, 260,
338, 348, 376
- Ли Синь 李信 164-166
- Ли Сы 李斯 21, 40, 44,
172, 275, 288, 291, 312,
356, 382
- Ли Тун (Ли Тань) 李同 188,
189
- Ли Фу 李腹 245, 256, 257,
272, 374, 377
- Ли-хоу 李侯 189, 361
- Ли Цзунтао 李宗燾 364, 366
- Ли-цзюнь Чжуан (Сан-цзюнь)
李君莊 153, 348
- Ли Чжэньсин 李振興 364,
366
- Ли Эр (Лао-цзы) 李耳 39,
311
- Ли Юань 李園 213-215, 367
- Лин-ван 靈王 319
- Лин-гун Юань 靈公元 69,
170, 325, 355
- Лин-гун (в Ци) 靈公 35, 307
- Лин-цзы Чжун (Чэнь Чжун-
цзы) 陵子仲 278, 384
- Лин Чжи-лун 凌程隆 304
- Линь Жэньцзянь 林仍乾 314
- Линь Куцянь 林褲乾 380,
385
- Линь Миндэ 林明德 357,
359, 360

- Линь Сян-жу 閻相如 19, 247, 249-252, 255, 261, 376, 378
 Линь Тун 林嗣 19
 Ло Гэнь-цзэ 羅根澤 308
 Лоу Хуань 樓緩 153, 154, 192-194, 349, 361
 Лоу Чан 樓昌 190
 Лу Вань 盧綰 16
 Лу Синь 魯迅 27
 Лу Чжун-лянь (Лу Лянь) 魯仲運 18, 19, 21, 267-269, 271, 274, 280, 380, 381
 Лун Пэн 龍逢 287, 384
 Лун Цзя 龍賈 23, 101, 118, 336, 340
 Лэ Кай (Цзы Шэн) 樂歆 84
 Лю Бан (Гао-ди, Гао-цзу) 劉邦 16, 23, 375
 Лю Бао-нань 劉寶楠 324
 Лю Синь 劉歆 307, 363
 Лю Сян 劉向 11, 25, 307, 363, 392
 Лю Ся-хуэй 柳下惠 66
 Лю Цзун-юань 柳宗源 308
 Люй Бу-вэй 呂不韋 19, 150, 212, 215, 295-300, 347, 366, 389-392
 Люй Ван 呂望 154, 352
 Люй Ли 呂禮 154, 178, 179, 348, 358, 359
 Люй Шан (Тай-гун Ван) 呂尚 220, 228, 279, 304, 352, 368, 370
 Лян Ци-чао 梁起超 27
 Лян Чжань (Шу Юй) 梁鱣 82
 Лян Юй-шэн 梁玉繩 *passim*
 Лянь По 廉頗 160, 161, 230, 245-247, 250-252, 254-257, 260, 261, 374-378
 Лянь Цзе (Юн) 廉絜 84
 Ляо-ван 僚王 58, 59, 320, 368
 Ма Го-хань 馬國楡 362
 Ма Юн 馬融 326
 Ман Мао 芒卯 154-157, 159, 196, 206, 349, 363, 364
 Мао-гун 毛公 203, 204, 363
 Мао Кунь 茅坤 62
 Мао Си-гун 毛翁公 246
 Мао Суй 毛遂 186-188
 Мао Цзяо 茅焦 299
 Маргулиес Г. 305, 385
 Масперо Г. 24, 333, 373
 Мафу (Чжао Ко) 馬服 236
 Мафу-цзы 馬服子 160-162, 230
 Мафу-цзюнь 馬服君 255
 Ми бацзы (Сюань-тайхоу) 米八子 153
 Ми Буци (Цзы Цзянь) 宓不齊 78, 328
 Ми Жун (Хуаян-цзюнь) 米戎 153, 368
 Ми-цзы Ся 彌子瑕 43
 Мидзусава Тоситада 水澤利忠 306, 313, 315, 323, 325, 329, 331, 341, 342, 345, 348, 350, 357, 360, 367, 379, 391

- Мин-ди 明帝 382
 Минь-ван 湣王 111, 116, 133,
 149, 173, 175, 177-179, 218,
 222, 240, 241, 262, 266,
 267, 270, 338, 339, 358,
 359, 368-370, 374
 Минь Сунь (Цзы Цянь) 閔損
 67, 324
 Минь-цзы Цянь 閔子騫 66,
 67
 Мо Ди (Мо-цзы) 墨翟 172,
 272, 277, 279, 356, 357,
 374, 381, 383, 385
 Мосе 莫邪 388
 Му-гун 繆公 86, 91, 170, 249,
 276, 312, 331-333, 363, 387
 Мэн Ао 蒙騫 204, 205, 353,
 363
 Мэн Бэнь 孟賁 132, 221,
 343, 368
 Мэн-гун Чо 孟公綽 66, 323
 Мэн Кэ (Мэн-цзы) 孟軻 168,
 170, 354
 Мэн Лань-гао 孟蘭皋 90
 Мэн Тянь 蒙恬 164, 352,
 353, 363
 Мэн У 蒙武 353
 Мэн У-бо 孟武伯 325
 Мэн-цзы 孟子 82
 Мэн-цзы (Мэн Кэ) 孟子 15,
 168, 169, 172, 323, 354, 355,
 361, 374, 384, 386
 Мэн Цзя 蒙嘉 279, 384
 Мэнчан-цзюнь (Тянь Вэнь)
 孟嘗君 16, 173, 175-184,
 186, 212, 224, 298, 349,
 357-359, 368, 369, 391
 Мяо Сянь 繆賢 247
 Накаи Сэкитоку 中井積徳
 315, 317, 320, 327, 337, 339,
 342, 344, 345, 351, 358, 364,
 366, 378, 381, 391
 Нан Ва (Цзы-чан) 囊瓦 60,
 320
 Нань-гун Ко (Цзы Жун)
 南宮括 79
 Нань-цзы 南子 69, 326
 Нао Чи 淖齒 225, 262, 266,
 370
 Немировский Д.И. 12
 Никогосов Э.В. 356
 Нин Ци 寧戚 276, 383
 Ногуты Садао 野口定男 25
 Отаке Такео 小竹武夫
passim
 Отаке Фумио 小竹文夫
passim
 Пан Нуань 龐煖 260, 378
 Пан Цзюань 龐涓 49-51, 55,
 89, 173
 Панасюк В.А. *passim*
 Пань Гэн 盤庚 63, 321, 322
 Переломов Л.С. 24, 331, 333
 Пин-ван 平王 312
 Пин-ван Цзюй (в Чу) (Ци-цзи)
 平王居 56-61, 319, 321
 Пин-гун 平公 384

- Пинъюань-цзюнь Шэн
平原君勝 16, 160, 170,
177, 185-189, 194, 195, 198,
202, 203, 212, 227-230, 252,
254, 267, 268, 271, 298,
351, 358-363, 370, 381, 391
- Пинъян-цзюнь (Чжао Бао)
平陽君 160, 190, 351, 361
- Питон Ч. 24
- Плутарх 13, 14, 19, 26
- Позднеева Л.Д. 24, 303, 305,
306, 309-311, 390, 383, 385
- Полибий 21
- Померанцева Л.Е. 24
- Пфицмайер А. 24, 314, 331,
333, 340, 345, 348, 357,
360, 362, 364, 367, 373,
376, 380
- Пэй Инь 裴駟 320, 329,
334, 345, 378, 386
- Пэн-цзу 彭祖 372
- Рудольф Р.С. 24, 318-320, 322
- Саллюстий II
- Сан-цзюнь (Чжуан) 桑君 348
- Светоний 13, 15
- Се-гун (Мэнчан-цзюнь) 薛公
174, 177-179, 203, 204, 358,
359, 363
- Се Усюн 射武雄 309
- Семененко И.И. 322, 323, 325,
328, 330
- Си 喜 38
- Си 喜 164, 377
- Си-бо Чан (Вэнь-ван) 西伯昌
32, 304, 381
- Си-жун Чжэнь (Цзы Си)
奚容箴 83
- Си-шоу (Гунсунь Янь) 犀首
101, 108, 118, 139-142, 336,
340, 346
- Синицын Е.П. 372
- Синьлин-цзюнь (У-цзи)
信陵君 16, 186, 188,
189, 196, 203, 205, 212,
229, 298, 360, 362, 391
- Синьпин-цзюнь 信平君 257
- Синъюань Янь 新垣衍 267-
269, 271, 380
- Су Дай 蘇代 18, 112-114, 116,
118, 119, 147-149, 157, 162,
175, 177, 178, 339, 340, 347,
358
- Су Ли 蘇厲 112-114, 119
- Су-хоу 肅侯 96, 97, 108,
334, 344
- Су Цинь (Цзи-цзы) 蘇秦 16,
18-20, 95-98, 101, 102, 104,
105, 107-113, 119-121, 125,
129, 131, 135, 142, 235,
276, 333-338, 340, 342, 343,
345, 358, 371
- Су Чэ 蘇轍 307
- Суй Шусэнь 隋樹森 362, 363
- Сун Гун 宋公 153
- Сун (Чи Сун-цзы) 松 238, 372
- Сун Юй 宋玉 287, 385, 387
- Сунь И-жан 孫詒讓 365,
370

- Сунь Бинь (Сунь-цзы) 孫臏 49-51, 173, 272, 315, 316, 381
 Сунь У 孫武 49, 59-61, 314, 315
 Сунь-цзы (Сунь Бинь) 孫子 15, 48-51, 55, 168, 314, 315, 354, 381
 Сунь Шу-ао 孫叔敖 278, 384
 Сунь Ятсен 孫中山 27
 Сы (Хуэй Вэнь-цзюнь) 騶 331
 Сыма Гуан 司馬光 336
 Сыма Гэн 司馬梗 162
 Сыма Гэн (Цзы Ню) 司馬耕 80
 Сыма Жан-цзюй 司馬穰苴 16, 45, 47, 52, 313
 Сыма Си 司馬喜 276, 383
 Сыма Сян-жу 司馬相如 20, 21, 23, 387
 Сыма Тань 司馬談 15, 380
 Сыма Цо 司馬錯 122, 123, 159, 351
 Сыма Цянь 司馬遷 *passim*
 Сыма Чжэнь 司馬貞 313, 315, 319, 326, 328, 339, 344, 345, 351, 357, 360, 383, 392
 Сыма Шан 司馬尚 260
 Сюань-ван (в Ци) 宣王 39, 104, 108, III, 168, 173, 174, 277, 311, 337, 357
 Сюань-ван (в Хань) 宣王 101, 336
 Сюань-сяо 玄囂 326
 Сюань-тайхоу 宣太后 146, 147, 153, 158, 218, 348, 350
 Сюй Вэньшань 徐文珊 19
 Сюй Гу 須賈 155
 Сюй Гуан 徐廣 310, 345, 347, 349, 351, 355, 361, 363, 390
 Сюй Ли 許歷 254, 255
 Сюй Фу-юань 徐孚袁 342, 390
 Сюй-цзы (Ин) 吁子 172, 356
 Сюй Цзя 須賈 216, 226, 227
 Сюй Ю 許由 31, 238, 278, 303
 Сюй Юйцяо 徐與橋 362
 Сюй Янь 徐衍 276, 383
 Сюн Юань 熊元 366
 Сюнь-цзы (Сюнь Цин, Сюнь Куан) 荀子 15, 40, 168, 172, 212, 298, 312, 323, 355, 356, 366, 371, 384, 391
 Ся 夏 295, 298, 299
 Ся-хоу Ин 夏侯嬰 16, 329
 Ся Юй 夏育 221, 235, 368, 372
 Сян (Янь Цзу) 象 83
 Сян-ван (в Хань) 襄王 146, 346
 Сян-ван (Дао Сян-ван) 襄王 152, 246, 257
 Сян-ван Фа Чжан 襄王法章 157, 172, 179, 216, 242, 265, 266, 367, 374, 379
 Сян-ван Хэ (в Вэй) 襄王和 102, 124, 173, 337
 Сян-гун 襄公 308, 331
 Сян Нин 向寧 319
 Сян Сы-чи (Цзы Ту) 壤駟赤

83

- Сян То 項橐 151, 347
 Сян-цзы 襄子 136, 344
 Сян Шоу 向壽 145, 147, 148,
 150, 154, 347
 Сян Юй 項羽 16, 23, 166,
 167, 353, 375
 Сян Янь 項燕 166
 Сянь (Гаолин-цзюнь) 顯 348
 Сянь-ван Бянь 顯王扁 96,
 107, 334, 336, 338
 Сянь-гун (в Цинь) 獻公 39,
 310
 Сянь Чэн (Цзы Ци) 縣成 83
 Сяо-бо (Хуань-гун) 小伯 34,
 305, 345
 Сяо-ван (У) 孝王 274, 279,
 382
 Сяо Вэнь-ди 孝文帝 39,
 288, 293, 294
 Сяо Вэнь-ван 孝文王 239,
 297, 299, 372, 391
 Сяо-гун (в Цинь) 孝公 85-
 87, 89, 90, 93-95, 232,
 234-236, 331, 332, 334,
 341, 371, 381
 Сяо У-ди 孝武帝 294
 Сяо Хуэй-ди 孝惠帝 16
 Сяо Хэ 蕭何 305
 Сяо Цзин-ди 孝景帝 16
 Сяо Чжао 孝昭 294, 389
 Сяо Чэн-ван (Дань) 孝成王
 160, 185, 189, 190, 194, 202,
 229, 246, 255, 257, 267, 360,
 370, 377
 Тай-гун Ван (Люй Шан) 太公
 望 32, 228, 304, 334, 352,
 368, 370
 Тай-цзя 太甲 367
 Такеути Есио 雄武内義 308
 Такигава Каметаро 瀧川資言
passim
 Тан (Чэн Тан) 湯 53, 87, 98,
 187, 286, 318, 354
 Тан Лэ 唐勒 287
 Тан Мэй 唐昧 240, 283,
 347, 373
 Тан Цзюй 唐舉 231, 371, 372
 Тань Цзе-фу 譚戒甫 308
 Таньтай Ме-мин (Цзы Юй)
 澹臺滅明 78, 328
 Тао (Тао-гун) 陶 273, 381
 Тао Чжу-гун 陶朱公 37, 372
 Таскин В.С. 9, 24
 Тацит II, 13, 13, 22
 Твитчетт Д.С. 21
 Ту (Цзы Вэнь) 徒 330
 Тун 通 346
 Тьюниссен П. 333
 Тэн Вэнь-гун 滕文公 355
 Тэн-гун 滕公 305
 Тянь Бао 田豹 47
 Тянь Вань (Цзин Чжун-вань)
 田完 45, 313
 Тянь Вэнь (в Вэй) 田文 53,
 54
 Тянь Вэнь (Мэнчан-цзюнь)
 田文 174, 224, 357-359,
 369

- Тянь Дань 田單 19, 241,
242, 262, 263, 265, 266,
271, 274, 374, 378, 379
- Тянь Жан-цзюй 田穰苴 45
- Тянь Ин (Цзинго-цзюнь) 田嬰
173, 174, 357
- Тянь Пянь 田駢 171, 172, 355
- Тянь Сюй 田需 139, 140, 344
- Тянь Цзи 田忌 49-51, 168,
173, 316, 354, 357
- Тянь-цзы Чжуан Хэ 田子莊何
80
- Тянь Цзя 田甲 178, 358
- Тянь Ци 田气 47
- Тянь Чан (Чэн-цзы) 田常
47, 70-72, 277, 326, 383
- У (У-гун) 吳 287, 288
- У-ван (в Чжоу) 武王 13, 32,
53, 71, 87, 91, 98, 99, 101,
103, 110, 135, 156, 170, 220,
277, 282, 304, 318, 331, 336,
337, 341, 343, 352, 364, 367,
368, 371, 383, 386
- У-ван Дан 武王蕩 137,
143-146, 150, 153, 344,
346, 348, 368
- У Гуан 務光 31, 303
- У-гун (в Чжэн) 武公 43, 312
- У Да-тин 吳大廷 359
- У-ди 武帝 16, 23, 80, 375,
389
- У-дин 武丁 291, 388
- У Сюй 無虛 57, 58, 304
- У Тай-бо 吳太伯 31
- У Хо 烏獲 132, 220, 343, 368
- У-хоу 武侯 53-55, 317, 318
- У Хунъи 吳宏一 362
- У Цань 伍參 319
- У-цзи (Синьлин-цзюнь) 無忌
196, 199, 203-205, 271
- У-цзи (Фэй У-цзи) 無忌 56,
57
- У-цзы 吳子 15, 314, 317, 381
- У Цзы-суй Юань 伍子胥員
16, 22, 23, 56-65, 74, 139,
221, 233, 244, 275, 314,
318-320, 322, 344, 369, 374
- У Цзюй 伍舉 56, 319
- У Ци (У-гун, У-цзы) 吳起
15, 48, 51-55, 168, 232-236,
238, 314, 316-318, 354, 371
- У Шан 伍尚 56-58
- У Шэ 武奢 56-58, 319
- Уань-цзюнь (Бай Ци, Ли Му)
武安君 151, 154, 159,
161-163, 230, 260, 338, 352
- Улин-ван Чжуфу 武靈王
主父 240, 340, 351, 370,
373
- Ума Ци 巫馬期 82
- Ума Ши (Цзы Ци) 巫馬施
82
- Уотсон Б. 13, 24, 303, 304, 312,
318, 323, 333, 385-388
- Усинь-цзюнь 武信君 133
- Усян-цзюнь (Чжэн Ань-пин)
武襄君 246
- Фа Чжан Сян-ван 法章襄王

- 266, 367, 374, 379
 Фань Куай 樊噲 305
 Фань Ли 范蠡 237, 334,
 372, 381
 Фань Суй (Шу, Чжан Лу)
 范雎 17, 19, 151, 158,
 196, 216-228, 239, 276, 305,
 350, 362, 363, 369-371, 383
 Фань Сюань (Юань) 范蠡 150
 Фань Сюй (Цзы Чи) 樊須 81
 Фань У-ци 樊於期 275, 276,
 382
 Федоренко Н.Т. 328
 Форке А. 305, 333, 340, 353
 Франке Г. 357
 Фу Вэнь-бо 甫文伯 193
 Фу Гай 夫概 60, 61
 Фу Ча (Чай) 夫差 60, 62,
 64, 76, 103, 235, 237, 244,
 291, 327, 374
 Фу Чу 負芻 166
 Фу Юэ 傅說 291
 Фукидид 11, 20
 Фэн Си 馮喜 138
 Фэн Тин 馮亭 160, 195, 351,
 362
 Фэн Хуань 馮驩 180-184, 359
 Фэн Цзин 馮敬 288
 Фэн Ю-лань 馮友蘭 353
 Фэн Ян (Цзы Чи) 奮揚 57
 Фэнъян-цзюнь 奉陽君 96, 97,
 135, 344
 Хайтауэр Дж. 13, 24, 385, 388
 Хань Синь 韓信 16, 19
 Хань-фу Хэй (Цзы Со) 罕父黑
 83
 Хань Фэй-цзы 韓非子 38, 40,
 41, 44, 239, 308, 312, 319,
 344
 Хань Чжаоци 韓兆琦 362,
 376
 Хаузер О. 385
 Хоу Ин 侯贏 197-200, 202,
 229
 Хоу Цзи 后稷 79, 329
 Хоу Чу (Цзы Ли) 后處 83
 Ху Хай 胡亥 275, 382
 Ху Чжэ 扈輒 260
 Ху Шан 胡傷 351
 Ху Ши 胡適 27
 Ху Ян 胡陽 157
 Ху (Юй) Янь 壺厭 69
 Ху Янь 胡衍 144
 Хуа (княжич) 華 123
 Хуа Дин 華定 319
 Хуа Хай (в Сун) 華亥 319
 Хуаян (фужэнь, тайхоу)
 華陽 295-299
 Хуаян-цзюнь (Ми-жун)
 華陽君 153, 218, 224, 225
 Хуаян-цзюнь (Фэн Тин)
 華陽君 160, 351, 368
 Хуай 裒 60
 Хуай-ван (в Чу) 懷王 126,
 128, 129, 132, 146, 149, 177,
 178, 206, 218, 281-284, 342,
 343, 368, 377, 386
 Хуай-ван (в Вэй) 懷王 293,
 389

- Хуай-гун (в Цзинь) 懷公 333
 Хуайнань-цзы 淮南子 382, 384, 388
 Хуан-ди 黃帝 13, 40, 169, 246, 312, 326, 334, 386
 Хуан Се (Чуньшэнь-цзюнь) 黃歇 206, 210, 211, 356, 364-366
 Хуан Цинсюань 黃慶 353
 Хуань-гун (Сяо-бо) 宣公 34, 35, 37, 143, 228, 235, 273, 274, 276, 277, 282, 305-307, 309, 331, 345, 363, 372, 381-384, 386, 391
 Хуань Куань 桓寬 355
 Хуань Ци 桓崎 260
 Хуань Юань (Цзюань-цзы) 環淵 170, 355
 Хун И-сюань 洪頤宣 325
 Хун Яо 閔天 234, 371
 Хуэй (в Шу) 輝 145
 Хуэй-ван Ин (в Вэй) 惠王營 39, 49, 85, 90, 155, 168, 170, 171, 173, 311, 315, 316, 331, 335, 349, 355
 Хуэй-ван (в Цинь) 惠王 94, 95, 101, 108, 121-124, 128, 133, 137-141, 143, 145, 150, 153, 282, 333, 346
 Хуэй-ван (в Янь) 惠王 241, 242, 262, 374, 379
 Хуэй-ван Чжан (в Чу) 惠王章 64, 65, 322
 Хуэй Вэнь-ван (В Цинь) 惠文王 331, 334, 348
 Хуэй Вэнь-ван Хэ (в Чжао) 惠文王何 47, 185, 198, 241, 247, 248, 255, 351, 360, 361, 373, 377
 Хуэй Вэнь-хоу 惠文后 153
 Хуэй Вэнь-цзюнь (Сы) 惠文君 331, 334
 Хуэй-гун (в Цзинь) 惠公 333
 Хуэй Чэн-ван 惠成王 349
 Хуэй Цзяо 慧皎 25
 Хьюботтер Ф. 24, 350, 364, 367
 Хэ (Бянь Хэ) 赫 247, 376
 Хэ Вэй-ци 何維騏 348
 Хэ Люй (Хэ Лу) 闔閭 48, 49, 59-62, 221, 244, 314, 320, 363, 366, 384, 388
 Хэ Тяо 荷條 69
 Хэниш Э. 24, 360, 362, 364
 Цай Цзэ (Ганчэн-цзюнь) 蔡澤 17, 150, 216, 231-234, 238, 239, 371, 372
 Цай-шу 蔡叔 277, 383
 Цао Мэй (Цао Мо, Цао-цзы) 曹味 35, 307, 382
 Цао Сюй (Цзы Сюнь) 曹卣 83
 Цао Цань (Цао Шэнь) 曹參 246, 305, 375
 Цао Цао (Цао-гун) 曹操 274, 314
 Цао-цзы (Цао Мэй) 曹子 273, 274, 382
 Це 茄 160
 Цзай Во 宰我 66, 70

- Цзай Юй (Цзы Во) 宰予 70,
78, 326, 328
- Цзан Вэнь-чжун 臧文仲 66
- Цзань Нин 贊寧 26
- Цзао 灶 158, 350
- Цзе 解 39
- Цзе (в Ся) 桀 53, 245, 266,
278, 317, 384
- Цзе Жо 桀弱 69
- Цзе-ван (в Ся) 桀王 123
- Цзе-цзы 接子 170, 171, 355
- Цзе Шань-цзы 介山子 66
- Цзе Юй 接與 221, 275, 369
- Цзи 稷 79
- Цзи Кан-цзы 季康子 67, 68,
324, 325
- Цзи Лу 季路 66
- Цзи Сунь (Цзи Хуань-цзы)
季孫 69, 80, 277, 383
- Цзи-цзы 箕子 238, 275, 372
- Цзи-цзы (Су Цинь) 季子
108, 338
- Цзи Цы (Гунси Ай) 季次 79
- Цзин-гун Чу-цзю 景公杵臼
35, 45-47, 62, 307, 313, 321
- Цзин-ди 景帝 389
- Цзин Кэ 荆軻 164, 275, 278,
279, 352, 382, 384
- Цзин-хоу (в Хань) 景侯 316
- Цзин Цзянь 景監 86, 92
- Цзин Ча 景差 287
- Цзин Чжун-вань (Тянь Вэнь)
敬仲完 313
- Цзинго-цзюнь (Тянь Ин)
靖郭君 357
- Цзинъян-цзюнь Куй
涇陽君悝 114, 115, 153,
158, 218, 225, 339
- Цзинъян-цзюнь Ши
涇陽君市 175
- Цзинь Би 晉鄙 198-200,
202, 204, 267, 271, 380
- Цзинь Шан 薪尚 128, 283,
284
- Цзожэнь Ин (Син) 左人郢
83
- Цзо Цю-мин 左丘明 11
- Цзоу Лу 騶錄 27
- Цзоу Цзи (Чэн-хоу) 鄒忌
168, 173
- Цзоу Ши 騶爽 171, 172
- Цзоу Ян 鄒陽 267, 274, 279,
280, 380, 381
- Цзоу Янь (Цзоу-цзы) 騶衍
168-172, 190, 354, 373
- Цзун 宗 39
- Цзы Во (Цзай Юй) 子我 70,
323, 326
- Цзы Гао (Гао Чай) 子羔 69,
80, 329
- Цзы Гун (Дуаньму Цы) 子貢
62, 66, 70-76, 78, 79,
326-328
- Цзы Жун (Нань-гун Ко) 子容
79
- Цзы Кай (Ци Дяо-кай) 子開
80
- Цзы Лань 子闌 283, 284
- Цзы Лу (Чжун Ю) 子路 68,
69, 71, 324-326, 329

- Цзы Лу (Янь У-яо) 子路 79,
80
- Цзы Лян 子良 155
- Цзы Му (Шан Цзюй) 子木 79
- Цзы Нью (Сыма Гэн) 子牛 80
- Цзы-си 子西 65
- Цзы Сы (Юань Сянь) 子思
78
- Цзы Сы (Цзи) 子思 168, 354
- Цзы Ся (Бу Шан) 子夏 66,
76, 77, 323, 327, 328
- Цзы Фу Цзин-бо 子服景伯
80
- Цзы Хань 子罕 277, 383
- Цзы Хуа (Гунси Чи) 子華 68,
82, 330
- Цзы Хун (Цянь Би) 子弘 80,
329
- Цзы Цзан 子臧 383
- Цзы Цзи (Цзы Сю) 子季 330
- Цзы Цзянь (Ми Буци) 子賤
78, 328
- Цзы Ци (Ума Ши) 子其 60,
65, 82
- Цзы Цянь (Минь Сунь) 子燾
67
- Цзы Чан (Нан Ва) 子常 60,
320
- Цзы Чань (в Чжэн) 子產 58,
66, 319
- Цзы Чжан (Чжуань Сунь Ши)
子張 71, 77
- Цзы Чжи 子之 113, 114, 240
- Цзы Чжоу (Гун-бо Ляо) 子周
80
- Цзы Чи (Фань Сюй) 子遲 81
- Цзы Чу 子楚 295-297, 389,
390
- Цзы Ши (Гунсунь Лун) 子石
71, 83, 327
- Цзы Ю 子游 66
- Цзы Юань (Янь Хуэй) 子淵 66
- Цзы Юй (Таньтай Ме-мин)
子羽 78, 328
- Цзэн Го-фань 曾國蕃 27
- Цзэн Дянь (Си) 曾蒧 79
- Цзэн-цзы Цань 曾子參 51,
52, 279
- Цзэн Шэнь (Цзы Юй) 曾參
66, 78, 110, 139, 145, 146
- Цзю 糾 34, 273, 306
- Цзю-хоу 九侯 269
- Цзюй Синь 劇辛 260, 373,
378
- Цзюй-цзин Цзян 向井彊 83
- Цзюй-цзы 劇子 172, 356
- Цзя (Ся) 假 39
- Цзя И (Цзя-цзы) 賈誼 17,
23, 305, 385, 387-389
- Цзя-цзы (Цзя И, Цзя Шэн)
賈子 33, 281, 287-290,
293, 294, 305
- Цзя Цзя 賈嘉 294, 389
- Цзянь 建 56-58
- Цзянь-гун (в Ци) 簡公 47,
326, 383
- Цзяо 噉 235, 266, 372
- Цзяо-цзы (Юн Цы) 矯子 80
- Цзяоси-ван 膠西王 39
- Цидяо Чи (Цзы Лянь) 漆雕哆

- 83
 Цидяо Кай (Цзы Кай) 漆雕開 80
 Цидяо Туфу 漆雕徒父 83
 Ци Цзе 騎劫 242, 243, 265
 Ци-цзы 箕子 221, 245, 275, 369, 375
 Цин Бу 黥佈 205
 Цин-гун Цюй Цзи (в Цзинь) 頃公去疾 58, 319
 Цин Сян-ван (в Чу) 頃襄王 206, 210, 211, 284, 364, 386
 Цин Цзи (Ван Цин-цзи) 慶忌 384
 Цин Цинь 卿秦 374, 375
 Цинь Жань (Кай) 秦冉 83
 Цинь Фо 親弗 178, 179
 Цинь Фэй (Цзы Чжи) 秦非 83
 Цинь Цзу (Цзы Нань) 秦祖 83
 Цинь Шан (Цзы Пи) 秦商 83
 Цинь Ши-хуан (Чжэн) 秦始皇 150, 164, 215, 310, 352, 353, 363, 375, 382, 384, 390, 391
 Цуй Чжу 趙杼 225, 308, 370
 Цуй Ши 趙適 338, 361, 367, 370, 379
 Цюй-бо Юй 虞伯玉 66
 Цюй Гай 屈丐 283
 Цюй Гу 屈固 65, 322
 Цюй Юань (Цюй Пин) 屈原 22-24, 131, 281-285, 287, 289-291, 343, 385-387
 Цюэ Вань 卻完 59
 Цянь (в Чжао) 遷 260, 378
 Цянь 虔 88, 89, 92-94
 Цянь Би (Цзы Хун) 駙辟 80, 329
 Цянь Дасинь 錢大昕 370, 390
 Цянь Му 錢穆 321, 390
 Цяо (Цзы Цяо) 喬 238, 372
 Цяо Шань (Цзы Цзя) 鄒單 83
 Чан 昌 323
 Чан (Си-бо Чан, Вэнь-ван) 昌 32, 304
 Чан Лу 長廬 172, 356
 Чан Цзюй 長沮 69
 Чанго-цзюнь (Юэ И, Юэ Цзянь) 昌國君 241, 245
 Чансинь-хоу 長信侯 392
 Чао Цо 晁錯 20
 Чжан Вэнь-ху 張文虎 310, 326, 364, 377
 Чжан И 張儀 16, 19, 20, 101, 120-134, 136-139, 141-143, 145, 146, 150, 282-284, 340, 341, 343-345, 386
 Чжан И-мин 27
 Чжан Лу (Фань Суй Шу) 張祿 158, 216, 217, 226, 227, 367
 Чжан Лян 張良 334
 Чжан Сюэ-чэн 章學誠 27
 Чжан Сян-жу 張相如 288
 Чжан Тан (Чжан Цин) 張唐 150-152, 347
 Чжан Хуа 張華 374
 Чжан Цзылян 張子良 313,

- 323, 325, 327
 Чжан Чоу 張丑 173
 Чжан Ши-чжи 張釋之 20
 Чжан Шоу-цзе 張守節 343,
 345, 350, 355, 361, 366, 378
 Чжан Эр 張耳 19, 166, 353
 Чжао Бао (Пинъян-цзюнь)
 趙豹 351, 361
 Чжао-ван 昭王 23
 Чжао-ван (в Вэй) 趙王 179,
 196, 216, 240, 362, 367
 Чжао-ван (Чжао Сян-ван Цзэ)
 (в Цинь) 昭王 144-148,
 151, 153, 154, 158-160, 163,
 175-177, 179, 198, 206, 210,
 211, 215, 216, 218-220, 223-
 226, 228-231, 238-240, 247,
 267, 275, 283, 295, 297,
 348, 358, 372, 382
 Чжао-ван Чжэнь (в Чу)
 昭王軫 59-61, 227, 320,
 321, 370
 Чжао-ван Пин (в Янь) 昭王平
 114, 116, 119, 136, 170, 240,
 241, 262, 339, 354, 373
 Чжао Гао 趙高 20
 Чжао-гун Чоу 昭公綯 82,
 319, 330
 Чжао-гун Ши 召公奭 352
 Чжао Ко (Мафу) 趙括 160-
 162, 236, 255, 256, 376
 Чжао Лян 趙良 18, 90, 91,
 94, 332
 Чжао Сян-ван 昭襄王 153,
 218, 361, 368, 377
 Чжао-фужэнь 昭夫人 65
 Чжао Хао 趙郝 191, 192, 361
 Чжао-хоу 昭侯 40, 173
 Чжао Ху 昭忽 34, 306
 Чжао Цун 趙葱 260
 Чжао Шэ 趙奢 252-255, 376
 Чжао Шэн (Пинъюань-цзюнь)
 趙勝 351, 360
 Чжи 蹠 17, 32, 39, 278, 289,
 304, 325, 380, 384
 Чжи-бо 知伯 143, 207, 208,
 235
 Чжоу Бо 周勃 288, 345,
 365, 371
 Чжоу-гун Дань 周公旦
 214, 234, 352, 367, 371, 383
 Чжоу Синь 紂辛 53, 245,
 270, 277, 304, 318, 337, 343,
 369, 375, 384
 Чжоу Цзуй 周最 178, 358
 Чжоу-цзы Цзя Шу 周子家暨
 80
 Чжу 注 39
 Чжугэ Лян 諸葛亮 334
 Чжу Ин 朱英 213-215, 366,
 367
 Чжу Си 朱熹 334
 Чжу Хай 朱亥 197, 198, 200,
 367
 Чжу Хуань 祝權 92
 Чжуан-ван (в Чу) 莊王 56,
 319, 384
 Чжуан Ваньшоу 莊萬壽 331,
 332
 Чжуан-гун (в Лу) 莊公 382

- Чжуан-гун (в Ци) 莊公 35, 37, 307, 308, 370
 Чжуан-гун (в Чу) 莊公 331, 363
 Чжуан-гун (в Янь) 莊公 307
 Чжуан-гун (Куй Куй) 莊公 69
 Чжуан Си 莊烏 240
 Чжуан Сян-ван 莊襄王 212, 239, 297-300, 310, 366, 372, 390, 391
 Чжуан Цзи Фу-цзы 莊忌夫子 274, 382
 Чжуан-цзы (Чжуан Чжоу) 莊子 39, 44, 303, 304, 308, 309, 311, 325, 328, 369, 380, 382-385, 388
 Чжуан Цзя 莊賈 45, 46
 Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы) 莊周 39, 172, 311
 Чжуан Юэ 莊約 143
 Чжуань Сунь Ши (Цзы Чжан) 顓孫師 66, 76, 77
 Чжуань Сюй (Гао-ян) 顓須 13
 Чжуань Чжу 專諸 59, 320
 Чжун (в Юэ) 種 62, 75, 232-235, 237, 238, 278
 Чжун 仲 35
 Чжун Гун (Жань Юн) 仲弓 66, 67, 324
 Чжун-ни (Конфуций) 仲尼 66, 70, 170, 322
 Чжун Сянь 仲憲 328
 Чжун Ю (Цзы Лу) 仲由 66, 68, 69, 325
 Чжуфу (Улин-ван) 主父 225, 370, 371
 Чжуфу Янь 主父偃 246, 375
 Чжэ (Чу-гун) 輒 69, 326
 Чжэн (Цинь Ши-хуан) 正 297, 298, 390
 Чжэн Ань-пин 鄭安平 216, 217, 228, 230, 231, 368
 Чжэн Го (Цзы Ту) 鄭國 83
 Чжэн Линь (Cheng Lin) 314
 Чжэн Сю 鄭袖 128, 283, 284
 Чжэн Сюянь 鄭玄 343
 Чжэн Хэ 鄭和 27
 Чжэн Цюаньчжун 鄭權中 362
 Чжэн Чжу 鄭朱 190, 191
 Чжэнь 軫 56, 59
 Чоу И 仇液 153, 154
 Чу 楚 390
 Чу-гун Чжэ 出公輒 69, 326
 Чу-цзы 處子 356
 Чули-цзы Цзи 樗里子 143-147, 149, 152, 153, 345
 Чун-хуа (Шунь) 重華 286, 387
 Чун Эр (Вэнь-гун) 重耳 384
 Чуньюй Кунь 享于髡 170-172
 Чуньшэн-цзюнь (Хуан Се) 春申君 16, 163, 172, 186, 188, 206, 211-215, 298, 356, 364, 366, 391
 Чэн 成 96
 Чэн-ван 成王 234, 367, 371
 Чэн Тан 成湯 53, 98, 99, 156, 170, 187, 282, 303, 312, 318, 341, 354, 355, 367, 386

- Чэн-хоу (Цзоу Цзи) 成侯
169, 173
- Чэн Цзин 成荆 220, 368
- Чэн-цзы (Тянь Чан) 成子 326
- Чэнь Вэньмэй 陳問梅 373
- Чэнь Жэнь-си 陳仁錫 326,
348, 362
- Чэнь Хунчжи 陳弘治 345
- Чэнь-цзы Цинь 陳子禽 70
- Чэнь Цинь-хань 沉欽韓 383
- Чэнь Чан 陳常 326
- Чэнь Чжуан 陳莊 123, 145,
346
- Чэнь Чжун-цзы (Лин-цзы Чжун)
陳中子 384
- Чэнь Чжэнь 陳軫 126, 127,
138-142
- Чэнь Шэн 陳勝 166, 353
- Чэнь Юй 陳餘 19, 80
- Чэнь Юйфу 陳郁 318, 322
- Шаванн Э. 321
- Шан Жун 商容 245, 375
- Шан Цзэ (Цзы Цзи) 商澤 83
- Шан-цзюнь 商君 85, 90, 91,
93, 94, 168, 232-236, 238,
331, 354, 371, 381
- Шан Цюй (Цзы Му) 商瞿 80,
82, 330
- Шан Ян (Шан-цзюнь) 商鞅
18, 24, 94, 96, 278, 331-333,
356
- Шао-гун 召公 35, 307
- Ши-хуан (Цинь Ши-хуанди)
始皇 152, 164-167, 239,
298-300, 312, 352, 372,
382, 390, 392
- Ши Цзо-шу (Цзы Мин)
石作蜀 83
- Ши-цзы Цзяо 尸子佼 172,
356
- Ши Ци 石乞 65, 69, 322
- Ши Шан-фу (Люй Шан)
師尚夫 304, 352, 368
- Шиндлер Б. 388
- Шичжи Чан (Цзы Хэн)
施之常 84
- Шоу Мэн 壽夢 372
- Шоу Чжу 壽燭 154
- Штейн В.М. 308
- Штейнен Д. фон ден 303
- Штукин А.А. 327-330, 333, 365
- Шу Ци 叔齊 16, 17, 22, 31-
33, 304, 305
- Шучжун Хуэй (Цзы Ци)
叔仲會 84
- Шунь 舜 91, 99, 219, 317
- Шусунь Тун 叔孫通 19
- Шэн (Бай-гун Шэн) 勝 58,
64, 65
- Шэн Цяо 盛橋 207
- Шэнь (в Вэй) 申 51, 89,
173, 316
- Шэнь Бао-сюй 申包胥 60,
61, 227, 370
- Шэнь Бу-хай 申不害 40,
308, 311, 312
- Шэнь Дан (Чжоу) 申黨 83
- Шэнь Дао 慎到 170, 171
- Шэнь-нун 神農 32, 372

- Шэнь-цзы 申子 40, 44, 355
 Шэнь Цюсюн 沈秋雄 385
 Шэнь Цянь 沈謙 350
 Шэнь Чай 申差 124
 Шэнь-шэн 申生 233, 371
 Шэньту Ди 申徒狄 276, 383
- Щуцкий Ю.К. 371, 372
- Э-хоу 鄂侯 269
 Эр-ши Хуан 二世皇 17, 23, 166
- Ю-ван Хань 幽王悞 215, 367
 Ю Жо (Ю Цзы) 有若 81, 82, 330
 Ю Мэн 優孟 23
 Ю Тэн 游騰 143
 Ю-юй 由余 92, 277, 333
 Юань Ин 袁盎 18
 Юань Кэн Цзи 原亢籍 84
 Юань Сы 原思 328
 Юань Сянь (Цзы Сы) 原憲 78, 79, 328
 Юй 禹 32, 53, 79, 99, 169, 219, 286, 317, 341
 Юй Цин 虞卿 185, 189-195, 229, 359, 362
 Юэ И 樂毅 240-242, 245, 246, 262, 263, 373-375
 Юэ Ся-гун 樂瑕公 246
 Юэ Цзянь 樂閒 245, 246, 374
 Юэ Чэн 樂乘 245, 246, 254, 257, 374, 375
 Юэ Чэнь-гун 樂臣公 246
- Юэ Ши-фу 越石父 36, 307
 Юэ Шу 樂叔 246
 Юэ Ян 越羊 146, 240
- Ян (Гунсунь Ян, Шан-цзюнь) 鞅 85-90, 94, 331, 332
 Ян Сюн 揚雄 317
 Ян Хин-шун 304, 310
 Ян Хэ 楊何 80
 Ян-шэн (Дао-гун) 陽生 64, 322
 Ян Шэн 羊勝 274, 382
 Янь Гао (Цзы Цзяо) 顏高 83
 Янь Гуай (Цзы Шэн) 顏會 84
 Янь Ин (Пин Чжун) 晏嬰 34-37, 45, 66, 171, 305, 307, 308, 313
 Янь Куньян 顏崑陽 334, 340, 341
 Янь Пин-чжун 晏平仲 66
 Янь Синь (Цзы Лю) 顏辛 82
 Янь У-яо (Цзы Лу) 顏無繇 79
 Янь Хэ (Жань) 顏何 84
 Янь Цзи (Сы) 燕伋 83
 Янь Цзу (Сян) 顏祖 83
 Янь-цзы (Янь Ин) 晏子 13, 307
 Янь-цзюнь (Чули-цзы) 嚴君 143, 345
 Янь Цзюй 顏聚 260
 Янь-чжи Пу (Шу) 顏之僕 83
 Янь Юань (Янь Хуэй) 顏淵 32, 33, 35-37, 66, 67, 70,

79, 304, 323, 324	Яо (в Цинь) 繇 123
Янь Юй 晏圉 71	Яо И 藥毅 19
Янь Янь (Цзы Ю) 言偃 76	Яо Ли 要離 278, 384
Яо 堯 31, 99, 277, 278, 303, 326, 372, 383, 384	Яо Цзя 姚賈 44

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Айлин (Илин) 艾陵 62, 75, 208
- Аньи 安邑 89, 90, 117, 156, 157, 159, 332, 335
- Аньпин 安平 262, 379
- Аньхой 安徽 305, 320, 337, 357, 369
- Аньцю 安丘 329
- Аньян 安陽 252, 377
- Ба 巴 92, 95, 107, 117, 130, 134, 146, 334, 339, 341
- Башан 霸上 165, 353
- Башуй 霸水 353
- Байлуоань 白鹿原 353
- Байма 白馬 117, 135, 340, 349, 366
- Баофэн 寶豐 370
- Билян 卑梁 58
- Богуань 博關 134, 336, 343
- Бохай 勃海 104, 337
- Бэйчжай 北宅 154-156, 349
- Бэйшань 北山 255
- Бянь 下 68, 325
- Вайхуан 外黃 117, 339
- Ванчжу 望誅 374
- Внутренняя Монголия 335
- Вэй (Большое) 魏 *passim*
- Вэй (Малое) 衛 43, 51, 52, 64, 66, 76, 78, 91, 98, 105, 106, 114, 125, 144, 155, 325, 345
- Вэйсянь 尉縣 378
- Вэйхэ 渭河 95, 144, 145, 220, 347, 350, 368
- Вэйшисянь 尉氏縣 368
- Вэйшуй 渭水 101, 222, 279, 341, 368
- Вэйянгун 未央宮 145
- Вэнь 汶 67
- Вэньсянь 溫縣 361, 369
- Вэньсян 閿鄉 368
- Вэньшань 汶山 130, 342
- Вэньшуй 汶水 116, 244, 374
- Ган 綱 158, 218, 222, 350
- Ганчэн 綱城 372
- Ганьсу 甘蘇 304, 352
- Ганьсуй 干遂 103, 207, 337, 365, 368
- Ганьхэ 乾河 159
- Ганьцюань 甘泉 222, 369
- Гаолин 高陵 228, 348
- Гаоми 高密 246, 307, 375
- Гаопин 高平 228, 370
- Гаошан 高商 118, 340
- Германия 314

- Гоуи 枸邑 355
 Гоучжу 句注 136, 344
 Гоуцзэ 苟澤 337
 Гуанхэньчэн 光狼城 159, 351
 Гуанчэн 廣成 249
 Гуаньцзинь 觀津 124, 157, 213, 240, 242, 342, 350
 Гуаньцзэ 觀澤 376, 342
 Гуаньфу 廣武 230, 371
 Гуйгу 鬼谷 149, 347
 Гуйлин 桂陵 50, 315
 Гуйци 會稽 62, 73, 74, 115, 237, 291, 321
 Гукоу 谷口 222, 369
 Гун 鞏 101, 224, 336
 Гусу 姑蘇 61, 321
 Гучжу 孤竹 31, 304
- Далян 大梁 50, 90, 117, 155, 156, 195-197, 203-205, 207, 227, 229, 257, 315, 322, 335-337, 339, 342, 350, 362, 364, 365
 Дамин 大名 377
 Дай 代 95, 96, 106, 136, 258
 Дайсянь 代縣 344
 Дан 碭 209
 Даньинь 湯陰 267, 380
 Дань 丹 283
 Даньфу 單父 156, 328
 Даньшуй 丹水 342
 Даньян 丹陽 128, 146, 340, 342
- Диньфу 定巫 159, 351
 Дую 杜幽 151, 163, 236, 347
 Дуюань 杜原 392
 Дуян 杜陽 147, 347
 Дунпин 東平 350
 Дунсян 東鄉 164
 Дунтин 洞庭 53, 105, 317
 Дунхай 東海 134
 Дунцзюнь 東郡 205, 213, 341, 342, 367
 Дуншань 東山 210, 366
 Дуньфу 東武 80, 329
 Дуньчэн (Учэн) 東武城 185, 189, 360
 Дуньюань 東垣 96, 335
 Дуньэ (Э) 東阿 173, 313, 356, 357
 Дуньцю 頓丘 117, 339
 Дэнь 鄧 159, 283
 Дэньфэн 登封 347
 Дэньчэн 鄧城 351, 386
 Дэньши 登師 101, 337
 Дяоинь 雕陰 101
 Дяоинь 廂陰 336, 340
- Е 葉 118, 340
 Е 鄴 198, 200, 363, 380
 Е (Шэ) 葉 154, 177, 349
 Еван 野王 160, 351
 Есянь 葉縣 349
- Жан 穰 101, 154, 336, 349
 Жо 郟 61, 321
 Жунань 汝南 102, 319
 Жункоу 滎口 117, 339

- Жэнь 仁 207, 365
- Ивэй 夷維 35, 307
- Илин 夷陵 159, 187, 236, 351, 360
- Имэнь 夷門 197, 199, 205
- Исянь 嶧縣 335, 340
- Исянь 易縣 356
- Ицюй 義渠 141, 344
- Ицюэ 伊闕 53, 154, 159, 317, 340, 349
- Ишуй 伊水 318, 340, 341
- Ишуй 易水 96, 108, 136
- Иян 宜陽 98, 100-102, 117, 118, 122, 129, 133, 134, 143, 145-148, 237, 335, 336, 340
- Ин 應 49, 59-61, 65, 106, 117, 154, 159, 162, 164, 187, 206, 218, 236, 244, 294, 314, 322, 338, 352, 353, 360
- Ин 郢 102, 226, 370
- Инхэ 穎河 337
- Инчуань 穎川 148, 347
- Инчэн 嬰城 207, 365
- Иншан 穎上 34, 305
- Иншуй 穎水 312, 352
- Инъян 滎陽 133, 224, 369
- Инъян 滎陽 311, 349
- Иньми 陰密 163, 352
- Иньмэнь 厲門 96, 335
- Иньцзинь 陰晉 141, 336
- Кайфын 開封 315, 339
- Канфу 亢父 105, 338
- Каочэн 考城 371
- Кусянь 苦縣 38, 309
- Куйцю 葵丘 235, 371
- Куньлун 昆侖 372
- Куньян 昆陽 102, 337
- Кэ 柯 35, 307, 382
- Ланье 琅耶 104, 337
- Ланьлин 蘭陵 172, 212, 356, 366
- Ланьтянь 藍田 128, 131, 283, 342, 386, 391
- Либо 李伯 142, 344
- Лигун 離宮 219, 338, 368
- Лимэнь 厲門 150
- Лисян 厲鄉 38, 309
- Личэн 李城 361
- Лиши 離石 339, 345
- Линшоу 靈壽 240, 373
- Линшуй 陵水 221, 369
- Линь 藺 143, 345
- Линь 閻 160
- Линьцзы 臨淄 70, 104, 134, 183, 241, 242, 262, 265, 326, 343, 355, 357, 359, 371, 374, 379, 380
- Линьчжан 臨漳 118, 340
- Линьши 藺石 118, 339
- Линью 麟游 347
- Лои 雜邑 341
- Лонин 洛寧 346
- Лошуй 洛水 318, 340, 341
- Лоян (Лои) 雜陽 95, 107, 108, 287, 298, 317, 338, 340, 341, 352, 369, 388

- Лу 魯 11, 16, 51, 52, 61, 62,
64, 66, 69, 71-73, 75, 76,
78, 80, 91, 114, 133, 134,
184, 193, 212, 270, 274, 277,
311, 316, 327, 329, 357, 374,
381-383
- Лулун 盧龍 304
- Лун (Силун) 龍 222, 369
- Лунмэнь 龍門 334
- Лунцюань 龍泉 337
- Лунъюань 龍齋 101, 337
- Люань 六安 320
- Лян (Далян) 梁 315, 349
- Лян (Вэй) 涼 49, 50, 124,
125, 129, 133-135, 137-139,
155, 168, 170, 268-270,
274, 335
- Ляодун 遼東 96, 164, 335
- Ляохэ 遼河 335
- Ляочэн 鄴城 271, 272, 274,
381
- Мавандуй 馬亡遂 312, 338
- Маи 馬邑 95, 334
- Малин 馬陵 51, 89, 173, 315,
316, 357
- Мило 汨羅 22, 287, 289, 387
- Миншань (Шичэншань) 冥山
101, 337
- Мо 磨 207
- Моцишань 摩笄山 136
- Моши 磨室 374
- Моян (Мошань) 墨陽 101, 337
- Муе 牧野 103, 337, 343, 385
- Мэй 郿 159, 350
- Мэн 蒙 39, 311
- МЭНМЭНЬ 孟門 53, 318
- Мяньчи 黽池 94, 134-136,
250, 333
- Наньцзюнь 南郡 154, 159,
352
- Наньчан 南昌 320
- Наньчжэн 南鄭 122, 316, 341
- Наньян 南陽 98, 117, 122, 141,
145, 159, 335, 339, 347, 351
- Наньян 南陽 272, 306, 381
- Наньян 南陽 118, 339
- Несан 鬻桑 124, 342
- Нинлин 寧陵 362
- Нинсянь 寧縣 352
- Нинтай 寧台 244, 374
- Ниньян 寧陽 350
- Нэйхуан 內黃 307
- Ньюйцзи 女戟 117, 339
- Пань 番 61, 321
- Паньу 番吾 98, 134, 135,
260, 336
- Пилао 皮牢 162, 352
- Пиши 皮氏 144, 147, 346, 347
- Пинлу 平陵 272, 381
- Пинцю 平丘 207
- Пинчжоу 平周 124, 342
- Пиньи 平邑 252, 377
- Пиньэ 平阿 357
- Пинъюй 平與 164, 352, 353
- Пиньян 平陽 117, 339, 361
- Пиньянсян 平陽鄉 164
- Пиньян[сянь] 頻陽縣 164, 165.

- 389
- Поян 番陽 321
- Поян 番陽 317
- Пу 濮 207
- Пу (Пучэн) 莆 69, 144, 297,
325, 345
- Пуфань 莆阪 149, 347
- Пуцзинь 莆津 334
- Пушуй 濮水 313, 316
- Пуян 僕陽 123, 316, 341,
349, 389
- Пэйсянь 沛縣 342
- Пэнли 彭蠡 53, 317
- Санлинь 桑林 343
- Санлиньхэ 桑林河 343
- Саньян 三梁 155, 349
- Саньтин 三亭 217, 368
- Саньцзян 三江 369
- Саньчуань 三川 119, 122, 123,
137, 138, 141, 145, 237, 340,
341
- Саньюань 三原 347
- Се 薛 174, 175, 177, 178,
180-182, 184, 270, 357,
359, 381
- Сижан 息襄 145, 146, 346
- Сихай 西海 341
- Сихэ 沂河 53, 97, 119, 144,
146, 250, 317, 340, 377
- Сихэ 西河 53, 79
- Сишань 西山 339
- Сиян 昔陽 376
- Син 邢 207
- Синпин 興平 310
- Синсай 陘塞 105, 338
- Синтан 行唐 303
- Синцю 邢丘 162, 223, 352
- Синшань 陘山 101, 336, 338
- Синь 新 337
- Синьду 新都 102, 337
- Синьлин 信陵 362
- Синьси 新鄴 102, 337
- Синьтянь 新田 349
- Синьчжэн 新鄭 117, 122, 316,
336, 339, 341, 342
- Синьчэн 新城 159, 343
- Синьян 信陽 337
- Суаньцзао 酸棗 102, 125,
207, 337, 364
- Сусюй 宿胥 117, 339
- Суй 隨 60, 117, 321
- Суйшуй 隋水 209, 365
- Суйян 隋陽 328, 366
- Сун 宋 43, 57, 58, 112-117, 127,
131, 155, 156, 172, 179, 209,
218, 240, 243, 276, 277, 319,
328, 339, 357
- Сычуань 四川 317, 334, 351,
369
- Сышуй 四水 72, 131, 209,
325
- Сюаньхуа 宣化 335
- Сюй 許 207, 210, 213, 337
- Сюйчан 許昌 372
- Сюйчжоу 徐州 173, 357, 364
- Сюйшань 胥山 64
- Сюньян 郇陽 105
- Сяцай 下蔡 150, 346
- Сячжоу 夏州 105, 338

- Сяшуй 夏水 117
 Сяян 夏陽 124
 Сян 湘 286
 Сянчэн 襄城 340, 371
 Сяншуй (Сян) 湘水 286,
 287, 289, 387
 Сяньюань 襄遠 357
 Сяньсянь 獻縣 343
 Сяньян 咸陽 89, 137, 151, 153,
 163, 211, 217, 251, 298, 299,
 332, 334, 335, 338, 342, 344,
 348, 350, 352, 368, 386, 392
 Сяо 蕭 209
 Сяофань 殷阪 369
 Сяошань 殷山 147, 149, 346
- Тайхан 太行 53, 117, 151,
 224, 237, 318, 336, 339, 351,
 369, 370
 Тайху 太湖 327
 Тайхэ 太和 337, 369
 Тайшань 泰山 53, 104, 261,
 317, 374
 Тайэ 太阿 101, 337
 Тайюань 太原 117, 162, 339
 Тан 唐 60, 320
 Танци 堂谿 61, 101, 321
 Тао 陶 154, 156, 158, 207, 218,
 225, 349, 357
 Тогао 橐皋 64, 322
 Тунти 銅鞮 66, 323
 Тунъюлю 屯留 122, 341
- У 吳 *passim*
 У 吳 212, 366
- Уань 武安 254, 338
 Угуань 武關 100, 106, 128,
 130, 283, 310, 336
 Удао 午道 135, 343
 Усуй (в Хань) 武遂 148,
 347, 351
 Усуй (в Янь) 武遂 257,
 260, 348, 378
 Уской (в южном Вэй) 無胥 102,
 337
 Усюй 無胥 117, 339
 Усян 武襄 246, 375
 Усянь 吳縣 321, 337, 365
 Уху 五湖 76, 327
 Уцзюнь 巫郡 105, 130, 206,
 338
 Учжу 五渚 117, 339
 Учэн (в Лу) 武城 76, 78,
 327, 328
 Учэн (в Чжао) 武城 360
 Ушань 巫山 351
 Уян 舞陽 102, 337
- Фанлин 防陵 252, 377
 Фанцзы 房子 377
 Фанчэн 方城 257, 260,
 348, 378
 Фаньюй 方與 209
 Фань (Сяофань) 阪 222, 369
 Фаньян 繁陽 257
 Фусянь 鄜縣 336
 Фуцзяо 夫湫 62, 321
 Фэй 費 145, 346
 Фэйхоу 費邱 80, 329
 Фэн 封 117, 339

- Фэнлин 封陵 118, 340
 Фэнсян 風翔 392
 Фэнь 邠 170, 355
 Фэньцин 汾陰 230, 371
 Фэньшуй 汾水 339, 342, 346, 349, 351, 365, 389
- Хайян 海陽 105, 338
 Хань 韓 *passim*
 Ханьгуань 扞關 130, 342
 Ханьгу(гуань) 函谷關 101, 108, 117, 130, 134, 137, 138, 176, 177, 204, 212, 222, 228, 310, 334, 342, 345
 Ханьдань 邯鄲 50, 98, 112, 134, 135, 155, 162, 163, 186, 188, 189, 191, 195, 198, 202, 212, 230, 236, 254-256, 267, 295, 297, 315, 336, 343, 353, 360, 361, 363, 370, 374, 377, 378
 Ханьчжун 漢中 95, 107, 117, 128, 130, 131, 134, 143, 145, 159, 162, 283, 334
 Ханьшуй 漢水 60, 117, 321, 322, 338, 339, 351, 366, 386
 Хао 鄆 203, 245, 257, 363
 Хаочжи 好畤 300, 392
 Хошань 霍山 320
 Ху 湖 43, 312
 Ху 胡 217, 368
 Хубэй 湖北 314, 320, 321, 346, 350
 Хулин 湖陵 209
 Хунань 湖南 312, 338, 387, 388
- Хуто 淩沱 96
 Хуаи 畫邑 266, 380
 Хуашань 華山 53, 317, 348
 Хуаян (в Хань) 華陽 157, 159, 196, 206, 363
 Хуаян (в Цинь) 華陽 348
 Хуай 懷 223, 369
 Хуайбэй 淮北 114, 116, 211, 243, 366
 Хуайинь 淮陰 274
 Хуайли 槐里 310
 Хуайхэ (Хуайшуй) 淮河 212, 337, 366
 Хуайшуй 淮水 312, 346
 Хуан 黃 207
 Хуанхэ 黃河 45, 53, 89, 90, 98-100, 113, 134, 135, 151, 152, 154, 159, 209, 242, 243, 265, 317, 332, 335-343, 346, 347, 351, 352, 357, 364, 366-369, 371, 376, 385, 389
 Хуанчи 黃池 64, 75, 322
 Хуаньшуй 洹水 100, 125, 336
 Хунгоу 鴻溝 102, 337
 Хунтай 鴻台 133, 343
 Хэбэй 河北 303, 304, 316, 335, 340, 343, 373, 375, 377, 378
 Хэвай 河外 90, 98, 102, 125, 134, 204, 336, 337
 Хэдун 河東 129, 228, 230, 332, 342
 Хэнь 河陰 371

- Хэнань 河南 287, 288, 298-300, 391
 Хэнань (совр.) 河南 *passim*
 Хэнэй 河内 117, 161, 207, 337, 339
 Хэфу 合膊 101, 337
 Хэцзинь 河津 339
 Хэцзэ 荷澤 311
 Хэцзянь 河間 134, 136, 343
 Хэцьюй 河曲 366
 Хэшан 河上 230
 Хэншань 恆山 137, 336, 343
- Цай 蔡 35, 54, 56, 60, 77, 118, 143, 170, 237, 306, 320, 346
 Цайян 蔡陽 157, 350
 Цанъу 蒼梧 105, 338
 Цзаоян 棗陽 320, 350
 Цзекоу 解口 147, 346
 Цзеши 碣石 96, 335
 Цзешигун 碣石宮 170
 Цзи 冀 252, 377
 Цзи 稷 355
 Цзи 幾 164, 352, 374
 Цзи 薊 117, 339
 Цзи 稷 61, 321
 Цзибэй 濟北 272, 381
 Цзимо 即墨 134, 183, 241, 242, 262, 263, 265, 343, 379
 Цзимэнь 棘門 215, 367
 Цзинин 濟寧 338
 Цзиси 濟西 118, 340
 Цзися 稷下 354
 Цзихэ 濟河 113
- Цзицю 薊丘 244, 374
 Цзишань 箕山 31, 303
 Цзишуй 濟水 53, 241, 243, 340, 373
 Цзиян 濟陽 117, 207, 339
 Цзин 荊 40, 311
 Цзин 京 164, 166, 227, 352
 Цзинго 靖郭 357
 Цзинлин 京陵 159, 206, 351
 Цзинчэн 涇城 159, 351, 352
 Цзиншань 荊山 376
 Цзиншуй 涇水 222, 279, 317, 341, 358
 Цзинъян 涇陽 208, 332, 348, 369
 Цзинь 晉 45, 49, 58, 61, 65, 73-76, 92, 155, 157, 233, 235, 315, 316, 323, 327, 333, 341, 343, 345
 Цзиньян 晉陽 208, 365
 Цзоу 鄒 62, 168, 184, 270, 354, 381
 Цзоусянь 鄒縣 381
 Цзуйли 構李 321
 Цзычуань 菑川 80, 329
 Цзюань 卷 102, 125, 157, 337
 Цзююань 九原 96, 136, 335
 Цзюй 苴 122, 341
 Цзюй 莒 179, 241, 242, 244, 262, 265, 266, 341, 359, 373, 379
 Цзюй 劇 359, 379
 Цзюйлу 鉅鹿 166, 353
 Цзюйчао 居巢 59, 60, 320
 Цзюньлин 殘陵 118, 339

- Цзюньсянь 寗縣 339
 Цзялухэ 賈魯河 338
 Цзян 江 156, 349
 Цзянлин 江陵 314, 346
 Цзянси 江西 317, 320, 321
 Цзянсу 江蘇 321, 337, 342,
 365, 366, 369
 Цзяодун 膠東 80, 118, 340
 Цзяоси 膠西 246
 Цзяоши 譙石 118, 340
 Ци 齊 *passim*
 Цинань 蕪南 166, 353
 Цисянь 杞縣 355, 371
 Циюань 漆園 39, 311
 Цинхэ 清河 99, 100, 104,
 113, 134, 135, 328
 Цинь 秦 *passim*
 Цицю 婁丘 369
 Цюаньчэн 卷城 98, 335
 Цюйво 曲沃 124, 126, 143,
 342, 345
 Цюйжэнь 曲仁 38
 Цюйхэ (Хэцюй) 曲河 210,
 366
 Цянь 鬻 59, 320
 Цяньтан 錢唐 327
 Цяньчжун 黔中 105, 106,
 128, 130-132, 159, 206, 338
 Чанго 昌國 241, 374
 Чангэ 長葛 350
 Чанлэгун 長樂宮 145
 Чанпин 長平 160, 163, 190,
 191, 198, 212, 230, 236,
 255-257, 267, 275, 351,
 352, 361, 362, 377
 Чанчэн 長城 374
 Чанша 長沙 289, 290, 294,
 388
 Чаншань 常山 53, 99, 100,
 129, 318, 336, 343
 Чаншэ 長社 157, 350
 Чаосянь 巢縣 96, 335
 Чаосянь 朝鮮 320
 Чаоян 朝陽 304
 Чжантай 章臺 106, 144,
 248, 338
 Чжанхэ 漳河 99, 100, 134,
 336, 343
 Чжаншуй 漳水 98, 335, 336,
 349, 352
 Чжао 趙 *passim*
 Чжаогуань 昭關 58, 221, 319
 Чжаолин 召陵 102, 210,
 337, 366
 Чжаочжуан 趙莊 340
 Чжидо 軹道 98, 117, 335,
 353
 Чжиян 芷陽 299, 300, 392
 Чжохэ 濁河 113
 Чжоу 周 *passim*
 Чжуцзао 煮棗 102, 337
 Чжучэн 諸城 329, 336, 337
 Чжунли 鍾離 58, 59, 320
 Чжунтяо 中條 332
 Чжуншань 重山 98, 146,
 155, 223, 240, 276, 335,
 336, 363, 373, 383
 Чжэцзян 浙江 321, 337
 Чжэн 鄭 40, 43, 58, 60, 65,

- 66, 92, 93, 307, 319, 333
 Чжэн 鄭 124, 160, 210, 316,
 339, 346, 351, 366
 Чжэнь 甄 45, 49, 173, 313,
 357
 Чоюю 仇猶 143, 345
 Чу 楚 *passim*
 Чуцю 楚丘 316, 349
 Чуньхуа 亭化 369
 Чуньшэнь 春申 366
 Чуньюй 亭于 329
 Чэнгао 城皋 100-102, 129,
 133, 135, 224, 336
 Чэнфу 城父 56, 57, 164,
 319, 353
 Чэнь (Чэньчэн) 陳 54, 77,
 102, 159, 170, 213, 237, 337,
 351, 364, 366
 Чэнь 陳 319, 330
 Чэньсянь 陳縣 206, 364
- Шацю 沙丘 225, 240, 370
 Шан 商 90, 93, 126-128, 282,
 331, 332, 341, 342
 Шанбань 商阪 101, 336
 Шангу 上谷 96, 152, 335
 Шандан 上黨 145, 157, 160-
 162, 224, 341, 351, 352, 361,
 362, 369
 Шанло 上雒 119, 340
 Шансянь 商縣 340, 348, 369
 Шанцай 上蔡 210, 366
 Шанцзюнь 上郡 98, 124, 335,
 341
 Шанцю 商丘 311
- Шаньюн 上庸 128, 146, 342
 Шаньдун 山東 303, 307,
 311, 316, 325, 326, 329,
 336-338, 340, 350, 356,
 371, 374, 375, 376, 381
 Шаньси 山西 304, 316, 318,
 332, 334, 335, 339, 343-
 345, 351, 365, 378
 Шаолян 少梁 124, 341
 Шаосин 紹興 321
 Шаоцюй 少曲 117, 118, 228,
 339, 370
 Шигу 什谷 122
 Шичэн 石城 250
 Шичэншань 石城山 337
 Шосянь 朔縣 334
 Шоу 首 158, 207, 218, 222,
 350
 Шоугуан 壽光 329
 Шоулин 壽陵 299, 392
 Шоучжан 壽長 350
 Шоучунь 壽春 213, 257,
 320, 346, 366, 367, 378
 Шоуян (Шоучунь) 壽陽 378
 Шоуян 首陽 22, 32, 110,
 304
 Шу 舒 222, 334, 341, 346,
 356
 Шу 蜀 59, 95, 107, 116, 122,
 123, 130, 134, 145, 236,
 237, 299, 300, 320, 369
 Шэндоу 笙賣 306
 Шэнму 勝母 279, 385
 Шэньси 陝西 310, 317, 319,
 336, 340, 341, 347, 348,

- 355, 368, 369, 392
 Шэньсянь 陝縣 342, 375
 Шэньцю 沈丘 352
 Шэньчэн 陝城 342
- Юли 隴里 270, 381
 Юань 沅 101, 117, 154, 177, 336
 Юань 宛 207
 Юань 垣 286, 387
 Юаньин 元英 244, 374
 Юаньу 原武 335, 352
 Юаньфэн 宛馮 101, 337
 Юаньцюй 垣曲 335, 351
 Юаньчэн 垣城 159, 338, 351
 Юаньюн 垣雍 162, 352
 Юаньян 原陽 352
 Юй 於 126-128, 282, 332, 342
 Юйгуань 於關 318
 Юйцы 榆次 207, 365
 Юйчжан 豫章 60, 320
 Юн 雍 89, 299, 300, 332, 342, 392
 Юн 鄘 333
 Юнци 永濟 304
 Юнши[чэн] 雍氏城 146, 147, 346
 Юнь 鄆 60, 320
 Юньмэн 雲蒙 60, 320
 Юньчжун 雲中 96, 100, 136, 335
 Юэ 越 60-64, 73, 75, 140, 150, 208, 237, 274, 278, 327, 337
- Ян 楊 237, 372
 Янгу 陽鼓 307
 Янма 陽馬 118, 340
 Янцзинь 陽晉 105, 125, 131, 247, 338, 343, 376
 Янцы 揚子 22, 58, 64, 65, 78, 80, 117, 129, 130, 150, 212, 214, 284, 320, 342, 351, 366, 372, 387
 Янчан 羊腸 53, 237, 318, 351
 Янчжай 陽翟 295, 316, 389
 Янчэн 陽城 347
 Янь (царство) 燕 *passim*
 Янь (в Вэй) 燕 125, 207, 342
 Янь (в Чу) 鄢 64, 106, 159, 162, 164, 187, 206, 218, 236, 322, 352, 353
 Янь (между Вэй и Чу) 鄆 102, 337
 Янь (Яньди) 衍 102, 125, 207
 Яньлин 焉陵 210, 213, 366, 372
 Яньмэнь 鴈門 258, 378
 Яньшуй 衍水 164, 352
 Яньюй 關與 164, 252, 254, 255, 352, 377
 Япония 314

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

(роды, кланы, племена и народности)

- байюэ 百越 166
 Бао[-ши] 鮑氏 47, 63, 64,
 322
 Билян[-ши] 卑梁氏 58

 Ван[-ши] 王氏 166
 Вэй[-ши] 魏氏 153

 Гао[-ши] 高氏 47
 Го[-ши] 國氏 47
 Гунсунь[-ши] 公孫氏 85,
 141

 даньлань 檐檻 260, 378
 ди 狄 91, 122, 123
 дуньи 東夷 114
 дунху 東胡 260

 жун 戎 91, 122, 123, 277,
 333, 345, 353

 и 夷 137, 142, 345
 ицзюй 義渠 219, 368

 Кун[-ши] 孔氏 84

 лай 萊 35
 Ли[-ши] 李氏 38
 линьху 林胡 96, 260, 335

 лоуфань 樓煩 96, 335

 мань 蠻 77, 137, 142, 349
 Ми[-ши] 采氏 153
 мо 貊 77, 227
 Мэн[-ши] 蒙氏 166, 353

 наньюэ 南越 54, 61

 саньмяо 三苗 53, 317
 сижун 西戎 344, 368
 сюнну 匈奴 24, 258, 260
 Ся-хоу[-ши] 夏后氏 329

 Танци[-ши] 堂谿氏 61
 Тянь[-ши] 田氏 45, 47,
 173, 262, 313, 315, 379

 Фань 範 237

 Хоу[-ши] 后氏 160
 ху 胡 227
 Хуа[-ши] 華氏 58
 Хуан[-ши] 黃氏 206
 Хэ[-ши] 和氏 249

 Цзи[-ши] 姬氏 82
 Цзи[-ши] 季氏 67, 69, 324
 Цзян[-ши] 姜氏 315

Чжи[-ши] 智氏 207

Чжоу[-ши] 周氏 60

Чжунхан 中行 237

шаньжун 山戎 307

Юэ[-ши] 樂氏 240, 246

УКАЗАТЕЛЬ КИТАЙСКИХ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- ба (бо)* 霸 (伯) - гегемон 331
- ба-ван* 霸王 - ван-гегемон
34, 37, 72, 106, 109, 233, 386
- бацзы* 八子 - наложница
4-го ранга 348
- байсин* 百姓 - сто фамилий,
народ, люди, население 45,
46, 74, 91-93, 225, 232,
237, 241, 273
- байцзинь чжиши* 百金之士 -
1) воины, достойные на-
грады в сто золотых за
отвагу; 2) воины из бога-
тых семей 378
- байцзя* 百家 - философы и
мыслители всех школ 371
- байцзя чжишо* 百家之說 -
учения всех ста школ 231
- баньча* 版插 - доски для
защитных городских стен и
заступ для их засыпки 379
- баобянь* 褒貶 - принцип
одобрения [положительного]
и порицания [отрицатель-
ного] 19
- баоцзячжиду* 保家制度 -
система круговой поруки в
деревне 331
- Би* 畢 - созвездие *Би* (Вилы),
19-е из 28-и древне-
китайских зодиакальных со-
звездий; вписывается в
европейское созвездие
Тельца 81, 82
- би* 璧 - круглая драгоценная
яшма, регалия (с квадрат-
ным или круглым отверсти-
ем) 376
- бин* 秉 - мера сыпучих тел
(ок. 300 л) 82, 330
- бинфа* 兵法 - законы
ведения войны 47
- бинфу* 兵符 - верительная
бирка военачальника на
право управления войсками
и выступления в поход 363
- бинькэ* 賓客 - пришлые
советники, гости 93, 110,
166, 175-177, 180, 181, 183-186,
196-199, 202-205, 212, 216,
217, 231, 237, 238, 252, 273,
274, 296, 298, 359, 360, 376
- бо* 搏 - азартные игры 363
- боши* 博士 - ученый муж,
ученое звание 288
- бугуан* 步光之劍 - мечи
"Бугуан" 75
- бяньши* 辯士 - хороший

- оратор, полемист, краснобай, спорщик 239
- бяо 表 - специальный шест для определения времени дня 45, 313
- ван 王 - князь, государь *passim*
- ваньсуй 萬歲 - восклицание, выражающее восторженное одобрение 248, 265, 376
- вань чэн 萬乘 - десять тысяч боевых колесниц (синоним величия княжества) 327
- вань 聞 - "известность" в обществе с рядом отрицательных черт (в конфуцианском понимании) 392
- говэй 國尉 - начальник военного приказа княжества (то же, что давэй) 255, 350
- гуажэнь 寡人 - я, [смиренный] 92
- гуаньшуцзы 館豎子 - служитель подворья для приезжающих 140
- гун 公 - один из высших аристократических титулов *passim*
- гунцзы 公子 - княжич 196-199, 202-204, 331, 360, 362
- гэди 割地 - отвести, отрезать земли 361
- гэн-цзы 庚子 - 28-й день 4-й луны 290, 388
- гэн-чэн 庚辰 - 28-й день 11-й луны 60
- далюй 大呂 - большой храмовый колокол 360
- далянцзао (или дашанцзао) 大良造 - 16-й ранг знатности в Цинь 89, 159, 332, 336
- дасыма 大司馬 - главный военачальник, старший командующий 47
- дафу 大夫 - сановник 36, 59, 70, 172, 232-235, 237, 238, 356, 371, 386
- даци 大期 - большой срок 390
- дашанцзао 大上造 - то же, что далянцзао 332
- дайчжэ 怠者 - тот, кто ленится (не занят в земледелии) 88, 331
- Дао 道 - Великий Путь [устремлений и поведения]; всеобщий закон природы 17, 33, 38, 39, 44, 61, 71, 76, 78-80, 171, 190, 232, 234, 235, 279, 282, 292, 304, 310, 324
- даодэ 道德 - принципы Великого Пути и добродетели 38, 44, 171, 172, 282

- доу 斗 - единица объема
сыпучих тел (равна 10,8 л)
257
- дувэй 都尉 - военный
чиновник, воевода, военачальник области 160, 165, 190
- дэ 德 - добродетель, нравственность, этическая норма
38, 44, 79, 171, 282, 310
- ечжэ 謁者 - чиновник по поручениям, церемониймейстер 228
- жоутань цянъян 肉袒牽羊 - обнажить плечо и вести барана (сдаться на милость победителя) 376
- жэнь 仞 - мера длины (около 2,5 м) 156
- жэнь 仁 - человеколюбие, гуманность, милосердие, человеческое 19, 21, 66-69, 77, 78, 80, 81, 323, 324
- и 義 - справедливость и долг 19, 21, 306
- и 溢 - мера веса, равная 24 лянам; следовательно в эпоху Чжоу и составлял около 358 г, а с сер. IV в. до н.э. и до реформ Ван Мана - 387 г 74, 265, 327
- иньянцзя 陰陽家 - школа натурфилософии 354
- кэцзянцзюнь 客將軍 - военачальник из числа пришлых людей 267, 268
- кэцин 客卿 - старший сановник из числа пришлых ученых мужей III, 121, 154, 157-159, 223, 238, 245
- лань 覽 - обзор, часть книги Люй ши чунь-цю 391
- лехоу 列侯 - княжеский ранг, владетельный князь (синоним - чжухоу) 131, 132, 228, 288, 293
- ле чжуань 列傳 - жизнеописание, биография *passim*
- ли 禮 - обряды, ритуал, церемония, этикет, нормы нравственного поведения 71, 81, 87, 306, 309
- ли 里 - мера длины (с сер. IV в. до н.э. до нач. I в. н.э. - около 498 м) *passim*
- лин 令 - начальник уезда 89
- линъинь 令尹 - первый советник в Чу (аналог сянэ) 38, 54, 65, 147, 284, 310, 356, 384
- лоу 漏 (или хулоу 壺漏) - водяные часы, клепсидра, в которых текущая из верхнего сосуда в нижний вода отмечает время 45, 313

- любо* 六博 - древняя игра в кости 104, 338
- лю* и 六藝 - 1) шесть искусств (этикет, музыка, стрельба из лука, управление лошадьми, каллиграфия, счет); 2) классическое конфуцианское шестикнижие 31, 303
- люцинь* 六親 - шесть ближайших родственников 35, 306
- лян* 量 - мера веса (в эпоху Чжоу 14,9 г, с сер. IV в. до н.э. и до реформ Ван Мана - 16,1 г) 327
- лянь* 廉 - бескорыстие и бережливость 306
- ляньхэн* 連橫 - союз княжеств по горизонтали (с запада на восток) 99, 168, 187, 237, 333, 335, 340
- ляньцзо* 連坐 (или суйцзо 隋坐) - привлечь к ответственности близких родственников или соседей (круговая порука) 377
- Мао* 關 - созвездие *Мао* (Плеяды) 275, 382
- мин* 命 - небесная воля, судьба, жизнь 17
- минцзя* 名家 - философская школа логиков-номиналистов
- листов* 356, 363
- мучжимин* 墓誌銘 - надгробные надписи на камне 26
- наньмянь* 南面 - сидеть лицом к югу, т.е. быть правителем, *ваном* 324, 363
- небэй* 嚙臂 - укусить свою руку (выше локтя) в знак клятвы 316
- нубэй* 奴婢 - рабы обоюго пола 382
- няньпу* 年譜 - краткие хронологии жизни 27
- пэнфоу* 盆缶 - глиняный таз, по которому циньцы барабанили в такт песням 251, 377
- пянь* 篇 - глава (книги) 314
- сань гуй* 三歸 - 1) наличие в доме трех жен из разных фамилий; 2) башня "тройное убежище" 307
- сань гун* 三公 - три высших сановника (*тайши*, *тайфу*, *тайбао*) 380
- сань цзюнь* 三軍 - три армии, все рода войск, все войско 313
- си* 兮 - благозвучная эфоническая частица в древних

- стихах, завершающая строфу (на месте цезуры) 387
- сшиоу* 犀首 - военный титул 336
- синжэнь* 行人 - чиновник посольского приказа (ведал делами послов и гостей) 59, 320
- син-мин* 刑名 - учение о наказаниях и соответствии их сути содеянного, о соотношении сути и формы в управлении 40, 85
- сыбай* 司敗 - управитель судебных дел и наказаний в Чэнь и Чу (то же, что в других княжествах именовалось *сыкоу*) 82, 330
- сы* вэй 四維 - 1) четыре принципа поведения (обряды, долг, бескорыстие и бережливость, стыд); 2) четыре стороны света 306
- сыкоу* 司寇 - управитель судебных дел и наказаний 330, 370, 383
- сыма* 司馬 - командующий, начальник военного приказа за 57, 65
- сычэнцзы* 司城子 - заведующий крепостными стенами 383
- сюаньли* 縣藜 - драгоценные камни из княжества Вэй 219
- сюань-сяо* 玄枵 - участок небесного свода, включающий европейские созвездия Водолея и Пегаса; связан с движением Юпитера во 2-й год его 12-летнего цикла 388
- сюнь (синь)* 尋 - мера длины, равная 7 чи (более 2 м) 132, 343
- сэцинь* 瑟琴 - гусли, цитры с разным количеством струн 338
- сян* 相 - высший сановник, первый советник государя *passim*
- сянго* 相國 - государственный (первый) советник (в Цинь) 230, 257, 298, 299
- сянши* 相士 - гадатель-физиогномист 371
- сяо* 孝 - сыновнее почитание, сыновняя любовь (одна из конфуцианских заповедей) 78, 316, 385
- сяо* 鴞 - сова 290
- сяолинъинь* 小令尹 - младший первый советник в Чу 147
- тайвэй* 太尉 - начальник военного приказа; командующий войсками 350
- тайлао* 太牢 - "большое лао" - принесение в жертву

- трех животных (быка, барана и кабана) 381
- тайфу* 太傅 - старший наставник наследника престола, один из трех гунов 39, 56, 290
- тайхоу* 太后 - вдовствующая императрица или княгиня 146, 219, 221, 224, 225, 299, 300, 348, 369
- тайцзай* 太宰 - главный управитель всех дел княжества 62-64, 74
- тайчжундафу* 太中大夫 - придворный советник 288, 305
- тайши* 太史 - главный историограф, летописец 235, 266, 372
- тайшигун* 太史公 - придворный историограф, старший историограф двора (пост Сыма Цяня) *passim*
- танмуи* 湯沐邑 - "банные поместья", подворья знати 98, 203, 335
- таоу* 耨耜 - хроники царства Чу 374
- тицзюй (тацзюй)* 踢鞠 - игра в мяч ногами 104, 338
- тинзэй* 廷尉 - судья 287, 288
- ту* 圖 - карта 314
- тун* 僮 - слуга, раб, юный раб 391
- тянь* 天 - Небо, верховная всемогущая сила 16
- тянься* 天下 - Поднебесная, Китай 303
- у ба* 五霸 (у бо 五伯) - пять князей-гегемонов периода Чуньцю 363
- увэй* 無爲 - "безучастие", "недеяние" - один из постулатов даосизма 385
- удафу* 五大夫 - 9-й ранг в 20-ступенной титулатуре Цинь-Хань 162, 223, 348, 358
- у-ди* 五帝 - пять легендарных императоров древности 326
- фа* 法 - закон 317, 356
- фацзя* 法家 - школа законников, легистов 312, 331, 356
- фаньянь* 反玷 - постамент для пиршественных сосудов; щиты за креслами сановных гостей 307
- фу* 釜 - мера объема (около 12 л) 82, 330
- фу* 負 - норма, долг 306
- фу* 賦 - ода 285, 287, 385, 387
- фу* 服 - сова (в Чу) 290
- фугуй* 富貴 - богатство и знатность 304

- фуфу 籠籠 - склонить голову, признать свою вину, пойти на плаху, сдаться на милость победителя 376
- фу чжуань 附傳 - жизнеописания с многими второстепенными персонажами 15
- фу юэ 鈇鉞 - боевой топор, секира 314
- ханьлу 韓廬 - одна из пород свирепых гончих собак 222, 369
- хоу 侯 - княжеский титул 123, 126, 165, 210, 254, 278, 288, 341, 346, 363, 384, 387
- хоугун 後宮 - Задний дворец, гарем, женская половина дворца 276
- хулянь 瑚璉 - жертвенные сосуды (короба) для зерна в храме предков (в Ся и Инь) 326
- хуфу 虎符 - верительная бирка с фигурой тигра 363
- хэпу 和朴 - драгоценные камни из царства Чу 219
- хэцзун 合從 - союз княжеств с севера на юг (по вертикали) 97, 106-108, 168, 187, 190, 194, 195, 207, 212, 237, 241, 333, 335, 338, 360, 364
- хэ чжуань 合傳 - парные жизнеописания 14
- хэн - см. лянхэн
- цантоу 蒼頭 - слуга или легковооруженный воин, носивший синюю головную повязку 103
- цанхо 蒼獲 - раб и рабыня, рабы 237, 382
- цацзя 雜家 - философская группа (электики) 356
- цзелу 結綠 - драгоценные камни из княжества Сун 219
- цзецзянь 節儉 - экономия, бережливость, сдержанность (один из принципов Моцзы) 385
- цзи 戟 - алебарда, бердыш, копье с широким лезвием 314
- цзи 紀 - записи (раздел книги Люй-ши чунь-цю) 39, 391
- цзися 稷下 - философская академия в Ци 312, 354, 355
- цзицзю 祭酒 - поднесение вина духам (часть церемонии жертвоприношения духам предков, позднее - должность виночерпия при этих обрядах) 355

- цзинь* 斤 - мера веса (при-
мерно 516 г) 257, 363
- цзинь шан* 今上 - нынешний
верховный правитель, "за-
менитель" табуированного
имени императора 16
- цзогэн* 左更 - 12-й ранг в
20-разрядной титулатуре
Цинь 159, 350
- цзошучжан* 左庶長 - 10-й
ранг в 20-разрядной титу-
латуре Цинь 88, 159, 160,
338
- цзун* - см. *хэцзун*
- цзунхэнцзя* 縱橫家 - школа
дипломатов, полемистов-
эклектиков, софистов-
политиков, сторонников
союза княжеств либо по
горизонтали, либо по вер-
тикали 333, 334
- цзюань гуаньшэ* 捐官舍 -
покинуть землю и свое
бренное жилище, т.е.
умереть 370
- цзюбинь* 九賓 - девять
рангов знати; девять
рангов среди приезжих
гостей; девять представи-
телей приезжих ученых 376
- цзюдин* 九鼎 - девять
треножников (символ выс-
шей государственной влас-
ти); набор жертвенной
утвари 341
- цзюдиндаолю* 九鼎大呂 -
девять треножников и боль-
шой храмовый колокол
(символы государственной
власти Китая) 360
- цзюйлай* 距來 - вид арба-
лета или лука 101
- цзюйфан* 鉅防 - крупные
оборонительные сооруже-
ния 339
- цзюйчэнь* 具臣 - 1) опытный
чиновник; 2) бездеятельный
чиновник 325
- цзюнь* 君 - правитель 42, 156,
174, 175, 177, 180, 182, 184-
186, 188, 189, 228, 237, 238,
266
- цзюнь* 鈞 - мера веса,
равная примерно 18 кг
72, 327
- цзюнь* 郡 - район, область
327, 374
- цзюньванхоу* 君王后 -
титул супруги циского
Сян-вана 266
- цзюньцзы* 君子 - совершен-
номудрый, благородный,
совершенный человек,
достопочтенный муж 372
- цзюньчжэн* 軍正 - чиновник,
следивший за исполнением
военных законов, военный
юрист 46, 313
- цзя чжу* 豶豬 - клыки
кабана, носимые на поясе с

- целью устрашения; ножны
меча, сделанные из кабань-
ей кожи 325
- цзянцзюнь* 將軍 - коман-
довать войсками, команду-
ющий 313
- цисюн* 七雄 - семь сильней-
ших княжеств в период
Чжаньго 315
- ци-цзы* 谿子 - тип арбале-
та, лука 101
- цин* 卿 - высший сановник в
княжествах чжоуского Китая
18, 39, 52, 65, 97, 171,
195, 239, 280, 294, 347, 355
- цин* 頃 - мера площади,
равная примерно 6,144 га
108
- цинчжун* 輕重 - "легкое и
тяжелое" - политика регу-
лирования (например, цен)
236, 306
- цинъюнь* *чжи ши* 青雲之士 -
(подняться в синие
облака), достичь извест-
ности, славы и почета 370
- цинъ* (*цинъсэ*) 琴瑟 - род
цитры или гуслей 250,
251, 377
- чаньянь* 單闕 - 2-й год
12-летнего цикла Юпитера
290, 388
- чан* 鄣 - укрепленный
пункт 351
- чжи* 知 - знание 81
- чжигуй* 執珪 - держать
скипетр, знак сановного
достоинства; чуский чин
58, 319
- чжи-нан* 知囊 - досл.:
"мешок знаний", прозвище
Чули-цзы 143
- чжоу* 州 - округ 169
- чжу* 筑 - гусли 338
- Чжулоу* 屬鏤 - название
меча, поднесенного У Цзы-
сюю для того, чтобы он
покончил с собой 63
- чжулян* 銖兩 - мельчайшее;
мелкие меры веса 327
- чжухоу* 諸侯 - владетельные
князья *passim*
- чжундафу* 中大夫 -
придворный советник,
церемониймейстер 80, 216
- чжун коуюэцзинь* 衆口樂金 -
"голос толпы способен
расплавить металл" 383
- чжунсе* (*чжуншиэ*) 中謝 -
помощник цензора 140, 344
- чжунфу* 中父 - титул,
который присваивался
младшим братьям отца
вана 288, 298, 300, 391
- чжуншуцзы* 中庶子 - входя-
щий в свиту чиновного ли-
ца 85, 331
- чи* 恥 - стыд (один из
четырёх принципов поведе-

- ния сы вэй) 306
- чи 尺 - мера длины (в эпоху Чжоу - 19,9 см, с сер. IV в. и до нач. н.э. - 27, 65 см) 36, 44, 80, 166, 223, 307, 329, 343, 377
- Чисянь шэньчжоу 赤縣神州 - золотые уезды и священные округа (образное название Китая) 169, 355
- чуай мо 揣摩 - догадаться, уяснить 334
- Чуцы 楚詞 - чуские строфы (поэтический жанр) 386
- чунь-цю 春秋 - весны и осени; летопись, хроника, анналы 11, 13, 195, 298, 374
- чэн 丞 - помощник начальника уезда 89
- чэн 乘 - хроники царства Цинь 374
- чэнсян 丞相 - первый советник в Цинь 143, 145, 146, 298, 312, 361
- шандафу 上大夫 - старший сановник 250
- Шанди 上帝 - верховный владыка 324
- шанкэ 上客 - старший среди ученых мужей 279
- шанцин 上卿 - старший сановник 149, 152, 190, 229, 247, 251
- шаньюй 單于 - вождь сюнну 260
- ши 師 - наставник (в военных делах) 50
- шивэй 侍衛 - телохранитель, стражник 326
- шили 時力 - тип арбалета или лука 101
- шшу 什伍 - система пятерок и десятков семей; система круговой поруки 331
- шуфу 叔父 - дядя 391
- шуцзы 豎子 - сыновья от второстепенных жен, от наложниц 347
- шэжэнь 舍人 - приближенный, секретарь, человек из свиты 121, 138, 298, 331
- югэн 右更 - 14-й ранг в 20-ступенной титулатуре Цинь 143, 345
- юаньшо 元朔 - девиз правления императора У-ди (128-123 гг.) 80
- юй 庾 - мера объема сыпучих тел (прибл. 174 л) 82, 330
- юй 竽 - свирель 338
- юйши 御史 - летописец, историограф 250
- юнши 勇士 - храбрец 368
- яцин 亞卿 - второй по рангу сановник 240, 243

SUMMARY

This volume is a new one in a series of books representing the first complete translation into Russian, combined with scholarly comments, of Ssu-ma Ch'ien's "Historical records" (*Shih chi*), a masterpiece of the ancient Chinese historiography created more than two thousand years ago. It consists of 130 chapters, with over 526 thousand hieroglyphs. By analogy with the ancient Greek Herodotus, Ssu-ma Ch'ien has been called "father of Chinese history". His work, however, is not only larger in sheer volume, but also much more extensive and complex in scope and structure.

Six volumes of the "Historical Records" have already appeared: vol. I (1972) and vol. II prepared in collaboration with V. Taskin, contain 12 chapters of the "Annals" (*Pen chi*); vol. III (1984) represents 10 chapters (13–22) of the "Chronological Tables" (*Piao*); vol. IV (1986) contains 8 chapters (23–30) of the "Treatises" (*Shu*), where various spheres of social life, culture, sciences, etc. are described; in vol. V (1987) and VI (1992) 30 chapters (31–60) comprising the fourth part of the "Historical Records" – "Histories of Hereditary Houses" (*Shih chia*) – can be found. The current book, vol. VII, opens the fifth part of *Shih chi* entitled "Biographies" (*Lieh chuan*), presenting in its 70 chapters many prominent historical and public figures of ancient China.

The appearance of *Lieh chuan* signified the birth of a new genre of biography-writing in the Chinese historiography. It will be recalled that the genesis of this kind of literary work is usually a cumulative result of two kinds of circumstances. The first kind implies the existence of a more or less developed historiographic tradition upon which a biography-writer can rely. The second implies the presence of certain ideas and notions concerning the role real human beings, rather than gods and mythical heroes, play in the course of historical events. This refers to a departure from mythological consciousness and a transition to the initial stages of a true historical approach.

The name *Lieh chuan* seems to be invented by Ssu-ma Ch'ien himself. *Lieh* should be translated as "to enumerate", "to arrange in a certain order"; *chuan* means "to inform, to describe, to disseminate information". Together the two words should mean "those arranged in order of description, presentation". "Biographies" look like the most appropriate variant of conveying this word-combination into Russian or English.

Ssu-ma Ch'ien, who lived 150 years before Plutarch, created a most impressive variety of biographies. He was primarily drawn to outstanding people who sometimes fell prey to unfortunate circumstances; he was also greatly con-

cerned with moral issues, mainly in their Confucius interpretation. But even extolling the virtues of his protagonists, whether real or imaginary, did not prevent this author from overlooking their mistakes, faults or even criminal deeds.

The kaleidoscope of the *Lieh chuan* major characters, similar to C. Suetonius, does not include monarchs, whose biographies can be found in the first part of the "Historical Records" – *Pen chi*; the same is true in regard of the princely Chinese nobility, described mainly in the fourth part of the "Historical records" – *Shih chia*. In the "Biographies", the reader comes across many different people representing the highest society stratum, the middle, the educated part of the population, and even the lower classes; these are prominent statesmen, commanders and scholars, court physicians, fortune-tellers, jesters and poets, virtuous and hard-hearted officials, wise advisers and many, many others. The result is a broad panorama of the Chinese society in the 1st millennium BC created by a conscientious and rather critical observer.

Volume VII comprises the first 25 chapters of the *Lieh chuan* section (61–85). The characters described here include Bou I and Shu Ch'i of the Chou period (chapter 61); Guan' Chun (chapter 62) and the first *Tao* preachers, beginning with the semi-legendary Lao-tsu (chapter 63). The story of the lives and deeds of some of the famous military and public figures of different principalities and kingdoms are recounted in the other group of chapters; these include Ssu-ma Jan-tsyu' from Ch'i (chapter 64); military leader U Tsu-sui from Ch'u (chapter 66); and the military thinkers of the ancient China (chapter 65).

The figures that moved to the forefront of the public scene during the Chan-kuo period, that of the life-and-death intestine struggles for hegemony in the Chinese Empire, are described in chapters 67–85. Among them four famous counsellors, Pien'yuan'-chün from Chao, Meng T'ien-chün from Ch'i, Sinlin-chün from Wei and Chun'shan'-chün from Ch'u, together with well-known commanders and diplomats (Su Ch'in and Chan I) are worth mentioning.

Some space should be devoted here to Ssu-ma Ch'ien's universal philosophic ideas that run through his "Biographies". The author's unshakeable faith in the Almighty Heaven (*t'ien*) is demonstrated many times in *Shih chi*, and the "Biographies" section is similar in this respect to all the other parts of the "Historical Records". Only once does the author take the liberty of expressing open doubt about the absolute fairness of all that is sent by the Heaven. Thus, while grieving over the tragic death of Bo I and Shu Ch'i, the most virtuous heroes, Ssu-ma Ch'ien exclaims: "Where is the Heaven's retribution to the deserving people? Chi, a murderer and robber, killed a lot of innocent people, ate human liver, committed many an evil deed, yet lived to see his very old age... That is why I am in deep doubt as to what the Heavenly *Tao* really is". It was only on one occasion, however, that the historian vented doubts of this kind; as a rule, his faith in the Heaven (*t'ien*) and fortune (*min*) is unshakeable and abiding.

This faith goes hand in hand with the notion of the universal inconstancy and transitory character of people's earthly life. The overall changeability is, in turn, subject to the cyclic development of the universe; this idea, one of the fundamentals of Chinese classical philosophy, was disputed by Ssu-ma Ch'ien as early as in the epilogue of chapter 8.

"Biographies", similarly to the other parts of the "Historical Records", contain not a few observations concerning principles of state government, the image of an ideal ruler, and the moral virtues of the statesmen and the ordinary people which should be most highly valued. All this is none other than the essentials of classic Chinese philosophy, and so it is not surprising that Confucianism and *Tao* ideas together with the legalist ones are found in *Lieh chuan*.

As for human ethics and the typology of the people's characters presented in the "Biographies", the latter bears a certain similarity to the ethics system of Aristotle's. The choice of the characters is based primarily, by analogy with Plutarch, on the appraisal of moral criteria. Though Ssu-ma Ch'ien praises, in accordance with the Confucius doctrine, *jen* ("love of fellow-men") and *i* ("fairness and duty"), of many of his characters, his estimates are far from being narrow or unidirectional. Thus, prominent figures of the Chan-kuo period Su Ch'in and Chan I are criticised for their disposition to engage in adventures and Fan' Sui' is blamed for provoking aggressive wars of the Ch'in kingdom; the author shows how Yao I's arrogance and brutality brought him a life crash; Lin' Syan-ju's courage and political flexibility are favoured by the author's glowing praise.

In conclusion, it should be noted that all the indices traditionally presented in the previous volumes of the "Historical Records", can also be found in this book (these are Indices of the Chinese sources, proper names and titles, geographical names, special terms and ethnic names); however, seven historical and geographical maps and plans are introduced for the first time.

Научное издание

Сыма Цянь

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Том VII**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

**Редактор В.Б.Меньшиков
Младший редактор Л.В.Исаева
Художественный редактор Б.Л.Резников
Технический редактор Е.А.Пронина
Корректор В.И.Мартынюк**

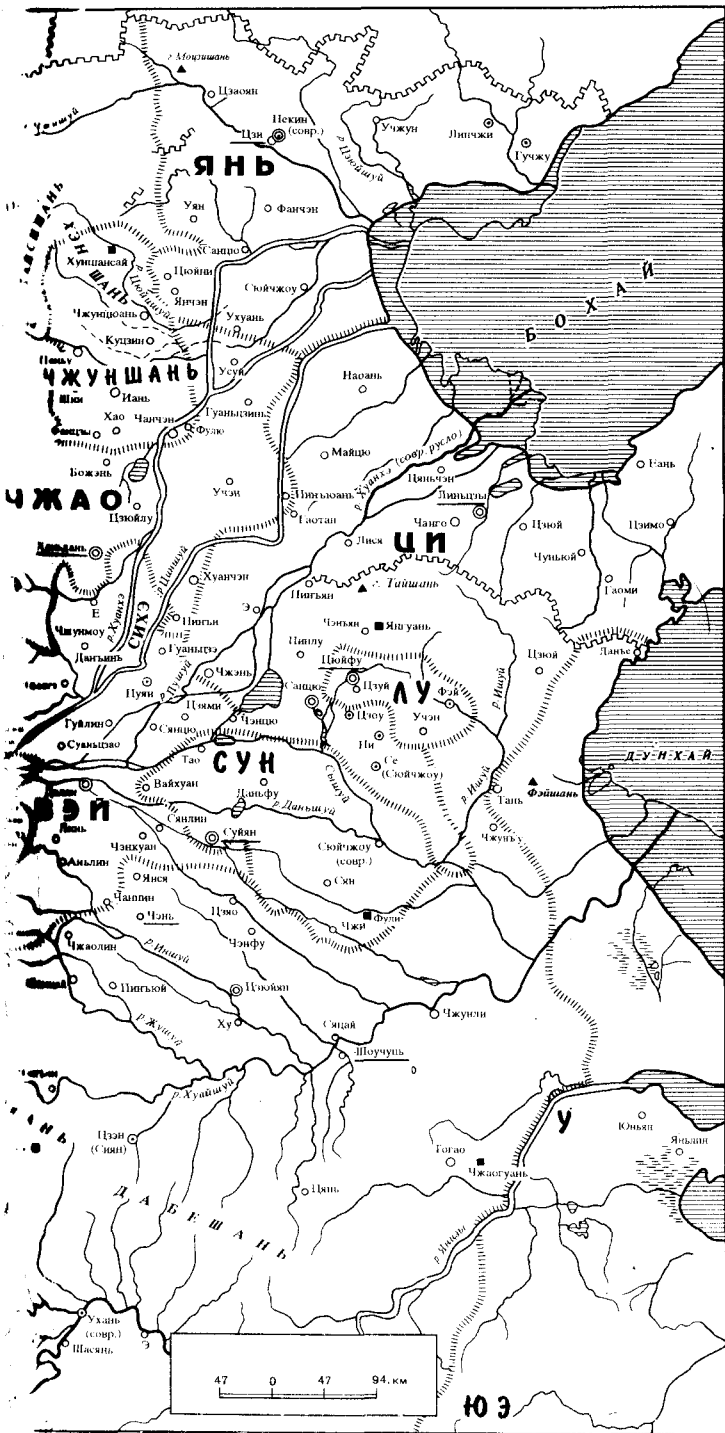
**ЛР № 020910 от 02.09.94
ИБ № 17391**

**Сдано в набор 10.12.95
Подписано к печати 12.03.96
Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл. п.л. 29,0
Усл. кр.-отг. 31,25. Уч.-изд. л. 29,5
Тираж 3000 экз. Изд. № 7650
Заказ 4085 «С»—1**

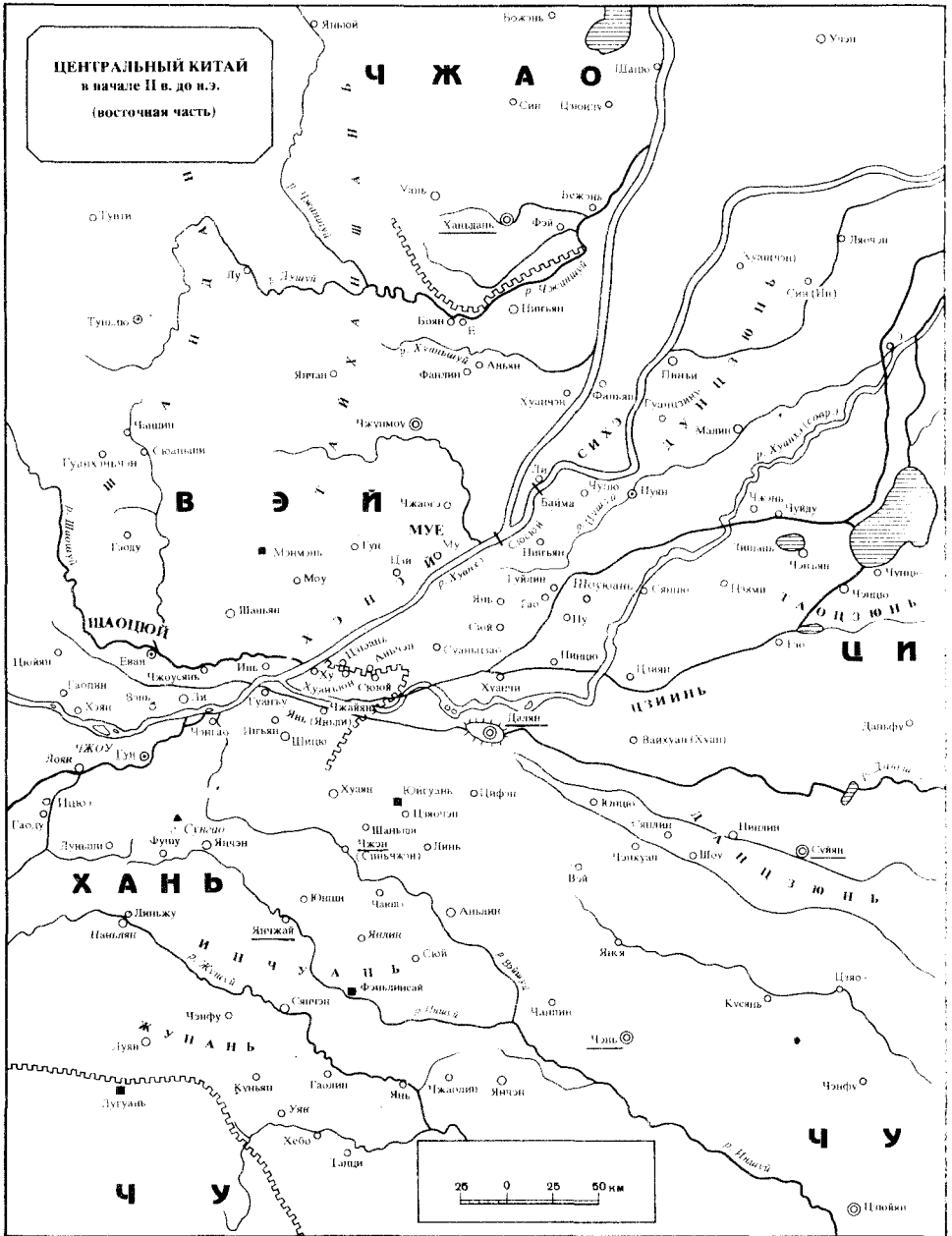
**Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар**

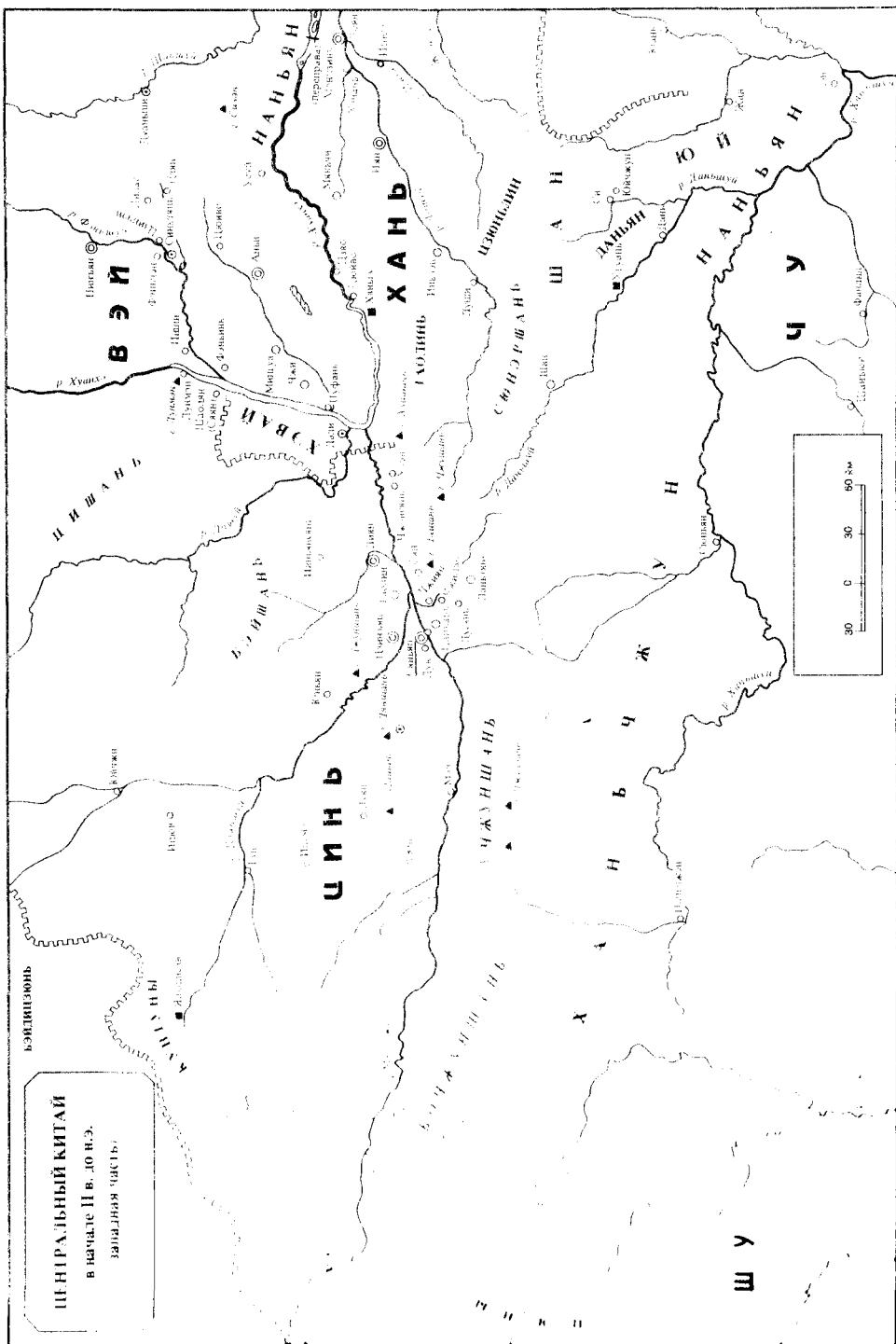
**Московская типография № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6**

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КИТАЙ
 в начале II в. до н.э.
 (восточная часть)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КИТАЙ

в начале II в. до н.э.
восточная часть

